

Белорусский государственный университет
Республиканский институт китаеведения имени Конфуция
Кафедра языкознания и страноведения Востока БГУ
Минский городской научно-педагогический центр «Тайген»

**ПУТИ
ПОДНЕБЕСНОЙ
中国之路**

**Сборник научных трудов
论文集**

**Выпуск V
第五集**

**В двух частях
两册**

**Часть 1
上**

Минск
РИВШ
2015

УДК 811.58/082
ББК 81.2Кит.я43
П90

Сборник основан в 2006 году

Рекомендовано
советом Республиканского института китаеведения имени Конфуция
Белорусского государственного университета
7 декабря 2014 г.

Редакционная коллегия:
доктор филологических наук, профессор А. Н. Гордей (отв. ред.);
Чрезвычайный и Полномочный Посол Китайской Народной Республики
в Республике Беларусь Цуй Цимин (зам. отв. ред.);
хабилированный доктор исторических наук, профессор Е.Ю. Стабурова;
кандидат экологических наук, доцент Лю Сулин;
кандидат филологических наук, доцент Л. М. Серeda;
кандидат искусствоведения, доцент Е. Ф. Шунейко;
кандидат исторических наук, доцент В. Р. Боровой

Рецензенты:
доктор филологических наук, профессор Е.Н. Руденко;
доктор филологических наук, профессор В. И. Коваль

П90 **Пути Поднебесной** : сб. науч. тр. Вып. V. В 2 ч. Ч. 1 / редкол.: А. Н. Гордей (отв. ред.), Цуй Цимин (зам. отв. ред.). – Минск : РИВШ, 2015. – 391 с.
ISBN 978-985-500-641-2.

Сборник подготовлен по материалам V Международной научно-теоретической конференции «Китайская цивилизация в диалоге культур», проходившей в Минске 27–28 ноября 2014 г. в Белорусском государственном университете. В статьях раскрываются китаеведческие проблемы в таких отраслях научного знания, как лингвистика, литературоведение, международные отношения, география, история, философия, юриспруденция, религиоведение, искусствоведение, педагогика.

Предназначен для научных работников, преподавателей китайского языка и литературы, аспирантов, магистрантов, студентов, а также для всех интересующихся китаеведением.

УДК 811.58/082
ББК 81.2Кит.я43

Организационный комитет V Международной научно-теоретической конференции «Китайская цивилизация в диалоге культур» благодарит Государственную канцелярию КНР по распространению китайского языка за рубежом (Ханьбань) / Штаб-квартиру интитутов Конфуция за помощь в проведении конференции и подготовке к изданию настоящего сборника.

ISBN 978-985-500-641-2 (Ч. 1)
ISBN 978-985-500-643-6

© РИКК БГУ, 2015
© Оформление. ГУО «Республиканский институт высшей школы», 2015

**КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК
В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

ИНТЕРАКТИВНОСТЬ В ПРОЦЕССЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

В статье рассматриваются проблема интерактивности в процессе обучения русскому языку как иностранному. Проблема рассматривается в отношении создания учебных пособий по русскому языку как иностранному.

Ключевые слова: *русский язык как иностранный, интерактивность, учебное пособие.*

We examine the problem in the context of the development of student's books on teaching Russian as a foreign language. The article covers the problem of interactivity in teaching the Russian language as a foreign language.

Интерактивность является одной из качественных характеристик современного мира и отражает активное взаимодействие субъектов коммуникации, опосредованное информационным блоком любого объема в любой знаковой форме. Средствами массовой информации, разного рода социологическими структурами, общественными организациями, заинтересованными в обратной связи с массовой аудиторией, разрабатываются интерактивные технологии, рассчитанные на активное взаимодействие партнеров по коммуникации. Требованию времени отвечает появление интерактивных элементов в телевизионных шоу, в рекламных кампаниях, а также распространение Интернета. В результате качественных изменений современной действительности, которые характеризуют процессы формирования новой постиндустриальной цивилизации, человечество поднялось на новую ступень в эволюции средств информации и воздействия на потребителя, в том числе и потребителя информации.

Правомерным становится рассмотрение вопросов формирования новой парадигмы в коммуникации, когда в процессе общения при одновременной реализации трех его составляющих – коммуникативной, интерактивной и перцептивной сторон – наиболее выраженной становится интерактивная составляющая [1].

Так как методика преподавания русского языка как иностранного опирается в своих решениях на данные других наук, в частности психолингвистики, обратимся к предлагаемому современной психолингвистикой толкованию понятия общение. Понимание общения как определенного вида деятельности является базовым для отечественной психолингвистики. Общение рассматривается и как собственно взаимодействие, и как форма взаимодействия людей, осуществляющих различные виды деятельности в процессе общественных отношений. «Форма может быть разной в зависимости от тех средств, которые используются в общественно-коммуникативной сфере деятельности людей как одном из трех планов взаимодействия человека с окружающей средой, с другими людьми» [2]. При этом выделяются три стороны общения: а) коммуникативная, заключающаяся в обмене

информацией между общающимися, б) интерактивная, обеспечивающая взаимодействие, в) перцептивная, определяющая процессы восприятия друг друга партнерами по общению и установления на этой основе взаимопонимания.

Однако следует иметь в виду, что в учебной сфере в процессе обучения русскому языку как иностранному общение имеет свою специфику, отличаясь от общения людей в других сферах. Главным отличием общения в учебной сфере является наличие субъекта общения (преподавателя), активно управляющего процессом общения и сознательно формирующего компетенцию в общении у других субъектов такого общения (слушателей). В аспекте коммуникации это может выражаться, к примеру, в отборе информации, передаваемой при общении. В аспекте интеракции – в формировании потенциальных возможностей для реализации учебной деятельности, в том числе и внутренней – когнитивной. В аспекте социальной перцепции – в обеспечении и поддержании режима наибольшего благоприятствования для функционирования механизмов восприятия и переработки информации в рамках социального взаимодействия. При личностно-ориентированном подходе к обучению русскому языку как иностранному общение в учебной сфере, обеспечивающее учебно-профессиональную деятельность, является одним из важнейших компонентов формирования общей и коммуникативной компетенций иностранных слушателей.

В настоящее время изменение социального заказа общества и всей современной действительности стимулировало разработку в рамках личностно-ориентированного подхода технологий интерактивного обучения РКИ [3]. Не вызывает сомнения, что названные технологии следует рассматривать по отношению ко всем компонентам процесса обучения: преподавателю, учебнику, слушателю. Преподавателю в рамках интерактивного обучения принадлежит роль как участника акта коммуникации, так и его организатора. Наряду с коммуникативным поведением преподавателя, одним из важных средств как формирования навыков, так и активизации речевых умений слушателя является учебник.

Существенные изменения современного коммуникативного пространства, смена манеры мышления и поведения людей находят свое отражение в поисках новых методических решений в области преподавания русского языка как иностранного. Одним из направлений такого поиска является теоретическое осмысление принципов создания учебных пособий нового поколения, ориентированных на определенные контингенты учащихся, учитывающих цели изучения языка и конкретные условия обучения.

По отношению к средствам обучения на печатных носителях под интерактивностью понимается их качественная характеристика, обеспечивающая стимулирование, активизацию и поддержку естественно-мотивированного опосредованного учебными материалами коммуникативного взаимодействия в рамках учебного процесса.

Комплекс технологических приемов индуцирования интерактивности

- в вербальную подсистему учебных материалов предусматривает:
 - на уровне текста (коммуникативная естественность, использование референциальных привязок, дискуссионность, прием «нового повтора»);

- на уровне микротекста учебного задания (прием персонификации автора учебного пособия, обращенная речь, полиориентированность учебных заданий на различные стили восприятия, приемы «вызова» и «выхода в языковую среду», приемы расширения когнитивных стратегий слушателей);
- в невербальную подсистему учебных материалов:
 - на уровне визуальных компонентов (аутентичность иллюстраций, использование графических средств, прием визуализации и персонификации, создание установки на восприятие темы), – в области полиграфического оформления (параграфемные элементы в заголовочном комплексе, графические выделения в корпусе текста, форматирование текста).

Печатное учебное пособие, выступающее в качестве элемента-посредника в интерактивном взаимодействии, может оказывать влияние на субъектов учебного общения и тем самым регулировать интенсивность, ход, способы организации коммуникативного взаимодействия в учебном процессе. В интерактивном обучении важным становится потенциал учебника как фактора, стимулирующего потребность вступить в естественно-мотивированное общение на изучаемом языке и поддержать его.

Стимулирование коммуникативной активности слушателей во многом зависит от соответствия учебного пособия интересам и национально-культурным особенностям представителей различных национальностей [3]. В настоящее время в практике краткосрочного обучения в условиях языковой среды наблюдается тенденция комплектования многонациональных учебных групп. В данных условиях рациональной становится такая организация процесса и средств обучения, которая учитывает общность традиций и культурных особенностей отдельных регионов. Азиатско-Тихоокеанский регион является ярким примером объединения не только по географическому положению, но и по схожести национальных менталитетов, культурных особенностей и традиций. Ретроспективное исследование традиций познавательной деятельности народов стран АТР свидетельствует также о существовании в данном регионе единой интеллектуальной основы - традиционной китайской философии, имплантированной в культуру Востока конфуцианством и буддизмом [1]. Учебные пособия интерактивного типа, учитывающие особенности контингента изучающих РКИ и направленные на активизацию, поддержание и стимулирование коммуникативного взаимодействия на изучаемом языке, могут стать одним из средств реализации целей, которые ставят перед собой взрослые слушатели из стран АТР.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Азимов, Э.Г.* Теория и практика использования компьютерных программ в преподавании русского языка как иностранного. Информационно-аналитический обзор / Э.Г. Азимов. – М., 2000. – 150 с.
2. *Арутюнов, А.Р.* Теория и практика создания учебника русского языка для иностранцев / А.Р. Арутюнов. – М. : Рус. яз., 1990. – 168 с.

3. Арутюнов, А.Р. Конструирование и экспертиза учебника /А.Р. Арутюнов. – М. : Изд-во Инст-та русск. яз. им. А.С. Пушкина, 1987. – 109 с.

Букатая А.М.
(Минск, Республика Беларусь)

КИТАЙСКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ В НОВОЕ ВРЕМЯ И КИТАЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ЗАРУБЕЖЬЯ

В статье рассматриваются особенности китайского национального самосознания на рубеже XX–XXI веков в связи с необходимостью возрождения идеи национального величия в литературе китайского зарубежья.

Ключевые слова: *современная китайская литература, национальное самосознание, китайская литература зарубежья.*

The article considers Overseas Chinese literature's peculiarities of the Chinese national self-consciousness in the 20th – beginning of the 21st centuries in connection with the idea of national greatness in foreign Chinese literature.

Keywords: *modern Chinese literature, national self-consciousness, Overseas Chinese literature.*

Для анализа национальной специфики современной китайской литературы необходимо обратиться к понятию национального самосознания китайцев. Первую половину XX века М.В. Крюков и др. отмечают как период качественного изменения и подъёма этнического самосознания китайцев [1, с. 10]. Л.А. Берёзный относит чрезвычайную длительность истории китайского этноса к факторам, которые положительно сказывались на уровне и на темпе консолидации китайского народа. «Длительность истории китайского этноса способствовала, как известно, сохранению многих традиционных черт прежнего этнического облика, превращавшихся в новых условиях в анахронизм, но тем не менее продолжавших оказывать заметное влияние на национальное самосознание» [1, с. 303]. Осознание китайцами своей этнической сущности происходило по мере изменения представлений о внешнем мире и других этносах [1, с. 306].

Определение особенностей национальной специфики китайской литературы связано с проблемой отсутствия чёткого соответствия понятийно-категориального аппарата в отечественной и китайской научной традиции. Также следует отметить, что в современном китайском языке сложно выделить устойчивые и однозначные определения этноса, нации и понятий, их включающих. Приведём некоторые примеры: 民族自决 ‘национальное самоопределение’, 民族心理 ‘этнопсихология’, 民族文化 ‘национальная культура, этнокультура’, 民族学 ‘этнология’, 民族主义 ‘национализм’, 民族中心主义 ‘этноцентризм’, 民族性格 ‘национальный характер’, 民族精神 ‘национальный дух’. Все эти понятия включают слово 民族 mínzú миньцзу, которое может переводиться и пониматься и как ‘нация’, и как ‘этнос’. Можно сделать вывод, что в языковом сознании современного китайца эти понятия

представляют единое целое. Но по свидетельствам исследователей, распространение термина *миньцзу* и внедрение его в повседневный обиход произошло лишь в конце XIX – начале XX в., данное слово является неологизмом, и могло быть заимствовано по разным версиям из английского или японского языка [1, с. 336–338]. Н.А. Самойлов противопоставляет и разделяет этническое и национальное самосознание, сначала формируется первое, затем, ему на смену – второе. Отличительной чертой национального самосознания он называет «осознание истинного положения складывающейся нации... в мире, её взаимосвязи с другими нациями», способность объективной оценки своего места в мировом сообществе [1, с. 307]. Лян Цичао (1873–1929) утверждал, что для фактического разграничения наций недостаточно общности происхождения, языка и верований, а наиболее важным обстоятельством является «возникновение и утверждение “национального сознания”. ... Осознание себя в противопоставлении другим» [1, с. 343].

Китайская культура отличается крайней степенью гомофильности, и до конца XVIII – начала XIX века Китаю удавалось придерживаться изоляционистской политики. Но в XIX веке традиционная китайская культура столкнулась с системой западных ценностей. Последовавшие далее поражения в Опиумных войнах (1840–1842; 1856–1860) и Японо-китайской войне (1894–1895) нанесли серьёзный удар по представлениям китайцев о своём месте в мире и по национальной самооценке. Сначала пришло осознание необходимости изучения достижений «варваров» в различных областях науки и техники для того, чтобы затем победить их. Но впоследствии китайцам пришлось признать значимость всего комплекса западного научного знания и потребность знакомства с западными культурными традициями. Для того, чтобы это не поколебало национальных представлений о мироустройстве, была принята теория китайского происхождения западной науки. В последующие годы эта теория привела к обратному результату – исключительно отрицательному отношению к любым заимствованиям западной культурной и научной традиций.

Можно сделать вывод, что оформление и закрепление национального самосознания в языковой картине мира происходило в конце XIX – начале XX в. Изменение национального автостереотипа было связано с радикальными переменами во внутренней и внешней политике Китая. М.В. Крюков и др. отмечают, что в начале XX века в Китае сформировался новый подход к проблеме соотношения культур Китая и Запада, который «заключался в признании существенного различия этих двух культурных систем и ставил своей целью найти ответ на вопрос о том, каким образом они будут взаимодействовать в будущем» [1, с. 313]. Впоследствии получили развитие три основные точки зрения. Часть представителей китайской интеллигенции придерживалась идеи полной вестернизации китайского общества. Ещё одна часть признавала неоспоримую ценность конфуцианской культурной традиции, но утверждала, что она устарела, и в конкретном историческом контексте необходимо обратиться к культурным основам Западной цивилизации, несмотря на их недостатки. Иной подход выдвинул Ли Дачжао. Он утверждал, что цивилизации и Восточной Азии, и Западной Европы имеют свои положительные и отрицательные стороны, и они «фактически надеты на концы оси мирового прогресса, точь-в-точь как два колеса повозки, как два крыла у птицы, и без каждого из них нельзя

обойтись. Эти две величайшие духовные сущности непременно со временем сблизятся, со временем сольются, создав новую жизнь, эволюционируя в бесконечность» [1, с. 313]. В конце XIX – начале XX в. в связи с обострением противостояния маньчжурского этноса, представляющего династию завоевателей (Цин 1644–1911 гг.), и исконно китайского ханьского этноса, в качестве этнонима часто использовалось слово 漢人 ханьжэнь «люди хань». Но означало оно оппозицию к маньчжурам в большей степени, нежели ранее принятое значение «люди империи Хань».

Кроме внешней угрозы колонизации со стороны иностранных государств серьёзный удар по национальному престижу нанесли и трагические события внутри страны. Религиозной основой Тайпинского восстания (1850–1864) было христианство. Последовавшее за ним Восстание ихэтуаней (1899–1901) было направлено против вмешательства иностранных государств во внутривластную, экономическую и культурную жизнь Китая, ихэтуани были настроены негативно и воинственно по отношению не только к иностранцам, но и по отношению к китайским христианам как носителям западной культуры. Т.о., идейные основы данных восстаний были не только различны, но во многом противоположны. Оба восстания являются результатами попыток осознать своё место в мире, поэтому оставили след в истории формирования национального самосознания.

Чжао Суйшэн утверждает, что после поражения в Опиумных войнах перед китайской элитой впервые встала проблема национального величия. «Соединение воспоминаний о древнем величии Китая с чувством национального унижения» оказалось толчком к зарождению «современного китайского национализма» [2, с. 57]. Необходимость в выработке новой культурно-идеологической основы возникала не только в 60-е гг. XIX в. В 20-е гг. XX в. в решении этого вопроса превалировали антитрадиционалистские взгляды, что было связано с движением «4 мая» (1919 г.). Антитрадиционализм стоял на позиции полного отказа от традиционной культуры, необходимости устранения конфуцианства и усвоении всего комплекса западной культурной традиции, т.к. только это может послужить средством возрождения национального величия [2, с. 62]. Следующий подъём антитрадиционализма наблюдался в 80-е гг. и был связан с окончанием Культурной революции и началом процесса реформ Дэн Сяопина («китайская перестройка», 1978).

После Опиумных войн национальное самосознание китайцев претерпело серьёзные изменения, в связи с осознанием того, что в мире существуют и другие, кроме чжунгожэнь (‘людей Срединной империи’), этнические общности, равные им, и даже более могущественные в военном, экономическом и политическом отношении. Показательным является возникновение неологизма *миньцзу*. С открытием коммунистического Китая для внешнего мира после смерти Мао Цзэдуна (1976) китайцы вновь испытали потрясение, «осознав отсталость страны», «несмотря на 30 лет социалистического развития» [2, с. 57]. Это нашло непосредственный отклик в духовной культуре, и «одной из ведущих тем китайской литературы XX века является преобразование национального характера» [3, с. 3]. В 80-е годы Китай был охвачен «лихорадкой учения у Запада» [2, с. 58], а в середине десятилетия наблюдался «культурный бум», связанный с исследованиями национального характера китайцев [3, с. 3]. Но использование западных достижений в области

науки и культуры должно быть направлено на возрождение национального величия Родины и рассматривалось именно как способ противостояния Западу, который продолжал восприниматься как агрессор. Обострилось чёткое разделение «мы – иностранцы» (уже не «варвары»), в сочетании с которым негласно поддерживалось представление китайцев о своём центральном месте в мировом устройстве.

На смену антитрадиционализму пришёл консерватизм 90-х годов, отмеченный подъёмом китайского национализма и разоблачением западных культурных идеалов. Чжао Суйшэн отмечает, что «позиции китайской интеллигенции в 90-х годах сблизилась с позицией руководства КПК, взявшего курс на формирование “государственного национализма”» [2, с. 59]. Среди множества факторов, повлиявших на это, он отмечает кампанию против нарушения прав человека в КНР, поддержку странами Запада независимости Тайваня и Тибета, дискриминацию, с которой столкнулись китайские эмигранты, даже отказ проведения Олимпийских Игр в КНР в 2000 году и др. [2, с. 59]. Возрождение национального величия должно основываться на приоритете «специально отобранных культурных ценностей» своей страны, среди которых коллективизм, дисциплинированность, сильное государство и сильная власть как гарантия его существования [2, с. 60], в сочетании с применимыми для Китая западными культурными, научными, политическими и экономическими достижениями.

Официальная позиция китайского руководства заключается в пропаганде не национализма (民族主义), а патриотизма (爱国主义 досл. ‘любовь к стране’). В.Г. Буров в статье «Патриотизм с китайским разрезом» пишет: «Граждане Китая могут не одобрять те или иные действия китайских властей, в том числе центральных, ... но когда речь заходит о вопросах, затрагивающих национальные интересы, то здесь практически возникает полное единодушие. ... Подавляющее большинство китайцев ныне объединяет чувство гордости за свою страну, патриотизм. Последний иногда граничит с радикальным, воинствующим национализмом» [4]. Крайним проявлением гипертрофированного развития консервативного «самобытничества», как одной из тенденций китайского национализма, может оказаться ксенофобия. Но сдерживающей это тенденцией является прагматизм, что особенно чётко проявляется в позиции официального руководства и обусловлено мировым экономическим контекстом. В настоящее время китайский национализм может истолковываться отрицательно в свете глобализационных процессов, развивающихся идей мультикультурализма и космополитизма. Но именно в условиях нивелирования национальных и культурных границ он необходим китайскому обществу для возрождения идеи национального величия. Китайский национализм, сохраняя черты китаецентризма, как части культурного генетического кода, до сих пор находящего отражение в языке, в тоже время исключает проявления этноцентризма. «Китайский национализм питается по преимуществу потребностью в самоутверждении и направлен на решение внутренних проблем» [2, с. 61]. Актуальным подходом к проблеме взаимодействия западной и восточной цивилизаций в контексте мультикультурной парадигмы представляется предложенный в начале XX века подход Ли Дачжао (см. с. 2).

В конце XX – начале XXI века самым распространённым этнонимом продолжает оставаться чжунгожэнь (中国人 ('люди Срединной империи'), гораздо реже встречается чжунхуа (中华), образованное из привычного 中国 и древнего 华夏, но оно закреплено в официальном названии государственного образования 中华人民共和国 (Китайская Народная Республика).

Итак, настороженное отношение китайцев к инокультурным тенденциям и как следствие к представителям других культур обусловлено историческим контекстом. Но в процессе развития этнического самосознания немаловажное значение имеют расширение этнографического кругозора и углубление представления о соседях. [5, с. 247]. Важными периодами в истории китайского государства с точки зрения развития национального самосознания можно назвать конец эпохи Чжоу, период владычества династий Юань и Цин, Опиумные войны, движение «4 мая», реформы Дэн Сяопина. Событиями, положительно повлиявшими на укрепление патриотизма и развитие китайского национализма в начале XXI века, были возвращение Китаю Сянгана (Гонконга) и Аомыня (Макао), соответственн в 97 и 99 гг., а также проведение Олимпийских Игр на территории КНР в 2008 году.

Особенности формирования китайского этноса и последующие качественные изменения национального самосознания наглядно проявлялись в развитии китайской культуры и её составляющей – литературы. После десятилетия Культурной революции китайская общественность нуждалось в возрождении национального величия. Это отразилось в том, что пристальное внимание стало уделяться изучению самой сущности “китайской специфики”. В художественной и публицистической литературе это выразилось в поиске, анализе, критике и предложениях по преобразованию китайского национального характера. Освящению данной темы посвящен также ряд работ отечественных и зарубежных исследователей.

Японский китаевед Сиба Есинобу утверждает, что вопрос о сущности «китайскости» (“chineseness”) «стал одним из важнейших в китайском национальном самосознании XX в.» [6, с. 77]. Попытки выявления особенностей китайского национального характера, национального самосознания находят отражение и в современной китайской литературе. По мнению профессора китайской философии и истории Ду Вэймина “культурный Китай” включает три составляющие: «КНР, Сянган, Тайвань, Сингапур; прилежащие к Китаю страны с высокой долей родственного китайцам населения; рассеянные по всему остальному миру носители китайской культуры» [6, с. 79]. Эта концепция соотносится с тем, что всю современную литературу на китайском языке принято регионально делить на 1) литературу материкового Китая, 2) литературу Тайваня, Гонконга, Макао, 3) литературу китайского зарубежья. Это обусловлено контекстом исторического прошлого страны, особенностями социально-политических процессов, влияющих на развитие культурной жизни и литературы как её составляющей.

Именно литература китайского зарубежья содержит богатый материал для выявления и анализа “chineseness” в целом и национальной специфики литературы в частности, т.к. в ней в наибольшей степени находят отражение актуальные сейчас процессы глобализации и межкультурного взаимодействия.

В китайской критической литературе для описания понятия *китайская литература зарубежья* используется термин 海外文学 *haiwaiwenxue* (海外 дословно означает ‘за границей, заморский, заграничный, иностранный’). Такая литература включает в свою орбиту произведения эмигрантов или временно пребывающих за пределами КНР этнических китайцев. Понятие 海外文学 включает в себя, в первую очередь, литературные произведения китайских эмигрантов на китайском языке, а также произведения, написанные китайскими писателями и поэтами во время их длительного пребывания за границей (например, учёбы). Также 海外文学 охватывает прозаические и поэтические произведения, написанные *не* на китайском языке теми авторами, которые уже являются гражданами другой страны или были рождены за пределами Китая, но являются этническими китайцами, воспитанными в китайской эмигрантской среде. Фактически, последнюю категорию принято уже относить к «литературному пограничью» (М.В. Тлостанова) [7], в рамках которого в последние несколько десятилетий доступными для отечественного читателя стали произведения китайско-американской прозы (Мин Анчи, Лиса Си, Эми Тан, Цю Сяолун), китайско-французской прозы (Дай Сыцзе, Шань Са), китайских эмигрантов в Великобритании (Го Сяолу, Юн Чжан). Наряду с 海外文学 используется термин 新移民文学 *xinyiminwenxue* ‘новая иммигрантская литература’, которая включает уже только произведения китайских эмигрантов на китайском языке.

Развитие китайской литературы зарубежья соответствует концепции “двух Китаев”, выдвинутой Ван Гайу в 1982 году, согласно которой следует разделять “культурный Китай” и “геополитический Китай”. Ду Вэймин отмечает, что появление и популярность данной концепции является следствием “синдрома Срединной империи” как ответа на попытки вестернизации [6, с. 77, 79].

Развитие китайской литературы зарубежья является составляющей культурного возрождения Китая, способствует пропаганде идеи национального величия и формированию положительного национального автостереотипа. Развитие иммигрантской литературы относят к началу XX века [8] и связано это именно с появлением категории «литература зарубежья» (海外文学). В начале и середине XX века многие представители китайской интеллигенции (писатели, поэты, мыслители, учёные, историки и критики литературы) выезжали за рубеж, где и был создан ряд произведений, имеющих высокую художественную ценность. В их творчестве нашёл отражение бесценный опыт сравнения исконно китайской и западной культур, что обогатило и придало “чувственность” их интерпретации мира и общества [9]. В ряду китайцев, на чьё творчество оказал влияние опыт пребывания за границей, отдельно стоят Го Можо (郭沫若) (пять лет учёбы в Токио), Ай Цин (艾青) (несколько лет во Франции), Юй Дафу (郁达夫) (Токийский Императорский университет), Лао Шэ (老舍) (работа в Восточном институте Лондонского университета), Сюй Цзе (徐讦) (несколько лет в США), Чжао Шуся (赵舒侠) (гражданка Швейцарии), Лян Шицю (梁实秋) (учёба в США), Линь Юйтан (林语堂) (магистратура в Гарварде, аспирантура в Лейпциге) и некоторые другие представители китайской литературы.

Их работы в свою очередь повлияли на дальнейшее развитие как прозы китайского зарубежья, так и литературной критики китайской иммигрантской прозы. Некоторые авторы даже начали писать на иностранном языке, но чувство привязанности и любви к Родине в этих произведениях ощущалось даже более явно и концентрированно, чем в работах этих же авторов на китайском [9]. Новые образы и персонажи литературы 海外 были призваны раскрыть образ Китая для иностранцев и описать другие страны для китайцев. Тем более, что согласно бытовавшим в народе стереотипам, представление о “заморских” странах всё ещё сохраняло варварские черты.

В 60–70-е годы отмечен подъём в развитии «заморской» литературы, что связано с изменениями и колебаниями политической обстановки Китая в этот период. Но основным событием, вызвавшим это, явилась Культурная революция (1966–1976). Ей предшествовали провал Большого скачка (1958–1959), кратковременное «потепление» в литературе, связанное с реабилитацией части писателей в 1960–1962 гг., и повторное возвращение политического курса в области литературы на позиции левого изоляционизма с призывом «никогда не забывать о классовой борьбе» [10, с. 217]. Материковая литература была полностью подчинена политике. Многие представители китайской интеллигенции в поисках стабильного положения покидали материковый Китай и уезжали, некоторые ближе (Тайвань, Гонконг, Макао), другие – дальше (США, Канада). Тема тоски по Родине (乡愁) становится исключительно актуальной в этот период и задаёт главное направление в литературном творчестве. Произведения писателей в зарубежье представляют сплав китайской и западной традиции, авторы используют опыт художественной прозы и поэзии западного образца (напр., новые композиционные приёмы). В этот период пишут Юй Гуанчжун (余光中), Бай Сяньюн (白先勇), Чэнь Дачжэ (陈大哲), Не Хуалин (聂华苓), Чэнь Жуоси (陈若曦) и др. [9].

В 60–70-е намечается тенденция к индигенизации, связанная с одной стороны, с попытками переосмысления национальной действительности и истории, с другой стороны, она возникает как ответ на процессы вестернизации и глобализации. Более точно это явление отражено в китайском термине 本土化 bentuhua, что отражает тенденцию к последовательному продвижению гармоничной модели культуры, присущей определённой местности, своеобразная попытка возвращения к “корням”. В то же время писатели стараются отойти от шаблонов и традиционных образцов, заимствованных ещё у классической литературы, и придать больше реалистичности и остроты своим произведениям.

В конце 70-х–80-х гг. отмечается возрождение не-западных культур во всём мире, это явление С. Хантингтон называет индигенизацией [11, с. 130]. Также он отмечает, что «индигенизации способствует демократический парадокс: принятие не-западными обществами западных демократических институтов поощряет и даёт дорогу к власти национальным и антизападным политическим движениям» [11, с. 135], что способствует возрождению идеи национального величия. В Китае это было связано с началом реформ Дэн Сяопина (1978 г.) и последовавшими далее Четырьмя модернизациями. Для развития китайской литературы мощным толчком послужило Тяньаньмынское движение (5 апреля 1976 г.) и официальный призыв

руководства к «раскрепощению сознания», выдвинутый на III пленуме ЦК КПК (1978) [10, с. 239]. В 80-е годы китайская «материковая» литература вошла в стадию активного развития. «Заморская» литература этого же периода, напротив, по разным причинам испытывает небольшой спад. Это вызвано тем, что старшее поколение постепенно покидает литературную арену, а у нового нет такого импульса к развитию, поэтому это десятилетие не отмечено новыми именами в области литературы зарубежья. Потомки китайских эмигрантов постепенно культурно ассимилируются с местной средой. Вместе с тем, Китай начинает активно экономически развиваться, что резко сокращает количество желающих покинуть родину, и иммигрантская литература теряет источники вливания новых сил.

В 90-е годы резко увеличивается количество студентов, выезжающих на обучение за границу. Китайское правительство всячески содействует молодёжи в изучении иностранного опыта во всех сферах науки, поощряет образование и создаёт все условия, чтобы молодые китайцы возвращались в КНР, но даже если китайцы не возвращаются, они не порывают связей с Родиной, а страна может рассчитывать на их помощь и опыт. Увеличивается количество пишущей молодёжи и среди студентов, и среди эмигрантов. Выделяют творчество следующих представителей литературы китайского зарубежья: Янь Чжэнь (阎真), Чжан Лин (张翎), Чжа Цзяньин (查建英), Чжун Сяоян (钟晓阳), Айрис Чан, англ. Iris Chang (Чжан Чуньжу 张纯如), Янь Гэлин (严歌苓).

В творчестве писателей этого периода отражается как характерная для литературы зарубежья ностальгия, так и новое чувство времени, ощущение динамики современного бытия, что выражается в сюжетном разнообразии. В прозе зарубежья активно используется колорит местной социально-бытовой сферы, заметно влияние среды иноязычного общения, что проявляется в используемых средствах выразительности и языковых особенностях. Растёт число китайцев, пишущих на иностранных (английском, французском) языках, что в целом не благоприятствует развитию иммигрантской прозы непосредственно на китайском языке. В начале XXI века центральной остаётся тема тоски по Родине, распространён сюжет о пребывании китайца за границей.

Несмотря на это, в последнее десятилетие в китайской иммигрантской прозе наблюдается новый подъём, который связан с именами Ван Жуйюнь (王瑞芸), Су Хэ (苏河), Хун Ин (虹影), Чжан Лин (张翎), Чжан Хуэйвэнь (张惠雯), Чэнь Хэ (陈河), Чэнь Цянь (陈谦), Шао Дань (邵丹), Юань Цзинмэй (袁劲梅), Юй Сяодань (于晓丹), Янь Гэлин (严歌苓) и др. [8]. Воздействие их художественных произведений на читателя во многом отличается от предыдущего поколения эмигрантов из-за различий в образовании, общем уровне культурной эрудиции, условий жизни. В их произведениях сохраняется глубокое влияние родной культуры, контекст национальных цивилизационных основ, а также заметна реакция на столкновение с чужеродной культурной традицией. Наибольший резонанс благодаря экранизации получили книги Чжан Лин «余震» («Послешок») и Янь Гэлин «金陵十三钗» («Тринадцать шпилек из Цзиньлина»). Роман «饥饿的女儿» («Голодающая») Хун Ин переведён более, чем на 30 языков.

Литературный критик Хэ Шаоцзюнь отмечает, что развитие иммигрантской литературы имеет позитивную направленность именно по причине столкновения различных культур, а также потому, что ряды писателей-эмигрантов постоянно пополняются, и «у нас есть все основания возлагать большие надежды на литературу китайского зарубежья» [8].

По справедливому замечанию С. Хантингтона, «если демография – это судьба, то перемещения – это двигатель истории» [11, с. 307]. Китайская литература XXI века продолжает пропагандировать ценности традиционной конфуцианской культуры. Литература зарубежья в большей степени, чем литература материка противостоит тенденциям вестернизации, иллюстрирует лучшие национальные традиции и в то же время не отказывается от достижений западной культуры. Она отражает особенности национального самосознания китайца XXI века, одновременно сочетая попытки переосмысления истории с национальной самобытностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крюков, М.В. Этническая история китайцев в XIX – начале XX века / М.В. Крюков, В.В. Малявин, М.В. Сафронов, Н.Н. Чебоксаров. – М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1993. – 413 с.
2. Гордон, А.В. Национальное величие и национализм в нынешнем Китае / А.В. Гордон, В.С. Олишевко // Социальные и гуманитарные науки. Зарубежная литература. Серия 10, Китаеведение. – М.: ИНИОН РАН, 2001. – №2. – с. 57 – 65.
3. Родионов, А.А. Лао Шэ и проблема национального характера в китайской литературе XX века / А.А. Родионов. – СПб.: Изд-во «Роза мира», 2006. – 263 с.
4. Буров, В.Г. Патриотизм с китайским разрезом / В.Г. Буров [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.lgz.ru/article/N45-46--6299---2010-11-17-/Patriotizm-s-kitayskim-razr%D0%B5zom14496/> – Дата доступа: 09.11.2014.
5. Крюков, М.В. Этническая история китайцев на рубеже средневековья и нового времени / М.В. Крюков, В.В. Малявин, М.В. Сафронов. – М.: Наука, 1987. – 312 с.
6. Корнилов, М.Н. Сибя Есинобу. Существует ли «chineseness»? «Китайский характер» в исторической перспективе / М.Н. Корнилов // Социальные и гуманитарные науки. Зарубежная литература. Серия 10, Китаеведение. – М.: ИНИОН РАН, 2001. - №1. – с. 77 – 81.
7. Тлостанова, М.В. Проблема мультикультурализма и литература США конца XX века / М. В. Тлостанова. – М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2000. – 400 с.
8. 刘, 静。海外华文文学成为中国文学新力量 (文学新观察) / 刘静 (Лю, Цзин. Китайскоязычная литература зарубежья становится новой литературной силой (свежий литературный обзор) / Лю Цзин) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://paper.people.com.cn/rmrhwb/html/2013-07/12/content_1267858.htm – Дата доступа : 10.04.2014.
9. 贺, 文玄。海外华人作家一百年: 挣扎在非母语圈的愁与恋/ 贺文玄 (Хэ, Вэньсюань. Столетие китайских писателей зарубежья: преодолевая ностальгию в иноязычной среде / Хэ Вэньсюань) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eujx.com/eujx/1/ReadNews.asp?NewsID=1545> – Дата доступа : 10.04.2014.

10. *Серебряков, Е.А.* Справочник по истории литературы Китая (XII в. до н.э. – начало XXI в.): имена литераторов, названия произведений, литературоведческие и культурологические термины в иероглифическом написании, русской транскрипции и переводе/ Е.А. Серебряков, А.А. Родионов, О.П. Родионова. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2005. – 333 с.

11. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон / пер. с англ. Т.А. Велимеев – М.: ООО «Издательство АСТ», 2011. – 576 с.

Ван Тао

(Гродно, Республика Беларусь)

**ЛЕКСИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ВЫРАЖЕНИЯ
ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ
В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ
(сопоставительный анализ в целях лингводидактики)**

Время, пространство и число являются важнейшими концептами культуры, при помощи которых люди, принадлежащие той или иной культуре, воспринимают мир и создают его [17, с. 71].

Пространственные отношения представляет собой тот тип отношений, которые осваиваются человеком (наряду с посессивными и количественными) раньше, чем многие другие: временные отношения, отношения обусловленности и др. Они являются базовыми по отношению к другим типам семантических отношений [23, с. 130].

Обращение к философской интерпретации таких бытийных категорий, как пространство и время, или же к научной математической или же геометрической концепции пространства, как бы ни были важны эти данные, не может помочь восстановить истоки понятия в чисто человеческом его истолковании, т.е. то, как мы воспринимаем пространство и каким мы его видим или ощущаем. Но фиксация этого истолкования в языке (научные представления о пространстве подводятся под соответствующие его языковые обозначения гораздо позднее, и в этом смысле они вторичны) как истолкования обиходного, простого и отражающего непосредственное представление человека, должна базироваться на установлении той простейшей концептуальной структуры, которая складывалась и формировалась в актах восприятия мира, в простейших взаимодействиях человека с окружающей его реальностью и осознанием последней [14, с. 26].

Между картиной мира как отражением реального мира и языковой картиной мира как фиксацией этого отражения существуют сложные отношения. Картина мира может быть представлена с помощью пространственных (верх-низ, правый-левый, далекий-близкий, восток-запад), временных (день-ночь, зима-лето), количественных, этических и других параметров. На ее формирование влияют язык, природа и ландшафт, воспитание, обучение и др. социальные факторы, традиция и т.п. Языковая картина мира не стоит в ряду со специальными картинами мира (хими-

ческой, физической и др.), она им предшествует и формирует их, потому что человек способен понимать мир и самого себя благодаря языку, в котором закрепляется общественно-исторический опыт – как общечеловеческий, так и национальный [9, с. 153].

Функция языка как знаковой системы заключается в накоплении и сохранении категоризованного опыта взаимодействия человека с миром, или знания. Значение языковых знаков имеет опытную, или так называемую «экспериментальную», даже «телесную» природу, так как возникает в результате различных взаимодействий организма со средой [11, с. 6].

Одним из следствий антропоцентричности является субъективность многих языковых категорий. В применении к нашей теме антропоцентричность обычно понимается как «присвоение субъектом пространства», отсюда – вывод об относительности пространственных характеристик [28, с. 50].

Когда мы говорим о пространственных отношениях и способах их выражения, мы чаще всего имеем в виду не то, каким образом наше пространственное представление о мире выражается в языковой форме, но то, каким образом те или иные предметы получают пространственную характеристику в некоторой системе координат [12, с. 5]. Другими словами, предмет и место – эти два вида реальности даны человеку в ощущениях, и на них строится все здание концептуальной картины мира, представленной в языке как знаковой (репрезентативной) системе [12, с. 4]. Последовательно, нельзя говорить о каком-либо выделении пространства без того, чтобы не сказать тут же о том, что ему противостояло, – об объектах [14, с. 27].

1. Основные составные элементы пространственных отношений.

В когнитивной лингвистике существует множество терминов, характеризующих пространственные отношения, как фигура, фон, траектор, ориентир и др. [25, с. 72; 21, с. 292]. Относительно говоря, среди двух участников-объектов выражения о пространственных отношениях (статических или динамических) движущийся (или потенциально движущийся) объект чаще всего рассматривается в качестве фигуры или траектора, а неподвижный – в качестве фона или ориентира [21, с. 289]. В настоящей работе мы будем пользоваться терминами «траектор» и «ориентир», поскольку они представляют собой прикладное применение более широко употребляемых терминов «фигура» и «земля» в выражении о пространственных отношениях [22, с. 274; 20, с. 294]. «Траектор» обозначает выпуклую часть, а «ориентир» – остальную. Что касается соотношений их пространственных положений, мы называем их «путем» (если траектор находится в относительном движении). Соответственно, если состояние траектора относительно статическое, то путь – нулевой. Подобный подход анализа позволяет поставить синтаксическую функцию предложения на второй план и сосредоточить внимание на компоненты отношений, выраженных в предложении.

Исследуя когнитивную семантику в целом и семантику пространственных отношений в частности, А.В. Кравченко утверждает, что взаимодействие человека с окружающим миром всегда протекает в системе некоторых пространственных координат, точкой отчета которой является человек – субъект восприятия, сознания, действия и познания [12, с. 4]. Также согласно А.В. Кравченко, проблема субъекта как управляющего и регулирующего начала языковой системы в целом не может

быть сведена исключительно к фигуре говорящего, поскольку в системе языка закреплена его ориентированность не столько на говорящего, сколько на человека вообще, т.е. речь следует вести о языковом антропоцентризме и его проявлениях в различных языковых структурах [13, с. 50]. Суммируя эти точки зрения, можно сделать вывод о том, что какие бы ни были сложны пространственные отношения, они содержат четыре элемента: «траектор», «ориентир», «пространственные отношения» и «наблюдатель», хотя иногда один или несколько из них могут не явиться на поверхностном слое языка. Например:

1) *右手是洱海, 左手是苍山, 风景相当的美。* [16, с. 142]

Справа озеро Эрхай, а слева горы Цаншань – довольно красивая панорама.

Ориентир скрытый, фактически в его качестве выступает говорящий, который одновременно является и наблюдателем. Траекторы – «洱海» (озеро Эрхай) и «苍山» (горы Цаншань). Пространственные отношения – «右手» (справа) и «左手» (слева).

2) *山上有树, 水里有鱼。* [24, с. 1]

На горе деревья, в воде рыбы.

Ориентиры – «山» (гора) и «水» (вода). Траекторы – «树» (дерево) и «鱼» (рыба). Пространственные отношения – «上» (директив или послелог – на чём) и «里» (директив или послелог – в, внутри). Наблюдатель – говорящий.

3) *Я спал плохо, раза два просыпался и видел китайцев, сидевших у огня.* [1, с. 190]

我睡得不好, 夜里醒过两次, 每次都看到中国人坐在火堆旁。 [2, с. 166]

Ориентир – «огонь» («火堆» – костер). Траектор – «китайцы» («中国人»). Пространственные отношения – «у» (директив или послелог «旁»). Наблюдатель – «я» («我»).

4) – *Пусть он уходит отсюда!...* [26, с. 397]

“叫他离开这儿!” [27, с. 386]

Ориентир скрытый, фактически в его качестве выступает говорящий, который одновременно является и наблюдателем. Траектор – «он» («他»). Пространственные отношения – путь, начинающийся с местонахождения говорящего и продолжающийся в направлении от говорящего.

2. Типы пространственных отношений в выражении на русском и китайском языках.

Как пишет А.В. Кравченко, обычно пространственную характеристику в системе координат связывают с функционированием различных пространственных элементов, к числу которых относят наречия, предлоги, префиксы, послелогои и т.п. [12, с. 6]. И это подтверждается в работах отечественных исследователей китайского языка:

Послелогои – это особый класс служебных слов в китайском языке. Назначение послелогов уточнять временные и пространственные отношения, выражаемые соответствующими предлогами [6].

Директивы указывают как на пространство, так и на время; присоединяясь к существительным, они образуют локативные и темпоративные словосочетания [7, с. 15].

Предлоги – слова, употребляемые перед существительными, местословиями и словосочетаниями, группируя их при выражении времени, пространства, цели, объекта, способа и других значений [7, с. 137].

Местонахождение объекта в китайском языке обычно описывается при помощи локативной конструкции, которая строится следующим образом: перед существительным со значением места ставится предлог 在, а после существительного – послелог, уточняющий отношение предмета к месту, то есть послелого типа 里 (внутри)、外 (вне, снаружи)、上 (на)、下 (под) и т.д. В результате предлог и послелог образуют так называемую «рамочную» конструкцию, в которую и вставляется существительное со значением места [8].

При помощи послелога в китайском языке выражается или (при наличии предлога) уточняется направление движения или местоположение предмета, а также последовательность событий во времени. В отличие от предлога, имеющего глагольную этимологию, послелого являются производными от существительных и находятся в диапазоне существительное → послелог → наречие [15, с. 235–236].

Обстоятельственный оборот может включать в себя предлог, существительное и послелог, где: предлог выражает пространственные отношения между подлежащим и сказуемым; послелог – уточняет местонахождение [19, с. 169–171].

И в меньшей мере мы можем выделить четыре группы схожих грамматических средств, выражающих пространственные отношения в русском и китайском языках:

А) Предлоги русского языка, выражающие пространственные отношения (на, за, перед) – «рамочная» конструкция китайского языка, включающая в свой состав предлог и послелог (директив) (在……上、从……里);

Б) Наречия и прилагательные русского языка, выражающие пространственные отношения (наверху, далеко, близкий, здесь) – послелого (директивы), словосочетания с послелогом, прилагательные, наречия и местоимения китайского языка (上面、远 (的/地)、近、这里);

В) Приставочный глагол движения в русском языке (прийти, выходя) – глагол направления в китайском языке (上来、来、去);

Г) Существительные и местоимения этих языков, выражающие пространственные отношения (этот, тот, запад – 这个、那个、东、西、南、北).

Чтобы выразить какие-то пространственные отношения, часто потребуется комбинация двух или более двух грамматических форм, например:

– *Вы работаете на заводе. Вы мастер, так? Хотя не исключено, что в последнее время вас стали **продвигать по** профсоюзной линии. Есть такое [«Москва слезам не верит»]?*

您在工厂工作。您是工长，是这样吧？但也不排除最近开始让您在工会系统有所发展。有这回事吧？《莫斯科不相信眼泪》

По мнению Е.В. Рахилиной, когнитивная семантика рассматривает смысл как схему или проекцию действительности. Такие схемы можно изображать, «рисовать» так, чтобы были видны связи между разными типами употреблений (ближе всего соответствующих подзначениям лексической единицы). Это и есть топологическая схема [21, с. 307].

1) – *Слушаюсь. Но тогда и ты уж, пожалуйста, учти на будущее, что если еще когда-нибудь ты позволишь себе хотя бы заговорить со мной таким тоном, то я здесь больше не появлюсь* [«Москва слезам не верит»].

“是。但是也请你今后注意，如果你再用这种口气对我说话的话，那么我再也不到这里来了。” 《莫斯科不相信眼泪》

2) *我看见灶上还摆着一小锅母亲头一天煮好的腊八粥。* [10, с. 81]

Я заметил, что на печи все еще лежит котелок густой кашицы из смеси разных круп и фасолей, сваренной матерью в предыдущий день.

3) *Странно, Витька даже и не подумал, что поступает нехорошо в отношении невесты – куда-то идет с незнакомой девушкой, и ему хорошо с ней, лучше, чем с невестой, – интересней* [26, с. 169].

奇怪，维吉卡甚至连想都没想过，他现在的行为不大对得起未婚妻：和一个素不相识的姑娘上一个什么地方去，而他跟这姑娘在一起感到那么舒坦，比和未婚妻在一起更愉快，更有趣。 [27, с. 176]

4) *打鱼的汉子用杆子在岸上撑了一下，船慢慢地划向对岸。* [3, с. 53]

Рыбак оттолкнул шестом берег, и лодка медленно плывет на противоположенный.

5) *Начинало светать, когда в белом, как молоко, тумане они выбрались наконец из болота* [5, с. 325].

他们在乳白色的雾霭中，终于从沼泽地里走了出来，这时候天已经快亮了。 [4, с. 318]

6) *比衫子颜色要深一些的血从破处渗出来。* [18, с. 315]

Кровь, которая по цвету даже несколько темнее рубахи, просачивается из раны.

Как видим, предложениям-примерам 3-6 свойственна путевая схема в виде линии с исходной точки «А» на конечную точку «Б», обозначающая динамические отношения, ориентированные в пространстве:

А —————> Б

Среди них ориентиром в предложениях-примерах 3 и 4 выступает конечная точка перемещения «Б», а в предложениях-примерах 5 и 6 – исходная точка перемещения «А».

А предложениям-примерам 1 и 2 свойственна схема в виде выпуклой конечной точки «Б», обозначающая статические отношения места:

А —————> • Б

На основании результата проведенного анализа мы делим выражение пространственных отношений на две группы: динамических и статических. И получается таблица классификации пространственных отношений в русском и китайском языках:

Количество измерений ориентира	Статические пространственные отношения		Динамические пространственные отношения	
	При отсутствии соприкосновения траектора с ориентиром	При наличии соприкосновения траектора с ориентиром	Ориентир – исходная точка пути	Ориентир – конечная точка пути
Нуль	справа от, над, рядом, на западе от, близко к...	на	от, из-под, отойти от, с запада от...	до, к, на, под, на запад от...
	东南西北、周围、上(上方)下左右、前后、远近	-	从.....来(上、下、左、右、东、西.....)	到.....来/去(上、下、左、右、东、西.....)
Одно	На		по	
	上(上面)		沿着.....	
Два	На		на	с
	上(上面)		到.....上	从.....上
Три	в, за, вне		в, за, войти (в)...	из, из-за, выйти (из)...
	内、外、中、里		到.....内(外、中、里)	从.....内(外、中、里)

Чтобы указать на нулевое измерение – «точку», в русском языке применяется предлог «на» (на остановке, на пристани), в китайском языке используется предлог «在» без оформления послелога (директива) (在车站、在北京).

Надо отметить, что в таблице перечислены типичные случаи употребления лексики, предназначенной для выражения пространственных отношений. Из-за гибкости восприятия человеком окружающего пространства часто бывает, когда один и тот же субъект воспринимается в разных ситуациях и как «вместилищ», и как «точка», например:

– Да ну, о чем разговор! – отмахнулся Ивановский и перевел разговор на другое: – А вы давно в Гродно [5, с. 108] ?

“哪儿的话!” 伊万诺夫斯基一摆手, 转了话题。“你很早就住在格罗德诺吗?” [4, с. 244]

Билет был до Гродно, и девушка скоро пришла в себя, даже заулыбалась, окончательно пережив свои зловключения [5, с. 108].

票买到格罗德诺, 姑娘终于熬过了这一段遭遇, 很快就平静下来, 甚至露出了微笑。 [4, с. 244]

ЛИТЕРАТУРА

1. Арсеньев В.К. Дерсу Узала; По Уссурийскому краю. – М., 2009.
2. Арсеньев В.К. Цзай Усулидэ Манлинь Чжун (В дебрях уссурийского края). – Т. 1. Пекин, 1977.
3. Ван Гуйчжоу. Милянью Хуанхэдэ Буни Сяоцзе (Барышня Буней, увлекающаяся рекой Хуанхэ) // Шофан (Север). – 1990. № 5.
4. Быков В.В. Бэйкэфу Сяошо сюань (Сборник избранных повестей Быкова В.В.). – Пекин, 1980.

5. *Быков В.В.* Повести. – Мн., 1985.
6. *Горелова Е.Н., Горелов В.И.* Китайский язык. – М., 1962.
7. *Готлиб О.М.* Практическая грамматика современного китайского языка. – 5-е изд., испр. – М., 2008.
8. *Ивченко Т.В., Янчинов С.Х.* Начальный курс разговорного китайского языка. – М., 2007.
9. *Кавинкина И.Н.* Психоллингвистика. – Гродно, 2010.
10. Китайский язык и литература: Учебник для второго семестра четвертого класса. – Пекин, 1988.
11. *Кравченко А.В.* Когнитивная лингвистика и новая эпистемология (к вопросу об идеальном проекте языкознания) // Известия АН. Серия литературы и языка. – 2001. – № 5. – С. 3-13.
12. *Кравченко А.В.* Когнитивные структуры пространства и времени в естественном языке // Известия АН. Серия литературы и языка. – 1996. – № 3. – С. 3–23.
13. *Кравченко А.В.* К проблеме наблюдателя как системообразующего фактора в языке // Известия АН. Серия литературы и языка. – 1993. – № 3. – С. 45–55.
14. *Кубрякова Е.С.* Язык пространства и пространство языка (к постановке проблемы) // Известия АН. Серия литературы и языка. – 1997. – № 3. – С. 22–31.
15. *Курдюмов В.А.* Курс китайского языка: Теоретическая грамматика. М., 2005.
16. *Лао Шэ.* Лао Шэ Саньвэнь сюань (Сборник эссе Лао Шэ). – Тяньцзинь, 1984.
17. *Маслова В.А.* Когнитивная лингвистика. – 2-е изд. – Мн., 2005.
18. *Мо Янь.* Тоумин дэ хунлобо (Редька, красная снаружи, прозрачная внутри). – Пекин, 1986.
19. *Омельченко О.А.* Изучаем грамматику китайского языка. – М., 2007.
20. *Пэн Вэньчжао, Чжао Лян.* Юйянь вэньхуасюе (Лингвокультурология). – Шанхай, 2006.
21. *Рахилина Е.В.* Когнитивная семантика: история, персоналии, идеи, результаты // Семиотика и информатика. – 1998. – Вып. 36. – С. 274–322.
22. *Рахилина Е.В.* Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. – М., 2008.
23. *Соловых Ю.С.* Изучение категории пространства в современном научном знании // Вестник ОГУ. – 2010. – № 11. – С. 129–131.
24. *Чу Цзэсян.* Сяндай Ханьюй Фансо Ситун Яньцзю (Исследование по системе пеленгов и мест в современном китайском языке). – Ухань, 1998.
25. *Ченки А.* Современные когнитивные подходы к семантике: сходства и различия в теориях и целях. // Вопросы языкознания. – 1996. – № 2. – С. 68–78.
26. *Шукишин В.М.* Рассказы. – М., 1984.
27. *Шукишин В.М.* Шукэшэнь Дуаньпянь Сяошо Сюань (Сборник избранных рассказов В.М. Шукишина). – Пекин, 1983.
28. *Яковлева Е.С.* О некоторых моделях пространства в русской языковой картине мира. // Вопросы языкознания. – 1993. – № 4. – С. 48–61.

ДИАЛОГ КИТАЙСКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ КУЛЬТУР В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Статья посвящена проблеме обучения русскому языку китайских студентов на факультете международных отношений Белорусского государственного университета в аспекте диалога культур.

Ключевые слова: *диалог культур, китайская культура, белорусская культура, обучение русскому языку.*

The article deals with Russian language teaching Chinese students at the Faculty of International Relations of the Belarusian State University in terms of dialogue between cultures.

Keywords: *dialogue of cultures, Chinese culture, Belarusian culture, learning the Russian language.*

В XXI веке диалог культур определяется как осознание современными людьми своих социокультурных особенностей. Китайские студенты, изучающие русский язык, являются носителями богатейшей китайской культуры и проводниками интереснейшего языкового наследия великой цивилизации. Осваивая русский язык, находясь в языковой среде Беларуси, китайские студенты сравнивают лексические понятия изучаемого и родного языков, оценивают, сопоставляя, языковые явления китайского и русского языков. Погружение в языковую среду и реалии белорусской культуры предполагает интенсивное усвоение фонетических, лексических и морфолого-синтаксических единиц языка. Но овладеть языком интенсивно и в полной мере можно только в рамках социума. Изучая язык, следует учитывать наличие множества экстралингвистических факторов, которые не всегда понятны сразу. В этих ситуациях принцип опоры на родной китайский язык и родную китайскую культуру способствует более точному пониманию студентами того или иного фрагмента действительности, поиску смысла, т.е. выделению личностно-значимых и ситуативно-актуальных характеристик окружающего мира. Сложность для понимания китайскими студентами представляют выражения эмоциональной оценки, качественная семантика, образность, символика, зашифрованные в СКЕ (социокультурных единицах).

Обучение иностранных студентов в условиях Беларуси обладает спецификой, которая предполагает обучение русскому языку и белорусской культуре. Данный этап обучения, в нашем понимании, подразумевает использование особой языковой среды, в которой деликатно направляемый преподавателем обучаемый будет усваивать социокультурные единицы живого русского языка, функционирующего на территории Беларуси. Русский язык в этом случае выступает средством познания мировой и национальной культуры, инструментом достижения межкультурного взаимопонимания. При обучении китайских студентов русскому языку в Беларуси гармонично сочетается проблема привнесения белорусского социокультурного компонента в содержание обучения на основе русского языка, который как

«...язык-посредник используется при обучении другим восточнославянским языкам», как отмечала Л.Н. Чумак [3, с. 3].

Социокультурная единица (СКЕ) – это единица языка, содержащая в своем значении тот компонент отображения действительности, который является реальным фактом культуры страны изучаемого языка. Социокультурная единица может быть облачена в форму слова или словосочетания. Языковая, лингвистическая принадлежность социокультурной единицы подтверждается свойствами данного языкового явления, для которого характерны коммуникативность, частотность, воспроизводимость, стандартизованность, стилистическая окрашенность, грамматическая оформленность, синтаксическая оформленность.

Проблемы отбора и организации СКЕ на основе коммуникативного подхода требуют более подробного рассмотрения в аспекте использования СКЕ в речи при овладении иноязычной культурой. Особое внимание к процессу речевой деятельности и актам речевого общения является важнейшим элементом в коммуникативном подходе к русскому языку как иностранному. По утверждению И.А. Зимней, речевое общение является своеобразным видом человеческой деятельности, которая представляет собой процесс обмена информацией. Если рассматривать речевое общение как социальное взаимодействие, то в нем выделяются следующие элементы: «...коммуниканты, объект речевого общения, языковые и социокультурные единицы, невербальные средства общения, отдельные действия, способы осуществления действий, мотивы, побуждающие коммуникантов к общению, смысл и условия взаимодействия» [2, с. 43]. С позиции коммуникативного подхода, включенные в содержание обучения СКЕ необходимо рассматривать в речевом произведении, фразе, высказывании, тексте (монологе или диалоге). Только тогда учитываются мотивы речевого действия, условия коммуникации и статус коммуникантов, участвующих в формировании содержания высказывания и выборе его оформления. Разработка социокультурного материала для обучения китайских студентов на основе коммуникативного подхода позволяет уточнить и по-новому интерпретировать проблему отбора единиц обучения. Прежде всего, единица обучения должна включаться в образовательный процесс с обучающей целью – научить учащихся использовать данный вид единиц в различных видах речевой деятельности, предусмотренных программой.

Социокультурная единица так же, как и лексическая единица, включает ее семантические доли, которые представляют социокультурный фон. «Фон – это вид знаний (по Верещагину и Костомарову), потенциально присутствующих в сознании человека и той общности людей, к которой данный индивид принадлежит» [1, с. 43]. Знания хранятся в памяти человека и соответственно коллектива, но их актуализация зависит от потребности в них и протекает не одновременно, а последовательно. Данный вид знаний представляет собой явление массового, общественного языкового сознания.

Отбор СКЕ в методических целях производится на основе следующих критериев: тематического критерия, социокультурной ценности, типичности употребления, интеграционности (принадлежности к разным сферам общения), аксиологичности и воспитательной ценности.

Основные, самые важные и значимые понятия, с которых начинается обучение, заключены в СКЕ общественных: *Белая Русь, Беларусь, Республика Беларусь, белорусский язык, белорус, белоруска, белорусы, Президент Беларуси, Белорусский государственный флаг, Белорусский государственный герб, Белорусский государственный гимн, белорусский рубль, белорусский народ, Белорусский государственный университет, Минск, Минская область, минчанин, минчанка, минчане*. Социокультурные единицы содержат в семантических долях то значение, которое необходимо для усвоения: понятие государственности, суверенности, самобытности.

Объемную группу, предназначенную для усвоения в первых занятиях по русскому языку, представляют личностные СКЕ: *Франциск Скорина, Евфросиния Полоцкая, Янка Купала, Якуб Колас, Петр Миронович Машеров, Александр Григорьевич Лукашенко, Марк Шагал, Михаил Савицкий, Михаил Клеофас Огинский, Максим Богданович, Станислав Монюшко, Жорес Алферов, Владимир Мулявин, Ксения Ситник, Александр Глеб, Максим Мирный, Виктория Азаренко*. Имена собственные, в сущности, лишены лексического понятия, но с точки зрения социокультурной ценности, они составляют основную группу СКЕ, которые составляют своеобразие и неповторимость белорусского социокультурного фона. Каждое имя несет особый отпечаток индивидуальности его носителя, что может представлять интерес с методической точки зрения, а именно: стать основой темы общения, предметом коммуникации и даже полемики или дискуссии.

Ономастические социокультурные единицы обладают яркой специфичностью, особыми социокультурными акцентами, создающими возможность коннотации. Это обстоятельство побудило нас к выделению внушительной группы СКЕ географических: *Брест, Витебск, Гомель, Гродно, Могилев, Полоцк, Заславль, Туров, Солигорск, Полесье, Нарочь, Неман, Припять, Пинск, Силичи, Раубичи, Вязьинка, Сморгонь, Шклов*.

СКЕ праздничные составляют особую группу, выявляющую подгруппы: а) общие праздники, связанные с советским прошлым страны: *Новый год, День защитника отечества, Международный день женщин, 8 Марта, День международной солидарности трудящихся 1 Мая, День Победы, День Октябрьской Революции*; б) белорусские праздники: *День независимости, Рождество (католическое), Рождество (православное), Дожинки, День БГУ*; в) фольклорные: *Деды, Масленица, Коляда, Купалье, Пасха, Радуница, Троица*; г) семейные: *свадьба, новоселье, день рождения, юбилей*.

Значительную группу составляют СКЕ природные, включающие названия природных заповедников, животных, растений, птиц: *Беловежская пуца, Березинский заповедник, зубр, карп, аист, угорь, лен, василек*. СКЕ бытовые подчеркивают значения народных блюд, напитков, игрушек в жизни белорусов: *бабка, драник, смажень, жалейка, хата, кукла из соломки, светильник из соломки, белорусская керамика*.

СКЕ мемориальные связаны с историческими событиями в жизни белорусского народа: *Немига, Несвиж, Троицкое предместье, Брестская крепость-герой, Курган Славы, площадь Победы, Минск – город герой, Хатынь*.

Яркую своеобразную группу составляют СКЕ – культурные объекты: *Белорусский государственный музей народной архитектуры и быта Дудutki, Национальная библиотека Беларуси, Национальный академический театр имени Янки Купалы, Национальный художественный музей Республики Беларусь, минский Дворец детей и молодежи, музей Белорусского государственного университета, Национальный академический театр оперы и балета.*

СКЕ информационные представлены в следующей группе: *Общенациональное Телевидение (ОНТ), Первый национальный канал, «СБ» (Беларусь сегодня), «Знамя юности», «Вечерний Минск», «Минский курьер».*

СКЕ зрелищные, представляющие названия танцев, спектаклей, опер, телепередач, музыкальных групп: *«Страсти» (Рогнеда), «Лявониха», «Павлінка», «Песняры», «Сотворение мира», «Крама», «Новости».*

СКЕ сленговые проникают в речь иностранных учащихся спонтанно, бессистемно и создают предпосылки для социокультурных ошибок. На наш взгляд, следует разъяснить иностранным учащимся нормы употребления данных СКЕ, к которым относятся следующие: *зачетка, хвост, халява, жесть, классный, суперский, супер* и др.

Отдельную группу представляют СКЕ-обращения. В белорусском обществе не сложилась традиция употреблять статусные обращения. Все еще функционируют в современном русском языке Беларуси обращения: *«Товарищ! Товарищи! Коллега! Коллеги! Ребята! Девчонки! Девушка! Женщина! Мужчина! Молодой человек! Дедушка! Бабушка!».* Так как русский язык использовался как средство общения и в советское время, эти обращения сохранились и сегодня, как и обращения по имени-отчеству. Но существуют и особые СКЕ-обращения: *хлопчик, хлопцы, сябры*, как следствие интерференции.

Небольшую по объему группу СКЕ, предназначенную для усвоения, представляют условно названные СКЕ-досуговые: *дача, охота, рыбалка, грибы, ягоды, черника, голубика, малина, варенье, огурцы, помидоры, салаты, капуста («ставить капусту»).*

Первоначально отбирается минимальное количество СКЕ, необходимых для создания учебной коммуникативной ситуации в соответствии с потребностями китайских студентов, осознания ими тех социальных ролей, в которых они намерены выступить, познавательных, обучающих и воспитательных целей обучения.

Обучение в языковой среде создает условия для интенсивного обучения русскому языку. Обучающая языковая среда порождает ситуации постоянной коммуникации и плотности общения, когда возрастает внутренняя и внешняя активность обучаемых, что способствует более успешному овладению русским языком.

Таким образом, диалог культур нацеливает на социальную и культурную интеграцию китайских студентов в русскоязычный студенческий социум, создает возможности для сотрудничества на различных уровнях, стимулирует толерантность и уважение друг к другу.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Верещагин, Е.М., Костомаров, В.Г.* Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М.: Русский язык, 1990. – 246 с.
2. *Зимняя, И.А.* Психология обучения неродному языку / И.А. Зимняя. – М.: Русский язык, 1989. – С. 43.
3. *Чумак, Л.Н.* Беларусь: лингвокультурологический комплекс: пособие для иностранных студентов / Л.Н. Чумак. – Минск: БГУ, 2008. – С. 3.

Гобова Е.В.
(Киев, Украина)

«МИРНЫЙ ПОДЪЕМ КИТАЯ» В КИТАЕЯЗЫЧНОЙ ПРЕССЕ: ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА

В статье рассматриваются различные этапы развития концепции «мирного подъема Китая» и образа КНР, создаваемого в различных источниках китаеязычной прессы – государственных новостных изданий материкового Китая, Гонконга, Тайваня и частично Макао и Сингапура. Также проводится сравнение функционирования данной концепции в ее англоязычном варианте.

Ключевые слова: *«мирный подъем Китая», образ Китая, международная политика.*

In the paper we analyze different periods of development of the “China’s peaceful rise” concept and the PRC’s image as it is created by different Mandarin press – government news agencies of the mainland China as well as Hong Kong, Taiwan and partially Macau and Singapore. Functioning of the concept in Mandarin is compared to its English variant.

Keywords: *“China’s peaceful rise”, China’s image, international policies.*

«Мирный подъем Китая» (和平崛起) считается общим принципом и стратегией внешней политики времен правления Ху Цзиньтао. Полностью фраза звучит как 中国对内寻求和谐, 对外寻求和平. И в более лаконичной и символической формулировке сводится к одному иероглифу 和, которым выражается гармония отношений внутри государства и мирный характер страны по отношению к соседям и партнерам. Впервые такая формулировка прозвучала в официальной речи Чжэн Бицзяня на Азиатском форуме в Боао, в октябре 2003 года. Позже ее использовал также премьер-министр Вэнь Цзябао на саммите АСЕАН.

Большинство китайских источников указывает на то, что эта концепция возникла как ответ на теорию «китайской угрозы», и более конкретно – на отдельные высказывания Збигнева Бжезинского и Генри Киссинджера [1; 2]. Подчеркнуто мирный характер китайского развития при этом - противопоставление китайской стратегии международных отношений террористическим атакам, произошедшим

11 сентября 2001 года. В англоязычных изданиях буквальный перевод этого названия “China’s peaceful rise” нередко заменяется на более нейтральное по своему звучанию “China’s peaceful development”. Слово “rise”, в отличие от “development”, имеет негативную коннотацию со смыслом «восстание, переворот». Постепенно, со все более активным употреблением этой концепции в официальной риторике, в китайском языке так же все чаще используется именно такая версия этого названия – «мирное развитие Китая» (中国和平发展) или совмещенная формулировка – «мирный подъем и развитие Китая» (中国和平崛起与发展). Особенно часто это можно встретить в статьях, касающихся внешней политики и дипломатических отношений и направленных частично на иностранную аудиторию.

В целом, создаваемый официальными источниками образ мирного и развивающегося Китая в первую очередь направлен на формирование внешнего образа страны, в частности не только за рубежом, но и в Гонконге и на Тайване [4; 5]. Отдельного рассмотрения заслуживает также китаезычная пресса Макао и Сингапура, что входит в наши дальнейшие планы изучения этой проблемы.

Что характерно, речь о мирном подъеме Китая очень часто идет в тех случаях, когда описывается перспектива построения добрососедских и равных отношений с Гонконгом и Тайванем. При этом в тайваньской прессе «мирный подъем Китая» часто используется в таких контекстах, как: сомнение в возможности достижения мирного подъема, возможности использования мирных средств на этом пути и анализ скрытых угроз данной стратегии. В гонконгской прессе концепция мирного подъема чаще упоминается как международная стратегия и сравнивается с «подъемом больших стран» (大国崛起), рассматриваются различные экономические и политические аспекты этой концепции.

В то время как «мирный подъем» и «мирное развитие» постулируются не как самоцель и будущий результат, а как стратегия на будущее и как путь достижения всеобщего благополучия (в первую очередь в азиатском регионе и в отношениях между «большими странами»), в отдельных текстах они контекстуально описываются как конечный итог политики реформ и открытости. Упоминается «дорога к мирному подъему», «возможность достижения мирного подъема и/или развития», обсуждаются возможные временные рамки становления мирного подъема и т.п. В таких контекстах очень часто путь мирного развития приравнивается к росту и процветанию всего региона или даже мира [4].

Если рассматривать эволюцию этого образа и концепции во временных этапах его функционирования, то с начала возникновения и до нынешнего времени можно приблизительно выделить такие три периода: возникновение (с 2003 по 2008 года), развитие (2008–2010), укрепление и популяризация (2008–2014). Каждый период имеет свои особенности в плане употребления, связанные с общим дискурсом. Так, начиная с 2003 года, когда был создан и введен в обиход данный термин, и до 2008 года, а точнее начала мирового экономического кризиса, этот концепт только «обрастал» смыслом и наполнялся значением, в прессе того времени встречаются в основном дискуссионные статьи, в которых обсуждается его происхождение, значение и перспективность. Позже, с 2008 по 2010 год, в статьях чаще описывалось

его важность для внешней политики Китая, условия реализации и достижения мирного подъема наименьшей ценой и в целом эта концепция уже рассматривается как данность и один из ключевых направлений дальнейшего развития страны. Примерно начиная с 2010 года и до самых последних по времени издания статей мирный подъем и/или развитие Китая упоминается в аналитических статьях, посвященным внешним и внутренним условиям международных отношений Китая, часто встречается уже «вторичное» использование этого термина – в переводах цитат иностранных политических аналитиков или лидеров больших государств. В том числе достаточно резкой критике поддаются любые сомнения со стороны иностранных аналитиков или СМИ в возможности реализации этой концепции, или же искренность мирных намерений китайского правительства. В то же время практически констатируется успешная реализация политики «мирного подъема» в азиатском регионе, идет речь о формировании нового мирового порядка, а сам Китай нередко описывается как новый и эффективный гарант мировой безопасности.

В данный момент следует заметить, что в заголовках статей китаеязычной прессы «мирный подъем Китая» встречается реже и значительно уступает по количеству упоминаний новой концепции Си Цзиньпина – «Китайской мечте» (中国梦). Таким образом, с самого начала абстрактная концепция «мирного развития и мирного подъема» постепенно наполнилась конкретными смыслами и образами, которые и до сих пор употребляются СМИ материкового Китая, в прессе Гонконга, Тайваня и других китаеязычных регионов. Кроме того, успешно эта формулировка успешно введена в обиход в ее англоязычном варианте и часто используется главами иностранных государств (США, Великобритания и т.д.) [6].

Легко провести определенную параллель с традиционными для китайской истории «девизами правления» императоров. В культурном плане это описывается как продолжение традиций древнего Китая в современных социо-политических реалиях страны и потому такие концепции и лозунги весьма позитивно принимаются широкими слоями населения и при этом достаточно легко входят в обиход. Изначально абстрактные и размытые формулировки обретают конкретное содержание не в последнюю очередь благодаря такому общественному отклику. Несомненно, «мирный подъем Китая» имеет корни и в более ранних высказываниях китайских политиков, в частности Дэн Сяопина [1; 3], но именно в начале 2000-х годов он сформировался в целую стратегию международных отношений страны и даже принципом создания нового миропорядка (по крайней мере, с точки зрения самого Китая). Причиной такому успеху, не в последнюю очередь, можно считать именно традиционалистский подход к созданию данной концепции.

ЛИТЕРАТУРА

1. 仲光友。中国走“和平崛起”之路是历史和现实的统一 – 2005(01).
2. 樊体宁。论中国和平崛起的发展道路 // 国际关系学院学报 – 2005(03).
3. 房宁, 王淑梅。试论邓小平的中国和平崛起思想 // 北京联合大学学报(人文社会科学版) – 2004(04).

4. Wang Jianwei. China's Peaceful Rise: a comparative study // EAI Fellows program working papers series – 2009. – No. 19. – 38 p.
5. 刘雨辰。中国和平崛起视角下的东亚秩序重构——从霸权秩序到合作秩序的转换 // 教学与研究 – 2014(03).
6. Keller, William W., and Thomas G. Rawski. "China's Peaceful Rise: Roadmap or Fantasy?" // China's Rise and the Balance of Influence in Asia. – 2007 – p. 193–207.

Головня А.И., Ян Сяоянь
(Минск, Республика Беларусь)

ГЕНДЕРНЫЙ СТЕРЕОТИП КОНЦЕПТА «ЖЕНЩИНА» В КИТАЙСКОЙ НАИВНОЙ КАРТИНЕ МИРА

В данной статье описываются гендерные стереотипы концепта «женщина», сформированные в течение тысячелетий существования китайской культуры. В процессе анализа мы обратились к наиболее авторитетным словарям китайского языка. При подготовке данной статьи исследовано большое количество пословиц и поговорок, в которых отражено положение женщины в старом китайском обществе, ее образ жизни, идеи, ценности. Концепт «женщина» исследован нами в связи с концептами супружество, личностные характеристики женщины, отношения родства. Проанализированные грамматические формы паремий дали возможность сделать выводы о легитимизации социальных стереотипов, зафиксированных в пословичной картине мира, путем связывания их с явлениями природы, являющимися априорными. Этимология китайских иероглифов дает возможность сделать заключение о подчиненном положении замужней женщины и женщины вообще.

Ключевые слова: *гендерный, стереотип, концепт, женщина.*

This article describes gender stereotypes of the concept "woman", formed over thousands of years of existence of the Chinese culture. We turned to the most authoritative Chinese dictionaries, examined a large number of proverbs and sayings that reflect the position of women in the old Chinese society, her way of life, ideas and values. The concept "woman" was investigated in connection with the following concepts: marriage, personal characteristics of women, family relations. Analyzed grammatical forms of Chinese proverbs enabled us to conclude about the legitimation of social stereotypes in proverbs by linking them to natural phenomena, which are legal a priori. Etymology of Chinese characters makes it possible to draw conclusions about the subordinate position of married women and women in general.

Keywords: *gender, stereotyp, concept, woman.*

Исследование гендерных стереотипов концепта *женщина* в китайской наивной картине мира весьма значимо и актуально. Данный концепт рассматривается в

связи со следующими концептами: красота, поведение, нравственность, характер замужней женщины, целомудренность, зависимость, ответственность матери.

Е.С. Кубрякова считает: «Чтобы совершить выделение и номинацию какой-либо сущности, за обозначаемой вещью или признаком вещи... должна стоять определенная ее ментальная репрезентация, – ее и именуют концептом» [3, с. 10]. По мнению А. Вежбицкой, для осмысления информации, полученной человеком по разным каналам, недостаточно только одних концептов, «нужны осмысленные комбинации концептов». Информация об объективном мире существует в ментальном пространстве человека в виде представлений, образов, фреймов, сценариев, стереотипов и т.д. [2, с. 299].

Для анализа данного концепта мы выбрали самые авторитетные словари китайского языка: Новый современный китайский словарь [5], словарь «Море слов» [9], Большой китайский словарь [10], а также двухтомный «Сборник китайских народных речений, пословиц и поговорок», изданный в Чжэнцзюу в 2001 году [6]. Это наиболее полное издание, вышедшее в Китае. Из книги, содержащей 41404 изречения, мы выбрали 370 пословиц, репрезентирующих концепты *мужчина* и *женщина*. Для выбранных нами паремий предлагается выполненный нами перевод, в котором реализуется стремление сохранить жанровое своеобразие народных выражений: лаконичность, ритм, лексическую наполняемость и грамматическую структуру фраз. По возможности не опускались и не вводились новые слова. Если языковые различия не позволяли сделать точный перевод, то в особых случаях использовалась дополнительная лексика, отсутствующая в оригинале, но помогающая адекватному восприятию ритмически организованных речений.

По принадлежности к семантическим областям можно выделить две основные группы концептов, связанных с концептом *женщина*: а) личностные характеристики женщины – внешность и характер женщины и жены (понятия злая и добрая жена); б) супружество (в китайском языке эта группа концептов представлена наиболее широко). Внутри нее можно выделить ряд более мелких подгрупп: бытовая и хозяйственная деятельность жены, взаимозависимость мужа и жены, главенство мужа, принадлежность семье мужа и др.; в) отношения родства – мать, невеста, теща, сваха и др.

Во всех группах доминирует андроцентричный взгляд, что в целом характеризует положение женщины в китайском обществе как подчиненное. При концептуализации лексемы *женщина* через ее личностные характеристики, выявлено, что концепт *женщина* в китайской пословичной картине мира неразрывно связан с двумя основными подгруппами концептов.

Внешность. Каждой женщине свойственно стремление к красоте, для мужчин это женское качество также важно: *男子所爱在容貌 – Мужчины склонны ухаживать за красивой девушкой.* Красота женщины может компенсировать ее недостатки в других областях: *不打扮, 不美扮, 擦擦抹抹赛貂蝉, 十八, 廿三, 塞过牡丹 – Неодетая девушка неприглядна, а после прихорашивания выглядит красивее, чем красавица Дяо Чань.* Таким образом, концепт *красота*, будучи связанным с концептом *женщина*, придает положительную окраску последнему, *女为悦己者容 – Женщина устремляется к красоте для любимого.*

Стремление женщины к красоте ставило женщину по отношению к мужчине на подчиненный уровень. Нормы поведения женщин в Китае включали использование определенного рода украшений, а критерии красоты и уродства определялись мужчинами: 凡笑语。莫高声 – *Смех обязательно должен быть тихий*; 花为肠肚，雪作肌肤 – *Кожа должна быть цвета снега*; 笑不露齿，食不出声，行不露足 – *При улыбке зубы не видны, при приеме пищи не стучат, при ходьбе не видны подошвы*. Использование глаголов настоящего времени с повелительными коннотациями весьма характерно для паремий китайского языка.

Главный секрет женской привлекательности в Китае состоит в цвете. Т. Михайлова считает, что в традиционной китайской культуре при описании красивой внешности в качестве главного параметра выступают не гармоничность и правильность черт лица, стройность фигуры, здоровые зубы, пышные блестящие волосы, а цвет глаз и волос, иногда дополнительно – цвет лица [4, с. 145]. Красота человека может «выцветать». В Китае о старой женщине говорят, что у нее цвет вылинял. Сравнение девушек с цветами объясняется их стремлением наряжаться в одежду ярких цветов. В качестве цветов-маркеров красивой внешности в китайской культуре выступают три – *красный (алый), белый, черный* (ср. *алые губы, белая кожа, черные волосы, глаза, брови*).

Стоит отметить то, что молодость в китайской пословичной картине мира тесно связана с женской красотой, а старость ее утратой: 白头花钿满面，不若徐娘半妆 – *Красивые цветы стыдятся, когда их втыкают в волосы пожилые женщины*.

Характер. Покорность – самая важная нравственная черта китайских женщин, и она является самым важным требованием семьи, предъявляемым к женщине в феодальном обществе.

Злая жена – это типично китайский концепт, который характеризует непокорную жену. Изображение «злых», то есть непокорных женщин в пословичной картине мира следующее: 世间三件休轻惹，黄蜂老虎狠家婆 – *На белом свете лучше не встречаться с тремя существами: осой, тигром и безжалостной женой*; 毒妇心是鹤顶红 – *Яд черного скорпиона и зеленой змеи не так опасны, как яд, находящийся в сердце женщины*; 乱丝难理，泼妇难治 – *Случайные проводы трудно проводить хорошо, со сварливой женой трудно справиться*.

Сварливая, злая и безжалостная жена – это определения, которые применяются относительно сильных женщин, которые борются за свои права. *Невинная, хорошая, добродетельная* – в китайской пословичной картине мира это определения для покорных женщин.

Положительно коннотированную женскую безграмотность зафиксировала пословица – 女子无才便是德 – *Безграмотность – женская добродетель*.

С точки зрения мужчины, хорошая жена должна также иметь достойное поведение и изящные манеры. При этом мужчина требует и соответствия внутренней и внешней красоты женщины: 出得厅堂，下得厨房 – *Жена должна хорошо готовить и выглядеть так, чтобы с ней можно было пойти на прием*.

Так называемый *хороший характер* – в терпении, доброте и трудолюбии. Внутренняя красота имеет преимущество над внешней красотой в случае, когда мужчина выбирает партнера на всю жизнь: *与其择漂亮的脸, 不如择善良的心 – Красивому лицу предпочитай доброе сердце*; *一个美丽的姑娘只能悦目, 一个高尚的姑娘能够贴心 – Красивой девушкой хорошо только любоваться, добрая девушка будет хорошей супругой*; *美妇悦人眼, 贤妇悦人心 – Красивая женщина веселит глаза, мудрая женщина веселит сердце*.

Отношение к браку. Традиционная китайская семья придает большое значение браку: *男大当婚, 女大当嫁 – Взрослый мужчина должен жениться, взрослая женщина должна выйти замуж*; *天要下雨, 女子要嫁人 – С неба должен идти дождь, девушка должна выйти замуж*; *早饭不开, 因为不到时候, 男人不娶妻, 因为还小 – Пока не завтракал – считается рано, пока не женился – считаешься маленьким*. При концептуальном сходстве в представлении о том, что брак – на всю жизнь, можно отметить и существенные различия в видении брака женщинами и мужчинами. Общими представлениями о браке являются: *嫁夫不好一世错 – Женщины боятся вступить в неправильный брак*; *种不好庄稼一季子, 说不好媳妇一辈子 – Плохой урожай на один год, но плохая жена влияет на тебя всю жизнь*.

Различия в представлении о браке у мужчин и женщин заключаются в том, что «плохая» жена в китайской пословичной картине мира – неприемлема и является неоспоримым злом, в то время как «плохой» муж может быть исправлен «хорошей» женой: *劣马失蹄子, 笨妻毁家 – У спотыкающейся лошади телега ломается, у дурной жены семья разваливается*; *快马载笨蛋, 聪明女人找傻男 – Рысак часто везет на себе дурака, мудрая женщина часто живет с глупым мужчиной*; *好男无好女, 懒人坐吃山空 – У хорошего мужчины нет хорошей жены, а лентяю досталась ветка с цветами*.

Быт и хозяйство. В китайской пословичной картине мира женщины должны подчиняться мужчинам. При разделении труда мужчина должен работать на улице, женщина – дома. Это не просто вопрос социального разделения труда, но общий принцип бытия «между небом и землей»: *女正位乎内, 男正位乎外, 男女正, 天地之大义也 – Правильное место женщины – дома, мужчины на улице, мужчина и женщина должны каждый находиться на своем месте, это правое дело Вселенной* [5, с. 496]. Таким образом, в древности деятельность женщины была ограничена только домом, семейной жизнью, узким кругом занятий. Эта реальность отражена во множестве пословиц: *男子走州又走县, 女子围着锅台转 – Мужчина проедет по всей стране, а место женщины на кухне*; *姑娘讲绣花, 秀才讲文章, 农民讲种地, 渔民讲海洋 – Девушка должна уметь вышивать, ученый – писать статьи, фермер – заниматься сельским хозяйством, рыбак – ловить рыбу*; *男勤耕. 女勤织, 丰衣又足食 – Мужчина должен пахать землю, женщина должна ткать. Только тогда одежда и питание будут богатыми*; *男主外女主内 – Мужчина работает на улице, женщина остается дома*.

Женщины в традиционном Китае были обречены на затворничество. Они *大门不出, 二门不入 «закрываются, не выходят из ворот дома и дверей комнаты»*, никоим

образом не могут развивать свой талант. Женщине приходится служить своим родителям или старшим в семье, или мужу и сыновьям. Она не имеет права оторваться от своих домашних занятий и выйти из дома.

Положение женщины-домохозяйки делает ее подчиненной мужчине и исключает для нее любой общественный статус: 女子无才便是德 – *Если у женщины нет таланта — это уже добродетель.*

Зависимость жены. Этимологический словарь «Слова и объяснения» [7] дает следующее описание происхождения иероглифа 妻 – жена. Снизу знак 女 женщина, выше – трезубец, символизирующий руку, а палочка в руке, на конце которой горизонтальная черта символизирует метлу или веник. Считалось, что как только мужчина вручает 女 женщине веник – это означает, что он считает ее своей женой и доверяет ей ведение домашнего хозяйства.

В мире, где доминируют мужчины, женщины находятся под защитой и господством мужчины: 虎凭山, 官凭印, 婆娘凭的男子汉 – *Тигр опирается на гору, чиновник опирается на печать, жена опирается на мужа.* Судьба женщин находится в руках мужчин: 人生莫作妇人身, 百般苦乐由他人 – *На белом свете нельзя быть женщиной, страдание и радость которой не находятся в зависимости от других.* 最亲不过父母, 最近不过夫妻 – *Самые родные – родители, самые близкие – супруги,* гласит пословица, но жена получает такую близость ценой полной подчиненности мужу. Традиционной китайской этике характерна «абсолютная власть мужа над женой»: 天字当头, 夫做主 – *Муж как небо, все зависит от него; 媳妇是墙上的泥. 去了旧的换新的 – Жена как обои на стене, старые уходят, новые придут; 媳妇不打, 上屋揭瓦 – Если бы жену не побил, то она бы дом взорвала; 娶到的媳妇买到的马, 任我骑来任我打 – Жена как купленный конь, на ней можно ездить и бить; 打倒的媳妇, 和倒的面, 灶下的妻, 胯下的马, 任我骑来任我打 – Жена на кухне как лошадь, на которой можно поехать и которую можно побить.*

С другой стороны, подчеркивается, что тихая незаметная женщина выполняет важную функцию поддержки своего мужа: 功名出于闺阁 – *Слава приходит благодаря жене; 头发丝绑得住老虎, 善良妻劝得转恶夫 – Волосами можно связать дивного тигра, добрая жена может повлиять на плохого мужа; 家有贤妻, 男人不做横事 – Если дома сидит добрая жена, муж не делает зла.*

Пословицы с лексемами муж и жена в пословицах и поговорках также фиксируют взаимозависимые отношения: 夫妻恩爱到白头 – *Если супруги любят друг друга до седины, даже бедная и убогая жизнь будет счастливой; 夫妻同苦共甘, 棒打鸳鸯不散 – Если супруги вместе пережили трудности, их не разлучат даже под палками; 鲜花虽美怕寒霜, 夫妻恩爱寿无疆 – Свежие цветы хоть красивы, но боятся мороза и инея, а если супруги любят друг друга, нет предела жизни.*

Большинство китайских пословиц и поговорок с семами родства двуплановы – они одновременно могут иметь и буквальное, и переносное значение. Пословица 一张床上说不出两样话 – *В одной постели не говорят по-разному,* имеет

переносное значение: *Муж и жена – одна сатана, Муж с женой бранится, да под одну шубу ложится.*

Принадлежность женщины семье мужа. Следует заметить, что по-китайски слово жениться буквально означает *брать в дом жену*, а выходить замуж – *покидать семью*. Этимологический словарь «Слова и объяснения» [7] дает этимологию иероглифа 嫁 – выходить замуж, так: 女 – женщина приходит к мужчине в 家 – дом, чтобы выйти за него замуж, т.к. у него дома есть 豕 – свинья – значит мужчина сможет прокормить семью.

После вступления в брак женщины становятся частью семьи мужа: 生是夫家人, 死做夫家鬼, 有夫从夫无夫从子 – *Пока женщина жива, она принадлежит семье мужа, когда умирает, ее привидение принадлежит семье мужа, Муж жив, женщина подчиняется ему, без мужа подчиняется сыну.*

Большинство китайских пословиц отражает конкретные требования к женщине, связанные с ее покорностью: быть послушной матери мужа, жить в гармонии с женами братьев и сестрами мужа, служить мужу, заниматься домашним хозяйством. Покорность женщины – важнейшее ее качество: 好妻子听从婆婆, 好儿子听从老师 – *Любящая жена почтительна к свекрови, любящий сын почтителен к учителю.*

В китайских пословицах и поговорках с лексемой жена замужество и эмоциональная привязанность не являются идентичными, брак имел преимущественно экономический характер и используемые в паремиях, относящихся к браку, лексемы не соотносятся с семантической сферой эмоций и привязанностей: 娶妻娶妻, 烧饭洗衣; 嫁汉嫁汉, 穿衣吃饭 – *Женятся ради готовки и стирки, замуж выходят ради одежды и еды.*

Понятие родства в Китае представлено в толковом словаре «Эръя». Он был составлен в начале ханьской эпохи.

В китайских пословицах с семами родства часто используются устаревшие слова, например: 姑娘是个菜籽命, 撒到哪得哪得生 – *Судьба девушки как семя, где посеял, там должно вырасти* имеется слово 哪得 – где-нибудь, которое используется только на юге Китая. В пословице 长兄如父, 老嫂比母 – *Старший брат – как отец; старшая невестка – как мать* есть прилагательное 老, его прямое значение – *старый*, которое в данной паремии используется в значении *старший*.

В китайских пословицах и поговорках с лексемами родства, в которых описывается концепт женщина, широко используются переносные значения слов. Например, 娘勤女不懒, 爹懒子好闲 – *Трудолюбивая мать – и дочь такая, ленивый отец – и сын туда же* имеется слово 女 – основное значение его – *девушка*, однако в этой пословице оно используется в значении *дочь*.

婆婆都是对 – *Свекор говорит – свекор прав, свекровь говорит – свекровь права*; 只愁母老, 不愁孩小 – *Не нужно переживать о том, что сын слишком мал; нужно переживать о том, что мать стара.*

В группе родства наиболее важными для анализа концепта женщина являются, на наш взгляд, материнство и девичество – они являются самыми многочисленными подгруппами в данной группе.

Материнство. Иероглиф 女 – нной в простом написании восходит к рисунку матери и ребенка под ней [8], а в полном – к детальному отображению процесса родов [11, с. 478]. В современном языке второй иероглиф имеет несколько значений: 1) дать жизнь, родить; 2) выращивать, воспитывать, готовить, ухаживать, вскармливать. Данные функции приписываются матери. Однако особенность употребления этого иероглифа в китайском языке заключается в том, что он используется также в значениях: *выращивание, селекция, откорм, образование, пестование талантов, физкультура* и т.д.

В традиционном китайском сознании, женщина несет на себе ответственность за воспитание детей. Слова и поведение матери влияют на душу и поведение детей: 母要癡狂。女必轻贱 – *Если мать сумасшедшая, дочь будет худородная; 娘勤女不懒 – Если мать трудолюбивая, дочь не будет ленивой; 娘好女好, 苗好米好 – Какова мать, такова и девушка, из лучшей рассады вырастает вкусный рис; 教子不严父之过, 养女不贤娘的错 – Если сын неуч, виноват отец, если дочь не добродетельна, виновата мать; 嫌母丑, 狗不嫌家贫 – 狗不嫌家贫, 子不嫌母丑 Дети не брезгают, что мать некрасива, собака не брезгает, что семья бедна.*

В патриархальном обществе процветание в старости зависит от количества членов семьи. Таким образом, для увеличения семьи, продолжения рода, обеспечения себя в старости и даже победы в решении конфликтов между семьями-соседями, надо было иметь как можно больше детей, что было основной задачей и непосредственной целью брака для мужчины, и важнейшей обязанностью женщины: 不孝有三, 无后为大 – *Непочтительное поведение проявляется в трех аспектах, самый серьезный аспект – жить без детей; 母以子贵 – Мать почтенна благодаря ребенку; 有子方为妻, 无子便算婢 – Женщина с сыном называется женой, без сына – рабыней.* Неудивительно, что в китайском традиционном обществе женщина, которая рожала много детей, пользовалась большим уважением. И наоборот, если женщина не могла родить или рожала мало детей, она подвергалась дискриминации и плохому обращению, и даже могла быть изгнана из семьи мужа.

Традиционная китайская этика требовала от женщины не только рожать как можно больше детей, но и воспитывать их. При этом по сравнению с отцом, мать всегда находилась в невыгодном положении, несмотря на всю ее ответственность. Мать и отец не могли быть равными, потому что в пословицах зафиксировано: 母亲而不尊, 父尊而不亲 – *Мать близка, но ее не стоит уважать; отец не близок, но его стоит уважать.* Близкие отношения подразумевали чувства, а уважение – статус и власть. Уважение к матери подтверждало ее достижения в воспитании детей и ведении хозяйства, но речь шла не об уважении к женщине, а о семейном статусе матери. Хотя пословица 既嫁从夫, 夫死从子 – *После вступления в брак, надо подчиняться мужу, после смерти мужа – сыну* красноречиво свидетельствует о том, что статус матери в семье был ниже, чем сына, не говоря уже о статусе отца-мужа. Таким образом, почтение к матери возникало только благодаря уважению к отцу, мать играла вспомогательную роль.

Девичество и статус невесты. При вступлении в брак китайцы предпочитали трудолюбивую девушку из большой семьи, а не красивую девушку из маленькой. Считалось, что если женщина воспитывалась в большой семье, то она более трудолюбивая и послушная.

При выборе надежной жены, мужчины судили о характере девушки по членам ее семьи, особенно матери девушки: 娶女看娘, 种树看秧 – *Какова мать, такова и дочь, когда сажаешь деревья, надо выбирать хорошую рассаду*; 买屋要看梁。娶妻要看娘 – *Покупая дом, надо посмотреть на балку, выбирая жену, надо посмотреть на ее мать*.

Концепт *невеста* напрямую связан с концептом *целомудрие*. Девственность женщин уничтожалась мужчинами, поэтому китайский мужчина придавал огромное значение девственности своей будущей жены. В китайской истории это зафиксировано в книгах: «Три устоя и пять незыблемых правил», «Троякая покорность и четыре достоинства» [13, с. 106] и в других феодальных кодексах правил, которые обязательны для китайской женщины до сих пор. Эти кодексы подчеркивали подчиненность и верность женщин мужчинам. Целомудрие – один из важнейших критериев при выборе мужчиной женщины. Оно может решать судьбу женщины, но самое главное, это вопрос чести мужчины. В пословичной картине мира как мужчина, так и женщина оценивали целомудрие очень высоко, даже дороже самой жизни.

Незамужняя женщина должна была охранять свое целомудрие, что отражено в пословичной картине мира: 女要藏, 男要浪 – *Женщины должны быть скрыты, мужчины должны быть открыты*; 男有男当, 女有女伴 – *Мужчины должны иметь своих партнеров-мужчин, а женщины – своих партнеров-женщин*; 男女授受不亲, 男女不同行 – *Мужчинам и женщинам нельзя ходить плечом к плечу*; 男女不同席 – *Мужчинам и женщинам нельзя сидеть за одним столом*.

Концепция о целомудрии была основана в целях сохранения чистоты происхождения семьи, потому что половые отношения до брака и внебрачные половые отношения приводили к потомству с нечистой кровью, которая в свою очередь приводила к оттоку семейного имущества. 妻之不贞乃破家之本 – *Неверность жены приводит к распаду семьи* – так категорично трактуют китайские паремии судьбу изменившей мужу женщины.

На основании вышеизложенного, а также на основе анализа литературы, нам видятся две основные причины формирования подчиненного места женщины в традиционной китайской картине мира, которую мы проанализировали, базирясь на пословицах и поговорках.

Экономическая причина. С исторической точки зрения, в матриархальный период женщины контролировали экономическую власть, имели право командовать мужчинами. В этот период женщины имели доминирующий статус. В пословичном фонде китайского языка, а также в письменности на протяжении всей истории их формирования отражались и сохранились до настоящего времени напоминания о матриархальном прошлом китайской культуры и об отношении к женщине-матери: 鸡不会有三条腿, 目前不会有坏心 – *У курицы не бывает трех ног,*

у матери бывает два сердца. Однако затем начался патриархальный период, на протяжении которого мужчины контролировали экономическую власть в бытовой жизни и производстве. Ф. Энгельс писал: «Свержение матриархата означает неудачу женщины в международном значении» [12, с. 54]. После распада матриархального режима, мужчины стали иметь абсолютное господство над женщиной в политической, экономической и культурной отраслях. В рабовладельческом и феодальном обществе женщина экономически принадлежала мужчине, не имея независимого, равного социального статуса с ним. Низкий социальный статус являлся основной причиной формирования негативного образа женщины.

Культурная причина. Со времени периода Чуньцю, конфуцианская идеология влияла на китайскую культуру. В течение 2500 лет конфуцианство занимало доминирующее место в Китае, и традиционное воспитание в конфуцианском духе в китайской культуре также занимало важное место. Конфуций выступал за патриархальную идеологию, которая и сама по себе оставила глубокий след в идеологии китайского общества. Игнорирование потребностей женщин, с одной стороны, превратилось в пренебрежение и оскорбление их, а с другой, развилось в слепое поклонение женщин мужчинам. Конечно, такое поклонение обозначало и дискриминацию в отношении женщин: 九个姑娘不如一个跛腿男儿 – *Девять девочек не могут сравниться с одним мужчиной с хромой ногой*. Если женщина рожала мальчика, то это называлось радостное событие с нефритом, если женщина рожала девочку, то это называлось радостное событие с черепицей.

Проанализировав 370 китайских пословиц с концептом *женщина*, выявлено, что женщина в китайской наивной картине мира занимала подчиненное положение. Она обязана была быть покорной, целомудренной, подчиняться мужу, его семье и собственному сыну, в то время как семья фактически держалась на ней. Красота женщины являлась важнейшим требованием общества к ней, в то же время, внутренняя красота превалировала над внешней в случае выбора мужчиной партнера на всю жизнь.

Мать в китайском социуме почитали, но она находилась в подчиненном положении сначала по отношению к мужу, а затем к сыну. Возможность женской дискриминации базировалась на патриархальности общества и подкреплялась религиозными догмами конфуцианства, даосизма и буддизма, которые схожи в своих взглядах на место женщины в обществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ван Сяона. Китайская пословица и поговорка / Сяона Ван. – Шанхай, изд-во: Shanghai Lexicographical Publishing House, 2001. – 2386 с.
2. Вежбицкая, А. Понимание культур через посредство ключевых слов. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 288 с.
3. Кубрякова, Е.С. Парадигмы научного знания в лингвистике и ее современный статус / Изд. РАН: Сер. лит. и яз. – 1994. – № 2. – С. 3–16.
4. Михайлова, Т. А. Цвета красоты / Языки эстетики: Концептуальные поля прекрасного и безобразного [Текст] : [сборник] / Рос. акад. наук. Ин-т языкознания; сост. Н.Д. Арутюнова. – М.: Индрик, 2004. – 717 с.

5. Новый современный китайский словарь. – Пекин, Chinese Academy of Social Sciences, CASS, 2005. – 1866 с.
6. Сборник китайских народных речений, пословиц и поговорок» / В 2-х томах. – Чжэнджоу, 2001. – 336 с.
7. Сюй Шэньяжуань. Этимологический словарь «Слова и объяснения», – Шанхай: Shanghai Guji House, 1981. – 981 с.
8. Сюн Гоин. Графическая интерпретация древних иероглифов. – Цзи-нань, 2006. – 313 с.
9. Ся Чжэннун. Словарь «Море слов». – Шанхай, Shanghai Lexicographical Publishing House, 2010. – 2800 с.
10. Цан Лихэ. Большой китайский словарь / Лихэ Цан. – Шанхай, Shanghai Lexicographical Publishing House, 1982. – 1500 с.
11. Цзо Миань. Подробно о иероглифах. – Пекин, 2006. – 665 с.
12. Энгельс Ф., Маркс К. Происхождение частной собственности, семьи и государства / Избранные произведения в 3-х т. – М., 1972. – 639 с.
13. Ян Ванли. Гендерные отношения в Древнем Китае по теории конфуцианства в 2-х т., т. 2. – Шанхай: The Commercial Press, 1988. – 165 с.

*Игнатович Т.В., Ян Тяньлинь
(Минск, Республика Беларусь)*

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА НА ЗАНЯТИИ РКИ

В статье предложена методика филологического анализа художественного текста на основе сопоставления с переводом на родной язык обучаемых.

Ключевые слова: филологический анализ текста, перевод текста, сравнение, ключевые образы, функции языковых средств.

The article proposes a method of philological analysis of literary text based on a comparison with the translation into the learners' native language.

Keywords: philological analysis of the text, translation, comparison, key images, functions of language means.

В преподавании иностранных языков, в частности русского как иностранного, художественный текст ценен своей многофункциональностью. Гармоничное сочетание его воспитательной, эстетической, культурологической, страноведческой и языковой функций делает процесс обучения более эффективным и оказывает положительное воздействие на мотивацию учащихся.

Трудности, связанные с выбором определённой методики работы с художественным текстом, являются объективными и объясняются многоаспектной природой текста. Вопрос о видах и способах его анализа является традиционным для научных исследований. Так, С.И. Львова предлагает систему работы по многоаспектному лингвостилистическому анализу художественного текста, выделяя сле-

дующие этапы работы с текстом: а) этап первичного восприятия текста (формулируются вопросы, помогающие понять впечатление, произведённое текстом: О чём этот текст? Какая картина рисуется в воображении учащихся? Какое настроение появляется после прочтения? и др.); б) осмысление лингвистических средств создания образности художественного текста (выявление использованных автором изобразительно-выразительных средств языка, роли отдельных частей речи, их грамматических категорий в построении текста); в) выразительное чтение; г) заучивание текста наизусть [1]. Такая система предполагает работу над языковыми средствами по уровням языка (фонетическая система, лексика, словообразование, грамматика). При этом тренируется память, расширяется словарный запас. Главный принцип такой работы над поэтическим текстом – учёт единства формы, содержания и функции рассматриваемых языковых явлений.

В алгоритме анализа художественного текста, а тем более поэтического текста есть обязательный компонент, который играет особую нагрузку в работе с иностранной аудиторией. Это так называемые фоновые знания – всё, что помогает понять авторский замысел и правильно интерпретировать его: сведения об авторе, об эпохе, в которой он жил и писал, о художественном направлении, которое представлял, и др. Безусловно, что для иноязычных студентов эта информация должна быть минимизирована: нужно отбирать информационный минимум о поэтах, чьи стихи предлагаем анализировать.

В качестве примера реализации этого подхода - сопоставительного изучения произведения и его перевода на китайский язык - предлагаем работу над стихотворением Ф.И. Тютчева «Весна» (Как ни гнетет рука судьбины...).

Весна	春
<p>Как ни гнетет рука судьбины, Как ни томит людей обман, Как ни браздят чело морщины И сердце как ни полно ран; Каким бы строгим испытаньям Вы ни были подчинены, - Что устоит перед дыханьем И первой встречей весны!</p>	<p>不管命运的手如何沉重, 不管人如何执迷于虚妄, 不管皱纹怎样犁着前额, 不管心里充满几多创伤; 不管你在忍受怎样的 残酷的忧患, 但只要你 碰到了初春的和煦的风, 这一切岂不都随风飘去?</p>
<p>Весна... она о вас не знает, О вас, о горе и о зле; Бессмертьем взор ее сияет, И ни морщины на челе Своим законам лишь послушна, В условный час слетает к вам, Светла, блаженно-равнодушна, Как подобает божествам.</p>	<p>美好的春天.....她不知有你 也不知有痛苦和邪恶; 她的眼睛闪着永恒之光, 从没有皱纹堆上她前额。 她只遵从自己的规律, 到时候就飞临到人间, 她欢乐无忧, 无所挂碍, 象神明一样对一切冷淡。</p>

<p>Цвeтaми сыплeт нaд зeмлeю, Свeжa, кaк пeрвaя вeснa; Былa ль дрyгaя пeрeд нeю - O тoм нe вeдaeт oнa: Пo нeбy мнoгo oблaк брoдит, Нo эти oблaкa - eя; Oнa ни слeдy нe нaхoдит Oтцвeтшиx вeсeн бытия.</p> <p>Нe o былoм вздыхaют рoзы И сoлoвeй в нoчи пoeт; Блaгoухaющe слeзы Нe o былoм Аврoрa лeт, - И стрaх кoнчинy нeизбeжнoй Нe свeет с дрeвa ни листa: Их жизнь, кaк oкeан бeзбрeжный, Всe в нaстoящeм рaзлитa.</p> <p>Игрa и жeртвa жизни частнoй! Приди ж, oтвeргни чувств oбмaн И ринься, бoдрый, сaмoвлaстный, В сeй живoтвoрный oкeан! Приди, струeй eгo эфирнoй Oмoй стрaдaльчeскую грyдь - И жизни бoжeскo-всeмирнoй Хoтeя нa миг причaстeн бyдь!</p>	<p>她把花朵纷纷洒给大地， 他鲜艳得象初次莅临； 是否以前有别的春天， 这一切她都不闻不问。 天空游荡着片片白云， 在她也只是浮云而已， 她从不向哪儿去访寻 已飘逝的春天的踪迹。</p> <p>玫瑰从来不悲叹既往， 夜莺到晚上就作歌； 还有晨曦，她清芬的泪 从不为过去的事而洒落； 树木的叶子没有因为 害怕不可免的死而飞落， 啊，这一切生命，象大海， 整个注满了眼前的一刻。</p> <p>个体生活的牺牲者啊！ 来吧，摈弃情感的捉弄， 坚强起来，果决地投入 这生气洋溢的大海中！ 来，以它蓬勃的纯净之流 洗涤你的痛苦的心胸—— 哪怕一瞬也好，让你自己 契合于这普在的生命！ 一八三八年 查良铮译</p>
--	---

Послетекстовые задания:

1. Найдите в стихотворении Тютчева ключевые слова, создающие образ весны. Каким образом ключевые слова и словосочетания создают эмоциональную тональность стихотворения?

Весна, судьбина, бессмертье, божество, светла, блаженно-равнодушна, свежа, благоухающий, настоящее, океан безбрежный, чувств обман, животворный океан, жизнь божеско-всемирная – слова со значением вечности, бессмертия, победы жизни. Слова с этими же значениями являются ключевыми и в тексте перевода: 命运 [mìngyùn] ‘судьба’, 永恒之光 [yǒnghéng zhīguāng] ‘вечный свет (бессмертие)’, 神明 [shénmíng] ‘бог, божество’, 对一切冷淡 [duì yíqiè lěngdàn] ‘равнодушный ко

всему’, 清芬 [qīngfēn] ‘благоухающий’, 大海 [dàhǎi] ‘океан’, 普在的生命 [pǔ zài de shēngmìng] ‘всемирная жизнь’.

2. Чему противопоставлен образ весны в стихотворении Тютчева? Найдите пары контекстуальных антонимов в поэтическом тексте.

Природа и человек у Тютчева находятся в состоянии конфликта, это находит отражение на уровне ключевых слов в стихотворении. Человеческий мир раскрывается лексико-семантической группой слов с доминирующей семой смертности: *рука судьбины; томит обман; браздят чело морщины; сердце полно ран; строгие испытания; подчинены*. Образ природы создаётся словами и лексико-синтаксическими конструкциями с доминирующей семой бессмертия: *бессмертьем; ни морщины на челе; своим законам лишь послушна; подобает божествам*.

В переводе это противопоставление передано с помощью антонимов:

她的眼睛闪着永恒之光, /从没有皱纹堆上她前额 [tā de yǎnjīng shǎnzhe yǒnghéng zhīguāng, / cóng méiyǒu zhòuwén duī shàng tā qián'è] ‘весна, в её глазах есть вечный свет’.

玫瑰从来不悲叹既往, /夜莺到晚上就作歌.../树木的叶子没有因为/害怕不可免的死而飞落 [méiguī cónglái bù bēitàn jìwǎng, / yèyīng dào wǎnshang jiù zuògē... / shùmù de yèzi méiyǒu yīnwèi hàipà bùkě miǎnde sǐ ér fēiluò] ‘жизнь человека и животных конечна’.

3. Найдите в стихотворении внутритекстовые ассоциации к образу весны. Какие дополнительные оттенки смысла придают эти слова образу весны? Почему в стихотворении Тютчева *весна* ассоциируется с *божеством, океаном безбрежным, животворным океаном, жизнью божеско-всемирной*?

У Ф.И. Тютчева вечность и божественность природы противостоит мгновенности человеческой жизни. Человек, по мысли поэта, может обрести внутреннюю гармонию и силу, только отказавшись от сиюминутных переживаний, и хотя бы на один миг воссоединиться с природой.

Такая мысль есть и в переводе – в последней строфе.

来, 以它蓬勃的纯净之流 [lái, yǐ tā péngbó de chúnjìng zhī liú]

洗涤你的痛苦的心胸—— [xǐdí nǐ de tòngkǔ de xīnxiōng –]

哪怕一瞬也好, 让你自己 [nǎpà yíshùn yě hǎo, rang nǐ zìjǐ]

契合于这普在的生命! [qìhé yú zhè pǔ zài de shēngmìng!]

(Автор призывает использовать чистую воду и вымыть боль в душе).

4. Как вы понимаете строки «*Благоухающие слёзы/ Не о былом Аврора льёт*»? Почему весна сравнивается поэтом с *Авророй*? С какими текстами мировой культуры вы ассоциируете образ Авроры? Почему Тютчев обращается к древнегреческим мифам в этом стихотворении?

Основным образом произведения является сама весна, которая предстает в облике бессмертной, бестелесной, но прекрасной богини. Она равнодушна ко всем горестям человека, но несет в себе оживление для природы, для людей, для всего вокруг. Никто не может остаться равнодушным, устоять перед дыханием божества.

Аврора – в древнеримской мифологии богиня утренней зари, в поэзии утренняя заря. В русской поэзии иностранным учащимся знакомо стихотворение

А.С. Пушкина «Зимнее утро»: «Открой сомкнуты негой взоры, Навстречу северной Авроры звездой севера явись!»

Поэт призывает нас увидеть как прекрасна, необыкновенна жизнь, несмотря на невзгоды и тяжелые испытания.

5. Почему для поэта *весна* всегда *первая*? Чему противопоставляется в тексте стихотворения *первая встреча весны*? Проанализируйте предложение, в котором об этом говорится.

Каждая весна, как и любое другое время года, уникальна. Она не похожа на предыдущие. Каждый год её приход удивляет и радует.

Первая встреча весны противопоставляется в сложном предложении-периоде невздам и горестям жизни. Такая структура предложения усиливает противопоставление, придает значимости приходу весны.

Как ни гнетет рука судьбины,
Как ни томит людей обман,
Как ни браздят чело морщины
И сердце как ни полно ран;
Каким бы строгим испытаньям
Вы ни были подчинены, -
 Что устоит перед дыханьем
 И первой встречею весны!

В китайском переводе с помощью повторов уступительных союзов в начале каждой строки первой строфы тоже передаётся сопоставление восторга перед приходом весны и невзгод, которые преследуют человека.

6. Каким образом видение, ощущение весны отразилось на выборе языковых средств?

Стихотворение создает необыкновенное, непередаваемое впечатление, а благодаря такому большому количеству эпитетов ("отцветшие весны бытия", "благоухающие слезы", "кончины неизбежной", "океан безбрежный", "животворный океан", "струей его эфирной", "страдальческую грудь", "жизни божеско-всемирной"), олицетворений и метафор ("гнетет рука судьбины", "томит людей обман", "бессмертьем взор ее сияет", "вздыхают розы", "страх...не светит с древа ни листа", "жизнь...вся в настоящем разлита"), благодаря точным сравнениям ("...светла, блаженно-равнодушна, как подобает божествам", "свежа, как первая весна"), а также периоду, инверсии ("браздят чело морщины", "цветами сыплет над землю" и т.д.) мы можем более точно представить все те образы, которые рисует нам поэт.

В китайском переводе тоже много эпитетов, олицетворений и метафор, сравнений. Инверсий в переводе нет, потому что в китайском языке изменение порядка слов влечет за собой абсолютно другой смысл.

Произведение написано перекрестной, точной, как мужской, так и женской рифмой. Стихотворный размер - четырехстопный ямб, строфика - восьмистишия. Китайский перевод – это белые стихи, здесь не сохраняется рифма. Очень сложно в переводе сохранить рифму. Размер тоже не сохранен в силу языковых особенностей. Восьмистишия сохранены.

Обычно, если в стихотворении присутствуют и мужская и женская рифма, поэт хочет показать какое-либо противостояние. Вот и в этом произведении Тютчева показываются бессмертная весна и ранимые, обессиленные люди, погрязшие во лжи и невзгодах своего мира, не видящие настоящей красоты жизни.

7. Какие цветовые ассоциации возникают у вас при чтении стихотворения?

Лексика, содержащая ассоциативное значение «цвет»	<p>Весна (зеленый, желтый, красный...), цветы (красный, желтый, синий, оранжевый, белый...), земля (зеленый, голубой, черный, коричневый...), облака (белый, серый, черный...), роза (алый, красный, белый, желтый...), Аврора (розовый, красный...), дерево (зеленый...), лист (зеленый, желтый, красный...), океан (синий, голубой, темно-синий...)</p> <p>初春 [chūchūn] ‘ранняя весна’, 春天 [chūntiān] ‘весна’ (青色 [qīngsè] ‘синий, голубой, зелёный’, 绿色 [lǜsè] ‘зелёный’), 花朵 [huāduǒ] ‘цветы’ (红色 [hóngsè] ‘красный’, 黄色 [huángsè] ‘жёлтый’, 蓝色 [lánsè] ‘голубой’, 白色 [báisè]), 大地 [dàdì] ‘земля’ (绿色 [lǜsè] ‘зелёный’, 蓝色 [lánsè] ‘голубой’, 褐色 [hèsè] ‘коричневый’), 天空 [tiānkōng] ‘небо’, (蓝色 [lánsè] ‘голубой’, 白色 [báisè] ‘белый’), 白云 [báiyún] ‘облака’ (白色 [báisè] ‘белый’), 玫瑰 [méiguī] ‘роза’ (红色 [hóngsè] ‘красный’), 树木 [shùmù] ‘дерево’ (绿色 [lǜsè] ‘зелёный’), 叶子 [yèzi] ‘листья’ (绿色 [lǜsè] ‘зелёный’, 黄色 [huángsè] ‘жёлтый’, 红色 [hóngsè] ‘красный’), 大海 [dàhǎi] ‘море, океан’ (蓝色 [lánsè] ‘голубой’, 青色 [qīngsè] ‘синий, голубой, зелёный’).</p>
---	--

8. Сформулируйте идею стихотворения.

9. Подготовьте выразительное чтение стихотворения. Расставьте логические ударения, определите паузы, выберите соответствующий тон и темп чтения.

Задания для сравнительного анализа стихотворения «Весна» и его перевода:

1. Внимательно прочитайте перевод стихотворения Ф. И. Тютчева на китайский язык.

2. Какие слова и выражения являются ключевыми в переводе? Сравните их с ключевыми словами оригинала (см. задание 1).

3. Насколько точно передан смысл стихотворения? Те ли эмоции испытывает читатель при чтении его перевода?

4. Какие средства выразительности использовал в своём тексте переводчик? Сравните их с художественными средствами оригинала (см. задания 5, 7).

5. Сопоставьте ритмическую организацию стихотворения Тютчева и его перевода.

6. Насколько удачен, на ваш взгляд, перевод?

Текст художественного произведения, являясь фактом культуры и образцом русской речи, становится источником языковых знаний и материалом для организации коммуникативной деятельности учащихся. Работу по анализу поэтического текста можно рассматривать как один из способов познания мира, национальной культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Львова, С.И. Уроки словесности. 5–9 классы / С.И. Львова. – М.: Дрофа, 200. – 416 с.

*Ли Чжицзе
(Пекин, КНР)*

ИССЛЕДОВАНИЕ МЕТОДИКИ ОБУЧЕНИЯ ПИСЬМУ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ МУЛЬТИМЕДИЙНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ СТУДЕНТОВ, ИЗУЧАЮЩИХ КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В данной статье рассматриваются трудности письма на китайском языке, возникающие у белорусских студентов, а также возможности и преимущества обучения письму с применением мультимедийных технологий.

***Ключевые слова:* мультимедийные технологии, Республика Беларусь, студенты, письмо, обучение китайскому языку как иностранному.**

The article gives a detailed analysis of the difficulties of teaching Belarusian students writing essays in Chinese, as well analyses the advantages and possibilities of teaching writing with the help of multimedia technologies.

***Keywords:* multimedia technology, Republic of Belarus, students, writing, teaching Chinese as a foreign language.**

При обучении письму на китайском языке белорусских студентов существуют следующие проблемы: трудности в написании иероглифов, неправильное использование лексики, множество ошибок в синтаксических конструкциях и т.д. Преподаватель китайского языка может использовать различные методы и приёмы для обучения студентов письму, среди которых обучение с применением мультимедийных технологий. Данный метод имеет ряд преимуществ, таких как:

1) Написание иероглифов с помощью компьютера позволяет снизить напряжение руки, ускорить написание иероглифов.

Проведённые эксперименты показали, что метод ввода, основанный на форме иероглифов, помогает ускорить, а также увеличить объём изучаемых иероглифов для студентов начальных курсов, которые плохо владеют правильной транскрипцией, знают недостаточно иероглифов. Использование компьютера для написания иероглифов благодаря функциям программы для исправления ошибок и составления словосочетаний позволяет снизить количество ошибок в письме и облегчить для студента процесс написания текста на китайском языке. Автор провела исследование, направленное на изучение вопроса о том, какой способ письма более эффективен – ручной или машинный. Было обнаружено, что второй способ позволяет ускорить, а также упростить процесс написания.

Иероглифы представляют сложность для изучения, чтения, написания. Написание иероглифов от руки связано со значительными затратами времени и усилий. В то время как набор с помощью компьютера уменьшает нагрузку на руку и ускоряет процесс письма. Сочинение, напечатанное на компьютере, будет большего объёма, чем написанное от руки за равнозначный промежуток времени. Это имеет особенно важное значение, когда студент начинает писать статьи на китайском языке. До достижения студентом одинаково высокого уровня владения четырьмя аспектами языка – чтением, письмом, аудированием и говорением – использование компьютера для написания сочинений может значительно ускорить письмо.

2) Использование компьютера для письма способствует развитию у студентов способности к мышлению на китайском языке.

При написании сочинений от руки внимание студентов зачастую концентрируется на том, правильно ли написан тот или иной иероглиф, что отрицательно сказывается на скорости мыслительного процесса. Транскрипционный ввод иероглифов при написании текста на китайском языке снижает сложность письма и способствует развитию ассоциативного мышления, благодаря тому, что родной язык белорусских студентов фонематического типа. Поскольку транскрипционный способ набора иероглифов на компьютере соответствует письменной форме родного языка, то ввод символов по системе *пиньинь* упрощает непосредственную трансформацию мыслительных моделей в письменные знаки.

До начала создания письменного текста на китайском языке студент должен создать замысел будущей статьи, а в процессе письма он должен осуществлять непрерывный творческий поиск. Из-за влияния межкультурного характера письма, а также отрицательного влияния мышления на родном языке у студента зачастую возникают трудности, и даже сопротивление в процессе письма на китайском языке. В связи с тем, что скорость создания письменного текста намного ниже скорости устной речи, студент может удерживать внимание относительно краткий период; при этом задействована в большей степени кратковременная память. Во время написания иероглифов от руки нужно не только обдумывать содержание письменного текста, но и подбирать подходящую лексику, уделять внимание расстановке знаков препинания, а также чёткому и правильному написанию иероглифов, для того чтобы текст был понятен читающему. Сложность данного процесса приводит к потере студентом общего замысла статьи; при этом уровень письменного выражения мысли заметно уступает уровню устной речи студента. К тому же, временные затраты написания текста от руки значительно больше, чем набора с

помощью компьютера, хотя его результат зачастую не соответствует ожиданиям студента. Это проявляется в разнообразных лексических, грамматических, стилистических ошибках в сочинениях студентов. Все вышеназванные факторы значительно ухудшают процесс восприятия языка и, соответственно, снижают общий уровень владения языком. Китайский лингвист Сю Пин отмечал: «Мы верим, что машинный способ письма означает коренной прорыв по сравнению с традиционным способом обучения» [Сю Пин, 2007].

3) Письмо с использованием компьютера позволяет обогатить содержание письменного текста студентов.

Традиционный способ письма – это языковая деятельность, в которой используются письменные знаки, символы для записи, обмена и распространения информации. В условиях сети Интернет текст, созданный студентом, может состоять не только из письменных знаков, но также включать таблицы, изображения, анимацию, аудио, видео и др. мультимедийные виды информации. Студенты могут использовать данные виды информации для обогащения содержания собственных сочинений.

Если в процессе написания текста с помощью компьютера у студента возникает вопрос в теоретическом или практическом аспекте, то он может обратиться к справочной информации в сети Интернет, найти необходимый иероглиф в электронном словаре и т.д.

4) Оперативная оценка преподавателем машинных текстов студентов способствует более эффективному исправлению ошибок студентов.

Одним из недостатков традиционного обучения письму является замедленность оценки. После написания сочинений студентами преподавателю требуется около одной недели для проверки и оценки работ. Длительное ожидание ослабляет интерес студентов, снижая в дальнейшем их активность. В сети Интернет же можно получить быстрый отклик, что позволяет преодолеть данную проблему. Всего через несколько минут после опубликования статьи в сети можно получить широкий отклик и комментарии. Более того, даже во время написания статьи студентом преподаватель может одновременно корректировать текст. В сети можно получить более богатые и разнообразные отклики и комментарии, что является более всесторонней, более точной оценкой по сравнению с единоличным мнением преподавателя. Разнообразие и богатство откликов позволяет студенту почувствовать радость от собственных успехов, повышает его уверенность в себе; доброжелательная же критика помогает студенту исправить свои ошибки и достичь более высоких результатов.

В процессе письма часто возникают ошибки в начертании иероглифов, расстановке знаков препинания, использовании лексики, построении связи между предложениями. Традиционный способ исправления ошибок состоит в написании преподавателем на доске неверных предложений для совместной работы по их исправлению. При этом студенты могут не рассмотреть написанное на доске, не успеть записать материал и т.д. При этом студенты остаются лишь на уровне использования кратковременной памяти; для запоминания материала не задействована долговременная память; также нет возможности провести дальнейшую обработку и исправление ошибок, что влияет на результат обучения.

Применение мультимедийных технологий позволит в значительной степени изменить существующее ныне положение в редактировании сочинений. Преподаватель может использовать монитор компьютера или широкий экран для чтения сочинений; преподаватель исправляет ошибки вместе со студентами. Кроме этого, преподаватель может корректировать сочинения индивидуально каждого студента, а совместно в группе анализировать только общие типичные ошибки. В ходе исправления ошибок преподаватель может использовать подчёркивание, выделение полужирным шрифтом, изменение шрифта или цвета для обозначения различных типов ошибок, что также позволит повысить наблюдательность и образное мышление студентов. Таким образом, проверка и оценка вышеуказанным способом позволяет правильно оценить сочинения студентов, а также способствует лучшему усвоению материала.

Правильная тактика в обучении письму помогает повысить уровень студентов владения письмом на китайском языке как иностранном. В настоящее время ещё требуют дальнейшего исследования вопросы о том, как эффективно интегрировать метод обучения письму с применением мультимедийных технологий; как помочь студентам в полной мере раскрыть свой потенциал, проявить свои достоинства благодаря использованию новых учебных тактик в процессе создания письменных текстов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гальскова, Н.Д. «Современная методика обучения иностранным языкам». – М.: АРКТИ, 2003. – 192 с.
2. Соловова, Е.Н. «Методика обучения иностранным языкам. Базовый курс лекций». – М.: Просвещение, 2002. – 239 с.
3. 陈贤纯.对外汉语教学写作课初探[J].语言教学与研究. – 2003, (3).
4. 崔永华,杨寄洲.对外汉语课堂教学技巧[M]. – 北京: 北京语言大学出版社. – 2008.
5. 冯晨.写作教学法在对外汉语写作课中的具体运用[J]. – 语言教学与研究. – 2001, (11).
6. 杨萍,李文赫.在对外汉语教学中创造灵活多变的教学方法[J]. – 语言教学与研究. – 2007, (5).
7. 朱湘燕.多媒体辅助对外汉语写作教学研究[J]. – 国际关系学院学报. – 2007, (7).
8. 唐焯.对外汉语写作教学输入与输出方式的探讨[D]. – 黑龙江大学. – 2011.
9. 李新民.构建大学英语多媒体网络教学模式的探索[J]. – 外语电化. – 2011, (7).
10. 金振邦.网络时代写作学科的现代化[J]. – 广播电视大学学报. – 2002, (1).
11. 朱湘燕.对外汉语写作教学调查及研究[J]. – 现代语文. – 2007, (6).
12. 李新民.构建大学英语多媒体网络教学模式的探索[J]. – 外语电化教学. – 2006, (2).
13. 李利,朱湘燕,方小燕.计算机输入法训练对留学生正字法意识的影响[J]. – 心理研究. – 2013, (1).

14. 沈迈衡.试论写字与打字对中文篇章写作质量的影响[A]. – 对美汉语教学论集[C]. – 北京: 外语教学与研究出版社. – 2007.

Михайлова Е.В.
(Минск, Республика Беларусь)

МУЗЫКАЛЬНАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ В ПЕРЕВОДАХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ КИТАЙСКИХ ПОЭТОВ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

В статье рассмотрены переводы произведений китайских поэтов на русский язык, выполненные М.И. Басмановым (от неизвестных авторов древних времен до поэтов XIX в.).

В проанализированных поэтических произведениях представлена инструментальная, вокальная и танцевальная музыка. Превалирует описание игры на разных музыкальных инструментах (при этом преимущество отдается духовым инструментам). В соответствии с различными формами музицирования употребляются и музыкальные термины. Благодаря наличию музыкальных терминов в произведениях китайских поэтов различных времен читатель может глубже узнать китайскую музыку, понять своеобразие звучания многих инструментов, увидеть сферу их использования, получить представление о вокальном и танцевальном искусстве китайского народа, о культуре этой древней и удивительно интересной страны.

Ключевые слова: *музыкальная терминология, перевод, поэтическое произведение, китайский поэт, стихи «цы», инструментальная, вокальная, танцевальная музыка.*

The article analyzes translations of Chinese poetry into Russian performed by M.I. Basmanov (from anonymous compositions of antique times to the 19 century authors).

The instrumental, vocal and dance music is represented in the studied poems. Performance of various musical instruments is described with special emphasis focused on the wind instruments. Musical terms are applied to express different types of music. Owing to the presence of musical terms in poetical pieces belonging to different epochs the reader may get a deep insight into the secrets of Chinese music, perceive unique melodic tones of the instruments, imagine their application scope, make a general idea of vocal and dance artistic talent of Chinese folk, estimate cultural level of this ancient and extremely attractive country.

Keywords: *musical terminology, translation, poetic piece, Chinese poet, tsi verses, instrumental, vocal, dance music.*

В настоящее время существует много художественных текстов, переведенных с китайского языка на русский и дающих возможность русскоязычному чита-

телю ознакомиться с богатейшим культурным наследием китайского народа. Широко представлены как поэтические, так и прозаические произведения. В переводах поэтических произведений, выполненных М.И. Басмановым, А.И. Гитовичем, С.А. Торопцевым, Л.З. Эйдлиным и др., употребляется музыкальная терминология, включающая как русские слова, так и заимствования из китайского языка.

Китайская музыкальная терминология является очень древней, она значительно отличается от европейской и от русской музыкальной терминологии: «Музыкальное искусство в Китае издавна было тесно связано с философскими учениями и религиозными представлениями. Согласно древней китайской философии, музыка – это дар Неба, она берет свои принципы из законов гармонии вселенной и обладает огромной силой воздействия на людей. Отсюда – сложная символика, связывающая каждый музыкальный звук, каждую ступень звукоряда с определенными представлениями: каждая из 12 ступеней звукоряда “хуан-чжун” символизирует один из 12 месяцев, один из 12 часов. Ступени звукоряда выражают положения солнца и луны на небе, жизнь природы, образы различных животных и птиц. Каждому звуку соответствует определенный цвет, в свою очередь имеющий важное символическое значение» [6, с. 20–21]. Ходом развития китайской науки о музыке, китайского учения о мелодии, процессом эволюции китайского театра определен тот факт, что, в отличие от речи европейских народов, мелодия которой появляется в основном в сфере выражения эмоций и чувств, «...в китайской речи мелодия проявляется сознательно, для выражения смысла. Поэтому в Китае так неразрывна связь между словом и музыкой. Отсюда – единство поэзии и музыки. Стихи, выраженные в звучании, превращаются в музыкальную поэму, в песню» [6, с. 25]. Китайская музыка с глубокой древности имеет синкретический характер, в ней соединены звук, слово и танец: «Понимание музыки как синтетического искусства звука, слова и жеста пронизывает всю китайскую философию искусства, оно неизменно на протяжении всей многовековой истории китайской культуры и сохраняет свое значение в наше время» [6, с. 31]. Тема музыки – одна из важнейших тем в китайской поэзии: «Музыка воспета и опоэтизирована в веках богатейшей китайской литературой. Трудно найти поэта, не отразившего в своих стихах тот или иной сюжет, связанный с музыкой, не воспевшего высокие чувства, рождаемые звуками» [6, с. 53].

Рассмотрим переводы произведений китайских поэтов на русский язык, выполненные М.И. Басмановым [3, с. 9–540], – от неизвестных авторов древних времен до поэтов XIX в. (это У Сян, Чжао Вэньсу, Чжао Вопэй, Цянь Фэйчжун и др.). В книге «Китайская лирика» [3] представлены лучшие образцы стихов «цы», которые «...ведут свое начало от городских народных песен. Сохранив мелодию, поэты стали писать на нее слова. Поэтому в жанре “цы” существует множество “мотивов”, отличающихся своеобразной ритмикой. Широкое распространение получило творчество по “заполнению” мелодий “цы” словами. Причем в художественном отношении “цы” постепенно достигли высокого уровня» [5, с. 108]. В данных поэтических произведениях музыкальные термины, переведенные русскими лексическими единицами и заимствованные из китайского языка, используются как в прямом, так и в образном значении. Превалируют слова из русского языка. Прежде всего, они имеются в названиях стихотворений: Бань

Цзеюй «Песнь скорби» [3, с. 22], Чжао Фэйянь «Песнь о возвращении феникса» [3, с. 23], Ван Цян (Ван Чжаоцзюнь) «Песнь одиночества и печали» [3, с. 24], Ли Бо «Флейты печальные звуки...» [3, с. 39] (музыкальные термины использованы в тексте перед стихотворением Ли Е «Как облачко над кручами Ушань...» – «*Следуя за Сяо Сюйцзы, слушаю песнь во славу стремнины Санься под аккомпанемент цитры*» [3, с. 51]) и др. В данной сильной позиции текста имеется и слово, заимствованное из китайского языка: У Цао «Цинь, унаследованный от Се Дэшаня» [3, с. 535]. В поэтических текстах употребляются названия музыкальных инструментов, представляющие их различные группы: струнные инструменты («Цитру звонкую мне подарил // Гость, прибывший издалека. // А на цитре – стихи о любви, // В звоне струн – расставанья тоска» [3, с. 31] – Бао Линхуэй и др. (следует отметить, что в литературе встречается упоминание и о китайской цитре: «Невозможно говорить о китайской музыке, не вспомнив о семиструнном музыкальном инструменте, китайская цитра, которая означает зенит утонченного учения в древние времена. Как самый древний инструмент, цитра была любимицей поэтов. Если музыке придавали значение, как управление страной по средствам гармонии, то китайская цитра была более личным инструментом для утешения и самооценки» [2, с. 90]), «Рокот струн, различимый едва, – // Далеко где-то лютня поет. // Ей внимаю в смятении чувств, // На постели своей одна. // Мне, снедаемой грустью, она // До полуночи спать не дает» [3, с. 70] – Сюэ Тао и др.); духовые инструменты («Голос флейты возник вдалеке // И по ветру донесся в окно» [3, с. 37] – Лю Линсянь, «А на солнечном склоне горы // Раздаются звуки рожка» [3, с. 36] – Лю Линсянь, «Но закончено чтение сутр – // И забыт за свирелью канон...» [3, с. 81] (стихотворение сопровождается описанием ситуации, в котором уточняется вид инструмента: «*Слушаю игру монаха на камышовой свирели*» [3, с. 81]) – Сюэ Тао и др.); ударные инструменты («Барабанов на улице гром // Разбудил на рассвете меня» [3, с. 121] – Юй Сюаньцзи, «Замер гонга последний удар» [3, с. 160] – Хуа Жуй, «Перезвон золотых кастаньет // Вместе с ветром доносится в сад» [3, с. 160] – Хуа Жуй, «Жертвенный бубен гудит и гудит, // Бьет за ударом удар» [3, с. 350] – Синь Цици и др.). Инструменты из разных групп описываются и вместе: «Но в час ночной, как прежде, любо мне // Послушать флейту с лютней в тишине» [3, с. 406] – Синь Цици, «Слышу дробь барабана // И тоскливый звук рога...» [3, с. 470] – Чжан Сяосян и др.

В рассматриваемых сочинениях имеются названия песен: «“Песнь Башни Феникса”. Ее сперва // Исполню – чувство грусти передать...» [3, с. 53] – Ли Е, «Написать бы “Песнь светлой весны”. // Чтоб она не смолкала в веках!» [3, с. 31] – Бао Линхуэй и др.

В стихотворениях, представленных в указанной книге, употребляются музыкальные термины, характерные для каких-либо этнических групп: «Звуки хуского рога – // От них мне покоя нет» [3, с. 41] – Дай Шулунь (хуский рог – рог Ху – одного «...из кочевых племен некитайской национальности, населявших приграничные районы к северу от Китая» [1, с. 543]); «Цянской свирели доносится вкрадчивый голос, // Звуки ее все плывут и плывут надо мной» [3, с. 212] – Лю Юн (Цянская свирель – «...свирель южной народности Цян» [1, с. 550]).

В описании танцевальной музыки используется только русская лексика из семантического поля 'музыка': «Я, затворница, в спальне одна // Вышиваю для танца наряд» [3, с. 46] – Чжан Яотяо, «Там в танце девушки – // Как лотос над волной...» [3, с. 106] – Бо Цзюйи, «Кружились в танце мы, пока над башней // Луна, блеснув, за ивой не тонула. // И пели до тех пор, покуда ветром // Цветок последний с персика не сдуло» [3, с. 226] – Янь Цзидао, «В танце кружусь, и тень // Вместе кружит со мной» [3, с. 229] – Су Ши и др. Повествуется и о пышных торжествах: «Здесь завсегда пиры пышных пиров, // Громкая музыка бала. // Блеск опахал. И, танцуя, кружат, // Гости, в шелка разодеты» [3, с. 501] – Ту Яосэ и др.

Встречаются в исследуемых стихах и упоминания о великом китайском музыканте: «Порвались струны лютни Па Я. // Никогда уж не зазвучат!» [3, с. 91] – Сюэ Тао (Па Я – «...искусный музыкант эпохи Чуньцю (Вёсны и осени, 770–476 гг. до н.э.), его учителем был знаменитый Чжун Цзыци, после смерти которого Па Я в скорби забросил игру на лютне» [1, с. 567]).

Имеется в названной книге и описание оркестра: «Оркестр дворцовый вышел провожать – // Он “Песнь разлуки” грустную играл» [3, с. 179] – Ли Юй. Оркестр занимает важную роль в музыкальной культуре Китая: «Состав оркестра, известный, в частности, по многочисленным глиняным изображениям музыкантов и танцоров в ханьских погребениях, а также по найденным там же инструментам, оставался на протяжении веков в основном неизменным. В него входили колокола (чжун), барабаны (гу), литофоны (цин), струнные (цин, сэ) и духовые инструменты (шэн, ди) инструменты» [4, с. 201].

В анализируемых поэтических текстах встречаются следующие музыкальные термины, заимствованные из китайского языка: *сянь* и *гуань* («Потолковать // О сянь и гуань // С кем она может еще? // Сянь и гуань, // Сянь и гуань... // Позаросла весенней травой // Дорога на Чжаоян!» [3, с. 115] – Ван Цзянь (сянь и гуань – «...струнный и духовой инструменты. Потолковать о сянь и гуань – поговорить о музыке и поэзии» [1, с. 542])); *сянь* («На душе моей скверно, // Как никогда. // Да... А тут еще сянь вместе с ветром рыдает» [3, с. 456] – Синь Цици (сянь – «...четырнадцатиструнный музыкальный инструмент» [1, с. 563])); *пиба* («И о чувстве взаимном пиба // Песню нежную пела тогда» [3, с. 223] – Янь Цзидао (пиба – «...прототип лютни и гитары. Этот инструмент известен не только в Китае, но и во многих сопредельных с ним странах...» [6, с. 35])); *цин* («И на досуге порою // Дни вспоминаю былые. // Пил я вино и слушал, // Грустно как цинь поет» [3, с. 264] – Чжоу Банъянь (цин – «...излюбленный инструмент китайской аристократии, воспетый в тысячах стихов и поэм, инструмент, отличающийся сравнительной мягкостью звучания, широким диапазоном и точностью настройки. В прежние времена цинь служил прежде всего для домашнего музицирования богдыханов, сановников, высшего духовенства, избранных поэтов. С цинем связана особая символика, вокруг этого инструмента существует множество легенд...» [6, с. 33])); *шэн* («Когда пыль дорог отряхну я // В пределах родимого края // И, запах курений // Вздыхая, // На шэне любимом // Сыграю?» [3, с. 487] – Цзян Цзе (шэн – «...многоствольные инструменты с воздушным резервуаром... Резервуар шэна делается из высушенной тыквы, трубки – из бамбука или тростника» [6, с. 43])).

Из приведенных примеров видно, что произошло не только фонетическое и графическое, но и грамматическое освоение многих китайских музыкальных терминов, они приобрели падежные окончания, соответствующие русской системе склонения (*цин*я): «И под звуки печальные циня // Размышлять я не перестану // О драконе, страны верном сыне, // Чья могила здесь под цветами» [3, с. 536] – У Цзао и др.

Очень интересны струнные инструменты. Так, нужно иметь особое эмоциональное состояние, чтобы играть на цине: «Я давно настроила цинь // И готова коснуться струны. // Только в сердце тревога и грусть, // И играть желанья нет» [3, с. 35] – Лю Линсянь. Имя существительное *цитра* определяется эпитетом *яшмовая*: «Как будто цитры яшмовой напев // Разносится в безлюдной стороне, // И кажется мне, именно его // Когда-то я слышала во сне» [3, с. 51] – Ли Е. Звучание цитры может быть неподвластным времени: «Вот смолкли струны цитры. И опять // Их звуки возвращаются сюда... // Стремнине уподобясь, пусть они // Звенят, не умолкая никогда!» [3, с. 52] – Ли Е. Этот инструмент олицетворяется: «И негодует цитра, // Праздную жизнь кляня» [3, с. 137] – Юй Сюаньцзи и др. Удивительно красиво описание игры на струнном инструменте в стихотворении Синь Цицзи «Ропот из терема»: «Там нежные пальцы – творенье нефрита – // Касаются струн – и вокруг рокотанье, // Иль штор бахрому теребят беспокойно // И вдруг замирают. В тоске ожиданья // Поет она, взглядом гусей провожая, // И в песне задумчивой слышу роптанье» [3, с. 424]. В поэтических произведениях может быть информация о материале, из которого изготовлен инструмент (сандале, туне): «Блики мерцают на лаке колонн, // На лютнях резных из сандала» [3, с. 501] – Ту Яосэ, «Цинь из туна пускай не смолкает, // Песней древнею отзовется!» [3, с. 535] – У Цзао; о необходимости его настройки: «Цинь настроить я не могу – // Пальцы стужею сведены» [3, с. 504] – Ван Фэнсянь.

Наделяются признаками живых существ и духовые инструменты («Где-то, но где – я не знаю, // Горько рыдает свирель. // Голос ее то затихнет, // То донесется в окно» [3, с. 306] – Ли Цинчжао) и др.; и ударные инструменты, при этом отмечается и назначение инструмента («Жертвенный бубен гудит и гудит, // Бьет за ударом удар» [3, с. 350] – Синь Цицзи) и др.

При помощи создания образов музыкальных инструментов передается грустная музыка: «С лютнею поднимаюсь // На высокую башню. // Нет ни души. Повсюду // Месяца яркий свет. // Играю “Печаль разлуки”, // Песню времен вчерашних... // От бесконечной скорби // Сердцу покоя нет» [3, с. 61] – Ли Е, «И под луною на струнах // Выплесну прочь мою грусть...» [3, с. 135] – Юй Сюаньцзи, «Вдруг над рекой раздается мелодия – // Струны неведомой цитры звенят. // Горько стеная, // Кому о печали // Струны поведать хотят?.. // Тает туман, облака собираются, // Будто бы феи, слетаясь, парят. // Кто же на цитре играет, узнать бы мне, // Звукам внимаю, волненьем объят. // Только вокруг ни души...» [3, с. 248] – Су Ши и др. Содержание песни может быть печальным: «Слезы на наших глазах – // Песнь о разлуке поем. // Трогательны слова, // И задушевен мотив» [3, с. 394] – Синь Цицзи, «Я на башню всходил, // Чтобы петь о печали» [3, с. 445] – Синь Цицзи. Но песня может и развеять печаль: «Спою тебе я песню на прощанье, // Чтобы печаль развеять в день дождливый» [3, с. 376] – Синь Цицзи. Иногда описывается

душевное состояние слушателя музыки: «Звуки яшмовой флейты слышу. // Кто же это играет на ней? // Ночь. Беседка. Луна все выше, // На душе все грустней и грустней. // Что увидишь в призрачном свете! // Пробиваются еле лучи. // Как узнать, кто играет на флейте, // Как во мгле его различить?» [3, с. 511] – У Сян.

Для творчества лирическому герою некоторых стихотворений нужно особое состояние и специальная обстановка: «Чтоб под звуки дождя // Стих иль песнь сочинить, // Я на башню всходил, // Был тогда еще молод...» [3, с. 488] – Цзян Цзе; «И мечтаю я // Об одном: // Чтобы лодка // Была под рукой, // Чтобы петь под луной на ветру, // Возвращаясь в свой дом на покой» [3, с. 495] – Гуань Чжунци и др. В стихотворении Синь Цици «Она поет – и чувство в каждом слове...» подробно описывается процесс вокального исполнения: «Она поет – и чувство в каждом слове, // Как будто нижет в песню жемчуг слов. // То улыбается, то хмурит брови, // Она подвластна магии цветов» [3, с. 433].

Вокальная и инструментальная музыка часто неразделимы: «Из деревни, что над рекой, // Звуки флейты слышались вдруг. // И замолкли. То песня была, // Лана доблести славились в ней» [3, с. 80] – Сюэ Тао, «Песню играю на цитре // О Сяолянском храме...» [3, с. 135] – Юй Сюаньци и др. Сочетается вокальная и танцевальная музыка: «Песни пою, захмелев, // Иль в исступленьи танцую...» [3, с. 361] – Синь Цици, «Снова с тобой танцуем // И напеваем песни» [3, с. 418] – Синь Цици и др.

Песня в стихотворении Синь Цици «В соболиной поношенной шубе...» может иметь отклик: «Путник, пылью походов покрытый, // Задержался в Синьфыне однажды. // Как змея его длинная сабля, // Пел он, в такт ударяя по ножнам. // В чьих устах эта песня героя // Отзовется сигналом тревожным?» [3, с. 365].

Музыкальные термины используются как в прямом («И песня раздаётся над рекой – // То вдалеке любимый мой поет» [3, с. 112] – Лю Юн, «Когда пыль дорог отряхну я // В пределах родимого края // И, запах курений // Вздыхая, // На шэне любимом // Сыграю?» [3, с. 487] – Цзян Цзе и др.), так и в образном значении – метафорическом («И песнею издалека // Свирель ласкает слух» [3, с. 194] – Лю Юйси, «Пил я вино и слушал, // Грустно как цинь поет» [3, с. 264] – Чжоу Баньянь и др.), метонимическом («Должно быть, любо слушать им // Трель флейты, звон струны» [3, с. 197] – Оуян Сю и др.) и др.

Китайская поэзия отличается от западноевропейской: «В отличие от западных поэтов в произведениях древнекитайских поэтов меньше экспрессии, они более сдержанны в выражении эмоций, не в манере китайских поэтов неприкрыто обнажать свои чувства, они предпочитают иносказательную форму, намеки» [5, с. 109]. Помимо перечисленных особенностей, в этой поэзии существует своеобразие и в употреблении музыкальных терминов. В рассмотренных поэтических произведениях представлена инструментальная, вокальная и танцевальная музыка. Превалирует описание игры на разных музыкальных инструментах (при этом преимущество отдается духовым инструментам). В соответствии с различными формами музицирования употребляются и музыкальные термины. В переводах проанализированных поэтических текстов большее количество терминов переведено при помощи слов русского языка, меньшее количество – это заим-

ствования из китайского языка. Благодаря наличию музыкальных терминов в произведениях китайских поэтов различных времен читатель может глубже узнать китайскую музыку, понять своеобразие звучания многих инструментов, увидеть сферу их использования, получить представление о вокальном и танцевальном искусстве китайского народа, о культуре это древней и удивительно интересной страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Басманов, М.* Комментарии / М. Басманов // Китайская лирика / пер., предисл., коммент. М. Басманова. – С.-Пб.: Северо-Запад Пресс, 2003. – С. 541–575.
2. *Е, Лан.* Хрестоматия по культуре Китая / Лан Е, Лянчжи Чжу; пер. Юнусов Тулкин. – Пекин: Издательство преподавания и исследования иностранных языков, 2011. – 262 с.
3. *Китайская лирика* / пер., предисл., коммент. М. Басманова. – С.-Пб.: Северо-Запад Пресс, 2003. – 580 с.
4. *Ткаченко, Г.А.* Культура Китая от А до Я. Словарь-справочник / Г.А. Ткаченко. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2008. – 384 с.
5. *Хайжуй, Ли.* Китай. Знакомство с древней культурой / Ли Хайжуй, Фэн Линьюй, Ши Вэйминь / сост., пред. Н.Х. Ахметшина. – М.: Вече, 2007. – 208 с.
6. *Шнеерсон, Г.М.* Музыкальная культура Китая / Г.М. Шнеерсон. – М.: Государственное музыкальное издательство, 1952. – 250 с.

Молоткова Ю.В.

(Минск, Республика Беларусь)

КОМПЛЕКС УПРАЖНЕНИЙ ДЛЯ ОБУЧЕНИЯ КИТАЙСКОМУ ИЕРОГЛИФИЧЕСКОМУ ПИСЬМУ СТУДЕНТОВ ЯЗЫКОВОГО ВУЗА

В данной статье предлагается комплекс упражнений для формирования и совершенствования навыков китайского иероглифического письма у студентов языкового вуза на начальном этапе обучения. Рассматриваемый комплекс упражнений разработан на основе когнитивного подхода с учетом принципов когнитивной направленности процесса обучения, использования иероглифических гнезд в качестве основы обучения, когнитивной визуализации предъявляемого материала и учета видов иероглифических гнезд и методической типологии иероглифов.

Ключевые слова: *китайский язык, китайское иероглифическое письмо, когнитивный подход, навыки письма.*

In this paper we propose a set of exercises for linguistic university students for formation and improvement their Chinese hieroglyphic writing skills at the first stage of teaching. This set of exercises is based on the cognitive approach, which takes into ac-

count the principles of cognitive orientation of the learning process, the use of hieroglyphic nests as a basis for learning, cognitive visualization of learning material and accounting the types of hieroglyphic nests and methodological typology of characters.

Keywords: Chinese language, Chinese hieroglyphic writing, cognitive approach, writing skills.

Эффективность усвоения иероглифики, как и любого другого аспекта языка, во многом обусловлена используемым в обучении подходом и построенным с учетом его принципов комплексом упражнений. Предлагаемый комплекс упражнений для обучения иероглифическому письму студентов языкового вуза разработан на основе когнитивного подхода и его основных принципов.

Принцип когнитивной направленности процесса обучения проявляется в создании условий для сознательного усвоения иероглифики; в учете когнитивных процессов восприятия, распознавания, запоминания и воспроизведения, осуществляемых обучающимися в процессе усвоения китайского иероглифического письма; в целенаправленном обучении стратегиям учебно-познавательной деятельности. В соответствии с принципом использования иероглифических гнезд в качестве основы обучения предъявляемый для усвоения иероглифический материал специально организован таким образом, чтобы продемонстрировать системность иероглифики. Когнитивная визуализация предъявляемого материала реализуется в комплексе упражнений за счет использования различных графических организаторов на всех этапах обучения. И наконец, учет видов иероглифических гнезд и методической типологии иероглифов предполагает использование различных упражнений для различных видов гнезд иероглифов и иероглифов неодинаковой степени трудности.

Реализация данных принципов в комплексе упражнений создает условия для приобретения обучающимися системных иероглифических знаний декларативного и процедурного характера, способствует формированию и совершенствованию графических, каллиграфических, орфографических навыков иероглифического письма и формированию стратегий учебно-познавательной деятельности.

В разработке комплекса упражнений учитывались следующие этапы обучения иероглифике: ознакомление с новым иероглифическим материалом, тренировка в использовании материала и применение материала в новых условиях, а также когнитивные процессы, которыми обеспечивается усвоение иероглифики: восприятие, распознавание, запоминание и воспроизведение. Соотнесение каждого этапа обучения иероглифике с когнитивными процессами позволило выделить следующие типы упражнений: когнитивно-рецептивные, когнитивно-ассоциативные, ассоциативно-репродуктивные и интегративно-репродуктивные.

Когнитивно-рецептивные упражнения направлены на усвоение декларативных знаний об основных и производных чертах иероглифики, о графемах и структурных схемах иероглифов, о компонентах и аспектах иероглифов. Усвоение знаний начинается с восприятия предлагаемого иероглифического материала, то есть с обнаружения и интерпретации получаемой информации, при помощи которых происходит понимание и осмысление воспринимаемого материала. Учитывая

то, что одной из закономерностей восприятия является категориальность, проявляющаяся в осмысленности и обобщенности восприятия, можно предположить, что предъявляемые для усвоения компоненты иероглифики воспринимаются обучающимися как представители некоторого класса объектов. Поскольку восприятие иероглифического материала происходит с опорой на анализ особенностей воспринимаемых объектов, выделение общего и различного, определение и осознание деталей, это позволяет обучающимся осознанно не просто воспринимать материал, но и относить его к определенным классам и группам. Выполнение когнитивно-рецептивных упражнений дает возможность студентам получить представление об особенностях новой для них системы письма, об особенностях иероглифов, их структуре, компонентах и аспектах, способствует восприятию и осмыслению нового иероглифического материала. При выполнении данного типа упражнений происходит систематизация декларативных знаний благодаря сознательному отношению к материалу, его организации в виде гнезд, демонстрирующих связи между чертами, графемами и иероглифами, а также когнитивным стратегиям, используемым на данном этапе. Кроме того, целью данных упражнений является также развитие у обучающихся умений прогнозирования, поскольку с усвоением определенного количества черт и графем, они смогут догадываться о значениях и звукобуквенных стандартах иероглифов.

Выполнение данных упражнений связано с когнитивными процессами восприятия, распознавания и осознанного анализа предлагаемого для усвоения иероглифического материала. В соответствии с этим в разработанном комплексе выделяются следующие виды упражнений: 1) упражнения на идентификацию и 2) упражнения на дифференциацию. В результате выполнения данных упражнений у обучающихся должна сформироваться прочная когнитивная база, системные представления о сложных взаимосвязях между компонентами иероглифики, которые позволят далее успешно запоминать и использовать материал. Когнитивная база формируется в том числе и благодаря использованию различных графических организаторов: графических карт для черт, графем и иероглифов, семантических и фонетических карт для иероглифов.

Данный тип упражнений нацелен также на формирование стратегий концентрации внимания на отдельных элементах черт, графем и иероглифов, на отдельных компонентах и аспектах иероглифов; а также выделения первостепенной информации с помощью различных техник, например, выделение цветом, подчеркивание, использование условных значков.

Когнитивно-ассоциативные упражнения выделяются в соответствии с таким когнитивным процессом, как запоминание. На когнитивной базе, полученной в результате выполнения предыдущего типа упражнений, происходит целенаправленная работа по выстраиванию ментальных связей между изучаемыми чертами, графемами, иероглифами и их компонентами и аспектами. Главной задачей данного типа упражнений является формирование различных ассоциативных и/или иерархических сетей черт, графем и иероглифов, логотипов иероглифов и их сетей. В результате выполнения данного типа упражнений полученная на предыдущем этапе первичная информация о системности материала обрабатывается, приобретает вид сети взаимосвязанных элементов и попадает в долговременную память.

Для выполнения данной цели предлагаются следующие виды упражнений: 1) упражнения на установление ассоциативных связей между чертами, графемами и иероглифами; 2) упражнения на группировку изучаемого иероглифического материала.

При выполнении когнитивно-ассоциативных упражнений формируются стратегии использования ассоциаций различного характера и использования визуальных образов для запоминания черт, графем и иероглифов. В данных упражнениях помимо семантической, графической и фонетической карт используются такие графические организаторы, как ассоциограмма и диаграмма Венна.

В результате выполнения когнитивно-рецептивных и когнитивно-ассоциативных типов упражнений происходит ознакомление с новым иероглифическим материалом, его группировка для хранения и запоминание. Далее предлагаются упражнения для целенаправленного формирования и совершенствования навыков письма.

Ассоциативно-репродуктивные упражнения связаны с когнитивным процессом воспроизведения, который осуществляется на основе когнитивных операций анализа, сравнения и сопоставления, а также ассоциаций, установленных обучающимися при выполнении предыдущего типа упражнений. Главной задачей данного типа упражнений является формирование графических, каллиграфических и затем орфографических навыков письма. На основе установленных ранее ассоциативных связей между чертами, графемами и иероглифами, обучающиеся выполняют ряд действий, направленных на формирование навыков письма, в соответствии с которыми выделяются и аналогичные виды упражнений: 1) на имитацию, 2) на подстановку, 3) на трансформацию и 4) на репродукцию.

На данном этапе в зависимости от степени трудности усваиваемого материала указанные виды упражнений используются дифференцированно. Так, для формирования графических навыков на основе черт в зависимости от выделенных стадий предлагаются упражнения на репродукцию черт. Для формирования каллиграфических навыков используются упражнения на имитацию графем, на подстановку черт в графемы, на репродукцию графем. Для орфографических навыков предлагаются упражнения на имитацию иероглифов, на подстановку графем в иероглифы, на трансформацию иероглифов и на репродукцию иероглифов.

Выполняя данный тип упражнений, обучающиеся используют стратегии контрастного анализа черт, графем и иероглифов и опоры на имеющиеся знания при воспроизведении черт, графем и иероглифов. На этом этапе используются все предлагаемые графические организаторы: семантическая, графическая и фонетическая карта, ассоциограмма, диаграмма Венна, карта сравнения и противопоставления и карта исследования.

Интегративно-репродуктивные упражнения также связаны с когнитивным процессом воспроизведения. Воспроизведение изученного материала на данном этапе происходит на основе интеграции, комплексного и взаимосвязанного использования всех полученных ранее декларативных и процедурных знаний, всех сформированных навыков и стратегий учебно-познавательной деятельности. Упражнения данного типа направлены на совершенствование графических, каллиграфических и орфографических навыков письма. Совершенствование навыков

письма происходит в результате выполнения упражнений на комбинирование черт в графемах, графем в иероглифах и иероглифов в словах и простых предложениях. Однако, поскольку уровень иероглифа является наиболее сложным, то для совершенствования орфографических навыков перед выполнением упражнений на комбинирование предлагаются также упражнения на оценку и коррекцию написания иероглифов. На этом этапе далее формируются стратегии контрастивного анализа и опоры на имеющиеся знания и также предлагаются все выделенные графические организаторы.

Следует отметить, что на всех этапах обучения формируются метакогнитивные стратегии планирования объема и последовательности изучения иероглифов, мониторинга осуществляемых действий в процессе восприятия, распознавания, запоминания и воспроизведения иероглифического материала. Кроме того, внимание уделяется и формированию социо-аффективных стратегий кооперирования с другими обучающимися для совместного решения учебных задач, сбора необходимой информации; и стратегии саморегуляции, предполагающей повышение уровня мотивации и поддержку чувства уверенности в себе.

Данные типы упражнений используются для формирования и совершенствования графических, каллиграфических и орфографических навыков. Это позволяет выделить три группы упражнений в зависимости от формируемых навыков: графически-ориентированные, каллиграфически-ориентированные и орфографически-ориентированные упражнения. Каждая группа упражнений представлена описанными выше типами и видами. Рассмотрим последовательность обучения иероглифике и то, как проявляются различия данных типов и видов в рамках выделенных групп упражнений.

Группа графически-ориентированных упражнений направлена на усвоение основных и производных черт иероглифики, на формирование и совершенствование графических навыков письма. Поскольку черта является минимальным графическим компонентом иероглифа и, как правило, не представляет значительных трудностей для усвоения студентами, полагаем, что некоторые стадии формирования и совершенствования графических навыков могут быть объединены в рамках одного вида упражнений.

Перед выполнением графически-ориентированных упражнений студентам предлагается ознакомиться с когнитивными, метакогнитивными и социо-аффективными стратегиями учебно-познавательной деятельности, которые позволят им эффективно воспринимать, запоминать и воспроизводить черты. Данные стратегии представляются в виде рекомендаций, предложенных в следующей памятке.

Помните о том, что при изучении иероглифики можно использовать стратегии учебно-познавательной деятельности, благодаря чему усвоение черт, графем и иероглифов будет происходить быстрее и эффективнее. Перед выполнением упражнений ознакомьтесь с памяткой, в которой представлены некоторые рекомендации, позволяющие прочнее усвоить черты.

Для скорейшего и более прочного запоминания черт и их написания:

**концентрируйте внимание на общих и различных элементах черт иероглифов;*

**делайте различия между подобными чертами нагляднее, для этого выделяйте в них общее и различное цветом, подчеркиванием или обведением;*

- *группируйте черты на основе общих элементов или по названию;*
- *представляйте черты в виде графической карты или таблицы.*

Для правильного написания черт:

- *сравнивайте подобные черты;*
- *пользуйтесь образцами в таблицах основных и производных черт;*
- *используйте названия черт или группы, в которые черты объединялись до этого.*

Для повышения эффективности вашей работы по изучению черт всегда помните о последовательности действий в процессе написания каждой отдельной черты и проговаривайте ее при письме.

Если вы затрудняетесь выполнить задание:

- *используйте подсказки или таблицы черт;*
- *выполняйте задания совместно с одноклассниками;*
- *обращайтесь за помощью к преподавателю.*

Не отчаивайтесь, если что-то не получается! У вас все получится! Желаем удачи!

Как только усвоены все основные и производные черты иероглифов, следует переходить к *группе каллиграфически-ориентированных упражнений*, направленных на усвоение основных правил каллиграфии, а также отобранного минимума графем и структурных схем иероглифов. Данные упражнения позволяют формировать каллиграфические и одновременно совершенствовать графические навыки письма.

Для данной группы упражнений также предлагаются определенные стратегии, знание и использование которых повысит эффективность учебной деятельности студентов. Так же, как и при усвоении черт, перед изучением графем и структурных схем иероглифов, студентам предлагается ознакомиться со следующей памяткой.

Помните о том, что при изучении иероглифики можно использовать стратегии учебно-познавательной деятельности, благодаря чему усвоение черт, графем и иероглифов будет происходить быстрее и эффективнее. Перед выполнением упражнений ознакомьтесь с памяткой, в которой представлены некоторые рекомендации, позволяющие прочнее усвоить графемы.

Для скорейшего и более прочного запоминания графем и их написания:

- *выделяйте их цветом, подчеркиванием или обводите в овалы;*
- *заштриховывайте ту часть, которая пишется первой по порядку;*
- *находите связи между графемами на основе значения, количества входящих в них черт или каких-либо общих элементов, черт;*
- *создавайте визуальные образы или придумывайте ассоциативные рисунки;*
- *группируйте графемы на основе выделенных ранее связей по значению, количеству черт, по общим графическим элементам;*
- *используйте для группировки различные графические организаторы: графические, семантические карты, ассоциограммы или диаграммы Венна.*

Для правильного написания графем:

- *анализируйте подобные графемы на основе диаграмм Венна или карт сравнения и противопоставления;*

**выучите правила написания черт в графемах и иероглифах.*

Для понимания значений иероглифов, запоминайте значения графем и их функции.

Для повышения эффективности вашей работы по изучению иероглифики:

**всегда помните о последовательности действий в процессе написания каждой отдельной графемы и проговаривайте ее при письме.*

**анализируйте, какие способы запоминания подходят вам, а какие помогают не полностью;*

**составьте словарь или таблицу графем.*

Если вы затрудняетесь выполнить задание:

**используйте подсказки или таблицы графем;*

**выполняйте задания совместно с одногруппниками;*

**обращайтесь за помощью к преподавателю.*

Не отчаивайтесь, если что-то не получается! У вас все получится! Желаем удачи!

Группа орфографически-ориентированных упражнений направлена на усвоение студентами иероглифов, их аспектов и гнезд иероглифов, объединенных на основе определенных аспектов. Основной задачей данных упражнений является формирование знаний об иероглифах, формирование и совершенствование орфографических навыков письма, предполагающих усвоение трех аспектов иероглифа: начертания, значения и звукобуквенного стандарта. Сопутствующей задачей данных упражнений является совершенствование графических и каллиграфических навыков.

Перед выполнением данной группы упражнений студентам предлагается памятка со стратегиями, которыми они смогут воспользоваться при усвоении иероглифов и гнезд иероглифов. Данную памятку можно использовать и далее в процессе изучения иероглифики.

Помните о том, что при изучении иероглифики можно использовать стратегии учебно-познавательной деятельности, благодаря чему усвоение черт, графем и иероглифов будет происходить быстрее и эффективнее. Перед выполнением упражнений ознакомьтесь с памяткой, в которой представлены некоторые рекомендации, позволяющие прочнее усвоить иероглифы.

Для скорейшего и более прочного запоминания иероглифов и их написания:

**выделяйте в них общие компоненты (черты или графемы) цветом, подчеркиванием или обведением;*

**используйте рисунки или схемы предметов для иероглифов изобразительной и указательной категорий;*

**группируйте иероглифы на основе какого-либо аспекта (начертания, звукобуквенного стандарта или значения);*

**наглядно изображайте связь между иероглифами с помощью таблиц, схем или графических организаторов.*

Быстро и прочно запомнить аспекты иероглифов вам поможет использование графических организаторов:

**для запоминания начертаний иероглифов составляйте гнезда на основе начертания и представляйте их в виде графических карт;*

**для запоминания звукобуквенных стандартов иероглифов составляйте гнезда на основе звукобуквенного стандарта и представляйте их в виде фонетических карт;*

**для запоминания значений иероглифов составляйте гнезда на основе значения и представляйте их в виде семантических карт.*

Для правильного написания иероглифов:

**пользуйтесь группами иероглифов, составленными ранее;*

**проводите анализ пар подобных иероглифов;*

**вспоминайте значения входящих в них компонентов;*

**используйте и составляйте таблицы сравнения и противопоставления подобных иероглифов.*

Для повышения эффективности вашей работы по изучению иероглифики:

**всегда помните о последовательности действий в процессе написания каждого отдельного иероглифа и проговаривайте ее при письме;*

**составляйте план изучения иероглифов по каждой теме, который поможет вам расширить иероглифический запас;*

**используйте карты исследования;*

**анализируйте, какие способы запоминания иероглифов подходят вам, а какие помогают не полностью;*

**ведите иероглифический словарь.*

Если вы затрудняетесь выполнить задание:

**используйте подсказки или таблицы черт;*

**выполняйте задание совместно с одноклассниками;*

**обращайтесь за помощью к преподавателю.*

Не отчаивайтесь, если что-то не получается! У вас все получится! Желаем удачи!

Данный комплекс предполагает когнитивно-рецептивные (упражнения на идентификацию, дифференциацию), когнитивно-ассоциативные (упражнения на установление ассоциативных связей, группировку), ассоциативно-репродуктивные (упражнения на имитацию, подстановку, трансформацию и репродукцию) и интегративно-репродуктивные (упражнения на оценку и коррекцию, на комбинирование) типы упражнений. Типы упражнений выделены в соответствии с этапами обучения китайскому иероглифическому письму, фазами приобретения навыков письма и когнитивными процессами, обеспечивающими усвоение иероглифики. Для каждого типа упражнений в комплексе предусмотрены соответствующие графические организаторы, обеспечивающие когнитивную визуализацию изучаемого материала; а также выделен ряд стратегий, которые необходимо формировать в рамках каждого отдельного типа упражнений. Виды упражнений выделены в соответствии со стадиями формирования и совершенствования навыков письма. Выбор видов упражнений, их последовательность и количество будут определяться формируемыми навыками (графическими, каллиграфическими или орфографическими); типом предлагаемых иероглифов, уровнем знаний и навыков обучающихся, этапом обучения, объемом иероглифического материала, подлежащего усвоению. Специфика разработанного комплекса заключается в учете и интеграции различных факторов: многоаспектного характера иероглифа; особенностей различных типов иероглифов; закономерностей когнитивных процессов восприятия, распознавания, запоминания, хранения и воспроизведения информации; различий в стадиях формирования и совершенствования графических, каллиграфических и орфографических навыков.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Баценко, И.В.* Формирование у студентов неязыкового вуза иноязычного лексикона (на материале английского языка) : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02 / И.В. Баценко. – Минск, 2003. – 173 л.
2. *Гальскова, Н.Д.* Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика : учебное пособие для студентов лингвистических университетов и факультетов иностранных языков высших учебных заведений / Н.Д. Гальскова, Н.И. Гез. – 5-е изд., стер. – М. : Издательский центр «Академия», 2008. – 336 с.
3. *Комков, И.Ф.* Система упражнений для обучения иностранным языкам в школе / И.Ф. Комков. – Минск, 1968. – 227 с.
4. Обучение письму : учебное пособие / Под ред. Е.И. Пассова, Е.С. Кузнецовой. – Воронеж : НОУ «Интерлингва», 2002. – 40 с. (Серия «Методика обучения иностранным языкам», № 14).
5. Принципы обучения иностранным языкам : учебное пособие / Под ред. Е.И. Пассова, Е.С. Кузнецовой. – Воронеж : НОУ «Интерлингва», 2002. – 40 с. (Серия «Методика обучения иностранным языкам», № 4).

*Надумович А.Н.
(Минск, Республика Беларусь)*

СОМАТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

В данной статье рассматриваются фразеологизмы с компонентами, называющими части тела и внутренние органы человека, в русском языке с точки зрения носителя китайского языка. Анализируется компонентный состав фразеологизмов, принадлежность к семантическому полю, их грамматические и стилистические характеристики.

***Ключевые слова:* соматическая лексика, русские соматические фразеологизмы, китайские соматические фразеологизмы.**

This article discusses the idioms with a component called body parts and internal organs, in the Russian language from the perspective of Chinese language. We analyze the component structure of phraseology, belonging to the semantic field, grammatical and stylistic characteristics.

***Keywords:* somatic vocabulary, idioms somatic Russian, Chinese somatic idioms.**

У фразеологической системы любого языка имеются социокультурные особенности. Изучение фразеологии через призму культуры позволяет увидеть связи между фразеологическим фондом того или иного языка и отраженной в нем картиной мира. В последней, как известно, наиболее ярко представлены быт, нравы, обычаи, верования, ритуалы и поведение людей, их отношение к окружающему миру и друг другу. В теоретических и практических работах, посвященных преподаванию РКИ наряду с лингвистическими аспектами фразеологии большое внимание уделяется ее лингвокультурологическому аспекту, поскольку фразеологические единицы (так же, как и лексика) служат основным ресурсом фоновых знаний и обладают способностью к накоплению внеязыковой информации.

Многие исследователи на протяжении уже более полувека занимаются изучением так называемого соматического фразеологического фонда языка, т. е. фразеологических единиц, в состав которых входят компоненты, называющие части человеческого тела. Это обуславливается тремя основными причинами: 1) соматические фразеологизмы активно используются носителями языка как в устной, так и в письменной речи, о чем свидетельствуют древние памятники, литературные произведения нового времени и записи живой разговорной речи; 2) соматические фразеологизмы уникальным образом отражают способы языковой категоризации человеческого тела; 3) соматические фразеологизмы имеют ярко выраженный культурный компонент, который требует отдельного изучения и описания.

Многоаспектный анализ русских соматических фразеологизмов на фоне китайского языка с учетом новых подходов к анализу данных единиц, сложившихся в последнее время в русской фразеологической школе дает возможность выявить

наличие в семантике анализируемых единиц культурно-значимой информации, понимание которой облегчает китайским студентам изучение русского языка и русской культуры.

В России фразеологизмы очень тесно связаны с повседневной речью и практически неотделимы от нее. Использование данных единиц в речи, как правило, оценивается как нечто само собой разумеющееся, а сама речевая ситуация – как нейтральная. В Китае положение дел несколько иное: незнание фразеологизмов, их отсутствие в речи означает для китайца невежество и необразованность. Кроме того, в процессе межкультурной коммуникации незнание фразеологизмов собеседниками очень сильно повышает риск возникновения коммуникативной неудачи и сбоя в общении.

Соматические фразеологизмы (СФ) русского языка могут изучаться с различных позиций в силу своего структурного и семантического разнообразия. В данной статье рассматриваются фразеологизмы с компонентами, называющими не только части тела человека, но и его внутренние органы, жизненно важные элементы, «строительный материал» организма (кишка, кровь и т. д.).

Согласно лексико-грамматическому критерию, среди соматических фразеологизмов русского и китайского можно выделить пять основных типов: субстантивные, глагольные, адъективные, наречные и междометные соматические фразеологизмы.

Охарактеризуем особенности каждого из указанных типов в сопоставляемых языках (по материалам фразеологических и толковых словарей русского и китайского языков, а также некоторым данным Национального корпуса русского языка).

Субстантивные соматические фразеологизмы характеризуют либо самого человека, либо присущий ему признак. В русском языке они встречаются в форме Им. п. и обозначают лицо, обладающее яркой характеристикой: *косая рука, лёгкая рука, ненасытная утроба, садовая голова* и др. В китайском языке встречаются СФ, близкие по значению и структуре с русскими: *цзо бан ю би* (букв. *левая рука, правая рука*) – способный помощник (ср. рус. *правая рука*). Но специфическими для китайского являются *цзе фа фу ци* (букв. *супруги со сплетёнными волосами*) – муж и жена; законные супруги; *и ба шоу* (букв. *первая рука*) – начальник, мастер, умелец; *чань ли цу* (букв. *нога в тысячу ли*) – выдающийся человек.

Субстантивные СФ имеют грамматические категории рода, числа и падежа, которые в одних СФ реализуются в полном объёме, в других – частично. Например, *голова садовая* ‘несообразительный, невнимательный человек’ чаще употребляется в единственном числе, а *злые языки* ‘сплетники, клеветники, любители пересудов’ – только во множественном.

В предложении данные СФ выполняют функции. Свойственные имени существительному, то есть подлежащего, именной части сказуемого, дополнения.

В глагольных соматических фразеологизмах глагольный компонент употребляется в личных формах и во всех или некоторых неличных формах (инфинитив, причастие и деепричастие). К глагольным относятся следующие русские СФ: *заговаривать зубы, водить за нос, бросаться в голову, сбывать / сбыть с рук, мозолить глаза, чесать язык, смотреть / глядеть сквозь пальцы* и др.

По наблюдениям фразеологов, что глагольные СФ во фразеологическом фонде разных языков многочисленны. Самой распространённой моделью четырёх-словных китайских глагольных СФ являются фразеологизмы, состоящие из двухчленных звеньев «глагол – существительное + глагол – существительное»: *яо тоу бай вэй* (букв. *мотать головой и вилять хвостом*), *ляо и фэнь би* (букв. *закатывать рукава и расправлять плечи*), *чянь цан ва ду* (букв. *тянуть кишки, ощущать тяжесть в животе*) и т. д. В китайском языке отсутствуют морфологически выраженные словоизменительные категории времени, лица, рода, падежа и числа, поэтому привести соответствующие эквиваленты русским глагольным фразеологизмам не представляется возможным.

В предложении глагольные СФ выступают в функции сказуемого двусоставного или односоставного предложения.

Адъективные СФ выражают качественную характеристику объекта, поэтому их можно сравнить с прилагательными. Например, *на одно лицо* ‘одинаковые’, *нечист на руку* ‘вороватый’, *кровь с молоком* ‘здоровый, цветущий’, *кожа да кости* ‘худой’, *без царя в голове* ‘безрассудный’ и т. д. Данная группа не является многочисленной.

В китайском языке к адъективным СФ мы относим фразеологизмы: *да шоу да цзяо* (букв. *большие руки и большие ноги*) ‘расточительный, выбрасывающий деньги на ветер’, *синь ти шоу жуань* (букв. *сердце доброе, руки мягкие*) ‘жалостливый, сердобольный’.

Адъективные СФ имеют, как и прилагательные, грамматические категории рода и числа, а также выступают в предложении в функции определения или именной части сказуемого.

Адвербиальные (наречные) СФ аналогичны наречиям образа действия (*под горячую руку, с тяжёлым сердцем, стиснув зубы, не моргнув глазом* и т. д.), меры и степени (*ни на волос, до мозга костей, с головы до пят*), места (*куда глаза глядят, рукой подать*) и причины, цели (*с открытыми глазами, с пьяных глаз*). Они имеют сходные с наречиями признаки и обозначают особенности выполнения действия или указывают степень качественной характеристики лица, предмета.

В китайском языке данная группа СФ также присутствует: *синь пин ци хэ* (букв. *сердце тихое, дух мирный*) ‘тихо и мирно, спокойно’, *ци шоу кун цюань* (букв. *голая рука, пустой кулак*) ‘беззащитно’, *ан шоу тин сюн* (букв. *держат высоко голову и выпячивают грудь*) ‘самоуверенно’.

В предложении адвербиальные СФ являются обстоятельством образа действия.

Междоветные СФ встречаются довольно редко. Они подобны междометиям и выражают эмоциональную реакцию или волеизъявление, а также обслуживают сферу речевого этикета. Например, *хоть пулю в лоб!* – это выражение отчаяния, бессилия, невозможности что-либо предпринять, чтобы выйти из затруднительного положения. В китайском языке: *чу му синь тань* (букв. *бить в глаза и вздыхать*) ‘увидеть что-либо (великое, совершенное) и вздыхать’, *синь хань чи лэн* (букв. *сердце сжалось и зубы зашлись*) ‘охладеть, потерять интерес, разочароваться (от неудачи и печальной памяти)’ и др.

Междометные СФ выражают волеизъявления, чувства, выступая как отдельные нерасчленённые предложения.

Таким образом, соматические фразеологизмы представляют собой древнейший пласт народной культуры и отражают историю познания человеком себя и окружающего мира. Эта группа, по подсчётам некоторых исследователей, составляет около 25% фразеологического фонда языка и в силу своей культурной специфики является важным объектом лингвокультурного анализа.

На основании проведённого исследования можно заключить, что в русском и китайском языках, например, образ тела представлен по-разному. Телесность в китайской культуре есть чисто внутреннее состояние, которое обозначается как вездесущий облик бытия. В русской культуре физическое тело и его анатомическое строение являются маркированными, тело воспринимается как субстанция и имеет свой образ в культуре, рассматривается в эстетическом аспекте.

В обоих языках соматические компоненты обладают неодинаковыми возможностями во фразеобразовании. Наиболее высоким фразеобразовательным потенциалом характеризуются соматические компоненты голова, глаза, рука, рот, нога, лицо и сердце, находящие отражение во фразеологических системах как русского, так и китайского языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Войнова Л.А., Жуков В.П., Молотков А.И., Фёдоров А.И.* Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А. И. Молоткова. – 4-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 1987. – 543 с.
2. Толковый словарь китайского языка. – Пекин, 2004.

Филимонова М.С.
(Минск, Республика Беларусь)

КОГНИТИВНО-КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОДХОД К ОБУЧЕНИЮ СТУДЕНТОВ ЧТЕНИЮ НА КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ

В статье рассматривается сущность когнитивно-коммуникативного подхода в обучении студентов чтению на китайском языке и анализируются основные методические принципы, которые следует учитывать при обучении студентов чтению.

Ключевые слова: когнитивно-коммуникативный подход, методический принцип, когнитивный анализ текста, тема, рема, иероглифическая «семья», принцип концентрического введения иероглифического материала, концентр, мини-концентр, когнитивная модель.

The article analyzes cognitive-communicative approach in teaching students reading in Chinese as well as its main principles.

Key words: *cognitive-communicative approach, methodological principle, cognitive textual analyses, characters “family”, concentric method of teaching Chinese characters, concentre, mini-concentre, cognitive model.*

В настоящее время курс обучения чтению на китайском языке в рамках учебной программы курса «Практика устной и письменной речи (китайский)» (Специальность: 1-21 06 01 «Современные иностранные языки») в языковом вузе предусматривает усвоение студентами умений читать и понимать с различной степенью полноты, точности и глубины оригинальные художественные, общественно-политические и научно-популярные тексты.

В то же время, как показало проведенное нами исследование, в нормативно-методических документах недостаточно конкретизирована совокупность знаний, навыков и умений, необходимых для овладения чтением на китайском языке студентами языкового вуза, не определен методический подход, в русле которого целесообразно осуществлять данное обучение.

Мы считаем, что обучение чтению на китайском языке на начальном этапе должно выходить за рамки обучения навыкам техники чтения и включать этап развития умений чтения, что подразумевает под собой умения коммуникативного анализа текста.

Содержание обучения чтению студентов языкового вуза на китайском языке на начальном этапе, на наш взгляд, должно варьироваться с учетом конкретного этапа образовательного процесса. В частности, на начальном этапе, по нашему мнению, студентам необходимо овладеть знаниями, навыками и умениями техники чтения на китайском языке, а также развить умения чтения простых текстов, которые в дальнейшем должны послужить основой для обучения чтению на старших курсах языкового вуза более сложных, относящихся к различным функциональным типам текстов.

Обучение чтению, по нашему мнению, может осуществляться наиболее эффективно в рамках когнитивно-коммуникативного подхода.

Избранный нами подход и проведенный анализ структуры и содержания обучения в рамках курса «Практика устной и письменной речи (китайский)» (Специальность: 1-21 06 01 «Современные иностранные языки») позволили определить методические принципы, которые следует учитывать в обучении студентов языкового вуза чтению на китайском языке. К принципам *когнитивной направленности* обучения мы относим: *учет когнитивных аспектов деятельности по извлечению информации в процессе чтения на китайском языке, системность организации языкового материала, концентрическую подачу языкового материала, принцип ответственности когнитивных моделей познавательной деятельности обучаемых, учет особенностей когнитивного развития обучаемых.*

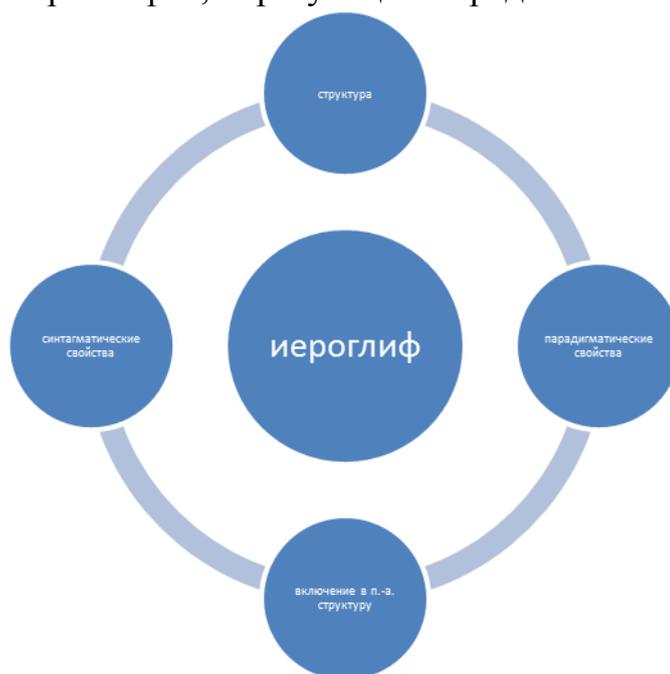
Рассмотрим подробно каждый из вышеперечисленных принципов.

Использование данного подхода даст возможность учитывать *когнитивные аспекты деятельности по извлечению информации в процессе чтения на китайском языке*, которые предполагают: 1) анализ текста при одновременном анализе

графической информации всех уровней, входящей в него; 2) анализ текста при последовательном анализе каждого иероглифа с точки зрения его графических, семантических и фонетических характеристик; 3) анализ концептуальной информации синтаксических структур и китайского простого предложения; 4) анализ средств связей текста, которые выступают в качестве маркеров его структуры; исследование логико-семантической структуры текста; выделение его номинационных (тематических) цепочек, тема-рематических структур, логических цепочек; определение рематической доминанты; выделение концепта текста.

Суть принципа *системности организации языкового материала* заключается в том, что иероглифические единицы должны вводиться не изолированно, а в тесной связи с другими единицами, т.е. в виде «семей», что позволяет раскрыть их общие свойства и выявить закономерности их плана выражения и содержания [1, с. 139–140] (“汉字教学理论与方法”). При предъявлении иероглифического материала, подлежащего усвоению, в виде «семей», организованных с учетом парадигматических и синтагматических связей каждого знака, облегчается запоминание новых иероглифов (слов, словосочетаний, предикативных конструкций), так как каждый из них несет в себе дополнительную информацию о других, имеющих сходные элементы, иероглифах и словах, а также словосочетаниях и предикативных конструкциях. Чем больше накапливается (на основе усваиваемых новых иероглифов, слов, словосочетаний, предикативных конструкций) дополнительной информации, тем более облегчается процесс запоминания материала, у студентов начинает развиваться языковая и смысловая догадка [2]. В нашем исследовании мы придерживаемся методической организации иероглифического материала, которая представлена следующим образом:

- 1) «семьи» иероглифов, объединенных по единой графеме;
- 2) «семьи» иероглифов, объединенных по единому фонетику;
- 3) «семьи» иероглифов, объединенных по единому идеографу;
- 4) «семьи» слов, образованных от единого иероглифа;
- 5) «семьи» иероглифов, образующих определенные словосочетания;

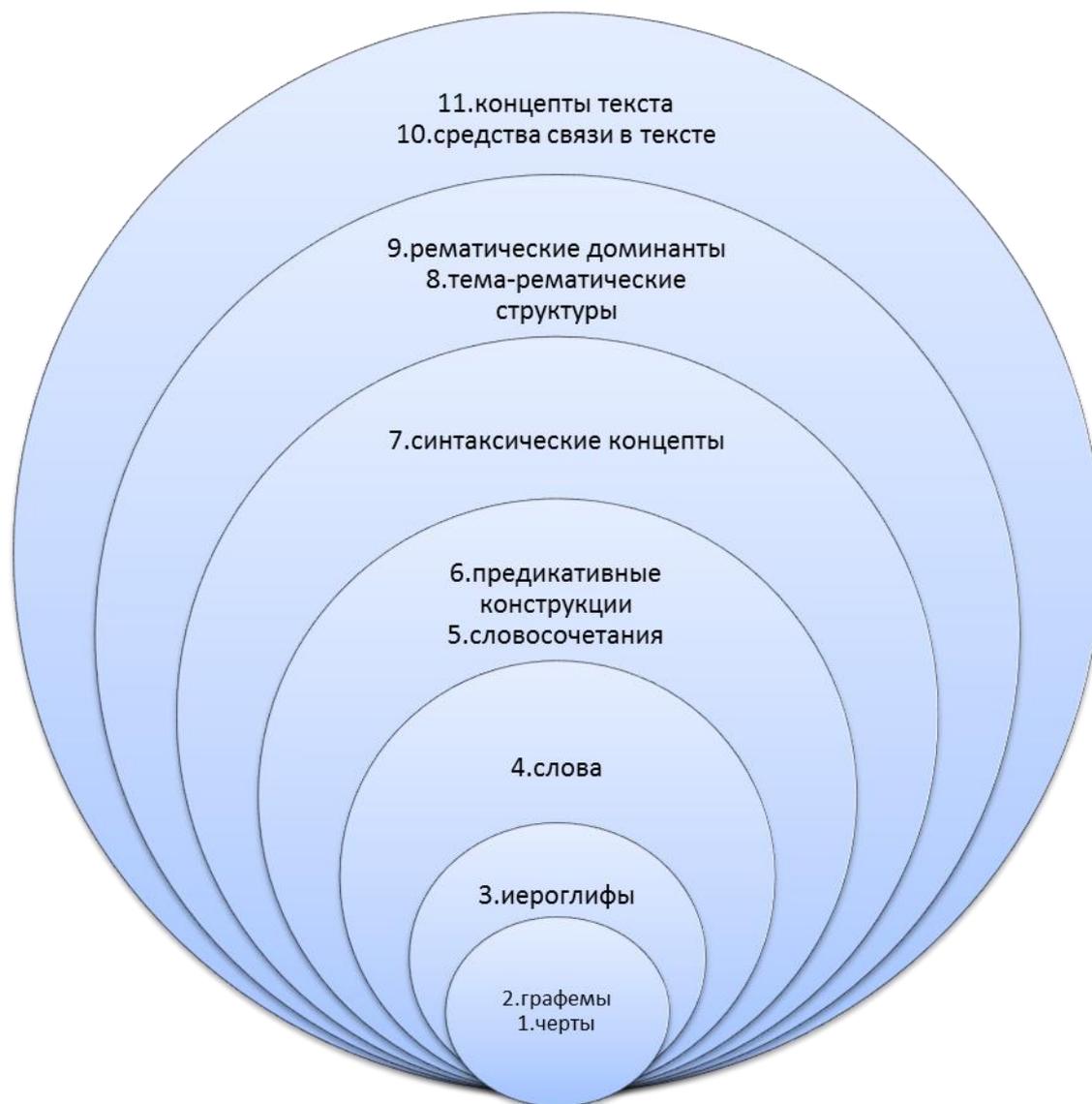
При такой методической организации, иероглифический материал, на наш взгляд, будет осмысляться и усваиваться на ситуативно-смысловом фоне, что создаст хорошие условия для формирования навыка вероятностного прогнозирования на языковом и смысловом уровнях.

Принцип *концентрической подачи языкового материала* предполагает распределение материала, необходимого для обучения чтению на китайском языке, по относительно замкнутым циклам – концентрикам. В каждом последующем концентре предусматривается расширение материала на основе изученного и овладение новым. Соблюдение данного принципа обуславливает доступность материала, который располагается в соответствии с общедидактическим требованием «от легкого к трудному», от уже усвоенного к новому [3].

Таким образом, методическая организация иероглифического материала, по нашему мнению, должна быть представлена следующими концентриками:

- 1) концентр иероглифических черт;
- 2) концентр графем (ключевых графем, фонетиков, идеографов);
- 3) концентр иероглифов;
- 4) концентр слов;
- 5) концентр словосочетаний;
- 6) концентр предикативных конструкций;
- 7) концентр моделей синтаксических концептов китайского простого предложения;
- 8) концентр тема-рематических структур;
- 9) концентр рематических доминант;
- 10) концентр средств связей в тексте;
- 11) концентр концептов текстов.

Концентры иероглифического материала

Как видно из диаграммы, взаимосвязь иероглифических концентров проявляется в том, что, каждый из концентров является включенным в более крупные концентры, таким образом обучение должно вестись от освоения языкового материала от первого концентра с последовательным освоением последующих.

Принцип соответствия когнитивных моделей познавательной деятельности обучаемых находит свое отражение в конструировании моделей когнитивной деятельности студентов.

Согласно теории когнитивных моделей [4, с. 143–184], сознание индивида представлено различными когнитивными моделями, которые структурируют ментальные пространства, представляющие собой среду концептуализации и мышления. Элементами когнитивных моделей являются концепты. Данные когнитивные модели (структуры) содержатся в долговременной памяти индивида и служат основой для восприятия, осмысления и переработки получаемой информации [5, с. 162–182].

А.В. Щепилова полагает, что организация учебного процесса должна совпадать с естественным путем познания, свойственным человеческой психике.

Согласно А.Н. Шамову, конструирование моделей когнитивной деятельности студентов позволяет наблюдать за когнитивными процессами, за их ролью и местом в учебной деятельности учащихся по овладению иностранным языком, а также позволяет определить наиболее оптимальный способ управления процессом овладения знаниями, навыками и умениями, в частности чтения на китайском языке [6].

Данный принцип тесно связан с *принципом учета особенностей когнитивного развития обучаемых*.

Согласно теории когнитивного развития (концепции Ж. Пиаже) когнитивное развитие обучающихся в студенческом возрасте находится в стадии «формальных операций», которая характеризуется развитием нового вида интеллектуальной обработки знаний, а именно абстрактного мышления. Существенными свойствами мышления на данной стадии являются: способность учитывать все комбинации переменных при поиске решения проблемы; способность предполагать, какое влияние одна переменная окажет на другую; способность объединять и разделять переменные гипотетико-дедуктивным образом [7, с. 87].

На стадии «формальных» операций становится более гибким мышление, осознается обратимость умственных операций и рассуждений, появляется способность рассуждать, используя абстрактные понятия; развивается способность к системному поиску способов решения задач с просмотром многих вариантов решения и оценкой эффективности каждого из них [8].

Т.Д. Шевченко говорит о том, что в студенческом возрасте обучаемые совершенствуют выработанные прежде когнитивные умения, диапазон их мышления становится значительно шире, содержание мышления сложнее [9].

И.В. Карпова считает, что психологической особенностью студенческого возраста является способность к активной мыслительной деятельности, которая характеризуется достаточно высоким уровнем обобщения и абстрагирования, нарастающей тенденцией к причинному объяснению явлений, умением сравнивать и сопоставлять, отделять существенное от несущественного, доказывать и аргументировать.

Таким образом, деятельность студентов, обучающихся на начальном этапе (1 курс), будет характеризоваться более высоким уровнем развития когнитивного мышления, более эффективными механизмами планирования действий, принятия решений, решения задач и приобретения знаний, что будет способствовать формированию когнитивной базы обучаемых, которая позволит успешно овладеть навыками и умениями чтения на китайском языке.

Созданная нами лингво-когнитивная модель обучения чтению на китайском языке учитывает особенности когнитивного развития обучаемых на данном этапе обучения. В ее основе лежат такие логические операции как анализ, синтез, классификация, абстрагирование, систематизация, конкретизация и разработана с учетом выделенных ранее когнитивных аспектов деятельности по извлечению информации в процессе чтения на китайском языке.

Коммуникативность выбранного подхода находит свое отражение в первую очередь в рассмотрении текста с учетом такого его интегрального качества как коммуникативность, то есть в виде модели сопряженных коммуникативных действий адресанта и адресата, а не как статичного набора единиц низшего порядка [10, 11]. В любом связном тексте отражается коммуникативная установка говорящего (автора текста, адресанта) на определенного получателя текста (слушателя, воспринимающего, реципиента), реализуется цель коммуникации (сообщение информации; запрос на её получение; волеизъявление говорящего, направленное на собеседника и предполагающее изменение окружающей действительности реципиентом). К коммуникативному аспекту текста относят «функционально-коммуникативную перспективу предложения – его актуальное членение, которое обеспечивает распределение смысла в тексте» [11].

Следовательно, в нашем исследовании текст будет рассматриваться на следующих уровнях:

1) уровне (отдельного) коммуникативного акта, на котором воспринимается коммуникативная функция (интенция) конкретного высказывания;

2) уровне (отдельного) текста, где будут выявляться доминирующие и сопутствующие функции текста, тема сообщения, создание текстовых смыслов, особенности актуализации в тексте его коммуникативных антропоцентров: автора и адресата сообщения;

3) уровне глубинного макросемантического анализа текста, его смысловой структуры, где будут выявляться языковые и композиционные единицы, стратегии и факторы текстопорождения, связующие текст в единое целое [12].

В качестве двух сторон связности текста А.М. Ефремов рассматривает *ретроспекцию* (установление внутритекстовых связей за счет соотнесения ряда последующих реализаций определенного маркированного элемента с предыдущими реализациями) и *проспекцию* (способность знаков предсказывать контекст). При этом любой элемент текста можно трактовать как обладающий свойствами ретроспективного и, в тоже время, проспективного средства [13].

А.М. Ефремов также указывает на то, что «спаянность» текста находится в прямой зависимости от «спаянности» единиц нижележащих уровней, при этом сильная «спаянность» одной единицы несет в себе явление слабой «спаянности» смежной с ней вышестоящей единицы. Так, совпадение в китайском языке слога и морфемы, единое тональное оформление слога и четкость его внешних границ автоматически ведет к «рыхлости» слова. В свою очередь слово, не обладающее достаточной степенью «внутренней прочности», тяготеет к плотному включению в синтагму (синтаксическую конструкцию). То есть в китайском языке существует явление чередования, когда уровни, характеризующиеся слабой спаянностью единиц, чередуются с уровнями, спаянность единиц которых будет сильной [13].

	слог	слово	синтагма (синтаксическая конструкция)	предложение	текст
сильная спаянность	+		+		+
слабая спаянность		+		+	

Таблица. Чередование сильной и слабой спаянности по А.М. Ефремову.

Следовательно, текст на китайском языке необходимо рассматривать, во-первых, как неотъемлемую часть коммуникативной ситуации; во-вторых, в неразрывной связи всех его единиц, которые относятся к различным уровням и при включении в единицы более высоких уровней более полно раскрывают свое функциональное значение, обладая одновременно ретроспективными и проспективными свойствами.

Восприятие текста, как особой коммуникативной единицы будет проходить следующие стадии:

- 1) восприятие текста;
- 2) определение коммуникативной функции высказывания, цели и участников коммуникации (коммуникативных антропоцентров);
- 3) структурирование текста, выделение его составляющих;
- 4) выявление особенностей реализации цели коммуникации в тексте: макро-семантический анализ текста и его смысловой структуры, функционально-коммуникативной перспективы предложений текста;
- 5) создание уточненного образа коммуникативной ситуации;
- 6) осознание адресатом своей роли в коммуникации.

Такой подход к рассмотрению сущности текста, а также лежащие в его основе принципы, позволяет раскрывать коммуникативную природу текста и анализировать с точки зрения его коммуникативной целостности.

Коммуникативная направленность обучения включают в себя принципы учета коммуникативных аспектов деятельности по извлечению информации в процессе чтения на китайском языке, *деятельностной основы обучения, функциональности.*

Выделяя принцип *учета коммуникативных аспектов деятельности по извлечению информации в процессе чтения на китайском языке* в качестве одного из ведущих методических принципов, мы рассматриваем текст через призму теории коммуникативной организации высказывания, т.е. как иерархическое тема-рематическое единство глубинных тема-рематических образований, в которых темы и ремы более сложных объединений есть синтез тем и рем менее сложных явлений, а элементарными единицами являются высказывания.

По словам Е.А. Реферовской, «в центре внимания лингвистического изучения текста находятся сперва языковые и коммуникативные структуры предложения как минимальной единицы речи, затем – сверхфразовых единств как выразителей комплексной структуры мысли и, наконец, текста в целом, отвечающего своей

связностью и логическим развертыванием содержания характеру поступательного движения человеческой мысли».

Мы считаем, что владение умениями анализа коммуникативной структуры текста, а именно умениями выделять тема-рематические структуры и определять рематическую доминанту, позволит повысить эффективность его понимания и добиться эффективности коммуникации, что является одной из задач нашего исследования [12].

Принцип деятельностной основы обучения чтению на китайском языке выражается в умственной активности студентов, в способности опираться на имеющийся речевой опыт при поиске, обработке и сравнительно-сопоставительном анализе считываемой информации. От овладения конкретными языковыми средствами происходит переход к овладению речевыми действиями, направленными на решение определенных коммуникативных задач [13].

Осознание студентами лингвистических явлений и овладение им языковыми средствами, происходит через овладение студентом познавательными и речевыми действиями в процессе решения определенных когнитивных и коммуникативных задач [15]. Деятельностная основа обучения в рамках нашего исследования предполагает активизацию речевой деятельности студентов посредством парных и групповых формы работы, выполнения исследовательских задач.

А.Н. Шаповалов говорит о том, что возникновение, направление и способы осуществления конкретных форм деятельности обучаемого определяет мотивация к овладению иностранным языком, которая находится в неразделимой связи с потребностями и эмоциями обучаемого.

Принцип функциональности, согласно А.В. Щепиловой, означает обучение учащихся функциональному использованию языка, т.е. решению определенных коммуникативных задач, и реализуется в том, что изучаемые языковые явления рассматриваются в свете их функциональной значимости. Вследствие этого, *принцип функциональности* в рамках нашего исследования заключается в том, что в процессе чтения иероглифические единицы любого уровня (от черты до текста) рассматриваются в тесной взаимосвязи своих составляющих аспектов, которые соотносятся между собой как содержание, функция и форма, при ведущей роли функции [16].

Вследствие того, что для осуществления успешной коммуникации обучаемый должен знать, как используется письменная форма языка для выполнения различных коммуникативных задач, *принцип функциональности* учитывает содержание курса «Практика устной и письменной речи (китайский)» (Специальность: 1-21 06 01 «Современные иностранные языки»), в соответствии с которым необходимы для овладения являются такие функциональные типы диалогического и монологического высказывания, как текст-описание, текст-повествование, диалог этикетного характера, диалог-расспрос (односторонний типа интервью и двусторонний), диалог-обмен мнениями, диалог-побуждение к действию).

В процессе чтения обучаемый должен уметь быстро определять и адекватно интерпретировать структурно-композиционные, коммуникативно-функциональные и языковые особенности читаемого текста, с тем, чтобы максимально полно извлекать из него информацию и правильно ее интерпретировать. Это достигается

при помощи овладения студентами концептуальной информацией синтаксических конструкций и предложений (текста), определенным репертуаром клише речевого этикета, различными типами диалогических единств, грамматическими средствами оформления и связи текстов.

Таким, образом, использование когнитивно-коммуникативного подхода в качестве методической основы системы обучения, реализующегося в системе вышеперечисленных методических принципов, будет способствовать оптимизации обучения студентов чтению на китайском языке на начальном этапе на основе специально разработанного комплекса упражнений.

ЛИТЕРАТУРА

1. 汉字教学理论与方法 = Преподавание китайского языка / 周建著. – 北京 : 北京大学出版社, 2007. – 227 页.
2. Кочергин, И.В. Очерки лингводидактики китайского языка / И.В. Кочергин. – М. : АСТ : Восток-Запад, 2006. – 192 с.
3. Азимов, Э.Г. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э.Г. Азимов, А.Н. Щукин. – М. : Изд-во «Икар», 2009. – 448 с.
4. Лакофф, Дж. Когнитивное моделирование / Дж. Лакофф // Язык и интеллект / Дж. Лакофф. – М. : Прогресс, 1995. – С. 143–184.
5. Цурикова, Л.В. Анализ межкультурной коммуникации: когнитивно-прагматический подход / Л.В. Цурикова // Вестник Воронежского государственного университета. Гуманитарные науки / Л.В. Цурикова. – 2003. – № 2. – С. 162–182.
6. Шамов, А.Н. Когнитивный подход к обучению лексике: моделирование и реализация (Базовый курс немецкого языка) : дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.02 / А.Н. Шамов ; Нижегород. гос. лингв. ун-т им. Н. А. Добролюбова – Н. Новгород, 2005. – 537 л.)
7. Inhelder, B. The growth of logical thinking from childhood to adolescence / B. Inhelder, J. Piaget. – New York : Basic Books, 1958.
8. Хилько, М.Е. Возрастная психология. Конспект лекций / М.Е. Хилько, М.С. Ткачева. – М. : Изд-во «Юрайт», 2010. – 194 с.
9. Шевченко, Т.Д. Когнитивно-коммуникативная методика обучения чтению иноязычных текстов (Английский язык, лингвистический вуз) : Дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02 / Т.Д. Шевченко ; Пятигорск. гос. лингв. ун-т – Пятигорск, 2002. – 243 л.
10. Сидоров, Е.В. Проблемы речевой системности / Е.В. Сидоров. – М. : Наука, 1987. – 140 с.
11. Богомолова, Е.Н. Способы обеспечения связности текста в структурно-динамическом рассмотрении (на материале китайских публицистических текстов) : дис. ... канд. фил. наук : 10.02.19 / Е.Н. Богомолова ; ФГБОУ ВПО Военный ун-т. – М., 2011. – 275 л.)

12. *Чернявская, В.Е.* Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность : учеб. пос. / В.Е Чернявская. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 248 с.
13. *Ефремов, А.М.* Связность китайского текста в сравнительно типологическом аспекте: Дис...канд. филол. наук : 10.02.19 / А.М. Ефремов ; ФГБОУ ВПО Военный ун-т. – М., 1987. – 184 л.
14. *Карпова, И.В.* Коммуникативно-когнитивный подход к обучению реферированию студентов на продвинутом уровне в неязыковом ВУЗе : (Экономический профиль, немецкий яз.) : Дис...канд.пед.наук : 13.00.02 / Акад.повышения квалификации и переподгот. работников образования РФ . – М., 2005 . – 151 л.
15. *Щепилова, А.В.* Коммуникативно-когнитивный подход к обучению французскому языку как второму иностранному / А.В. Щепилова. – М. : Просвещение, 2003. – 90 с.
16. *Софронов, М.В.* Китайский язык и китайская письменность : курс лекций / М.В. Софронов. – М. : АСТ : Восток-Запад, 2007. – 638 с.

Чуешкова М.А.
(Минск, Республика Беларусь)

СПЕЦИФИКА КИТАЙСКОЙ И РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУР: ПОНЯТИЕ «ЛИЦА»

В статье ставится задача сопоставить национальные особенности китайской и русской культур на примере реализации понятия «лица». В результате анализа автор пришёл к выводу, что понятие «лица» и его потери имеет место и в китайски русской языковых традициях, с тем только исключением, что в русской лингвокультуре «потеря лица» не несёт такой сильной коннотации (полную потерю репутации человеком), как в китайской.

Ключевые слова: *национальная специфика, китайская национальная культура, язык, лингвокультура, понятие «лица», «негативная вежливость», «позитивная вежливость».*

The aim of the work is to compare national features of Chinese and Russian cultures on the example of the concept of the “person”. As a result of analysis, the author has come to the conclusion that the concept of the “person” and it’s loss takes place as well as Chinese and in Russian language variations, with the exception that in Russian lingvoculture “loss of person” doesn’t have so powerful connotation (the complete loss of people’s reputation) as in Chinese.

Keywords: *national features, Chinese national culture, a language, lingvoculture, the concept of “person”, Negative Face, Positive Face.*

В культурной картине мира каждого народа имеется своя собственная специфика восприятия окружающего мира. У разных народов ввиду неодинакового культурного фона она различна. Причиной данному явлению служит ряд факторов: география, климат, природные условия, история, социальное устройство данного народа, религия, традиции и образ жизни и т.п. У родственных народов, имеющих общую историю, похожую культуру и обычаи, это восприятие может совпадать.

Естественно, в процессе интенсификации контактов с другими культурами происходил взаимообмен опытом, религиозными убеждениями произошли аксиологические изменения, благодаря чему наблюдается общность тех или иных культурных ценностей у большинства наций.

Такие явления как язык и культура взаимосвязаны. В процессе межкультурного взаимодействия, каждая из культур обогащается знанием об аксиологической системе, социально-бытовых особенностях, предметных значениях и этических требованиях друг друга. Отчасти это взаимообогащение происходит в виде лексических заимствований. Будучи по сути лингвокультурным явлением язык впитывает в себя всё содержание культуры, а культура в свою очередь зависит от характера и содержания своего языка.

Так как мировосприятие у представителей разных народов, равно как и мировидение, имеют отличия, то вполне логичным видится тот факт, что каждый из них обладает уникальными моральными установками в общении, обусловленными национальной спецификой.

Успех межкультурного общения зависит от знания культур собеседника, которое включает в себя его пониманием места человека в мире, его деятельности, связи с природой и с обществом. У каждого из участников диалога она, может и имеет общие черты, но всё же по содержанию в ней исторического опыта, системы ценностей и представлений остаётся иной. Кажущееся сходство может стать серьёзным препятствием для успешного взаимопонимания и взаимного обмена опытом и культурными ценностями.

Китайская и русская культуры так не похожи друг на друга, что на первый взгляд они не имеют ничего общего. Однако могут обнаружиться общие черты, так как в последние годы по ряду политических и экономических причин этим культурам приходится находиться во взаимодействии и взаимовлиянии.

Для китайцев большое значение имеет степень близости отношений с тем или иным человеком. В разговоре с близким и хорошо знакомыми людьми, которых они принимают за «своих» (自己人 – zìjǐrén – свой человек; свои люди), китайцы отбрасывают церемонность и говорят достаточно просто, непринуждённо и бесцеремонно. Однако с посторонними «чужаками» (外人 – wàirén – чужой, посторонний, незнакомый) и малознакомыми людьми китайцы подчёркнуто вежливы, при этом знание этикета не зависит от уровня их образованности. Даже малограмотный китаец в глухой деревне умеет быть вежливым, если он 见外 (jiàn wài – считать чужим; церемониться; стесняться) кого-либо.

Китайцы стараются не показывать своих эмоций. Даже когда они злятся, обескуражены, огорчены, удивлены, обижены и т.д. они этого не покажут, а просто

улыбнутся. Неважно, что при этом испытывает китаец, он всё равно будет улыбаться своему собеседнику, чем будет показывать своё уважительное отношение к партнёру по общению. Для китайца улыбка – это не обязательно проявление радости, а атрибут вежливого поведения. Китаец улыбкой выражает своё согласие со словами собеседника, показывает, что он внимательно слушает. При встрече улыбка обязательна для приветствия. Русские не всегда улыбаются при приветствии и знакомстве. Улыбка, согласно русским общекультурным коммуникативным нормам, уместна при выражении чувства радости. А, если нет повода радоваться, то значит, нет повода и улыбаться.

В Китае (а также в Японии и в Корее) вежливым считается в процессе монолога собеседника время от времени вставлять реплики (наподобие следующих – «Ага!», «Что вы говорите?», «Да неужели?»), чтобы подтвердить, что адресат внимательно слушает и слышит собеседника. Молчание означает невовлечённость в процесс беседы, игнорирование сообщаемой информации – хуже оскорбления не придумаешь. У русских молчаливое слушание является признаком внимания, невежливо перебивать собеседника, можно лишь мимикой лица показывать своё отношение к сообщаемой информации.

У Запада русские и китайцы заимствуют не только одежду, но и язык, праздники, образ мышления, правила ведения бизнеса и многое другое, что и делает нас относительно похожими. Однако отношение у нас к этому неодинаковое. У Китая имеется впечатляющая история с устоявшейся традицией иерархически построенного коллективистского общества, а также опыт развития, будучи изолированным государством. Китай культурно самодостаточен. Поэтому всё, что Китай заимствует извне, через некоторое время возвращается обратно в виде «продукта», прошедшего «обработку» китайским сознанием. Русские же сами чаще всего поддаются обработке и, в конце концов, являют собой «продукт» влияния неродной культуры.

Общим можно назвать наше с Китаем советское прошлое. Но социализм в Китае и коммунизм в СССР, хоть и похожи по сути, но всё же разные по исполнению. Китайский социализм в настоящее время уже является «обработанным продуктом» и имеет мало общего с тем, с чего начинался.

И китайский и русский языки считаются самыми сложными для изучения в мире, то же самое можно сказать и о китайской и русской культурах – они чрезвычайно сложны. В обеих смешались традиционные и современные представления о мире, что характерно для развивающихся государств. И для китайского, и для нашего общества до сих пор актуальны такие традиционные ценности, как: уважение к старшим, семья, долг и т.д. У нас ситуация, когда стариков отдают в дом престарелых при дееспособных детях, оценивается отрицательно. В Китае про детей стариков, просящих милостыню на улицах, говорят, что такие плохие дети, будто их и нет.

При этом китайцы предельно вежливы к старшему по возрасту или социальному положению человеку, для их культуры характерно почтительное и уважительное отношение к старшим – старость в Китае почитается, так как она вплотную связана с понятиями опыта и мудрости. Старость почитаема, и поэтому обращение к старшему с приставкой 老 (lǎo – старый, старший) – это дань возрасту и мудрости

человека, проявление уважения. В Китае принято спрашивать женщину о возрасте – чем старше, тем больше к ней уважения.

А в русскоязычной среде именование кого-либо старым может повлечь за собой неприятные последствия. А спросить женщину о возрасте – нетактично.

Для нас и китайцев понятие власти сакрально, для общества характерен приоритет государства над личностью. Что позволяет заключить, что культура стран постсоветского пространства тоже являются коллективистскими. Только в нашем обществе коллективизм выражен в меньшей степени и, по мере заимствования западных ценностей, всё больше вытесняется индивидуализмом.

Самыми главными различиями русского и китайского национальных характеров заключается в их языковых картинах мира, которые традиционно отражают представления народа о мире. И китайская и русская культуры уникальны.

В развитии каждой культуры религия приняла непосредственное участие, повлияла на восприятие окружающего мира. Русскоязычные язычники были в своё время обращены в христианство и с тех пор глубоко веруют. По мнению китайских русистов, после принятия христианства на Руси в 988 году русская культура пошла на сближение с западной, однако после раскола христианской церкви на католическую (западную) и православную (восточную) в 1054 году снова стала отдаляться из-за противоречий в религиозных представлениях. И эти события также повлияли на развитие русской культуры.

На протяжении всего периода сосуществования трёх основных религий Китая: Конфуцианства (сложилась в VI–V в.в. до нашей эры), Даосизма (сложилась в IV–III в.в. до нашей эры), Буддизма (сложилась в I в.в. до нашей эры) никогда не возникало противоречий в их взаимодействии. Буддизм исповедовали бедные слои населения, у которых не было денег на дорогие конфуцианские ритуалы. Конфуцианство было для состоятельных людей и части интеллигенции. Даосизм – религия мудрецов, философов и другой части интеллигенции. Но все они несли в себе одни и те же ценности и положили начало формированию мышления и коммуникативного поведения (понятие «лица» – самообладания, скромность, трудолюбие, почитание старших и т.д.) китайского народа. В основном культура общения в Китае имеет в основе конфуцианские и даосские этические принципы, которые актуальны в жизни современного китайца. Согласно им, если человек хочет прожить жизнь достойно, он должен соблюдать ритуалы и правила, «идти путём золотой середины», не проявлять эмоций, сдерживаться, не хвастаться, быть скромным, знать своё место в обществе.

Вопросом взаимоотношений в социуме был особенно обеспокоен Конфуций. Надо помнить, что Конфуций и его последователи жили во времена Восточной Чжоу (740–221 гг. д.н.э.), тогда на протяжении нескольких сотен лет десятки княжеств воевали между собой. Поэтому Конфуция озаботила проблема мира и согласия в Поднебесной, и он выработал две концепции этических норм: 礼 (lǐ – этикет), регламентирующая правила поведения в обществе, и 仁 (rén – гуманность), основанную на принципе:

己所不欲,勿施于人 – jǐ suǒ bù yù, wù shī yú rén - не делай другим того, чего не желаешь себе.

Конфуций считал, что всё, что соответствует «этикету» 礼, является «гуманностью» 仁. Разница только в том, что «этикет» диктует нормы поведения в обществе, а «гуманность» – внутреннее самосознание индивидуума [1, с. 97].

Во времена «культурной революции» конфуцианская идеология была не в почёте. Она считалось пережитком империализма и осуждалось, а духовное наследие Конфуция уничтожалось. Ценность приобрели грубоватые и простоватые манеры в стиле Мао Цзэдуна, который нарочито вёл себя грубовато и просто. Но, порицая конфуцианские каноны Мао Цзэдун, тем не менее, построил свою идеологию на них же. И этот факт поспособствовал обретению им большой популярности, так как он говорил китайскому народу то, чем они жили уже многие века.

Также уникальность русской культуры состоит в том, что на протяжении всей истории она была открыта для влияния других культур, которое нашло своё отражение в литературе и искусстве. Влияние это оказывалось как с Запада, так и с Востока. Именно поэтому наша культура сочетает в себе и восточные и западные традиции. Китайская же культура в своё время пережила период изолированности, и долгое время была закрыта для влияния культур извне, что позволило сохранить самобытное китайское мировидение и прочно закрепить его в сознании носителей.

Специфика китайской культуры в том, что её развитие во всех сферах происходит в полной гармонии с её древней культурной традицией. Например, современное планирование ведения бизнеса в Китае основано на трактате «Искусство войны» под авторством Суньцзы – знаменитого стратега и мыслителя в VI–V вв. до н.э. в Китае. А этические категории Конфуция актуальны и в настоящее время.

При необходимости убедить китайца в чём-либо, в качестве доводов следует приводить мнения не русских (европейских, американских и т.д.) учёных и деятелей, а китайских. Потому, что китаец большой патриот китайской культуры, литературы и т.д., и упоминание имени китайского деятеля или факта из китайской истории для него весомее, чем иностранного.

Восточное общество является коллективистским, т.е. на первом месте всегда будут стоять интересы, нормы поведения общества, а потом уже индивидуума. На протяжении многих веков идеи индивидуализма искоренялись, на первое место выдвигались интересы семьи и общества. Люди приучались мыслить и поступать одинаково. Соответствие общественным нормам для китайца важнее, чем его индивидуальные желания и свобода.

С давних времён китайцы старательно создавали и укрепляли «связи» друг с другом для достижения тех или иных целей. Подобный вид «социального доверия» был необходим для выживания и для улучшения качества жизни в китайском обществе.

В китайской культуре нет места самооценке, каждый китаец будет оцениваться социумом, и от этого будет складываться его статус, репутация, связи и т.д. Понятие «лица» имеет отношение к социально-нормативному поведению члена общества. Он всегда будет чувствовать на себе ответственность перед обществом и страх «потерять лицо» перед ним, потому что «потерять лицо» означает невозможность использовать «социальное доверие», потерять поддержку общества и его

признание. Т.е. забота о «лице» становилась ключевым аспектом существования в китайском обществе.

В китайском лингвокультурном этикете понятие «лица» имеет ключевое значение. Очень многое в китайском поведенческом этикете объясняется действиями китайца, направленными на сохранение его «лица». «Лицо» (面子 – miàn zi) – это признание китайским обществом, того, что индивидуум соответствует социальным нормам, которые формировались на протяжении многовековой истории существования китайской цивилизации.

Такое понятие как «лицо» самими китайцами обозначается двумя терминами:

面子 (miàn zi) – престиж, достигнутый через материальный успех, словом 面子 (miàn zi – лицо) – или его разговорной формой 面儿 (miànr) – обозначается важное для китайцев представление о том, как они выглядят в глазах окружающих;

脸子 (liǎnzi) – уважение группы по отношению к человеку с хорошей моральной репутацией.

Также словом 脸子 (liǎnzi) обозначается часть тела – 1. лицо, личико; 2. выражение лица, физиономия.

Каждый китаец с юных лет учится искусству «хранить лицо». Сохранение лица (保全面子 – bǎoquán miànzi – спасти (свою) репутацию; сохранить лицо) – это сохранение подобающего (приличного) образа в глазах общества, что очень важно для китайца. Однако «лицо» можно и «потерять», что в некоторых случаях равносильно потере определённого места в обществе. Это относится практически ко всем сферам общественной жизни китайца.

Надо отметить, что в последнее время выражение 保全面子 (bǎoquán miànzi – спасти (свою) репутацию; сохранить лицо) в первую очередь используется в отношении государственных деятелей, руководителей, людей занимающих, какое-либо значимое место в обществе и для которых очень важна их репутация в обществе. Обычные граждане тоже «сохраняют» своё «лицо», но не так рьяно. Постоянно заботясь о 面子, они стремятся не отказывать прямо, а использовать различные отговорки:

我很忙 (wǒ hěn máng – я занят)、我不太会 (wǒ bù tài huì – я в этом не очень разбираюсь)、等一会儿 (děng yīhuì'er – погоди немного)、让我想一想 (ràng wǒ xiǎng yī xiǎng – позволь мне подумать).

Также в обращении с посторонними людьми китайцы очень осторожны, затруднять им других людей неловко, из вежливости и чтобы не потерять «лицо» они чаще всего отказываются от посторонней помощи. Эта черта китайцев отразилась в устойчивом выражении:

死要面子活受罪 – sǐ yào miànzi huó shòuzuì- идти на любые жертвы и ограничения, только чтобы безупречно выглядеть (сохранить 面子).

Китайцев, несмотря на всеобщее неодобрение, пренебрегающих морально-нормативными правилами поведения в обществе, называют людьми с «толстокожими лицами» (脸皮厚 – liǎnpíhòu – бесстыжий, наглый, нахальный).

Происхождение понятия «лица» в китайской культуре имеет свои корни в истории. Практически всё время своего существования Китай отличался высоким

уровнем населения. Хотя его территория обширна, но пригодных для жизни земель всегда было мало, т.е. люди селились плотно, кучно и каждый человек был всегда на виду. Умение «хранить лицо» помогало человеку сохранить свой внутренний мир, не нарушая общественных норм, оставаться в коллективе. В китайско-русских словарях 面子 имеет значения:

внешность, видимость, показная сторона;
внешний, наружный, показной;
верхняя сторона, верх.

Т.е. это то, что можем наблюдать визуально, фасад. Под этим «фасадом», могут храниться какие угодно мысли, убеждения, точка зрения – любые недостатки и несоответствия традиционным нормам жизни. Для соответствия личности правилам общества существует «красивая» и «правильная» показная сторона.

Эта национальная особенность нашла отражение в языке. Например, отклоняя приглашение прийти в гости, пойти отметить начало сотрудничества; раскритиковать или уличить в чём-либо при всех; заставить признаться в своих ошибках вы можете серьёзно оскорбить китайца, заставив его потерять лицо.

Вы 不给他面子 (面儿) – bù gěi tā miànzi (miàn er) – в буквальном смысле не дали ему «лицо», т.е. не дали ему возможность сохранить «лицо».

В результате он 丢面子 – diū miàn zi – «потерял лицо», «осрамился», что является устойчивым выражением, которое ещё обозначает понятия «пристыжен», «опозорен».

Например:

她失去了工作，却说是自愿离职以保全面子。

tā shīquēle gōngzuò, què shuō shì zìyuàn lízhí yǐ bǎoquán miànzi.

Она была уволена, но сказав, что уволилась по собственному желанию, сохранила лицо.

Если бы вышеописанная ситуация произошла в русскоязычной среде, то это бы не повлекло за собой каких-либо негативных последствий для героини со стороны общества. Однако в китайском обществе сразу возникает вопрос: почему (за что) уволили? Даже если сокращение штата работников, значит она плохой работник, потому что сокращать, как правило, начинают с самых нерадивых и т.д. Репутация испорчена, вплоть до того, что в будущем героиня возможно не найдёт себе хорошо оплачиваемую и престижную работу. А это обстоятельство, учитывая высокую конкуренцию в сфере трудоустройства, грозит значительным снижением статуса и качества жизни. А также явится позором для родителей.

Помочь китайцу сохранить лицо можно уклончивыми и обоснованными отказами. Например, на нежелательные приглашения китайцы обычно сначала пространно объясняют, почему они не могут пойти: «Сегодня я плохо себя чувствую»; «Задали много домашнего задания»; «У меня сегодня гости» и т.д. Следует заметить, что адресат скорее всего осведомлён о ложных отговорах. Однако ему позволяют «сохранить лицо» этой выдуманной, но веской причиной. В данном случае для китайца главное не обидеть собеседника, а истинность причины – дело второстепенное.

При этом ещё дается перспектива на будущее – «Давай потом, на следующей неделе, например».

Для русского же «потеря лица» означает возможную утрату какой-то части доверия окружающих людей (которая, скорее всего, в будущем восстановится) и чувство стыда.

«Соучастники дорожного движения, у которых труба пониже и дым поуже, предпочитают держаться на дистанции от иномарок, стремясь не потерять лицо, а заодно и другие жизненно важные органы». [Александр Росляков. Уроки пластуна-ского (1997) // «Столица», 1997.05.27]

Мао Цзэдун, избавлялся от своих нежелательных, но очень популярных у народа политических соперников, заставляя их терять прилюдно «лицо», когда те публично признавали свои «ошибки» перед обществом. К этому приёму во времена «культурной революции» постоянно прибегали его «хунвейбины» (红卫兵 – hóngwēibīng – «красные охранники», «красногвардейцы») при травле неугодных инакомыслящих.

Этот исторический факт, свидетельствует о том, что в Китае обычаи и уклад общества основываются на традиционности – во второй половине XX века введённое Конфуцием понятие «лица» очень актуально и используется как эффективная мера воздействия на общество.

Иначе говоря, в контексте культуры Китая концепция «面子» языковыми средствами характеризует коллективистский тип общества как культуру, в которой больше внимания уделяется социуму, чем отдельной личности.

В странах Запада превалирует индивидуалистический тип общества, в котором первостепенно значимым для индивидуума является его самооценка и самореализация, а оценка обществом находится на втором месте. Тем не менее, П.Браун и С.Левинсон в своей работе «Вежливость: некоторые универсалии в пользовании языком» [2, с. 187] вывели понятие «лица» у представителей стран запада, связанное с понятиями самоуважения или унижения. Авторы предполагают, что каждый взрослый человек имеет «лицо», как публичный образ любого члена общества, которое включает в себя «негативное лицо» (Negative Face – желание на личную свободу действия и невмешательство других членов общества в свою жизнь) и «позитивное лицо» (Positive Face – желание быть одобренным и принятым другими членами общества). Эти лица, по сути, являются выражением вежливости, но противоположной направленности. Каждое из «лиц» определяет стратегию выражения вежливости при вежливом общении в зависимости от заданной цели и несёт информацию определённого рода.

Например, когда адресантом выражается просьба, используя вежливые формулировки: «Пожалуйста, передай мне соль» – это выражение его «позитивной вежливости», которая означает, что выражается потребность не только в соли, но и дополнительно выражается намерение быть вежливым. Но, когда в аналогичной ситуации просьба формулируется без вежливых оборотов: «Соль передай» – это выражение «негативной вежливости», которая означает, что требуется только соль.

Для русского языка принцип «не нарушать значит соблюдать» характерное выражение вежливости. Носители русского языка, производя просьбу без использования формул вежливости, не нарушают установленные правила русского речевого этикета, а значит, соблюдают их. Т.е. для русскоязычного общества теория Брауна и Левинсона актуальна. Ведь не зря среди устоявшихся выражений в русском языке издавна используются такие выражения, как: ударить в грязь лицом, терять лицо (значение почти аналогичное китайскому 丢面子) и т.д.

И можно смело предположить, что понятие «лица» и его потери имеет место и в китайской и русской языковых традициях, с тем только исключением, что в русской лингвокультуре «потеря лица» не несёт такой сильной коннотации (полную потерю репутации человеком), как в китайской.

Русская и китайская лингвокультуры в силу исторических и национально-специфических причин очень различны, традиций этих народов тоже по-своему уникальны. Однако имеются не только различия, но и сходства. И в большей степени они обусловлены тем, что ситуации общения, в рамках которых контактируют представители этих двух наций, сами по себе универсальны для большинства народов. Однако некоторые национально-специфичные нормы коммуникативного поведения носят устоявшийся, стереотипный характер в каждой, из рассмотренных нами, этнокультур.

Многое в коммуникативном поведении китайцев можно объяснить традициями и культурой китайского народа, сложившимися в течение многих веков. Зачастую подсознательно, а кое-где и осознанно, но каждый китаец действует согласно с конфуцианскими, даосистскими и буддийскими моральными и этическими принципами, которые сложились в древности (понятие «лица» – не показывать своих эмоций, скромность, уважение и послушание старших по возрасту и статусу, недопустимость хвастовства и демонстрации своих достоинств, знание своего места, строгое следование установленному порядку и т.д.).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Тань, Аошуан.* Китайская картина мира: язык, культура, ментальность // Тань Аошуан. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 240 с.
2. *Brown, P., Levinson, S.* Politeness // P. Brown, S. Levison. – Cambridge : Cambridge University Press, 1987.
3. *Лосский, Н.О.* Характер русского народа // Н.О. Лосский. – М. : Ключ, 1990. Кн. 1 и 2.-64с., 96.с.
4. *Стернин, И.А.* Коммуникативное поведение в структуре национальной культуры. Этнокультурная специфика языкового сознания // И.А. Стернин. – М. : 1996. – 97–112.
5. *Тертицкий, К.М.* Традиционная система ценностей у современных китайцев (конец 1970-х 1980-х г.г.) // К.М. Тертицкий. – М.: Автореф. дис. канд. ист. наук, 1992.

**ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА КНР:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПЕКИНА ПОЛИТИКЕ ЗАПАДА ПО СДЕРЖИВАНИЮ КНР

В статье показаны причины, вызвавшие к жизни политику сдерживания Запада в отношении КНР. Рассматриваются конкретные действия западных стран по осуществлению этой политики. Анализируются инициативы Пекина, нацеленные на ее нейтрализацию. В заключении статьи рассматриваются некоторые геополитические последствия политики сдерживания.

Ключевые слова: *Политика сдерживания, США, Европейский союз, Япония, китайский национализм, Китай, ШОС, Россия, ЦАР, зона свободной торговли, трансатлантическое партнерство, транс-тихоокеанское партнерство.*

The article identifies the reasons of the containment policy development towards China. It deals with main forms of the implementation of this policy by Western states. Beijing initiatives to counter the containment policy are analyzed. In conclusion of the article some geopolitical consequences of the containment policy are identified.

Keywords: *Containment policy, USA, European Union, Japan, Chinese nationalism, China, SCO, Russia, Central Asia Region, free trade zone, transatlantic partnership, transpacific partnership.*

Что понимать под политикой Запада по сдерживанию КНР? Что вызвало к жизни эту политику?

Главная причина ее появления и усиления в 21-ом веке связана с особенностями восприятия на Западе экономических успехов Китая, его попыток усилить свою обороноспособность, растущей активности Пекина на международной арене по обеспечению страны ресурсами для экономического роста.

В начале 21-го века в рекордно короткие исторические сроки КНР обошла по объему ВВП все крупные европейские государства, а в 2009 году – и Японию. По некоторым оценкам, Китай возможно догонит США в 2020 году. Особенно большое впечатление на Западе произвело то, что в условиях мирового финансово-экономического кризиса 2008-2009 гг., когда крупнейшие экономики мира сокращались или, в лучшем случае, стагнировали, экономика КНР приросла в 2008 г. на 7,5 процента, а в 2009 г. – на 8,7 процента. [1, с. 40]

11 января 2007 г. Народно-освободительная армия Китая успешно провела испытания уникального противоспутникового оружия. Через два года китайские ученые состыковали на околоземной орбите космический корабль “Шэньчжоу – 9” с лабораторным модулем. В 2015 г. Пекин планирует произвести высадку человека на Луну. По оценке начальника управления пилотируемых программ Федерального космического агентства Российской Федерации Алексея Краснова, Китай наряду с

Россией и США является одной из ведущих космических держав и обладает самыми совершенными технологиями в области пилотируемых полетов. В 2013 г. в Циндао были проведены боевые испытания первого китайского авианосца «Ляонин», который станет одним из пяти, что будут введены в строй до 2022 г. Активно модернизируются другие составляющие ВМФ КНР. По официальным китайским данным, военные расходы КНР растут ежегодно примерно на 10 процентов, однако, по оценке ЦРУ, они намного превышают официально объявленные цифры и составляют не менее 4,3 процента ВВП страны [2]. Два года назад Китай вернулся в пятерку крупнейших экспортеров оружия в мире.

Начиная с 2006 г., когда в Пекине был организован первый китайско-африканский саммит, на который приехали 48 из 50-ти Глав африканских государств, КНР последовательно и настойчиво стала проводить линию на проникновение на все континенты мира (политика цзоучую) с целью развития бизнеса, получения прибыли и обеспечения растущей китайской экономики природными ресурсами. Последние годы продемонстрировали значительный рост китайских инвестиций в Азию, Африку, Европу, Латинскую Америку.

Очевидные успехи китайской экономики, спорта, науки стали объективными предпосылками для развития китайского национального самосознания и роста китайского национализма. Пекин не только не сдерживал националистические проявления, но во многом подыгрывал им. В своей инаугурационной речи перед Всекитайским собранием народных представителей новый Президент КНР Си Цзиньпин открыто провозгласил, что целью его политики станет осуществление «великой китайской мечты национального возрождения».

В начале 21-го века Пекин неоднократно демонстрировал, что способен проводить для поддержания своих внешнеполитических требований даже политику балансирования на грани войны. По всему видно, что новое руководство КНР готово открыто использовать мобилизационный потенциал патриотизма и национализма для сплочения народа вокруг Коммунистической партии Китая с целью противостояния накопившимся внутренним и внешним проблемам. Так оно поступает в борьбе за спорные территории в Южно-Китайском море с Вьетнамом, Брунеем, Малайзией и Филиппинами. Известно, что силовое давление на Японию с целью отторгнуть от нее острова Сенкаку в Восточно-Китайском море, усилившееся осенью 2012 г., сопровождалось интенсивной антияпонской кампанией внутри КНР, когда националистические элементы начали поджоги японских автомобилей и офисов японских корпораций.

Политика Запада по сдерживанию КНР стала ответом на озабоченности в отношении безопасности западных экономических и политических интересов, возникшие у политических элит и общественного мнения в связи с вышеприведенными фактами. Кроме того, на Западе существуют социально-политические силы, которые профессионально заинтересованы в раздувании мифа о «китайской угрозе». В США это, прежде всего, представители военно-промышленного комплекса, крупнейших профсоюзов, ряда «фабрик мысли».

В чем же конкретно проявляется политика по сдерживанию Китая? Она многопланова и включает в себя ряд элементов.

Во-первых, это попытки ограничить экономический рост КНР. В этом ряду следует упомянуть о непризнании Евросоюзом и США рыночного статуса китайской экономики и введение против чувствительных позиций китайского экспорта целого набора ограничений и запретительных тарифов.

Во-вторых, это стремление за спиной Пекина переписать правила международной торговли в обход ВТО. Начатые в 2013 г. переговоры между Вашингтоном и Брюсселем по созданию Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства, переговоры между Брюсселем и Токио о создании японо-евросоюзской зоны свободной торговли, а также подключение Вашингтоном в 2013 г. Японии к переговорам по созданию Транс-тихоокеанского партнерства нацелены в значительной степени на экономическое сдерживание Китая.

В-третьих, США и ЕС сохраняют введенное после событий 1989 г. на площади Тяньаньмэнь эмбарго на поставки оружия и высокотехнологичных товаров двойного использования в Китай. Пекин, модернизирующий свои вооруженные силы, весьма заинтересован в получении новейших технологий в этой сфере.

В-четвертых, продолжается, а местами и усиливается идеологическое и политическое давление на Китай, связанное с вопросами демократических свобод и прав человека, политики Пекина в отношении Тайваня и Тибета. Китайские власти обвиняются в спонсировании киберпреступности и экономического шпионажа.

Наконец, произведенный Вашингтоном в начале второго десятилетия 21-го века «разворот к Азии» (*pivot to Asia*) в основном был направлен на то, чтобы сохранить доминирующие позиции США в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) и не допустить гегемонии там Китая.

В оправдание своих действий сторонники сдерживания ссылаются также на то, что современная китайская внешняя политика далеко отошла от заветов Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина. Мао был приверженцем политики опоры на собственные силы и выступал против вступления Китая в какие-либо региональные блоки или союзы. Дэн завещал проводить внешнюю политику «низкого профиля» (*low profile*), которая предусматривала бы реагирование только в том случае, если международные события задевали непосредственно интересы Китая. В духе заветов Дэн Сяопина пекинские руководители вплоть до 2006 г. ориентировали китайскую внешнюю политику на удержание своих международных позиций, взвешенный подход к решению проблем, выжидание, неторопливость, отсутствие стремления кому бы то ни было что-то доказывать. Сегодня Пекин все чаще отходит от такой позиции, от принципа невмешательства в международные конфликты. На смену простому реагированию приходит практика превентивной дипломатии (а в случае территориальных конфликтов в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях – и превентивных ударов). Китай стремится сегодня все более активно влиять на функционирование мировой экономической системы и системы международной безопасности.

Пришедшее к власти в КНР новое поколение китайских руководителей во главе с Си Цзиньпином разработало собственную стратегию противодействия политике сдерживания Запада. Эта стратегия включает в себя как целенаправленную

работу по линии двусторонних отношений с западными партнерами, так и ряд важных международных инициатив. Среди последних наиболее значимыми стали следующие.

1. Предложение Пекина сформировать зону свободной торговли в Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), включающую ее страны-члены и страны-наблюдатели. Россия пока блокирует эту идею. Стремясь сделать ее более привлекательной, Си Цзиньпин предложил экономически породнить ШОС и создаваемый Россией Евразийский экономический союз (ЕАЭС). В своей речи в Назарбаев Университете в Астане 7 сентября 2013 г. он заявил: «Государства-члены и государства-наблюдатели Евразийского экономического сообщества и Шанхайской организации сотрудничества охватывают Евразию, Южную и Западную Азию, и мы через усиление сотрудничества между ЕЭС и ШОС можем получить огромное пространство для развития» [3].

2. Предложение о новом Экономическом поясе шелкового пути. Пекин заявил о готовности участвовать в строительстве (и финансировать) транспортную инфраструктуру от Тихого океана до Балтийского моря.

(В контексте двух вышеприведенных предложений меняется и позиция Китая в отношении стран Центрально-Азиатского региона (ЦАР). Известный подход к Центральной Азии как «стратегическому тылу КНР» сегодня начинает дополняться подходом, в рамках которого эти страны становятся частью китайской глобальной стратегии, включая поиск путей прорыва потенциальной западной блокады.)

3. Предложение о создании зоны свободной торговли (ЗСТ) с ЕС. Впервые после установления официальных отношений между КНР и Евросоюзом в 1975 г. высший руководитель Китая посетил 31 марта 2014 г. штаб-квартиру ЕС в Брюсселе. Си Цзиньпин внес на рассмотрение ЕС четыре важных вопроса:

Во-первых, Китай и Евросоюз должны стать партнерами в деле обеспечения международного мира и безопасности и в поддержании экономического роста в мире. Во-вторых, «обе стороны должны соединить крупнейшие межконтинентальные кооперативные инициативы, включая сотрудничество по линии Китай-Европа и Экономический пояс шелкового пути, с целью создания огромного евразийского рынка». В этом контексте Китай и ЕС должны как можно скорее заключить договор по защите инвестиций и сформировать ЗСТ. В-третьих, КНР и ЕС должны стать партнерами в реформах, учась друг у друга. В-четвертых, Китай и ЕС должны стать партнерами в цивилизации, развивая обмены в сфере культуры, СМИ, туризма, науки и инноваций.

По итогам переговоров в штаб-квартире ЕС в Брюсселе была одобрена Совместная декларация по углублению китайско-евросоюзского всестороннего стратегического партнерства для общей пользы и взаимовыгодных результатов. В ее одиннадцатом параграфе было зафиксировано, что после подписания инвестиционного соглашения между КНР и ЕС стороны начнут продвижение «к глубокой и всесторонней ЗСТ в качестве долгосрочной перспективы» [4].

Таким образом, Си Цзиньпину удалось вырвать у руководства ЕС обещание рассмотреть возможность заключения соглашения о ЗСТ с Китаем. Хотя это китай-

ское предложение шло вразрез с целями начавшихся переговоров между Брюсселем, Вашингтоном и Токио по формированию трансатлантического и транс-тихоокеанского партнерств и ЗСТ с Японией, руководство ЕС не смогло открыто отвергнуть его. Если абстрагироваться от геополитических соображений, то Европа действительно нуждается в китайских инвестициях и действительно заинтересована получить возможность беспрепятственно делать бизнес в Китае. Экономический фундамент для ЗСТ ЕС-КНР уже возведен. ВВП Китая составил в 2013 г. 8,6 трлн долл, а совокупный ВВП 28-ми стран-членов ЕС – почти в два раза больше; торговый оборот между КНР и ЕС достиг 600 млрд. долл. в год.

4. Предложение о создании Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли. Это предложение было выдвинуто китайской стороной на ноябрьском 2014 года саммите АТЭС в Пекине. Оно направлено против создаваемого Вашингтоном транс-тихоокеанского партнерства, исключаящего Китай и Россию. По настоянию китайской стороны (и при поддержке России) в итоговое заявление саммита АТЭС было включено положение о необходимости «стратегического изучения» возможности создания Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли. Суть этого китайского предложения заключается в том, что предусматривается создание ЗСТ, объединяющей все без исключения страны АТЭС.

Вышеописанные китайские инициативы свидетельствуют о том, что Пекин не ожидает пассивно, когда в результате имплементации политики сдерживания Китай окружат со всех сторон региональными и субрегиональными интеграционными объединениями, защищающими свои рынки от стран-не-членов. (в числе таких объединений, кстати, оказывается и ЕАЭС). Предлагаемые Пекином в рамках стратегии противодействия политике сдерживания международные проекты пока по разным причинам не находят полного понимания у ведущих международных и региональных геополитических игроков. Однако попытки китайских властей предложить такие альтернативные недискриминационные проекты вызывают интерес и растущее понимание и поддержку среди либеральных сил не только в «третьем мире», но и на Западе.

В заключение хотел бы остановиться на одном неожиданном последствии западной политики сдерживания. Пока эта политика была направлена против Китая, Россия строила свой ЕАЭС с перспективой интеграции с ЕС и создания единого экономического пространства от Лиссабона до Владивостока. Однако введение экономических и других санкций в связи с событиями в Украине, а также иных мер сдерживания в отношении России на практике привели к тому, что Вашингтон и Брюссель создают на наших с вами глазах альянс Пекина и Москвы. «Мы не можем исключить того, – считает директор нью-йоркского Института демократии и сотрудничества Андраник Мигранян, – что Россия и Китай заключат военно-политический союз, который сможет изменить глобальный баланс сил. Военный, технологический и ресурсный потенциал России, поддержанный экономическими и колоссальными трудовыми ресурсами Китая, позволил бы этим двум странам таким образом принимать решения по многим глобальным вопросам, что изменится баланс сил в международных отношениях» [5]. Вероятность такого развития событий достаточно высока. Индикатором развития событий в этом направлении будет слу-

жить отказ Москвы от своих возражений против формирования ЗСТ в ШОС и поддержка предложения Пекина о строительстве Экономического пояса шелкового пути.

Мне лично более вероятным представляется другой сценарий. США и ЕС идут на компромисс с Россией, молчаливо соглашаясь с присоединением к ней Крыма, в обмен на отказ Москвы от поддержки донецких и луганских сепаратистов. Определенным силам внутри российской правящей элиты удастся убедить нынешнее руководство страны в бесперспективности экономической и всякой другой конфронтации с Западом. Индикатором развития событий именно в этом направлении может служить отказ Вашингтона и Брюсселя от давления на Токио по поводу введения антироссийских санкций.

Можно сказать, что Пекину в определенной степени повезло. Запал инициированной Западом кампании по сдерживанию КНР во многом ослаб, переключившись в 2014 году на Россию. Именно путинская политика Российской Федерации (и не только в Украине) стала главным объектом сдерживания. При такой перемене приоритетов Запада Китай получил передышку. Этим объясняется и обещание Брюсселя рассмотреть «в долгосрочной перспективе» создание ЗСТ с Евросоюзом и согласие Вашингтона на включение предложения Пекина о возможности создания Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли в АТР в итоговое коммюнике ноябрьского 2014 года саммита АТЭС.

Не исключено, что урегулирование в обозримой перспективе отношений между Россией и Западом, придаст новый импульс западной политике сдерживания в отношении КНР.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Байчоров А.М.* Китаизация: последствия роста мощи Китая для мира в XXI веке/ А.Байчоров – М.: «Международные отношения» – 2013.
2. The CIA World Factbook 2012. – New York: Skyhorse Publishing, Inc. – 2011.
3. *Сыроежкин, К.* К итогам визита Си Цзиньпина в Центральную Азию: Казахстан / Carnegie Endowment for International Peace [Электронный ресурс] – 2013. – Режим доступа: <http://carnegieendowment.org/2013/09/16/к-итогам-визита-си-цзиньпина-в-центральную-азию-казахстан/gna1> – Дата доступа: 16.11.2014.
4. Deepening the EU-China Comprehensive Strategic Partnership for Mutual Benefit. Joint Statement. – EU/External Action, Brussels – 31 March 2014 – №140331/02
5. *Migranyan, Andranik.* Washington's Creation: A Russia-China Alliance? // The National Interest, N.Y. [Electronic resource] – 2014 – Mode of access: nationalinterest.org/feature/Washington-creation-russia-china-alliance-10843?page=2 – Date of access: 12.11.2014.

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ДИАСПОРЫ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫХ ПРОВИНЦИЯХ КИТАЯ (1920-Е ГОДЫ)

В статье предпринята попытка исследования организационной структуры русскоязычной диаспоры в Северо-Восточных провинциях Китая в 1920-е годы. Акцент сделан на наличие в эмигрантской среде общественных организаций, политических партий, военизированных формирований, предпринимательских союзов и фирм, научных, культурных и образовательных учреждений.

Ключевые слова: институционализация, диаспора, партии, союзы, объединения, конфессии.

The article explores organizational framework of the Russian-speaking diaspora which resided on the territories of Chinese north-eastern provinces in 1920th. The emphasis is made on the existence and functioning of public organizations, political parties, militarized formations, private enterprises and its unions, cultural, scientific and educational establishments in emigrant environment of that period.

Keywords: diaspora, institutionalization, parties, unions, consolidation, religion.

Формирование русскоязычной диаспоры на Северо-Востоке Китая связано со строительством и эксплуатацией Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) в конце XIX века. По российско-китайским соглашениям территория КВЖД считалась русской полосой отчуждения, где тысячи людей являлись российскими подданными, пользовались правами экстерриториальности, имели свою администрацию, суд, учебные заведения, банки и т.д. Были построены и заселены станции железной дороги и поселки, основан административный центр – г. Харбин. К 1916 г. только в Харбине из 68,5 тыс. населения проживало 34,2 тыс. русских [1, с. 4]. Для сравнения: в 1917 г. в Китае в целом насчитывалось 51,3 тыс. россиян.

Характерной особенностью дальневосточной эмиграции являлось формирование многонациональной колонии российских граждан, живших в Северо-Восточных провинциях Китая. Хорошие заработки и возможность быстрого обогащения привлекали на КВЖД представителей всех национальностей России. В полосе отчуждения КВЖД сформировалось уникальное общество, представляющее конгломерат многих культур и конфессий.

После октябрьской революции 1917 г. и разгрома Белого движения в Сибири и на Дальнем Востоке на территории русской концессии в Маньчжурии сконцентрировалась многотысячная масса беженцев, представлявших все слои Российской империи. Рабочие, крестьяне и казаки составляли 68,7 %, мещане – 9,5 %, представители «свободных профессий» – 10,9 %. Беженцами стали высокопоставленные чиновники, крупные коммерсанты, высшие офицеры армии и члены их семей [2, с. 13]. Не менее пестрым был и национальный состав прибывших из России: наряду

с русским действовали украинское, грузинское, армянское, тюрко-татарское, еврейское и др. землячества. Своеобразие эмиграции заключалось в политической, культурной, имущественной и конфессиональной разнородности населения.

Наличие компактных мест проживания русских, живших в Северо-Восточных провинциях Китая по традициям дореволюционной России, сыграло решающую роль при эмиграции туда казаков. Основным центром расселения стало Трехречье в районе бассейна трёх рек – Хаул, Дербул и Ганн. На месте первых заимок выросли целые станицы и деревни. Многотысячное казачье население в Китае привело к образованию довольно крупных, – по итогам исследования Н.Е. Абловой, – объединений. В 1923 г. был создан Союз казаков на Дальнем Востоке, Верховным вождём которого стал «Главкомандующий Российской Восточной окраины и Походный Атаман Дальневосточных казачьих войск» генерал-лейтенант Г.М. Семёнов. Ещё в 1920 г. в Харбине из остатков разгромленного Красной армией Оренбургского казачьего войска была создана «Рабочая артель», которая через год была переименована в «Оренбургскую казачью дальневосточную станицу». В 1924 г. были организованы станицы: Амурская и «Оренбургская имени атамана Дутова», в 1926 г. – Енисейская станица. В 1931 г. из казачьей молодёжи – «Молодая имени атамана Семёнова казачья станица» [3, с. 108].

Благодаря трудолюбию и предприимчивости казаков, к 1933 г. в Северо-Восточных провинциях Китая (район Трехречья) насчитывалось 23 маслобойни, 22 мельницы, 5 кирпичных и 4 кожевенных заводов, 14 кузниц. Размер посевной площади составлял 10 тыс. гектаров. Торговый дом «И.Я. Чурин и К» имел магазин, контору, мельницу и мастерские. Казаки внесли заметный вклад в социально-экономическое развитие Китая, разводили новые сорта зерновых и овощных культур, выводили новые породы скота [4, с. 23].

Русскоязычная колония формировалась в течение длительного времени и включала в себя: персонал и членов их семей, обслуживающих КВЖД по линии дороги до 1917 г.; эмигрантов – участников Белого движения, прибывших в Северо-Восточные провинции в 1917–1922 гг.; с середины 1920 гг. – советских граждан из приграничных районов, недовольных сутью и методами проводимых в СССР преобразований. К концу 1920-х гг. беженцы из России поселились в Трехречье и Барге, на Сахаляне и Приамурье, в Мукдене, Дайрене, Инкоу, Фушуне и др. местах. В целом в Маньчжурии проживало около 110 тыс. россиян, из которых примерно 60 тыс. человек имели статус эмигранта, около 50 тыс. были обладателями советских паспортов. К ним следует добавить группу людей, принявших китайское гражданство в результате смешанных браков или из-за страха потерять работу на КВЖД [7, с. 13]. Только в Харбине в 1931-1932 гг. было зарегистрировано 30 044 эмигрантов, 26 633 советских граждан, 6 793 китайских подданных русского происхождения [2, с. 11]. Дело в том, что в 1924 г. КВЖД перешла в совместное управление СССР и Китая. По требованию советской стороны, эмигранты были лишены права работать на железной дороге, а их места заняли люди, обладавшие советским или китайским гражданством. Сложилась довольно своеобразная ситуация, когда на одной территории компактно проживали «белые» эмигранты и «красные» советские граждане.

Одним из главных признаков диаспоры любого типа, – считает Е.И. Пивовар, – «является наличие институциональных структур, с которыми связывается идентичность эмигрантского сообщества» [6, с. 365]. Дальневосточная эмиграция создала уникальную по разнообразию и многочисленности систему, из которой сложилось «экстерриториальное государство».

Организационные структуры диаспоры в самом общем виде можно условно разделить на несколько основных групп: общественные организации, объединенные по национальному признаку; политические партии и движения; антисоветские военизированные объединения; предпринимательские (коммерческие) фирмы и союзы; к ним можно отнести также трудовые общины, коммуны, станицы; некоммерческие (творческие, издательские, образовательные, благотворительные, конфессиональные и т.д.) образования.

Недостаток национальных кадров в Маньчжурии создал возможность для специалистов из России работать в сфере образования, культуры, здравоохранения. В русскоязычной среде сосуществовали различные группы и слои с точки зрения уровня образования и способности к восприятию иной культуры: от обывателей, постепенно утративших национальное самосознание, до представителей политической и интеллектуальной элиты, создавших новые организационные структуры в инокультурной среде. По убеждению китайского историка русской эмиграции Вэн Чжинчэна «... именно русские эмигранты оказались наиболее близки к китайцам и смогли жить с ними в ладу. Большинство русских беженцев поняли: чтобы русская колония могла развиваться и дальше, необходимо изучать китайское общество и китайский народ, надо научиться жить среди китайцев, сотрудничать с ними» [6, с. 71].

Массовая эмиграция состоятельных граждан и тысячи свободных рабочих рук стимулировали активизацию предпринимательской деятельности. Координацию работы взяло на себя Общество русских коммерсантов и промышленников. Благодаря ему, в начале 1920-х годов в Маньчжурии работали 1115 торгово-промышленных предприятий. В успешном экономическом развитии региона заслуга принадлежит российским предпринимателям: известному промышленнику Приуралья А.П. Самарину, бывшему члену Забайкальского Акционерного общества П.М. Емельянову, золотопромышленнику К.И. Иваницкому, пароходовладельцу на Амуре В.Л. Жернакову и др. Известными бизнесменами в Харбине были В.Ф. Ковальский, который имел пять заводов в Маньчжурии по переработке древесины и братья Воронцовы, создавшие в 1925 г. «Хайминское лесопромышленное товарищество» [4, с. 25]. Они и многие другие предприниматели из России способствовали развитию бизнеса в Северо-Восточных провинциях Китая, стимулировали городское строительство и транспортную инфраструктуру в Харбине, организовали тысячи рабочих мест для российских гражданских беженцев.

Особенностью эмиграции в Харбин и зону КВЖД было то, что российским беженцам оказывали помощь профсоюзные и другие общественные организации, действовавшие ещё с дореволюционных времён. Только в Харбине российским беженцам вначале 1920–х годов помогали: Харбинское Центральное Бюро профессиональных железнодорожных союзов, Союз учителей Полосы Отчуждения, Союз

движенцев, Паровозосоюз, Объединённый союз мастеровых и рабочих, Молодосоюз, Кондукторский союз, Конторосоюз, Союз телеграфистов, Главный Харбинский союз рабочих печатного дела при типографии дороги, Союз рабочих-ремесленников, Союз городских служащих, Союз официантов, Союз рабочих-мукомолов, Союз служащих торговых домов «Чурин и К», «Козлов и К» [4, с. 20]. Эти профсоюзы и общественные организации отстаивали интересы гражданских беженцев из России при их трудоустройстве и организации нормальной жизни в Харбине и зоне КВЖД. Китайская администрация довольно настороженно относилась к их действиям, так как эти организации часто инициировали требования социально-экономического характера.

Большинство политических партий и союзов являлись филиалами европейских формирований. Наиболее известными в Харбине были Дальневосточный отдел Русского общевойскового союза (РОВС), созданный в 1928 г. под руководством генерал-лейтенанта Г.А. Вержбицкого; Союз легитимистов во главе с генералом В.А. Кислицыным; Братство русской правды, которым руководил генерал В.Д. Косьмин. Активную антисоветскую позицию занимала организация «национально-мыслящей молодежи» – «Союз мушкетеров» [3, с. 205]. Целью союза являлось свержение советского правительства и восстановление законной власти Дома Романовых. В своей деятельности «мушкетеры» рассчитывали на поддержку зажиточных крестьян и представителей городского среднего класса [1, с. 21].

Действовали также другие военизированные объединения, не связанные с европейской эмиграцией. Были известны «Дальневосточный корпус русских добровольцев» во главе с генералом Н.П. Сахаровым, «Дальневосточный союз казаков» под командованием атамана Г.В. Семенова. Во второй половине 1920-х годов в среде российской эмиграции распространяется идеология фашизма. Его сторонники пытались подражать фашистам Германии и Италии, создавали военизированные подразделения по типу нацистских отрядов штурмовиков. В Харбине действовал Союз русских фашистов, издававший газету «Тяньцзиньский наш путь» [6, с. 370]. Здесь же, в Харбине, в 1931 г. была создана Русская фашистская партия, лидером которой являлся К.В. Родзаевский. РФП существовала на средства Японской военной миссии в Харбине, издавала газету «Наш путь» и журнал «Нация», книги и брошюры антисоветского содержания («Азбука фашизма», «Критика советского государства» и др.). Стал центром антисоветских сил в Маньчжурии открытый в 1933 г. в Харбине «Русский клуб».

Важную роль в консолидации русскоязычного населения играл Харбинский комитет помощи русским беженцам (ХКПРБ), созданный в 1923 г. Комитет занимался общественно-политической и благотворительной деятельностью, объединял представителей самых различных эмигрантских организаций: казачье землячество «Забайкальская станица», Русское студенческое общество, Торгово-промышленный союз, Союз русских девушек и т.д. Вплоть до его ликвидации в 1945 г. ХКПРБ являлся единственной устойчивой и надежной общественной организацией в Маньчжурии. Его отделения действовали на станциях по линии КВЖД. Ежегодно при финансовой поддержке комитета проводились публичные акции – «День русской культуры», «День русского ребенка», выделялись средства на содержание русских школ, библиотек и социальных столовых.

По инициативе самих эмигрантов была организована в начале 1920-х годов кампания помощи голодающим в советской России. В 1921 г. в полосе отчуждения КВЖД по идее князей Куракина и Ухтомского был создан международный Американо-Русский комитет помощи голодающим советской России. В разных местах вслед за этим начали создаваться местные комитеты, которые отправляли в Россию продовольствие и медикаменты. По всей Маньчжурии проводились сборы одежды, кампании «Дети-детям». Из Харбина в октябре 1921 г. было отправлено 30 вагонов с продовольствием и одеждой; в мае 1922 г. направился «Врачебно-питательный поезд имени служащих, мастеровых и рабочих КВЖД»; в июне 1922 г. в Омскую область прибыл «Тракторный поезд», который доставил продовольствие и трактора. Взамен в Китай депортировались родственники сотрудников КВЖД, принявших китайское гражданство [4, с. 23].

Следует признать, что для значительной части эмиграции важной задачей являлось восстановление физического и психического здоровья детей-беженцев. На средства благотворительных организаций, Красного Креста, Земгора создавались сиротские приюты, школы с полным пансионом, кассы взаимопомощи, службы страхования и охраны труда. Старшее поколение стремилось сохранить у молодежи, с одной стороны, знания о традиционной русской культуре, а с другой – сформировать профессиональные навыки, которые позволили бы им адаптироваться к новым условиям жизни. В начале 1920-х гг. в эмигрантской среде еще жила надежда, что приобретенные знания будут востребованы в будущей свободной России. Харбин стал крупным центром высшего образования русскоязычной молодежи. Одним из самых известных вузов города являлся Харбинский политехнический институт. Специалистов для КВЖД и китайских предприятий готовили Коммерческий и Технологический институты. Профессиональную подготовку многим молодым эмигрантам дал Харбинский юридический факультет. Историю, экономику, социологию, русское и китайское право здесь преподавали в соответствии с лучшими традициями российских дореволюционных университетов Устрялов, Рязановский и др. профессора. Международному уровню образования соответствовали также: Северо-Маньчжурский университет, Богословский институт св. Владимира, Харбинская консерватория. Студенчество объединялось в корпоративные союзы, наиболее влиятельным из них являлся дальневосточный филиал Объединения русских эмигрантских студенческих организаций (ОРЭСО).

Постепенно Харбин стал научным центром региона. Здесь работали ученые – специалисты в самых различных областях знаний. Приоритетными являлись традиционные еще для дореволюционного времени право, техника и сельское хозяйство. Местная специфика и рынок труда обусловили развитие востоковедения и этнографии. Продолжало активную исследовательскую деятельность старейшее в Маньчжурии «Общество русских ориенталистов» (1909–1927). При его поддержке был создан Институт ориентальных и коммерческих наук в Харбине (1925–1941), организовано Восточное отделение при Коммерческом институте [7, с. 146]. Заслуженным авторитетом в научных и деловых кругах пользовалось Маньчжурское сельскохозяйственное общество (1912–1927).

В условиях свободы предпринимательства и относительной свободы слова (китайская цензура была номинальной, русская – отсутствовала) в Харбине развернулась активная издательская деятельность. Книжный рынок постоянно пополнялся изданиями краеведческого, экономического, юридического, философского характера. Издавалась учебная и методическая литература для школ и гимназий. Значительную часть печатной продукции составляла художественная литература. Книги выпускали многочисленные издательства: Товарищество «Заря», книгоиздательство «Пламя», типография «Меркурий» и др. Были широко известны в Харбине крупные книжные магазины: «Русско-Маньчжурская книготорговля», «Русское дело», «Русь» и библиотеки – Центральная при Управлении КВЖД, библиотеки при научных обществах и вузах города [9, с. 12].

Центрами интеллектуальной жизни Харбина являлись литературно-художественные общества и студии, которые издавали собственные журналы и альманахи: литературно-художественный кружок при Коммерческом собрании – журнал «Сунгарийские вечера» (1923 г.), Харбинское литературно-художественное общество – журнал «Окно» [8, с. 13]. Заслуженной популярностью пользовалось литературное объединение «Чураевка», созданное по инициативе поэта А. Ачаира (Грызлова). После установления в Харбине власти Японской военной миссии объединение вынуждено было продолжить свою деятельность в Шанхае.

Отличительной особенностью дальневосточной эмиграции стала способность к самоорганизации, к созданию своих структур для решения социально-бытовых проблем. Высокий уровень активности и стремление к консолидации сохранялся, по крайней мере, до начала 1930-х годов, а потом поддерживался больше в инерционном режиме, пока сохранялась социально-структурная стабильность русскоязычной диаспоры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Российская эмиграция в Маньчжурии: военно-политическая деятельность (1920–1945): сб. документов / сост. Е.Н. Чернолуцкая. – Южно-Сахалинск, 1994. – 151 с.
2. *Сергеев, О.И., Лазарева, С.И.* Российская эмиграция на Дальнем Востоке (1917–1945 гг.) / О.И. Сергеев, С.И. Лазарева. – Владивосток, 2000. – 186 с.
3. *Аблова, Н.Е.* История КВЖД и российской эмиграции в Китае (первая половина XX в.) / Н.Е. Аблова. – Минск: БГУ, 1999. – 316 с.
4. *Чуприна, М.В.* Эмиграция гражданского населения из России в Китай и её особенности (1917–1945 гг.): автореф. дис. к.и.н. / М.В. Чуприна; Московский гуманитарный университет. – М., 2012. – 27 с.
5. *Пивовар, Е.И.* Российское зарубежье: социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии / Е.И. Пивовар. – М: РГГУ, 2008. – 545 с.
6. *Вэн, Чженчэн.* История русской эмиграции в Шанхае / Пер. с кит. Пань Чэнлонга и др. Вэн Чженчэн. – М.: Русский путь, 2008. – 576 с.
7. Российские эмигранты в Маньчжоу-Ди-Го. Документы Государственного архива Хабаровского края, 1944 г. // Исторический архив. 2003, № 6. – С. 13–14.

8. Солодка, М.Б. Издательская деятельность русской эмиграции в Китае. Харбин, Шанхай: 1917–1947 гг. / М.Б. Солодка. – Краснодар, 2006. – 122 с.

Данилович М.В.
(Минск, Республика Беларусь)

КИТАЙСКО-КАЗАХСТАНСКОЕ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В 2001–2013 ГГ.

В статье представлен ситуационный анализ китайско-казахстанских торгово-экономических связей в 2001-2013 гг. На основании изучения ряда источников доказываемся постепенное закрепление в указанный период приоритетности для КНР двусторонних экономических связей, а также формирование выраженной зависимости Казахстана от Китая в сферах энергетики и внешней торговли.

Ключевые слова: *Китай, Казахстан, Центральная Азия, торговля, инфраструктура, энергетика.*

The article presents the case study of Chinese-Kazakhstan trade and economic relations in 2001-2013. On the basis of analyzing a quite number of sources the author argues that within the period PRC consolidated its priority of bilateral links in economic sphere as well as the formation of Kazakhstan's dependence on China in energy and foreign trade sectors.

Keywords: *China, Kazakhstan, Central Asia, trade, infrastructure, energy sector.*

На сегодняшний день внешняя политика Китайской Народной Республики (КНР) как первой экономики мира представляет собой одну из важнейших составляющих мировой политики. Для развития Китая традиционную важность имеет обеспечение национальной безопасности, включающее среди ряда других мер, в частности, поддержание благоприятных отношений с соседними государствами и регионами.

В последнее время возросла актуальность центральноазиатского направления дипломатии КНР в сопредельных регионах. Главным партнером Китая в Центральной Азии традиционно остается Казахстан – в силу геополитического веса и протяженности границы. Подтверждением обновленного подхода официального Пекина к региону стало выдвижение китайской стороной в г. Астана осенью 2013 г. проекта «экономических поясов Шелкового пути» (丝绸之路经济带) [1]. Выраженная экономическая направленность проекта усиливает интерес к исследованию состояния торгово-экономического взаимодействия КНР с Казахстаном на момент выдвижения данной инициативы.

В указанных целях автором проведен ситуационный анализ двусторонних торгово-экономических связей в период 2001–2013 гг. Нижняя хронологическая рамка исследования обусловлена началом качественно новой политики Китая в

регионе, что подтвердилось созданием Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) по китайской инициативе. Это служит основанием для выделения нового стратегического этапа развития сотрудничества КНР с государствами региона и, в частности, с Казахстаном. В работе рассмотрены торгово-экономическое сотрудничество, сотрудничество в сферах инфраструктуры, энергетики, инвестиций и кредитования. В исследовании в качестве источников использованы официальная таможенная статистика сторон, двусторонние соглашения, сообщения официальных китайских и казахстанских СМИ. В историографии вопроса наибольшую ценность имели работы китаеведа К. Сыроежкина (Казахстан), экономистов С. Жукова и О. Резниковой (Россия), исследователя-международника С. Пейроуза (Франция).

В 2001–2002 гг. *торгово-экономические связи* Китая и Казахстана характеризовались низкими темпами развития. Первый скачок во взаимной торговле имел место в условиях роста импорта нефти и общей активизации КНР в Казахстане в 2003 г. В это время на китайско-казахстанской границе действовал единственный с 1990-х гг. контрольно-пропускной пункт (КПП) Достык. Согласно данным С. Пейроуза, через него проходило до 75% всей торговли КНР с государствами региона [2, р. 21]. Открытие в 2004 г. второго КПП (Хоргос) и введение режима наибольшего благоприятствования при ввозе-вывозе товаров способствовало ускорению роста товарооборота. Как отмечал К. Сыроежкин, это происходило за счет экспорта из Синьцзяна товаров массового потребления, электроники, машинного оборудования, мебели и строительных материалов [3, с. 301]. Прогрессировавшая разница таможенных статистик с явным перевесом китайских данных, по мнению ряда экспертов, свидетельствовала о растущей проблеме неучтенного товара и коррупции в работе таможенных органов сторон [3, с. 301; 4, с. 55].

В 2004 г. в Пекине лидерами обоих государств был заключен обширный пакет документов в экономической области. На повестку дня были вынесены и совместные проекты железнодорожной *инфраструктуры* [5]. На территории СУАР КНР по направлению к китайско-казахстанской границе было начато строительство электрифицированной железной дороги «Цзинхэ – Инин – Хоргос». Китайская сторона впервые поддержала выдвинутую ранее инициативу президента Казахстана Н. Назарбаева об открытии свободной экономической зоны (СЭЗ) в районе КПП Хоргос. Первые результаты были получены уже в 2005 г. Пробное открытие однодневного безвизового перехода способствовало прохождению через Хоргос до 50% годового экспорта и транзита китайских товаров [3, с. 291]. Открытие в 2005 г. регулярных автобусных маршрутов между г. Урумчи, Кульджа (СУАР) и Талдыкорган, Алматы (Казахстан) вызвало интенсификацию взаимных поездок граждан и расширение «челночной» торговли. При этом, согласно наблюдениям экспертов, основная масса товаров (одежда, обувь) не включалась в официальные сведения Комитета таможенного контроля Казахстана, что усиливало разницу торговых статистик [6, с. 239].

С 2006 г. дальнейшему расширению товарообмена способствовало открытие второй приграничной ЗСТ и введение однодневного безвизового режима в районе г. Чугучак (СУАР). Казахстан, по мнению С. Жукова и О. Резниковой, продолжал

оставаться типичным экспортером сырья, поставляя на китайский рынок нефть, медь, руды, концентраты, шкуры и кожу [4, с. 45]. Сальдо двусторонней торговли оставалось устойчиво положительным для китайской стороны. Его смена обозначилась лишь в 2010 г. Негативное влияние мирового финансово-экономического кризиса на объемы торговли было преодолено не за счет традиционного наращивания китайского экспорта, а за счет роста импорта сырья из Казахстана. Согласно расчетам автора статьи на основании официальной статистики, темпы роста экспорта из КНР снизились с 32% в 2009 г. до 19% в 2010 г. Для КНР впервые имел место дефицит товарооборота, что можно объяснить началом действия в Казахстане Единого таможенного тарифа и мер нетарифного регулирования Таможенного союза.

В сфере *инфраструктуры* Китай продолжал отдавать приоритет развитию железнодорожного сообщения. В 2006 г. стороны согласовали перспективы соединения железнодорожных линий на пограничном пункте Хоргос [7]. В 2009 г. после открытия в Синьцзяне железной дороги «Цзинхэ– Хоргос» на территории Казахстана началось совместное строительство «встречной» линии «Жетыген–Алтынколь». Значительно меньший интерес китайская сторона проявила к проекту автотрассы «Западный Китай–Западная Европа», предложенному казахстанской стороной. По справедливому обоснованию К. Сыроежкина, преимущества транспортировки грузов по железной дороге для КНР объяснялись низкими издержками и незначительной долей в экспорте скоропортящихся и дорогостоящих товаров, равно как и более высокой коррупционной составляющей автомобильных перевозок [6, с. 205].

Наметившееся в 2010 г. сужение рынка сбыта китайских товаров было быстро преодолено. В 2010–2012 гг. Китай оставался третьим внешнеторговым партнером Казахстана. Согласно официальным данным, товарооборот с КНР в 2012 г. лишь на 0,5% уступал показателям торговли Казахстана в рамках Таможенного союза. В 2013 г. КНР стала вторым внешнеторговым партнером для Казахстана (17% товарооборота), незначительно уступая РФ (18%) [8]. Возобновлению роста китайского экспорта способствовало открытие международного центра приграничного сотрудничества (МЦПС) Хоргос для свободного круглосуточного сообщения, а также открытие железнодорожного перехода Хоргос в конце 2012 г. [9]. По данным китайских СМИ, государственная льготная политика предоставила гражданам КНР возможность беспошлинно ввозить в МЦПС товары на сумму до 8 тыс. юаней (1200 долл. США) [10]. В 2013 г. общая сумма товарооборота на КПП Хоргос, согласно китайской таможенной статистике, превысила 11 млрд. долл. США [11]. Отрицательное сальдо торговли для Китая сохранилось, однако разрыв по экспорту-импорту заметно снизился.

В сфере *энергетики* первые шаги к двустороннему сотрудничеству были сделаны КНР еще в конце 1990-х гг. Однако падение цен на нефть в условиях азиатского экономического кризиса 1998 г. и рост угрозы региональной безопасности снизили китайскую активность на данном направлении. После изменения геополитической ситуации в регионе переговоры о строительстве нефтепровода «Западный Казахстан – Западный Китай» были возобновлены. Их результатом стало строительство летом 2002 г.– весной 2003 г. на территории

Западного Казахстана нефтепровода «Кенкияк–Атырау». Проект рассматривался как первый участок казахстанско-китайской магистральной системы транспортировки нефти при реверсном использовании [12]. Резкая активизация КНР на нефтегазовом рынке Казахстана началась весной 2003 г. в условиях роста мировых цен на нефть и сужения возможностей по импорту энергоресурсов из стран Ближнего и Среднего Востока на фоне иракского кризиса. В 2004–2005 гг. под финансовые гарантии Китайской национальной нефтегазовой корпорации (КННК) был проложен первый участок нефтепровода «Казахстан–Китай» – от станции Атасу в Карагандинской области до китайско-казахстанской границы (Алашанькоу). В СУАР он соединялся с участком «Алашанькоу–Карамай». Одновременно была начата прокладка нефтепроводов из г. Карамай во внутренние провинции. В 2005 г. дочернее предприятие КННК CNPC International заключило беспрецедентно крупную сделку, выкупив акции канадской компании «ПетроКазахстан». После подписания с национальной компанией «КазМунайГаз» Меморандума о взаимопонимании по вопросам участия в разработке и освоении месторождения «Дархан» КННК впервые получила доступ к шельфовым месторождениям казахстанского сектора Каспийского моря [6, с. 155]. Таким образом, присутствие КНР в нефтяном секторе Казахстана в 2005 г. получило дальнейшее расширение. Общая сумма сделок, совершенных здесь КННК в 2003–2005 гг. превысила 4,5 млрд. долл. США [13, с. 125].

С 2006 г. для КНР обозначились первые проблемы энергетического сотрудничества с Казахстаном. После сдачи в коммерческую эксплуатацию нефтепровода «Атасу–Алашанькоу» в июле 2006 г. ожидался его выход на проектную мощность в 10 млн. т. Однако поставок нефти из месторождений, разрабатывавшихся на тот момент компаниями «CNPС – Актобемунайгаз» (1,5 млн. т) и «ПетроКазахстан» (3 млн. т.) оказалось недостаточно [4, с. 95]. Расчет Китая на транзит российской нефти (около 8 млн. т.) не оправдался. В Казахстане были установлены низкие квоты на прокачку нефти (1,5 млн. т. в год), что не устраивало российских экспортеров. В итоге в 2006–2007 гг. в КНР было поставлено не более 5 млн. т. казахстанской нефти. Ситуация для Китая улучшилась лишь на фоне мирового финансового кризиса, когда из Казахстана, по данным экспертов, было получено 6 млн. т. в 2008 г. (впервые включая 1 млн. т. транзита из России) и 8 млн. т. нефти в 2009 г. (в т.ч. 1,5 млн. т. российских поставок). Проблема заполняемости нефтепровода обусловила усиление активности КНР в Казахстане. В 2007–2009 гг. при китайском финансировании был проложен второй участок нефтепровода («Кенкияк–Кумколь»), что удваивало объемы будущих поставок нефти [3, с. 275–277]. Немногим ранее китайский инвестиционный фонд CITIC Group выкупил у канадской компании Nations Energy все акции АО «Каражанбасмунай», занимавшегося разработкой месторождений в Мангистауской области. Данная сделка впервые вызвала в казахстанском парламенте недовольство «агрессивной экспансией Китая в нефтегазовом секторе» [14]. Реакцией на открытые заявления казахстанских депутатов стало озвученное в рамках ШОС предложение председателя КНР Ху Цзиньтао в августе 2007 г. «расширять двустороннее сотрудничество в неэнергетической сфере» – т.е., по сути, диверсифицировать взаимодействие [15]. Принятая по итогам его визита в

Казахстан Программа сотрудничества в несырьевых секторах экономик включала проекты крайне широкого спектра. Однако темпы их выполнения оказались существенно ниже запланированных. Китаем был продолжен общий курс на активное участие в энергетической отрасли Казахстана. Воспользовавшись ситуацией ослабления казахстанской экономики в условиях мирового кризиса, КНР вновь расширила географию присутствия в данном государстве и приблизила годовые объемы добычи нефти к 20 млн. т. Это гарантировало полную загрузку трубопровода «Западный Казахстан – Западный Китай» [13, с. 128]. Тем не менее, вплоть до 2012 г. проблема заполняемости нефтепровода сохранялась в условиях нестабильного транзита нефти из России. К 2013 г. китайские компании добывали 25% казахстанской нефти [16]. Поставки по нефтепроводу «Атасу – Алашанькоу» составляли 12 млн. т. [17]. Для КНР, импортировавшей в 2013 г. 280 млн. т. нефти, это составляло лишь 4% всего импорта. Однако для казахстанской стороны поставки нефти в Китай установились на уровне 16% от её общего экспорта [18]. Это означало, что роль КНР как импортера энергоресурсов для Казахстана становилась ощутимой.

С 2006 г. КНР активизировала участие в газовой отрасли соседнего центральноазиатского государства. В 2006–2009 гг. КННК и «КазМунайГаз» реализовали совместный проект первого казахстанского участка газопровода «Средняя Азия – Китай» от казахстанско-узбекской к казахстанско-китайской границе. В 2010 г. было начато поэтапное строительство второй очереди газопровода с востока Казахстана («Бейнеу – Бозой – Шымкент») [19]. В 2011 г. с целью его заполнения была согласована совместная разработка крупного месторождения «Урихтау» (40 млрд. м³) в Актюбинской области [20]. Двусторонние переговоры 2012–2013 гг. завершились покупкой КННК у «Казмунайгаз» 8% акций крупнейшего казахстанского шельфового нефтегазового месторождения «Кашаган» с запасами более 1 трлн. м³. Сделка была осуществлена в сентябре 2013 г. и оценивалась в 5 млрд. долл. США [21]. Одновременно был сдан в эксплуатацию участок газопровода «Бозой – Шымкент» и достигнута договоренность о транспортировке товарного газа с месторождения «Кашаган» по газопроводу «Бейнеу – Бозой – Шымкент». По сообщениям официальной китайской прессы, завершение участка газопровода «Бейнеу – Бозой» и начало транспортировки газа по нему в Китай ожидалось к 2015 г. [22]. В целом, китайская сторона добилась гарантий по заполнению участка газопровода «Средняя Азия – Китай» в Казахстане на ближайшую перспективу.

Помимо этого, КНР неизменно вкладывала в казахстанскую экономику большую часть своих *инвестиций* в регионе. Согласно данным российских экономистов, к началу мирового финансового кризиса здесь было сосредоточено 97% (около 4 млрд. долл. США) прямых вложений Китая в Центральной Азии [4, с. 68]. Кроме приоритетной нефтегазовой отрасли (60% инвестиций), КНР начала финансировать горнодобывающую сферу: разработку медных и золотомедных рудников, урановых месторождений [6, с. 180]. К осени 2013 г. китайские вложения, согласно информации, озвученной руководством Фонда национального благосостояния Правительства Казахстана, достигали 15 млрд. долл. США [23]. В сентябре 2013 г. во время визита нового лидера КНР в Астану была подписана

Инвестиционная карта сотрудничества до 2020 г., в которой оговаривалась реализация новых проектов на общую сумму 22 млрд. долл. США. Среди основных сфер были выделены нефтеперерабатывающая, химическая и энергетическая [24].

В условиях финансово-экономического кризиса было начато активное привлечение Казахстаном китайских *кредитов*. К концу 2009 г. общая сумма заимствований у КНР составила около 14 млрд. долл. США, Китай являлся четвертым крупнейшим кредитором Казахстана. Большая часть кредитов имела целевой характер и предусматривала импорт китайской промышленной продукции, услуг и оборудования [6, с. 209]. Согласно официальной статистике, осенью 2013 г. заимствования возросли до 17 млрд. долл. США (11% внешнего долга). Китай стал третьим кредитором Казахстана после Нидерландов и Великобритании [25].

Таким образом, ситуационный анализ китайско-казахстанского торгово-экономического сотрудничества 2001–2013 гг. позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, корректировка приоритетов в данной сфере имела место в 2003–2004 гг. (активизация КНР в энергетическом секторе на фоне роста мировых цен на энергоресурсы, интенсификация двусторонней торговли), 2008 г. (расширение выделения льготных кредитов, дальнейшая активизация Китая в нефтегазовом секторе), 2010–2013 гг. (развитие инфраструктурного сообщения в условиях начала действия в Казахстане новых таможенных тарифов; расширение доступа к каспийским нефтегазовым месторождениям, усиление инвестиционных вложений). Указанные акценты свидетельствуют о постепенном закреплении приоритетности экономических связей. Во-вторых, несмотря на препятствия в развитии двустороннего сотрудничества, возникшие после вхождения Казахстана в Таможенный союз, к концу рассматриваемого периода сформировалась выраженная зависимость Казахстана от Китая в сферах энергетики и внешней торговли. Наконец, договоренности нового руководства КНР с казахстанской стороной осени 2013 г. свидетельствуют о дальнейшем усилении экономической составляющей сотрудничества. Кроме того, выдвижение китайской стороной проекта «экономических поясов Шелкового пути» в случае с Казахстаном указывает на перспективы дальнейшего расширения связей в сфере инфраструктуры, а также роста стратегического значения казахстанского направления на фоне укрепления позиций КНР как глобального актора и продолжающегося разрушения Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. 弘扬人民友谊，共创美好未来。习近平在纳扎尔巴耶夫大学的演讲（全文） [Электронный ресурс] / 新华 . – 2013. – Режим доступа: http://news.xinhuanet.com/world/201309/08/c_117273079.htm. – Дата доступа: 20.09.2013. (Развивая дружбу народов, вместе создавать прекрасное будущее. Речь Си Цзиньпина в Назарбаев-университете (полный текст)).
2. *Peyrouse, S. Economic aspects of Chinese-Central Asia rapprochement/ S. Peyrouse. – Washington D.C.:Silk road paper,2007. – 74 p.*

3. Сыроежкин, К.Л. Казахстан – Китай: от приграничной торговли к стратегическому партнерству: монография в 3 кн. / К.Л. Сыроежкин. – Алматы: КИСИ, 2010. – Кн. 1: В начале пути. – 336 с.
4. Жуков, С.В. Центральная Азия и Китай: экономическое взаимодействие в условиях глобализации/ С.В. Жуков, О.Б. Резникова. – М.:ИМЭМО РАН, 2009. – 180 с.
5. Соглашение между Министерством транспорта и коммуникаций Республики Казахстан и Министерством железных дорог КНР о сотрудничестве в области железнодорожного транспорта (19.05.2004) // Казахстан – Китай: от приграничной торговли к стратегическому партнерству: монография в 3 кн. / К.Л. Сыроежкин. – Алматы: КИСИ, 2010. – Кн. 3: Сборник документов. – С.447-450.
6. Сыроежкин, К.Л. Казахстан – Китай: от приграничной торговли к стратегическому партнерству: монография в 3 кн. / К.Л. Сыроежкин. – Алматы: КИСИ, 2010. – Кн. 2: В формате стратегического партнерства. – 384 с.
7. Меморандум между министерством транспорта и коммуникаций Республики Казахстан и министерством железных дорог КНР о намерении соединения железных дорог Казахстана и Китая через Коргас (Казахстан) – Хоргос (Китай) (20.12.2006) // Казахстан – Китай: от приграничной торговли к стратегическому партнерству: монография в 3 кн. / К.Л. Сыроежкин. – Алматы: КИСИ, 2010. – Кн. 3: Сборник документов. – С. 476–477.
8. Основные показатели внешней торговли Республики Казахстан (январь-декабрь 2013 г.) [Электронный ресурс] / Агентство Республики Казахстан по статистике. – Режим доступа: http://www.stat.gov.kz/faces/wcnav_externalId/homeNumbersForeignTrade?_afzLoop=243472912114787&_afzWindowMode=0&_afzWindowId=emot0d6el_70#%40%3F_afzWindowId%3Demot0d6el_70%26_afzLoop%3D2. – Дата доступа: 01.04.2014.
9. Началось движение поездов по второму железнодорожному переходу между Казахстаном и Китаем [Электронный ресурс] / АО НК Казахстан темир жолы. – 2012. – Режим доступа: <http://www.railways.kz/ru/node/3801>. – Дата доступа: 05.02.2013.
10. 2012 年新疆外贸达 251.7 亿美元 [Электронный ресурс] / 文汇报. – 2013. – Режим доступа: <http://news.wenweipo.com/2013/01/21/NN1301210015.htm>. – Дата доступа: 05.03.2013. (В 2012 г. внешняя торговля СУАР достигла 25 млрд. долл. США).
11. 霍尔果斯口岸 2013 年进出口贸易全面增长 [Электронный ресурс] / Отдел пограничного контроля СУАР КНР. – 2014. – Режим доступа: <http://www.xjciq.gov.cn/Article/ShowArticle.asp?ArticleID=2150>. – Дата доступа: 18.01.2014. (В 2013 г. увеличился товарооборот через пограничный переход Хоргос).

12. Казахстанский премьер И. Тасмагамбетов открыл новый трубопровод в Европу «Кенкияк-Атырау» [Электронный ресурс] / Новостной портал ЦентрАзия. – 2003. – Режим доступа: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1048885380>. – 17.09.2013.
13. Сыроежкин, К.Л. Специфика присутствия Китая в нефтегазовом секторе Казахстана / К.Л. Сыроежкин // Труд и социальные отношения. – 2011. – №10. – С.121–139.
14. Депутаты парламента выразили озабоченность увеличением доли иностранного участия в нефтегазовом секторе Казахстана [Электронный ресурс] / Gazeta.kz (Новости) – 2006. – Режим доступа: <http://news.gazeta.kz/art.asp?aid=210234>. – Дата доступа: 08.06.2012.
15. 加强睦邻互信，推动和平发展。胡锦涛在上海合作组织成员国元首理事会第七次会议上的讲话(全文) [Электронный ресурс]/ Министерство иностранных дел КНР. – 2007. – Режим доступа: http://www.fmprc.gov.cn/chn/pds/gjhdq/gjhdqzz/lhg_59/zyjh/t352274.htm. – Дата доступа: 21.10.2011. (Укреплять доверие соседей, способствовать мирному развитию. Полный текст речи Ху Цзиньтао на седьмом саммите глав государств ШОС).
16. 25 процентов казахстанской нефти добывают китайские компании [Электронный ресурс] / КазИнформ. – 2013. – Режим доступа: <http://inform.kz/rus/article/2548229>. – Дата доступа: 07.04.2013).
17. Объем поставок нефти Казахстан-Китай превысил 63 млн. тонн [Электронный ресурс] / Капитал – 2014. – Режим доступа: <http://kapital.kz/gosudarstvo/26280/obem-postavok-nefti-kazahstan-kitaj-prevysil-63-mln-tonn.html>. – Дата доступа: 12.02.2014.
18. Итоги развития нефтегазовой отрасли за 2013 г. [Электронный ресурс] / Министерство нефти и газа Республики Казахстан. – 2014. – Режим доступа: <http://www.mgm.gov.kz/news/271>. – Дата доступа: 10.01.2014.
19. Китай и Казахстан приступили к строительству второй очереди газопровода [Электронный ресурс] / Посольство Китайской Народной Республики в Республике Казахстан. – 2010. – Режим доступа: <http://kz.china-embassy.org/rus/zhgx/t782268.htm>. – Дата доступа: 12.08.2013.
20. КазМунайГаз и CNPC будут совместно разрабатывать месторождение Урихтау [Электронный ресурс] / Номад. – 2011. – Режим доступа: <http://www.nomad.su/?a=4-201103290029>. – Дата доступа: 12.08.2013.
21. Договор купли-продажи доли в Кашагане подписали CNPC и КМГ [Электронный ресурс] / Forbes Казахстан. – 2013. – Режим доступа: http://forbes.kz/finances/investment/dogovor_kupli-prodaji_doli_v_kashagane_podpisali_cnpc_i_kmg. – Дата доступа: 12.11.2013.

22. Сдан в эксплуатацию первый участок второй очереди магистрального китайско-казахстанского газопровода [Электронный ресурс] / Газета «Женьминь жибао» онлайн. – 2013. – Режим доступа: <http://russian.people.com.cn/31518/8394583.html>. – Дата доступа: 15.10.2013.
23. Казахстан и Китай подписали соглашения на 22 млрд. долл. США [Электронный ресурс] / Курсив КЗ. – 2013. – Режим доступа: <http://www.kursiv.kz/news/details/vlast/Kazahstan-i-Kitaj-podpisali-soglasheniya-na-22-mlrd>. – Дата доступа: 17.09.2013.
24. ФНБ и СИТИК договорились о реализации Инвесткарты Казахстанско-Китайского делового совета [Электронный ресурс] / Новости-Казахстан. – 2013. – Режим доступа: <http://newskaz.ru/economy/20130907/5520488.html>. – Дата доступа: 10.11.2013.
25. Статистика внешнего долга Республики Казахстан [Электронный ресурс] / Национальный банк Республики Казахстан. – 2014. – Режим доступа: <http://www.nationalbank.kz/?docid=346> – Дата доступа: 11.03.2014.

Жарко С.Б.
(Минск, Республика Беларусь)

ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ О МОНГОЛЬСКОМ НАШЕСТВИИ В КИТАЙ И НА РУСЬ В XIII В.

В статье проведён анализ различных источников по данной теме. Дается характеристика славянских летописных сводов, а так же западноевропейских, монгольских, персидских, армянских, арабских источников. Проведены исследования не только письменных документов, но и привлечены данные вспомогательных исторических дисциплин, которые позволяют расширить взгляд на монгольское завоевания Китая и Руси. Автором также освещается проблема комплексного использования исторических источников для исследований и рассматривается необходимость переводов многих исторических источников на русский язык для более детального изучения.

Ключевые слова: *источники, летописи, нашествие, завоевания, монголы, Китай.*

The article analyzes all possible sources. Describes the Slavic chronicles as well as Western European, Mongolian, Persian, Armenian, Arabic sources. The research carried out on the basis of written documents and additional historic disciplines allows to widen the view on the Mongolian invasion Chine of Rus. The author also covers a problem of complex use of historical sources for researches and need of translations of many historical sources into Russian for more detailed studying is considered.

Keywords: *sources, annals, invasion, conquest, Mongols, China.*

Источники, содержащие сведения о монгольском нашествии в Китай и на Русь и в целом о завоевательных походах монголов в XIII в. достаточно многочисленны и разнообразны. О нашествии писали славянские летописцы, и персидские историки, и авторы западноевропейских хроник, и монахи-миссионеры, путешествовавшие в ставку великого хана Монгольской империи, и составители официальных китайских династических хроник. Однако достаточно часто сведения ряда источников являются отрывочными и фрагментарными, но, рассмотренные в комплексе, они дают довольно полную и подробную картину монгольских завоеваний.

Известия китайских и славянских летописей и хроник являются наиболее важным источником при изучении событий монгольского нашествия в XIII в. Они дают возможность проследить основные этапы монгольского вторжения и выяснить направление ударов завоевателей, характеризуют последствия нашествия для китайских и славянских земель и рисуют подробную картину отношений княжеств и Золотой Орды в последующий период. Сравнительный анализ летописных сводов различной идейной направленности позволяет восстановить объективную картину нашествия Батыея, уточнить датировку событий. Использование летописей как основного источника исследования облегчается тем, что историческая наука накопила значительный опыт по критическому анализу летописных сводов, выделению из их состава более поздних редакций первоначальных текстов, оценки достоверности известий.

Летописные источники по данной теме можно условно разбить на три основные группы.

Во-первых, это летописные своды Владимиро-Суздальской Руси. Прежде всего, в этой связи следует назвать Лаврентьевскую летопись [1, с. 118] Она основывается на официальной владимирской княжеской летописи, местном летописании города Ростова и некоторых других известиях. Данная летопись даёт наиболее развёрнутое и подробное описание событий монгольского нашествия на земли Северо-Восточной Руси и последующих взаимоотношений этих земель с монголами.

Во-вторых, большое значение для изучения монгольских завоеваний на Руси и событий XIII века в целом имеет новгородское летописание, прежде всего Новгородская первая летопись [2, с. 367]. Редакция этой летописи, представленная Синодальным списком конца XIII-начала XIV вв.; является древнейшей дошедшей до нас летописной рукописью. В её составе содержатся чрезвычайно ценные сведения о битве на реке Калке, о нашествии Батыея на земли северо-восточной Руси (исследователи предполагают, что в этой части летописи сохранились сведения, восходящие к не дошедшему до нас рязанскому летописанию), о политике монголов в отношении княжеств в 50-х-60-х годах XIII в, в частности проводимой монголами в 1257 и 1259 переписи населения в новгородских землях.

В-третьих, это южнорусская летописная традиция, которая отразилась в Ипатьевском летописном своде [3, с. 254], в составе которого выделяется Галицко-Волынская летопись, содержащая описание событий в Галицком и Волынском княжествах с 1201 по 1292 гг. В этой части сведения Ипатьевской летописи представляют огромный интерес, так как она написана современниками событий, близкими к

князю Даниилу Романовичу Галицкому и его потомкам. Летопись подробно повествует о первом столкновении с монголами на р. Калке, о разорении Батыем южнорусских городов, политической ситуации в южных землях Киевской Руси в 40-х и 50-х годах XIII века, о попытках князя Даниила организовать сопротивление монголам и его взаимоотношениях с ханом Батыем и монгольскими наместниками Кавказа и Бурундаем. Ипатьевская летопись является выдающимся памятником древнерусской литературы, она богата подробностями и реалистичными описаниями событий, восходящими, как можно предположить, к свидетельствам очевидцев.

Кроме летописей, сведения о монгольском нашествии и в целом политике Золотой Орды на Руси содержатся и в некоторых других произведениях древнерусской литературы XIII века: в «Слове о погибели Русской земли», «Житии Александра Невского», «Сказании о убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Фёдора», поучениях епископа владимирского Серапиона. Данные этих источников существенно дополняют летописные известия в общественно-политической мысли Руси того времени.

Важные сведения по истории монгольских завоеваний в XIII веке содержат и немногочисленные собственно монгольские источники. В первую очередь следует указать на «Сокровенное сказание» [4, с. 52] (Другое название – «Тайная история»), единственный памятник монгольской литературы того времени. Этот ценнейший источник был обнаружен и введён в научный оборот исследователем Палладием Кафаровым в XIX веке. Необходимо отметить то обстоятельство, что «Сокровенное сказание» сохранилось лишь в записи на монгольском языке в транскрипции китайскими иероглифами. Это существенно осложняет работу с источником: от реконструкции оригинального монгольского текста, которая ещё не завершена, как точное понимание содержания памятника, так и его перевод на другие языки. Таким образом, анализ данных «Сокровенного сказания» требует учёта различных вариантов перевода и предлагаемых исследователями семантических уточнений.

По мнению большинства исследователей, данный памятник был составлен около 1240 г. в ставке великого хана Угэдэя. «секретной» или «тайной» историей он был назван потому, что он предназначался лишь для членов ханского рода и узкого круга высшей монгольской знати. «Сокровенное сказание» содержит бесценные сведения по истории возникновения Монгольской империи, биографии Чингисхана, его государственным и военным законам, организации монгольской армии, ходе завоевательных походов монголов, политике по отношению к покорённым народам и т.д. «Сокровенное сказание» даёт сведения и о курултае 1235 г., на котором, как известно, было принято решение о монгольском походе на Запад, и во время которого нашествию подверглись и славянские земли.

Следует назвать и некоторые памятники монгольской документальной письменности – письмо великого хана Гуюка римскому папе Иннокентию IV в 1267 г.; ярлык хана Золотой Орды Менгу-Тимура славянской метрополии, выданный в 1267 г. и сохранившейся в древнерусском переводе; письма иранских ильханов Абаки, Аргуна, Газана и Олджейту западноевропейскими властителям в конце XIII–XIV вв. Наибольший интерес среди этих документов представляет письмо

Гуюка, участника походов в Восточную Европу, в котором отчётливо сформулирована претензия монгольских ханов на мировое господство.

Важнейшим источником по монгольской истории является официальная история правившей в Китае монгольской династии Юань «Юань ши». Этот коллективный труд был создан в 1386–1369 гг. и охватывает период от 1206 года – года объединения монгольских племён Чингисханом, создание монгольской империи и до изгнания монголов из Китая в 1368 г. Важной составляющей частью «Юань ши» являются жизнеописания монгольских военачальников и сподвижников Чингисхана, в том числе Субэдэй-багатура, организатора похода на Русь. Сведения «Юань ши» носят несколько отрывочный и несистематизированный характер по сравнению с другими китайскими династическими сводами-хрониками, что, вероятно, объясняется спешкой при её составлении (по преданию, работа была выполнена очень быстро, за 331 день). Так, например, хроника содержит два экземпляра жизнеописания Субэдея, зато отсутствует биография другого видного монгольского военачальника – Джэбэ. Особенностью «Юань ши» является стремление её составителей опираться на доступные им документы, современные событиям, затрагиваемым в соответствующем разделе. Вероятно, можно говорить о том, что так сложились объективные условия сохранности документов – часть из них была изначально скрыта от китайцев как от покорённого монголами и ограниченного в своих правах большинства населения юаньского Китая, часть оказалась недоступной из-за языковых барьеров, а ещё большая часть была просто уничтожена в ходе многолетней войны за независимость от монголов. Ещё одной характерной особенностью «Юань ши» является то обстоятельство, что информация в разделе жизнеописаний знаменитых личностей часто более подробна и достоверна, чем в других источниках. К сожалению, полный перевод «Юань ши» на русский язык до настоящего времени отсутствует, и данные этого источника при изучении монгольских завоеваний привлекаются лишь фрагментарно.

Значительное место в источниковой базе по изучению монгольского нашествия на Русь занимают восточные источники: персидские, арабские и армянские. Среди них важнейшим источником является «Сборник летописей» [5, с. 60] Рашид-ад-Дина, созданный в начале XIV века по поручению монгольского правителя Ирана Ильхана Газана. В своей работе Рашид-ад-Дина (а точнее – работавший под его руководством коллектив авторов) использовал как официальные документы из канцелярии ильханов, так и многочисленные иные письменные источники, устную информацию самого различного характера. «Сборник летописей» содержит подробное описание монгольских походов в Китай и на Русь, подчинение монголами других народов Восточной Европы — волжских болгар, половцев, аланов и др. Многие сведения Рашид-ад-Дина носят уникальный характер, например, о гибели под городом Коломной сына Чингисхана Кулькана.

Одним из источников хроники Рашид-ад-Дина является «История завоевателя мира» [6, с. 209] Ала ад-Дина Джувейни, написанная около 1260 г. Данный источник содержит краткие, но важные сведения о битве на реке Калке и походах на Русь в 1237–1241 гг., об обложении данью завоёванных славянских земель и т.д. Сочинение Джувейни было сравнительно поздно введено в научный оборот и до настоящего времени часто оказывается за пределами внимания исследователей.

Значительный интерес представляют сборники переводов персидских и арабских авторов, выполненные В.Г. Тизенгаузом [7, с. 216]. Два тома этих материалов, содержащие выдержки из сочинений сорока одного автора, являются исключительным по своей ценности сборником фактического материала для изучения нашествия монголов в Китай и Восточную Европу, истории Золотой Орды (именуемой в восточной традиции Улусом Джучи).

Следующую группу источников составляют записи западноевропейских путешественников и миссионеров XIII в. и западноевропейские хроники. О состоянии Восточной Европы накануне нашествия Батые достаточно подробно повествует венгерский монах-доминиканец Юлиан [8, с. 377]. Осенью 1237 г., во время своего второго путешествия, Юлиан, находившийся в тот момент на территории Северо-Восточной Руси, получил известие о разгроме монголами Волжской Булгарии. В своём послании Юлиан предостерегал венгерского короля Белу IV и германского императора Фридриха II Гогенштауфена о грозящей христианскому миру опасности и сообщал собранные им сведения о монголах. Послание Юлиана свидетельствует о том, что монгольское нашествие не было неожиданным, и информация о его подготовке просачивалась в славянские земли и другие государства Восточной и Центральной Европы.

Монах-францисканец Иоанн де Плано Карпини совершил путешествие к монголам в 1245–1247 гг., в качестве посланца папы Иннокентия IV. В своём сочинении «История монголов» [9, с. 87] Плано Карпини дал систематическое изложение собранных им материалов о географическом положении Монголии и государственном устройстве Монгольской империи, об истории, обычаях, религиозных представлениях и военном искусстве монголов. На своём пути в Каракорум Плано Карпини посетил Киев, встречался с русскими князьями Даниилом Галицким и великим князем Владимирским Ярославом Всеволодовичем и собрал чрезвычайно ценные сведения о положении славянских земель после нашествия, политических отношениях русских князей и монгольских ханов и т. д. Можно утверждать, что Иоанн де Плано Карпини впервые познакомил Европу с масштабами и реальной картиной монгольских завоеваний.

Францисканский монах Вильгельм (Гийом) де Рубрук, родом из Фландрии, совершил дипломатическую поездку к монголам по поручению французского короля Людовика IX в 1253–1255 гг. на своём пути Рубрук посетил ставки хана Бату, его сына Сартака и, наконец, великого хана Менгу в Каракоруме. Записки Рубрука («Путешествие в Восточные страны в лето благодати 1253») менее систематичны, чем «История» Плано Карпини, и более напоминают путевой дневник. Сочинение Вильгельма де Рубрука содержит ценнейший материал о быте и нравах монголов в середине XIII века, о положении дел в разных частях или улусах Монгольской империи и их правителях, о судьбе угнанных монголами в Центральную Азию пленников – славян, венгров, немцев и т. д.

Кроме записок вышеперечисленных путешественников следует назвать такие источники XIII века как «Великопольская хроника» Матвея Парижского и др. Данные сочинения содержат многочисленные сведения о монголах, их походах на земли Руси, Польши и Венгрии, политике монголов в отношении покорённого населения и т. д. Исследователи неоднократно высказывали предположение, что

информаторами европейских авторов могли быть выходцы из славянских земель, бежавшие от монголов (подобные игумену Петру Акеровичу, предполагаемому настоятелю монастыря Спас на Берестовке под Киевом, который выступил с сообщением о монголах на Лионском соборе в 1245 г.). К сожалению, многие хроники и иные документы, посвящённые монгольскому нашествию в Восточную и Центральную Европу (например, послания венгерского короля Белы IV, императора Священной Римской империи Фридриха II, римского папы IV и др.), до сих пор не переведены на русский язык.

Кроме письменных источников, для изучения монгольского нашествия в Китай и на Русь могут быть привлечены данные смежных исторических дисциплин. Археологические исследования дают возможность уточнить и расширить представление о характере и масштабах монгольских походов на Русь в 1237–1241 гг., сложившееся на основе анализа письменных источников. Работы М.К. Каргера [10, с. 266] А.Л. Монгайта [11, с. 178] и других исследователей наглядно воссоздают картину катастрофы, постигшей славянские земли в середине XIII века. На археологическом материале подробно документирована гибель г. Рязани, Торжка, Киева, Владимира, Волынского и множества бале мелких городов. В классической работе Б.А. Рыбакова «Ремесло Древней Руси» [12, с. 314] именно на основе анализа археологических данных сделан вывод об исчезновении многих видов ремесёл и регрессе ремесленного производства на Руси а целом в результате монгольского погрома. Материалы раскопок золотоордынских городов, возникших в середине – второй половине XIII века, подтверждают данные письменных источников о массовом угоне славянского населения в Орду. Большое значение имели археологические исследования в Монголии и Забайкалье, в частности раскопки столицы Монгольской империи Каракорума, которые дали возможность исследователям получить более ясное представление о монгольском обществе и государстве в эпоху завоевательных походов. Таким образом, в свете археологических данных становится более ясным характер монгольского нашествия и его последствий для развития китайских и славянских земель.

В целом, следует сделать вывод о том, что в распоряжении исследователей монгольского нашествия в Китай и на Русь имеется довольно обширный и разнообразный материал, который позволяет дать развёрнутую и комплексную картину завоевательных походов монголов. Однако следует отметить, что в современной историографии господствует некоторый консерватизм при изучении этого вопроса: история монгольских завоеваний в Восточной и Центральной Европе освещается обычно лишь на основе анализа славянских летописей и выборочного цитирования других источников, главным образом хроники Рашид-ад-Дина, сообщений Иоанна де Плано Карпини и Вильгельма Рубрука. За пределами внимания исследователей оказываются многие важные письменные источники – монгольские, китайские, арабо-персидские и западноевропейские, кроме того, затрудняет изучение данного вопроса и отсутствие современных переводов на русский язык многих письменных источников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Полное собрание русских летописей: в 43 т. – 4-е изд. – М.: Языки Русской Культуры, 1997. – Т. 1 : Лаврентьевская летопись – 496 с.
2. Новгородская летопись старшего и младшего изводов. – М., Л.: АН СССР, 1950. – 576 с.
3. Полное собрание Русских летописей: в 43 т. – 4-е изд. – М.: Языки русской культуры, 1998. Т. 2: Ипатьевская летопись. – 386 с.
4. Сокровенное сказание монголов. – Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1990. – 147 с.
5. Рашид-ад-Дин Сборник летописей: в 3 т. /Рашид-ад-Дин. – М., Л.: АН СССР, 1952-1966. – Т. 1. :1952. – 380 с.; Т. 2. :1966. – 390 с.
6. Малик-ал-Джувеини История миропокорителя. /Малик-ал-Джувеини. – Ташкент, 1952. – 418 с.
7. *Тизенгаузен, В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды: в 2 т. / В.Г. Тизенгаузен – М., Л.: АН СССР, 1940. – Т. 1. :1884. – 343 с.; Т. 2 : 1941. – 308 с.
8. *Аннинский, С.А.* Известия венгерских миссионеров 13 века о татарах и Восточной Европе: Исторический архив: в 3 т. / С.А. Аннинский – М., Л.: АН СССР, 1940. – Т. 3. – 513 с.
9. *Карпини, Дж.П.* Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. / Дж.П. Карпини, В.М. Рубрук – Государственное издательство географической литературы, 1957. – 287 с.
10. *Каргер, М.К.* Древний Киев: в 2 т. / М.К. Каргер – М., Л.: Наука, 1961. – 579 с.
11. *Монгайт, А.Л.* Археология Рязанской земли. / А.Л. Монгайт – М.: Наука, 1974. – 335 с.
12. *Рыбаков, Б.А.* Ремесло Древней Руси. / Б.А. Рыбаков – М.: АН СССР, 1990. – 792 с.

Залесский Б.Л.

(Минск, Республика Беларусь)

ВСЕСТОРОННЕЕ СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

В статье исследуются актуальные вопросы развития белорусско-китайского межрегионального взаимодействия в условиях всестороннего стратегического партнерства Республики Беларусь и Китайской Народной Республики.

Ключевые слова: *всестороннее стратегическое партнерство, сотрудничество регионов Беларуси и Китая.*

The article studies the topical issues of the Belarusian-Chinese interregional cooperation under the comprehensive strategic partnership between the Republic of Belarus and the People's Republic of China.

Keywords: the comprehensive strategic partnership, the Belarusian-Chinese interregional cooperation.

Высший уровень взаимоотношений – всестороннее стратегическое партнерство – установился между Республикой Беларусь и Китайской Народной Республикой в июле 2013 года. Для белорусской стороны этот факт имеет исключительно важное значение не только по той причине, что «только девять стран мира имеют такой высокий уровень взаимоотношений с Великим Китаем» [1], но и в силу того, что развитие Китая в последние десятилетия является хорошим примером нестандартного поступательного движения вперед на основе традиций, истории и умелого понимания современных тенденций. Поэтому для официального Минска «равноправное сотрудничество с Китайской Народной Республикой было и остается долгосрочным приоритетом внешней политики Беларуси» [2].

И, действительно, в 2013 году Китай по объему импорта и экспорта достиг величины, превышающей 4 триллиона долларов, заняв по этому показателю первое место в мире. На 2014 год правительство страны запланировало прирост внутреннего валового продукта на 7,5 процентов. И на июль этого года в Китае «были созданы в общей сложности около 800 тыс. предприятий с участием иностранного капитала, были использованы иностранные капиталы в размере \$1,5 трлн. <...> Прирост ВВП за первое полугодие текущего года составил 7,4%» [3]. Что касается белорусско-китайской взаимной торговли, то ее объем в 2013 году вырос на 17,2% и составил 3,29 миллиарда долларов. Это свидетельствует о том, что «развитие китайско-белорусских отношений обладает ясными приоритетами и четкой целеустремленностью, надежной политической основой и гарантией механизма сотрудничества» [4].

К числу основных гарантий механизма белорусско-китайского сотрудничества следует отнести, в первую очередь, подписанную в январе 2014 года руководителями правительств двух стран «Программу развития всестороннего стратегического партнерства Республики Беларусь и Китайской Народной Республики на 2014–2018 годы», которая рассматривается как «дорожная карта» взаимодействия на ближайшие пять лет. Для реализации поставленных в ней задач в сентябре 2014 года стороны создали межправительственный комитет по сотрудничеству высокого уровня, который представляет собой «новый механизм координации двусторонних отношений на уровне вице-премьеров, создаваемый в целях дальнейшего укрепления и развития всестороннего стратегического партнерства» [5]. В комитет вошли пять комиссий: две ранее действовавшие – по торгово-экономическому и по научно-техническому сотрудничеству, а также три новых – в области образования, культуры и безопасности. Уже на первом заседании комитета, проходившем в Пекине, были достигнуты договоренности по продолжению активного сотрудничества в кредитно-финансовой сфере, разработке новых механизмов межбанковского сотрудничества, по продвижению строительства Китайско-Белорусского индустриального парка, созданию благоприятных условий для реализации совместных проектов по сборке легковых автомобилей, модернизации автомобильных дорог и железнодорожных перевозок, совместном создании сверхмощных тракторов, а также по «активизации межрегиональных контактов» [6].

Действительно, бурное развитие связей регионов Беларуси и Китая стало в последние годы важным движущим фактором двустороннего сотрудничества. Именно в регионах Беларуси совместно с китайскими партнерами проведена масштабная модернизация цементной отрасли страны, реконструированы две крупные электростанции и фактически построены две новые, строится завод по производству беленой целлюлозы, гидроэлектростанция, автомобильные дороги, завод по производству картона, осуществляется электрификация участков железной дороги. А к числу наиболее перспективных и масштабных проектов межрегионального сотрудничества относятся создание Китайско-Белорусского индустриального парка и строительство завода по производству легковых автомобилей, осуществляемые в Минской области. Все это говорит о том, что приведенные факты – только начало реализации политики всестороннего стратегического партнерства Беларуси и Китая на уровне регионов. Политики, которая уже в ближайшие годы должна дать свои новые впечатляющие результаты, о чем свидетельствуют наблюдаемые сегодня тенденции.

Так, «до 12 пар увеличилось количество белорусских и китайских городов и регионов, которые являются побратимами» [4]. О многом говорит и тот факт, что в конце сентября 2014 года стороны, отмечая выход «на принципиально новый уровень взаимодействия, которое представляет собой не только торгово-экономическое, но и инвестиционное сотрудничество» [7], подписали соглашение между Министерством экономики Беларуси и Министерством коммерции КНР о создании рабочей группы по межрегиональному сотрудничеству Китайско-Белорусской комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству Белорусско-Китайского межправительственного комитета по сотрудничеству. Спектр деятельности этой рабочей группы обещает быть весьма широким.

В январе 2014 года городами-побратимами стали Минск и китайский Шэньчжэнь, что в провинции Гуандун, население которого превышает 10 миллионов человек и где действующая специальная экономическая зона является одной из самых быстро развивающихся в Китае. Подписывая соглашение о побратимстве, стороны выразили надежду, что оно «будет способствовать созданию полноценной договорной базы для реализации совместных проектов» [8], в числе которых уже обсуждаются идеи создания белорусско-китайского венчурного фонда, а также функционирования совместного университета в области информационно-коммуникационных технологий. Для белорусской столицы это – уже не первый опыт установления побратимских связей с китайскими партнерами. Более чем 22-летняя дружба связывает Минск с административным центром провинции Цзилинь – городом Чанчунем, одним из крупнейших промышленных центров на северо-востоке Китая с населением около 8 миллионов человек, где развиты наука, автомобилестроение, оптическое приборостроение. Города-побратимы подписали программу долгосрочного сотрудничества до 2020 года, в рамках которой предполагают в числе других направлений «развивать сотрудничество между Китайско-белорусским научно-техническим парком, который работает в Чанчуне, и Китайско-белорусским индустриальным парком в Минске» [9]. В целом же динамичные связи с китайскими регионами позволили белорусской столице довести товарооборот с Китаем до 610 миллионов долларов.

Более чем 20-лет прошло с момента установления сотрудничества Брестской области с провинцией Хубэй. За это время городами-побратимами стали также Брест и Сяогань, Барановичи и Чиби, расположенные в этих регионах. В декабре 2013 года стороны подписали новый план сотрудничества в торгово-экономической, научно-технической и культурной областях на 2014–2020 годы, который должен вывести это межрегиональное взаимодействие на качественно новый уровень. Точкой отсчета здесь может быть 2013 год, по итогам которого внешнеторговый оборот Брестской области с Китаем составил около 300 миллионов долларов. Основной позицией брестского экспорта на китайский рынок при этом стала сухая молочная сыворотка, а также льноволокно, изделия из камня, природные и минеральные воды. Важен и такой факт: «В последние годы в Брестской области с участием китайского капитала реализовано несколько инвестпроектов, в том числе строительство нового энергоблока на Березовской ГРЭС» [10]. А в Сяогане – побратиме Бреста – действует белорусско-китайское совместное предприятие «Санцзян–Волат».

Активным участником белорусско-китайского межрегионального сотрудничества в последние годы становится провинция Хэйлуунцзян, в административном центре которой – городе Харбине – в 2009 году было зарегистрировано совместное предприятие сельскохозяйственного машиностроения «Харбин Дунцзинь Гомель», занимающееся производством кормоуборочных самоходных комбайнов. В 2013 году здесь собрали около 900 единиц техники, а в ближайшие годы планируют нарастить это производство до 3 тысяч комбайнов в год. В 2010 году в Харбине заработало еще одно совместное предприятие – «Харбин Дунцзинь Минск Трактор», которое специализируется на выпуске энергонасыщенных тракторов. Возможно, именно на его основе будет организовано производство сверхмощных тракторов для нужд сельского хозяйства Китая, которое может стать одним из новых направлений двустороннего сотрудничества. «Речь идет о тракторе 500 и более лошадиных сил. <...> Прежде всего, в такой технике заинтересовано китайское сельское хозяйство» [11].

Провинция Хэйлуунцзян подписала также соглашение об установлении побратимских отношений с Витебской областью, которые могут развиваться по самым разнообразным направлениям. Например, льноводство, мясо-молочная отрасль. Заметим, что в Витебской области уже есть успешный опыт реализации в своем регионе инвестиционных проектов с участием китайских инвестиций – строительство нового блока на Лукомльской ГРЭС. А в июле 2014 года дан символический старт еще одному знаковому белорусско-китайскому проекту – строительству основных гидротехнических сооружений Витебской ГЭС. Установленная мощность ее четырех гидроагрегатов составит 40 МВт, «она станет самой мощной гидроэлектростанцией в Беларуси» [12]. Ввод объекта в строй ожидается в 2017 году. Напомним, что Концепция энергетической безопасности Беларуси до 2020 года предусматривает создание на Западной Двине каскада из четырех гидроэлектростанций: Полоцкой, Витебской, Бешенковичской и Верхнедвинской. Учитывая этот опыт, Витебская область предложила «ряд проектов китайским инвесторам, в том числе по созданию логистического центра на базе Витебского аэропорта» [13].

В свою очередь, с китайской стороны прозвучали предложения детально обсудить проекты по строительству крупных мостов в Витебске, Бешенковичском районе и Полоцке, а также в сфере фармацевтики, радиоэлектроники. Нетрудно предположить, что реализация этих предложений может привести к заметной активизации белорусско-китайской производственной кооперации, что особенно важно для данного региона Беларуси, ведь «до настоящего времени в Витебской области не было создано ни одного совместного предприятия» [14]. А в провинции Хэйлунцзян еще одним участником белорусско-китайского межрегионального сотрудничества становится город Суйфэньхэ, где с 2013 года по инициативе Китайской международной торговой палаты, народного правительства провинции Хэйлунцзян и города Суйфэньхэ, департамента коммерции провинции Хэйлунцзян, Хэйлунцзянского филиала китайского Комитета по содействию международной торговле стали проводить Международную выставку приграничной торговли. Первая выставка «привлекла около тысячи предприятий и более 60 тыс. посетителей из разных стран мира» [15], а участниками второго приграничного форума, проходившего в августе 2014 года, наряду с представителями России, Вьетнама и 26 китайских провинций и автономных районов, стали уже и предприятия из Беларуси.

В январе 2014 года меморандум о взаимодействии по укреплению экономического и торгового сотрудничества подписали Гродненская область и провинция Ганьсу. В этом документе стороны договорились «способствовать укреплению торгово-экономического сотрудничества, расширению взаимной торговли, развитию сотрудничества в сфере культуры, образования и туризма, углублению технико-экономического взаимодействия, обмену информацией» [16]. Необходимый потенциал для осуществления поставленных целей взаимодействия у сторон накоплен немалый.

Провинция Ганьсу расположена в центральной части Китая, население ее составляет около 26 миллионов человек. Здесь успешно развиваются нефтехимическая промышленность, альтернативная энергетика в виде гидро- и ветроэлектростанций, цветная металлургия, сельскохозяйственное машиностроение. Именно «через Ганьсу проходит 1600-километровый участок древнего Шелкового Пути» [17]. Напомним, что о начале реализации проекта экономического пояса «Шелковый Путь», который должен объединить экономические интересы стран, расположенных от Тихого океана до Балтики, осенью 2013 года объявил председатель Китайской Народной Республики Си Цзиньпин. Для Гродненской области рынок Китая интересен, прежде всего, в плане поставок туда разнообразных экспортных товаров. В 2013 году при общем объеме товарооборота 194,9 миллионов долларов гродненский экспорт составил 125,2 миллионов долларов. Основу его составили азотные удобрения, капролактамы, синтетические нити. В 2013 году начались поставки на китайский рынок крахмала Рогозницкого крахмального завода, экспорт которого составил полтора миллиона долларов.

В 2014 году стороны договорились развивать сотрудничество в области сельского хозяйства, машиностроения, электроники, химической индустрии, цветной металлургии, строительного подряда, энергетике. Большой интерес вызывает идея размещения на Гродненщине китайского индустриального парка. Для этого «рассматриваются свободные площадки в Щучинском и Волковысском районах, а

также неиспользуемые производственные площадки действующих гродненских предприятий, в частности ОАО «Радиоволна»» [18]. Гродненская область заинтересована в создании с китайскими партнерами сборочных производств по выпуску промышленных узлов и агрегатов, малой сельскохозяйственной техники для сада и огорода, бытовых и электрических товаров. Кроме того, китайской стороне предложено создать в этом белорусском регионе совместный логистический центр, который способствовал бы увеличению экспортно-импортных возможностей сторон. Тем более, что Гродненская область планирует наращивать объемы своего экспорта в Китай, например, сухого молока и детского питания. В частности, в конце 2013 года ОАО «Беллакт» уже отгрузило пробные партии детского питания на китайский рынок.

В июне 2014 года стороны уже вели заинтересованный разговор «о создании совместных производств по переработке молочной и мясной промышленности, совместного предприятия по выпуску сельскохозяйственных машин и тракторов, китайского предприятия по выращиванию на землях Гродненщины сельскохозяйственной продукции» [19]. В частности, в фокусе внимания были вопросы реализации совместных проектов в сфере производства картофеля, так как с китайской стороны была проявлена заинтересованность к гродненской картофелеуборочной технике.

Наконец, в августе 2014 года в Гродно состоялась первая в истории выставка китайских производителей, в рамках которой они продемонстрировали свои возможности в сфере сельского хозяйства и машиностроения, химической и фармацевтической промышленности. Аналогичный торгово-инвестиционный форум гродненцы, в свою очередь, планируют организовать в административном центре Ганьсу – городе Ланьчжоу, что, несомненно, будет только способствовать развитию прямых торговых контактов. Кроме того, выставка в Гродно актуализировала идею осуществления в этом белорусском регионе совместного с китайской стороной инвестиционного проекта по созданию постоянно действующего выставочного центра, в том числе и для проведения выставочно-ярмарочных мероприятий китайской продукции. И еще один примечательный факт: для организации всесторонних контактов с белорусскими партнерами провинция Ганьсу создает свое коммерческое представительство в Минске, при этом одним из основных его приоритетов станет развитие экономического партнерства именно с Гродненской областью.

Нарращивает объемы своего сотрудничества с китайскими партнерами и Могилевская область. В 2013 году ее товарооборот с Китаем увеличился на 20,6 процента и составил 48 миллионов долларов. Пока основным экспортером продукции из этого белорусского региона на китайский рынок является ОАО «Могилевхимволокно». Еще в 2004 году Могилевская область подписала соглашение об установлении дружеских отношений с провинцией Хэнань. А в июле 2014 года побратимом Могилева стал административный центр этой провинции – город Чжэнчжоу. В рамках данного межрегионального взаимодействия могилевчане уже предложили для реализации «несколько инвестиционных проектов, которые касаются развития инфраструктуры Могилева – строительство аквапарка, футбольного манежа, гостиничного комплекса» [20]. В том же июне 2014 года белорусская сторона на правительственном уровне предложила китайским партнерам «обсудить проект

контракта по созданию производства полиэтилентерефталата в ОАО «Могилевхим-волокно»» [21], проект строительства которого находится в стадии проработки.

О серьезных намерениях Могилева значительно активизировать китайский вектор взаимодействия с зарубежными партнерами свидетельствует и факт подписания в сентябре 2014 года договора об установлении партнерских отношений с административным центром провинции Цзянсу – городом Нанкином, расположенным в низовьях реки Янцзы в восточной части страны. Этот документ «является первым шагом на пути подписания еще одного договора о побратимских отношениях» [22]. В сотрудничестве с Могилевской областью китайская сторона в качестве перспективного направления выделяет поставки в Китай продуктов питания и сельскохозяйственной продукции, а в инвестиционном плане заинтересована в реализации таких предложений, которые касаются «строительства сахарного завода под Чаусами, переработки залежей торфа в Кличевском районе, создания узлового грузового аэропорта под Могилевом, а также ряда проектов по возобновляемым источникам энергии» [23].

Отметим, что провинция Цзянсу постепенно расширяет свое присутствие и в других белорусских регионах. Так, в апреле 2014 года протокол о намерениях сотрудничать в торгово-экономической, культурной и социальной сферах подписали Мозырский райисполком и народное правительство города Сюйчжоу, который находится в данной провинции. Тогда же на высоком уровне стороны определили два пути сотрудничества регионов Беларуси и Цзянсу. Первый из них «предполагает вхождение крупнейших предприятий Китая в капитал белорусских акционерных обществ и создание на их платформе современных производств. Второй – инвестирование белорусских организаций в провинции Цзянсу в создание совместных предприятий» [24]. И здесь возможны самые разнообразные отраслевые направления инвестиций: от производства сельскохозяйственной техники и тракторов до фармацевтики и взаимных поставок товаров. А в качестве первоочередных направлений двустороннего сотрудничества уже определены поставки из Беларуси в Цзянсу сельскохозяйственной продукции, льноволокна, сухих молочных продуктов, детского питания. О многом говорит и тот факт, что именно в Цзянсу в мае 2014 года прошла презентация Китайско-Белорусского индустриального парка, участие в которой приняли представители почти 120 компаний из Нанкина и Сюйчжоу. В рамках этого мероприятия китайские участники обращали особое внимание на «возрождение экономического направления Шелкового пути, восточными воротами которого является провинция Цзянсу, а Беларусь рассматривается как участник коридора Запад – Восток этого пути» [25].

Весьма значительным в плане активизации межрегионального белорусско-китайского сотрудничества выглядит потенциал города Шанхая, где открываются немалые возможности для «продвижения на рынок Шанхая белорусской продукции, повышения инвестиционной активности китайских компаний в Беларуси, в том числе создания совместных инновационных производств в рамках Китайско-Белорусского индустриального парка» [26]. А вот участие в развитии партнерских связей регионов Беларуси и Китая провинции Чжецзян, судя по всему, будет носить ярко-выраженный научно-исследовательский характер, о чем свидетельствует открывшийся в мае 2014 года в Белорусском государственном университете центр

научно-технического сотрудничества “Беларусь – Чжэцзян”. Стороны также подписали соглашение об открытии совместной лаборатории для создания экологически чистых продуктов и трансфера “зеленых технологий”, где будут проводиться исследования в области экологии и разработки продуктов, технологий и материалов, безопасных для окружающей среды. Предполагается, что «белорусское отделение этой структуры будет функционировать на базе Научно-исследовательского института физико-химических проблем БГУ, а китайское – разместится в Чжэцзянском Шужен университете» [27].

Подводя итог, напомним, что «в настоящее время Беларусь и Китай реализуют более 20 крупных проектов. В Беларуси работает более 40 представительств и дочерних компаний китайских корпораций» [28]. Понятно, что даже в краткосрочной перспективе количество их будет только возрастать. Поэтому сегодня становится очевидным: белорусские и китайские регионы могут и должны открывать новые уровни своего взаимодействия, учитывая такие факторы, как формирование Евразийского экономического союза и реализация зоны Шелкового Пути. Оказать им свою помощь в осмыслении этих непростых процессов должны представители международного сегмента белорусской и китайской журналистики, прежде всего, регионального уровня.

ЛИТЕРАТУРА

1. Михаил Мясникович дал интервью китайским СМИ // Совет Министров Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: <http://www.government.by/ru/content/5370>. – Дата доступа: 09.11.2014.
2. Поздравление Председателю КНР Си Цзиньпину с 65-й годовщиной провозглашения Китайской Народной Республики // Пресс-служба Президента Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/pozdravlenie-predsdatelju-knr-si-tszinpinu-s-65-j-godovschinoj-provozglashenija-kitajskoj-narodnoj-respubliki-9891/. – Дата доступа: 09.11.2014.
3. Цимин, Ц. Всестороннее стратегическое сотрудничество Беларуси и Китая стремительно набирает обороты / Ц. Цимин // БЕЛТА [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: http://www.belta.by/ru/person/interview/Tsuj-Tsimin_i_515040.html. – Дата доступа: 12.11.2014.
4. Цимин, Ц. Беларусь – Китай: дружба на фундаменте взаимного прагматизма / Ц. Цимин // БЕЛТА [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: http://www.belta.by/ru/person/interview/Tsuj-Tsimin_i_0000514734.html. – Дата доступа: 12.11.2014.
5. О первом совместном заседании Белорусско-Китайского межправительственного комитета по сотрудничеству // Министерство иностранных дел Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: http://mfa.gov.by/press/news_mfa/a5b9bffb40f69b96.html. – Дата доступа: 12.11.2014.
6. Анатолий Тозик принял участие в заседании Белорусско-Китайского межправительственного комитета по сотрудничеству // Совет Министров Республики

- Беларусь [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: <http://www.government.by/ru/content/5677>. – Дата доступа: 12.11.2014.
7. Михаил Мясникович встретился с Чжаном Гаоли // Совет Министров Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: <http://www.government.by/ru/content/5713>. – Дата доступа: 12.11.2014.
8. Григорович, Т. Минск и китайский Шэньчжэнь стали побратимами / Т. Григорович // БЕЛТА [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: http://www.belta.by/ru/all_news/regions/Minsk-i-kitajskij-Shenchzhen-stali-pobratimami_i_657832.html. – Дата доступа: 12.11.2014.
9. Минск и китайский Чанчунь планируют развивать сотрудничество между научными парками // БЕЛТА [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: http://www.belta.by/ru/all_news/economics/Minsk-i-kitajskij-Chanchun-planirujut-razvivat-sotrudnichestvo-mezhdu-nauchnymi-parkami_i_677083.html. – Дата доступа: 12.11.2014.
10. Вечорко, С. Брестская область рассчитывает на плодотворное сотрудничество с китайской провинцией Хубэй / С. Вечорко // БЕЛТА [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: http://www.belta.by/ru/all_news/regions/Brestskaja-oblast-rasschityvaet-na-plodotvornoe-sotrudnichestvo-s-kitajskoj-provintsiej-Hubej_i_683503.html. – Дата доступа: 12.11.2014.
11. Григорович, Т. Беларусь и Китай ставят задачу разработать сверхмощные тракторы для сельского хозяйства КНР / Т. Григорович // БЕЛТА [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: http://www.belta.by/ru/all_news/economics/Belarus-i-Kitaj-stavjat-zadachu-razrabotat-sverxmoshnye-traktory-dlja-selskogo-hozjajstva-KNR_i_657958.html. — Дата доступа: 14.11.2014.
12. Стройплощадка Витебской ГЭС открылась закладкой символического камня // БЕЛТА [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: http://www.belta.by/ru/all_news/regions/Strojploschadka-Vitebskoj-GES-otkrylas-zakladkoj-simvolicheskogo-kamnja_i_676098.html. – Дата доступа: 14.11.2014.
13. Богачева, О. Белорусско-китайские отношения развиваются на уровне стратегического партнерства – Цуй Цимин / О. Богачева // БЕЛТА [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: http://www.belta.by/ru/all_news/politics/Belorussko-kitajskie-otnoshenija-razvivajutsja-na-urovne-strategicheskogo-partnerstva---Tsuj-Tsimin_i_665668.html. – Дата доступа: 14.11.2014.
14. Богачева, О. Цимин: в региональном сотрудничестве кроется огромный потенциал для развития взаимоотношений Беларуси и Китая / О. Богачева // БЕЛТА [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: http://www.belta.by/ru/all_news/regions/Tsimin-v-regionalnom-sotrudnichestve-kroetsja-ogromnyj-potentsial-dlja-razvitija-vzaimootnoshenij-Belarusi-i-Kitaja_i_665800.html. – Дата доступа: 14.11.2014.
15. Гришкевич, А. Беларусь планирует принять участие в международной выставке в китайском городе Суйфэньхэ в 2014 году / А. Гришкевич // БЕЛТА [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: http://www.belta.by/ru/all_news/economics/Belarus-planiruet-prinjat-uchastie-v

- mezhdunarodnoj-vystavke-v-kitajskom-gorode-Sujfenxe-v-2014-godu_i_654796.html.
– Дата доступа: 14.11.2014.
16. *Вишневская Т.* Гродненская область и китайская провинция Ганьсу подписали меморандум о сотрудничестве / Т. Вишневская // БЕЛТА [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: http://www.belta.by/ru/all_news/regions/Grodnenskaja-oblast-i-kitajskaja-provintsija-Gansu-podpisali-memorandum-o-sotrudnichestve_i_657388.html. — Дата доступа: 14.11.2014.
17. *Стасюкевич, Е.* Промышленный потенциал провинции Ганьсу представят в Гродно около 50 китайских компаний / Е. Стасюкевич // БЕЛТА [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: http://www.belta.by/ru/all_news/economics/Promyshlennyj-potentsial-provintsii-Gansu-predstavjat-v-Grodno-okolo-50-kitajskix-kompanij_i_677396.html. – Дата доступа: 16.11.2014.
18. *Вишневская, Т.* Китайский индустриальный парк планируется создать в Гродненской области / Т. Вишневская // БЕЛТА [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: http://www.belta.by/ru/all_news/regions/Kitajskij-industrialnyj-park-planiruetsja-sozdat-v-Grodnenskoj-oblasti_i_657382.html. – Дата доступа: 16.11.2014.
19. *Вишневская, Т.* Гродненская область и провинция Ганьсу договорились сотрудничать в сфере АПК и машиностроения / Т. Вишневская // БЕЛТА [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: http://www.belta.by/ru/all_news/regions/Grodnenskaja-oblast-i-provintsija-Gansu-dogovorilis-sotrudnicat-v-sfere-APK-i-mashinostroenii_i_673490.html. – Дата доступа: 16.11.2014.
20. *Евменькова, Ю.* Китайский Чжэнчжоу стал побратимом Могилева / Ю. Евменькова // БЕЛТА [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: http://www.belta.by/ru/all_news/regions/Kitajskij-Chzhenchzhou-stal-pobratimom-Mogileva_i_672316.html. – Дата доступа: 16.11.2014.
21. Михаил Мясникович встретился с представителями правительственных и деловых кругов Китайской Народной Республики // Совет Министров Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: <http://www.government.by/ru/content/5588>. – Дата доступа: 16.11.2014.
22. *Емельянова, О.* Могилев заключил договор об установлении партнерских отношений с китайским Нанкином / О. Емельянова // БЕЛТА [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: http://www.belta.by/ru/all_news/regions/Mogilev-zakljuchil-dogovor-ob-ustanovlenii-partnerskix-otnoshenij-s-kitajskim-Nankinom_i_681610.html. – Дата доступа: 16.11.2014.
23. *Кулягин, С.* Китай заинтересован покупать продукты питания в Беларуси и инвестировать в переработку – Цуй Цимин / С. Кулягин // БЕЛТА [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: http://www.belta.by/ru/all_news/economics/Kitaj-zainteresovan-pokupat-produkty-pitanija-v-Belarusi-i-investirovat-v-pererabotku---Tsu-j-Tsimin_i_685369.html. – Дата доступа: 16.11.2014.
24. Анатолий Тозик встретился с делегацией г. Сюйчжоу (КНР) // Совет Министров Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: <http://www.government.by/ru/content/5511>. – Дата доступа: 16.11.2014.

25. Потенциал Китайско-Белорусского индустриального парка представлен в китайской провинции Цзянсу // БЕЛТА [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: http://www.belta.by/ru/all_news/economics/Potentsial-Kitajsko-belorusskogo-industrialnogo-parka-predstavlen-v-kitajskoj-provintsii-Tszjansu_i_668315.html. – Дата доступа: 16.11.2014.
26. О встрече Генерального консула Беларуси в г. Шанхае В. Мацеля в Канцелярии внешних связей Народного правительства г. Шанхая // Министерство иностранных дел Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: http://mfa.gov.by/press/news_mfa/f5081605f988e4b0.html. – Дата доступа: 16.11.2014.
27. Беларусь и Китай откроют совместную лабораторию для создания экологически чистых продуктов // БЕЛТА [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: http://www.belta.by/ru/all_news/society/Belarus-i-Kitaj-otkrojut-sovmestnuju-laboratoriju-dlja-sozdanija-ekologicheski-chistykh-produktov_i_670216.html. – Дата доступа: 16.11.2014.
28. Михаил Мясникович и Анатолий Тозик провели рабочие встречи с представителем КНР на международных торговых переговорах Чжун Шанем // Совет Министров Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: <http://www.government.by/ru/content/5609>. – Дата доступа: 16.11.2014.

Лексютина Я.В.

(Санкт-Петербург, Российская Федерация)

ИЗМЕНЕНИЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ КИТАЯ В НАЧАЛЕ XXI В.

Changes in China's international behavior in the beginning of the 21st century

В статье прослеживаются проявляющиеся по мере усиления комплексной национальной мощи Китая изменения в его внешнеполитическом поведении. Отмечается углубление вовлеченности Китая в международные дела, расширение национальных интересов Китая, рост решительности Пекина в отстаивании «коренных интересов».

Ключевые слова: *внешнеполитическое поведение Китая, внешняя политика Китая, возвышение Китая, «коренные интересы», глобальная держава, напористость Китая*

The article reveals and characterizes major changes brought into the China's international behavior as a result of China's comprehensive national power strengthening. The author traces the ever-deepening Chinese involvement in international affairs, the expansion of China's national interests, the growing determination and assertiveness in protecting its "core interests".

Keywords: *China's international behavior, China's foreign policy, China's rise, "core interests", global power, China's assertiveness*

По мере возвышения Китая, усиления его комплексной национальной мощи, явно проявившегося с началом XXI в., во внешнеполитическом поведении этого крупнейшего восточноазиатского государства стали проявляться новые черты. Меняются самопозиционирование и поведение Пекина на международной арене и, в частности, во взаимодействии с ведущими мировыми державами и сопредельными государствами, в ходе участия Китая в международных организациях и форумах.

В первую очередь, можно отметить изменения в поведении Китая в ООН, которая рассматривается Пекином в качестве центрального механизма обеспечения глобальной и региональной безопасности. Решимость Китая в отстаивании собственной позиции по актуальным глобальным и региональным вопросам возрастает. В Совете Безопасности в ходе голосований при принятии резолюций Китай чаще прибегает к праву вето, чем это было характерно для него ранее: если с момента своего вхождения в ООН в 1971 г. до 2007 г. Китай накладывал вето всего лишь три раза, то за последние семь лет – целых шесть раз [1]. Пекин демонстрирует возрастающую готовность идти в оппозицию Западу и в частности США в случаях, когда затрагиваются его интересы.

Второй отличительной чертой современного периода стала активизация Пекина в сфере глобального экономического управления. Этому способствовали рост экономической мощи Китая и мировой финансово-экономический кризис 2008-2009 гг., в результате которого произошло перераспределение сил в глобальной финансово-экономической системе, превратившее Китай из периферийного ее члена в ключевого игрока [2, р. 160]. В 2010 г. Китай стал второй мировой экономикой, а в 2012 г. – крупнейшей торговой державой мира, впервые опередив США по этому показателю.

Мировой финансово-экономический кризис стал переломным историческим моментом для Китая как в смысле изменения его статуса на международной арене, так и в осознании Пекином своих возросших возможностей, что стимулировало рост внешнеполитических амбиций китайского руководства. После мирового финансового кризиса во внешней политике Китая обозначилась новая черта, заключающаяся в стремлении стимулировать реформирование мирового экономического порядка и, в особенности, системообразующих финансовых институтов – МВФ и Всемирного банка. Существующая международная экономическая система, позволившая Китаю в свое время достигнуть больших результатов в социально-экономическом развитии и стать второй мировой экономической державой, на современном этапе рассматривается в Китае как сдерживающая его дальнейшее поступательное возвышение. Важным содержанием реформирования этой системы является ограничение монополии США и Европы на управление ключевыми международными финансовыми институтами посредством расширения в них представительства и прав развивающихся стран. В целях достижения данных целей Пекин солидаризируется с другими динамично развивающимися государствами, центральной формой их сотрудничества выступает диалоговый форум БРИКС.

Более того, не только экономическая международная система, но и в целом существующий миропорядок все чаще вызывает критику со стороны Пекина. Нынешний международный порядок, основанный на монополии западных стран во

многих значимых сферах, рассматривается китайским руководством как несправедливый, особенно в части, касающейся сохранения диктата западных стран, посягательств на государственный суверенитет, принудительного вмешательства во внутренние дела государств без соответствующих резолюций Совета Безопасности ООН, политики с позиции силы, ментальности холодной войны. Пекин предлагает «гармоничный мир» – мир многополярный, характеризующийся демократизацией международных отношений, многообразием цивилизаций и моделей развития, взаимовыгодным сотрудничеством и совместным развитием. Мир, базирующийся на принципах мультилатерализма, верховенства международного права и коллективной безопасности, в качестве центрального механизма обеспечения которой призвана выступать ООН [3].

Потребности экономического развития и усиление Китая приводят к вполне закономерному расширению его национальных интересов. Они теперь замкнуты не исключительно на внутреннем экономическом развитии и участии в делах Восточной Азии, но проецируются практически на все регионы мира. На рубеже XX–XXI вв. экспортоориентированный характер экономики Китая и недостаточная обеспеченность национальными природными ресурсами и, в первую очередь, нефтью и газом, побудили китайское руководство активизировать внешнюю политику с целью поиска новых источников импорта природных ресурсов и рынков сбыта своих промышленных товаров. Китай стал динамично расширять свое присутствие в самых разных регионах мира: Юго-Восточной Азии, Центральной Азии, Ближнем Востоке, Африке, Латинской Америке и Карибском бассейне. Существенно активизировалась с начала века деятельность Пекина на арктическом направлении.

Необходимость защиты своих расширяющихся национальных интересов вкупе со стремлением укрепить свой международный имидж «ответственной великой державы» привели к внесению некоторых нюансов в подход Пекина в вопросе вмешательства во внутренние дела государства, иллюстрацией чего может служить участие Китая в миротворческих миссиях. С тех пор как Китай вошел в состав Специального комитета по операциям по поддержанию мира ООН в декабре 1988 г., его участие в миротворческих операциях ООН стало расширяться. Резкий всплеск вовлеченности Китая в проведение миротворческих операций произошел в 2004 г., когда масштаб его военного контингента и наблюдателей исчислялся не десятками человек (как, например, в 1990-е гг.), а стал превышать тысячу. Сейчас Китай уже значительно превосходит других членов Совета Безопасности ООН по численности своего миротворческого контингента в «горячих точках». Так, на конец сентября 2014 г. количество китайских миротворцев за рубежом составляло 2192 человека [4], а всего с апреля 1990 г. по январь 2013 г. с миротворческими миссиями Пекином было направлено 22 925 человек [5]. В этом контексте можно говорить об определенном изменении в трактовке Пекином принципа невмешательства во внутренние дела государства, являющимся одним из центральных китайских внешнеполитических принципов и вплоть до недавнего времени позволявшим Китаю сохранять сдержанную позицию на международной арене, экономить на военных расходах, направляя все ресурсы на внутреннее экономическое развитие, и развивать отношения с жесткими политическими режимами [6, р. 1]. Сейчас китайское

руководство стало демонстрировать возросшую гибкость в этом вопросе, допуская вмешательство во внутренние дела государств при условии принятия соответствующих резолюций Совета Безопасности ООН.

С начала XXI в. стали меняться трактовки принципов отказа от размещения военных баз на территории других государств и неучастия Китая в военных союзах. Хотя на текущий момент Китай не располагает зарубежными военными базами и всячески отрицает намерение их открывать в перспективе, в действительности Пекин реализует стратегию наращивания опорных пунктов своих ВМС и ВВС по всему миру. Оказывая экономическое и техническое содействие ряду стран в строительстве и модернизации портов, аэропортов, военно-морских, военно-воздушных и радиолокационных баз, Пекин, в конечном счете, получает к ним доступ.

Новым явлением во внешней политике Пекина стала его возросшая заинтересованность в развитии военно-политического сотрудничества, как на двусторонней основе, так и в рамках региональных организаций. Так, например, если раньше в основе интереса Китая к ШОС лежали преимущественно экономические мотивы, в последние несколько лет Пекин обнаружил интерес к усилению военно-политической составляющей взаимодействия в рамках этой организации. Интенсифицировалось участие Китая в совместных военных учениях. В период с 2002 г., когда состоялись первые совместные учения китайской армии с зарубежной, по апрель 2013 г. Китай принял участие в 28 совместных учениях и 34 совместных тренировках с 31 страной мира [7].

В целом, можно с уверенностью говорить о том, что на современном этапе происходит изменение внешнеполитической самоидентификации Китая в направлении перехода к позиционированию себя в качестве глобальной державы, чьи интересы стремительно расширяются и распространяются по всему миру.

Более того, по мере усиления мощи Китая в Пекине крепнет готовность более решительно отстаивать собственные национальные интересы, и, в первую очередь, наивысшие в китайской иерархии национальных интересов – «коренные». С приходом Си Цзиньпина на высший государственный пост в официальном дискурсе появилось выражение «красная линия», характеризующее недопустимость пренебрежения со стороны других государств «коренными интересами» Китая. Эти интересы, в первую очередь, затрагивают вопросы обеспечения государственного суверенитета, территориальной целостности, единства страны и национальной безопасности. Усиление напористости, а по выражению некоторых экспертов, и агрессивности Китая в утверждении своих прав на спорные территории и акватории можно условно датировать 2007–2008 гг. Усиление напористости Китая вкупе с рядом других факторов, таких как политика США по «возвращению в Азию», привели к осложнению отношений Китая с соседними странами, являющимися сторонами-участниками этих территориальных споров, к всплеску напряженности в АТР и к резко осложнившейся обстановке в ближнем окружении Китая.

С 2011 г. стадии обострения достигли территориальные споры Китая с рядом стран Юго-Восточной Азии вокруг островов и акватории Южно-Китайского моря (наиболее острые – с Вьетнамом и Филиппинами), с Японией по поводу островов Дяоюйдао, более часто стали возникать различного рода инциденты на китайско-

индийской сухопутной границе. В связи с обострением территориальных противоречий, буквально за считанные месяцы разрушился так тщательно выстраиваемый Пекином с 1997 г. положительный имидж Китая, «мягкая сила» Китая в регионе драматически упала.

Между тем, ввиду того, что важнейшей внешнеполитической задачей Китая на период осуществления модернизации по-прежнему остается обеспечение благоприятного ближнего окружения, Пекин предпринимает попытки по снижению градуса напряженности в отношениях со своими соседями. Так, новое китайское руководство Си Цзиньпина с 2013 г. предприняло ряд инициатив, направленных на восстановление своего имиджа в регионе. Этот комплекс мер, направленных на построение добрососедских отношений, в англоязычной экспертной литературе получил название «second charm offensive» или иначе – вторая волна «charm offensive».

В течение 2013 г. Пекин, руководствуясь целью гармонизации отношений с соседями, предложил странам региона ряд конкретных инициатив. Таких как создание «экономического пояса Шелкового пути», «морского Шелкового пути XXI в.», а также стратегическую концепцию Сообщества общей судьбы Китай-АСЕАН. Значительно усилена была и экономическая политика Китая в отношении своих соседей.

Высокая обеспокоенность относительно обострения региональной ситуации в Восточной Азии подтверждается фактом проведения в октябре 2013 г. в Пекине Центрального совещания по работе в области внешнеполитической деятельности, посвященного исключительно вопросам взаимодействия с соседними странами. Неординарность этого события состоит в том, что предыдущее Центральное совещание по работе в области внешнеполитической деятельности проводилось только в 2006 г. и касалось оно внешнеполитической деятельности в целом, специализированных же совещаний по вопросам политики добрососедства Пекином ранее не проводилось.

Примечательно, что в налаживании отношений с сопредельными странами Пекин активно прибегает к внушению своим соседям идей об обусловленности и взаимосвязи «Китайской мечты» с интересами развития и мечтами других народов, в том числе о национальном возрождении. В контексте налаживания добрососедских отношений можно рассматривать публичное упоминание Си Цзиньпином в сентябре 2014 г. концепции Дэн Сяопина об «Азиатском веке», который наступит только в условии достижения развития Китаем, Индией и некоторыми другими соседними Китаю странами.

Вместе с тем, в выстраивании политики с соседними государствами, Пекин все сильнее обнаруживает амбивалентность. С одной стороны, все чаще звучат громкие дружественные заявления, идет активизация китайской дипломатии, происходит расширение спектра предлагаемых соседним странам крупномасштабных экономических проектов. Но, с другой стороны, после непродолжительной паузы в 2013 г. Пекин с еще большим напором стал проявлять напористость в территориальных вопросах с Японией, с соответствующими странами в Южно-Китайском море, с Индией. Неполный перечень серьезных провокаций и инцидентов, связанных с территориальными спорами, за неполный год с ноября 2013 г. по октябрь

2014 г. включает: эпизод с созданием Китаем опознавательной зоны ПВО в Восточно-Китайском море в ноябре 2013 г.; китайско-вьетнамское противостояние с мая по середину июля 2014 г., вызванное размещением Китаем нефтяной платформы в спорных территориях Южно-Китайского моря; китайско-филиппинское противостояние относительно вопроса обращения Манилы к международному арбитражу и новых обвинений Манилы в адрес Пекина относительно строительства искусственного острова на Южном рифе Джонсона в мае 2014 г.; опасные сближения самолетов ВВС Китая и Японии в воздушном пространстве над Восточно-Китайским морем в мае и июне 2014 г.; очередное проникновение китайских военных вглубь индийской территории в сентябре 2014 г.

По оценкам целого ряда исследователей, очередной виток обострения ситуации в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях с начала мая 2014 г. свидетельствуют о провале второй волны «Charm Offensive».

По вопросу амбивалентности политики Пекина в отношении своих соседей любопытна точка зрения известного специалиста по Китаю Б. Гласер. По ее мнению, в то время как для сторонних наблюдателей задача обеспечения благоприятного ближнего окружения и задача защиты территориальных притязаний являются противоречащими или взаимоисключающими, для китайского руководства они таковыми не являются [8, р. 9].

Вместе с тем, все же следует подчеркнуть, что рост решительности в отстаивании собственных интересов и напористости в их реализации как характерная черта внешнеполитического поведения современного Китая имеет свои пределы. Получившая широкое распространение во многих странах мира концепция «китайской угрозы», вынуждает Пекин постоянно разъяснять всему мировому сообществу и, в том числе, сопредельным странам, мирный характер стремительного развития Китая, мирную направленность осуществляемой им военной модернизации. Это накладывает ограничения на внешнюю политику Китая, заставляет китайское руководство по-прежнему стараться придерживаться предложенной Дэн Сяопином формулы из 28 иероглифов. Однако по мере своего усиления Пекину все сложнее становится придерживаться линии на занятие сдержанной позиции на международной арене.

Сдерживающее влияние на ужесточение внешнеполитического поведения Пекина оказывает и незавершенность процесса модернизации Китая. Китаю еще предстоит завершить так называемый «третий шаг» модернизации, а именно достичь к середине XXI в. показателей ВВП из расчета на душу населения, равных среднему уровню развитых стран. Достижение «китайской мечты о возрождении китайской нации», широко анонсированное с приходом Си Цзиньпина, требует поддержание мирного международного и благоприятного ближнего окружения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вето в Совете Безопасности. Китай // ООН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/sc/meetings/veto/china.shtml>. – Дата доступа: 30.10.2014.

2. Wu, Xinbo. Understanding the geopolitical implications of the global financial crisis // The Washington Quarterly. – Vol. 33. – No. 4. – October 2010. – P. 155–163.
3. 胡锦涛在联合国成立 60 周年首脑会议上的讲话 [Речь Ху Цзиньтао на саммите 60-летия основания ООН] // Агентство Синьхуа. 15.09.2005 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://news.xinhuanet.com/world/2005-09/16/content_3496858.htm. - Дата доступа: 04.02.2014.
4. Monthly summary of contributions. As of 30.09.2014. // Сайт ООН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/en/peacekeeping/contributors/2014/may14_1.pdf. – Дата доступа: 30.10.2014.
5. Белая книга «Разносторонняя деятельность вооруженных сил Китая». 2013. Прилож.3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2013-04/17/content_28571268_20.htmю – Дата доступа: 02.09.2014.
6. Sofer, K. China and the collapse of its noninterventionist foreign policy. 8.03.2012. 12 p. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.americanprogress.org/wp-content/uploads/issues/2012/03/pdf/china_nonintervention.pdf. – Дата доступа: 20.10.2014.
7. Белая книга «Разносторонняя деятельность вооруженных сил Китая». 2013. Прилож.3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2013-04/17/content_28571268_20.htmю – Дата доступа: 02.09.2014.
8. Glaser, B., Pal, D. Is China's Charm Offensive Dead? // China Brief. – 2014. – Vol. 14. – Is.15. – P. 8–12.

Литвиновский И.А.
(Минск, Республика Беларусь)

СССР — КИТАЙ: ЗАВЕРШЕНИЕ ПЕРЕГОВОРОВ О НОРМАЛИЗАЦИИ ОТНОШЕНИЙ (1924 Г.)

Отношения с Китаем — крупнейшим государством на восточных границах России всегда были приоритетными во внешней политике большевиков. Советское правительство предложило строить эти отношения на принципах равноправия. Заинтересованность в нормализации межгосударственных отношений была взаимная. Большой вклад в решение проблемы внесли такие советские дипломаты как А.А. Иоффе и Л.М. Карахан. Активным сторонником нормализации советско-китайских отношений был выдающийся китайский революционер и государственный деятель Сунь Ятсен. В наиболее активную фазу переговоры о восстановлении отношений между СССР и Китаем вступили весной 1924 г., после признания Советского Союза Англией.

Ключевые слова: СССР, Китай, нормализация, отношения, дипломатия, переговоры, признание, Пекин, правительство, соглашение, документ, борьба, интересы, политика

Relations with China is the largest country on the Eastern borders of Russia has always been a priority in the foreign policy of the Bolsheviks. The Soviet government

proposed to build these relationships on the principles of equality. Interest in the normalization of inter-state relations was mutual. A great contribution to the solution of the problem was made by such Soviet diplomats as A.A. Joffe and L.M. Karahan. An active supporter of the normalization of Sino-Soviet relations was a prominent Chinese revolutionary and statesman Sun Yat-sen. In the most active phase of negotiations on the restoration of relations between the USSR and China joined in the spring of 1924, after the recognition of the Soviet Union England.

Key-words: the USSR, China, normalization of relations, diplomacy, negotiation, recognition, Beijing, government, agreement, document, struggles, interests, politics

Нормализация прервавшихся в 1918 г. дипломатических отношений между Советской Россией и Китаем была в числе приоритетных задач как для Москвы, так и для Пекина. Неслучайно советское правительство возложило эту задачу на человека, закладывавшего основы дипломатической службы новой России, заместителя наркома иностранных дел Л.М. Карахана, направив его летом 1923 г. со специальной миссией в Китай.

Китай начала 1920-х годов представлял собой государство раздираемое междоусобными противоречиями милитаристских группировок за которыми стояли великие державы США, Англия, Франция и Япония. Центральное правительство располагалось в Пекине и оно также находилось в полной зависимости как от внешнего влияния, так и от тех военных группировок, которые в данный момент контролировали столицу. Поэтому, в силу целого ряда причин и обстоятельств, политика пекинского правительства отличалась непоследовательностью, была подвержена постоянным колебаниям, что затрудняло осуществление внешнеполитического курса советского правительства, направленного на нормализацию советско-китайских отношений.

Длившиеся в течение полугода переговоры Л.М. Карахана с представителем китайского правительства Ван Чжэнтином привели к парафированию 14 марта 1924 г. предварительного согласованного проекта советско-китайского соглашения. Позитивное влияние на позицию Китая оказало признание СССР Англией и Италией. Однако, за несколько часов до его официального подписания, китайское правительство дезавуировало подпись своего представителя. Пекин не выдержал давления извне.

Как видно из заявления полномочного представителя СССР в Пекине, западные страны обвинили китайское правительство в несоблюдении решений Вашингтонской конференции по Восточно-Китайской железной дороге. Французское правительство, в свою очередь, в ноте от 12 марта 1924 г. потребовало сохранения прав Русско-Азиатского банка на КВЖД и предупредило Пекин, что в случае подписания соглашения с Советским Союзом оно предъявит требования о возмещении убытков. А это бы значительно увеличило и без того немалые финансовые трудности Китая. Демарш Франции был поддержан правительствами США и Японии [3, с. 705; 8, с. 202; 11, с. 80–81].

Пекин уступил внешнему давлению, хотя само его наличие отрицал, а срыв подписания договора объяснял отсутствием согласия по трем позициям проекта

[11, с. 81]. Между тем отсутствие нормальных отношений с Советским Союзом явно противоречило интересам Китая.

15 марта в Пекине состоялось экстренное заседание правительства для обсуждения сложившейся ситуации. Министр иностранных дел Гу Вэйцзюнь (В.К. Веллингтон Ку), военный министр Лу Сянь и министр финансов Ван Кэлинь высказались против подписания проекта соглашения. Остальные шесть членов кабинета склонны были согласиться на «осторожное решение по данному вопросу» [6, с. 59].

Следует отметить что, проявленная правительством уступчивость давлению извне, нерешительность и колебания в вопросе нормализации отношений с Советским Союзом вызвали бурю негодования в стране. Представители многих общественных организаций посетили советскую миссию и выразили поддержку СССР. В адрес правительства непрерывно шли телеграммы, петиции с требованиями подписать соглашение. Пресса всех направлений советовала правительству не считаться с мнением западных держав. Некоторые военные, как например генералы У Пэйфу и Ци Сеюань угрожали выступлением армии. Массовые демонстрации прошли в Пекине, Шанхае, Гуанчжоу, Тяньцзине и других городах. На урегулировании отношений с СССР от имени правительства Южного Китая настаивал Сунь Ятсен. Да и сами пекинские власти все в большей степени осознавали, что проволочки с урегулированием китайско-советских отношений контрпродуктивны. Обе стороны в равной степени были заинтересованы в скорейшем выходе из создавшейся ситуации [5, с. 112; 6, с. 63].

20 марта президент Цао Кунь издал указ, в котором отмечалась важность для Китая соглашения с СССР, а министерство иностранных дел обязывалось незамедлительно продолжить переговоры с целью сближения позиций сторон [5, с. 112].

Однако, пауза в переговорах затянулась на два месяца. И здесь, очевидно, явно не лучшую роль сыграла ультимативная нота Л.М. Карахана от 14 марта об ответственности китайского правительства за срыв переговоров. В ней чрезвычайный полномочный представитель СССР в Китае заявил, что «готов в течение 3 дней ждать подтверждения подписанных соглашений, по истечении же этого срока не будет считать себя ими связанным» [11, с. 79].

Л.М. Карахан не имел указаний советского правительства на вручение ноты в такой форме, не говоря уже о том, что ультимативная форма общения в переговорах любого характера не гарантирует успеха, а скорее наоборот, вызывает негативную реакцию с другой стороны [5, с. 111].

Борьба вокруг подписания уже во многом согласованного советско-китайского документа продолжала накаляться. 3 мая 1924 г. посланник США в Китае Дж. Г. Шурмэн направил китайскому министру иностранных дел Гу Вейцзюню ноту в которой обращалось внимание пекинского правительства на решение Вашингтонской конференции от 4 февраля 1922 г. по вопросу о КВЖД и напоминалось, что «ответственность Китая в качестве попечителя Китайско-Восточной железной дороги является обязательством, которое не может быть игнорировано или односторонне аннулировано Китаем в ходе любых переговоров с другими сторонами относительно этой железной дороги». В ноте говорилось также, что правительство США «не может одобрить какое-либо изменение status quo, по чьей бы инициативе

оно ни предпринималось, до тех пор, пока права всех кредиторов и остальных сторон не будут соответствующим образом защищены» [3, с. 708–709].

Анализируя происходящие события, Л.М. Карахан докладывал в НКВД, что нажим на китайское правительство иностранные державы оказывают «не только через своих посланников, но и по всяким другим каналам, ибо и Япония, и Америка связаны тысячами нитей с общественными деятелями, с правителями, с правительством, с кабинетом, с финансовыми организациями Китая и т.д.» [8, с. 202; 11, с. 80–81].

15 мая в советской печати было опубликовано сообщение о препятствиях, которые чинят иностранные державы в процессе советско-китайских переговоров. Так, «Известия» писали о том, что правительство Северо-Американских Соединенных Штатов решило официально вмешаться в переговорный процесс. Вслед за уже упоминавшейся нотой французской миссии от 12 марта американское представительство в Пекине также вручило китайскому правительству ноту, содержащую предупреждение относительно разрешения вопроса о Восточно-Китайской железной дороге. По правительственным заявлениям американские претензии достигают суммы от 6 млн. до 8 млн. долл., определяющей американскую долю в реорганизации железной дороги во время американской экспедиции в Сибирь в 1918 г.

Нота предупреждает китайское правительство, что признание правительства СССР может привести к международным осложнениям. «Это является, — отмечалось в «Известиях», — первым официальным вмешательством Соединенных Штатов в русско-китайские переговоры. До сих пор американское правительство хранило молчание и претендовало на сохранение полного нейтралитета. Выступление Америки основано главным образом на меморандуме держав, принятом на Вашингтонской конференции, в котором Китай предупреждается не нарушать иностранных интересов в вопросе Восточно-Китайской железной дороги» [3, с. 277–278].

В тот же день в газетах появился и текст беседы полпреда СССР в Китае Л.М. Карахана с представителем советской печати. Советский дипломат отметил, что им приводились достаточные доказательства иностранного вмешательства в процесс советско-китайских переговоров, хотя власти в Пекине это и отрицают.

«Вопрос о Восточно-Китайской железной дороге исключительно касается только СССР и Китая, и если другие державы вмешиваются в это дело, то лишь с единственной целью помешать нашему сближению с Китаем. ... Державы ссылаются на резолюцию Вашингтонской конференции, как будто они приобрели новые права путем принятых в Вашингтоне решений, которые к тому же были вынесены без хозяина, т. е. без Советской России, относительно имущества Восточно-Китайской дороги, не принадлежащей им. ... Затруднение Китая в том, что он сейчас слаб и не может постоять за свое национальное достоинство и суверенитет» [3, с. 278–279].

Л.М. Карахан резко критикует избирательный подход западной политики на китайском направлении проявляющийся хотя бы в том, что страны «весьма строго соблюдают резолюции Вашингтонской конференции, когда нужно выступить с каким-нибудь актом, противоречащим интересам Китая, но забывают эти самые резолюции, когда они направлены к пользе Китая».

В противовес этой политике, отмечал советский полпред, СССР охотно отказался от тех договоров, которые Китай заключил с прежней Россией под давлением силы. Другие же державы не хотят даже и говорить об этом [3, с. 279].

В начале мая 1924 г. китайская сторона предложила продолжить прерванные переговоры. Они возобновились 21 мая, но по настоянию китайского правительства проходили в конфиденциальном порядке.

Это было условием китайских дипломатов. Пекин, будучи заинтересованным в нормализации отношений с Советским Союзом, опасался повторного вмешательства иностранных держав в ход переговоров с целью их срыва. Переговоры вел сам министр иностранных дел Гу Вэйцзюнь. Заседания проходили на частной квартире. «...Китайское правительство было вынуждено хранить строжайший секрет, что и явилось главным условием успеха», – отмечал впоследствии Л.М. Карахан в интервью корреспонденту РОСТА [3, с. 365; 5, с. 116].

Со своей стороны советские дипломаты в Китае, стремясь отвлечь внимание иностранных наблюдателей от этих контактов, начали переговоры с представителями Японии о нормализации двусторонних отношений. Они происходили между Л.М. Караханом и японским посланником Ишизава. В результате, следившие за событиями посланники западных стран ослабили внимание к вопросу о советско-китайских переговорах. «Наши переговоры с Японией усыпили зоркое внимание дипломатов, и они не ожидали, – говорил Л.М. Карахан, – что мы будем вести переговоры с Китаем до окончания переговоров с Японией» [3, с. 365; 5, с. 115]. В результате, как отмечали советские дипломаты, давление дипломатического корпуса в Пекине на правительство ослабло, что способствовало завершению советско-китайских переговоров.

В силу того, что большинство вопросов были согласованы еще в марте, переговорный процесс много времени не занял. 31 мая 1924 г. чрезвычайный полномочный представитель СССР в Китае Л.М. Карахан и министр иностранных дел Китая Гу Вэйцзюнь (Ви Куин Веллингтон Ку) подписали «соглашение об общих принципах для урегулирования вопросов между Союзом ССР и Китайской Республикой», в котором значилось, что с этого числа возобновляются нормальные дипломатические отношения между обеими странами [11, с. 82].

Стороны договорились о созыве в течение месяца после подписания этого документа специальной конференции для решения всех спорных вопросов. Советское правительство, в соответствии со своими ранее принятыми внешнеполитическими решениями, объявляло уничтоженными и утратившими силу все договоры и соглашения, затрагивающие суверенные права и интересы Китая; отказывалось от всех специальных прав и привилегий, приобретенных в свое время царским правительством в Китае.

Соглашение было первым за последние сто лет договором Китая с великой державой, заключенным на принципах равноправия, уважения суверенитета и невмешательства во внутренние дела.

«Подписанное сегодня соглашение, – отмечал полномочный представитель СССР в Китае Л.М. Карахан корреспонденту РОСТА, – является только началом дальнейшей упорной борьбы за проведение этого соглашения в жизнь, так как те, которые хотели сорвать его, будут, несомненно, пытаться всеми имеющимися в

распоряжении силами воздвигнуть всякого рода препятствия на пути осуществления соглашения. Мы надеемся, однако, что, несмотря на то что Китай ещё слаб, он вместе с СССР окажется достаточно сильным, чтобы сопротивляться попыткам империалистических держав вмешаться в чужие дела» [3, с. 365].

Наряду с соглашением о восстановлении дипломатических отношений было подписано семь деклараций по целому ряду важных вопросов: урегулировании взаимных имущественных претензий, сооружениях и земельной собственности русских православных миссий, денонсации договоров, заключенных царской Россией с Китаем, или касающихся прав и интересов Китая, урегулировании положения советских граждан в Китае, в связи с отказом СССР от принципа экстерриториальности и консульской юрисдикции и др. 31 мая 1924 г. было также подписано соглашение о временном управлении Китайско-восточной железной дорогой [11, с. 85–92].

Что касается этой проблемы, то следует принимать во внимание и такие обстоятельства. В процессе советско-китайских переговоров был период, когда правительство РСФСР не исключало возможности полной передачи КВЖД Китаю. Возглавляемая И.Л. Юриным делегация Дальневосточной Республики от имени РСФСР предложила два варианта решения вопроса о железной дороге – либо совместная эксплуатация, либо передача ее в полную собственность Китаю при условии предоставления Советской России права перевоза грузов по дороге. Однако в 1920 г. обострилась борьба за контроль над дорогой между США, Японией и Китаем. Заявления правительства в Пекине о том, что КВЖД должна принадлежать Китаю, иностранные державы серьезно не воспринимали. Становилось ясно, что в случае отказа РСФСР от железной дороги она будет захвачена третьими державами. В этих условиях советское предложение о совместном с Китаем управлении КВЖД при признании китайского суверенитета на дорогу было, пожалуй, лучшим решением этого вопроса [15, с. 87–88].

Говоря о сложившейся за многие десятилетия международной дипломатической практике в отношении Китая, ведущие государства мира, в том числе и дореволюционная Россия, не рассматривали эту страну как равноправного партнера в международных отношениях. Китай являлся в большей степени объектом, нежели субъектом международных отношений. Страна имела полуколониальный статус. Формально она существовала как суверенное государство, однако, в сущности полностью зависела от западных держав. Одним из выражений такого положения дел в отношении Китая было то, что и царское правительство, и правительства западных стран рассматривали его как державу неравную себе и поэтому содержали в Китае дипломатические представительства второго ранга, то есть, миссии, возглавляемые посланниками.

Советское правительство неоднократно заявляло о своем разрыве с дипломатической практикой дореволюционной России, о своем стремлении строить отношения с другими странами на началах равенства, взаимности и справедливости. Исходя из этой политики СССР предложил Китаю возвести дипломатические представительства обеих сторон в ранг посольств.

17 июня 1924 г. Наркомат иностранных дел СССР направил в адрес китайского Министерства иностранных дел специальную ноту, в которой говорилось,

что «Правительство СССР в своих отношениях с... государствами отказалось от разделения народов на ранги и строит свою политику на принципах полного равенства. Таким образом, все страны Азии сейчас имеют послов в Москве и в своих столицах сами принимают послов Союза».

Исходя из этих соображений, а также принимая во внимание, что естественное желание Китая посылать и принимать послов ныне может рассчитывать на существование, правительство СССР считает своим долгом довести до сведения правительства Китайской Республики о своей готовности учредить в Пекине посольство СССР, а также принять в Москве Посольство Китайской Республики» [11, с. 93].

В ответной ноте, полученной в Москве в середине июля 1924 г., наряду с согласием Пекина с предложением советской стороны, отмечалось, что «Китайское правительство весьма польщено этим новым доказательством того, что Советское правительство остается верным принципам равенства, взаимности и справедливости в своих отношениях с Китаем» [11, с. 94].

Говоря о восстановлении в 1924 г. дипломатических отношений между СССР и Китайской Республикой, следует подчеркнуть, что это произошло потому, что в отношениях между государствами сложилась ситуация, при которой коренные национальные интересы в этом вопросе совпадали. В этих условиях дипломатические отношения были восстановлены, несмотря на то, что далеко не все требования, выдвигаемые Китаем, были учтены, так как этого хотело китайское правительство. «...Советское правительство не хотело идти на большие уступки при разрешении вопросов, оставшихся от истории», отмечают некоторые российские ученые [1, с. 58].

Наиболее сложными были вопросы о Монголии и КВЖД. «Если вернуться к позиции СССР и Китая в 1923 – 1924 гг., то очевидно, – отмечает, например, в своем исследовании Ю.М. Галенович, – что СССР тогда стремился не позволить Китаю превратить Монголию реально в часть Китая, хотя СССР и признавал на словах, что она является частью Китая. Таким образом, СССР признавал, что вопрос о Монголии был тогда частью вопроса о суверенитете Китая» [1, с. 66].

В исторических исследованиях в КНР целый ряд действий Советского Союза, связанных с процессом реализации соглашения от 31 мая 1924 г. подвергаются критике. В частности, отмечается нерешенность таких вопросов, в которых была заинтересована китайская сторона, как выкуп Китайско-Восточной железной дороги у Советского Союза Китаем, вывод советских войск из Монголии, судоходство по реке Амур (Хэйлунцзян), возмещение убытков, нанесенных проживавшим в России китайцами и т.д.

Отмечается также, что после подписания соглашения правительство СССР, не обращая внимания на неоднократные протесты Пекина, «заключало соглашения с местными, региональными и провинциальными, военными властями и благодаря этому добилось осуществления своих прав и интересов в форме совместного управления КВЖД» [4, с. 69].

Нормализация советско-китайских отношений имела чрезвычайно большую значимость для обеих сторон. Она находилась прежде всего в политической сфере. В значительной мере стабилизировалась обстановка на огромных пространствах

Восточной Азии, укреплялось международное положение как Советского Союза, так и Китая, рос престиж этих государств в глазах как народов Азиатского континента, так и мирового сообщества, закладывались основы сотрудничества между ними в будущем в решении наиболее значимых вопросов – укрепления взаимной безопасности. И в то же время, через призму событий, связанных с восстановлением дипломатических отношений между СССР и Китайской Республикой, можно увидеть большинство характерных черт и особенностей, а также всю неоднозначность развития процесса двусторонних советско-китайских отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Галенович, Ю.М.* «Белые пятна» и «болевые точки» в истории советско-китайских отношений / Ю.М. Галенович. – М.: НДВ РАН, 1992. – Т. 1. От октября 1917 г. до октября 1949 г. – 170 с.
2. *Документы внешней политики СССР.* – М.: Политиздат, 1962. – Т. 6. – 672 с.
3. *Документы внешней политики СССР.* – М.: Политиздат, 1962. – Т. 7. – 760 с.
4. *История Китая / Под ред. А.В. Меликсетова.* – М.: Изд-во МГУ; Изд. дом ОНИКС 21 век, 2004. – 752 с.
5. *Капица, М.С.* Советско-китайские отношения / М.С. Капица. – М.: Политиздат, 1958. – 424 с.
6. *Мировицкая, Р.А.* Движение в Китае за признание Советской России (1920–1924) / Р.А. Мировицкая. – М.: Изд-во восточной литературы, 1962. – 68 с.
7. *Нежинский, Л.Н.* Внешняя политика Советского государства в 1917–1921 годах: курс на «мировую революцию» или на мирное сосуществование? / Л.Н. Нежинский // *История СССР*, 1991, № 6. – с. 3 – 27.
8. *Открывая новые страницы...* М.: Политиздат, 1989. – 432 с.
9. *Панцов, А.В.* Тайная история советско-китайских отношений. Большевики и китайская революция (1919 – 1927) / А.В. Панцов. – М.: Изд. Дом «Муравей-Гайд», 2001. – 456 с.
10. *Рахманин, О.Б.* К истории отношений России – СССР с Китаем в XX веке / О.Б. Рахманин. – М.: Памятники исторической мысли, 2002. – 512 с.
11. *Советско-китайские отношения. 1917–1957. Сб. документов.* – М.: Изд-во Восточной литературы, 1959. – 468 с.
12. *Степанов, А.С.* Заслуга нашей дипломатии (ленинская политика мира на Дальнем Востоке. 1917–1922) / А.С. Степанов. – М.: «Прометей», 1991. – 168 с.
13. *Хейфец, А.Н.* Советская Россия и сопредельные страны Востока в годы гражданской войны (1918 – 1920) / А.Н. Хейфец. – М.: Наука, 1964. – 472 с.

**ЭКОНОМИКА КНР В XXI ВЕКЕ
И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ**

ЭКСПОРТ КИТАЯ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Статья посвящена анализу возрастающей роли нового информационно-коммуникационного сектора мировой экономики, который видоизменил международные экономические отношения за последние 50 лет и стал неотъемлемой частью «экономики знаний». Двигателем прогресса ИКТ-сектора изначально являлись развитые страны, которые обладают достаточными средствами для инвестиций в инновации. Однако с течением времени на рынке ИКТ появились развивающиеся страны, благодаря накопленным иностранным инвестициям и значительному человеческому капиталу. Особенно преуспел на международном рынке товаров ИКТ-сектора мировой экономики Китай, который с 2003 г. прочно удерживает позиции основного мирового экспортера, а с 2010 г. и основного мирового импортера высокотехнологичной продукции. Это обусловлено размещением своих производств ведущими мировыми ИКТ-компаниями в экономике КНР, а также повышением конкурентоспособности китайских компаний на мировом рынке благодаря благоприятному бизнес-климату, государственной поддержке нового, динамично развивающегося сектора мировой экономики, наличия дешевых и квалифицированных трудовых ресурсов.

Ключевые слова: *Информационно-коммуникационные технологии, высокие технологии, товары и услуги ИКТ, международные рейтинги, мировой рынок.*

The article is devoted to the analysis of an increasing role of new information-communication sector of economic which has altered the international economic attitudes for last 50 years and there were an integral part « economy of knowledge ». The engine of progress of the ICT-sector was the developed countries initially which possess sufficient means for investments into innovations. However developing countries appeared in the market ICT eventually owing to the saved up foreign investments and the significant human capital. China holds position of the basic world exporter with 2003 strongly and the basic world importer of hi-tech production with 2010. It is caused by accommodation of the divisions by the leading world ICT-companies in economy of the Peoples Republic of China, and also increase of competitiveness of the Chinese companies in the world market owing to favorable business-climate, the state support of new, dynamically developing sector of economic, presence of the cheap and qualified manpower.

Keywords: *information and communication technology, high technology, ICT goods and services, international ratings, world market.*

Роль ИКТ в развитии мировой экономики

Стремительное развитие мировой экономики, наблюдавшееся в последние 25 лет, во многом связано с динамикой сектора информационно-коммуникационных

технологий (ИКТ). В соответствии с подходом ОЭСР (Организация экономического сотрудничества и развития — международная экономическая организация развитых стран, признающих принципы представительной демократии и свободной рыночной экономики), последний представляет собой *совокупность высокотехнологичных отраслей обрабатывающей промышленности и сферы услуг, которые обеспечивают сбор, распространение и вывод информации электронными способами* [1]. К нему относится производство офисного, компьютерного и телекоммуникационного, медицинского, измерительного и оптического, отдельных видов промышленного оборудования, бытовой техники, а также все услуги, связанные с обслуживанием компьютеров, включая разработку ПО и услуги связи. Однако на самом деле, на сегодняшний день нет общепризнанного определения ИКТ, так как понятия, методы и приложения, участвующие в ИКТ постоянно развиваются. Сложно следить за всеми изменениями — они происходят слишком быстро.

ИКТ охватывает любой продукт, который хранит, извлекает хранимую информацию, воздействует на нее, передает или получает информацию в цифровом виде. Например, персональные компьютеры, цифровое телевидение, электронная почта, роботы.

Впервые термин был использован в 1997 году в докладе Денниса Стивенсона для правительства Великобритании [2].

Распространение и внедрение в общественной жизни информационно-коммуникационных технологий рассматриваются в качестве одного из факторов конкурентоспособности современной экономики. Исследования подтверждают позитивное влияние ИКТ на эффективность экономического роста развитых стран. Развитые государства занимают на протяжении ряда последних лет ведущие позиции в потреблении ИКТ-товаров и услуг. Для развивающихся стран такое воздействие является неоднозначным и распределенным во времени, поскольку в мировой экономической системе они чаще выступают в роли производителей и поставщиков ИКТ для развитых стран. Это в свою очередь способствует росту добавленной стоимости ИКТ-сектора, экспорта ИКТ-товаров и услуг и повышению качества информационной среды и коммуникационной инфраструктуры. По оценкам, около половины роста производительности труда в странах ЕС в последние годы обусловлено инвестициями в ИКТ.

В настоящее время в мире наблюдается постоянное повышение доли сектора ИКТ в мировом ВВП. На него приходится примерно 5,5 % мирового ВВП, а к 2020 г. этот показатель, по прогнозам компании McKinsey, достигнет 9 % [3]. Согласно последним данным, опубликованным торговым агентством UNCTAD Организации Объединенных Наций, Валовой мировой импорт и экспорт продуктов информационно-коммуникационных технологий достиг почти 2 трлн долл. США в 2012 г. Товарами ИКТ, обладающими наибольшей долей в глобальном импорте являются мобильные телефоны, смартфоны, ноутбуки, планшеты, чипы и микросхемы. Согласно ВТО, товары ИКТ вместе составляют 11 % от мировой торговли товарами и являются одними из самых торгуемых товаров в мире, опережая товары сельскохозяйственного происхождения (9,2 %) и транспортные средства (7,2 %) [4].

Азиатские развивающиеся страны лидируют как в экспорте, так и в импорте товаров ИКТ. Китай находится на первом месте по экспорту и по импорту. Его доля

в мировом экспорте товаров ИКТ составляет около 30 % (см. таблицу 1). Кроме Китая в азиатском регионе расположены и другие сильные игроки рынка товаров ИКТ, например, Гонконг, Сингапур, Тайвань, Южная Корея, Малайзия, Таиланд и Филиппины [5]. Необходимо отметить, что Китай удерживает первое место по этому показателю с 2003 г. Как видно из таблицы, Беларусь в 2012 г. занимала 53-е место в рейтинге. Объем ее экспорта вырос по сравнению с 2008 г. на 265 %. Однако по этому показателю наша страна уступает ближайшим соседям: России (38 место), Украине (44 место), Польше и странам Балтии.

Таблица 1 – Динамика мирового экспорта товаров информационно-коммуникационных технологий, млрд долл США в 2010-2012 гг.

Позиция в рейтинге	Страна	Годы			Доля в мировом экспорте в 2012 г.
		2010	2011	2012	
1	Китай	459 522	508 012	554 310	30,79%
2	Гонконг	176 964	193 528	207 900	11,55%
3	США	134 549	140 568	139 447	7,75%
4	Сингапур	120 806	118 391	115 985	6,44%
5	Тайвань	94 702	105 765	101 029	5,61%
6	Южная Корея	99 813	99 857	94 036	5,22%
7	Япония	82 141	75 966	73 052	4,06%
8	Малайзия	67 600	66 824	63 460	3,53%
9	Германия	64 652	68 219	62 514	3,47%
10	Мексика	60 159	59 368	62 497	3,47%
38	Россия	887	1 227	1 643	0,09%
44	Украина	551	610	753	0,04%
53	Беларусь	126	157	291	0,02%
	Мировой экспорт товаров ИКТ	1 721 994	1 814 891	1 800 182	100,00%

Источник: собственная разработка на основе [6].

Если анализировать импорт товаров ИКТ, то на первом месте здесь также находится Китай: в 2012 г. импорт составил около 355 млрд. долл, что эквивалентно 18 % от мирового объема импорта. Причем первое место Поднебесная удерживает с 2010 г. До этого периода лидирующим импортером продукции ИКТ сектора были Соединенные Штаты Америки. Что касается нашей страны, то Беларусь занимает 60 позицию в данном рейтинге. Объем импорта товаров ИКТ в нашу республику составил около 1,1 млрд. долл. США. Это эквивалентно 0,06 % от мирового объема импорта информационно-коммуникационных товаров.

Объем мирового импорта в 2012 г. составил почти 2 трлн. долл. США. По сравнению с 2008 г. рынок увеличился на 111 %, а по сравнению с началом тысячелетия – на 180 %. По последним данным, на развивающиеся страны приходится более половины от общего объема импорта товаров ИКТ, а именно – 54 %. В пе-

риод между 2010 и 2012 гг. большая часть роста торговли товарами ИКТ была вызвана ростом спроса на оборудование связи, особенно в развивающихся странах. Развитые страны импортируют больше компьютеров и периферийных устройств (59 %), коммуникационного оборудования (56 %) и потребительской электроники (67 %). Развивающиеся страны импортируют больше такие группы товаров ИКТ, как электронные компоненты (79 %) и вспомогательные устройства (58 %). На страны с переходной экономикой приходится незначительная доля мирового импорта – лишь 2 % [4].

Несколько иная ситуация сложилась со структурой мирового экспорта товаров ИКТ. 71 % приходится на развивающиеся страны и 29 % на индустриально развитые страны. Если рассматривать каждую группу информационно-коммуникационных товаров отдельно, то можно увидеть, что развивающиеся страны опережают развитые страны по доле в мировом экспорте товаров ИКТ по каждой из групп. Самыми торгуемыми товарами ИКТ являются интегральные микросхемы, такие как чипы или микрочипы. На втором месте после интегральных микросхем находится рынок мобильных телефонов. По данным исследовательской компании, специализирующейся на рынках информационных технологий, Gartner, рынок мобильных телефонов увеличился на 53,6 % по сравнению с прошлым предыдущим годом и составляет примерно 190 млрд. долл США [5].

Лидером на рынке мобильных телефонов является Южная Корея, благодаря таким гигантам, как Samsung (31 % – доля рынка в 2013 г.) и LG (4,8 %). На втором месте после Кореи идет США: доля рынка компании Apple равна 15,6 % в 2013 г. На третьем месте расположен Китай. Китайские производители мобильных телефонов Huawei и Lenovo вместе в 2013 г. занимают долю рынка в 9,3 % [7].

За мобильными телефонами по распространенности следуют такие товары ИКТ, как ноутбуки. В 2012 г., по оценкам UNCTAD, мировой импорт ноутбуков вместе с планшетными портативными компьютерами составил 141 млрд долл США [8]. Начиная с 2010 г. около 60 % мирового рынка ноутбуков занимают пять одних и тех же компаний: Lenovo (Китай), Hewlett-Packard (США), Dell (США), Acer (Тайвань), Asus (Тайвань).

Начиная с 2009 г. Международный союз электросвязи ООН ежегодно издает сборник «Измерение информационного общества», в котором описывает основные данные, характеризующие отрасль информационно-коммуникационных технологий, в том числе и индекс развития ИКТ (IDI). IDI охватывает уровень развития ИКТ в 157 странах мира и проводит анализ изменений, произошедших за календарный год. Ниже представлены 10 стран, обладающих наиболее высоким индексом развития ИКТ и, для сравнения, Республика Беларусь и ее географические соседи (см. таблицу 2).

Таблица 2 – Индекс развития ИКТ, 2011-2012 гг.

Страна	Рейтинг 2012	Индекс развития 2012	Рейтинг 2011	Индекс развития 2011
Южная Корея	1	8,57	1	8,51
Швеция	2	8,45	2	8,41
Исландия	3	8,36	4	8,12
Дания	4	8,35	3	8,18

Финляндия	5	8,24	5	7,99
Норвегия	6	8,13	6	7,97
Голландия	7	8,00	7	7,85
Великобритания	8	7,98	11	7,63
Люксембург	9	7,93	9	7,76
Китай (Гонконг)	10	7,92	10	7,66
Латвия	35	6,36	37	6,00
Российская Федерация	40	6,19	38	5,94
Республика Беларусь	41	6,11	46	5,57
Литва	44	5,88	41	5,79
Украина	68	4,64	69	4,38

Источник: собственная разработка на основе [9].

Из таблицы видно, что состав десятки стран-лидеров в области ИКТ если и изменялся, то совсем незначительно. Все эти страны – страны с сильной экономикой, развитые страны. Однако самое активное развитие ИКТ-сектора наблюдается среди развивающихся стран. Более того, первая пятерка стран в рейтинге развития ИКТ остается неизменной с 2008 г. Тем не менее, большинство развивающихся стран и наименее развитых стран так и остаются в конце списка. Республика Беларусь в 2012 г. занимает 41 место и входит в категорию стран с высоким уровнем развития ИКТ, уступая по сводному индексу в регионе СНГ только России. По сравнению с 2011 г. наша страна поднялась на 5 позиций, а Российская Федерация опустилась на 2 (с 38-го на 40-е) [9, 10].

Китай на международном рынке товаров ИКТ

Китай совсем недавно вышел на мировой рынок ИКТ, но довольно быстро закрепился на нём. Секрет китайских успехов – это постепенные целенаправленные реформы, которые проходили не в каждой отдельной отрасли, а параллельно, затрагивая практически все сферы жизни.

Как и общеэкономическое китайское чудо, импульс к развитию сектора ИКТ был запущен вместе с реформами 1980-х гг. В то время у многих развитых европейских и североамериканских стран уже были богатые технологические наработки в области коммуникаций и даже информационных технологий. Китай же представлял собой аграрную, многонаселенную, голодающую страну, пережившую десятилетний период научного застоя.

Программа «Факел», реализация которой началась в 1988 году, является основной программой создания индустрии высоких и новейших технологий. Эта программа была нацелена на внедрение новых технических разработок на производстве. Финансирование программы предполагает использование государственных ассигнований только по ряду направлений, в то время как основные инвестиции поступают из негосударственных источников. Тем самым правительство стимулировало развитие частного сектора экономики, что привело к взрывному росту негосударственных и совместных предприятий по высоким технологиям [11, с. 91].

В соответствии с программой «Факел», были созданы целые промышленные зоны развития науки и технологий. Первая такая зона появилась в Шэньчжэне, на границе с развитой, тогда еще британской колонией - Гонконгом. Опираясь на этот положительный опыт, были созданы технопарки в Пекине (китайская «силиконовая долина»), Шанхае и многих других городах. Сейчас на территории Китая насчитывается более 130 технопарков [12].

В результате такой политики к концу 1990-х гг. в Китае было построено множество новейших высокотехнологичных производств. Продукция собирается полностью из китайских комплектующих, и внутренний спрос на бытовую технику удовлетворяется за счёт продукции собственного производства (телевизоры, магнитофоны, стереосистемы и др.). Высококачественная китайская бытовая электроника (компьютеры, плазменные и жидкокристаллические панели) всё активнее экспортируются на внешние рынки.

Основной производитель китайских ПК компания «Ледженд Холдингз» (Legend Holdings) в 2000 г. вышла на первое место в Тихоокеанском регионе и 13-е место в мире по объёму производства компьютеров. Ведущую роль в развитии китайской компьютерной индустрии играют тайваньские компании, заинтересованные в перенесении собственного производства на континент по причине меньших налогов и затрат на оплату труда. Крупные тайваньские производители ноутбуков («Кванта», «Компал», «Эйсер», «Арима», «Инвентек» и др.) во второй половине 1990-х гг. наладили производство комплектующих и частичную сборку в Китае. Так, в сентябре 2002 г. компания First International Computer объявила о переносе 75 % своего производства ноутбуков на китайские заводы [11, с. 91–92].

Японские компании с 2001 г. начали переносить свои производственные линии в Китай из Таиланда, Сингапура, Малайзии, Индонезии и Филиппин. В результате в этих странах были закрыты десятки тысяч рабочих мест. В 2002 г. компания «НЭК» перевела свое производство ПК из Малайзии в Китай, в 2001 г. в Сингапуре и Малайзии были закрыты заводы Hitachi, выпускающие электронно-лучевые трубки, а производство переведено в Китай. В декабре 2002 г. компания Samsung Electronics решила последовать за тайваньскими и японскими ИТ-производителями и наладить производство в Китае. А в мае 2002 г. корпорация «Майкрософт» объявила о переносе производства игровых приставок Xbox из Венгрии в Китай [11, с. 94].

Таким образом, участие тайваньских компаний в создании китайских ИКТ-производств является весьма существенным фактором для экономики Китая, ведь в настоящее время Тайвань обеспечивает 60 % мирового выпуска ноутбуков [13].

К 2005 году в Китае насчитывалось уже более 180 венчурных инвестиционных компаний, активно вкладывающих средства в информационные и коммуникационные технологии. Только технопарками было привлечено более чем 60 млрд. долл. США иностранных инвестиций [12].

Значение сектора ИКТ настолько возросло, что в 1998 г. было принято решение о создании Министерства информационной промышленности, функции которого были существенно расширены. В 2008 г. оно было переименовано в Министерство промышленности и информационных технологий с целью стимулирования развития ИКТ и модернизации промышленности путем внедрения последних

технологических новшеств. Это свидетельствует о том, что власти КНР осознают значимость сектора ИКТ и уделяют его развитию большое внимание.

Современные тенденции развития международного рынка компьютерных и информационных услуг

Наиболее полные статистические данные о торговле товарами и услугами публикует Всемирная Торговая Организация (ВТО) на основании данных Евростата (Европейской статистической службы), МВФ (Международного валютного фонда), ОЭСР (Организации экономического сотрудничества и развития) и других международных организаций. В отчетах ВТО учет строится по методологии МВФ. Среди коммерческих услуг выделяют компьютерные и информационные услуги: компьютерные услуги включают в себя обслуживание аппаратного и программного обеспечения, а также услуги обработки данных; информационные услуги подразделяются на услуги новостных агентств (предоставление новостей, фотографий и статей для СМИ) и другие информационные услуги (обслуживание баз данных и поисковые порталы в сети Интернет). Рассмотрим статистические данные ВТО о компьютерных и информационных услугах за 2011–2012 гг.

В 2012 г. наибольший прирост экспорта компьютерных и информационных (ИТ) услуг в объеме экспорта всех стран мира наблюдается в СНГ (28%), на Среднем Востоке (19%) и в Южной и Центральной Америке (17%). В 2012 г. наибольшая доля мирового экспорта компьютерных и информационных технологий приходится на Европейский Союз (51,6%). На втором месте находится Азия (28,3%), затем следует Северная Америка (9,1%). Изменения в доле мирового экспорта данных регионов по сравнению с 2005 г. являются небольшими: доля стран ЕС сократилась на 7,2%, как и доля стран Северной Америки (на 3,2%), а доля стран Азии наоборот выросла на 7,6%, как и доля стран СНГ и Южной и Центральной Америки (на 1%) [14]. Это свидетельствует в первую очередь о том, что на международном рынке компьютерных и информационных услуг важную роль начинают играть развивающиеся регионы мира, прежде всего Азия.

Основной объем экспорта компьютерных и информационных услуг приходится на страны ЕС (58,0%). Тем не менее, не все страны-лидеры мирового экспорта ИТ-услуг относятся к развитым. Наряду с ЕС, США, Израилем и Канадой, важные позиции занимают развивающиеся страны – Индия, Китай, Филиппины, Аргентина и Малайзия. А также в десятку лидеров в 2011 и 2012 гг. входит Российская Федерация. Значительная доля экспорта принадлежит Индии, а именно 19,2%. За 6 лет наибольший прирост экспорта компьютерных и информационных услуг наблюдается на Филиппинах (на 73%), в Аргентине (на 40%), Китае (на 37%), Российской Федерации (на 27%) и Малайзии (на 26%) [14].

Лидирующую позицию в мировом импорте компьютерных и информационных услуг по-прежнему занимают страны ЕС (57,1%). На второе место выходят США с долей импорта 22,2%. Также среди стран-лидеров появляются Япония (3,8%), Бразилия (3,7%), Китай (3,5%), Канада (2,9%) и РФ (2,2%), что может объясняться все большим развитием, модернизацией и ростом экономик, которые приводят к потребности в ИТ-услугах. Индия опускается на 9 место с долей импорта равной 1,67%, что существенно меньше, чем ее доля в мировом экспорте [14].

Согласно результатам исследования Уилкоккс и Лэсити (Willcocks, Lacity 2006, 2009 гг.) на рынке ИТ-услуг, в частности аутсорсинга ИТ, будут доминировать следующие тенденции:

1. *Торговля информационными технологиям принимает вид мультисорсинга информационных технологий (IT multisourcing).* Это значит, что компании стремятся одновременно подписывать все больше контрактов с все большим количеством поставщиков. Мультисорсинг позволяет компаниям найти лучших поставщиков и уменьшить риски, но в то же время это также означает увеличение операционных издержек.

2. *Компании на мировой арене будут относиться к Индии, главным образом, как к стране, предоставляющей услуги отличного качества, а не стране, дающей возможность сократить издержки.* Многие американские компании обращаются к индийским аутсорсинговым компаниям за техническим обслуживанием, однако с установлением более крепких связей начинают доверять и более сложные функции. По словам многих клиентов индийских аутсорсинговых компаний, к Индии обращаются, чтобы сократить издержки, но остаются с ней из-за высокого качества.

3. *Помимо Индии, Китай и другие развивающиеся страны станут важными игроками на международном рынке ИТ-услуг.* США уже используют поставщиков из Центральной Америки, благодаря распространенности испанского языка и близости часовых поясов. Китайский ИТ-сектор экспортирует услуги в Японию, компании в Западной Европе будут все больше пользоваться услугами восточноевропейских компаний (чешских, хорватских, польских) из-за близости расположения, часовых поясов и меньших операционных издержек в сравнении с азиатскими поставщиками. В Африке также все больше стран выходят на международный рынок аутсорсинга. Марокко является привлекательным экспортером ИТ-услуг для Франции из-за культурных и языковых соответствий и схожих часовых поясов. По тем же причинам южноафриканские страны нацелены на экспорт ИТ-услуг в Великобританию.

4. *На смену оффшоринга будет приходиться “nearshoring”, то есть оффшоринг из стран, расположенных по соседству, по следующим причинам:* меньшие операционные издержки, сокращение разницы в часовых поясах, культурная схожесть стран. Выше уже были приведены примеры такого оффшоринга ПО [15].

Заключение

Информационно-коммуникационные технологии можно считать феноменом нашего времени, который видоизменил международные экономические отношения за последние 50 лет и стал неотъемлемой частью «экономики знаний». Двигателем прогресса изначально являлись развитые страны, которые обладают достаточными средствами для инвестиций в инновации. Однако с течением времени на рынке ИКТ появились развивающиеся страны, благодаря накопленным иностранным инвестициям и значительному человеческому капиталу. Они стали специализироваться на экспорте продуктов и услуг ИКТ сектора. Особенно преуспел на международном рынке товаров ИКТ-сектора мировой экономики Китай, который с 2003 г. прочно удерживает позиции основного мирового экспортера, а с 2010 г. и

основного мирового импортера высокотехнологичной продукции. Это обусловлено размещением своих подразделений ведущими мировыми ИКТ-компаниями в экономике КНР, а также развития национальных компаний благодаря благоприятному бизнес-климату, государственной поддержке нового, динамично развивающегося сектора мировой экономики, наличия дешевых и квалифицированных трудовых ресурсов.

Достаточно успешно развивающиеся страны стали экспортировать и компьютерные и информационные услуги. Таким образом, на мировом рынке компьютерных и информационных услуг ведущими экспортёрами стали, помимо стран-членов ЕС и США, такие страны, как Индия, Китай, Филиппины, Малайзия, Россия, работающие в основном по модели аутсорсинга. Данная модель становится особенно выгодной для стран, которые обладают определенным языковым и географическим преимуществом перед странами-конкурентами, что обуславливает развитие оффшоринга ПО из соседних стран и мультисорсинга. Для развивающихся стран экспортно-ориентированный сектор ИКТ содействует развитию остальных сфер экономики и общества и распространению инноваций. Кроме того, появление “третьей платформы”, объединяющей преимущества новых возможностей подключения, масштабируемой облачной инфраструктуры и анализа больших данных, упрощает и сильно ускоряет вывод продукции на рынок. Для того чтобы начать бизнес все чаще не требуется даже стартового капитала. Это является еще одной причиной, по которой на мировой рынок информационных технологий выходят компании из развивающихся стран и стран с переходной экономикой. В таких условиях для компании как никогда важно занять первое или второе место на рынке, иначе она рискует потерять свои позиции. Оперативность и гибкость становятся ключевыми факторами, определяющими способность ИТ-ориентированного предприятия позитивно и быстро реагировать на изменения: отвечать на новые потребности заказчиков или изменения рынка. Небольшие компании, обеспечивающие прорыв в отрасли, способны сразу внедрять новые методики для ускорения темпов развития бизнеса, поэтому крупные предприятия ищут способы, которые позволяют им не отставать от передовых ИТ-компаний.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ковалев, М.М., Лаврова, О.И., Оценка готовности Республики Беларусь к информационному обществу [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа : <http://www.mpt.gov.by/File/exp1.pd>. – Дата доступа : 11.09.2014.
2. What the web is doing for schools // Life in the net [Electronic resource]. – 2000. – Mode of access: <http://specials.ft.com/lifeonthenet/FT3NXTH03DC.html>. – Date of access: 23.09.2014.
3. Сектор информационных технологий правит миром // Фонд исторической перспективы [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: http://www.perspektivy.info/rus/ekob/sector_informacionnyh_tehnologij_pravit_mirom_2011-12-13.htm. – Дата доступа: 20.03.2014.

4. Global imports of information technology goods approach \$2 trillion, UNCTAD figures show // UNCTAD [Electronic resource]. – 2013. – Mode of access: http://unctad.org/en/pages/newsdetails.aspx?OriginalVersionID=692&Sitemap_x0020_Taxonomy=Technology%20and%20Logistics. – Date of access: 27.04.2014.
5. Asia leads in imports and exports of ICT goods: UN Trade agency // United nations radio [Electronic resource]. – 2014. – Mode of access : <http://www.unmultimedia.org/radio/english/2014/02/asia-leads-in-imports-and-exports-of-ict-goods-un-trade-agency/>. – Date of access: 27.10.2014.
6. What Is Absolute Advantage Theory? // WiseGEEK [Electronic resource]. – 2012. – Mode of access: <http://www.wisegeek.com/what-is-absolute-advantage-theory.htm>. – Date of access: 02.09.2014.
7. Gartner Says Annual Smartphone Sales Surpassed Sales of Feature Phones for the First Time in 2013 // Gartner. [Electronic resource]. – 2014. – Mode of access: <http://www.gartner.com/newsroom/id/2665715>. – Date of access: 27.10.2014.
8. ICT goods among top traded products globally // Trade and Export [Electronic resource]. – 2014. – Mode of access: <http://www.tradeandexportme.com/2014/02/ict-goods-among-top-traded-products-globally/>. – Date of access: 28.10.2014.
9. ICT Development Index // Wikipedia [Electronic resource]. – 2012. – Mode of access: http://en.wikipedia.org/wiki/ICT_Development_Index. – Date of access: 05.09.2014.
10. Measuring the information Society // International Telecommunication Union [Electronic resource]. – 2013. – Mode of access: http://www.itu.int/en/ITUUD/Statistics/Documents/publications/mis2012/MIS2012_without_Annex_4.pdf. – Date of access: 03.11.2014.
11. *Ткачёва, Н.В.* Информационные стратегии стран Восточной Азии в условиях рыночных реформ / Н. И. Ткачёва. – М.: РИП-холдинг – 2003. – 151 с.
12. *Щукин, А.* Технопарк догоняющего развития // Журнал «Эксперт» [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа: http://expert.ru/expert/2010/41/tehnopark_dogonyayuschego_razvitiya/ – Дата доступа: 06.10.2014.
13. Отрасль ИКТ Тайваня. Развитие и конкурентные преимущества [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.taiwanexcellence.org/TaiwanIndustry/ICT/ICT_Russian.pdf – Дата доступа: 29.10.2014.
14. International Trade Statistics 2013 [Electronic resource] // World Trade Organization. – Mode of access: www.wto.org/english/res_e/statis_e/its2013_e/its2013_e.pdf. – Date of access: 28.10.2014.
15. *Oshri Ilan, Kotlarsky Julia, Willcocks P. Leslie.* The Handbook of Global Outsourcing and Offshoring [Electronic resource] // Google books. – Mode of access: <http://books.google.by/books?id>. – Date of access: 28.10.2014.

ГОСУДАРСТВО В МАКРОЭКОНОМИЧЕСКОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ЭКОНОМИКИ СТРАНЫ: ОПЫТ КИТАЯ

Рассматривается роль и место государства в макроэкономическом регулировании национальной экономики Китая. Показаны особенности реализации экономических реформ и развития экономики страны.

Ключевые слова: *экономическая политика, институциональная политика, реформа, регулирование.*

The role and place of the state in macroeconomic regulation of national economy of China is considered. Features of realization of economic reforms and development of national economy are shown.

Keywords: *economic policy, institutional policy, reform, regulation.*

Учёные высказывают разные мнения относительно того, что такое экономическая политика. Обычно экономической политикой называют устанавливаемые государством (субъектом политического регулирования) правила (то есть политические инструменты или меры), предназначенные для регулирования экономических связей, упорядочивания функционирования экономики и других целей. Выгодность такой политики неодинакова для разных социальных групп. Проведение соответствующей политики гарантируется и осуществляется государством, стремящимся более или менее удовлетворить все слои общества. Экономическая политика включает три составляющие: субъект, цели и инструменты политики, которые и формируют её внутреннее содержание.

В теории экономической политики выделяется институциональная политика (*institutional policy*) и политика развития (*progressive policy*). Первая связана с перестройкой системы экономических институтов, вторая – с процессом их функционирования и управлением этими процессами, то есть с контролем и регуляцией параметров экономики посредством применения политического инструментария. Институциональная политика включает реформу государственных предприятий, реформу системы собственности и другие меры, связанные с системными преобразованиями. Политика развития основывается на мерах макроэкономического регулирования – на финансово-валютной политике и различных мерах управления спросом, на политике в отношении производства и других мерах контроля над предложением.

В зависимости от влияния экономических, политических и идеологических факторов цели, направления, инструментарий, эффективность и другие аспекты экономической политики могут меняться. В рамках системы экономической политики различные комплексы мер могут сменять друг друга, может происходить формирование совершенно новых форм экономической политики.

Весь ход китайской реформы прямо зависит от институциональной политики. В силу этого многие учёные называют эту идущую «сверху вниз» системную

экономическую реформу, проводимую правительством, «политической». Одновременно с осуществлением институциональной реформы и изменением форм функционирования экономики, неизбежны и соответствующие сдвиги в политике развития (то есть в формах макроэкономического регулирования). Основной целью проводимых в Китае с 1978 года реформ было преобразование плановой экономики и стимулирование длительного и быстрого экономического роста.

Реформы неизбежно вызывают брожение в обществе, а длительный и быстрый экономический рост требует социальной стабильности. К тому же реформа экономической системы вынуждала правительство перейти от традиционных прямых мер планового управления экономикой к экономическим способам регулирования, что затрудняет как само регулирование, так и поддержание социальной стабильности. Хотя в ходе реформ возникли некоторые проблемы, в целом, судя по результатам, их можно считать успешными. Существенно и то, что опыт применения экономической политики и её изменений в процессе реформ дает богатый материал для изучения развивающимся странам, особенно тем, у которых переходный тип экономики.

В двадцатилетней истории системных экономических реформ и развития экономики в Китае есть две особенности. С одной стороны, эффективность экономики по сравнению с плановой довольно значительно возросла, ускорилося экономическое развитие, возникло так называемое «китайское экономическое чудо», показатели роста опережали показатели любой страны мира. С другой стороны, рост экономики из-за связанных с реформами причин часто порождал социальную нестабильность, а попытки исправить ситуацию вели к торможению преобразований в экономике, что формировало своеобразные «циклы реформы».

Институциональная политика

На 3-м пленуме 11-го созыва Коммунистической партии Китая (КПК) 1978 года был выдвинут лозунг «Реформа и открытость» в качестве рамочной цели, однако не определено чётко, как должна проходить реформа экономической системы в социалистическом государстве. Следствием этого стала расплывчатость целей институциональной политики, приходилось «переходить реку, нащупывая дно».

Говоря конкретнее, цели институциональной политики прошли четыре фазы развития.

1. В 1982 году на XII съезде КПК была выдвинута идея «плановой экономики как основы рыночного регулирования, как вспомогательного средства и параллельного применения трёх видов управления экономикой (командно-плановый, директивно-направляющий и рыночное регулирование)». На этом этапе в основе всей экономики продолжала оставаться плановая система.

2. В принятом на 3-м пленуме 12-го созыва Решении ЦК КПК о системной экономической реформе целью преобразований становилась уже «плановая товарная экономика», что означало преодоление рамок плановой экономики; также указывались конкретные направления реформы.

3. В 1987 году на XIII съезде партии была выдвинута концепция «Государство регулирует рынок, рынок определяет деятельность предприятий»; рыночные цели системной реформы экономики стали более чёткими.

4. В 1992 году на XIV съезде КПК была официально провозглашена «социалистическая рыночная экономика» как цель государственной политики в ходе системных экономических реформ. Процесс перехода от плановой экономики к рыночной был постепенным и потребовал десяти с лишним лет.

Такая постепенность в определении цели, точнее, длительная неопределённость, прямо повлияла на конкретные решения и меры институциональной реформы. Руководящей идеей при проведении институциональной политики в Китае было реформирование механизмов функционирования экономики и постепенное формирование рынка как главного субъекта экономики. С учётом этого меры институциональной политики в КНР были следующими:

- реформа цен, проводимая по принципу «сначала регулирование, затем реформирование». На момент, когда ещё не сформировалась рыночная система, внедрение «двухколейной системы цен» и иных форм ценообразования породило немало проблем. Только когда к 1993 году ориентация на рынок была чётко определена как цель системных реформ в экономике, механизмы ценообразования на товары и услуги окончательно оформились;

- переход от планового способа распределения ресурсов к рыночному. Проведение реформы в этой сфере также определялось постепенностью окончательного формирования целей экономической политики. Только с появлением в 1984 году понятия «товарная экономика» началось постепенное освобождение ресурсной, внешнеторговой и финансовой сферы от уз планового регулирования, создались условия для перехода к рынку;

- реформа государственных предприятий. До 1992 года цели реформы ещё были обозначены недостаточно четко и не выходили за пределы формулы «расширить полномочия, позволить получать прибыль», системы подрядов и т. д., что не позволяло предприятиям стать настоящими субъектами рынка. Создание современной системы предприятий, получение государственными предприятиями статуса юридического лица и превращение их в настоящие субъекты рынка стало возможным только в 1992 году, тем самым был открыт путь к реформированию и оживлению госпредприятий.

С проведением в жизнь вышеуказанных мер по реорганизации экономических механизмов китайская экономика постепенно стала переходить на рельсы рыночного развития. Постепенность этого процесса также вызвала много противоречий и трудностей, что главным образом проявилось в проблеме «реформы – доходы» и формировании так называемого «цикла реформ». Причины появления «цикла реформ» заложены в неопределённости или медлительности в определении целей в рамках институциональной политики, что привело к незаконченности или несвоевременности некоторых конкретных мер. Неопределённость в целях реформ неизбежно ведёт к несогласованности различных этапов реформы и может породить экономический беспорядок и хаос. Незавершённость же отдельных шагов сводит на нет эффект от применения инструментов динамической политики государства, ставит под вопрос возможные результаты макроэкономического регулирования. Таким образом, накладывающиеся друг на друга проведение реформ и экономические волнения, необходимость обуздать бури, порождаемые рыночной рефор-

мой, – всё это требует соответствующих перемен в политике развития (макроэкономической политике), проводимой государством.

Политика развития: цели и инструменты

Процесс реформ начинается с проведения определённой институциональной политики и прямо связан с её изменениями. С одной стороны, подобные изменения и непрерывное совершенствование легко могут вызвать экономическую дестабилизацию и поэтому нуждаются в макроэкономической политике для корректирования результатов, с другой – институциональная политика ведёт к смене форм функционирования экономики и поэтому должны произойти соответствующие изменения в инструментарии политики, регулирующей вызванные переходом к рынку экономические колебания.

После начала реформ в политике регулирования экономики в КНР произошли перемены. *Во-первых*, изменения прежде всего коснулись целей. В условиях плановой экономики макроэкономическое регулирование носит односторонний характер, поскольку процессы производства и потребления находятся под жёстким контролем, а инфляция обычно отсутствует. Инвестиции производятся строго по плану, что позволяет избежать перегревов в экономике. Однако подобная система ведёт к застою и низкоэффективна. Формирование рынка повысило эффективность прежней системы, и макроэкономическое регулирование было поставлено перед сложным выбором задач. После того как в процессе реформ в 80-х годах в Китае появились проблемы инфляции и перегрева экономики, цели макроэкономического регулирования усложнились, появились новые задачи. Диверсификация задач потребовала разнообразия методов, применяемых для регулирования экономики.

Во-вторых, происходило расширение самого набора используемых в экономической политике методов. В традиционной плановой экономике правительство непосредственно контролирует производство, обращение, потребление, распределение, инвестирование и другие экономические процессы по всей стране. В силу этого государство может и должно использовать административные методы макроэкономического регулирования. При рынке же объектом такого регулирования становятся независимые субъекты, преследующие собственную прибыль. Здесь применимы только меры, связанные с регулированием процентной ставки, налоговых тарифов и валютных курсов, а также косвенное руководство экономикой через законотворчество. Применение данных мер не позволяет субъектам микроэкономики, преследующих индивидуальную выгоду, выходить за сбалансированные рамки экономики в целом и нарушать макроэкономическое равновесие.

В-третьих, анализируя опыт китайских реформ, следует отметить, что, поскольку путь к рынку не был намечен чётко и однозначно, в начале реформ и в ходе их осуществления правительство своевременно не выработало систему методов макроэкономической политики (систему валютных резервов, систему операций на открытом рынке, дисконтный процент, регулируемые плавающие валютные курсы, эффективную налоговую систему и т. д.).

Отставание реформы механизмов макроэкономического регулирования привело к большим трудностям в осуществлении наиболее важной части экономических преобразований – реформы госпредприятий. Ряд отрицательных явлений в экономике в 80-х и начале 90-х годов, связанных с перестройкой экономических

механизмов, был урегулирован в административном порядке, по принципу «где беспорядок, там закрываем», что не только привело к ликвидации субъектов экономики, но и отбросило макроэкономическое регулирование с позиции его инструментария в начале реформы.

Набор инструментов осуществления политики развития должен находиться в соответствии с этапом институциональной реформы. Окончательный поворот к социалистической рыночной системе, имевший место в 1992 году, позволил выдвинуть на первый план проблему реформы госпредприятий, что создало благоприятные условия для рыночных механизмов макроэкономического регулирования. На этом этапе правительство своевременно осуществило ряд мер по формированию макроэкономического инструментария рыночного характера. В 1994 году проведена налоговая реформа, разделившая центральные и местные налоговые сборы при сохранении единой налоговой ставки; осуществлена банковская реформа и чётко разделены функции коммерческих банков и центрального банка, задачей которого является финансовое регулирование. Была усилена роль центрального банка в макроэкономическом регулировании, его независимость и рыночный характер его операций. В 1996 году начались операции на открытом рынке с бумагами государственного займа, которые выпускаются центральным банком. Был ускорен перевод на коммерческую основу специальных государственных банков (например, в 1998 году был ликвидирован контроль над нормой кредита), осуществлён ещё один этап освобождения цен на промышленные товары, введены на постоянной основе конвертируемость китайского юаня и – с соблюдением правил функционирования рынка – система регулируемых плавающих валютных курсов.

После 1992 года начался принципиально новый этап реформы госпредприятий, когда стала формироваться современная система промышленных предприятий, за ними закрепился статус юридического лица, усовершенствовались механизмы самоконтроля. Все эти шаги заложили основание для появления системы макроэкономического регулирования и её функционирования в соответствии с потребностями китайской рыночной экономики.

В такой ситуации несмотря на то, что проводимая с 1992 года институциональная политика привела к перегревам в экономике и инфляции, меры макроэкономического воздействия в рамках политики развития были отличны от традиционных. После принятия в 1993 году макроэкономического курса на сдерживание инфляции, правительство, с одной стороны, регулировало размер инвестиций за счёт сжатия объёмов капитального строительства, с другой – центральный банк начал проводить жёсткую денежную политику, регулируя процентную ставку и размер вторичных кредитов, гибко управляя объёмом денежных средств в обращении и размерами кредитного капитала. Были усилены меры по косвенному регулированию спроса на инвестиции. Одновременно постановлением правительства было утверждено, что финансовые средства не должны возвращаться на онкольные счета, что позволило контролировать объём инвестиций и способствовало проведению центральным банком независимой и жёсткой денежной политики. Если бы не была проведена соответствующая реформа макроэкономического инструментария, то все указанные выше меры не смогли бы стать эффективными формами контроля над объёмом инвестиций. Указанная совокупность мер помогла преодолеть

инфляцию и гарантировала стабильность экономического развития. В целом в своей макроэкономической политике 1993–1996 гг. правительство ускоренными темпами проводило институциональную политику и углубляло реформы, что заставило политику развития работать в полную силу. В результате этого была обуздана инфляция и экономика прошла через «цикл реформы». То, что одновременно с этим темп реформ не снижался, позволило в результате преодолеть порочный круг «цикла реформы». Успех «мягкой посадки» 1996 году стал результатом правильного сочетания институциональной политики и политики развития.

Опыт реализации китайской экономической политики

В целом в значительной мере китайское «чудо» обязано своим существованием проводимой с 1978 года экономической политике, её осуществлению и постепенному совершенствованию в процессе применения. Ниже обобщён некоторый опыт реализации китайской экономической политики.

***Во-первых,** чёткое определение целей является важнейшим элементом в трансформации экономической политики.*

Экономическая политика складывается из трёх компонентов – субъекта, целей и средств, и изменение хотя бы одного из этих элементов влечёт за собой трансформацию всей экономической политики. Так как цели политики определяют её основное направление, то цели экономической политики являются весьма важным фактором в процессе ее трансформации.

Если цели экономической политики, особенно институционального плана, стабильны, то можно гарантировать относительную стабильность всей экономической политики в целом и осуществление намеченных целей. Когда в 1978 году Китай встал на курс «реформ и открытости», не было никаких сомнений относительно правильности подобного выбора, что, невзирая на многие трудности, позволило добиться первичных успехов в реформах. Отметим, однако, что для определения основной конкретной цели потребовался долгий срок, конкретные цели постоянно эволюционировали. В силу этого некоторые практические меры осуществления экономических преобразований всё время трансформировались, что увеличило издержки реформ. Это хорошо видно на примере реформы государственных предприятий, которая долгое время оставалась в рамках изменения системы управления. Неопределённость целей вела к множеству предлагаемых проектов реформирования, в результате чего не только не были решены основные проблемы данного сектора экономики, но затормозилось развитие государственных предприятий. Вместе с тем мы должны осознавать, что создание социалистической рыночной экономики – небывалая в истории задача, в процессе реализации которой неизбежен поиск нужных инструментов и постепенность реализации целей. В такой ситуации оптимальной тактикой является «переходить реку, нащупывая брод», стараясь свести до минимума издержки реформы.

***Во-вторых,** весьма важно правильно сочетать конкретные меры институциональной политики и находить пути их чёткого претворения в жизнь.*

Данная проблема, по сути, является производной от проблемы постановки целей. Постепенность в определении целей накладывает некоторые ограничения на реформаторское мышление. Конкретным проявлением этого является то, что способом осуществления реформ стало преобразование на первых этапах механизмов

функционирования экономики в целях постепенного формирования рыночной системы. Прямым следствием этого стала несогласованность различных мер экономической политики или значительные временные лаги между проведением важнейших институциональных преобразований. Например, реформа государственных предприятий сильно отстаёт от реформы цен, что влечёт за собой образование «двухколейной системы цен», призванной гарантировать получение госпредприятиями прибыли. Это вызвало к жизни многочисленные системные прорехи и издержки, породившие экономические проблемы. Действительно, для формирования полномасштабных рыночных отношений необходимо учитывать взаимосвязь между реформой госпредприятий и реформой собственности, поскольку, стремясь перейти к рыночному механизму распределения ресурсов, нельзя не позволить предприятиям стать независимыми, стремящимися к достижению прибыли, субъектами рынка (что, в свою очередь, предполагает перераспределение прав собственности). В условиях смешанной экономики всегда преобладает определённая экономическая система, ситуации же «полурынка – полуплана» не существует. Поэтому, проводя системную экономическую реформу, нельзя долго оставаться в промежуточном состоянии, необходимо в полной мере руководствоваться идеями полномасштабной реформы. На каждом этапе осуществления постепенной реформы должна проводиться согласованная институциональная экономическая политика. Вместе с тем на каждом этапе невозможно пренебрегать требованиями объективной реальности. Например, не решив в рамках реформы государственных предприятий вопрос о «мягких ограничениях», невозможно ликвидировать систему управления нормой банковского кредита, а также плановое управление инвестициями, поскольку в противном случае государственные предприятия задохнутся в условиях отсутствия капиталовложений. Реформа государственного сектора занимает важное место в системе институциональной политики в целом и достаточно гладкое её проведение начиная с 1992 года (иницирование создание системы современных предприятий) объясняется учётом отмеченных выше факторов.

***В-третьих,** институциональная политика и политика развития в экономике должны осуществляться согласованно.*

До успешного «мягкого приземления» китайской экономики в 1996 году в процессе реформирования и развития часто возникала проблема переплетения напряжённости в экономике и «цикла реформы». Основной вопрос здесь заключается в недостаточной согласованности институциональной и макроэкономической политики.

Ориентированная на рынок институциональная политика способствует преобразованию механизмов экономики, однако поскольку политика не является совершенной, возникает системный дисбаланс и напряженность в экономике. С другой стороны, поскольку цели реформы определены недостаточно чётко и отсутствует необходимый макроэкономический инструментарий, невозможно использовать рыночные методы регулирования для устранения напряжённости в экономике, а применение традиционных административных рычагов ведёт к торможению реформ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ежегодник китайской статистики. 2007. – Пекин, 2008.
2. *Lugyetl, Knliy.* China Cos raised CNY 44,12B on Shanghai Slk Exchange in '97 // Wall Street Journal. – 1998. – Nr. 7. – January.

*Климович Л.А., Макарович Д.С.
(Минск, Республика Беларусь)*

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА СТИМУЛИРОВАНИЯ ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНОГО ПРОИЗВОДСТВА ГОНКОНГА

Гонконг демонстрирует в последнее десятилетие значительные достижения в развитии высокотехнологичного производства. Этот процесс обеспечивает эффективная государственная политика стимулирования притока инвестиций в новые технологии, трансфера технологий и финансирования исследований и разработок.

Ключевые слова: технологии, исследования и разработки (ИР), высокотехнологичное производство, трансфер технологий, стимулирование инвестиций, ТНК.

In the last decade Hong Kong has demonstrated significant progress in the high-technology development. This process is supported by the effective public policy of promotion of the investment inflow in the new technologies, by the technology transfer and R&D financing.

Key words: technologies, research and development (R&D), high technology manufacturing, technology transfer, investment promotion, TNC.

Гонконг – специальный административный район Китая. В настоящее время является одним из финансовых и бизнес-центров Азии, один из «азиатских тигров».

Свое развитие страна начала опираясь на мелкие предприятия семейной формы собственности и за 50 лет достигла значительного экономического роста (рис. 1).

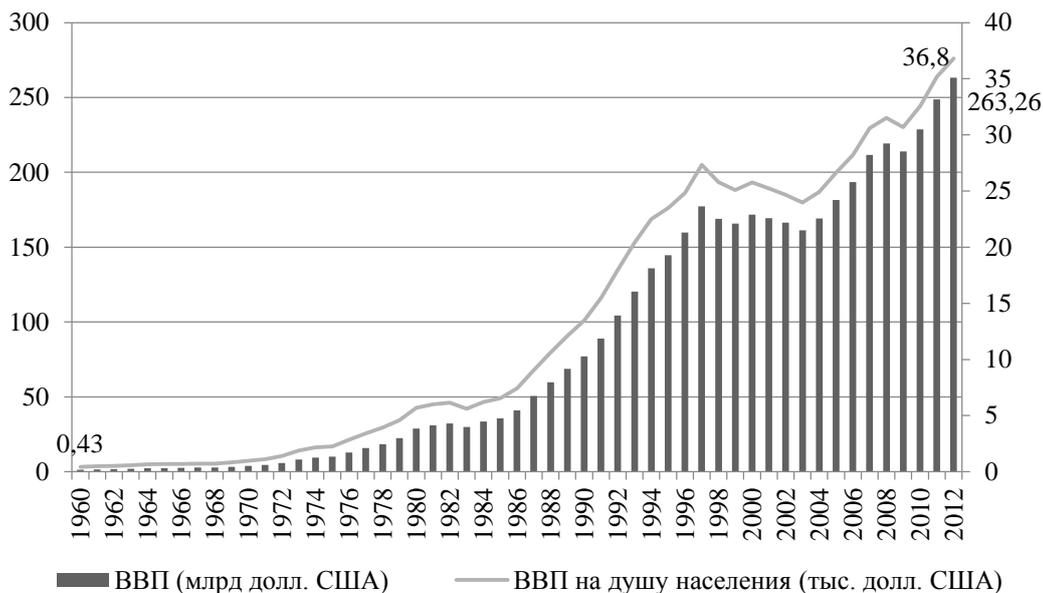

Рисунок 1 – Динамика ВВП в Гонконге, 1960–2012 гг.

Примечание – Источник: [1].

В формировании высокотехнологичного производства Гонконга можно выделить ряд этапов:

1) 1960–1970-е гг. – политика «позитивного невмешательства» в области технологического развития путем финансирования развития инфраструктуры вместо прямого субсидирования отраслей и производств.

2) 1970–1990-е гг. – перенос трудоемких отраслей в дельту Жемчужной реки в провинцию Гуандун недалеко от Гонконга для развития конкурентоспособной производственной базы, приобретение технологий для развития производства в определенных рыночных нишах, обеспечивавших, прежде всего высокую прибыльность, а не фундаментальные исследования.

3) После приобретения независимости от Англии в 1997 г. правительство Гонконга пересмотрело политику развития технологий. Были созданы организации для поддержки высокотехнологичного сектора экономики, трансфера технологий и воспитания инновационной культуры в обществе.

С 1998 г. организованы и действуют:

- Комиссия по инновациям и технологиям, определившая инновации и технологии ключевыми условиями для дальнейшего развития Гонконга и занимающаяся стимулированием развития инноваций;

- Фонд инноваций и технологий, финансирующий исследовательские проекты, проводимые университетами, исследовательскими институтами и компаниями;

- Фонд прикладных научных и технологических исследований;

- 2001 г. начала действовать Корпорация научных и технологических парков Гонконга, предлагавшая сервисную помощь технологически ориентированным компаниям;

- в 2009 г. группой экспертов определено приоритетное развитие шести отраслей, по которым Гонконг имел наиболее сильные позиции: медицинские и образовательные услуги, промышленность в области защиты окружающей среды, инновации и технологии, сертификация, культура.

В настоящее время действуют также 5 центров исследований и разработок для координации прикладных исследований, их коммерциализации и трансфера. Активную поддержку продвижению технологий и реализации результатов исследований оказывают офисы трансфера технологий при университетах. Работает Научный парк Гонконга, включающий 430 компаний электронной промышленности, информационных технологий и телекоммуникаций, точного машиностроения, биотехнологий.

Киберпорт (своего рода Силиконовая долина), расположенный на юге острова Гонконг включает 143 компании в области информации и телекоммуникаций, создания цифрового контента и мобильных приложений. Его основная цель – поддержка и продвижение инновационного и технологического развития Гонконга путем создания стратегических кластеров информационных, коммуникационных технологий и смежных компаний и привлечения высококвалифицированного персонала.

Среди основных государственных программ стимулирования ИР можно выделить:

– Программу «Система возмещения средств, затраченных на исследования и разработки», бюджет – 26 млн долл. Ее цель – развитие культуры исследований среди предприятий и стимулирование сотрудничества с местными исследовательскими институтами. Предприятия, проводящие разработку прикладных исследовательских проектов совместно с Фондом инноваций и технологий или местными исследовательскими институтами, могут получить возмещение затрат на проводимые исследования (в 2012 г. возмещение возросло с 10 до 30%);

– Программу помощи исследованиям малых предприятий, реализуемую под руководством Фонда, выделяет гранты малым start-up компаниям для коммерциализации их инновационных идей.

Принятые меры государственной поддержки исследований и разработок обеспечили рост расходов на эти цели с 0,54% в 2001 г. до 0,73% в 2012 г. по отношению к ВВП (рис. 2). Хотя эти показатели и ниже уровня развитых стран, их невысокое значение объясняется быстрым ростом ВВП в последние годы.

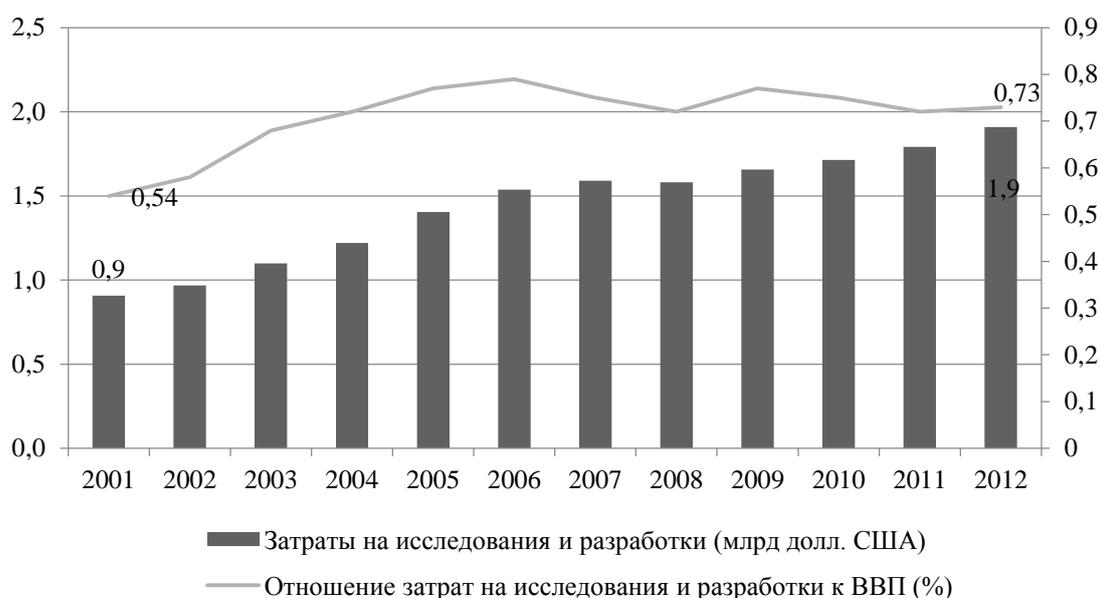

Рисунок 2 – Динамика расходов на ИР в Гонконге, 2001–2012 гг.
Примечание – Источник: [2].

В настоящее время основную долю в сфере исследований и разработок занимает промышленный сектор и сектор высшего образования. Государство играет роль помощника в развитии технологий и инноваций путем предоставления финансовой поддержки и технологической инфраструктуры (рис. 3).

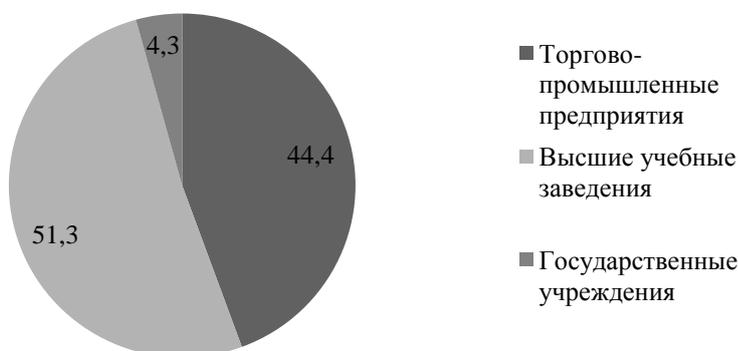

Рисунок 3 – Структура расходов на ИР по секторам, 2011 г. (%)
Примечание – Источник: [2, с. 47].

Основной объем затрат на исследования и разработки производится в сфере естественных наук, технологий и инжиниринга, медицины (рис. 4).

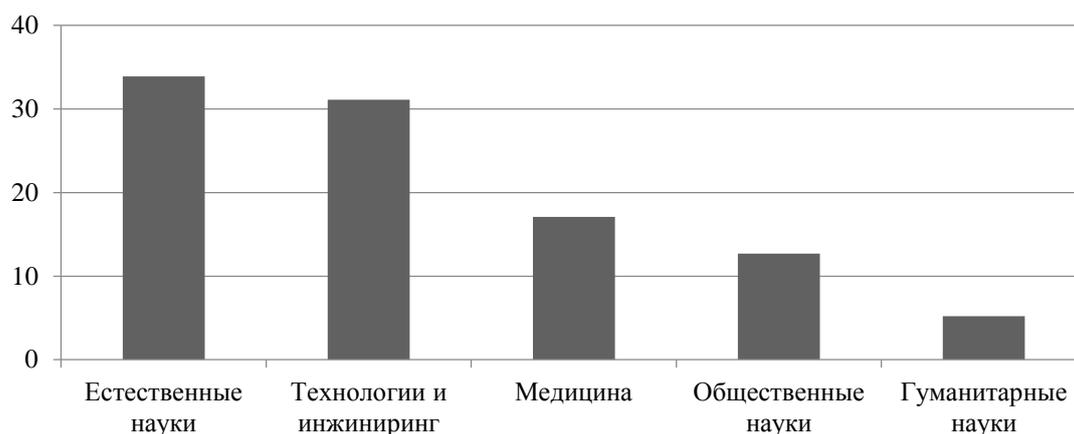

Рисунок 4 – Основные отрасли по объему затрат на ИР в Гонконге, 2011 (в % от общих затрат на ИР)

Примечание – Источник: [2, с. 46].

В результате роста инвестиций в ИР общий объем экспорта высокотехнологичной продукции Гонконга вырос с 52,4 млрд долл. США в 2002 г. до 209,3 млрд долл. США в 2012 г. Средний темп прироста в 15% значительно превышал темп прироста общего объема экспорта продукции в 8%. Доля высокотехнологичного экспорта в общем объеме экспорта возросла с 26,2% в 2002 г. до 47,3% в 2012 г., что подтверждает рост значимости высокотехнологичного производства Гонконга (рис. 5).

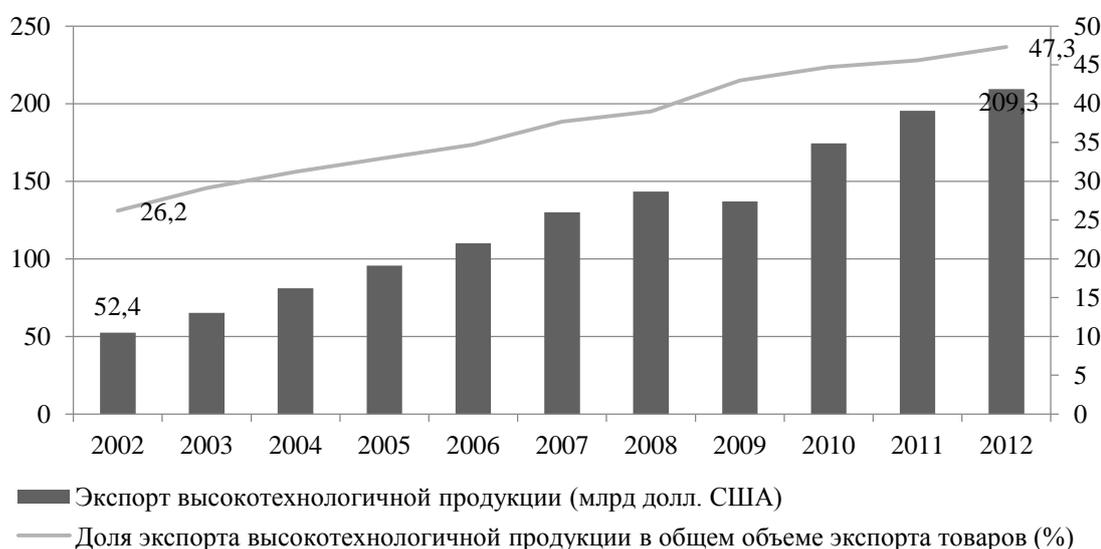

Рисунок 5 – Динамика высокотехнологичного экспорта Гонконга, 2002–2012 гг.

Примечание – Источник: [2, с. 60].

Экспорт высокотехнологичной продукции Гонконга выиграл от экономического роста Континентального Китая, наблюдавшегося в последние годы. Доля Континентального Китая составляла 65 % от экспорта высокотехнологичной продукции в 2012 г.

В высокотехнологичном импорте Гонконга доминировала продукция, связанная с информацией и коммуникациями. Однако данная продукция предназначалась, прежде всего, для реэкспорта, и потому телекоммуникационная продукция и офисное оборудование доминируют как в импорте, так и в экспорте (табл. 1).

Таблица 1. Структура высокотехнологичного экспорта Гонконга по категориям (%)

	2002		2012	
	Млн долл. США	%	Млн долл. США	%
Телекоммуникации	28613,72	55	145062,9	70%
Офисное оборудование	16351,67	31	42241,24	19%
Научные приборы	3612,436	7	10828,09	5%
Электрооборудование	2,152051	4	6790,593	3%
Аэрокосмическое оборудование	660,8974	1	3011,727	1%
Химическая продукция	404,359	1	488,9175	-
Неэлектрическое оборудование	390,7692	1	476,6753	-
Медицинские и фармацевтические препараты	249,2308	-	421,0052	-

Примечание — Источник: [3, с. 11].

Развитие высоких технологий в Гонконге обусловлено как политикой, направленной на развитие внутренних источников исследований и разработок, так и привлечением иностранного капитала.

Высокотехнологичные отрасли Гонконга стали привлекательными для ПИИ как малых и средних предприятий (МСП), лидирующих по объемам вложений, так и глобальных корпораций, таких как General Electric, Schneider и Nissan, размещающих там свои подразделения. Возросший интерес к Гонконгу связан, прежде всего, с кризисом в ЕС. Общее количество зарубежных компаний в 2012 г. составило 7250.

Первыми компаниями, осуществлявшими инвестиции в Гонконг, были японские компании, искавшие дешевую рабочую силу в конце 50-х гг. для сборки транзисторных приемников и другой продукции. В 60-х гг. многие американские компании, такие как Fairchild, Ampex и Teledyne наладили в Гонконге сборку бытовой техники и полупроводников. Крупные ТНК проводили обучающие курсы для инженеров, управляющих среднего звена и технического персонала. Большинство компаний работало по договорам субподряда. Так, проведенное в 1978 г. в Гонконге исследование 415 мелких предприятий (до 50 занятых) в швейной, трикотажной, текстильной, электронной промышленности, изделий машиностроения показало, что 80 % из них работало по субподрядам – конечными заказчиками были западные и японские ТНК [4, с. 79].

Первой гонконгской компанией по производству электроники была Champagne Engineering Corporation, начавшая производить транзисторные приемники в 1959 г. для компании Sony.

В настоящее время в перечне 100 крупнейших нефинансовых ТНК из развивающихся стран и стран с переходной экономикой (по объему зарубежных активов) за 2011 г. представлены двадцать компаний из Гонконга. Диверсифицированная

компания Hutchison Whampoa Limited в этом рейтинге занимает первое место по объему зарубежных активов (77 291 млн долл. США) [5].

В рейтинге 500 компаний Forbes Global за 2013 г. представлены крупнейшие компании из Гонконга. Среди них телекоммуникационные компании China Mobile (29 место) и China Unicom (217), нефтегазовая Сноос (111), страховая AIA Group (150) [6].

Таким образом после приобретения независимости от Англии в 1997 г. правительство Гонконга приняло ряд важных мер по стимулированию трансфера технологий и развитию высокотехнологичных производств. Этому способствовало создание СП с крупнейшими международными компаниями и обучение персонала; производство продукции (в основном телекоммуникационного оборудования, часов, плат) OEM-способом (вид субконтрактных отношений, при котором местная фирма производит продукцию точно соответствующую спецификации зарубежного партнера).

Эффективности государственной политики способствует инвестиционная привлекательность Гонконга, которую обуславливает стратегическое положение, обеспечивающее выход на рынок Китая; статус порта; простой и благоприятный налоговый режим; развитая инфраструктура.

Приток иностранных инвестиций в Гонконг стимулирует предоставление государством льгот по расходам компаний на ИР, платежей за техническое образование, приобретение патентов и ноу-хау, авторских прав, зарегистрированных торговых марок и т.д.; по затратам на приобретение основных средств, таких как оборудование, компьютеры и ПО; по затратам на экологически чистые технологии; использования метода ускоренной амортизации.

Однако в настоящее время высокотехнологичные отрасли Гонконга несколько отстают в своем развитии от аналогичных отраслей остальных «азиатских тигров». Для ускорения их развития правительством Гонконга введен ряд мер, основными из которых являются следующие:

- финансирование деятельности высокотехнологичных компаний через программы Фонда инноваций и технологий;
- возврат затраченных средств в размере 30% от расходов на исследовательский проект;
- законодательство недискриминационного характера для привлечения ПИИ, обеспечивающее иностранным инвесторам равные права с местными компаниями;
- льготная налоговая политика. В Гонконге одна из самых низких налоговых ставок в мире. Налогом облагаются только доходы: налог на прибыль, налог на заработную плату и налог на собственность. 100% налоговый вычет возможен для затрат на ИР. Данный вычет может включать капитальные затраты, которые в противном случае не вычитались бы.

Достигнутые результаты экономического развития высоко оценены в международных рейтингах. Гонконг входит в тройку стран в рейтингах стран Глобальной конкурентоспособности Института менеджмента, Всемирного экономического форума и Doing Business Всемирного банка (табл. 2).

Таблица 2. Место Гонконга в международных рейтингах

Рейтинг	Место в глобальном рейтинге
Институт менеджмента, «Рейтинг глобальной конкурентоспособности» (2013)	3
Индекс глобальной конкурентоспособности, ВЭФ (2013-2014)	2
ПИИ и трансфер технологий	12 (5.3)
Преобладание иностранной собственности	2 (6.1)
Степень защиты инвесторов	3 (9.0)
«Ведение бизнеса», Всемирный банк (2014)	2

Примечание – Источник: составлено авторами на основе данных [7; 8; 9, с. 10].

Опыт государственной поддержки и стимулирования процесса развития высокотехнологичного производства Гонконга, позволивший стране достичь значительного экономического роста, показателен для стран с недостаточной ресурсной базой, в частности и для Республики Беларусь. Государственная политика направлена на активизацию внутренних и иностранных инвестиций в сфере высоких технологий с использованием льготной налоговой системы и эффективных программ государственного финансирования исследований, образования и высокотехнологичных производств.

ЛИТЕРАТУРА

1. World Bank [Electronic resource]. – 2014. – Mode of access: <http://data.worldbank.org/>. – Дата доступа: 10.10.2014.
2. Hong Kong as a Knowledge-based Economy A Statistical Perspective 2013 // Census and Statistics Department [Electronic resource]. – 2013. – Mode of access: <http://www.statistics.gov.hk/pub/B11100092013BE13B0100.pdf>. – Date of access: 20.09.2014.
3. Hong Kong Monthly Digest of Statistic // Census and Statistics Department [Electronic resource]. – 2013. – Mode of access: <http://www.statistics.gov.hk/pub/B71308FB2013XXXXB0100.pdf>. – Date of access: 10.10.2014.
4. *Цветкова, Н.Н.* ТНК в странах Востока: прямые иностранные инвестиции и глобальные производственные сети / Н.Н. Цветкова // Восточная Аналитика. – 2012. - № 3. – С. 76–84.
5. The World's Biggest Public Companies / Forbes Global 2000 [Electronic resource]. – 2014. – Mode of access: http://www.forbes.com/global2000/list/#page:1_sort:0_direction:asc_search:_filter:All%20industries_filter:All%20countries_filter:All%20states. – Date of access: 12.10.2014.
6. UNCTAD [Electronic resource]. – 2014. – Mode of access: <http://unctad.org>. – Date of access: 05.10.2014.
7. Economy Rankings / Doing Business [Electronic resource]. – 2014. – Mode of access: <http://www.doingbusiness.org/rankings>. – Date of access: 13.10.2014.

8. The Global Competitiveness Report 2013–2014 // WEF [Electronic resource]. – 2013. – Mode of access: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GlobalCompetitivenessReport_2013-14.pdf. – Date of access: 13.10.2014.

9. The World Competitiveness Scoreboard 2013 // IMD World Competitiveness Yearbook 2013 [Electronic resource]. – 2013. – Mode of access: <http://www.imd.org/upload/IMD.WebSite/wcc/WCYResults/1/scoreboard.pdf>. – Date of access: 05.10.2014.

*Лю Сюэсун
(Минск, Республика Беларусь)*

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ ДЛЯ КИТАЯ

1. Взаимосвязь региональной экономической интеграции и ВТО.

В последние 10 лет региональная экономическая интеграция получила бoстрое развитие. С 1995 года после создания ВТО в среднем ежегодно подписывается 11 соглашений о создании нового регионального режима. По нынешнему состоянию большинство стран мира являются по крайней мере членом одной региональной экономической организации. Иным словом, почти все 160 государств-членов ВТО обладают двойным статусом: членством многостороннего торгового режима и членством регионального торгового режима. Таким образом многосторонняя торговая система (ВТО) и региональная экономическая интеграция тесно взаимосвязаны. Их взаимодействие и взаимовлияние непосредственно или косвенно создают условия взаимного сосуществования и совместного развития этих двух тенденций.

С точки зрения долгосрочной перспективы, процесс региональной экономической интеграции (или экономические группировки) не может припятствовать развитию экономической глобализации и развитию многосторонней торговой системы (ВТО). Хотя в настоящее время из-за затягивания переговорного процесса Дохийского раунда все больше и больше стран прибегают к соглашениям региональной свободной торговли или другим формам региональной экономической интеграции. К примеру, в последние годы США как самая большая экономика в мире увлекается переговорами в рамках Транс-тихоокеанского партнерства (ТРП) и Transatlantic Trade and Investment Partnership (ТТИП), считая, что интеграция такого регионального масштаба приносит больше выгоды для США и уменьшает актуальность ускорения Дохийского раунда переговоров в рамках ВТО. Но с точки зрения долгосрочной перспективы, региональная экономическая интеграция будет стимулировать процесс экономической глобализации в качестве среднего звена и промежуточной ступени. Региональная экономическая интеграция станет стимулом как для здорового развития ВТО, так и для развития мировой экономики и торговли в целом. Главные аргументы следующие:

а. Региональная экономическая интеграция и многосторонняя торговая система имеют общие цели. Цель региональной экономической интеграции заключается в координации и регулировании позиций и интересов между членами региона,

устранении различных препятствий в свободном передвижении товаров, услуг и ресурсов производства, максимизации благосостояния стран региона и стимулировании свободной торговли. Такая цель в конечном счете совпадает с целью ВТО – уменьшение торговых барьеров, стимулирование свободного передвижения товаров.

б. Унифицированные действия региональной экономической интеграции способствуют переговорному процессу в рамках многосторонней торговой системы (ВТО). В процессе реализации региональных торговых соглашений формируются общие интересы у членов региона, что полезно для достижения консенсуса в либерализации торговли между членами региона. Если большинство стран могут достигнуть единой позиции о свободной торговле (учитывая и тарифные, и нетарифные меры) в региональном масштабе, то в реальности за столом переговоров ВТО будет сидеть меньшее количество участников. Таким образом, будет эффективно уменьшаться степень сложности переговоров в рамках ВТО. В противном случае, трудно сделать большой прогресс на переговорах ВТО по причине большого количества тем и вопросов в повестке переговоров и довольно сложных отношений между участниками. Как составная часть многосторонних переговоров, региональная экономическая интеграция может косвенно стимулировать прогресс переговоров ВТО. Например, создание NAFTA и АРЕС в большой степени дало стимул переговорам по теме тарифов и доступа на рынки между США, Канадой, Японией и Европейскими странами, что обеспечило успешное завершение Уругвайского раунда в 1993 году, который длился почти 10 лет.

в. В региональной экономической интеграции обычно придерживаются не принципа «наибольшего благоприятствования», а принципа «невзаимного благоприятствования», или «по согласованию». Такая концепция упрощает переговоры и приводит к подписанию соглашения. В настоящее время затруднительны многосторонние переговоры по торговле услугами. В этой связи все больше и больше членов-государств ВТО прибегают к региональному соглашению (RTAS) с целью либерализации торговли услугами. В аспекте торговли услугами RTAS являются движущей силой для ВТО. Те условия, по которым пока нельзя договориться в рамках ВТО, могут быть реализованы в торговле услугами в рамках регионального масштаба, что может предоставить базу для переговоров ВТО.

№ п/п	Страна	Кол-во соглашений о свободной торговле	Кол-во партнеров по свободной торговле	Удельный вес товарооборота партнеров по свободной торговле от общего объема импорта и экспорта (%)	Удельный вес импорта из стран-партнеров по свободной торговле от общего объема импорта (%)	Удельный вес экспорта в страны-партнеры по свободной торговле от общего объема экспорта (%)
1	Мексика	13	43	81.16	71.03	91.30
2	Канада	7	12	68.14	59.39	77.03
3	Турция	17	46	44.14	41.40	48.39
4	США	14	20	39.45	34.66	46.43
5	Южная Корея	8	45	34.76	32.07	37.31

6	ЕС	34	66	27.47	24.91	30.19
7	Австралия	7	14	26.68	35.16	18.42
8	Китай	10	18	25.56	21.43	29.22
9	Япония	13	15	18.92	18.16	19.77
10	Индия	9	19	16.77	15.06	19.65
11	Бразилия	5	11	14.25	12.44	15.91
12	Россия	12	13	9.13	7.52	10.04

2. Китай и региональная экономическая интеграция

На фоне динамичного развития региональной экономической интеграции во всем мире, Китай в качестве самой крупной развивающейся страны принимает активное участие в процессах региональной экономической интеграции и построении зон свободной торговли. На конец 2013 года Китай подписал 1 региональное торговое соглашение и 18 соглашений о свободной торговле, затрагивающих 22 страны и отдельные таможенные зоны. Тем не менее Китай все еще уступает США, ЕС и другим странам по темпам создания зон свободной торговли.

В 1980 году Китай и Индия установили отношения торгового партнерства. В то время США и Бразилия еще не имели торговых партнеров. Но с 1980 по 2000 гг. Китай не увеличил количество соглашений по торговому партнерству, и сфера соглашений ограничивалась только Азией. За этот период США, Германия, Бразилия и Индия существенно увеличили количество соглашений о свободной торговле. США и Бразилия заключили соглашения не только со странами своего континента, но и с заокеанскими партнерами. Например, в 1985 году США и Израиль подписали соглашение о свободной торговле товарами, на основе которого в 2000 году США и Иордания подписали соглашение о свободной торговле не только торговли товарами, но и туслугами. Только после 2000 года Китай начал ускорять процесс региональной экономической интеграции, а также подписание и реализацию соглашений о свободной торговле. На сегодняшний день Китай подписал 9 соглашений о свободной торговле, которые затронули 17 стран Азии, Латинской Америки, Океании, Европы. Объем торговли по таким соглашениям занимает около 12% от общей внешней торговли Китая. Такие соглашения включают Соглашение о свободной торговле между Китаем и ASEAN, Соглашение о свободной торговле между Китаем и Пакистаном, Соглашение о свободной торговле между Китаем и Чили, Соглашение о свободной торговле между Китаем и Новой Зеландией, Соглашение о свободной торговле между Китаем и Сингапуром, Соглашение о свободной торговле между Китаем и Перу, Соглашение о свободной торговле между Китаем и Коста-Рика, Соглашение о свободной торговле между Китаем и Исландией, Соглашение о свободной торговле между Китаем и Швейцарией. Нужно подчеркнуть, что как отдельные таможенные субъекты, Сянган, Макао и Тайвань также подписали соглашения с континентальной частью Китая. Таким образом в 2012 году товарооборот между Китаем и вышеуказанными торговыми партнерами составил 988,8 млрд. долларов США, что составляет 25,6% от общей внешней торговли Китая. В результате благодаря вышеперечисленным соглашениям взаимная торговля между Китаем и его партнерами получила импульс к развитию. По статистике китайской таможи в 2012 г. товарооборот между Китаем и 15 партнерами свободной торговли

составил 475,4 млрд. долларов США, что на 10,3% больше по сравнению с предыдущим годом. Такой показатель выше показателя прироста глобальной торговли на 4,1%.

В настоящее время Китай ведет переговоры по 6 соглашениям свободной торговли, которые касаются 22 стран, а именно Кореи, Японии, Австралии, Норвегии, Колумбии, Шри-Ланки, Индии и др.

Хотя Китай достиг конкретных результатов в построении своей сети свободной торговли, однако по сравнению с развитыми и быстро развивающимися странами, для Китая все партнеры по свободной торговле не обладают большой экономической мощностью, их значение и роль в международной экономике ограничены. Среди них только Индонезия и Швейцария входят в первую двадцатку в мире по экономической мощи. Одним словом, уровень развития Китая в области создания зон свободной торговли остается относительно низким. Китай отстает от передовых стран, а среди растущих экономик выше только России. К примеру, в 2011 году США, ЕС, Корея и Мексика имели 20, 53,46 и 43 партнеров по свободной торговле соответственно. Их товарооборот с этими торговыми партнерами составлял удельный вес в своей общей торговле 37%, 27%, 35% и 73% соответственно. Для Китая эта цифра составляет лишь 12%. Самый большой партнер по свободной торговле для Китая это АСЕАН. Взаимный экспорт Китая и АСЕАН занимает только 3% от общего мирового экспорта, что сильно отличается с показателями ЕС и НАФТА. Взаимный экспорт 27 стран ЕС составляет 49% от всеобщего глобального экспорта, а взаимный экспорт стран-участниц НАФТА – 13%.

Когда Китай постепенно создает режим свободной торговли в Океании (Новая Зеландия), Южной Америке (Чили), Центральной Америке (Коста-Рика), США и Европейские страны уже прилагают усилия к созданию транстихоокеанской и трансатлантической сети свободной торговли, которая охватывает и торговлю товарами, и торговлю услугами, при этом основной акцент делается на торговлю услугами, что привлекает и развитые страны, и развивающиеся страны. Доказательством этому служат Транс-Тихоокеанское партнерство и переговоры Евросоюза и США о создании так называемого Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства. В случае успешного достижения данных целей, будет создана зона свободной торговли в Азии и Тихоокеанском регионе (что охватывает почти всех членов АТЭС) и зону свободной торговли США и ЕС, что приведет к кординальному изменению карты мировой торговли. В марте 2013 г. Япония официально заявила о присоединении к переговорам ТТП. Таким образом, в настоящее время количество участников ТТП составляет 13 стран: США, Япония, Канада, Мексика, Австралия, Новая Зеландия, Чили, Малайзия, Перу, Вьетнам, Бруней, Сингапур, Тайвань. Планируется создание международной торгово-экономической организации, целью которой является создание зоны свободной торговли в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Организация будет создана на основе разрабатываемого торгового соглашения между ее участниками.

В то время как в настоящее время Китай уже стал второй страной по экономической мощи в мире, занимает первое место по экспорту и второе место по импорту товаров, третье место по экспорту и четвертое место по импорту услуг, ны-

нешнее положение по созданию зон свободной торговли не является удовлетворительным. Сфера охвата зоны свободной торговли Китая ограничивается только Азией, Океанией и Центральной Америкой. С такими ведущими экспортерами, как США и ЕС Китай не создал зоны свободной торговли.

3. Китай ускоряет создание зоны свободной торговли

Китай должен разрабатывать свою стратегию по созданию зоны свободной торговли. Практика таких развитых стран, как США, показывает, что стратегия по созданию зоны свободной торговли уже выходит за рамки экономического сотрудничества. Она будет затрагивать и глобальную политику, дипломатию и право на глобальное экономическое регулирование. В связи с определенным отставанием Китая от общемировой тенденции активного создания зон свободной торговли, Китаю необходимо разработать свою стратегию по размещению сети зон свободной торговли, которая должна стать составной частью общей внешнеторговой и внешнеэкономической политики.

На основании изучения тенденции развития зон свободной торговли и перемен на экономической и политической аренах, Китай будет отслеживать действия главных торговых партнеров, адресно разрабатывать свои меры с целью привести свою стратегию зон свободной торговли в координацию и соответствие со своей торговой политикой, а также концепцией экономического развития Китая.

По моему мнению, Китай должен продвигать эту работу по следующим направлениям:

Во-первых, активно продвигать создание зон свободной торговли с развивающимися странами. В новом веке Азия и другие растущие страны получили динамичное развитие. Их роль в глобальной экономике год за годом увеличивается. Если в 2004 году доля азиатских развивающихся стран во всем мировом экспорте составляла 21%, то в 2030 году этот показатель увеличится до 39%. В этой связи Китай рассматривает установление связей свободной торговли в первую очередь со странами-соседями. Шанхайская организация сотрудничества изначально была создана для решения вопроса разоружения и создания взаимодоверия на границах стран-участниц. За более 10 лет ее существования, ШОС уже получила большое развитие по многим направлениям, в частности по торгово-экономическому сотрудничеству. Вполне возможно рассмотреть вопрос о создании режима свободной торговли. Но тут нельзя игнорировать важный фактор: среди стран-участниц ШОС Россия и Казахстан, будучи второй и третьей экономикой после Китая, одновременно являясь учредителями другой региональной экономической организации – Таможенного союза (Единое экономическое пространство или Евразийский экономический союз с 01.01.2015 года). Кыргызстан скоро тоже станет ее членом. Вопрос о регулировании соотношения между этими двумя организациями оказался весьма актуальным и чувствительным, так как Евразийский экономический союз достиг более высокой степени экономической интеграции. Помимо ШОС, переговоры по свободной торговле ведутся между Китаем и Кореей и по схеме Китай-Япония-Корея. На недавно состоявшемся самите АТЭС в Пекине, Китай и Корея совместно заявили о завершении переговоров по свободной торговле и заключили соглашение. На юго-востоке на основе Зоны свободной торговли Китая и АСЕАН,

Китай будет наполнять новым содержанием ЗСТ и углублять экономическое сотрудничество.

Во-вторых, необходимо активизировать деятельность по созданию свободной торговли с такими развитыми странами, как США и ЕС. По статистике ВТО, в 2011 г. самыми главными экспортными рынками Китая стали ЕС, США, Гонконг (в качестве отдельной таможенной территории Китая), Япония, Корея, что занимает долю в общем китайском экспорте 18,8%, 17,1%, 14,1%, 7,8%, 4,4% соответственно, при этом суммарная доля ЕС и США составляет почти 36%. В общем китайском импорте ЕС и США занимают 20%. Но до сих пор Китай не заключил соглашение свободной торговли ни с США, ни с ЕС. Автор считает, что Китай должен активизировать изыскание возможности присоединиться к ТТП. Некоторые ученые считают, что запуск переговоров ТТП, инициированный США, предназначен для предотвращения увеличения влияния Китая. По моему мнению, изначально у США действительно был замысел сдерживать влияние Китая, так как на переговоры были приглашены Мексика, Вьетнам и другие страны, уровень открытости и степень торговой либерализации которых уступают Китаю. Спустя 12 лет после вступления в ВТО, Китай значительно поднял уровень экономики открытого типа. Тем не менее, на переговоры ТТП Китай не был приглашен. Тут очевидна политика «АВС» (Anyone But China). В процессе китайско-американского стратегического и экономического диалога (регулярный механизм встреч на высоком правительственном уровне), были обсуждены темы, связанные с ТТП. Не исключается возможность присоединения Китая к ТТП в будущем. С другой стороны, учитывая «высококачественные положения 21-го века» ТТП и стремление США создать новейшую версию ЗСТ, унифицировать правила и нормы, исходя из глобальных интересов Америки, Китай прежде всего должен изучить возможные вызовы от ТТП. Если Китай не может договориться с США и ЕС о свободной торговле в течение длительного промежутка времени, то это будет сказываться не только на китайской внешней торговле, но и – в перспективе – на китайском внешнеэкономическом и внешнеполитическом развитии. В этой связи необходимо активизировать деятельность по развитию свободной торговли с США и ЕС. С развитыми странами и на региональном масштабе Китай уже сделал попытки по развитию свободной торговли. 17 ноября 2014 года во время визита Председателя Китая Си Цзиньпина в Австралию, обе стороны объявили об успешном завершении переговоров о свободной торговле, что может предоставить опыт для переговоров с другими развитыми странами. На Пекинском саммите АТЭС была утверждена «Дорожная карта» ЗСТ АТЭС, что запустило процесс создания ЗСТ под эгидой АТЭС, членами которой являюся США, Япония, Россия и другие страны.

В-третьих, необходимо усилить работу по пропаганде ЗСТ и изучению новых тенденций развития ЗСТ. Известный американский экономист Дж. Бхагвати выдвинул «феномен Спагетти боул» (Spaghetti bowl phenomenon¹), состоящий в том, что существование разных соглашений ЗСТ и соглашений региональной свободной торговли приводит к тому, что различные льготные режимы, правила происхождения, как спагетти в пиале, взаимно завязываются и переплетаются.

¹ см. U.S. Trade Policy, автор Bhagwati

В таком случае, нужно просвещать субъекты хозяйственной деятельности о таких льготных тарифных условиях, правилах товарного происхождения и т.п. с целью полностью использовать их в интересах своей деятельности. После вступления Китая в ВТО в 2001 году прошло двенадцать лет, и сегодня не только китайские предприятия, но даже простые китайцы уже осведомлены о всех правилах ВТО. Но, к сожалению, ЗСТ пока не пользуются популярностью. Что касается исследования этой отрасли, Китай недостаточно хорошо знает «правила игры» и системные специфики соглашения свободной торговли. В течение более 10 лет Китай пассивно проводит такие исследования. На фоне бурного развития зон свободной торговли Китай должен следовать данной тенденции, следить за новыми действиями главных торговых партнеров Китая, разрабатывать свою стратегию и меры по развитию своей сети свободной торговли.

ЛИТЕРАТУРА

1. WTO official site [Electronic resource]. – Mode of access : http://www.wto.org/english/tratop_e/region_e/region_e/htm
2. 陈志阳. 后多哈时代泛自贸化现象: 探析与对策 // 国际经济合作. – 2012年. – 第五期.
3. 商务部自贸区网站 [Electronic resource]. – Mode of access : <http://fta.mofcom.gov.cn/index.shtml>.
4. 魏建国. 主动加入 TPP 对中国更有利 // 环球时报. – 2013年7月26日.
5. 荆林波、袁平红. 中国加快实施自由贸易区战略研究 // 国际贸易. – 2013年. – 7期.

Нестерова А.А.

(Минск, Республика Беларусь)

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ РЫНКА ТРУДА В КНР

В статье проведен анализ китайского рынка труда, выявлены основные особенности его функционирования. Автором показано, что для Китая характерна нехватка рабочей силы и нерациональная структура использования рабочей силы. Нехватка рабочей силы и нерациональная структура использования рабочей силы тормозят развитие китайской экономики. Дефицит квалифицированных рабочих наиболее остро ощущается в сфере традиционных промышленности и наукоемкой техники.

Ключевые слова: рынок труда, занятость, безработица, экономически активное население, рабочая сила.

The article analyzes the Chinese labor market, identified the main features of its functioning. The author shows that China is characterized by a shortage of labor and the

irrational structure of labor utilization. Labour shortages and unsustainable pattern of labor utilization hamper the development of the Chinese economy. Shortage of skilled workers is most acute in the area of traditional industries and high technology equipment.

Keywords: *labor market, employment, unemployment, the economically active population, the labor force.*

Формирование эффективного рынка труда и выбор его оптимальной модели является одним из приоритетных направлений экономического развития современного Китая. Модернизация производства, приватизация, реструктуризация, акционирование и банкротство предприятий и объектов государственной собственности, развитие частного предпринимательства таят в себе опасность обострения многих социальных проблем и в первую очередь сокращение рабочих мест, массовое увольнение работников, закрытие предприятий, рост безработицы, сокращение финансирования социальных программ и т. д.

Значительный вклад в познание процессов на рынке труда в Китае внесли китайские исследователи Вей Фэн, Хун Чуньчан, Джен Шинхуа, Лю Фугин, Чу Яньхун, Чхао Люй Куань, Чжан Юйтин, Ху Цзюнь Чан, Сян Шао Лянь, Ян Ти Жэнь и Ци Гуан Хуа и др. Значительный вклад в исследование рынка труда вносят белорусские ученые Л.С. Боровик, Е.В. Ванкевич, И.Н. Боброва, Л.Е. Тихонова и др.

Согласно проведенной в 1964 г. второй всеобщей переписи населения, в Китае насчитывалось 387,1 млн. человек трудоспособного возраста. В 1982 г. третья всеобщая перепись зафиксировала увеличение его численности до 621,6 млн. Значит, за 18 лет прирост трудоспособного населения составил 234,4 млн. человек (или 50,56%), то есть на 13 млн. каждый год. В 2012 г. численность трудоспособного населения Китая достигла 812,6 млн. человек, или стала на 136 млн. (на 17,1%) больше, чем в 2002 г.

Таким образом, темпы прироста населения трудоспособного возраста уменьшились, но абсолютные его показатели остаются высокими, поскольку базисная численность населения велика.

Анализ сложившегося рынка труда в Китае показывает, что огромное население страны оказывает мощное давление на решение многих социально-экономических проблем, в том числе на проблему занятости и трудоустройства.

В Китае в структуре трудоустройства в городах и поселках произошел отход от аграрности. В 1997 г. доля людей, занятых в несельскохозяйственном секторе, впервые превысила 50 %. Это был момент исторического перелома в структуре трудоустройства в стране, знаменующий переход к современной структуре. Во-вторых, по-прежнему остается очевидной низкая структура трудоустройства. В целом, общий уровень структуры трудоустройства остается отсталым, что проявляется в невысокой доле индустрии с акцентом на сельское хозяйство. Вплоть до 90 гг. XX в. доля людей, занятых в сельском хозяйстве, значительно превышала уровень развитых стран, в то время как в сфере услуг – ниже 10%. Доля людей, занятых в сфере услуг, не отвечала требованиям развития экономики и повышения уровня жизни населения. Данные таблицы 1 свидетельствуют, что в 1980 г. этот процент составлял лишь 11,6%, а в 1995 г. – 24,8%. Несколько он вырос в 2000 г. –

26,7%, но значительно ниже соответствующего процента в странах со средним уровнем развитости – 30–40%, в развитых странах – 50–75% [1, с. 100].

Таблица 1 – Изменение отраслевой структуры трудоустройства рабочей силы в Китае в 1980–2012 гг. (%)

Год	Первая индустрия (сельское хозяйство)	Вторая индустрия (промышленность, строительство)	Третья индустрия (сфера услуг)
1980	72,1	16,3	11,6
1986	62,5	21,1	16,4
1986	61,1	22,1	16,8
1987	60,1	22,5	17,4
1988	59,5	22,6	17,9
1989	60,2	21,9	17,9
1993	56,4	22,4	21,2
1995	52,2	22,2	24,8
2000	49,1	23,0	26,7
2001	49,0	23,1	26,9
2005	48,9	23,1	27,0
2012	30,3	33,6	36,1

Примечание – Источник: [2, с. 8]

С точки зрения конкретного уровня и состояния развития индустрии, эволюция структуры производства в Китае по-прежнему примечательна своей неравномерностью и разительно отличается от «стандартной модели» индустриализации в других странах.

1. Доля первой и второй индустрии чрезмерно велика. На настоящем этапе средние доходы на человека немного выше, чем в странах с низкими доходами, однако доля доходов во второй индустрии выше, чем в эти странах, почти на 10 % и значительно выше, чем в остальных странах.

2. Большое количество рабочей силы остается в селах в первой индустрии. В настоящее время количество излишней рабочей силы в деревнях уже достигло 220 млн. [3, с. 16]. Это не только препятствует повышению производительности труда в условиях ограниченных ресурсов пахотных земель, но также ограничивает стабильный рост доходов в сельской местности и сельского рынка и в конечном итоге нарушает рыночные условия для продолжительного роста промышленного производства и урегулирования отраслевой структуры.

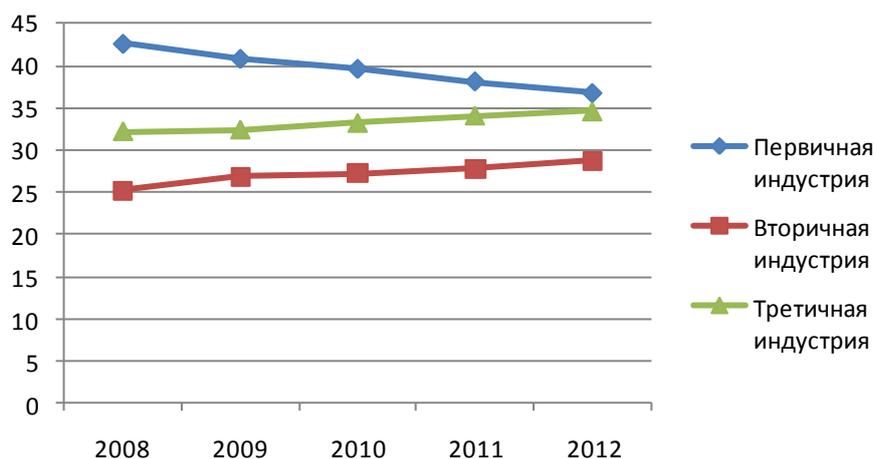

Рисунок 1 – Тенденции изменения занятости населения по отраслям
Примечание – Источник: собственная разработка на основании [4]

3. Третья индустрия значительно отстает по сравнению с другими странами с таким же уровнем доходов. В Китае третья индустрия занимает меньшую долю как по трудоустройству, так и по доходам. В особенности отрасли транспортных, коммуникационных, финансовых, страховых и информационных услуг, являющиеся важными составными частями современной экономической жизни, значительно отстают в развитии, что не только препятствует росту промышленного производства, но также затрудняет успешное продвижение рыночной реформы, центральная задача которой – реформа государственных предприятий [5, с. 71].

Причины, приведшие к несбалансированности структуры производства в Китае, многоаспектны. Часть из них заключается в том, что Китай – крупная аграрная держава с большим населением, часть – в деформированности традиционной структуры производства, а часть – в определенных ошибках стратегии экономического развития, принятой после начала реформ и расширения внешних связей, таких как политика перевода сельскохозяйственной рабочей силы на местах. Все это в определенной мере препятствовало нормальному переводу рабочей силы и «естественному» усовершенствованию структуры производства.

В целом, с начала проведения реформ и открытости в Китае начался период упорядочения структуры трудоустройства; произошли изменения в соотношении доли трудоустройства в городах и поселках, в различных индустриях и на предприятиях различных форм собственности. Эти изменения сопровождали реформу структуры экономики и урегулирование структуры индустрии, и в конечном счете они ведут к установлению современной отраслевой структуры трудоустройства.

Проведем анализ влияния роста предложения рабочей силы на занятость. Хотя в настоящее время рождаемость в Китае уже уменьшилась до 15,23%, приблизившись к уровню многих развитых стран мира, но общая численность населения, в том числе населения в трудоспособном возрасте, еще имеет тенденцию к увеличению. Численность населения в трудоспособном возрасте (мужчин – с 16 до 59 лет; женщин – с 16 до 54 лет) в 1995 году составила 731 млн. человек, в 2000 году – 888 млн. человек, в 2012 году она увеличилась до 910 млн. человек. Уменьшение рождаемости в ближайшие годы скажется на уменьшении населения в тру-

доспособном возрасте лишь после 2016 года; только к 2030 году численность населения в трудоспособном возрасте будет соответствовать уровню 2000 года [4, с. 28].

В городах число новых рабочих мест увеличится примерно на 4-6 млн.; кроме этого, будут освобождены около 3 млн. мест в связи с выходом работников на пенсии. Таким образом, общее число новых рабочих мест составит примерно 7-9 млн. Однако в 2013 году прирост численности городского населения, достигшего трудоспособного возраста, составит примерно 10 млн., т.е. численность новых безработных в 2013 году будет составлять 5-6 млн. человек. Общее количество необходимых рабочих мест составит около 20 млн. В конечном счете избыточная рабочая сила в 2013 году в Китае только в городах достигнет 11-13 млн. человек [6, с. 226].

С точки зрения предпочтений, большинство безработных намерены трудиться в государственном секторе, который обладает относительно развитой системой социального обеспечения; в негосударственном секторе уровень социального обеспечения более низкий. Однако почти половина рабочих мест, которые безработные считают подходящими для себя, в ходе реформы перешли в негосударственный сектор.

Реальная картина повторного трудоустройства была такова: доля безработных, которые нашли работу в государственном секторе, составила 33,1%; на коллективных предприятиях – 15,6%; в индивидуальном предпринимательстве – 20,3%; на частных или индивидуальных предприятиях – 18,2%; на предприятиях с трехсторонними инвестициями – 5,7%, 71,4% безработных считали, что самыми подходящими для них профессиями являются продавец, официант, простой конторщик, уборщик на предприятиях, водитель и т.д. [7, с. 66].

Исходя из показателей, которые характеризуют спрос на рабочую силу, напряженная обстановка в сфере занятости может сохраняться в течение длительного периода.

Среди факторов, определяющих рост спроса на рабочую силу, первым является показатель экономического роста, вторым – показатель изменения социально-экономической структуры. Исходя из показателей экономического роста (при расчете по среднегодовому темпу прироста ВВП, равному 7%, и коэффициенту эластичности занятости по нему 0,13), в период с 2013 по 2015 год ежегодно будет появляться около 6,5 млн. рабочих мест, что не будет удовлетворено дополнительным предложением на рынке труда, которое составляет в среднем 8 млн. человек в год. С другой стороны, исходя из показателей изменения социально-экономической структуры, потенциал увеличения спроса на рабочую силу еще велик.

Коэффициенты эластичности занятости в отдельных отраслях существенно отличаются. Начиная с 90-х годов, из-за сокращения абсолютной численности рабочих в сельском хозяйстве коэффициент эластичности занятости по отношению к росту сельского хозяйства все время был отрицательной величиной; коэффициент эластичности занятости по отношению к росту промышленности находился в интервале между 0,12 и 0,16; а коэффициент эластичности занятости по отношению к росту сферы услуг в среднем достигал 0,75. В настоящее время в Китае доля работающих в сфере услуг составляет меньше 30% (в развивающихся странах – в среднем около 40%, в Индии – 55%; в развитых странах – в среднем 70%, в США –

80%). Если бы доля занятых в сфере услуг Китая равнялась среднему уровню развивающихся стран, то это позволило бы создать около 90 млн. рабочих мест.

В настоящее время доля городского населения в Китае составляет около 35%, в то время как в других странах этот показатель составляет около 60% (а в некоторых странах – даже более 80%). Предполагаемое увеличение уровня урбанизации в Китае до 45% позволит в течение пяти лет создать в городах несколько десятков миллионов рабочих мест.

Кроме этого, стимулирование развития негосударственных предприятий тоже способствует увеличению потенциала спроса на рабочую силу. Большинство негосударственных предприятий являются средними или малыми. Они имеют многообразные каналы трудоустройства, гибкие способы занятости и относительно низкие требования при приеме на работу. Эти характеристики особо значимы для привлечения рабочей силы. В ближайшие несколько лет более 95% прироста новых рабочих мест в Китае будет опираться на развитие экономики в негосударственном секторе. Особое место в этом процессе будет принадлежать такой быстроразвивающейся отрасли, как информационная.

В Китае коэффициент вклада научно-технического прогресса в экономическое развитие составляет только 29%, что намного ниже коэффициента в развитых странах (60–80%); средний коэффициент аттестованной продукции на китайских предприятиях составляет лишь 70% [8, с. 44]. Одна из причин – нехватка квалифицированных рабочих.

Немало предприятий в КНР имеет передовые производственные линии, однако конкурентоспособность их продукции низкая: даже при использовании одинаковых деталей качество, например, часов не достигает швейцарского. Низкий технический уровень рабочих влияет на качество продукции, равно как и на конкурентоспособность предприятий: в последние годы половина причин аварийности предприятий кроется в невысокой технической подготовки кадров.

В 2012 г. Китайский информационный контролирующий центр рынка труда подсчитал и проанализировал информацию о предложении и спросе на рынке труда 100 городов Китая. Предприятия, которые требуют наличие у рабочего квалификационного разряда, составляют 56%, персонал с начальными или средними навыками, а также мастера и инженеры требуется на 48% предприятий.

Среди людей, которые ищут работу, 50,7% имеют квалификационный разряд; число работников с начальными и средними навыками, техники и инженеры составляют 45,5% [9, с. 171].

Соотношение между спросом и предложением каждого квалификационного разряда больше 1, значит спрос на квалифицированных рабочих превышает предложение. Так, соотношение между спросом и предложением высшего инженера, мастера и высшего мастера составляет 2,52, 2,06 и 1,91. То есть на каждые 2,06 должности приходится только один мастер (рис. 2).

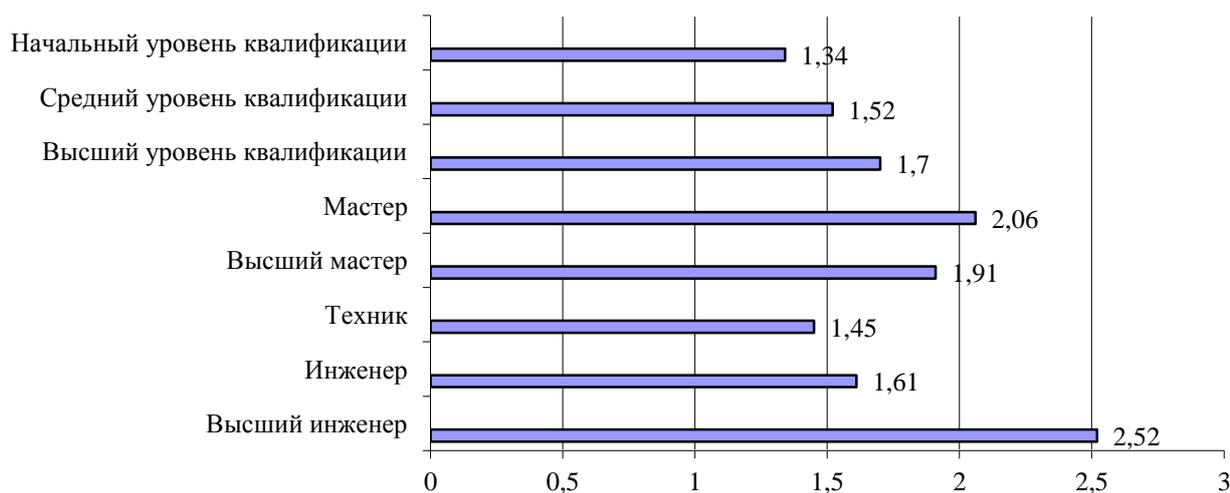

Рисунок 2– Соотношение между спросом и предложением в соответствии с квалификационным разрядом

Примечание – Источник: [9, с. 171]

В Пекине каждый год недостает 330 тыс. квалифицированных рабочих, однако общее число выпускников техникумов, профессиональных средних школ и профтехучилищ составляет лишь около 70 тыс. человек [8, с. 44].

Нехватка рабочей силы и нерациональная структура использования рабочей силы тормозят развитие китайской экономики. Дефицит квалифицированных рабочих наиболее остро ощущается в сфере традиционных промышленности и наукоемкой техники. Удельный вес квалифицированного персонала, по сравнению с общим числом занятых, низкий. Персонал с навыками составляет 33% всех занятых в городах и поселках. В развитых странах этот показатель составляет 50%. Удельный вес квалифицированных рабочих с высшим образованием составляет 6,62%; выпускников училищ – 30,22; выпускников средней школы высшей ступени – 29,06; средней школой низшей ступени – 31,61; начальной школы и ниже – 2,49% [10, с. 8]. В основном большинство квалифицированных рабочих китайских предприятий получают среднее образование 11,5 лет. Такая продолжительность обучения ограничивает их стремление повысить уровень знаний.

В процессе современного производства квалифицированные рабочие должны обладать не только операционным опытом, но и первоначальными навыками в сфере электроники, электротехники и автомеханики. Но обычно квалифицированные рабочие имеют только традиционный операционный опыт, а новые навыки отсутствуют. Из-за отсутствия совершенной системы подготовки молодых квалифицированных рабочих большинство из них не обладает указанными техническими навыками соответствующих разрядов. Удельный вес молодежи на предприятиях становится все ниже. Таким образом, квалифицированных рабочих меньше день ото дня. Тенденция старения квалифицированных рабочих уже заметна на многих предприятиях: только квалифицированные рабочие старше 40 лет имеют ключевые технические навыки, только повторно набранные квалифицированные пенсионеры могут выполнить нужную работу.

Таким образом, в Китае отмечается уменьшение темпов прироста населения трудоспособного возраста, но абсолютные его показатели остаются высокими, поскольку базисная численность населения велика. В Китае в структуре занятости в городах и поселках Китая произошел отход от аграрности. Распределение по отраслям в Китае сформировалось в 2012 г. следующим образом: 30,3% – в сельском хозяйстве; 33,6% – в промышленности, 36,1% – в сфере услуг.

Нехватка рабочей силы и нерациональная структура использования рабочей силы тормозят развитие китайской экономики. Дефицит квалифицированных рабочих наиболее остро ощущается в сфере традиционных отраслей и наукоемкой техники. Удельный вес квалифицированного персонала, по сравнению с общим числом занятых, низкий.

Немало проблем, существующих в Китае, в значительной мере вызвано низким уровнем образования населения.

По данным статистики, 23,5% жителей страны неграмотны и полуграмотны. Нынешнее отставание в образовании, несомненно, будет влиять на дальнейшее развитие экономики и общества в целом. По данным зарубежных исследований, половина национального дохода США является результатом повышения образования рабочей силы [11, с. 15].

Таким образом, низкий образовательный уровень населения является важным фактором, отрицательно влияющим на социально-экономическое развитие Китая. Быстрый рост численности населения помешал накоплению материальных средств и вложению капитала в образование. В 1965 г. в Китае расходы на одного учащегося начальной школы составляли 19,96 юаней в год, на одного учащегося средней школы – 88,89 юаней. К 1978 г. из-за увеличения численности населения ежегодные расходы уменьшились соответственно до 12,61 и 37,57 юаней.

Китай обладает грандиозными человеческими ресурсами. Однако люди не могут оправдывать затраченный на них труд и капитал быстро, подобно природным ресурсам или другому неживому капиталу, а повышение «качества» населения – непереносимое условие успешного развития страны.

Правительство Китая, озабоченное стремительным ростом населения, провозгласило политику его «планового воспроизводства» и, пользуясь поддержкой народа, добилось позитивных результатов в стабилизации и прогнозируемости численности жителей. Вместе с тем очевидным является разрыв между количеством создаваемых рабочих мест и численностью трудоспособных граждан. Назревающая кризисная ситуация – следствие резкого прироста населения, вступившего в возраст максимальной трудоспособности.

Сам по себе состав работающего населения – только один из параметров, характеризующих трудовой потенциал страны. Для его качественной оценки важны состояние и уровень профессиональной подготовки населения.

Профессиональный уровень населения – один из важнейших показателей, отражающих трудовой потенциал страны. Надо признать, что в целом он стал выше, чем десять лет назад, но все еще недостаточно высок, что затрудняет освоение и использование экономических ресурсов, повышение эффективности народного хозяйства. К тому же профессиональный уровень неодинаков по регионам и по отраслям.

В 2012 г. в расчете на 100 тыс. жителей только 3611 человек имели высшее образование (в 1990 г. – 1422 человека). За десятилетие число людей с высшим образованием увеличилось на 53,9%, а со средним – на 38,6%. Тем не менее, в 2012 г. из каждых 100 тыс. человек 85 тыс. оставались неграмотными [10, с. 9]. Отсюда следует, что качественные параметры рабочей силы по критерию «уровень образования» в стране низкие, а потому полноценное использование экономических ресурсов страны и повышение эффективности работы предприятий пока весьма затруднены.

Вместе с тем следует отметить, что с началом рыночных преобразований понимание решающей роли знаний и профессионализма в достижении высоких результатов в труде растет. Но на практике до сих пор в Китае рабочие места зачастую занимают не соответствующие профессиональным и квалификационным требованиям организации люди, принятые на работу исходя из личных предпочтений и интересов руководителей. Такого рода перекосы в кадровой политике негативно влияют на подготовку и использование человеческих ресурсов. Если ситуацию не изменить, общее качество человеческих ресурсов будет снижаться, а конкурентоспособность Китая в мировой экономике начнет падать [3, с. 9].

Таким образом, несмотря на замедление темпов естественного роста населения, наблюдается заметное увеличение численности экономически активного населения. Основные демографические параметры Китая определяются тенденциями последнего десятилетия – население возросло, но коэффициенты его естественного движения стабилизировались, упав до умеренных величин; ускоряющимися темпами шло старение населения, особенно в крупных городах; все больше число мигрантов покидало села, чтобы заняться несельскохозяйственным трудом.

В настоящее время Китай имеет огромные преимущества в экономическом развитии в связи с низким коэффициентом демографической нагрузки (обеспечение населения детских и пожилых – нетрудоспособных возрастов). Численность населения в детском возрасте невелика и продолжает уменьшаться, а число пожилых людей растет, хотя и не очень быстро. Те возможности, которые открываются в связи с благоприятной демографической структурой, способствуют современному экономическому буму, но в обозримом будущем они будут исчерпаны и наступят времена тяжкого демографического бремени. Это связано с закономерным ростом коэффициента демографической нагрузки, в этом случае от Китая потребуются немедленные действия, в первую очередь завершение реформы социального обеспечения. Очевидно, что перспективы развития Китая на ближайшие десятилетия во многом зависят от динамики численности населения и других демографических показателей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Джен, Шинхуа. Трудоустройство в КНР в контексте мирового экономического развития / Джен Шинхуа // Труд. Профсоюзы. Общество. – 2010. – № 2. – С. 97–100.
2. Достижения и проблемы китайской экономики // Экономика и управление в зарубежных странах. – 2013. – № 1. – С. 3–13.

3. Чу, Яньхун. Управление человеческим капиталом китайского предприятия в условиях развивающегося рынка труда: автореф. дисс. ... эконом. наук / Чу Яньхун. – М., 2012. – 22 с.
4. Китайское информационное агентство Синьхуа. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rusnian.xinhuanet.com>. – Дата доступа: 10.10.2014.
5. Тихонова, Л.Е. Рынок труда в КНР: становление и регулирование / Л.Е. Тихонова, Джен Щинхуа. – Минск: БГУ, 2010. – 159 с.
6. Фан, Лемин. Мотивация персонала в управленческой деятельности Китая / Фан Лемин // Социология власти. – 2013. – № 1. – С. 225–231.
7. Чу, Яньхун. Особенности и противоречия развития трудовых ресурсов в Китае / Чу Яньхун // Двигатель. – 2012. – № 2. – С. 66–67.
8. China 2012, Forecasts and Strategies. – Caijing Annual Edition, 2012. – 176 p.
9. Чжан, Юйтин. Взаимодействие предложения и спроса на рынке труда квалифицированных рабочих в Китайской народной республике / ЧжанЮйтин // Социология власти. – 2013. – № 1. – С. 171–176.
10. Достижения и проблемы китайской экономики // Экономика и управление в зарубежных странах. – 2013. – № 1. – С. 3–13.
11. Экономика Китая: анализ состояния и перспективы развития / пер. с англ. Чэнь Цзягуй. – М.: Наука, 2009. – 373 с.

Поплыко В.И.

(Минск, Республика Беларусь)

ЭКСПОРТ КИТАЙСКОГО КАПИТАЛА В СТРАНЫ ЕЭП

Статья посвящена исследованию процессов вывоза капитала из Китая. Рассмотрен процесс накопления китайских инвестиций в России, Казахстане и Беларуси. Анализируются причины вывоза капитала, особенности государственной политики по поддержке экспорта капитала.

Ключевые слова: *мировая внешнеэкономическая политика, «мягкая сила», вывоз капитала, инвестиции, направления и объекты вложения китайского капитала.*

The article investigates the processes of capital export from China. The process of accumulated Chinese investment in Russia, Kazakhstan and Belarus. The reasons of the export of capital, especially public policies to support the export of capital.

Key words: *World foreign economic policy, "soft power", the export of capital, investment, investment trends, and objects of the Chinese capital.*

Введение

По мере того как экономика КНР выходит на второе место в мире, она может позволить себе заниматься экспортом капитала в различных формах. Это как прямые инвестиции, так и предоставление кредитных линий. Современный, этап

начался в 2006 году, когда Китайский комитет содействия развитию международной торговли разработал «Программу выхода за границу». Эта программа поддерживается рядом министерств и ведомств, в частности Министерством коммерции КНР, Государственным комитетом по делам развития и реформы, Государственным налоговым управлением, Китайским импортно-экспортным банком.

Главными целями такой политики являются: поощрение предприятий, инвестирующих за рубежом; повышение эффективности внешнеэкономической деятельности предприятий; уменьшение инвестиционного «перегрева» китайской экономики. Широко осуществляется институциональная поддержка выбранной стратегии: проходят инвестиционные ярмарки и ежегодные симпозиумы по вопросам транснационального инвестирования китайских предприятий. Консалтинговые компании оказывают законодательные, бухгалтерские, финансовые, арбитражные услуги предприятиям для выхода за границу.

В настоящее время Китай стал позиционировать себя как одна из основных стран — экспортеров капитала на международной арене. Инвестиции Китая за границу представляют собой неотъемлемую часть политики открытости этого государства и приоритетное направление внешнеэкономической деятельности правительства страны. Китай и его специальный административный район — Сянган (Гонконг) являются лидерами среди азиатских стран в экспорте прямых иностранных инвестиций [1, с. 156].

Еще одной причиной вывоза капитала из КНР является политика *soft power* как части современной глобальной политики супердержавы. «Мягкая» сила — это способность добиваться желаемого на основе добровольного участия союзников, а не с помощью принуждения и подачек. «Мягкое» могущество подразумевает использование в качестве ресурсов властного влияния привлекательные политические имиджи и культурные ценности, транслируемые средствами массовой информации. «Мягкое» могущество возникает, когда страна привлекает своей культурой, политическими идеалами и программами, проявляется в вовлечении в процесс сотрудничества без угроз и поощрений [2, с. 251].

К «мягкой» силе относятся притягательная сила экономического роста и благосостояния населения страны, привлекательные образы социального строя и моделей развития государства, творческая сила нации, цементирующая сила народа страны, привлекательная внешнеполитическая стратегия. Эффективное использование «мягкой» силы рассматривается в качестве основы повышения международной конкурентоспособности страны.

С позиции данной теории китайские исследователи объясняют распад Советского Союза и анализируют его уроки. Главный исторический урок состоит в том, что Советский Союз в конце XX в. оказался под мощным влиянием «мягкой» силы Запада и не смог противостоять ему посредством собственных инструментов *soft power*. Сегодня, по мнению исследователей, только Китай со своей стратегией строительства и развития «мягкой» силы в состоянии эффективно конкурировать с силами «мягкого» влияния стран Запада [2, с. 254]

Мы живем в эпоху экономической глобализации, и Китай, в отличие от своих партнеров России, Казахстана и Беларуси, в нее уже вписался. Во всяком случае, об этом говорит китайская концепция «выхода за пределы», которой он следует с

2003 года. И все, что он делает и в Казахстане, и в России, Беларуси осуществляется по правилам игры, принятым в глобализирующемся мире. В рамках заявленной темы рассмотрим влияние китайского капитала на постсоветском пространстве.

Россия

Рассмотрим взаимодействие КНР и России на рынке капитала на примере конкретного документа – «Программы сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики (2009–2018 годы)», подписанному премьер-министрами обоих государств осенью 2009 г. Даже при беглом изучении документа можно отметить, что российская сторона из-за невероятной, необоснованной спешки не смогла сделать должные финансовые расчеты и технико-экономическое обоснование предлагаемых проектов. При анализе программ напрашивается вывод о том, что в документах явным образом лоббируются китайские интересы. Наибольшее удивление вызывает целый пакет проектов, предложенных Забайкальским краем, – это фактически разрешение на использование почти всей палитры металло-рудных месторождений, имеющихся в крае. Результатом осуществления этих проектов может стать то, что не в России, а в Китае будет налажено производство олова, свинца, меди, железа, молибдена, золота, сурьмы, титана, ванадия, серебра, германия из сырья российских месторождений [3, с. 200–201].

Прагматизм центрального и местного руководства КНР в отношении Российской Федерации выражается в том, что определенные внутриэкономические проблемы Китая планируется решать за счет привлечения дешевых природных ресурсов России и практически бесплатного использования разработок российских научных и производственных баз. Достигнув хороших экономических показателей, КНР, тем не менее, испытывает потребность в обмене опытом по ряду наукоемких отраслей, в которых у России еще с советских времен имеются серьезные наработки.

Подобная ситуация сложилась не в одночасье, а обуславливалась многими внутренними и внешними факторами развития Китая. Так, столкнувшись после вступления в ВТО с серьезной конкуренцией со стороны импортных товаров, Китай стал прилагать активные усилия по поиску новых рынков сбыта собственной продукции в приграничных странах. Ведущие китайские экономисты рекомендуют частным предпринимателям и государственным предприятиям уделять приоритетное внимание захвату перспективных сегментов российского рынка потребительских товаров, активному продвижению в Россию широкой номенклатуры продукции. При этом они исходят из того, что по целому ряду товарных групп (прежде всего – продовольственных) зависимость России от импорта является весьма значительной. Необходимо понимать, что снятие торговых барьеров между нашими странами создаст благоприятные условия для резкого увеличения поставки китайских товаров и откроет для РФ отнюдь не радужную перспективу стать придатком китайской экономики.

Южный сосед активно использует в собственных интересах слабые стороны российской экономической модели и уверенно закрепляется в целом ряде экспортных секторов в качестве импортера-монополиста. Китайская сторона находит множество способов проникновения на рынки приграничных регионов и привлечения

их интереса к рынку КНР. При этом китайцы зачастую диктуют невыгодные российской стороне условия контрактов, игнорируя естественные интересы партнера [3, с. 202].

Вместе с тем активное продвижение китайского капитала в Россию создает предпосылки для ухудшения положения ряда отечественных предприятий и даже целых отраслей народного хозяйства в силу недостатка у них оборотных средств и, следовательно, возможности в ближайшее время модернизировать промышленные мощности [3, с. 203].

Сотрудничество с КНР должно основываться на принципе взаимной выгоды. Все проекты по взаимодействию стран должны быть хорошо просчитаны. Региону необходимо постепенно отходить от материально-сырьевой направленности экспорта и все ресурсы бросить на подъем традиционного промышленного производства и улучшение социально-демографической ситуации. Россия и Китай смогут укрепить сотрудничество, если будут вместе стремиться найти такую схему развития отношений, при которой различные факторы будут усиливать друг друга, а не оказывать разрушительного влияния на одну из сторон.

Россия должна использовать свои природные ресурсы в первую очередь в интересах собственных граждан и таким образом, чтобы стимулировать собственную, а не чужую экономику. Экономическая стратегия России должна учитывать риски установления экономической гегемонии КНР и быть нацеленной на то, чтобы сдерживать не выгодные нам предложения в рамках совместных проектов. Необходимо отстаивать национальные интересы России, чтобы экономическое сотрудничество с Поднебесной не обернулось для нашей страны очередной волной утечки «мозгов» и технологий и подчинения ее рынка интересам сопредельного государства [3, с. 221].

Казахстан

Китай – одна из многих стран, с которыми Казахстан поддерживает внешнеэкономические контакты. По данным официальной казахстанской статистики, в списке внешнеэкономических партнеров Казахстана до последнего времени Китай не являлся лидером и лишь в 2008 году сумел занять третью позицию, уступив только России и Италии.

Что касается прямых иностранных инвестиций в экономику Казахстана, в общем объеме они не столь уж и значительны и за период с 1993 год по сентябрь 2009 года составили 3,6 млрд долл. США. По данному показателю до 2009 года Китай существенно уступал США и европейским странам, а потому говорить о «китайской экономической экспансии» было бы не совсем корректно [4, с. 124].

Китайские кредиты как другие иностранные взяты на стандартных условиях под гарантию Правительства. Их доля не так велика в общей сумме долга. Если же говорить по большому счету, то расширение сфер деятельности - нормальное явление в двусторонних экономических отношениях. Сегодня, а Китай начинает заходить в проекты в реальном секторе экономики, а не только в отраслях, связанных с добычей и транспортировкой энергоресурсов. Казахстаном с Китаем подписаны документы, регламентирующие наше стратегическое партнерство, и в них можно найти очень много областей, где такое партнерство предусматривается. Главное - соблюсти национальные интересы [4, с. 124–125].

Наиболее дискуссионная и болезненная тема – китайское присутствие в нефтегазовом секторе Казахстана. Поднимая вопрос об угрозе национальной безопасности от иностранного присутствия в нефтегазовом секторе Казахстана, почему-то всегда указывают на Китай, а желательно было бы посчитать процентное соотношение всех присутствующих в Казахстане «иностранцев».

Китай в этом списке занимает далеко не лидирующие позиции. По моим расчетам, в 2008 году доля китайского участия в добыче нефти в Казахстане составляла 20,05%, а газа – 11,60% от общих объемов добычи. Если к этим расчетным цифрам добавить доли участия Китая в АО «Мангистаумунайгаз» и АО «Разведка и добыча КазМунай-Газ», приобретенные Китаем в конце 2009 года, ориентировочно можно спрогнозировать, что с учетом приобретения этих активов доля Китая в добыче в Казахстане нефти возрастет до 25–26%, а газа – до 13–14%. Это, безусловно, не так уж и мало. Однако, например, доля только двух крупнейших в Казахстане газо- и нефтедобывающих компаний, принадлежащих главным образом западным инвесторам – СП ТОО «Тенгиз-шевройл» и «Karachaganak Petroleum Operating B.V.», по добыче нефти составляет 40,90%, а газа – 71,61% [4, с. 126].

Наконец, нельзя обойти вниманием и то обстоятельство, что, в отличие от других иностранных инвесторов, на базе предприятий, приобретенных КНР, в дальнейшем создаются казахстанско-китайские совместные предприятия. Для экономики Казахстана это большой плюс, правда, при разумном использовании этих СП.

Беларусь

Китай является стратегическим партнёром Беларуси в сфере торговли, экономики, науки и новых технологий. Двусторонние отношения Китая и Беларуси активизировались в 2005 году, после визита Александра Лукашенко в Поднебесной и подписания совместной декларации. Од того времени взаимный товарооборот двух стран увеличился в 5 раз. Китай начал давать белорусским предприятиям льготные кредиты, вкладывать капитал в различные проекты. С помощью китайских кредитов в Беларуси произведена модернизация предприятий энергетической, машиностроительной промышленности, создан оператор мобильной связи «Бест» [5].

С учетом законодательства и практики работы китайских финансовых рынков, а также особенностей белорусско-китайского кредитного сотрудничества в качестве возможных белорусских участников финансовых рынков КНР нужно назвать, в первую очередь, Правительство Республики Беларусь в лице Министерства финансов, Национальный банк Республики Беларусь, а затем корпоративные субъекты – коммерческие банки и предприятия Беларуси [6, с. 25].

Казалось бы, что развитие совместного сотрудничества Китая и Беларуси уже вышло на достаточно высокий уровень, но оказалось, что это не предел. С 2010 года сотрудничество Беларуси и Китая вышло на новый уровень. С начала 2010 года между двумя государствами был подписан пакет документов по реализации проектов на 3,5 млрд дол. США, был подписан также ряд кредитных соглашений, коммерческих контрактов, соглашений по реализации проектов в сферах энергетики, промышленности, строительства, дорожно-транспортной инфраструктуры.

В 2011 г. подписано три кредитных соглашения с Экспортно-импортным банком Китая на общую сумму \$1,058 млрд. долл. США. Эти средства направлены

на проект строительства «под ключ» завода по производству сульфатной бленой целлюлозы на базе ОАО «Светлогорский ЦКК». Проект будет реализован совместно с китайской корпорацией SAMCE. Мощность завода составит 400 тыс. т продукции в год.

Республика продолжает также активное сотрудничество с китайскими организациями в разных направлениях. Например, уже много лет Беларусь активно сотрудничает с Эксимбанк КНР, с которым подписано значительное количество соглашений по финансированию приоритетных инвестиционных проектов, кредитных соглашений, будут профинансированы проекты по созданию интеллектуальной транспортной системы Минска, электрификация участков железных дорог в Гомельской и Могилёвской областях [7].

Возникает вопрос: какую пользу для себя видит Китай в сотрудничестве с Республикой Беларусь. Для Китая белорусский рынок является окном в Европу, поэтому они заинтересованы в совместных проектах, в инвестициях в Беларуси. Для белорусской экономики связи с Китаем имеют большое значение, так как помогает стране не только в экономическом развитии, а также в научных исследованиях, разработке новых технологий. Имеются также общие цели, к которым стремятся Китай и Беларусь, и которые эти два государства совместно реализуют. К общим целям взаимного сотрудничества относятся: повышение экономической эффективности производства, повышение конкурентоспособности товаров, увеличение объёмов внешней торговли, содействие в решении социальных проблем, влияние на международную репутацию.

В то же время особая ценность белорусско-китайского проекта обусловлена существованием Таможенного союза. Понятно, что китайцам малоинтересно производить товары только для Беларуси, а вот получив таможенное окно в ЕЭП, они смогут выйти на рынки Казахстана и России. По данным Bloomberg, к концу 2012 года международные резервы Китая достигали свыше 30% от мирового объёма, в 2004 году этот показатель составлял 14%. При этом на две трети они состоят из долларов и на одну треть – евро. Поскольку монетарную политику США и положение евро нельзя назвать стабильным, Китай готов вложить эти запасы в проекты в разных государствах. Беларусь представляется не самым плохим вариантом с учётом дешевой рабочей силы и эффективным курсом национальной валюты [8].

Выводы

В чем же заинтересованность китайской стороны в экспорте капитала в страны ЕЭП? Здесь нелишним будет вспомнить о геополитических амбициях КНР, который давно заявляет о желании конкурировать с США, намереваясь в перспективе стать супердержавой. В этом смысле имеет значение расширение присутствия в любой стране мира, в том числе России, Казахстане и Беларуси. Кроме того, Беларусь может рассматриваться как промышленный трамплин в Евросоюз. На данный момент Китай уже не дешёвый сборочных цех, а скорее экспортер высокотехнологичной продукции. А значит, западные рынки имеют большое значение для китайской экономики [8].

По мнению независимых экспертов, китайцы — достаточно сложные переговорщики, они прагматики. Пока они не увидят свою выгоду, они никуда инвести-

ровать не будут. Хотя денег, которые можно куда-нибудь вложить, в Китае предостаточно. Золотовалютные резервы Китая превышают сегодня 3 трлн. долл. США [9].

Мотивами осуществления экспорта китайского капитала служат:

- получение информации о потребностях и конъюнктуре рынка в стране назначения экспортных товаров посредством учреждения представительства, что стимулирует рост экспорта продукции и увеличение доли на местных рынках;
- поиск новых рынков для закупки дефицитных сырьевых товаров и материалов (инвестиции осуществляются преимущественно центральными властями КНР);
- стремление обойти торговые барьеры и получить доступ на внешние рынки. При этом существенную роль играют возрастающая вовлеченность китайских фирм в международные хозяйственные отношения, их крепнущая финансовая мощь, а также усиливающаяся конкуренция на внутреннем рынке и необходимость перенесения отдельных отраслей промышленности, переходящих в стадию зрелости, в страны с более низкими издержками;
- поиск новых рынков сбыта (вывоз прямых инвестиций из КНР с целью создания местных сбытовых сетей);
- возможности доступа к передовым технологиям, «ноу-хау», а также управленческому и коммерческому опыту для повышения конкурентоспособности китайских компаний (инвестиции в США, Сянган, страны Европы и др.). Китайские корпорации намерены производить товары марок глобального масштаба, что соответствует целям стратегии «выхода вовне» [10];
- падение отдачи от инвестиций. Как уже сказано выше, высокая норма инвестиций, которая сейчас обеспечивает 40% роста, натолкнулась на проблему падения отдачи от них до низких, а в иные годы и очень низких значений. При этом возрастает бремя содержания неприбыльных объектов. Поэтому нужно искать новые объекты для инвестирования, в том числе за рубежом [11, с. 380].

По данным списка Forbes «The World's Biggest Public Companies», в 2011 г. 26 китайских компаний вошли в список 500 крупнейших компаний мира (в 2005 г. их было 18). В числе этих компаний: Китайская нефтегазовая корпорация, Государственная корпорация электросетей, Китайская нефтехимическая корпорация, Торгово-промышленный банк, Китайская корпорация мобильной связи, Китайская компания страхования жизни и другие компании, занимающиеся производством автомобилей, продовольствия и другие. Эти и другие известные китайские компании создают за рубежом исследовательские центры и расширяют производство. В течение прошедших 20 лет крупные и средние производственные предприятия, заменив торговые компании, постепенно становились основными инвесторами Китая за рубежом. Таким образом, транснациональные компании Китая вкладывают средства во многие страны мира, а проводимая правительством КНР политика «выхода за рубеж» способствует освоению международного рынка и повышению национальной конкурентоспособности.

ЛИТЕРАТУРА¹

1. *Хамаганова, Л.Д., Огородникова, Л.Л.* Экспансия китайского капитала в экономику зарубежных стран // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2011. – №6. – С. 156-161.
2. *Русакова, О.Ф.* «Мягкая сила» стран юго-восточной Азии [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/21216/1/iurg-2012-108-24.pdf>. – Дата доступа : 17.11.2014.
3. *Александрова, М.В.* Программа сотрудничества смежных территорий России и Китая: история, факты, пути осуществления// Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – М., 2010. – Вып. 15. – С. 198–222.
4. *Сыроежкин, К.* Китайское присутствие в Казахстане: мифы и реальность // Центральная Азия и Кавказ. – Т. 14, Вып. 1. – 2011. – С. 115–129.
5. *Долева, А.* Китай – стратегический партнёр Беларуси [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://ru.novabelarus.com/ekonomika-belarusi/kitaj-strategicheskij-partnior-belarusi/>. – Дата доступа : 17.11.2014.
6. *Рудый, К.* Возможности привлечения в Беларусь капитала с финансовых рынков Китая. – Банкаўскі веснік. – 2012. – №8. – С. 25–31.
7. *Девяткова, С.* Капитал ищет, где лучше [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://ng.sb.by/ekonomika-3/article/kapital-ishchet-gde-luchshe.html>. – Дата доступа : 17.11.2014.
8. *Пономарева, С.* В чем выгода технопарка для Китая и Беларуси? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.profi-forex.by/news/entry5000019738.html>. – Дата доступа : 17.11.2014.
9. *Заяц, Д.* Китай сделал «главную задачу» Беларуси архисложной [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://naviny.by/rubrics/economic/2012/01/20/ic_articles_113_176565/. – Дата доступа: 17.11.2014.
10. *Сюй, Чи, Жилина, Л.Н.* Политика и стратегии КНР в отношении вывоза капитала // Территория новых возможностей. – Вестник ВГУЭС. – 2012. – №1 – С.14–21.
11. *Гринин, Л.Е.* Китайская модель и перспективы лидерства Китая в мире // Век глобализации. – Выпуск №2(10). – 2012. – с.378–394.

¹ При написании материала использовались статьи взятые из электронной библиотеки [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://elibrary.ru/defaultx.asp>

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕКТОР РАЗВИТИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ЕГО РОЛЬ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ КИТАЯ

Рассматривается опыт Китая в повышении конкурентоспособности национальной экономики через развитие наукоемкого производства, проведение эффективной внешнеэкономической политики, создание трансграничных структур международного уровня. Сделан вывод, что реализуемый во внешнеэкономической политике технологический вектор развития национальной экономики Китая служит основой в экономической и политической интеграции страны

Ключевые слова: конкурентоспособность, инновационное развитие, транснациональная корпорация, инвестиции, наукоёмкое производство.

Experience of China in increase of competitiveness of national economy through development of the knowledge-intensive production, carrying out effective external economic policy, creation of cross-border structures of the international level is considered. The conclusion is drawn that the technological vector of development of national economy of China realized in the external economic policy, forms a basis in economic and political integration of the country

Keywords: competitiveness, innovative development, multinational corporation, investments, knowledge-intensive production.

В настоящее время в научных исследованиях как в Беларуси, так и за рубежом большое внимание уделяется вопросам формирования и развития инновационной сферы национальной экономики. Всеобщее признание получило понимание того, что лидерство в современном мире определяется не природными ресурсами, размерами территории и военным потенциалом, а уровнем развития наукоемких отраслей и достижениями в подготовке научных и инженерно-технических кадров. Приоритетной задачей становится выработка эффективной инновационной политики, призванной стимулировать научные исследования и быстро коммерциализировать произведённые на новых технологических принципах товары и услуги. Всё вместе является необходимым условием экономического развития инновационного типа, завоевания конкурентных преимуществ в области высоких технологий, успешной экспансии на мировые рынки наукоемкой продукции и, в конечном счёте, вхождение в число наиболее развитых государств мира.

Примером решения этой сложной и важной задачи сегодня, безусловно, является Китай. Огромный интерес мировой общественности к Китаю известен российский синолог М.Л. Титаренко объясняет двумя обстоятельствами: во-первых, нарастающей глобализацией роли Китая и, во-вторых, «впечатляющими социально-экономическими преобразованиями, вызывающими острые дискуссии и о сущности реформ, и о будущем Китая» [1, с. 9].

Как известно, после вступления 11 декабря 2001 года КНР в ВТО и постепенного открытия внутреннего рынка (ограничения переходного периода по большинству позиций были сняты к 2006 году), экономика КНР столкнулась с более ожесточенной конкуренцией. Возникла реальная угроза превратиться в сырьевой придаток развитых государств. Поэтому необходимостью стал поиск новых аргументов системного характера, имеющих цель повысить национальной конкурентоспособности, в первую очередь – в наукоёмких отраслях.

Другим способом решения исследуемой проблемы стало создание трансграничных структур международного уровня в рамках внешнеэкономической политики («идти вовне»). Глобализация увеличила для страны шансы использовать имеющиеся в её распоряжении сравнительные преимущества. С одной стороны, облегчилась возможность привлекать из-за рубежа капиталы, новые технологии, передовые методы управления. С другой стороны, стало экономически целесообразным и технологически перспективным инвестировать в зарубежные компании («политики вовне») в целях более эффективного освоения передового опыта развитых стран. Официально курс «идти вовне» впервые был сформулирован ещё в сентябре 1997 года на XV съезде КПК. Была гарантирована государственная поддержка тем акционерным предприятиям, которые будут «учреждать основанные на своем капитале компании за границей, осваивать мировой рынок».

До того, в начальный период реформ, власти осуществляли строгий отбор и утверждение внешнеторговых организаций, которым разрешались прямые зарубежные инвестиции (ПЗИ). На эту деятельность, независимо от форм и масштабов вывоза капитала, получалась разрешительная санкция Госсовета КНР. В этих условиях вывоз капитала осуществлялся в рамках жесткой централизации. Предприятий, созданных за рубежом, было мало, они были невелики по объему инвестиций и масштабам деятельности. Но в ходе реформ Китай усиливался экономически и накопил серьезные финансовые ресурсы. Произошло это, не в последнюю очередь, благодаря возможностям, которые предоставляются аутсорсингом информационного типа странам с переходными и развивающимися экономиками при условии, что в этих странах имеется достаточное количество квалифицированных и грамотных специалистов.

Китайские компании различных форм собственности наращивали свою капитализацию и повышали конкурентоспособность. Параллельно этому более либеральным становился условия вывоза капитала. Например, в предложениях ЦК КПК о 10-м пятилетнем плане социального и экономического развития содержалось положение о поддержке трансграничной хозяйственной деятельности конкурентоспособных предприятий всех форм собственности. В самом плане намечалось осуществление Китаем зарубежных инвестиций, которые способствовали бы реализации сравнительных преимуществ страны.

В целях использования зарубежных интеллектуальных ресурсов впервые предусматривалось создание за границей научно-исследовательских структур. В материалах XVI съезда КПК (ноябрь 2002) указывалась необходимость «стимулировать зарубежные инвестиции предприятий, ... создавать мощные транснациональные предприятия» [2]. Эти директивы дали старт настоящему буму трансграничного инвестирования. Внешнеторговые объединения продолжают удерживать

серьезные позиции в этом сегменте внешнеэкономической деятельности. Но их доля в общем объеме вывоза капитала уменьшается, а значение производственных компаний всех форм собственности растет. Создавая глобальные сети реализации своей продукции, они становятся прообразом будущих транснациональных корпораций. В число двадцати государственных корпораций (таблица 1), осуществляющих наиболее крупные инвестиции за рубеж, кроме нефтегазовых, входят три высокотехнологичные: «Чайна мобайл» (мобильная связь), «Чайна телеком» (телекоммуникации) и «Цзиндунфан» (информационные технологии) [3, с. 104].

Таблица 1 – Двадцать крупнейших китайских компаний по накопленному объёму зарубежных инвестиций (начало 2010)

Название компании
Компания мобильной связи («Чайна мобайл»)
Компания по добыче нефти и природного газа (КННК)
Компания с ограниченным капиталом «Хуажун» («Чайна ресосиз»)
Компания телекоммуникаций («Чайна телеком»)
Китайская международная инвестиционная трастовая компания (СИТИК)
Китайская компания по морской добыче нефти
Гуандунско – Сянганско – Аомэньская инвестиционная компания
Китайская авиакомпания
Компания с ограниченным капиталом «Шанхай шие»
Китайская инженерно – строительная компания
Китайская компания дальних морских перевозок («COSCO»)
Китайская электроэнергетическая инвестиционная компания
Китайская компания по импорту и экспорту металлов и минералов
Китайская нефтехимическая компания («Синопек»)
Компания с ограниченным капиталом «Чжаошан» («Чайна мерчантс»)
Компания «Чжунхуа»
Акционерная научно-техническая компания «Цзиндунфан» («Бэйцзин ориент технолоджи»)
Компания с ограниченной ответственностью «Хуаюань»
Генеральная компания внешнеторговых перевозок
Компания по импорту и экспорту зерна, масла и продовольствия

Глобальная экономика в настоящее время становится экономикой транснациональных корпораций. Однако с позиции долгосрочных перспектив частные компании, выросшие в конкурентной борьбе, могут эффективнее работать на мировых рынках прямых зарубежных инвестиций. В этой связи, следует отметить (среди ТОП-20 негосударственных компаний по объему инвестиционной деятельности за рубежом) национальных товаропроизводителей известных товарных марок: компьютерной фирмы «Леново» и компании по производству телекоммуникационного оборудования «Хуавэй».

При осуществлении курса «идти вовне» в КНР возникла необходимость уже не стимулировать, а упорядочить вывоз капитала. Так, в июле 2004 года Министерство коммерции совместно с МИД КНР обнародовали «Ориентировочный каталог зарубежного инвестирования по отраслям и странам». Этот документ способство-

вал сокращению случаев неэффективного инвестирования и возможной конкуренции среди местных компаний, чем в известной мере оптимизировал китайские прямые зарубежные инвестиции. По оценке китайских специалистов, вывоз капитала дал новую динамику процессам заимствования, а затем и интеграции в народное хозяйство страны заграничных инноваций и передовых информационно-коммуникационных технологий. Кроме того, в процессе создания предприятий с китайским капиталом за рубежом, международную известность получают торговые марки китайских фирм. Решая вышеперечисленные задачи, Китай во многом следует мировой практике.

Однако, по мнению ряда аналитиков, особенностью создания китайских транснациональных корпораций является то, что этот процесс инициируется государством и проходит под его жёстким контролем, что имеет место феномен «принуждения к модернизации», который не может быть приемлем для рыночной экономики западных стран. Например, в развитых и новых индустриальных странах зарубежное инвестирование осуществляется на базе постиндустриальной структуры народнохозяйственного комплекса. Вывоз капитала из США, Японии и стран ЕС осуществляется по инициативе самих корпораций. Для китайских же компаний риск последствий вывоза капитала минимален, поскольку можно осуществлять стратегию развития, ориентированную на неиспользованный ещё огромный потенциал внутреннего рынка.

В странах Юго-Восточной Азии – Южной Корее, Сингапуре и Тайване – ёмкость внутреннего рынка ограничена, и достичь высокой рентабельности можно только за счёт внешнего инвестирования. Прямые зарубежные инвестиции из этих стран являются следствием избытка капитала. В Китае же, напротив, сохраняется высокая потребность в капитальных вложениях для внутреннего развития. Под эти эмпирические построения «подведена» теория, посвященная динамике международных инвестиций, автором которой стал английский экономист Д. Даннинг – один из ведущих мировых специалистов в области прямых иностранных инвестиций и многонациональных предприятий.

Но вопреки данной теории начиная с середины 90-х годов XX века, прямые зарубежные инвестиции Китая непрерывно росли. В этом огромная заслуга китайских реформаторов, например, корпорация «Хайэр», специализирующаяся на выпуске бытовых электроприборов, поставила задачу: треть продукции, произведенной в Китае, сбывать на внутреннем рынке, другую треть – за рубежом; а оставшуюся треть и производить, и реализовывать за рубежом. Был придуман корпоративный девиз: «вначале делать то, что трудней, а затем то, что легче». В настоящее время корпорация имеет устойчивый рынок сбыта в большинстве стран ОЭСР, а сам факт крупномасштабного экспорта в развитые страны использует как «пропуск» на рынки развивающихся стран. Тем же курсом следует станкоинструментальная компания «Байма». Её девиз – «уступить внутренний и завоевать мировой рынок». В настоящее время ТНК «Байма» продает станки в 40 стран мира, ежегодно получая прибыль в 45 млн. долларов США. Корпорация имеет дочернюю компанию в США [4].

Но возникает вопрос: является ли «принуждение к модернизации» эксклюзивным атрибутом переходной экономики с «китайской спецификой»? С нашей

точки зрения, положительный ответ необъективен, так как в те же самые годы (с 1980 по 1993 гг.) американские власти приняли восемь законов, которые внесли существенные изменения как в отношения государственного сектора науки с частным бизнесом, так и взаимоотношения между субъектами инновационного предпринимательства. Местные аналитики назвали эти изменения условий функционирования научно-инновационной сферы «новой парадигмой технологического развития» [5, с. 67–68]. По-видимому, в этих законодательных инициативах администрации Рейгана можно найти «следы» так называемого «дирижизма» – термина, с помощью которого представители радикального крыла монетарной школы характеризуют любые процедуры, связанные с государственным регулированием экономики.

Как видим, здесь тот же феномен «принуждения к модернизации» (только уже не с «китайской», а с «американской спецификой»), конечная цель которого похожа с мерами руководства КНР по стимулированию прямых зарубежных инвестиций. Как в китайском, так и в американском случае – это повышение конкурентоспособности научно-инновационного сектора национальной экономики. На уровне международного разделения труда место Китая – в середине. Страна обладает конкурентными преимуществами относительно государств, находящихся на низших ступенях развития, и заинтересована в изучении передового опыта стран, располагающихся на вершине этой гипотетической конструкции. Такая ситуация диктует необходимость инвестирования за рубеж в двух направлениях. При этом главная цель инвестиций в развитие в технологическом отношении страны – активизировать процесс заимствования авангардных технологий, которые иностранные ТНК «не торопятся» передавать в свои филиалы, действующие на территории КНР.

Безусловно, китайские транснациональные компании пока уступают корпорациям развитых стран по инновационным возможностям и уровню капитализации. Шансы на успех корпораций КНР в трансграничном бизнесе без эффективной и адресной поддержки государства малы. Поэтому при осуществлении курса «идти вовне», власти страны дифференцированно подходят к распределению имеющихся ресурсов. Для поиска новых «точек роста» и увеличения объемов экспортной продукции средним и малым предприятиям, ориентированным на внешние рынки, предоставляется коммерческая и научная информация, оказываются услуги по повышению квалификации кадров. Крупным же корпорациям и научно-производственным объединениям, имеющим стратегическое значение, государство предоставляет кредиты и поручительство, содействуя консолидации их капиталов на внешнем рынке.

Еще до присоединения к КНР Гонконга (Сянган) и Макао (Аомэнь), то есть до 1998 года, экспорт капитала составлял десятую часть от импорта прямых иностранных инвестиций. В настоящее время этот разрыв существенно сократился. В среднем один китайский инвестиционный проект за рубежом оценивается в 1,2 млн. долларов США, что уже составляет около половины от усредненного инвестиционного проекта в экономику Китая (2,5 млн. долларов США).

Сегодня Китай стал крупнейшим иностранным инвестором среди государств с растущими экономиками. Согласно статистике Министерства коммерции КНР, среди компаний, которые инвестируют вовне, 42% составляют государственные

предприятия, 17% – крупные частные фирмы, в том числе с иностранным капиталом, а остальные – акционерные и паевые предприятия средних и малых размеров государственной, частной и смешанной собственности [6, с. 102].

Направления инвестирования за рубеж постоянно расширяются: от торговли и разработки природных ресурсов на начальном этапе до средств информатики и научных исследований. Например, по состоянию на начало 2006 года, в телекоммуникации и компьютерную технику за рубежом китайскими ТНК было вложено до трети всех инвестиций, против 20% – в торговлю и 18% – в освоение ресурсов [6, с. 102].

Таким образом, поощряемый государством процесс создания транснациональных корпораций, во-первых, не имеет прецедентов в экономической истории, во-вторых, подчиняется целям хозяйственного строительства, в-третьих, органично вписывается в общегосударственную стратегию технологической модернизации страны, в-четвертых, служит основой в экономической и политической интеграции страны, что и получило яркое подтверждение на завершившемся 11 ноября 2014 года саммите АТЭС в Пекине. Безусловно, реализация этой стратегии требует значительных усилий, причём не только на внешних рынках, но и внутри страны. Однако другого пути углубления экономической и политической интеграции, по мнению китайского руководства, не существует.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Руденский, О.В., Рыбак, О.П.* Инновационная цивилизация XXI века: конвергенция и синергия NBIC-технологий. Тенденции и прогнозы 2015–2030 / О.В. Руденский, О.П. Рыбак // Информационно-аналитический бюллетень. – 2010. – № 3.
2. Документы XVI Всекитайского съезда коммунистической партии Китая. Пекин, 2002.
3. *Чэнь Цян.* Государство в инновационной экономике Китая / Чэнь Цян ; под науч. ред. Б.В. Сорвинова. – Брянск : Дельта, 2012.
4. *Цыренов, Д.* Проблемы создания системы современных предприятий в КНР : автореф. дис. ... канд. экон. наук / Д. Цыренов. – М., 2006.
5. *Авдулов, А., Кулькин, А.* Контурсы информационного общества / А. Авдулов, А. Кулькин. – М., 2005.
6. *Ба Цзиньсинь.* Формирование транснациональных компаний в Китае / Ба Цзиньсинь // Проблемы Дальнего Востока. – 2005. – № 5.

**КИТАЙСКАЯ КУЛЬТУРА:
НАЦИОНАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

МОРАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ И СЕМЕЙНЫЙ ЭТИКЕТ В КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Рассматривается взаимосвязь конфуцианства как философско-религиозной системы, этикета и культуры быта. Определяются специфические черты этикетной культуры: уважение, послушание, терпимость, культ повиновения старшим, строгая регламентация быта.

Ключевые слова: *духовная культура, конфуцианство, культ предков, мораль, обряд, почитание, ритуал, семья, традиция, уважение, церемониал, ценности, этикет.*

Examines the relationship of Confucianism as a philosophical and religious system, etiquette and culture of everyday life. Determined by the specific features of the culture of etiquette: respect, obedience, patience, obedience to the cult of the elders, regimentation of life.

Китайская культура является уникальным образцом культуры, который несмотря на все катаклизмы выделяется своей целостностью и своеобразием. Духовная культура определяется чрезвычайной устойчивостью, стабильностью, консерватизмом; в ее формировании и развитии очень важную роль играли многие традиции, обычаи, обряды, ритуалы и церемонии. По глубине эстетического и поэтического проникновения в бытие природы она, пожалуй, не знает себе равных в мире.

Идейной осью китайской культуры является конфуцианство. Уже в V–III в. до н.э. сформировался новый тип мышления, который связан с возникновением критической философии и теоретической научной мысли. Наиболее известными философами этого времени были Кунцзы (Конфуций) и Лаоцзы. Кунцзы – «учитель Кун» (551–479 в. до н.э.), известный миру как Конфуций, разработал основные принципы учения об устройстве общества и государства. Он стал основателем религиозно-философской концепции – конфуцианства. После его смерти ученики записали высказывания Кунцзы и объединили их в книгу «Луньютун» («Беседы и суждения»). Лаоцзы является основателем даосизма.

Основное в учении Конфуция – морально-этический аспект, идеал мудрости и справедливости. В основу социального устройства было положено нравственное самосовершенствование и соблюдение норм этикета («ли»). Конфуций разработал концепцию идеального человека, где главное место отводилось понятию «жэнь», которое означало гуманность, человечность, любовь к людям. Одним из конфуцианских правил является «Платите добром за добро, а за обиду воздавайте по справедливости». Конфуций разделяет людей на три категории: цзюньцзы, жэнь и сяо-жэнь.

Цзюньцзы – благородный муж, совершенный человек, у которого на первом плане чувство долга и человеколюбия. Сяо жэнь – маленький человек или человек

с маленькой буквы. Жэнь – средний человек, потенциально может стать либо тем, либо другим.

Важное значение в учении Конфуция занимала также концепция «сяо» – сыновней почтительности, уважения к родителям и старшим. Правила ли, которые выражают этот принцип указывают на обязанности детей по отношению к родителям» они должны зимой согреть их постель, летом заботиться о ее охлаждении и т.д. Родители в свою очередь должны позаботиться о воспитании и образовании детей [1, с. 7]. Конфуций считал «сяо» наиболее эффективным методом управления страной. Он требовал вернуться к традициям древности, чтобы возродить мораль в обществе. Одна из основных ячеек общества – семья. Она должна строиться на мудром руководстве главы и на сыновнем уважении к старшим всех остальных. Государство философ предлагал строить по примеру семьи и народ должен уважать императора как отца и во всем исполнять его распоряжения, а император должен заботиться о народе. Одновременно император как сын Неба, который чувствует сыновнее уважение к воле отца – Неба, будет советоваться с ним и правильно выполнять все обряды поклонения великому божеству. Таким образом, общество будет строиться по иерархическому принципу и каждый человек займет свою социальную нишу. В соответствии с концепцией Конфуция управление государством и обществом основывается на «ли», правилах, приобретших функцию закона. Ли объявлялось высшим проявлением жэнь.

Китайцы постоянно должны были помнить о том, что их поступки поддерживают достоинство их семьи и рода. Нарушение строгих правил ли для древних китайцев означало «потерю лица» – моральную дискредитацию. Правила устанавливали по сути морально-этические основы жизни человека, общества и государства в целом.

В ходе истории основные принципы конфуцианства оставались неизменными. Даже после Синхайской революции 1911 г. и падения империи древние моральные устои ещё долго сохранялись среди жителей Поднебесной (особенно в сельской местности). Только «культурная революция» (1956–1976 гг.) в корне изменила отношение к традициям.

Идеи конфуцианства оказали значительное влияние на повседневный быт и нравы китайцев. В основе духовной жизни китайцев был культ предков. Китаец в повседневной жизни должен был руководствоваться конфуцианскими заветами: верно служить своим живым и умершим предкам, приносить им жертвоприношения, проявлять к ним «сыновнюю учтивость», всегда уважать, почитать своих родителей, старших людей и др. В каждой китайской семье были храмы и алтари предков, где можно было им поклониться, принести жертвоприношения.

Китайские семьи жили в соответствии со сформированными веками нормами, традициями, обычаями. Государственные и коллективные интересы ставились выше индивидуальных. Правильными считались только официальные истины. По конфуцианским нормам, от мужчины требовались честное исполнение своих служебных обязанностей, подчинение вышестоящим и руководителю рода. Отец считался одновременно главой, правителем и судьей семьи. Женщина

всегда должна быть послушной мужу, свекру и свекрови; ее назначением и важнейшими обязанностями считались самоотверженное служение мужу, трудолюбие, хозяйственность.

Общение между мужчиной и женщиной даже среди родственников подчинялось строгой регламентации. Девочкам с раннего возраста запрещалось играть с мальчиками. Женщина не имела права показываться на глаза гостям-мужчинам. Покидая внутренние покои, она закрывала лицо рукавом или вуалью. Со стороны гостя неприлично было пытаться засвидетельствовать своё почтение хозяйке, а также спрашивать о её здоровье.

До сих пор в Китае действует старое конфуцианское правило: «Мужчина и женщина не должны касаться друг друга». Несмотря на равноправие женщин в современном Китае, от них по старой традиции ждут скромности и сдержанности в поведении.

Согласно традиции, муж и жена не показывали свою нежность на людях. Сын обязан был прежде всего любить родителей, а демонстрация любви к жене могла вызвать у окружающих сомнение в его преданности семье. Современная молодёжь ведёт себя гораздо свободнее.

Решение о вступлении в брак принималось родителями (чаще родителями жениха). Брачным возрастом мужчины было достижение им 30 лет, а женщиной – 20 лет. Однако такие правила нередко нарушались, и были случаи, когда женились в 15–16 лет, а девушки выходили замуж в 13–14 лет. Практика ранних браков вызывала осуждение сторонников конфуцианства. Выбор невесты определялся по нескольким основным критериям: вид, происхождение, богатство и др. По имени невесты путем гадания определяли, нет препятствий для заключения брака. Дата свадьбы определялась по гороскопу. На саму свадьбу приглашались множество гостей, причем родителям жениха нередко приходилось влезать в долги, чтобы собрать как можно больше гостей.

В Китае красавицей считалась женщина, которая использовала полный набор атрибутов, входивших в церемонный этикет: пудру и румяна, помаду, украшения и т.д. Дамы из благородных семейств, чтобы удлинить овал лица, сбрасывали часть волос на лбу, а губы красили в форме кружка. Эстетическим идеалам китайской красавицы считалась такая женщина, которая имела чрезвычайно хрупкую, изящную, почти эфемерную фигуру, почти полностью отсутствие всяких выпуклостей, максимально маленькие и изящные руки и стопы. Чтобы сформировать такую фигуру девочкам с 5–6-летнего возраста начинали бинтовать грудь и ноги. Широко использовались разнообразные косметические средства. Согласно этикету, лицо женщины должно было выражать беспристрастность, а движения – отличаться сдержанностью и плавностью.

В старом Китае **свадьба** называлась «красным, радостным делом». Брак устраивали родители, невеста впервые видела своего суженого на свадебной церемонии в его доме. Принимать или отвергать свадебное предложение с первого раза было неприлично. В случае согласия семьи обменивались брачными поручительствами, написанными на бумаге красного цвета, который считался счастливым. Семья жениха посылала невесте множество подарков: отрезки красной материи,

одежду, украшения, отборный рис и чай и пр. Согласно обычаю, семья невесты отсылала половину подарков обратно, присовокупив к этому одежду и письменные принадлежности для жениха.

После назначения даты свадьбы невесте запрещалось покидать женскую половину дома. К свадьбе девушке следовало выщипать все лишние волосы на лице, густо нарумяниться и накрасить губы помадой. Невеста надевала платье красного цвета, а лицо обычно скрывала под вуалью из красного (иногда чёрного) шёлка с изображением дракона – так новобрачную уберегали от дурного глаза. Из отчего дома девушку несли в дом жениха на специальном паланкине. Жених встречал её во дворе или у ворот. После взаимных поклонов жених и невеста шли во внутреннее помещение.

Собственно свадебный ритуал заключался в том, что молодые делали четыре поклона перед семейным алтарём: духам Неба и Земли, Солнца и Луны, а также предкам жениха. Обряд поклонения считался официальной церемонией заключения брака.

Эти обычаи сохранялись в китайских деревнях вплоть до середины XX в. С 20-х гг. в Китае начались кампании против традиционных дорогостоящих браков, а уже в КНР эти протесты приобрели массовый характер. В наше время браки в Китае часто заключаются на европейский манер – с белыми платьями, обменом кольцами и т.п.

Многие предметы, используемые на свадьбе, были парными и красного цвета. Каждый гость приносил подарок, чаще всего деньги, причём сумма была кратной сорока.

Воспитание детей было основано на двух главных ценностях – сохранении семьи и продолжении рода. Все жизненные правила и устои, которые внушались ребёнку, сводились к беспрекословному повиновению старшим, умению жить в мире с родственниками и жертвовать личными интересами ради сплочённости семьи.

В течение первых двух-трёх лет жизни ребёнок спал и ел вместе с родителями. С раннего возраста детей обучали с помощью запретов и ограничений: пеленали, надевали одежду, которая стесняла движения. Они должны были смиренно сидеть на своём стульчике. Отец разговаривал с сыном односложными фразами: «Не двигайся!», «Сиди!». В старые времена в Китае дети нередко приступали к учёбе уже в три года. Однако с 1978 г., когда была провозглашена реформа по ограничению рождаемости «Одна семья — один ребёнок», в Китае возникло понятие «маленький император». Единственных детей (особенно мальчиков) начали баловать, поскольку на них возлагаются все надежды семьи [2, с. 170].

Все члены семьи должны были придерживаться определенных ограничений. Было строго запрещено употреблять непристойные слова, делать плохие поступки, которые могли повредить старшим и другим родственникам. Система воспитания сформировала у жителей страны установку на спокойную, размеренную жизнь, без суеты и личных амбиций, с преобладанием нравственных ценностей над материальными. Воспитание проходило также в соответствии с мнениями и постулатами Конфуция. Так, идеально воспитанный человек должен был иметь высокие моральные качества: благородство, правдивость, стремление к истине.

Таким образом, особенности этикетных норм и требований дают нам яркое представление об особенностях семейной жизни, моральных нормах, ценностях и предпочтениях жителей Китая. Китайской культуре характерно наличие универсальных, общечеловеческих ценностей, системы моральных установок. Это находит выражение в почтительном отношении к старшим, родителям, в понятии чести и достоинства, скромности и благожелательности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Васильев, Л.С.* Культы, религии, традиции в Китае / Л.С. Васильев. – Восточная литература, 2001 – 488 с.
2. *Этикет.* Современная энциклопедия. – М.: Астрель, 2007. – 407 с..

Ли Эрюн
(Наньчан, КНР)

ВОКАЛЬНАЯ ТРАДИЦИЯ «НАРОДНЫХ ПЕСЕН»: ИСПОЛНИТЕЛЬСКИЕ ТЕХНИКИ И ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА В КИТАЕ

Обычно под народными песнями мы понимаем передающиеся в устной форме популярные в народе напевы с древними интонациями, чистым и простым языком. С начала XX в. в Китае не прекращается работа по сбору, упорядочению и исполнению народных песен. Певцы и композиторы, исследующие вокальную музыку, обобщая народные способы пения, в то же время создают из имеющегося материала новые способы *китайского народного пения*. Эти способы развились не только из народных песен, но и из неразрывно с ними связанной традиционного театрально-вокального искусства.

Истоки народных песен в Китае восходят к глубокой древности, различным эпохам и местным стилям. Бесспорно, песня возникла в ходе жизненной практики народа, в ходе ежедневного труда, народных игр, длительных путешествий, праздников, ритуальных обрядов и т.д. Так появилось и передавалось бесчисленное количество народных песен. Они чрезвычайно различны по своей окраске, поскольку масштабы страны, особенности жизни и языка, традиций разных народностей не могли не стать этому причиной.

Существует различная типология народных песен. Так, по типам лирики песни делятся на трудовые, интимные, беседы, обрядовые (свадебные, траурные) и др. По условиям исполнения – на пастушьи, полевые, рыболовецкие, песни-обряды, церемониальные и др. По музыкальным жанрам выделяют рабочие, горные песни, малые мотивы и др. В целом, в смежных регионах со сходной языковой ситуацией стили народных песен во многом схожи. Чем больше расстояние между местностями, тем шире различия между их песнями, песенной окраской. Обычно основной считается типология по музыкальным жанрам - трудовые, горные песни, малые мотивы.

Трудовые песни (хаоцзы) отличаются наиболее ярким стилем, связаны с физическим трудом. Различия в содержании и способах выполнения работ обусловили внутреннее деление в пределах жанра: рабочие песни на речных (морских) судах, пение при транспортировке грузов, при строительстве, выполнении сельскохозяйственных работ и др. Это мелодии, которые сопровождали человеческий труд. Для придания душевных сил в процессе тяжелого коллективного труда, координации движений рабочих и появились эти песни. Их ритм неразрывно связан с правилами выполнения той или иной работы, он прост и относится к наиболее раннему жанру музыки. Их первоначальное исполнение – это выкрикивание с простейшим ритмом, постепенно эти песни развились до многообразных произведений на различные мотивы: соло, диалог, хор, пение солиста с хором и др. Эти песни воплощают умения простых людей в сфере искусства [1, с. 48–49].

При исполнении трудовых песен следует избегать излишнего раскрытия звука, он должен быть сильным, простым и четким, ритмичным. Выкрики должны быть естественными, пение – несколько смягченным. Звук не должен быть без надобности приукрашенным, мелодия должна быть четкой, не растянутой, сила звука и настроение зависят от конкретной песни, приближаясь к реальной жизненной ситуации.

Горные песни (шаньгэ) – это народные песенные мотивы, создававшиеся людьми, которые коллективно расширяли свое жизненное пространство, расчищая себе путь за счет природных объектов. Эти песни возникли в ходе работы в горах, распространились на равнинные просторы, во многом являясь импровизациями. Не обусловленные ритмом движений при выполнении работ, они отличаются длительностью интонаций, высотой звучания, свободой ритма. Их содержание широко, по форме они перекликаются с самыми различными песнями, их функции – самовыражение, коммуникация. Ряд горных песен на тему любви и быта отнесены к ряду интимных песен, они искренни и правдивы, выражают бесхитростные человеческие чувства, романтику, горести и боль любви [2, с. 3–15].

В основном, горные песни распространены на высокогорьях Внутренней Монголии, лесовом плато северо-запада, цинхайском и синцзянском нагорьях, тибетском нагорье и др. Территориальные различия обусловили несхожесть песен. Они называются по-разному в различных местностях, даже одна и та же песня может иметь разные названия и исполняться по-разному в разных частях одного региона.

Малые мелодии (сяодяо) (простые, бытовые) – мелодии, создававшиеся во время отдыха, празднований, массового веселья и т.д. профессиональными и полупрофессиональными музыкантами, исполнители имели некоторые навыки пения. Такие песни были распространены во всех слоях общества, их структура достаточно стандартизирована, приемы исполнения разнообразны. Основная форма исполнения – соло, также встречаются дуэты и хоры, обычен аккомпанемент инструментов (музыка более активна). Малые мелодии исполнялись в чайных комнатах, пивных, на улицах, они отличаются ориентацией на городских жителей. Их городская окраска определила более быстрый, чем в трудовых и горных песнях, темп, более широкий район распространения [3, с. 12].

В развитии способов пения народных песен свою роль сыграл тот факт, что в музыкальной культуре Китая способы записи музыки на бумаге не были разработаны, многие исполнители не имели специального культурного образования, мелодии передавались устно от человека к человеку. Нотные записи пастушьих, рыболовецких, горных и др. песен национальных меньшинств, доступные на сегодняшний день, были сделаны лишь после 30-х гг. XX века, собраны музыкантами-профессионалами. Такие записи, собрания песен позволили продлить жизнь народных напевов, но все же мелодии всех территорий страны, всех народностей на сегодняшний день изучить и освоить невозможно. Мы можем лишь по установленным правилам обобщить некоторые закономерности и особенности народных песен. Народные песни отличаются яркой местной окраской и языковой традицией. Их исполнение всегда сугубо индивидуально, ритм, звук, окончания, речь будут различны даже при исполнении одной и той же песни двумя разными людьми. Народные певцы не изучают техники исполнения, они просто учатся у стариков, любят петь, запоминают тексты путем многократного пения. Многие из них знают наизусть 500–600 песен, отличаясь горячей любовью к пению и незаурядной памятью. Красота же голоса здесь не играет первостепенной роли.

До 50-х гг. 20 в. народные песни в Китае исполнялись чистым естественным голосом (да сан, позже в научных кругах это просторечное название было переименовано в ту сан) – такое пение было естественным и близким для слушателей. Во многих местностях в высоких регистрах использовали измененный голос (сяо сан, разновидность ту сан). Хотя такие песни были индивидуальны по своему исполнению, в них существовало и некоторое единство: передняя позиция звука, неглубокое дыхание, слабый резонанс, недостаточно мягкий и плавный звук. Независимо от степени мастерства исполнителей, они умели петь лишь песни своего региона, своей национальности. Такие методы пения исполнителей без специального музыкального образования, сегодня мы зовем *аутентичное пение*.

Такое исполнение просто и естественно, тесно связано с местными диалектами, отличается густотой народной окраски. Многие народные певцы обладают прекрасным голосом от природы и не нуждаются в специальных упражнениях, их произношение четко, звук красив, они используют либо естественный, либо смешанный голос. Они смогли добиться оригинальности и богатства исполнительских форм в процессе песенной практики, являясь выразителями души народа

В 50-е гг. 20 в. во многих музыкальных учебных заведениях были открыты уроки народной песни, сформировался аппарат исследования народной музыки. Под влиянием бельканто музыканты сформировали новые, смешанные приемы исполнения, отвечающие эстетическим привычкам и языковым особенностям в стране. Отсюда и название – *китайское пение* [4, с. 45–67].

Но точное определение народным способам пения не смогли дать ни исследователи и преподаватели музыки, ни исполнители. Это свидетельствует о том, что народное пение находится в процессе становления по сей день, определенное базовое же его понимание сложилось в результате изучения этого пения в течение десятилетий. Обычно *китайское народное пение*. мы называем пение, основанное на произношении путунхуа (общекитайского языка), четкой артикуляции, нежности звука, живости дыхания и единстве с бельканто в плане звуковых зон.

Однако споры об определении этих способов пения не прекращаются до сих пор. Неизбежность смещения определений связана с тем, что по традиции и способы исполнения традиционного театрально-вокального и народные способы пения имели одно и то же название. Говоря о конкретных способах пения, те, которые подверглись влиянию бельканто, – это вестернизированное народное пение или же бельканто с элементами народного пения? Во многом эта проблема связана с тем, что Китай является многонациональной страной, и хотя количество населения, относящегося к национальным меньшинствам, значительно меньше ханьцев, но они также отличаются своими своеобразными стилями пения. Исключает ли определение китайские аутентичные способы пения то, что относится к национальным меньшинствам. Конечно, это оно распространяется на всю страну в целом вслед за пропагандированием народного пения в образовании, проведением общегосударственных конкурсов на центральном телевидении. На сегодняшний день различают четыре вида способов пения: *аутентичное, народное, бельканто и популярное* [5, с. 345–357].

Укажем на различия между бельканто и народным пением:

1. В национальном пении звук ясен, его окраска мягка и нежна, стиль исполнения расслаблен (все это – внешние особенности такого пения). Это соответствует привычкам народа, особенно в телепередачах, где зрители всегда надеются услышать мягкие, радостные народные песни. В то же время национальное пение требует четкости артикуляции (здесь мы наблюдаем единство с принципом традиционного театрально-вокального искусства – четкость слов и интонации).
2. В плане дыхания национальное пение ориентируется на принцип традиционной оперы и драмы воздух погружается в брюшину (ее нижнюю часть). При исполнении в среднем регистре и выше должно ощущаться давление воздуха в нижней части живота, что способствует единству работы горла и мышц органов звукопроизводства, устойчивости и силе звука. В плане резонанса здесь, в основном, используется резонирование в ротовой полости, глотке и черепной коробке, звук сконцентрирован в передней позиции. Хотя здесь и ощутимо влияние бельканто, но положение гортани при этом несколько выше, чем в бельканто. Сходство же наблюдается в расслабленности нижней челюсти, ровном положении языка, расслабленности плеч, напряженности поясницы и т.д.
3. Сложность в национальном пении представляет собой исполнение в средних и высоких регистрах. В высоких регистрах часто используется измененный голос. Прорыв в этой области произошел после усвоения техник дыхания и резонирования бельканто. Отсюда и вопрос: к каким же способам пения следует отнести такое решение проблемы пения в высоких регистрах? Без сомнения, оно больше связано с бельканто. Но мягкость мелодии как особенность народного пения и др. позволяет публике по-прежнему чувствовать глубину народного стиля.
4. Кроме того, мягкость народного пения непозволительна в бельканто, она – особенность народных способов пения. Такая мягкость звука в системе пения и декламации декорирует мелодию, она развилась из техник исполнения традиционной оперы и драмы. Её цель – свободное, живое, естественное звучание, мягкость звука дает исполнителю возможность для самовыражения.

Конечно, существуют явные различия между национальным пением и бельканто в плане сущности звучания и техники. По отношению к национальному пению звучание бельканто несколько более скрыто (так, например, ярким считается популярное исполнение). Процесс перехода от ясного звука к скрытому в бельканто заметен в зоне смены звука и высоком регистре, в народном же пении звук ярче, изменения его окраски не столь заметны.

В целом, с самого начала народные песни исходили из позиций естественности звучания. Они вошли в категорию народных песен как вида искусства, выйдя из начальной стадии развития в процессе профессионального изучения способов народного пения, появления народных мотивов в операх, под влиянием бельканто, аккомпанемента фортепиано. Так народная песня стала типом профессионального музыкального исполнения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чжоу, Дафэн. О народном пении / Дафэн Чжоу // Журн. Китайская музыка. – 1983. – № 1. – С. 48–49.
2. Лю, Цин. Высшее музыкально-педагогическое образование в современном Китае / Цин Лю, Автореф. канд. муз. педагогики. 13.00.02. РГПУ им. А.И.Герцена.- СПб.: РГПУ им.Герцена, 2009. – 22 с.
3. Чжоу, Иньчэнь. Пение и слушание : сравнение китайской и западной вокальных техник / Иньчэнь Чжоу. – Пекин : Нар. музыка, 2007. – 171с.
4. Сунь, Цзинань. Краткий курс всеобщей истории музыки в Китае / Цзинань Сунь, Чжуцюань Чжоу. – Цзинань : М-во образования провинции Шаньдун, 1993. – 616 с.
5. Го, Цзяньминь. Изучение вокальной культуры Китая / Цзяньминь Го. – Шанхай : Музыка, 2007. – 359 с.

*Ли Эрюн, Чэнь Хун
(Наньчан, КНР)*

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ВОКАЛЬНОЙ ПЕДАГОГИКИ В КИТАЕ

Одна из ярких особенностей вокального образования в Китае, сформировавшегося на базе традиционного театрально-вокального искусства, эстрадного вокала и пения народных песен с последующим влиянием западноевропейских техник пения и методик, – многообразие его форм и многоплановость процесса развития. В связи с этим перед исследователем стоит задача проследить историю китайского вокального образования в контексте культуры и географии страны, устного народного творчества, профессионального и непрофессионального музыкального образования и других факторов.

История традиционного вокального искусства в Китае очень исчисляется де-

сятками тысячелетий. Китайский народ поколение за поколением выражал свое отношение к красоте жизни, свои радость и боль посредством пения, создавая прекрасные, пафосные и мудрые, спокойные мелодии – предтечи китайских народных песен, которые возникли в результате длительного сбора и обработки.

Так, древний «Шицзин» («Книга песен») можно назвать основным сборником китайских вокальных произведений, который оказал непосредственное влияние на становление и развитие вокального искусства на протяжении тысячелетий. Первые вокальные образцы опираются на первичные, естественные музыкальные формы. Данный сборник имеет большое значение для становления и развития музыкального образования в Китае.

По имеющимся историческим данным, китайское традиционное музыкальное образование начало приобретать систематичность уже в эпохи Ся и Шань-ин, где оно было сосредоточено в рамках придворного управления вокальной и инструментальной музыкой и танцевального искусства (сюда также можно отнести и традицию любительского музыкального образования при императорском дворе) [1, с. 13].

В древнем Китае музыкальное искусство развивалось стремительными темпами. В эпоху Весны и Осени и в период Борющихся царств музыкальное образование процветало: это время деятельности многих великолепных певцов и преподавателей музыки – Цинь Цина, Сю Таня, Хань Э, Ван Бао, Мян Цзю и других выдающихся деятелей музыкального искусства. Несмотря на то, что мы не имеем каких-либо нотных записей, относящихся к той эпохе, в исторических документах и народных преданиях сохранилась информация, по которой можно отчасти восстановить картину развития музыкального образования и вокального искусства того времени.

Так, в «Книге ритуалов» («Ли Цзи», глава «О музыке») имеется описание эмоций исполнителя и характер его вокальных упражнений, обобщающие техники исполнения, в трактате «Мэнцзы» (раздел «Гаоцзы») и в «Вопросах Сун Юя к владыке царства Чу» имеются свидетельства широкой популярности вокальной музыки в Китае, в «Вопросах Тана» (трактат «Лецзы») содержится упоминание о том, что «Сю Тань учился у Цинь Цина», свидетельствующее о распространении частного музыкального образования в ту эпоху. «Книга песен», «Сборник дворцовых мелодий юфу», «Танские стихи», «Стихи Сунн», «Мелодии Юань», «Минские и цинские песни» и другие стали знаковыми сборниками в истории вокального искусства Китая. «Теория пения» Янь Нань Чжэня, «Мелодии» Вэй Янфу, «Понятия о музыке» Шэнь Чуна, «О музыке на досуге» Ли Юя, «Придворная музыка» Сю Дачуня и т.п. – все эти теоретические труды стали источниками сведений об особенностях национального искусства и опорой для дальнейшего развития музыкального образования. Нетрудно заметить, что древнекитайское вокальное образование и развитие народной песни ко времени появления вышеперечисленных работ уже вышло на определенный, высокий уровень развития [2, с. 145–148].

Китайская песня неотрывно связана с развитием культуры страны. Песенное искусство различных народностей расцвело уже в эпоху Цинь. Во время правления династии Юань из-за многочисленных войн и широких культурных контактов наблюдается всплеск популярности традиционной оперы и драмы, на которые

непосредственно повлияла народная песня. Возникновение и развитие искусства оперы и драмы, его выход из дворцовых покоев на народную сцену способствовали приобретению им статуса важнейшего этапа в истории китайской музыки. Особенно это показательно для эпохи Тан, когда сложились структуры придворного вокального образования (ли юань, ю фу и др.), свидетельствующие о стандартизации данного вида образования в древнем Китае. Так, образование, связанное с традиционной оперой и драмой, условно считают основой системы традиционной китайской вокальной педагогики.

Традиционное обучение искусству китайского вокального исполнительского искусства размежевывалось в зависимости от типов амплуа. Особенности обучения определялись в зависимости от особенностей того или иного амплуа китайской оперы, диктовавшего определенные вокальные данные, возраст, характер героя и т.д. Так, гудящий звук «гу» использовался для определения наличия у ученика способности к пению измененным голосом, от чего зависел дальнейший набор упражнений и выбор амплуа. На определенном этапе обучения особое внимание уделялось развитию индивидуальности исполнения обучаемого. Фиксированные требования к исполнению уже не были основой преподавания, и обучаемый мог сам избрать дальнейшее направление развития своего сценического мастерства [13, с. 128].

Именно благодаря этому в истории китайской оперы и драмы имеется множество примеров ярких исполнителей: Цзинь Шаошань с его удивительной звонкостью голоса, Цю Шэнси с его яркостью мелодики (амплуа «цзинь»); Чэнь Чангэн (амплуа «лаошэн») – обладатель яркого высокого звука, Тань Цзинь и его знаменитые мягкие интонации; особое ясное звучания Мэй Ланьфаня (амплуа «дань») – мастера вокала мирового уровня.

Традиционное вокальное образование передавалось в устной форме от учителя к ученикам, основными причинами чего являлись:

1. Материальная причина. Отношения между мастером и учеником понимались до уровня отношений родителя и сына. В период поздней Цин пение считалось низшей профессией, и уличными певцами, исполнителями и танцорами становились лишь дети из бедных семей. Все расходы за их обучение нес сам преподаватель, которому ученик возмещал эти расходы за несколько лет после выхода на профессиональную сцену.

2. Культурный уровень исполнителей был невысок, что напрямую было связано с их низким социальным происхождением и определяло специфику обучения – подражание учителю, запоминанием фраз по слогам, упражнения на развитие интонаций, многочисленные повторения и т. д.

В настоящее время условия развития вокального образования в значительной степени улучшились, однако указанные выше методики сохранены, что определяет своеобразие принципов педагогического искусства в Китае.

Кроме того, в системе китайского вокального образования существуют ненаучные методы. Так, при тренировке хань-сан (крика) под вопросом остается выбор места и времени упражнений: всегда ли следует их проводить на рассвете, при любых ли погодных условиях (зимой упражняться следует на льду, в холодную погоду стоять против ветра, следует ли тренироваться заболевшему), или: поутру следует

тренироваться с четырех до восьми часов, затем нужно заняться боевыми искусствами, после завтрака до десяти утра продолжать упражнять крик, после полудня – упражнение «подвешенный голос», вечером – речитатив и сценическая игра. Отдыхать следует лишь после полуночи, спать можно только 2 часа.

На сегодняшний день подобные требования кажутся излишними, такими упражнениями можно подорвать здоровье, они отрицательно сказываются на голосе. Поэтому многие старые методики обучения бессистемны и недостаточно научны с медицинской точки зрения. Некоторые их названия были неправильно истолкованы представителями последующих поколений (например, «затылочный звук», «облако затягивает луну» и т.п.). Отсюда и проблемы, возникавшие у тех исполнителей, которые во всем следовали старым методикам и непоправимо испортили голоса.

Таким образом, обучение вокалу по принципу устной передачи знаний и навыков от учителя к ученикам привело к некоторой односторонности преподавания, обусловленом низким уровнем образования и социального происхождения обучаемых, отсутствием систематизированных знаний по психологии и научного подхода к образовательному процессу.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Тан, Линь*. Теория обучения вокалу / Линь Тан. – Шанхай : Музыка, 2006. – 211 с.
2. *Ли, Пин*. Современная теория народного вокала Китая / Пин Ли. – Чанша : Изд-во Хунан. пед. ун-та, 2006. – 256 с.
3. *Сюй, Цзинцун*. Курс театрального вокала / Цзинцун Сюй. – Чанша : Художеств. лит., 2001. – 424 с.

Сяліцкі А.Л.

(Мінск, Рэспубліка Беларусь)

ДУХОЎНЫ ЗМЕСТ ТРАДЫЦЫЙНАГА МАСТАЦКАГА ПЕЙЗАЖУ КІТАЯ

Разглядаецца духоўны змест літаратурнага і жывапіснага пейзажу Кітая. Адзначаецца філасофская накіраванасць твораў кітайскага пейзажнага мастацтва, іх сувязь з вучэннем дао, арыентацыя на паяднанне прыроднага і чалавечага свету. У працэсе аналізу падкрэсліваюцца агульныя і адметныя рысы кітайскай і беларускай ментальнасці.

Ключавыя словы: *мастацкі пейзаж, карціна света, дао, прырода, духоўнасць.*

Рассматривается духовное содержание литературного и живописного пейзажа Китая. Отмечается философская направленность произведений китайского пейзажного искусства, их связь с учением дао, ориентация на единение природного

и человеческого мира. В процессе анализа подчеркиваются общие и отличительные черты китайской и белорусской ментальности.

Ключевые слова: художественный пейзаж, картина мира, дао, природа, духовность.

Мастацкі пейзаж з'яўляецца важнай складальнай часткай традыцыйнай кітайскай культуры. Выступаючы і формай мастацкага выказвання, і вынікам філасофскага асэнсавання жыцця, пейзаж у мастацтве Кітая рэпрэзентуе нацыянальную карціну света, адлюстроўвае духоўную практыку паяднання чалавека і прыроды. Увага да матэрыяльнага феномена, да самай малой плошчы жыццёвай прасторы (напрыклад, выява галінкі ці асобнага дрэва, якія выражалі сабой прыродны універсум) у многім сэнсава збліжае кітайскае пейзажнае мастацтва з беларускім. У беларускай культуры панэстэтычнае стаўленне да прыроды фарміравалася на грунце фальклорнага светабачання з характэрным для яго адчуваннем монафізіцкай еднасці свету. Як адзначаюць аўтары калектыўнай манаграфіі “Культура Беларусі: XX год развіцця (1991–2011)” (2012), калі “усходні менталітэт з’яўляецца эмпатычна-містычным, накіраваным на разуменне і зліццё з Абсалютам”, то “ў беларускай культуры дамінуе эмпатычна-практычная накіраванасць на ўладкаванне зямнога жыцця” [1, с. 14].

Гнасеалагічнай асновай мастацкага пейзажу ў Кітаі было вучэнне пра “ўзор дао”, які быў пакінуты на пяску матэрыяльнага свету хвалямі духоўнай энергіі. У трактаце “Даодэцзін”, стварэнне якога традыцыйна прыпісваецца Лаоцзы (VI–V стст. да н.ч.), даецца вызначэнне асноўных рысаў сутнасці дао: “Дао бесцялеснае. Дао туманнае і неакрэсленае. Аднак у яго туманнасці і неакрэсленасці змяшчаюцца вобразы. Яно туманнае і неакрэсленае. Аднак у яго туманнасці і неакрэсленасці схаваныя рэчы. Яно глыбокае і цёмнае. Аднак у яго глыбіні схаваныя найтанчэйшыя часціны (курсіў мой. – А.С.). Гэтыя найтанчэйшыя часціны валодаюць вышэйшай рэчаіснасцю і дакладнасцю. Са старажытных часоў да нашых дзён яго імя не знікае. Толькі ідучы ўслед за ім, можна спазнаць пачатак усіх рэчаў” [2, с. 19]. Такім чынам, дао, у глыбінях якога захоўваюцца часціны і рэчы, пранізвае увесь Сусвет: “вялікае дао расцякаецца паўсюды” [2, с. 24]. Яно вызначае форму і быццё кожнай рэчы: “[дао] – найглыбейшыя вароты нараджэння” [2, с. 20]. Трэба заўважыць, што вобраз дао як “бесцялеснага” пачатку, з якога нараджаюцца рэчы, пераклікаецца з тэарэтычнымі палажэннямі ў сучаснай фізіцы, згодна з якімі ў пачатку існавання сусвету быў “вакуум, які не змяшчае ў сабе ніякага рэчыва, але які змяшчае часцінкі нашай прыроды ў іх асаблівых *віртуальных* станах” [3, с. 106].

Пры ўсёй характэрнай для дао неазначальнасці яго можна лічыць універсальным вобразам прыроды, яе адвечнага быцця-шляху. Дао ўвасабляе сабою абсалютнае адзінства, дзякуючы якому “неба стала чыстым, зямля – непарушнай, дух – чуйным, даліна – квітнеючай і пачалі нараджацца ўсе істоты” [2, с. 26]. Аб’ядноўваючы ўсе ўзроўні быцця ў якасці універсальнага закону, матрыцы, першапрычыны і шляху, дао між тым застаецца самадастатковым: “Чалавек ідзе па [законах] зямлі. Зямля рухаецца па [законах] неба. Неба трымаецца [законаў] дао, а дао жыве само

сабою” [2, с. 21]. Шлях дапасаванасці чалавека да Сусвету – “ісці ўслед натуральнасці”, г.зн. спасцігаць законы дао, таму што толькі той “хто [служыць] дао, той тоесны дао”, а “той, хто тоесны дао, набывае дао” [2, с. 20]. Сэнс чалавечага жыцця, такім чынам, бачыцца ў спасціжэнні дао. Той, хто спазнаў дао, сцвярджаў Чжуанцзы (каля 369–286 гг. да н.ч.), “абавязкова спасцігне закон прыроды; той, хто спасцігнуў закон прыроды, абавязкова авалодае ўменнем адпавядаць палажэнню [рэчаў]; той, хто авалодаў уменнем адпавядаць палажэнню [рэчаў], не стане перашкаджаць сабе з-за рэчаў, чалавека дасканалых маральных якасцей <...> ні холад, ні спякота, <...> ні птушкі, ні звяры не могуць <...> згубіць” [4, с. 283]. Шлях спасціжэння дао – гэта шлях унутранага самаўдасканалення ў гарманічным адзінстве з навакольным светам, дасягненне духоўнага, трансрацыянальнага *стану* “вялікага разумення” сапраўднай (адзінай) прыроды рэчаў і самога сабе, бо “той, хто спацігнуў [дао], той не разважае” [4, с. 293]. Сімвалам “вялікага разумення” з’яўляецца вобраз саду – адлюстраванне прыроды-універсума, своеасаблівы аналаг індыйскай мандалы. Е.В. Новікава ў артыкуле “Кітайскі сад – мадэль узаемаадносінаў Чалавека і Прыроды” (2004) слухна адзначае, што “Кітай паказвае нам варыянт дыялогу, дзе чалавек і прырода выступаюць у якасці раўназначных пачаткаў” [5, с. 416].

Канцэптually значымасць у старажытным Кітаі атрымаў пейзажны жанр “шань-шуй” (“горы-воды”). Яго атрыбутыўнай якасцю з’яўляецца вертыкальная ўнутраная дынаміка, узоры дыялектыкі даосізму: апазіцыі “верх-ніз”, “мужчынскі-жаночы”, “светлы-цёмны”. Пейзаж у жанры “горы-воды” самакаштоўны і як выява пэўнай мясцовасці, і як абагульнены вобраз прыроднага быцця, і як аўтарскае разуменне сусветнага адзінства, прынцып якога пераносіцца і на вертыкальную структуру соцыуму, сакральнай вяршыняй у якой з’яўляецца забаронены для наведнікаў палац уладара, своеасаблівы нацыянальны аналаг містыфікаванай егіпецкай піраміды. Рэакцыяй на гэтую афіцыйную норму быў імпрэсіянісцкі напрамак ў жывапісе і паэзіі сярэдневяковага кітайскага рэнесансу ў VIII–XVI стст. – з’ява, якая пераканаўча сведчыць пра памылковы шлях еўропацэнтрызму, як і культ цэла ў Егіпце. Нярэдка ў Кітаі мастакі дапаўнялі свой твор радкамі з вершаў. Кітайскі крытык Чжан Яньюань (825–875) падкрэсліваў, што “калі яны не могуць выразіць сваю думку жывапісам, яны пісалі іерогліфы, калі яны не маглі выразіць сваю думку праз пісьменнасць, яны пісалі карціны” [6]. Гэта стварала непаўторны воблік твораў кітайскага пейзажнага мастацтва.

У вершах Ду Фу (712–770) тонкія назіранні над жыццём у навакольным свеце цесна пераплятаюцца з думкамі і пачуццямі лірычнага героя, што стварае ўражанне непарыўнай злітнасці асобы і прыроды:

На мокрой ветке

Иволга щебечет,

И чайки плавают

У островка.

Цветы совсем поникли

В этот вечер,

И стала беспокойною

Река. (“Агдаюся сваім думкам”, 760) [7, с. 105].

Блізкія да вершаў Ду Фу па глыбіні адлюстравання арганічнай еднасці прыроднага і чалавечага быцця паэтычныя медытацыі Лі Бо (701–762) – “думы ў ціхую ноч”:

В струящейся воде -

Осенняя луна.

На южном озере

Покой и тишина.

И лотос хочет мне

Сказать о чем-то грустном,

Чтоб грустью и моя

Душа была полна. (“Воды, якія струменяць”) [8, с. 25].

У творах абодвух аўтараў назіраецца ўзаемаадлюстраванне светаў прыроднага і чалавечага, адчуваецца іх непарыўная, духоўная знітанасць. У еўрапейскай паэзіі імпрэсіі такога вытанчанага і сэнсаваёмкага заглыбленага перажывання з’яўца толькі праз стагоддзі. Адзін з такіх прыкладаў – лірычная плынь у паэзіі М. Гусоўскага “Песня пра зубра” (1523).

Трэба дадаць, што не толькі жанр мастацтва, але і сам падыход кітайцаў да з’яваў жыцця быў, сцвярджаюць аўтары кнігі “Мастацтва Кітая” (1988), “пейзажны”: “Менавіта ў зносінах з прыродай, якая ўвесь час абнаўляецца, чалавеку бачыўся шлях дачынення да адвечнай плыні быцця” [9, с. 8]. Гэтаму арганічна адпавядала і рэалістычная дакладнасць ўзнаўлення дэталей у пейзажы. Такім чынам, у Кітаі ўжо ў глыбокай старажытнасці закладваліся традыцыі рацыяналістычнага мыслення. Уплыў кітайскага імпрэсіянізму эпохі Сярэднявечча адчувальны таксама і ў еўрапейскім мастацтве Навейшага часу.

Істотную ролю ў развіцці кітайскага жывапісу адыграў ландшафтны пейзаж з яго арыентацыяй на спасціжэнне духоўнай значымасці прыроднага свету. Э.Х. Гомбрэх у кнізе “Гісторыя мастацтва” (1950) адзначае своеасаблівую “медытатыўнасць” пейзажных твораў: “Гэта не карціна рэальнай мясцовасці... Кітайскія мастакі не выходзілі на натуру, каб замалюваць прыродны матыў. Яны засвойвалі сваё мастацтва медытатыўным метадам унутранага сузірання, у якім праясняліся зрокавыя вобразы соснаў, скалаў, аблокаў” [10, с. 153]. Такога кшталту насычаныя духоўна візажы шырока ўжываюцца не толькі ў жывапісе, але і ў тэарэтычных трактатах пра мастацтва. Се Хэ (прыбл. 500–535), аўтар трактата “Шэсць канонаў жывапісу”, галоўным прынцыпам жывапісу лічыў ажыўленне з дапамогай духоўнага рэзанансу. Гэтая думка знаходзіць адлюстраванне і ў трактатах пазнейшых часоў. У сачыненні Чжан Яньюаня “Лідай мінхуа цзі” (“Запіскі аб знакамітых мастаках розных эпох”) аўтар так вызначае сутнасць мастацкага твору: “Засяродзіўшы свой дух і аддаўшыся ўзнёслым думкам, раптам спасцігаеш найглыбейшую праўду быцця. Забываецца і карціна, і ўласнае “я”, сыходзіць прэч цела і знікае веданне. Цела становіцца, як высахлае дрэва, а сэрца – як астышўы попел” [6]. Пра неабходнасць для мастака здольнасці пранікаць у схаваную сутнасць рэчаў, адчуваць сваю арганічную сувязь з аб’ектам адлюстравання, разумець “душу” прыроды выразна гаворыцца ў кітайскім трактате па тэорыі мастацтва “Слова пра жывапіс з сада з гарчычнае зерне” (1679–1818):

“У ацэнцы людзей неабходна зыходзіць з іх духу і астову *цыгу*.”

Тое ж і ў камянях, яны – астоў Неба і Зямлі, жытло духу <...>
Камяні, пазбаўленыя духу, робяцца бяздушнымі камянямі <...>
Пісаць неаддухоўленыя камяні цалкам недапушчальна.

А пісаць адухоўленыя камяні – значыць знайсці [у іх] ледзь улоўнае месца, якое насяляе дух.

Няма нічога больш складанага.

Не спасцігнуўшы душой <...> сутнасці камяняёў,

Не валодаючы мастацтвам адчуваць <...> прыроду камянёў, немагчыма прымацца за жывапіс” [11, с. 108].

Кітайскае пейзажнае мастацтва выразна сцвердзіла ідэю духоўнай першаасновы быцця. І стварэнне, і сузіранне карцінаў прыроды выступала ў ім формай медытацыі, працэсам спасціжэння глыбіннага сэнсу рэчаў, дасягнення стану знітаванасці асобы з нябачнай крэатыўнай сілай прыроды. Сузіранне аб’ектаў прыроднага свету з’яўлялася неад’емнай часткай працэсу пазнання і самапазнання.

ЛІТАРАТУРА

1. Культура Беларусі: 20 год развіцця (1991-2011): [манаграфія] / С.П. Вінакурава [і інш.] ; навук. рэд. І.І. Крук. – Мінск : Інстытут культуры Беларусі, 2012. – 327 с.
2. *Лао-цзы*. Дао дэ цзин / Лао-цзы // Мудрецы Поднебесной : Сборник. – Симферополь : «Реноме», 2003. – С. 11–40.
3. *Крукоўскі, М.* Бляск і трагедыя ідэалу / Мікола Крукоўскі. – Мінск : Бел. кнігазбор, 2004. – 352 с.
4. *Чжуан-цзы*. Чжуан-цзы / Чжуан-цзы // Мудрецы Поднебесной : Сборник. – Симферополь : «Реноме», 2003. – С. 251–310.
5. *Новикова, Е.В.* Китайский сад – модель взаимоотношений Человека и Природы / Е.В. Новикова // Человек и Природа в духовной культуре Востока / [Ред.-сост. Н.И. Фомина]. – М. : ИВ РАН : Крафт+, 2004. – С. 396-417.
6. *Чжан, Яньюань*. О живописи [Электронный ресурс] / Философский портал. – Режим доступа : http://www.philosophy.ru/library/asiatica/china/chjan.html#_edn1. – Дата доступа : 28.09.2010.
7. *Ду Фу*. Стихотворения / Ду Фу / Пер. с кит. А. Гитовича. – М., Л. : Госуд. изд-во худ. лит-ры, 1962. – 276 с.
8. *Ли Бо*. Избранная лирика / Ли Бо / Пер. с кит. А. Гитовича. – М. : Госуд. изд-во худ. лит-ры, 1957. – 176 с.
9. Искусство Китая : Альбом / Авт.-сост. Н.А. Виноградова. – М. : Изобраз. искусство, 1988. – 54, [22] с., [88] л. ил., цв. ил.
10. *Гомбрих, Э.Х.* История искусства / Э.Х. Гомбрих. – М. : ООО «Издательство АСТ», 1998. – 688 с.
11. *Завадская, Е.В.* Слово о живописи из сада с горчичное зерно / Е.В. Завадская. – М. : Главная редакция восточной литературы, 1969. – 520 с.

吴雅玲
У Ялин
(中国, 南昌)

“西北风”歌曲的衬腔特点 ОСОБЕННОСТИ МЕЛОДИКИ КОМПОЗИЦИИ «СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ВЕТЕР»

20世纪80年代中后期,在“文化热”和“寻根”意识的思潮席卷整个文化领域的背景下,我国歌曲创作领域涌现了一批主要以西北地区(特别是陕甘地区)民间音乐为素材谱写的流行歌曲,从1986年的《一无所有》和《信天游》开始,至1988年底短短数年间涌现了大量此类风格的歌曲,如《黄土高坡》、《我热恋的故乡》、《心中的太阳》和《少年壮志不言愁》等。这批歌曲“一反当时流行歌曲的特色,以陕西、甘肃等地的民歌素材为基本音乐语素,旋律昂扬,演唱风格刚劲豪迈,歌词具有深刻的反思、回归情绪及现实批判意味,以民间的审美情趣重新体味处于剧烈变革中的中国人的现实生活。”音乐学者们大多把此类歌曲称为“西北风”歌曲。

丰富多样、风格独特的衬腔是“西北风”歌曲的重要特点之一。“衬腔是旋律中运唱衬词的歌腔,”作为歌曲的组成部分,它具有不可忽略的重要意义。本文以“西北风”歌曲的衬腔为主要研究对象,笔者试图从衬腔形式、民族风格和低音衬腔三个方面对“西北风”歌曲的衬腔特点进行分析,总的来说,“西北风”歌曲的衬腔具有丰富多样的形式、浓郁的民族风格和独特的低音衬腔。

一、丰富多样的形式

“西北风”歌曲的衬腔运用十分丰富多样。大部分“西北风”歌曲都有衬腔,篇幅或大或小,短至一个音节,长至一个乐段,并且衬腔在歌曲的不同位置都有运用。按照衬腔在歌曲中的位置,可大致分为三类:

(一) 曲首和曲尾衬腔

这类衬腔由于其特殊的位置,在歌曲的结构上起到引子或尾声的作用,它们对于烘托歌曲气氛,渲染情绪,起到了重要作用。《我热恋的故乡》(广征词,徐沛东曲)(谱例1)曲首由伴唱声部唱出的具有引子功能的衬腔,用篇幅较长,宽广辽阔的长音,烘托了一种开阔高远的情境。《男人、女人和土地》(熊勇词曲)(谱例2)的尾声是在高音区唱出的衬腔“呵”,深沉悠长,令人回味无穷。它强调了徵调从属音到主音的进行,增强了歌曲的结束感。

谱例1 《我热恋的故乡》

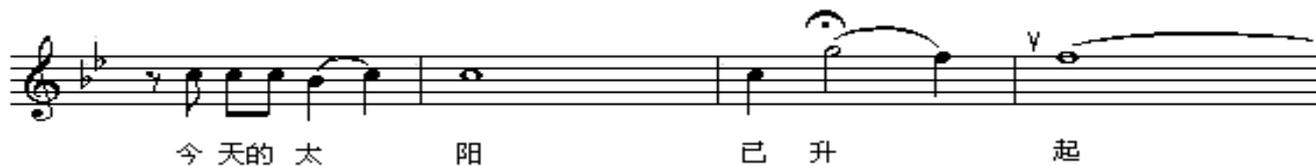
质朴,豪放

广征词
徐沛东曲

(伴唱) 哦 哦

谱例2 《男人、女人和土地》

(二) 乐句和乐段之间的衬腔

在两个乐句或乐段之间的衬腔，具有承上启下、连接过渡上下乐句或前后乐段的作用。如《一无所有》（崔健词曲）第三乐段的衬腔（谱例3），它在音乐材料上是歌曲上一乐段的末句重复，在第三乐段中它又带动了乐思继续发展。而在《男人、女人和土地》（熊勇词曲）（谱例4）中，衬腔在乐思陈述上已具有乐段的意义。它不仅承上启下，而且还具有抒情和营造一种深沉的意境的作用。

谱例3 《一无所有》

谱例4 《男人、女人和土地》

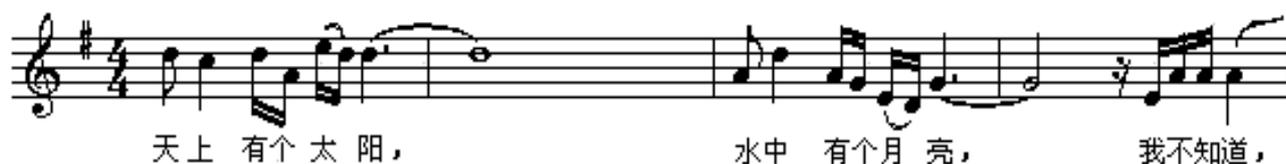
(三) 乐句内部的衬腔

在乐句内部的衬腔有两种情况，一种是作为乐句的拖腔或乐句的扩充部分，它们通常能起到进一步抒发情感，使感情表达更加充分的作用。如《心中的太阳》（文岐词，黎夫曲）的“哎咳哎咳哟”（谱例5），它是乐句的句末拖腔。

谱例5 《心中的太阳》

自由地 每分钟76拍

文岐词
黎夫曲

另一种是作为语气助词或感叹词出现的衬腔，它们通常篇幅短小，具有补充音节的作用，使歌曲的语言节奏感增强，更加生动。如《妹妹曲》（莫言词，赵季平曲）中多次在句末出现的“啊”（谱例6）

谱例6《妹妹曲》

形式多样、数量丰富的“西北风”歌曲衬腔，具有重要的表情作用，它们对于烘托气氛，抒发情感，增强音乐律动感和节奏感，增添歌曲民族意韵等发挥了重要的作用。

二、浓郁的民族风格

从音乐风格来看，“西北风”歌曲的衬腔具有浓郁的民族风格。这是由“西北风”歌曲的旋律特点决定的。“西北风”歌曲的旋律主要以中国民间音乐为基础的，因此，衬腔的音乐部分作为旋律的组成部分，必然与民间音乐关系密切。民族风格浓郁的衬腔反过来又增强了“西北风”歌曲的民族风格。

以《心中的太阳》第一乐段末尾的衬腔为例（谱例5），这首“西北风”的重要代表作品吸收糅和了信天游和东北二人转的音调，作曲家李黎夫也明确表示自己对于此曲的音乐想法是“杂交”，他自述试图把差异很大的素材糅合到一起，以期产生一种新的风格。这首歌曲本是反映一代知青心路历程的电视连续剧《雪城》的主题歌，由于电视连续剧反映的生活和故事地点在东北地区，因此，曲作者在创作中相应地运用了东北音乐素材，其第一乐段末尾的拖腔素材便来自于东北二人转中常见的乐句结尾乐汇，将《心中的太阳》第一乐段末尾衬腔（谱例5）与东北二人转《王二姐思夫》选段（谱例7）进行对比可看出，这个衬腔正是东北二人转中常用的句尾拖腔，因此，它突显了歌曲的东北风格和地方特色。

谱例7《老摔镜架调》（东北二人转《王二姐思夫》选段）

又如《妹妹曲》的剁句部分的衬腔（谱例6），由于吸收了山东夯号的乐汇

材料，民族风格较为突出。

这首歌曲是电影《红高粱》的插曲。它第一次用在男女主人公野合之后，它充分抒发了男女主人公对爱情的美好希望，体现了两颗心的共鸣。第二次出现在女主人公“九儿”死后，加上孩子“上西南”的呼喊，表现了“爷爷”对往事的回忆和失落。由于《红高粱》的故事背景是中国北方农村，并没有具体的地域指向，因此作曲家在音乐总体的创作意图上是“必须去掉地域性，而保留一种北方味。”而在最初创作这首插曲时，作者运用了山东地方戏曲柳腔和茂腔为音调素材，后来根据剧情和塑造人物需要改为了以夯歌为素材。因此，歌曲的部分衬腔也与夯歌有密切关系。

歌曲的剁句部分的每一个乐句都是以羽音为经过音，突出了徵音、宫音。徵音和宫音在每一拍的强位具有一种重音突出的效果，而每句都以具有山东夯号风格的同一乐汇结束。这个句尾衬腔正是来自于山东夯号的音乐材料，在山东的夯号中（如《夯号》（齐河县）（谱例8））常以这种由宫音下行级进到徵音，节奏上以附点八分音符、十六分音符和四分音符组合的乐汇为乐句结尾。

谱例8《夯号》（齐河县）

开了花那么哟了一朵梅莲花连嗨，

值得补充的是，《妹妹曲》曲首的衬腔引子（谱例9），运用了山歌中常用的上长音形式的衬腔，因此更增添了歌曲浓郁的民歌风味。

谱例9《妹妹曲》

唉！ 妹妹你大胆的往前走哇，往前走 莫回呀头，

三、独特的低音衬腔

低音衬腔是“西北风”歌曲在衬腔方面的新突破。在作曲家徐沛东的两首“西北风”代表作品《我热恋的故乡》和《十五的月亮十六圆》中，都运用了低音衬腔。

谱例10《我热恋的故乡》

（伴唱）哦 哦 哦 哦 哦 （独唱）故

谱例11《十五的月亮十六圆》

这种低音区的衬腔，以低沉的音调在吟叹中体现出一种质朴深沉的阳刚之美。

一方面，这种低音衬腔契合了“西北风”歌曲歌词的深沉厚重。

20世纪80年代的“文化热”思潮席卷了中国整个文化领域，“西北风”歌曲诞生于这样的文化背景，它不可避免地受到“文化寻根”的深深影响，与生俱来地被贴上了“文化寻根”的标签。我们能够从“西北风”歌曲的歌词中强烈地感受到它的“文化寻根”的品质。它将关注的目光投向了对故土家园的深深眷恋、对祖国民族的挚爱、以及对人类生存状态的关注和思考上。它一扫当时词坛较为盛行的阴柔之气，高扬“大我”的旗帜，气势如虹、激情澎湃。而低音衬腔的质朴阳刚，低沉雄浑正好契合了“西北风”歌词所要表达的博大沉雄、深沉厚重的历史感和一种内在的深沉、苍凉的意境。

另一方面，这种独特的低音衬腔的写法也成为了作曲家徐沛东早期歌曲创作风格的重要特点之一。

在“西北风”的风潮中，有大批作曲家投入其中，他们共同推动了“西北风”歌曲创作高潮的形成，他们的音乐创作也在“西北风”中迅速成熟。他们中的大部分人，在“西北风”之后的中国流行歌曲创作中继续做出了重要的贡献。作曲家徐沛东正是其中的代表人物之一，他的“西北风”歌曲创作体现出鲜明的个人创作风格，低音衬腔的运用也是其创作的特色之一。由于“西北风”歌曲大多采用真声演唱，以较多的气息冲击声带，低音衬腔与这种“直声”唱法相结合，使“西北风”歌曲更加亲切质朴，直抒胸臆。此后，他在“西北风”创作的成功经验上继续前进，不断探索和超越自我，佳作迭出。成为当今中国歌坛最具影响力的作曲家之一。

参考文献

1. 黄燎原. 十年：1986-1996中国流行音乐纪事[M]. - 北京：中国电影出版社，1997.
2. 居其宏. 新中国音乐史[M]. - 长沙：湖南美术出版社，2002.
3. 江明惇. 汉族民歌概论[M]. - 上海：上海音乐出版社，2004 - 292 p.
4. 中国艺术研究院音乐研究所编. 1989中国音乐年鉴[Z]. - 北京：文化艺术出版社，1989 - 336 p.
5. 《中国曲艺音乐集成》全国编辑委员会，《中国曲艺音乐集成·辽宁卷》编辑

- 委员会. 中国曲艺音乐集成 辽宁卷[Z]. –北京: 中国ISBN中心, 2002 – 201 p.
6. 《中国民间歌曲集成》全国编辑委员会, 《中国民间歌曲集成·山东卷》编辑委员. 中国民间歌曲集成 山东卷[Z]. –北京: 中国ISBN中心, 2000 – 64 p.
7. 金兆钧. 光天化日下的流行: 亲历中国流行音乐[M]. –北京: 人民音乐出版社, 2002 – p. 3.

Шамякина Т. И.
(Минск, Республика Беларусь)

МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ В КУЛЬТУРЕ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

Представлены наиболее специфические формы китайской духовной культуры: традиционный народный календарь и его значение в современную эпоху; основы философских воззрений; некоторые аспекты мифологии, которые имеют общие точки схождения с мифологией западной.

Ключевые слова: *метафизическая, мифология, календарь, сакральность, картина мира, дихотомия, первоэлементы.*

It provides the most specific forms of Chinese spiritual culture: the traditional folk calendar and its significance in the modern era; foundations philosophical beliefs; some aspects of mythology, which have common points of convergence with Western mythology.

Key-words: *metaphysical, mythology, calendar, sacred, world, the dichotomy, the primary elements.*

Слово «метафизическая» в названии статьи означает загадочность, таинственность, во многом неразгаданность культуры Древнего Китая.

Великая китайская цивилизация – одна из самых древних на земле. Ее достижения во многих сферах жизни – в экономике, науке, искусстве, религии, медицине, ремесле – часто опережали развитие в других регионах планеты, а письменность, возникшая примерно во II тыс. до н.э., позволила запечатлеть и донести до нас многие мифологические, религиозные, философские представления древних китайцев.

Основой, стержнем любой культуры является календарь. Китай создал удивительный календарь, который соединил в себе движение Солнца и Луны, а также был ориентирован на явление солнечной прецессии – основного закона механики Солнечной системы в Галактике. Китайский народный календарь стал необычайно популярен на Западе, в том числе в Беларуси, в последней четверти XX века.

Календарь был создан в Китае в III тыс. до н.э., а затем распространился практически по всей Восточной Азии. В Китае очень рано научились распознавать дни зимнего и летнего солнцестояния. Зимнее солнцестояние считалось началом астро-

номического года (а не календарного). В глубине тысячелетий таятся знания об эклипнике Солнца и соответственно о двенадцати созвездиях, каждое из которых соответствует перемещению по небесной сфере на 30 градусов. Двенадцать знаков Зодиака носят названия двенадцати животных, а именно: мышь (крыса), бык, тигр, заяц, дракон, змея, лошадь, овца, обезьяна, петух, собака, свинья. Именем определенного животного называлось не только созвездие, но и год, месяц, период суток. Но самая важная единица времени – всё же год. Циклы по двенадцать лет каждый – характерная особенность именно восточной культуры. Каждый двенадцатилетний цикл, умноженный на пять (сакральное число в Китае), давал наиболее полный космический цикл в 60 лет.

Составителями календаря в Китае считаются полуполюгендарные личности Си и Хэ, которые по заданию императора обобщили огромный корпус астрономических данных и географических наблюдений в разных областях страны. Начало летоисчисления в этом циклическом календаре животных ведется с 2397 года до нашей эры. Это время царства Ся, о котором, кроме календаря, мало что известно.

Наделение того или иного животного сакральными функциями (а календарь – сакрален) – одна из загадок китайской мифологии, которую еще предстоит разгадать.

Однако несомненно, что китайский традиционный календарь потому оказался востребованным в конце XX ст., что он основывался на ощущении человеком своей глубинной близости к животному миру, ко всем живым существам, включая не только естественные, функциональные связи с ними, но и связи собственной души, разума, духа. Где-то в истоках бытия все Божьи создания очень близки между собой. Наша связь с животными – именно по истоку жизни, по одушевленности, по общности судьбы на Земле.

Человек в общении с животными, в своем стремлении понять зверя или птицу, в конце концов, начинал лучше понимать и сам себя. Через описание животных он психологически «овладевал» ими и миром в целом. Помогли осмыслить разумность животных в значительной степени мифология, фольклор, художественная литература, искусство.

Наличие в наше время космического цикла животных, восточного «сказочного» календаря, на первый взгляд кажется архаическим и наивным. На самом же деле китайский календарь передает какие-то важные ритмы или вибрации Космоса и создает единую космогоническую систему, которая интегрирует в себе собственно понятия линейного и циклического времени. В основе такой системы – вера в периодическое «разворачивание» и «сворачивание» Вселенной, о чем свидетельствует также и современная физика (так называемая *сингулярность*).

Традиционный календарь позволяет современному Китаю чрезвычайно разумно, с далёкой перспективой, строить свою политику и экономику. Так, в 2009 году закончился один из шестидесятилетних циклов, который вел отсчет от создания КНР в 1949 году. Начался новый шестидесятилетний цикл, однако разрабатывается уже и следующий. То есть идет планирование на 120 лет вперед. И Китай четко и очень последовательно следует избранному курсу. Причем практически все в его планах скрыто от западного наблюдателя.

Поскольку Беларусь находится в центре Европы, для нас важно знать о геоцентрических взглядах китайцев на собственную страну, которая представлялась им Срединной империей: она не только в центре Земли, но – в центре Вселенной. Центризм картины мира составляет основу, начало, первичный принцип, исходный пункт китайской культуры. Это и не удивительно, ведь китаец видел, что вокруг его страны простирались дикие, непригодные для жизни людей края. Между тем Поднебесная империя, как называли китайцы свою страну, давала все, необходимое для жизни: она отличалась мягким климатом, плодородными почвами, разнообразным рельефом с широкими долинами и холмами, реками, лесами и горами.

«Вся система ориентиров, – пишет российский исследователь А.В. Подосинов, – имеет в своей основе психо-биологическую природу человека. Само устройство человеческого тела предполагает наличие в сознании человека изначальных психофизических категорий «переднее» и «заднее», «правое» и «левое» [1, с. 357]. Дихотомичность этих категорий, вероятно, стала причиной возникновения дуальных (бинарных) оппозиций, которые дожили до наших дней. В Китае полагали, что все предметы и явления произошли от взаимосвязи светлого начала *ян* и темного начала *инь*, противоположных, но непременно сосуществующих аспектов бытия.

Слова эти изначальны означали соответственно «светлый» и «темный», но философское значение их понятий значительно шире и включает широкий спектр противоположных пар, например, мокрый и сухой, мужской и женский, слабый и сильный, мертвый и живой и т.д. (но не обязательно хороший и плохой). Бессмысленно рассуждать о том, что лучше, а что хуже – каждое понятие в любой из пар необходимо, одно немислимо без другого, одно переходит в другое – в зависимости от времени и ситуации. Чередование *инь* и *ян* так же важно, как чередование движения и покоя, света и тьмы, лета и зимы, дня и ночи. Главное, чтобы эти силы находились между собой в гармонии.

Счастье человека зависело от равновесия *инь* и *ян*, благодетельных, пока они в гармонии, и разрушительных, если равновесие нарушалось. И современному китайцу чужда господствующая сейчас в мире прямолинейная логика: да – нет, черное – белое. Каждое событие, при наличии противоположностей, как минимум тройственно: есть «да», есть «нет». Но в каждом «да» заключено маленькое «нет», и наоборот. Часто логика китайца кажется нам парадоксальной. Еще в VI веке до нашей эры великий философ, пророк Лао-Цзы сформулировал удивительный духовный принцип: мы владеем лишь тем, от обладания чего отказались.

Принцип парности *инь-ян*, по некоторым свидетельствам, существовал уже в V тыс. до н.э. Так, в гробнице периода неолита, обнаруженной в 1988 году в провинции Хэнань, был найден труп, лежащий между двумя фигурками животных, слепленных из раковин моллюсков. Фигурки изображали дракона и тигра, предшественников Голубого Дракона и Белого Тигра – мифологических воплощений *ян* и *инь*.

Голубой Дракон был не просто мифическим животным. Он виден в ночном небе в виде созвездия. В те времена, когда систематизировались китайские мифы, созвездие Дракона появлялось в небе, начиная с марта. Возможно, поэтому Дракона стали ассоциировать с весной и востоком, Тигра же, напротив, с осенью и западом. Со временем и двух других мифологических животных – Красную птицу

Феникс и Черную Черепаху – начинают связывать с летом/ югом и зимой/севером соответственно [2, с. 19].

Вообще мифология Китая насквозь космогонична. В ней, например, сохранились отзвуки космических катастроф. Так, в древнем письменном памятнике «Хуайнань цзы» утверждается, что «небо наклонилось на северо-запад» и «обрушились опоры земли». Видимо, речь идет об орбитальном или осевом повороте: изменился наклон оси к плоскости эклиптики. Это явно нарушило движение Солнца, Луны и звезд, что и зафиксировала мифология.

Союзом светлого начала *ян* и темного начала *инь* порождены пять первоэлементов (или пять стихий): *вода, огонь, земля, дерево, металл*, от которых и происходит все во Вселенной. Первые три из названных стихий совпадают с античными (четвертое понятие в античной натурфилософии – воздух). Совершенно ясно, что в сложившейся на Земле природно-астрономической ситуации двучленность (включая биологический дуализм человека) задает при своем развитии и конкретизации четырехчленную картину мира. Отсюда в представлениях западного человека – не только 4 первоэлемента, но и 4 времени года, 4 части суток, 4 человеческих возраста, 4 мировых века, 4 касты, 4 основных темперамента, 4 пространственных направления и т.д. Цифра 4 и соответственно универсальный графический символ – четырехугольник – являются сакральными также и в китайской культуре.

Наряду с четырехчленной структурой космоса в Китае широко распространена и пятичленная структура, поскольку, кроме четырех сторон света, обязательно имелся в виду и *центр*. Кроме того, пятерица объединяет в себе двоичность инь-ян и триаду творения (а также трехчленность строения мира по вертикали), а потому является самым емким символом мироздания.

Учение о пяти первоэлемента, или стихиях, которые все пронизывают и являются пятью изменчивыми состояниями всего сущего, – основа философии как даосизма, так и конфуцианства, несмотря на их ожесточенную порой полемику. Это говорит о том, что пятичленная классификация возникла в незапамятные времена и является общим архаическим наследием обеих философских систем. Основная мысль, которая лежит в основе китайского учения об элементах, – это параллелизм происходящего в парных сочленах космоса, природы, общества, человека с его физическим и духовным миром. Мудрость Китая гласит: «Человек подобен небу и земле, его природа содержит пять стихий». Например, элементу дерево соответствует восток из стран света, весна из времен года, начало из циклов развития, дракон из символов животного мира, Юпитер из планет, кипарис из растений, нос из частей тела, прозорливость из черт характера, гуманность из нравственных категорий, зеленый цвет из цветового спектра, кислый вкус из ощущений. Некоторые соответствия кажутся довольно искусственными, но какие-то утвердились прочно и, по-видимому, очень давно, например, 5 основных цветов (синий, красный, желтый, белый, черный), 5 нот, 5 гор, 5 планет (Юпитер, Марс, Сатурн, Венера, Меркурий).

Как и любое сложно организованное и архаическое общество, Китай имел чрезвычайно богатую мифологию. Мифология Китая на первый взгляд сложна и запутанна. Однако в ней встречаются мотивы, известные, знакомые и привычные западному человеку.

Здесь издавна верили в чудесную райскую страну на далеком острове (то же у славян – остров Буян), где жили богоподобные люди, способные ходить по воде, летать по небу, проходить сквозь огонь. Однажды девушка, жившая в этой стране (можно ее считать Великой Матерью), родила от дракона (бога-громовержца, или радуги) сына *Фуси* – человека-дракона. Он вместе со своей сестрой-супругой *Нюйвой* считается первопредком китайского народа. Пара Фуси-Нюйва явственно напоминает египетских Осириса и Изиду, индийских Яму и Ями, славянских Ивана да Марью. В индоевропейской мифологии многие герои также рождаются от отцов-драконов или змеев, например, сербский Змий Огненный Вук или наш Всеслав Чародей, а в Библии – Каин. Кстати, и библейские события происходили также в Раю.

Среди других чудес, характерных для райской страны, обращает на себя внимание волшебная лестница, ведущая в небо. По ней часто поднимался и опускался на землю Фуси. Такая лестница удивительным образом напоминает лестницу Иакова из Библии. Правда, в китайской мифологии она несет явный отпечаток шаманской практики. Фуси – Великий Шаман и первопредок – культурный герой: он подарил людям огонь, ремесла, а также создал универсальную знаковую систему, которая состояла из восьми триграмм.

Растет в китайском Раю и Мировое Древо – как раз посреди прекрасного сада, где находится Центр Мира. На Древе девять веточек, которые соответствуют девяти небесам или девяти душам человека (в других культурах – семь).

Сам человек слеплен из глины женой Фуси Нюйвой, также змееподобной [3, с. 97]. И Адам в Библии – из глины. Но в китайской мифологии отсутствует понятие первородного греха.

Основные идеологические системы Китая в XX веке – национализм и коммунизм – не смогли заменить собою модель ритуалистического мировоззрения, сформированного мифологией и тремя великими религиями (философскими, этическими системами) – конфуцианством, даосизмом, буддизмом. Именно они, своеобразно переплетаясь, лежат в основе традиционного жизненного уклада китайцев, и сегодня, в начале третьего тысячелетия, китайское общество руководствуется не столько идеологическими предписаниями (они лишь декларируются), сколько своими извечными культурными ценностями, которые, как оказалось, вполне соответствуют условиям нынешней постиндустриальной цивилизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Подосинов, А.В. «Ex orient lux!» / А.А. Подосинов. – Москва, 1999.
2. Фицджеральд, С.П. Китай: Краткая история культуры / С.П. Фицджеральд. – Москва, 2002.
3. Юань, Кэ. Мифы Древнего Китая / Кэ Юань. – Москва, 1972.

ИСКУССТВО КОЧЕВНИКОВ СЕВЕРНОГО КИТАЯ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА В КОНТЕКСТЕ ОСНОВНЫХ ЧЕРТ СКИФО-СИБИРСКОГО ЗВЕРИНОГО СТИЛЯ¹

Современная археология предлагает использовать язык звериных образов как дополнительный хронологический маркер и признак межкультурных взаимодействий. Этот аспект актуален для изучения археологии Северного Китая. Хотя исследователи из КНР традиционно широко используют для датировки керамические и бронзовые сосуды, не выработано непротиворечивых схем эволюции накопителей стрел, конской упряжи и поясной фурнитуры – основных хронологических позиций для раннего железного века. Впрочем, работа в этом направлении активно ведется [1, с. 96–114; 2, с. 297–324]. В то же время недооценивается возможность определения времени сооружения археологических памятников по предметам искусства.

В связи с этим представляется своевременным через контекст эволюции и трансформаций важных образов звериного стиля раннего железного века (тигр, орёл, олень, гриф (грифон) говорить об изобразительной специфике Северного Китая названного времени, об этнокультурных взаимодействиях ранних кочевников этого региона, о месте населения Северного Китая среди других культур скифо-сибирского мира.

В мифологических представлениях (прежде всего – в ареале от Средней Азии на северо-западе до Китая и Индокитая на юго-востоке) тигр выступает как царь зверей и хозяин леса. В Китае тигр почитался не только как царь зверей, но и как борец с демонами болезней. Великие мудрецы-чародеи-устрашители демонов нередко изображаются восседающими на тиграх. Особые обряды связывались с представлением об огромной жизненной силе тигра. Это заметно, в частности, в культурах тюркоязычных кочевников и полукочевников Средней Азии. У каракалпаков верным средством от бесплодия считалось тигриное мясо, следы и шкура. Среди узбеков убивший тигра охотник окружался особым почтением. Киргизские шаманы обращаются за помощью к духу белого тигра. Тигриная шкура есть атрибут героя или бога (Вакх, Дионис, Дхармапала). Связь тигра с женским началом подчеркивается связью с божествами Иштар, Си Ван Му и другими.

У многих народов выработан целый этикет общения с тигром (нивхи, малайцы, суматранцы, бенгальцы). Тигр у представителей ряда культур связан с первопредком. Вероятно, следы трансформировавшихся тотемических представлений можно видеть в соотношении белого тигра с западом и осенью, а также в представлениях о звездном дворце Байху. Стоит отметить, что в раннем железном веке ареал обитания тигра был существенно шире, нежели теперь. Последний тигр на Алтае

¹ Исследование проведено в рамках государственного задания в сфере научной деятельности (№ 33.702.2014/К).

был убит в XIX веке, а туранские тигры в нижнем течении Амударьи были уничтожены только в середине XX века.

Некоторые исследователи (например, Е.В. Переводчикова) считают необоснованным разделение изображений «кошачьего хищника» на видовые группы (лев, пантера, барс, тигр), так как сами изготовители не подразумевали этого [3, с. 42–44]. Во многом с этим можно согласиться. При анализе будем оперировать лишь теми изображениями, что более или менее несут характерные признаки «тигра»: окрас шкуры, пропорции тела и т.д.

На территории Синьцзяна находки изображений тигров, главным образом на берестяных ведрах, происходят из раннескифского могильника Янхай-2. В Северном Китае сложно выделить подобный единый центр. Достаточно реалистичные изображения тигров можно встретить в захоронении Чэньянчуаньцунь культуры Янлан, а также в культуре Таохунбала (погребение M2 могильника Сигоупань), захоронениях Няньфанцуй, Шихуэйгоу, Алучайдэн. В рамках культуры Таохунбала изображения тигров в основном представлены сценами терзания. Подобная тенденция прослеживается и в находках Янлана. Примечательно, что эти изображения очень похожи на артефакты из Минусинской котловины [6, с. 158]. Аналогии можно обнаружить практически по всему скифо-сибирскому миру. Встречаются и образы тигра без жертвы. Д.В. Черемисин, исследовавший семантику изображений хищников, небезосновательно предположил, что данные композиции имели своей целью уподобление усопшего тигру [8, с. 53–56].

В скифской изобразительной традиции тигр, как и ряд других зверей, имеет важную особенность. В раннескифское время синкретических образов в зверином стиле не много или нет вовсе [7, с. 186–192]. Появляются они не ранее VI в. до н.э. Но если образ несинкретичного орла полностью исчезает из искусства, то тигры (без смешения с каким-либо другим животным) с колоды из Башадарского кургана сосуществуют с туэктинским «рогатым тигром». Хотя это мифическое животное не представлено широко в Северном Китае, именно в нем наиболее ярко видна синкретичность не только образов оленя и тигра, но и более глубинное смешение животного с растением. Из-за своих ветвистых, древоподобных, периодически обновляющихся рогов, символизовавших омоложение жизни, новорожденность и ход времени, рогатый тигр может быть сопоставлен с описываемыми ниже копытными грифонами, вероятно, копирует и часть их семантики. Один образ, который мы можем назвать если не «рогатым тигром», то «рогатым кошачьим», присутствует в культуре Таохунбала.

К настоящему времени не только для наиболее изученных алтайских, но и распространившихся на большой территории скифских «грифонов» единой классификации и системы понятий не сложилось. Предлагаемая схема разграничения различных видов «грифонов» – ещё один шаг в этом направлении.

При этом автор исходил из уже имеющихся схем и терминов. Изменение заключается в выделении одного, как выясняется, значимого элемента изображений – звериного уха, указывающего хронологические и этнокультурные изменения в скифской среде. Из всех имеющихся изображений «грифонов» в Северном Китае можно выделить группы:

1. Орлы без уха, гребня и хохолка, вышедшие из раннескифского времени. Они представлены головками или полными изображениями хищной птицы.

2. Мифический орёл – головка или полное изображение хищной птицы с ухом, но без хохолка и гребня.

3. Орлы-грифоны с телом хищной птицы имеют ухо, хохолок и, как правило, гребень.

4. Грифоньи головки – головки хищной птицы с гребнем, хохолком и ухом. Их стоит выделить в отдельную категорию, поскольку древний мастер мог предполагать как тело орла, так и льва.

5. Различные синкретичные варианты на базе головки грифона (грифо-слоны, грифо-волки и др.).

6. Копытные грифоны.

7. Грифоны орлиные и львиные с головами орла или льва.

Предложенная схема позволяет выделить некоторые аспекты появления образа «грифона» на Алтае, его связь с раннескифской культурой; с Передней Азией. Стоит отметить, что после вытеснения образа орла, синкретичные существа разных видов могли сосуществовать. Примером тому служит находка в кургане М012 могильника Дунхэйгоу изображений рогатых грифонов и мифических орлов, относящихся, казалось бы, к разным этапам смешения образов зверя и хищной птицы.

По устоявшемуся мнению, в образе скифского грифа (грифона) слились образы двух почитаемых с древности животных: царя птиц – орла и царя зверей – льва. Некоторые исследователи считают, что в этом образе отразились представления ещё об одном широко известном животном: грифе-падальщике [10]. На наш взгляд, образ грифа (грифона) сложился в результате слияния представлений обо всех вышеуказанных животных.

Можно отметить, что в сложившихся образах пяти животных (орёл, гриф, лев, леопард, тигр) есть много общих черт. Некоторые из них характерны, в свою очередь, для грифона. 1. Все они являются ездовыми животными богов и героев. 2. Все, за исключением грифа, наделяются высшими человеческими качествами, а такие как лев и леопард даже удостоены сравнения с Иисусом Христом. С глубокой древности орёл и лев являлись символами силы, отваги, быстроты и натиска. Именно так они трактуются в геральдике. 3. Отчасти по этой причине носить шкуру указанных кошачьих и перья орла могли только избранные («Витязь в тигровой шкуре» и др.). 4. Кошачьи и орёл осмысливались как солярные животные, связанные с образом солнца и света или олицетворяющие его. 5. Некоторым из них (лев, орёл) присущи охранительные функции.

Все эти характеристики воплотились в образе грифонов. Это сильные, храбрые, стремительные, способные летать существа, достойные представлять военизированное общество скифов. По мнению ряда исследователей, например, А. Соловьева, головные уборы носителей пазырыкской культуры с головками грифонов могли породить легенды о «стерегущих золото грифах» [11, с. 60]. Грифоны есть стражи сокровищ и легендарной страны блаженных – гипербореев (Геродот и др.). Грифон (гриф) олицетворение солнца и золота.

При сравнении указанных черт грифона с его прообразами очевидно, что на первом месте стоит орёл. Действительно, в Северном Китае, на Алтае и у причерноморских скифов появлению грифона предшествовал образ обожествляемого мифического орла [12, с. 67; 13, с. 58; 9, с. 8]. Подтверждается это несомненным преобладанием в пазырыкской культуре, которая дала наиболее представительный материал по скифо-сибирскому звериному стилю, изображений с телом орла, а не кошачьего. Многие исследователи считают образ орла и его модификации (наличие уха) оригинальным творчеством скифов. Что же касается грифона с телом кошачьего хищника, то это, прежде всего, заимствование из Передней Азии [3, с. 132]. Из них наиболее редко встречаются львиные грифоны. Образ живущего в природе грифа в грифоне наименее заметен. Однако некоторые учёные считают мрачную сторону этой птицы значимой и даже определяющей. Так, В.Д. Кубарев связывает грифона с преисподней и смертью [10, с. 159], а Л.С. Марсадолов видит в грифоне ужасное всеразрушающее существо из параллельного мира духов, представляющее большую опасность даже и для ныне живущего человека.

Немалое место среди изображений занимают стилизованные формы. Если понимать под стилизованным изображением «грифона» выполненный в условной манере образ существа, то можно выделить десятки разновидностей. До недавнего времени считалось, что основное количество стилизованных изображений «грифона» на Алтае представлено головками без туловища. Однако позже были выделены грифоны с хвостами, что позволило по-новому взглянуть на происхождение и содержание этих образов.

Некоторые из стилизованных изображений грифонов распознаются легко, другие – сложнее. Завитки грифоньих головок помещаются на концы рогов и хвостов, превращаются в «растительный орнамент» или в общечеловеческие символы вроде спирали, свастики и других. Последовательность в переходах и превращениях животных в растительные орнаменты и наоборот была отмечена С.И. Руденко и Н.В. Полосьмак на массовом материале из мерзлотных курганов Пазырыка и Укока. Распространённый в скифо-сибирском искусстве «асимметричный листок» довольно широко представлен и у ранних кочевников Северного Китая.

По мнению многих учёных, стилизация – это процесс всё большего упрощения реалистичного изображения. Однако в искусстве Алтая, Сибиряка и Северного Китая V в. до н. э. одновременно встречаются «реалистичные» и стилизованные изображения одних и тех же существ. Аналогичная картина наблюдается в самых ранних курганах пазырыкской культуры – Башадара и Туэкты [5] – и даже в раннескифских курганах VII вв. до н. э. на начальном этапе формирования скифо-сибирского звериного стиля. Упрощение изображения, как правило, означало усложнение содержания образа. Например, посредством схематизации реалистичный образ лося может превращаться в трилистник. В трилистник или лотос переходит и грифон. Однако при этом предполагался и обратный процесс – превращение лотоса (цветка) в лося или грифона. Процесс изменения (превращения) некоторых образов в ряде случаев вернее называть не «стилизацией», а трансформацией. Если проанализировать эти и другие стилизованные изображения, то выяснится,

что, несмотря на тесную взаимосвязь между ними и хорошо заметную трансформацию, образующиеся промежуточные формы (например, различные варианты асимметричного листка) были стабильны.

Рассмотрим одну линию развития (по Н.В. Полосьмак). Грифон превращается в лотос (цветок), и наоборот – из лотоса рождается грифон, при этом образуются символы переходного типа: «грифоно-лотосы». В искусстве пазырыкцев Алтая образы с одновременно присутствующими чертами лотоса (цветка) и грифона есть во Втором Пазырыкском кургане, где по краю войлочного ковра на узорах чашелистики лотоса представлены двумя стилизованными головками орлов, то есть орлы являются лоном для рождения божественного лотоса. Подобные стилизованные изображения есть и в Синьцзяне, и в Ганьсу, и в Нинся-Хуэйском АР.

В культурах Востока лотос, как и грифон, олицетворял силу, принадлежность к богам и солнцу. О солярном значении орлов и грифонов говорилось неоднократно. А относительно цветка лотоса нужно отметить, что розетка – изображение распустившегося лотоса или цветка, у многих народов являлась солярным символом, т. е. уподоблялась солнцу. Очень схожа функция грифона как лошади богов и лотоса как ладьи богов. Таким образом, в нашем распоряжении имеется значительное количество данных, указывающих на близость, а иногда, возможно, и на совпадение образов грифона и лотоса в верованиях и в искусстве скифоидных культур Азии.

Интересны два промежуточных изображения между грифоном и лотосом, представляющие собой два варианта широко распространённых стилизованных изображений свернувшегося в спираль грифона (орла), называемого асимметричным листком. Эти спиралевидные варианты напоминают также зерно с пробившимся ростком. Если исходить из общепризнанного понимания спирали как символа «прихода и ухода, рождения и смерти, восхода и захода, возникновения и умирания» [Голан, 1992, с. 70–71], то можно предположить, что располагающееся между образами грифона и лотоса (цветка) промежуточное изображение спирали-ростка символизирует фазу перерождения (превращения) грифона в лотос (цветок) и наоборот. В этом случае изображения 3 и 4 на рисунке 5 можно трактовать по направлению вправо как фазу исчезновения грифона и рождения лотоса, первоначально преобразующегося в семя с ростком (вспомним значение спирали) [9, Рис. 66]. По направлению справа налево мы видим обратный процесс. В Египте цветок лотоса служил своеобразным «телепортом», при помощи которого умершие перемещались из мира живых в западную загробную страну, «рождаясь» там из лотоса. Возможна и другая постановка вопроса. Не есть ли это способ рождения грифона из лотоса, и перед нами односторонняя трансформация? Ведь, как отмечалось выше, в Индии и в Египте лотос являлся символом рождения жизни из ила (из хаоса и неживой материи), символом духовного начала и искусства. Однако более предпочтительным представляется первое предположение о взаимной трансформации.

В отличие от «классических» скифских грифонов, группа грифо-олений и «драконов» имела в своей основе помимо хищной птицы травоядное животное, вероятнее всего, оленя.

Олень играл в произведениях звериного стиля особую роль. «Олень с подогнутыми ногами, посвященной Великой Богине, получил самостоятельное значение, был осмыслен как изображение тотема скифов» [4, с. 195]. Н.Л. Членова говорит о распространении оленьих мотивов далеко на восток с VI–V вв. до н. э., связывая его со скифским влиянием, и отмечая, что в послескифскую эпоху изображения оленей вновь почти полностью исчезают на этом пространстве [см. там же]. Действительно, Минусинская котловина и Алтай дают интересный материал. В первом Пазырыкском кургане на одной из захороненных лошадей была маска, увенчанная оленьими рогами, сделанными из кожи. Конь сменил оленя, но представление о том, что последний должен сопровождать человека в загробный мир, осталось. И тотемное значение оленя, и его роль проводника в загробный мир – все это чрезвычайно важно и подтверждает трактовку данного образа как воплощения культурного героя. По В.И. Абаеву, скифы толковали оленя как свое тотемное животное, чем и объясняется его популярность в искусстве. В.И. Абаев сопоставляет термин «саки» с осетинским «sag» – «олень» (от иранского Saka – «развилка», «ветвь», «сук», «рог»). Ярким примером оленного тотемизма служит саамская легенда о Мяндаше – человеко-олене. Следует вспомнить и об оленьих рогах Цернунна, и о хеттском «боге на олене» Рунда.

В погребении M012 могильника Дунхэйгоу в Синьцзяне были обнаружены изображения грифонов-оленей на бляхах. Стоит заметить, что ни одно из изображений не было целостно воспринято китайскими исследователями. Примечательно, что на прямоугольных бляхах кошачий хищник терзает копытного грифона, что не характерно для подобных изображений. На территории Сибири существует только одна аналогия борьбы рогатого грифона с другим хищником. Происходит оно из Катанды. Впрочем, стоит отметить, что тело катандинского мифического животного принадлежит явно не копытному, а хищнику. В Забайкалье и Северном Китае также присутствуют редкие изображения борьбы. В то же время, копытные грифоны с татуировок Пазырыка-2 имеют характерный для сцен терзания «вывернутый зад», хотя их противник не изображен. отождествление грифо-оленя то с хищником, то с травоядным, вероятно, связано с некими анимистическими представлениями, а также с превалярованием тех или иных черт в синкретичном мифическом существе.

В Северном Китае и Синьцзяне различные группы образов скифского звериного стиля подвергались китайскому влиянию. В СУАР влияние Центральной равнины видно на изображениях двух голов «драконов» из погребения M012 могильника Дунхэйгоу. Стоит отметить условность данных китайскими авторами прорисовок. Но даже несмотря на это видно, что образы носят явный отпечаток китайского влияния в изобразительном искусстве. Нижняя челюсть мифического животного загибается вниз. Ото лба идет загибающийся кверху рог-хобот. (Возможно сопоставление с изображениями из Обьездного-1, где на пластинах были вырезаны «слоно-грифоны», семантика и происхождение которых пока не ясны. Но сам факт привнесённости композиции извне сомнений практически не вызывает. В культурах Таохунбала и Янлан такие образы не замечены, но здесь присутствуют нехарактерные для скифо-сибирского искусства черты изображения кошачьих [Институт археологии..., 2004, с. 532, 545].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Шао, Хуэйцю.* Исследование металлических удилищ доциньской эпохи Северного региона Китая // Археологические исследования приграничья (3). – Пекин: Кэсюэчубаньшэ, 2005. – С. 96–114. (на кит. яз.).
2. *Цзин, Чжунвэй.* Стрекала, псалии с шипами и удила – исследование средств управления лошадью в Китае со второго тысячелетия до н.э. по 3 в до н.э. // Каогу, 2013. – Вып. 3. – С. 297–324.
3. *Переводчикова, Е.В.* Язык звериных образов: Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1994. – 206 с., ил.
4. *Членова, Н.Л.* Происхождение и ранняя история племён тагарской культуры. – М.: Изд-во Наука, 1967. – 300 с.
5. *Руденко, С.И.* Культура населения Горного Алтая в скифское время – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – 402 с., ил.
6. *Богданов, Е.С.* Образ хищника в пластическом искусстве кочевых народов Центральной Азии (скифо-сибирская художественная традиция). – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. – 240 с.
7. *Шульга, П.И.* О стилизованных образах орла и грифона VII-IV вв. до н. э. в Южной Сибири // История и культура Востока Азии: Материалы международной научной конференции. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2002. – Т. II. – С. 170–175.
8. *Черемисин, Д.В.* Искусство звериного стиля в погребальных комплексах рядового населения пазырыкской культуры: Семантика звериных образов в контексте погребального обряда – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – С. 136.
9. *Полосьмак, Н.В.* «Стережущие золото грифы» (ак-алахинские курганы) – Новосибирск: ВО «Наука». Издательская фирма. 1994. – 125 с.
10. *Кубарев, В.Д.* Курганы Юстыда – Новосибирск: Изд-во «Наука» СО, 1991. – 190 с.
11. *Соловьев, А.И.* Оружие и доспехи: Сибирское вооружение: от каменного века до средневековья – Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2003. – 224 с.: ил.
12. *Погрехова, Н.Н.* Грифон в искусстве Северного Причерноморья в эпоху архаики // КСИИМК. – Вып. XXII. – 1948. – С. 62–67.
13. *Черников С.С.* Загадка золотого кургана (где и когда зародилось скифское искусство?) – М.: Изд-во Наука, 1965. – 192 с.

ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ КИТАЕВЕДЕНИЯ

КИТАЙСКИЕ ФИЛОСОФЫ О КУЛЬТУРЕ ПОСТИЖЕНИЯ РАДОСТЕЙ ЖИЗНИ

В статье проанализированы мысли китайских философов о сущности радостей жизни. Философы утверждали, что к радостям жизни ведут свобода духа, умеренность, отдохновение, мудрость, преодоление пагубных страстей, познание, открытие нового, созерцание природы, общение с приятными людьми, труд. Китайские философы учили находить радость в простых повседневных вещах, воспевая величайшую радость жизни – саму жизнь.

Ключевые слова: *жизнь, радость, радость жизни, здоровье, покой, радость познания, созерцание, мудрость, природа, счастье.*

The article analyzes the Chinese philosophers thought about the nature of the joys of life. Philosophers have argued that to the joys of life are freedom of spirit, moderation, repose, wisdom, overcoming evil passions, knowledge, discovery of a new, contemplation of nature, socializing with nice people, work. Chinese philosophers taught to find joy in simple everyday things, singing the greatest joy of life - life itself

Keywords: *life, joy, joy of life, health, peace, joy, knowledge, intuition, wisdom, nature, happiness.*

Современная цивилизация, научно-технический прогресс предлагают различные способы достижения свободы, комфорта, удовольствий, однако при этом растёт большое количество депрессивных состояний, сомнительных способов снятия напряжённого состояния, стресса, констатируется факт, что человек разучился радоваться жизни. В связи с этим актуальной и востребованной является проблема культуры постижения радостей жизни. Проблематичными является неумение видеть радость в окружающем человека мире, неумение организовать жизнь по законам целесообразности и красоты.

В.В. Малявин и Б.Б. Виноградский в разделе пятом «Все радости жизни» Антологии даосской философии отмечают, что даосский мудрец живет совсем иным чувствованием и пониманием мира. Он не обременяет себя ни необходимостью знать, ни необходимостью творить, ни необходимостью исполнять заповеди. Он живет свободой духа, дарящей сокровенную, неизбывную радость жизни, испытывает радость, которая неотделима и даже неотличима от простейшей, безыскуснейшей «данности» жизненного опыта. Чжуанцзы во сне видит себя бабочкой, которая «порхает в свое удовольствие». Стоя на берегу реки, он внезапно «познает» радость рыб, резвящихся в воде. Радость даоса всегда с ним, где бы он ни был и кем бы ни ощущал себя, ведь он живет Великим Дао, дающим полноту и завершенность каждой вещи. Правда его бытия – там, где покой Неба встречается с мимолетностью земного существования, где конечное вдруг пресуществляется в бесконечное. Ибо быть вечным, согласно заветам даосов, значит просто «жить мгновением» [1].

Под мудростью понимался союз радости, ума и чувства, умения ценить простые радости бытия. Китайские философы ценили выше всех земных благ, выше даже небесного блаженства самое непритязательное благо: здоровое и радостное самочувствие жизни. Ибо сама жизнь – жизнь как изобилие и полнота бытийствования – и есть высшая, в каждой частице своей доподлинная и совершенно естественная радость. Даосский мудрец «покоен в бедности». И более того: чем он «беднее», чем свободнее от всего, что наполняет его жизнь, тем больше способен он объять собой, тем больше в его душе покоя – фундамента настоящей радости. Предание гласит, что первый китайский мудрец, Конфуций, на склоне лет, достигнув непревзойденных высот образованности и ума, просто «жил в праздности». Но еще прежде Конфуция родоначальник даосизма Лаоцзы проповедовал «недеяние». Делание не обязательно, ибо оно суетно. Человек становится великим благодаря покою. Трактовка понятий «праздности», «недеяния», «покоя» близка трактовке понятия «созерцания», «мудрствования». Конфуций, Лаоцзы находили радость в философии, мудрствовании, в общении с учениками, со всем миром. Если радость приходит из безмятежного покоя всеобъятности человеческого сердца, то открывается она в подвиге самообновления, в устремленном к новым и неведомым горизонтам бытия. Даос радостен потому, что «в самом себе не имеет где пребывать» [1]. Он весь – в общительности с другими, во всяком событии, в самой событийственности вещей.

Радость у даоса в том, чтобы находить незыблемую опору в самом себе, открывать все новые горизонты жизни, удостовериться в искренности своих чувств.

Существуют различные грани или этапы вызревания радости Дао. Первым условием радостной жизни является, конечно, здоровье, но даосы ценят здоровье не ради него самого, а лишь как средство для высвобождения духа. «Когда сандалии впору, мы забываем о ноге», – замечает Чжуанцзы. Когда человек здоров, он забывает о своем теле. Здоровье необходимо нам для того, чтобы достичь высшей цельности духовно-телесной жизни, каковая может представлять для нас только «забытьем», забвением всех различий в нашем опыте.

Вэнь Чжэньхэн (1585–1645) – уроженец г. Сучжоу, одного из центров культурной жизни Китая того времени, внук известного художника Вэнь Ужэнмина в книге «Чан у чжи» рассуждает о вещах, радующих взор. Этими вещам являются жилище, горная хижина, сосна, бамбук, вода и камни, пруд, благовония, поэтическое настроение в саду. Рассуждая о жилище, Вэнь Чжэньхэн писал: «Жить среди гор и вод – лучшая доля. Ей уступает жизнь в деревне, а еще ниже ценится жизнь в городском предместье. Но все мы не сможем, идя по стопам возвышенных мужей древности, поселиться на горных пиках или в глубоких ущельях, а потому находим себе пристанище в многолюдных городах. Но даже если ты живешь среди городского шума, ворота и двор твоего дома должны быть устроены с изяществом, а покои должны быть чисто прибраны. Пусть беседки в саду угождают чувствам человека широкой души, а кабинет для ученых занятий откликается помыслам уединенного мужа. Надлежит насадить перед окном прекрасные деревья и благородный бамбук, в библиотеке расставить древние бронзовые сосуды и необыкновенные камни. Нужно все устроить так, чтобы, живя в доме, мы забывали о старости, отправляясь на прогулку, забывали о возвращении, а гуляя по саду – забывали об

усталости; чтобы в жару было прохладно, а в зимнюю стужу не мучил холод» [1]. Вэнь Чжэньхэн советовал, чтобы в горной хижине было чисто и светло, нельзя лишать ее солнечного света. Дворик при хижине может быть большим — в нем будет место для того, чтобы насадить цветы и деревья, расставить садики на подносе. Пусть по краям дворика растет трава — в летнюю пору, после дождя она особенно свежа и зелена. Вэнь Чжэньхэн предлагал посадить сосну и перед окнами кабинета, поместив в ее корнях узорный камень или же камень с озера Тайху. Вокруг можно насадить нарциссы, орхидеи и всякую другую поросль. Горную же сосну лучше сажать в твердую почву. Кора ее — как чешуя дракона, а в ее кроне поет ветер, словно волны накатываются на берег. К чему тогда уходить на горные вершины или берег седого моря? Желая насадить бамбук, нужно прежде насыпать возвышенность, окружить ее ручейком и перебросить через ручей наискосок маленькие мостики. Вода и камни радуют глаз, так как камень навевает думы о древнем, а вода навевает думы об отдаленном. В домашнем саду никак нельзя обойтись без камней, омываемых водами. Кроме того, надлежит насадить вокруг бамбук и старые деревья, необыкновенные кустарники и изогнутые сосны, устроить водопады и бурливые потоки, словно ты попал в страну заоблачных гор и диких ущелий, и тогда на земле не будет места краше.

Пруд в саду Вэнь Чжэньхэн советовал сделать побольше. Если он достаточно широк, можно соорудить посреди него островок с деревьями или перегородить его насыпью, обсадив ее деревьями так, чтобы казалось, будто она уходит вдаль без конца. Еще можно обложить берега пруда узорными камнями и окружить его дорожками с перилами, выкрашенными красным лаком. У берега пруда следует высаживать иву, но нельзя сажать там персики или абрикосы. Хорошо, если в пруду будут плавать гуси или утки — тогда в пейзаже будет больше жизни. Если пруд велик, посреди него можно сделать островок с беседкой, и тогда пейзаж будет точь-в-точь как нарисованный на картине. Нельзя ставить на берегу пруда бамбуковые шалаша, разбивать цветники или высаживать так много лотосов, что их листья будут полностью закрывать собою воду.

Вэнь Чжэньхэн утверждал, что от благовоний польза всего больше, и простирается она за пределы вещественного. С их помощью в часы уединенной беседы о премудростях древних очищаешь сердце и водворяешь безмятежность в душе; читая ночью при свете фонаря, прогоняешь дрему и тревоги; ведя доверительный разговор, укрепляешься в своих чувствах и поверяешь свои сокровенные думы; сидя в дождливый день у окна или прогуливаясь после еды, освобождаешься от суесловия и забот, а на ночной пирушке с друзьями вольготнее отдаешься беспечному веселью.

Для создания поэтического настроения в саду необходимо распахнуть дверь зала, тогда чистый ветер овеивает лицо; если отворить ворота, дыхание весны заполнит двор. Сидя взаперти, декламируешь оды, и душистые травы сочувственно откликаются. У подметенных дорожек цветут орхидеи, тонкий аромат проникает в покои. Ты видишь пелену летящих лепестков, нежный пух дремлющих ив. Из тени деревьев доносится гомон птиц, на горной тропинке вдруг слышится песнь дровосека. Ветер шуршит в лесной чаще — мнится, попал в век древних мудрых царей. На склонах горы курчавая поросль, плывущие облака бросают тень на перила террасы.

На глади вод чуть заметна мелкая рябь, ветер приносит прохладу на разостланное ложе. У южного входа все залито светом, за северным окном сгущаются черные тени. В зеркале потока дрожит ясная луна, камни недвижно лежат среди струй. Легкая одежда не защищает от ночной прохлады, лотосы в пруду распространяют дивный аромат. Листья платана опадают под осенним вихрем, цикады в траве стрекочут о чем-то далеком...

В труде «Луньюй» Конфуций рассуждает о радости: «Я радость нахожу и в том, когда живу на отрубях с водой, сплю, подложив ладошку вместо изголовья» [3, с. 49]. Достойным является человек, который «живёт в убогом переулке, довольствуясь плетушкой риса и ковшом воды..., не изменяет этим радостям» [3, с. 43]. Радость Конфуций находит в учении, совершенствовании, в общении с друзьями: «Не радостно ли учиться и постоянно добиваться совершенства? И не приятно ли, когда друзья приходят издалека?» [3, с. 17]. Радость познания, открытия нового, совершенствования означает многое для китайских философов. Радость эта означает «счастье, весёлый восторг, наполняющий всю душу человека, который, закончив учение, не оставляет его, а всё время упражняет в нём свою мысль до полной его зрелости. Ясно, что успех такого учащегося никогда не может прекратиться» [4, с. 293]. Исследователи представили разработанную китайскими философами концепцию счастливого человека, который «в процессе учёбы и претворения познанного обретает внутреннюю радость. Эта радость, наполняя его, становится постоянным спутником такого человека» [4, с. 294–295].

Предметами радости для китайского философа являются вода, горы: «Умный радуется водам, человеческий рад горам» [3, с. 45]. Конфуций утверждает, что радость помогает забыть печали, старость: «Вот это человек какой – не помнит в горестном порыве о еде, испытывая радость, забывает все печали и не замечает подступившей близко старости» [3, с. 49].

В книге песен и гимнов «Шицзин» («Там радость явилась») Конфуций в поэтической форме выразил ощущение радости, которая проявляется в единении с природой:

Там радость явилась – в долине, где плещет поток...
О, как величав ты и как ты душою широк!
Ты спишь иль проснёшься, но всё ж без меня одинок.
Клянись: никогда бы забыть эту радость не мог!

Там радость явилась, где холм возвышался большой.
О, как величав ты с твоею широкой душой!
Ты спишь иль проснёшься – один ты, так песню запой.
Клянись же, что грешен не станешь ты передо мной.

Там радость одна для двоих, где высокая гладь...
О, как величав ты! Твоей ли души не узнать?
Ты спишь иль проснёшься один – засыпаешь опять.
Клянись! Никому ты об этом не вправе сказать! [3, с. 162].

В «Песнях царства Тан» («Давно уже в доме сверчок зазвенел») Конфуций рассуждает о скоротечности жизни, призывает ценить каждую минуту радости: «И коль не вкусили мы радость теперь – день минет и месяц уйдёт!» [3, с. 198]. Препятствием радости являются невзгоды: «пусть радость и счастье имеют предел – ты должен бояться невзгод!» [3, с. 198]. Конфуций призывает ценить радость и труд: «Пусть радость и счастье имеют предел – ты должен быть предан труду» [3, с. 198]. Наряду с радостью Конфуций ценит тишину: «Пусть радость и счастье имеют предел, да будет с тобой тишина!» [3, с. 198]. В «Песнях царств» («Бурные, бурные воды») воспевается радость встречи с любимым: «Свижусь ли я, мой любимый, с тобою? Только о радости я помышляла» [3, с. 199]. В «Песнях царства Чжэн» («Жена сказала») воспевается радость супругов:

Летит твой дротик, нагонит их [гусей и уток],
Тебе, супруг, приготовлю их.
С тобой мы выпьем вдвоём вина,
Пусть будет старость у нас одна.
Готова цитра и гусли здесь,
Пусть будет радость совсем полна [3, с. 179].

Конфуций также воспевает радость военачальника, под командованием которого имеется войско, посланное князем для защиты границ от варваров:

Цинские люди под Чжу караулом стоят,
Кони в броне выступают так весело в ряд.
Правит возница, доспехи дозорных блестят.
Военачальник проходит, доволен и рад! [3, с. 178].

Конфуций считал себя человеком, «который так поглощён размышлениями, что забывает поесть, и так радуется жизни, что забывает о всех тяготах и не замечает надвигающейся старости» [2, с. 41]. Радостью Конфуций считал музыку, которая не выражается в звуках.

Китайские философы очень ценили радость странствий, путешествий. Они утверждали, что «удовольствие от странствий в том, что ты всё время видишь перед собой что-то новое» [2, с. 41]. Душа счастлива, радостна, умиротворена в момент созерцания, творчества, наслаждения искусством, вдохновения.

Хун Цзычэн в работе «Вкус корней» утверждает: «Тому, кто порвал узы света и избрал стезю одиноких, кто живёт затворником в камышовой хижине, радостна встреча с понимающим мужем и не доставит радости общение с людьми чуждыми» [2, с. 139]. Оптимизм китайских философов заключается в том, что они видели радость в каждом дне: «Не бывает дня, чтобы сердце человека не наполнилось радостью» [2, с. 140]. Радость состояла и в том, чтобы делать добро ближнему, и в том, чтобы прогонять смутные мысли. Радость Хун Цзычэн видел в вечном движении, постановке новых целей, ибо «если же стараться каждое дело непременно доводить до совершенства и во всём добиваться полного удовлетворения, тогда душа зачерствеет, а вокруг всё будет нагонять тоску» [2, с. 143]. Радостью является желание говорить друг другу приветливые слова, любить друг друга: «Когда люди могут, не кривя душой, жить в согласии и с радостью говорить друг другу приветливые слова, когда родители и дети любят друг друга и живут душа в душу, то это в тысячу раз выше «регулирования дыхания» и «созерцания сердца» [2, с. 143]. К

радости ведёт умеренность, отдохновение: «Трудиться, не страшась лишений, – вот великая доблесть. Но если чересчур истязать себя, не будешь знать ни настоящего отдохновения, ни настоящей радости» [2, с. 143]. Радость идёт рядом с умеренностью, мудростью и познаётся в сравнении и состоит в преодолении пагубных страстей. Радость зависит от волевых усилий, от умения не терять самообладание, не забывать доброе. Хун Цзычэн даёт советы: «Учись находить в жизни радость – вот лучший способ привлечь счастье» [2, с. 150], «радость не нужно искать вовне себя. Устраните то, что доставляет вам беспокойство, и радость сама собой воцарится в вашей душе» [2, с. 161]. Величайшей радостью является радость обладания жизнью: «те, кому посчастливилось жить в этом мире, не могут не знать радости обладания жизнью и не ведать печали её быстротечности» [2, с. 155].

Знаменитый учёный, поэт и живописец эпохи Сун Су Дунпо в работе «Мгновения радости» (выдержки из писем и дневника) отмечал: «Мне думается, что на свете есть две большие радости: отсутствие недугов в теле и отсутствие забот в сердце» [2, с. 379].

Юань Чжунлан определил пять истинных радостей жизни: «Когда глаза видят прелестнейшую в мире красу, уши слышат самые дивные в мире звуки, тело вкушает покойнейшее в мире отдохновение, уста изрекают мудрейшие в мире речи – вот первая радость! Когда перед залом расставлены старинные сосуды, а позади зала играет музыка и двор полон гостей – вот вторая радость! Когда в шкафах лежат тысячи свитков драгоценных книг, а рядом с домом есть харчевня, где собирается дюжина верных друзей – вот третья радость! Купить за тысячу злотых лодку, посадить в ней музыкантов, певичек и любителей путешествий – вот четвёртая радость! ...Скарб домашний отдашь певичкам, еду раздашь сирым и старым, сам же поселишься где-нибудь у родичей, не зная ни забот, ни стыда, – вот пятая радость!» [2, с. 421].

Дин Сюньфэй написал трактат «Ложь девяти радостей». В нём он учит находить радость в обычных вещах, ценить их и радоваться жизни. К радостям жизни Дин Сюньфэй относил «хорошее собрание книг, жену, которая любит читать и сама пишет, неупотребление вина, неумение играть в шашки, отсутствие беспокойства, наличие знаменитого учителя, проживание со своей семьёй в прекрасном месте, отсутствие болезни, то, что ему нет ещё пятидесяти лет, а он уже смог передать все дела сыну и то, что он живёт беспечно, как птица!» [2, с. 422–423]. Этим Дин Сюньфэй смог уподобиться господину Лаю, у которого были следующие радости: «Он родился в Срединном царстве, жил в мирное время, был учёным человеком, знавшим про праведный путь, его родители прожили долгую жизнь, его дети вовремя женились, у него не было наложниц, он уже прожил на свете больше шестидесяти лет, у него был мягкий и добрый нрав, он не страдал от уродливых недугов» [2, с. 423].

Даосский наставник Чжан Сингун представил перечень своих девяти радостей: «У меня почти нет книг, У меня нет жены, которая утомляет себя чтением и письмом, я пью, когда хочу, и вольно беседую за вином, Я люблю играть в шашки или смотреть, как играют другие, я смог побороть свою неприязнь к простым людям, у меня есть учитель, но я могу обходиться и без учителя, я путешествую без

семьи. Я люблю болеть, ибо это даёт мне время для глубоких размышлений, мои дети имеют семьи и счастливы в семейной жизни» [2, с. 423].

Цзин Шэнтань в трактате «Двадцать одна радость жизни» предлагает ценить следующие радости: ливень среди жаркого лета, когда всё изнывает от жары, когда кошка ловит мышей, посадка банановых деревьев на месте зарослей лопухов и бурьяна, прекращение спора, когда ученики без запинки декламируют наизусть древние книги, словно вода, журча, льётся из кувшина, уничтожение ненужных долговых расписок, смерть первого мошенника в городе, дружба с добропорядочным человеком, постройка нового дома, двор, запорошенный снегом, возможность стать монахом, удаление мозолей, послание от старого друга, возвращение на родину, видеть, как человек пишет большими иероглифами вывеску, раскрыть окно и выгнать всех мух, служить в уездной управе, отдать все свои долги, смотреть на далёкие костры в полях, тёмной ночью лечь спать, чувствуя себя больным и разбитым, тоскливо дремать поутру, а потом вдруг услышать веселый щебет птиц, отдернуть занавес и, выглянув в окно, увидеть яркое солнышко и умытую дождем рощу – вот радость! [2, с. 428]. Представленные китайскими философами виды радостей учат любить жизнь, ценить все её проявления.

Концепция культуры постижения радостей жизни является современной и востребованной на современном этапе развития общества. Современный тайваньский менеджмент создаёт «национальную концепцию «человеческого потенциала», чтобы человек был не простым придатком машины, а получал удовлетворение от работы – испытывал радость» [4, с. 295].

Даосские мудрецы жили свободой духа, дарящей сокровенную, неизбывную радость жизни. Эта радость была простой и безыскусной. Чжуанцзы во сне видел себя бабочкой, которая «порхает в свое удовольствие». Стоя на берегу реки, он внезапно «познает» радость рыб, резвящихся в воде. Радость даоса всегда с ним, где бы он ни был и кем бы ни ощущал себя, ведь он живет Великим Дао, дающим полноту и завершенность каждой вещи.

Мудрость китайских философов – это союз понимания и радости, ума и чувства. Философы учили ценить простые радости бытия. Цивилизация Китая, одна из самых древних в мире, поставила выше всех земных благ, выше даже небесного блаженства самое непритязательное благо: здоровое и радостное самочувствие жизни. Жизнь – и есть высшая, совершенно естественная радость. Даосский мудрец «покоен в бедности», у него меньше излишеств и больше в его душе покоя – фундамента настоящей радости.

Китайские философы видели радость в том, чтобы делать добро ближнему: «На узкой тропе придержи шаг и дай пройти путнику, идущему навстречу. За едой возьми себе третью часть, а остальные отдай ближнему. Вот секрет того, как всегда быть счастливым в этом мире» [2, с. 142].

Но если радость приходит из безмятежного покоя всеобъятности человеческого сердца, то открывается она в подвиге самообновления, в устремленном к новым и неведомым горизонтам бытия. Даос радостен потому, что «в самом себе не имеет где пребывать». Он весь – в общительности с другими, во всяком событии,

в самой событийственности вещей. Его жизнь – это сама Весть бытия, всебытийственная полнота смысла, о которой свидетельствует малейшая метаморфоза в мире.

В.В. Малявин и Б.Б. Виноградский в «Антологии даосской философии» отмечают, что «радостная мудрость Дао – это, конечно, не учение, даже не идея, но всевременность каждого мгновения одухотворенной жизни. Ее радость – как миг пробуждения, хранимый нескончаемой чередой снов. С терпением и аккуратностью благочестивых мастеров они вывели из этого смиренного доверия к жизни все сплетения, все нюансы своего утонченнейше художественного мира» [5].

Познать радость жизни может человек, в котором таится сокровенная цельность духа. Он открыт всем ритмам вселенной, внушает непоколебимое доверие к себе. Даосы называли его «подлинным господином в нас» или нашим «подлинным образом, который существует прежде нашего появления на свет» [5].

Безмятежен покой, чиста радость даосского мудреца, предоставляющего свершаться в глубинах своей души неисчислимым чудесам жизни. Радостный человек не искал доказательств и оправданий, так как ему нечего было доказывать миру и не в чем оправдываться перед собой. Он с миром событийствовал и, зная неизменность своих помыслов, доверял непроглядным глубинам своего опыта. Он любил свежесть чувства и точность выражения больше логики и абстрактных определений. Он мог не отягощать себя знаниями и жить в «забытьи», не совершая ошибок, ибо он свободен духом и, значит, всегда прав. Он впитывает в себя верховную гармонию мира, неисповедимую «полноту жизненных свойств», как младенец кормится от матери. А потому, говорили в Китае, мудрый радуется Небу и знает Судьбу [5].

Чтобы познать радость, необходимо находить незыблемую опору в самом себе, открывать все новые горизонты жизни, удостовериться в искренности своих чувств.

Литераторы старого Китая не устают повторять, что истинная мудрость сокрыта от света и мудрый человек не выдает своей радости. Однако радость видна во всём. Китайские философы учат видеть радость во всём, что окружает человека. Философы ненавязчиво предлагают оглянуться вокруг, посмотреть на обычные вещи и найти в них красоту, вдохновение, радость. «Истина входит в след и тень», – говорит древний китайский художник Цзун Бин. Первозданный хаос не отличается от хаоса эстетически переживаемой жизни: звездная россыпь внутреннего неба души отражается в беспорядочном наборе наших личных вещей, в самом строе человеческого быта. Радость, небесная радость на земле, радость везде и всегда – вот единственная награда даоса, уповающего только на «жизнь, как она есть», и живущего бесчисленными отблесками необозримого кристалла вселенской жизни. Есть своя, вечно свежая, радость, в этом извечном ускользании духа [5].

Современный цивилизованный человек может осознать чисто китайскую готовность испытывать радость только в подходящее время, но может и научиться испытывать радость и сопереживание с людьми и природой, сопереживанию с каждой вещью, каждым чувством. В Китае никогда не казалось странным полагать, что художник может узреть внутренним, просветленным зрением пейзаж страны, которую никто не видел и никогда не увидит; что знаток музыки безошибочно угадает

своим духовным слухом звучание музыки, умолкнувшей тысячи лет тому назад; что неграмотный крестьянин в состоянии необычайной ясности духа, вызванном болезнью, может без ошибки цитировать строфы древнего поэта. Китайские философы видели в этом величайшую радость творчества, единения с природой, со всем миром. Главные измерения радости даосского художника-мудреца обозначены в названии одной из книг, вошедших в сборник, – книги Чжан Чао «Гени глубокого сна». Радость живет во сне, дарящем нам опыт вольного странствия духа, свежесть чувств, привлекательную новизну образов. Эта радость постигается в глубине зеркала сознания, на дне светящегося потока жизни; она живет внутри, она невыразима и не требует выражения, ибо ее обитель – вечно отсутствующая, символическая глубина. И, наконец, это радость созерцания вещей как теней, затаенно-преlestных в своей декоративности.

В.В. Малявин и Б.Б. Виноградский отмечают, что расположение материала в этом разделе отражает различные грани или этапы вызревания радости Дао. Погружение в «забытьё» делает нас чувствительными к сокровенным метаморфозам Дао; оно приобщает нас к творческому началу бытия. Вот почему теория художественного творчества в Китае имела своей основой именно мудрость Дао. Творческим мгновением жизни управляет своя, парадоксальная логика: чем ничтожнее выглядит художник перед беспредельным Единым Превращением мира, тем более велик он в своей приобщенности к этому вселенскому танцу вещей. В мудрой радости даосов глубоко вкоренено измерение ироническое и комическое [5].

Хун Цзычэн рассуждал о том, что «среди суеты человеческое сердце часто теряет свою непосредственность. Отрешись от мыслей, обрети покой – и ты будешь плыть вместе с облаками в небе, очищаться от пыли под струями дождя, радоваться, слушая пение птиц, и прозревать своё естество, созерцая опадающие цветы» [2, с. 190]. Китайские философы учат, как наслаждаться птицами, рассуждают о прелестях городского шума, предлагают погрузиться в волшебный мир сада, учат ценить тени глубокого сна, постигать тихую радость дышать и жить.

Культура постижения окружающего мира у китайских философов сопряжена с культурой постижения радостей жизни, которая находится в умиротворённом сердце человека, способном ценить целомудренный покой, гармонию и согласие с миром.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Малявин, В.В., Виноградский Б.Б.* Антология даосской философии. – Режим доступа: <http://ki-moscow.narod.ru>. – Дата доступа: 15.11.2014 .
2. Книга мудрых радостей / Сост. В.В. Малявин. – М.: Наталис, 1997. – 431 с.
3. Конфуций. Уроки мудрости: Сочинения. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, Харьков: Изд-во «Фолио», 2002. – 958 с.
4. *Переломов, Л.С.* Конфуций : «Лунь юй»./Л.С. Переломов. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1998. – 588 с.
5. *Малявин, В.В., Виноградский, Б.Б.* Антология даосской философии. Раздел пятый. Все радости жизни. Электронная библиотека Дзен и Дао на сайте КиАйкидо Москва. – Режим доступа : <http://mht>. – Дата доступа: 15.11.2014

Воробьева С.В.
(Минск, Республика Беларусь)

СПЕЦИФИКА КОГНИТИВНОГО СТИЛЯ МЫШЛЕНИЯ В КИТАЕ

В статье объясняется специфика когнитивного мышления в Китае. Проводится сравнение с аналогичным феноменом в европейской логике. Обосновывается обусловленность когнитивного стиля мышления типами логики, используемыми в рассуждениях.

Ключевые слова: *когнитивный стиль мышления в Китае; конструктивный, феноменологический и теоретико-множественный методы мышления; конструктивная логика; феноменологическая логика; теоретико-множественная логика.*

The article explains the specificity of cognitive thinking in China. A comparison with a similar phenomenon in the European logic. Substantiates the conditionality of cognitive style of thinking types of logic used in reasoning.

Keywords: *cognitive style of thinking in China, constructive, phenomenological and set-theoretic methods of thinking, constructive logic, phenomenological logic, set-theoretic logic*

Актуальность когнитивной методологии обусловлена совокупностью факторов, в соответствии с которыми базовыми единицами любой человеческой речи о реальности являются различные состояния сознания и способы их реализации. Состояния сознания определяются комбинациями «лица» и «тела». Способы реализации подобных состояний сознания включают перечень действий, точкой отсчета которых выступает реализация импульсивных желаний, пределом – свободные инициативные действия. Индикаторами последних выступают вменяемость и ответственность «Я» за совершенное им и за то, что с ним происходит.

Человеческая речь о реальности обусловлена, во-первых, культурой, средствами которой определяется предназначение человека и формируется его самосознание, во-вторых, структурой символических систем, соединяющих рецепторные и эффекторные системы социума. Понимание роли культуры и символических систем невозможно без реконструкции когнитивного стиля мышления. Отсюда цель статьи заключается в объяснении специфики когнитивного стиля мышления в Китае. Необходимыми условиями объяснительного подхода являются, во-первых, сравнение его с аналогичными феноменами и процессами в истории европейской логики, во-вторых, обоснование обусловленности когнитивного стиля мышления типами логики, используемыми в рассуждениях как реальных проекциях любой речи о реальности.

Под когнитивным стилем мышления следует понимать совокупность индивидуальных характеристик рассуждения, находящихся в корреляции с чувственным познанием (ощущениями, восприятиями, представлениями) и психической активностью, детерминированной структурами и процессами памяти. Когнитивные стили, обусловленные различиями в ощущениях, восприятиях и представлениях, отображаются в анализе, понимании и оценивании происходящего, т. е. в вариантах переживания мира. Например, даже способы описания в науке, какими бы точными они не были, всегда будут неполными. Они лишь способ мышления, обусловленный мировоззренческими установками исследователя, который зависит от его культурной, религиозной или иной принадлежности.

Несмотря на индивидуальный характер способов обработки информации о мире, когнитивный стиль мышления воспроизводит общие гносеологические и эпистемологические структуры. Поэтому когнитивный стиль мышления – это конструктивный, феноменологический, теоретико-множественный или иной метод мышления, определяющий способ рассуждения и соответствующую ему логику. Данный вывод означает, что индивид как гносеологический или эпистемологический субъект существует в сконструированной реальности, понимание которой зависит от понимания метода мышления. Конструктивный («генетический») метод мышления – реальное, осуществляемое как конкретный способ построения. Поэтому возможна не одна, а множество конструктивных логик. Феноменологический метод мышления – реальное, осуществляемое как смысл и значение. Смысловая модель мира как основа феноменологической логики лишь косвенно связана с восприятием внешнего объекта и является результатом сознательной образной деятельности. Теоретико-множественный метод мышления – реальное, осуществляемое как «логическое включение». Он основан на экзистенциальной природе универсума и реализуется по линии экстенционала.

Конструктивный метод мышления свойственен логике Древнего Китая. Генетический характер теоретических рассуждений как спонтанный конструктивизм был обусловлен несколькими факторами. Истина рассматривалась не как абстрактный принцип, а как принцип практический и этический. Нормы мышления, способы аргументации и формы выражения идей были обусловлены предсказывающими и гадательными текстами, которые представляют собой системы взаимосвязанных и взаимно порождающих друг друга понятий. Подобные понятийные истолкования мира и места человека в этом мире – это совокупность лингвистических головоломок, требующих способов разгадки. Такими способами могут быть только генетические рассуждения.

Конструктивный подход предполагает указание на способ порождения нового объекта из непосредственно предшествующих ему объектов (рекурсивная функция). В основу рекурсивных способов порождения объекта положен принцип воспроизведения начального объекта (образца) на основании некоторого выделенного свойства. При этом ключевой становится методологическая установка на сохранение выделенного свойства образца в каждом его воспроизведении, в каждой его репрезентации. Образец как интеллектуальная модель задает границы явления в мышлении – сознательную конструктивную деятельность по определенным правилам. Поэтому рассуждение на основании образца (по образцу) – это генетическая

версия дедукции. Следует отметить, что генетический характер древнекитайских теоретических рассуждений признается в истории европейской логики в качестве прототипа современных генетических форм дедуктивного метода [1].

Способы рассуждений в теориях генетического типа детерминированы конструктивной природой универсума этих теорий. Конструктивные объекты вводятся посредством индуктивного определения (наиболее строгая форма – математическая индукция). Генетический метод исторически предшествует методу аксиоматическому. В Европе аксиоматический метод доминировал до начала XX века (начиная с Эвклида). В частности, индуктивное определение долга предполагает указание операций, посредством которых становится возможными его репрезентации: «долг – главное»; «превыше долга нет ничего»; «все есть ниже долга»; «долг превышает выгоды». Конструкт «поведение благородного мужа» индуктивно определяется тремя требованиями: 1) беспристрастное, т.е. одинаковое, отношение ко всем людям; 2) избавление от плохого в себе и общение только с лучшими; 3) осуждение только самого себя и избегание оценочного отношения к другим людям.

Результатом индуктивных определений в генетических рассуждениях становятся, с одной стороны, примеры как аргументы (обзор логических гипотез), с другой, – примеры как рекомендации, имеющие свои последствия (поиск логических следствий) [2]. Например, нравственный идеал конфуцианства индуктивно определяется как «следование Воле Неба (*Тянь*)». Подобное «следование» логически включает аргументы-гипотезы: «соблюдение принципа человеколюбия (*жэнь*)»; «подчинение младшего старшему, ученика учителю, чиновника государю». Тот, кто следует нормам конфуцианской морали (система аргументов-гипотез) может «стать благородным мужем (*цзюньцзы*), независимо от происхождения» (позитивные последствия).

Принцип воспроизведения начального объекта (образца) на основании некоторого выделенного свойства стал методом в логике моистов. Мо-цзы основал свою школу в 5 в. до н.э. Логика поздних моистов (3–2 вв. до н.э.) включила в свою методiku иероглиф «воспроизведение» (*сяо*) [3, с. 76–79]. Он символизирует экстраполяцию признаков, присущих классу предметов, на входящие в него индивидуальные предметы, но не наоборот. Аналогичен силлогизму Аристотеля. Но если силлогистический метод Аристотеля распространяется на связи внутри языковой аргументации, то метод *сяо* – на связи языковой аргументации и реальности. Европейцы, исторически лишенные подобных конструктивных рассуждений, оказались закрытыми, например, для некоторых проектов счастья (в частности, «здоровье как счастье»).

Построение генетических рассуждения, согласно принципам, изложенным в трактате «Мобянь» («Рассуждения Моцзы»), осуществляется в соответствии с тремя основными методами: *би*, *моу*, *сяо*. Метод *би* означает сопоставление двух предметов, один из которых используется для объяснения другого. Метод *моу* предусматривает сравнение элементов структуры двух высказываний или аналогю понятий. Метод *сяо* предполагает распространение присущих классу предметов признаков на входящие в этот класс индивидуальные предметы [4, с. 21].

Методы *би*, *моу* и *сяо* распространялись на связи обозначаемого и обозначающего, а также на отношения между предметом, понятием (как одноместным предикатом) и объемом понятия (как предметом). Отсюда следует методологически важный вывод о том, что логическая система моистов не допустила той ошибки, которую совершил И. Кант. Ложный тезис И. Канта о синтетическом характере математических истин опроверг Г. Фреге. Как критик субъективистского априоризма И. Канта и наивного психологизма Дж. Милля, он разработал первую аксиоматику логики высказываний и логики предикатов. Тем самым Г. Фреге доказал, что математика – аналитическая наука, все понятия которой можно определить в рамках дедуктивной логики без использования каких-либо положений нелогического характера. Из схожих допущений исходили моисты, убежденные, что в любом споре должны быть определены допустимые пределы в выборе методов ведения самого спора. Допустимые пределы они связывали с образцами. В частности, следует принимать за образцы тезисы и аргументы оппонента, что позволяет избежать конфликтности (противоречия) и приблизиться к установлению конструктивных договорных отношений (семейных, стоимостных, имущественных и пр.).

Г. Фреге не только опроверг кантовский тезис о синтетическом характере математических истин, но и доказал, что логическое знание является не аналитическим, а синтетическим. В процессе построения логических выводов, как процедур конструирования понятий, происходит приращение информации. Впоследствии Я. Хинтиikka, разрабатывая теорию дистрибутивных нормальных форм и их эпистемологических приложений, ввел понятия поверхностной и глубинной информации [5]. Разграничение поверхностных и глубинных структур информации свойственно феноменологическому способу рассуждений. Задолго до европейского варианта феноменологии, подобное разграничение было реализовано в теории спора моистов, в котором конструктивный подход гарантировал изъятие противоречия из общения. Отсутствие противопоставления «своего» «чужому» способствовало разработке тактик совмещения различных позиций с учетом личностного очевидного (поверхностного) и чужого неочевидного (глубинного). Подобная логика общения способствует принятию иной точки зрения, так как, формируя культуру толерантности, развивает стремление к изменению себя: «чужое» формирует подлинную оценку себя, раскрывая собственные глубинные структуры. На этом основании можно заключить, что конструктивный метод построения рассуждений в древнекитайской системе коммуникаций дополнялся методом феноменологическим.

Корреляции конструктивизма и феноменологии подтверждаются общей генетической схемой «*дао – ци – дэ*»: *дао* как естественный путь и *ци* как возможная модель реализации *дао* предполагают добродетель (*дэ*). Конструктивная логика будет неполной без содержательной интерпретации (осмысления), позволяющей, в частности, на основании познания причин прийти к осознанию их следствий (действий), на основании познания следствий (действий) прийти к осознанию причин. Это способствует установлению континуумов, в пределах которых разворачивается общение, например: соблюдение нормативного кодекса влечет личное моральное удовлетворение; личное неблагополучие обусловлено завышенными ожиданиями со стороны другого человека.

Теория рассуждений моистов подтверждает, что логика в Древнем Китае формировалась не как формальная (экстенциональная), а как содержательная (интенциональная) теория. Она не была вычленена из контекстов риторики и эристики, как это сделал Аристотель. Сохранив статус неформально-логической теории, китайская логика не вышла за пределы взаимосвязей и взаимного порождения понятий. В частности, номинализм логики моистов подтверждается двумя постулатами. Согласно первому постулату, имена обозначают не вещи, а мысли. Второй постулат утверждает, что мысль соотносится, но не отождествляется с языковым выражением. Следовательно, поскольку процесс именования выражает индивидуальный замысел в коммуникации, а непосредственно сам замысел находится в корреляции с выражениями языка, постольку именование как логический процесс является феноменальным. Именованное как феномен – это индивидуальное целостное психическое переживание.

Подобный номинализм начнет возрождаться в европейской логике, начиная с Т. Гоббса. Европейские номиналисты, продолжая традиции киников и стоиков, утверждали, что универсалии есть лишь имена, обозначения вещей. Сочетание имен (идей) генерируют мысли, являющиеся не онтологическими, а эпистемологическими репрезентантами, или проекциями когнитивного стиля мышления. Европейский номинализм отстаивал свои объяснительные модели в противостоянии с реализмом. Реалисты, начиная с Платона, утверждали, что универсалии существуют вне нашего ума, трансцендентны чувственному миру.

Феноменологический метод мышления детерминирован не доктриной или объяснением, как в конструктивной логике, а пониманием. Феноменологическая логика – это содержательная методология понимания, обусловленная четырьмя группами факторов. Во-первых, понимание обусловлено используемыми именами. Использование имен основано на четырех постулатах: 1) имена связывают язык и реальность; 2) без имени предмет не существует как предмет мысли; 3) имя является смысловой моделью объекта, включающей имя, обозначаемый объект и представление об объекте; 4) способ именования выражает замысел об именуемой предмете [6, с. 97]. Поэтому в феноменологической логике методологически важно определять логическую характеристику используемых имен. Например, следствием использования универсальных концептов являются неточные или неправильные именованья, ибо очень часто концептуализации сводят воедино вещи, которые кажутся одинаковыми, но, на самом деле, имеют разные языковые и культурные онтологии.

Во-вторых, «человек сам по себе» всегда и везде одинаков, следовательно, он имеет те же возможности опыта и переживания. Все, что пережито другим, может быть идентифицировано в контексте собственной жизни. Следовательно, возможно включение феномена в собственную жизнь, в структуру своего опыта и переживания и т. д.

В-третьих, понимание предполагает воздержание от мнений о предмете с целью сделать доступной сущность этого предмета, а не мнение о нем. Трансцендирование эмпирического опыта, в результате чего остаются лишь имманентные акты чистого сознания, и в результате чего получают «чистые сущности». Воздержание от мнений о предмете обеспечивает доступ к его сущности, включающей

только феномены и их значения. Это способствует построению системы или типологии феноменов.

В-четвертых, построенные системы или типологии воспроизводят аналогичные (родственные) феномены во взаимосвязи. Методическая задача заключается в установлении инварианта изменяющихся (варьируемых) признаков, составляющих сущность конституируемого феномена в сознании (категориальное созерцание» Э. Гуссерля или «личностное конструирование» Дж. Келли).

Как результат, понимание есть совокупность описанных четырех групп событий и процессов. Обратим внимание на две первых группы. Фактор использования имен детерминирован когнитивными структурами сознания. В частности, имя как отношение между знаком и реальностью обладает культурной и этнической спецификой. Это означает, что оно ориентировано на культурно и этнически обусловленные фоновые знания, в контексте которых происходит распознавание значения имени и процесс означивания. Разные языковые социумы, отбирая и гипотезируя различные признаки, создают собственные способы метафорического и метонимического осмысления действительности.

Феноменологический подход требует языка, соразмерного тем явлениям, которые находятся в фокусе феноменологии. Например, «общим местом» для поведения подростков в республике Беларусь стало общение в социальной сети, где можно высветить лучшее в себе, но скрыть собственные недостатки. Данные условия способствуют формированию несоразмерного языка и, как следствие, неадекватной оценки себя и своего поведения. Принять себя таким, какой есть, или изменить себя – это вопрос доминирования смысла по признаку существования (процесс именованья в рассуждении), а не сущности (понятийный процесс). Существование, хотя и косвенный, но денотат (идея Г. Фреге).

Согласно лингвистическому релятивизму Э. Сепира и Б. Уорфа, люди, говорящие на разных языках, видят мир абсолютно по-разному. «В действительности же „реальный мир“ в значительной степени неосознанно строится на основе языковых привычек той или иной социальной группы. Два разных языка никогда не бывают столь схожими, чтобы их можно было считать средством выражения одной и той же социальной действительности» [7, с. 9]. «Сходные физические явления позволяют создать сходную картину вселенной только при сходстве или, по крайней мере, при соотносительности языковых систем» [8, с. 14].

«Человек сам по себе» – это внутренний мир человека, его «самость» или «феноменальное поле». «Самость» определяется как представления человека о самом себе, основанные на прошлом опыте, данных настоящего и ожиданиях будущего. «Феноменальное поле» сознания одновременно целостно и глобально. Целостность сознания определяется тем, что все его функции взаимодействуют, глобальность – тем, что переживает все происходящее в мире. Структура «феноменального поля» в Древнем Китае была детерминирована акциденциями (критериями повседневности, которые изменчивы, случайны) и субстанциями (критериями-идеалами конфуцианской морали). Акциденции как изменчивое или случайное – синтез утилитаризма (деятельности) и принципов социальной справедливости (моральные или материальные последствия деятельности) – базисные когнитивные

стратегии в решении двух проблем: как приблизить человека к себе и как приблизить его к миру. Тактики лежат в контексте языковой аргументации. Являясь не только психическими, но и логическими функциями, они направлены на избегание двух полярных границ – полная потеря интереса к внешнему миру и полная потеря себя (психотическое и невротическое структурирование мира и себя в мире).

Конфуцианская мораль представляет собой модальную систему, в пределах которой раскрываются способы, какими «являют себя» человек миру и мир человеку. Данные способы демонстрируют диапазоны полной и неполной логической несовместимости. Например, «благородный человек знает только долг, низкий человек знает только выгоду» [9, с. 35].

Феноменология гадательного или предсказывающего текста включает пять аспектов рассуждения: объект гадания (предсказания); субъект гадания; взаимодействие объекта и субъекта гадания; мир (предсказательные образы мира, субъективные интерпретации мира); структурные образы, или гештальты (типология предсказываемых событий или процессов). В частности, согласно «Книге перемен» (*Ицзин*) в мире действуют три космические силы – Небо, человек, земля. Небо включает в себе *ян* – мужское, светлое, активное, непрерывное, и *инь* – женское, темное, пассивное, прерывное. Земля включает в себе далекое или близкое, трудное или легкое, обширное или сжатое, смертельное или надежное. Неограниченная среда существования и действий человека трактуется посредством категории смысл. Для этого устанавливаются связи между человеческой деятельностью и ее лингвистическими репрезентациями, в контексте которых снимаются напряжения между функциями истинности (согласованность, т. е. непротиворечивость, выбираемого действия или приемлемая мера конфликтности) и нормативными значениями высказываний (ценностные иерархии или кодексы). Например, рабство или кровная месть создают напряжение между истинностным функционалом и нормой в социально-культурных условиях конфуцианского Китая.

Когнитивный стиль мышления с позиции феноменологии означает присутствие в рассуждении мотивации. Если конструктивизм когнитивного стиля мышления предполагает логические построения, включающие каузальные связи, то феноменологический подход предполагает логико-лингвистические построения, включающие связи мотивационные. Мотивации – семантически обусловленные значения логических категорий языка, которыми оперирует сознание. При этом одни логические категории выступают в роли источника мотивации, другие, – рассматриваются как обусловленные (мотивированные) источниками.

Теоретико-множественный метод мышления, основанный на экзистенциальной природе универсума и реализуемый по линии экстенционала, предполагает выбор свободной или несвободной логики. Свободной считается логика без экзистенциальных предпосылок. Отсюда предметом свободной логики является «область исследования проблемы рассуждения в ситуациях, когда существование объектов рассуждения не предполагается» [10, с. 27]. Несвободные логики исходят из онтологического допущения, что объекты, составляющие универсум рассуждения, существуют. Это означает, что рассуждения, претендующие на рациональность и научность, не оперируют пустыми именами (например: «метафизический объект» или «демократия»). Повседневные рассуждения подобными именами оперируют.

Теоретико-множественные аспекты когнитивного стиля мышления исходят из постулата, утверждающего, что язык структурирует восприятие. В некоторых аспектах язык дискретен (цифровые процессы), в некоторых – непрерывен (аналоговые процессы). Иерархии, порождаемые естественными языковыми процессами, например придаточными предложениями, упорядочиваются ключевым принципом теоретико-множественного метода рассуждения – принципом логического включения.

В логике различают два способа теоретико-множественного структурирования реальности посредством логического включения: 1) какой объект и куда включен; 2) какой объект и кого включает. Первый способ – сужение объема – заключается в изъятии части смысла из целого в конструкции с родительным падежом. Например, метонимическая часть какого-либо целого: «тезис оппонента». Второй способ – расширение объема – заключается в приращении смысла посредством придаточного: «<часть>, которая <смысл целого>», где существование целого не дано, но существование части санкционировано существованием целого. Например: «тезис оппонента, который следует принять в качестве образца для организации диалога».

В дескриптивных именах, изымающих часть смысла или приращивающих смысл, часть либо стремится разрастись до целого, либо становится риторической фигурой. Последнее означает утрату связи языка и реальности, или образование пустых имен. Существование предмета в дескрипциях зависит от смысла, так как связь между субъективным сознанием и его образами-объектами с позиции феноменологии является смысловой: *A* находится в смысловой связи с *B*, если и только если *A* чувствует в *B* смысл для себя. С теоретико-множественной позиции это означает, что если есть смысл, – есть предмет, если смысл отсутствует, – имеет место риторическая фигура. Поэтому в случае дескриптивных имен проблемой является существование предмета (экстенционала), а не его сущность, или смысл.

Осуществляя логический анализ именованного как средства структурирования восприятия действительности, древнекитайские логики зафиксировали сложности, связанные с номинацией объектов и свойств открытых нелинейных систем. В результате они зафиксировали объекты, их атрибуты и отношения, которые можно номинировать только средствами теоретико-множественного или тернарного языков, например, «признак признака», «признак свойства», «признак свойства признаков», «бесконечное в конечном», «признаки бесконечного в конечном». Это стало основанием для построения классификационных схем, обеспечивающих социально приемлемое выполнение функций, например в соответствии с принципами, изложенными в трактате Чжоу Гуна «Чжоу ли».

Пустой универсум в теоретико-множественном аспекте был не допустим конструктивными и феноменологическими свойствами теории порядка (*Ли*). В частности, обоснованием для выделения класса выступало деление каждой из противоположностей сущего – *инь* и *ян* – по принципу прогрессии или регрессии наличия признака. Например, в правовой сфере наказание назначалось в соответствии со степенью отдаленности проступка или преступления от нормы, зафиксированной в имени «добродетельное деяние», соотносимое с континуумом порядка (*Ли*).

Современная модель преподавания логики в Китае содержит требование уточнения универсума рассуждения с целью выявления скрытого употребления пустых имен. Практические занятия по логике ориентированы на выявление контекстов с латентно пустыми именами. Например, на это ориентирует учебник «Логика» под редакцией Сун Вэньцзяня [11]. Методика проведения занятия требует освоения студентами двух взаимосвязанных постулатов использования имен в коммуникации. Во-первых, положительные имена (термины) должны быть непустыми (ненулевыми именами). Во-вторых, их отрицания (отрицательные имена) не должны быть универсальными (составлять универсум). В противном случае, если положительное имя – пустое, а его отрицание является универсальным именем, – рассуждения содержат ложные выводы. Цель подобного подхода к преподаванию логики заключается в формировании когнитивного стиля мышления, обусловленного, конструктивным, феноменологическим и теоретико-множественным методами рассуждений.

Таким образом, специфика когнитивного стиля мышления в древнем и современном Китае заключается в методологическом параллелизме, в соответствии с которым теоретические и практические рассуждения выстраиваются как конструктивная, феноменологическая и теоретико-множественная логики. Данная специфика обусловлена отсутствием пропасти между философией, этикой, правом, с одной стороны, и логикой, – с другой. Это позволяет ограничивать радикализм в рассуждениях, поддерживать необходимый баланс объясняющих и понимающих стратегий и тактик, стремиться к четкому структурированию восприятия реальности. Тем самым, базовые методологические принципы не становятся метафизическими принципами, а выступают когнитивными ориентирами и регуляторами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Смирнов, В.А. Генетический метод построения научной теории / В.А. Смирнов // Логико-философские труды В.А. Смирнова. – М: Эдиториал УРСС, 2001.
2. Воробьева, С.В. Логика и коммуникация / С.В. Воробьева. – Минск: БГУ, 2010.
3. Крушинский, А.А. Логико-методологическая мысль древнего Китая как историческая реализации генетического типа дедукции / А.А. Крушинский // Современная логика: проблемы теории и истории: Материалы XI Международной научной конференции. Санкт-Петербург, 24-26 июня 2010 г. – СПб., 2010.
4. Воробьева, С.В. Древнекитайская логика // Берков, В.Ф. История логики // В.Ф. Берков [и др.]. – Минск: Новое знание, 2001.
5. Хинтиikka, Я. Логико-эпистемологические исследования. М., 1980.
6. Воробьева, С.В. Логика и коммуникация / С.В. Воробьева. Минск: БГУ, 2010.
7. Афоризмы мудрецов Древнего Китая // Великие мысли великих людей: Большая книга афоризмов / Сост. А.П. Кондрашов, И.И. Комарова. М., 2004.
8. Сепир, Э. Статус лингвистики как науки / Э. Сепир. – М., 1993.
9. Уорф, Б. Отношение норм поведения и мышления к языку / Б. Уорф. – М., 2009.

10. *Гладких, Ю.Г.* Логика без экзистенциальных предпосылок / Ю.Г. Гладких. – Ростов-н/Д., 1984.
11. Логика / под ред. Сун Вэньцзяня. – Пекин: Бэйцзин чубаньшэ, 2002.

Ермолич С.Я.
(Минск, Республика Беларусь)

ШКОЛА КОНФУЦИЯ: СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье проанализирован социально - педагогический аспект школы Конфуция, показан его вклад в развитие социальной педагогики. Раскрыты социально-педагогические взгляды Конфуция, его стремление к установлению социального благополучия посредством морали, гуманизма, гармонии, нравственного учения, ритуала, совершенствования личности. На конкретных примерах раскрыт социальный идеал Конфуция, а также представленные Конфуцием этапы социального взросления личности, особенности её социализации и жизни в обществе, социуме.

Ключевые слова: *школа, педагог, социальный, социально-педагогический, социальное устройство, ритуал, гуманизм, мораль, гармония, социальный идеал, социальное взросление личности, социализация, социальное благополучие*

The article analyzed the socio - pedagogical aspect of the school of Confucius, shows its contribution to the development of social pedagogy. Revealed socio-pedagogical views of Confucius, his desire to establish social welfare by morality, humanism, harmony, moral teaching, ritual, perfection of the individual. With specific examples disclosed social ideal of Confucius, Confucius and presented the steps of growing social identity, particularly its socialization and life in the community, society.

Keywords: *school, teacher, social, social-pedagogical, social structure, ritual, humanism, morality, harmony, social ideal, social maturation of personality, socialization, social welfare*

Древнекитайский философ Конфуций (551–479 гг. до н.э.) является одним из основоположников теории социальной педагогики, первым социальным педагогом. Он внёс значительный теоретический и практический вклад в развитие социальной педагогики. Конфуций – философ, педагог, социальный деятель. Неоценимый вклад в развитие социально-педагогической мысли заключается в том, что в середине I тыс. до н.э. в рамках религиозных учений древневосточных цивилизаций были предприняты первые попытки теоретического осмысления социально-педагогического опыта, мыслей о заботе старшего поколения о младшем и ответной реакции последнего, о следовании универсальным законам общественной жизни. Мыслитель выступал за общечеловеческое воспитание, основу которого должна составлять высокая нравственность (мораль, человечность), что является фундаментом гуманизма. Основными добродетелями, наравне с нравственностью, фило-

соф считал почитание родителей; уважение старших; любовь к народу и стремление сблизиться с «человечными». Данные идеи по своей сути являются социально-педагогическими, поскольку отражают культуру поведения человека в системе «властвование – подчинение», солидарность людей в обществе.

Под образованием как общественным явлением Конфуций понимал единство двух процессов: воспитания и обучения. При этом воспитательная сторона у него превалирует, так как основная цель образования – это духовный рост личности, ее совершенствование до идеала благородного человека «цзюньцзы», носителя высших моральных качеств. Среди нравственных характеристик «цзюньцзы» прежде всего называются следующие три: уважение воли неба (судьбы); уважение правителя; уважение мудрых людей. «Цзюньцзы» должен до конца постичь основные принципы конфуцианской нравственности – «жэнь» и «ли». Знания культурного характера Конфуций ставил на второе место, однако он выступал за установление связи нравственного воспитания с умственным.

Социально-педагогические взгляды Конфуция формировались в сложной политической обстановке. Современность представлялась ему царством хаоса. Нескончаемые междоусобные войны, все усиливающаяся смута привели Конфуция к выводу о необходимости новой моральной философии, которая опиралась бы на представление об изначальном добре, заложенном в каждом человеке. Прототип нормального социального устройства Конфуций видел в добрых семейных отношениях, когда старшие любят младших и заботятся о них (жэнь, принцип «человечности»), а младшие, в свою очередь, отвечают любовью и преданностью (и, принцип «справедливости»). Особенно подчеркивалась важность исполнения сыновнего долга (сяо – «сыновняя почтительность»). Мудрый правитель должен управлять с помощью воспитания у подданных чувства благоговения перед «ритуалом» (ли), то есть моральным законом, прибегая к насилию только как к последнему средству.

Отношения в государстве во всем должны быть подобными отношениям в хорошей семье: «Правитель должен быть правителем, подданный – подданным, отец – отцом, сын – сыном» (Луньюй). Конфуций поощрял традиционный для Китая культ предков как средство сохранения верности родителям, роду и государству, в состав которого как бы входили все живые и умершие. Долгом всякого «благородного мужа» (цзюньцзы) Конфуций считал бесстрашное и нелицеприятное обличение любых злоупотреблений. Для обеспечения мировой гармонии предписывалось просто соблюдать ритуалы (ли), разработанные на все случаи жизни. Несоблюдение ритуалов приравнивалось к нарушению космического равновесия. Объяснять смысл ритуалов своим «внешним» последователям Конфуций и его ученики не считали возможным, ибо для того, чтобы понять их, требовалась ученость. К ученым в Китае всегда было особое отношение, и они как бы естественно образовывали элиту, обладавшую знанием, недоступным для непосвященных. Элите же, то есть ученым, предписывалось изучать наследие древних, ибо те «знали смысл всех вещей», и задача ученого состояла только в том, чтобы в него проникнуть. Ритуал помогает направить усилие сознания и подсознания в нужное русло. Он нужен неспособным, нежелающим и начинающим.

Конфуций – виднейший мыслитель и политический деятель, основатель школы конфуцианства, педагог-учёный. Конфуций занимался упорядочением древних книг и составлением комментариев к «Книге Перемен» (Ицзин). Он написал «Летопись» царства Лу, при правительстве которого был советником. Воззрения Конфуция изложены главным образом в книге «Беседы и суждения» (Луньюй). Она составлена последователями Конфуция из записей высказываний и поучений его самого и ближайших его учеников. В школе Конфуция готовили к выполнению определённых социальных ролей.

Конфуций утверждал, что социальный порядок и мир основывается в большей степени на добродетели и с помощью церемоний, чем на законах и наказаниях: «Если руководить народом посредством законов и поддерживать порядок посредством наказаний, то хотя он и будет стараться избегать их, но у него не будет чувства стыда; если же руководить им посредством добродетели и поддерживать в нём порядок при помощи церемоний, то у него будет чувство стыда и он будет исправляться» [2, с. 45].

Гуманизм является важным принципом социально-педагогического учения Конфуция. Гуманность, человеколюбие значили больше, чем церемонии: «Если человек негуманен, то что толку в церемониях? Если человек негуманен, то что толку в музыке?» [2, с. 80].

Важным социально-педагогическим аспектом школы Конфуция был принцип ли. Принцип ли был тем фундаментом, на котором строилась социальная структура китайского общества. Буквально ли означало: норму, церемониал, порядок. Смыслом этой нормы было требование соблюдения навечно установленных иерархических различий. Конфуций говорил, что без ли невозможен общественный порядок, а значит и благополучие, процветание в государстве: «Нет ли, – значит, нет различий между государем и подданным, верхами и низами, старыми и молодыми... Ли — установленный порядок вещей». Стабильность общества по Конфуцию зависела от воспитания согласно социальному назначению. Важнейшая категория ли означает «почтительность», «церемониал», «церемонии», «ритуал». Она объединяла широкий круг правил, имевших целью регулирование отношений между управителями и их подданными, между всеми общественными группами (сословиями, родами, семьями) и внутри их, а также отношений между отдельными людьми.

Принцип ли в конфуцианстве отождествлялся с принципом дао. Дао в понимании Конфуция – «путь человека», его нравственное поведение, а также – основанный на морали социальный порядок (а не путь вообще как в даосизме).

Социально-политический идеал Конфуция – мир и согласие, основанные на ритуале: «Использование ритуала ценно потому, что оно приводит людей к согласию. Путь древних правителей был прекрасен. Свои большие и малые дела они совершали в соответствии с ритуалом» [2, с. 33]. Конфуция сформировало в высшей степени ритуализированное, пронизанное до мельчайших деталей общество. Ритуальность стала для него необходимым атрибутом социального устройства общества. Социальный аспект идеи ритуализации заключается в том, что живущий по ритуалу, согласно Конфуцию, живёт в общительности со всеми людьми, живёт «общим достоянием», существует, так как находится в общении с другими.

Политический деятель должен быть добродетельным: «Кто управляет при помощи добродетели. Того можно уподобить северной Полярной Звезде, которая пребывает на своём месте, а остальные звёзды с почтением окружают её» [2, с. 42].

Конфуций считал, что правители должны заботиться о просвещении народа, для чего следует расширять сеть школ и других учебно-воспитательных заведений. До него система образования Древнего Китая состояла из казенных школ различных ступеней, которые содержались властями и в которых в качестве учителей выступали главным образом чиновники высоких рангов. Казенные школы практически были недоступны представителям простого народа, чьим уделом считался тяжёлый физический труд. В них обучались в основном дети аристократии и богатых китайцев.

В 523 г. до н.э. Конфуций основал первую частную школу в мире «по воспитанию человеческих характеров», начал учительскую деятельность. После его смерти учениками была издана книга Луньюй («Беседы и суждения»), где изложены основные взгляды Конфуция.

Большое значение для социализации личности имеют разработанные Конфуцием основные принципы этико-политического учения (конфуцианства), которые включают «Шесть искусств»:

1. «ЛИ» — должное поведение в обществе, группе.
2. «И» — умение подчинить долгу себя и окружающих.
3. «СЯО» — сыновья почтительность или должное подчинение старшему (по возрасту, по должности).
4. «ЖЭНЬ» — принцип гуманности, человечности.
5. «ЧЖИ» — знание.
6. «СИНЬ» — верность.

Актуален социальный аспект конфуцианской морали, которая требует постоянного самосовершенствования, послушания старшим, неукоснительного и строгого соблюдения всех существующих норм и правил.

Конфуций выступал против дискриминации в обучении и воспитании и создал первую в Китае частную школу, в которую могли поступать все люди независимо от их социального положения. Предоставив своим ученикам равные возможности, Конфуций начал проводить в жизнь идею всеобщего образования. Он первым стал обучать простолюдинов, утверждая, что «в обучении не должно быть различия между людьми». Его интересовало не происхождение учеников, а они сами как личности. Конфуций принимал в число своих учеников тех, кто действительно стремился к знаниям, независимо от их социального происхождения. Он говорил: «Если человек не жаждет получать знаний, то я не буду учить его». Конфуций первым в истории стал ратовать за равенство всех людей как учащихся, за предоставление всем равных возможностей учиться.

Школа Конфуция – пример социального равенства и единства разных по характеру, способностям, происхождению людей. Это было местом их свободного общения независимо от уз родства, сословной или служебной иерархии. Конфуций учил социальному общению разных по характеру людей: «При встрече с достойным человеком думай о том, как сравняться с ним. Встретившись с низким человеком, вникай в себя и сам себя суди» [4, с. 165]. Особенности социального общения

проявляются в умении говорить с достойными людьми: «Не поговорить с человеком, который достоин разговора, значит потерять человека. А говорить с человеком, который разговора не достоин, значит терять слова. Мудрый не теряет ни слов, ни людей» [4, с. 167].

В школе Конфуций давал каждому ученику говорить и действовать без принуждения, сполна проявлять себя, свои таланты. Конфуций ценил своеобразие талантов своих учеников, отмечая, что «среди них одни особенно преуспели в добродетели, другие – в управлении государством, третьи – в искусстве беседы, четвёртые – в науках» [4, с. 16]. Первейшим социальным долгом учителя Конфуций считал развитие в человеке его прирождённых достоинств и устранение недостатков. Следуя социальному идеалу, учитель должен развивать в душе воспитанника доброе и пресекать дурное.

Китайский ученый-педагог Чжоу Юйдэ дает высокую оценку педагогическому профессионализму Конфуция. Во-первых, он проявлял большую «демократичность» в отношениях с учеником: уважал его как личность, выслушивал его мнения и доводы во время бесед и дискуссий. Во-вторых, он вовсе не стремился сдерживать инициативу учащихся и даже выказывал к ним снисхождение, был сам сдержан и уступчив. Он считал, что ученики не должны быть слишком податливыми перед лицом авторитета учителя в процессе познания истины

Конфуций призывал к познанию истины. Он извлекал сведения из жизненного опыта, считая, что это нужно людям для того, чтобы правильно действовать. При этом, однако, он не стремился вооружать учеников специальными знаниями технического характера, сельскохозяйственными и т.д., полагая, например, что в земледелии он сам понимает меньше, чем крестьянин. Главное, считал он, – приобретение жизненных навыков и духовный рост личности. Цель воспитания по Конфуцию – укрепление нравственности и преодоление жизненных трудностей через гуманизм и гармонизацию отношений. Конфуций учил жить в согласии с принципами Порядка и Середины. В школе Конфуция осуществлялся принцип морально-нравственного воспитания, соблюдение которого служило цели достижения гармонии в обществе. Гармония в обществе называется «Чжун юн» («Середина и постоянство»). «Середина – это великий принцип для всего мира; гармония – это великий Путь Вселенной. Благодаря гармонии середины мир находится на своем месте, и все живое растет» – гласит изречение из классического канонического трактата «Чжун юн».

Для адаптации личности в социуме необходимо глубокое постижение категории Жэнь, что означает «любовь к окружающим человеческим существам». Конфуций развил эту идею о пяти вещах, которые каждый должен включить в исполнение Жэнь: почтительность, терпимость, надежность, сообразительное усердие и великодушие. Если человек почтителен, ему не будет грозить высокомерие, если он терпим, он овладеет массами. Если он надежен, люди сами будут доверяться ему. Если он усерден и сообразителен, то добьется результатов. Если он великодушен, то будет достаточно хорош для того, чтобы руководить другими людьми.

Конфуций рассматривал Жэнь как часть образования. Во времена Конфуция образование считалось скорее обучением тому, как себя вести, нежели приобретением специальных знаний. Конфуций разделял эту позицию.

Свою школу Конфуций основал в столице царства Лу – городе Цюйфу. Школа была сравнительно большой по своим размерам и состояла из двух помещений: «тан», где ученики занимались, и «нэй», где они жили. В хорошую погоду занятия проводились во дворе под тенью абрикосового дерева, которое Конфуций очень любил. Отсюда школа получила свое название – «Син Тань» («Абрикосовый алтарь»). Она предназначалась не для маленьких детей, а для молодых пытливых умов того времени. Конфуций принимал в число своих учеников тех, кто действительно стремился к знаниям, независимо от их социального происхождения. В своей школе он не придерживался регламентированных по времени и содержанию учебных занятий, не читал лекций, не занимался опросом учащихся, не проверял их знания. Обучение и воспитание происходило в процессе непринужденных, свободных бесед, часто носивших эвристический характер. Конфуций наблюдал за своими учениками и изучал их, постоянно находился с ними в контакте, проводя занятия даже во время странствий.

Школа Конфуция – это и социально-педагогическое учение, объединившее учеников и последователей. В школе Конфуция обучались управлению государством: «Управление государством, имеющим тысячу военных колесниц, состоит в том, чтобы быть внимательным к своим делам и внушать доверенность народу, быть бережливым в расходах государственных и милостивым к людям, отряжать народ на работы вовремя» [2, с. 21].

Конфуций был великолепным педагогом, и многие его ученики стали весьма успешными администраторами (к некоторому огорчению своего пожилого учителя, безуспешно продолжавшего изучать свитки с объявлениями о работе). Первое конфуцианское поколение правильно воспитанных чиновников не забыло своего великого наставника и того, чему он их учил. Они создали нечто вроде масонского общества, и, несомненно, их образование повлияло на то, как они прожили дальнейшую жизнь, так же, как и на их отношение к своей работе. Вскоре уже не многие чиновники серьезно верили в то, что правители происходят от божественных предков и управляют по воле Небес. Стало ясно, что государство, несомненно, может быть совместным предприятием и приносить пользу всем; новые чиновники приложили все усилия для того, чтобы удержать своих начальников от развязывания бессмысленных войн.

Наиболее способный ученик Конфуция Юцзы высказал ценную мысль, которая предваряет идею многовариантности, плюрализма, ценности различных взглядов, гармонии: «При осуществлении Правил ценным является достижение единства через разномыслие. Именно этим и был прекрасен Дао-Путь первых правителей. Малые и большие дела они вершили, исходя из этого принципа. Однако, когда встречались неосуществимые дела, они, владея этим принципом достижения единства через разномыслие, добивались такого единства» [3, с. 304].

Среди учеников Конфуция был ряд отпрысков влиятельных семей, обычно из других провинций. Но в конце концов и некоторые любознательные члены правящего рода Лу начали посещать его занятия. Таким образом Конфуций познакомился с будущим правителем Лу, принцем Янь, который находился под впечатлением от бесед с Конфуцием и, когда принял власть, назначил этого средних лет философа министром внутренних дел и Конфуций смог применить свои принципы

на практике. Согласно историческим данным, Конфуций был очень успешным министром и социальным деятелем. Конфуций организовал террор против местных преступников. «Все время, пока он занимал этот пост, в земле Лу не было грабителей», – пишет о нем биограф Х. Грил.

Социальный идеал Конфуция – благородный муж, учёный человек: «если кто-либо вместо любви к прекрасному избирает уважение к мудрости, отдаёт все свои силы служению родителям, не щадит своей жизни, служа государю, правдив в отношениях с друзьями, то, хотя о нём и говорят, что он не обладает учёностью, я обязательно назову его учёным человеком» [2, с. 24]. Социальный идеал общества для Конфуция – общество без войн, ненависти и нищеты. Социальные устремления Конфуция – это путь к социальному благоденствию. К такому обществу ведёт совершенствование личности, умение быть верным своему слову, в поступках и мыслях не терять достоинства, твёрдо держаться избранных идеалов.

Конфуций представил стадии социального взросления личности, задавая ориентиры её совершенствования: «В пятнадцать лет я обратил свои помыслы к учёбе. В тридцать лет я обрёл самостоятельность. В сорок лет я освободился от сомнений. В пятьдесят лет я познал волю неба. В шестьдесят лет научился отличать правду от неправды. В семьдесят лет я стал следовать желаниям моего сердца и не нарушал ритуала» [2, с. 47]. Социальное лидерство Конфуций связывал с новаторством и знанием традиций: «Кто повторит старое и узнает новое, может быть руководителем для других» [2, с. 58].

Конфуций дал ценные советы, связанные с карьерным ростом. Карьера осуществляется в социуме, поэтому «больше слушай, исключай сомнительное, осторожно говори об остальном и тогда реже будешь ошибаться. Больше наблюдай, избегай опасности, осторожно действуй в остальном и тогда реже будешь раскаиваться. Когда в словах будешь реже ошибаться, за поступки будешь реже раскаиваться, тогда с успехом сделаешь карьеру» [2, с. 66].

Управление в понимании Конфуция – это проявление сыновней почтительности, любви к старшим и младшим: «Когда нужно проявить сыновнюю почтительность, прояви сыновнюю почтительность, относись с любовью к старшим и младшим братьям – всё это выливается в управление» [2, с. 47].

Социальный оптимизм Конфуция заключается в том, чтобы «учиться и своевременно претворять в жизнь – разве не в этом радость? Вот друг пришёл издалика – разве это не удовольствие?» [3, с. 290].

Конфуций заложил основы продуктивного общения в социуме: «Есть девять правил, о которых благородный муж постоянно помнит: помнит, что надо видеть ясно; помнит, что надо слышать чётко; помнит, что лицо должно быть приветливым; помнит, что манеры должны быть почтительными; помнит, что слова должны быть искренними; помнит, что в делах надо быть осторожным; помнит, что в случае сомнений следует спрашивать совета; помнит, что в гневе не надо забывать о его последствиях; помнит, что приобретая, надо исходить из чувства справедливости» [3, с. 423].

Для жизни в социуме необходимы отмеченные Конфуцием шесть положительных качеств: человеколюбие, стремление к знаниям, честность, прямота, мужество, твёрдость. Конфуций отмечал, что эти положительные качества без любви

к учёбе могут привести к шести ошибкам: «Стремление к человеколюбию без любви к учёбе ведёт к глупости; стремление к знаниям без любви к учёбе ведёт к утрате устойчивости в жизни; стремление к честности без любви к учёбе ведёт к тому, что будешь наносить вред людям; стремление к прямоте без любви к учёбе ведёт к горячности; стремление к мужеству без любви к учёбе ведёт к смутьянству; стремление к твёрдости без любви к учёбе ведёт к сумасбродству» [3, с. 427]. Актуальны мысли Конфуция об эффективном социальном общении: «В обществе держитесь так, словно принимаете почётногo гостя. Исполняя служебные обязанности, ведите себя так, словно руководите торжественным жертвоприношением. Не делайте другим того, чего себе не желаете. Так вы не сотворите зла ни в государстве, ни в семье» [4, с. 181].

Конфуций и его последователи считали, что в первую очередь надо любить своих родственников, а потом уже всех остальных. Поэтому сыновняя почтительность и братская любовь рассматривались ими как важные стороны понятия гуманности. Дети должны быть послушными и уважать родителей; те, в свою очередь, – любить детей и проявлять по отношению к ним снисходительность; младшие братья обязаны служить старшим. Лишь примерный сын и брат могут быть хорошими подданными. В отношениях между друзьями важны прямота и честность, тогда дружба облагораживает их, помогает приобретать знания и нравственно совершенствоваться. Что же касается женщины, то конфуцианство отводило ей незавидную участь. До замужества она должна служить своим родителям, после свадьбы – мужу, после смерти мужа – его родителям и сыну. Согласно конфуцианской морали, женщина должна быть добродетельной, уметь поддерживать разговор, следить за своей внешностью, проявлять искусство в рукоделии. Она не учится в школе и получает воспитание исключительно в семье.

Рассуждая о социальном благополучии, Конфуций отмечал, что воспитание и образование для человека так же необходимы, как добывание материальных средств к существованию. В книге «Луньюй» («Беседы и суждения»), представляющей собой запись бесед Конфуция с учениками, описывается следующий случай. Однажды Конфуций с одним из своих учеников по имени Жань Ю посетил царство Вэй. Конфуций спросил воспитанника, сколько в данном месте проживает людей. Жань Ю ответил, что население растёт так быстро, что непонятно, как быть дальше. «Обогащайте его», – сказал Конфуций. – «А когда мы его обогатим, что тогда делать дальше?» – спросил тот. «Воспитывайте его», – ответил Конфуции. В этой связи китайский историк педагогики Шэнь Гуаньцзюнь подчёркивает, что Конфуций высказал своего рода формулу: «Шу – фу – цзяо» (народ – богатство – воспитание). Другими словами, сначала люди должны стать сытыми и одетыми, иметь прожиточный минимум, после чего следует осуществлять их воспитание. Конфуций высказывал идею «малого благоденствия» – «сяокан», согласно которой правитель обязан заботиться об обеспечении народа одеждой и питанием.

Конфуций обличал социальные пороки: «Я чувствую печаль, когда не улучшают нравы, не уясняют того, что учат, а зная долг, не могут ему следовать и не способны устранить порок» [1, с. 47].

Назначение социума – учиться у окружающих. Конфуций отмечал необходимость учиться друг у друга: «Я непременно нахожу себе наставника в каждом из

двоих моих попутчиков. Я выбираю то, что есть в них хорошего, и следую ему, а нехорошего у них я избегаю» [1, с. 50].

Целью обучения и воспитания в школе Конфуция была подготовка учащихся к жизни в социуме, активное участие в совершенствовании личности и гармонизации социальных отношений.

В. Малявин справедливо отмечает: «Заслуга Конфуция, обессмертившая его имя, в том и состоит, что он первый в истории открыл человека как деятельное, творческое и, стало быть, общественное существо» [4, с. 50]. Последующие учёные стали рассматривать человеческую сущность как биосоциальную. В школе Конфуция человеку предъявлялись нравственные образцы, типы поступков, соответствующие ритуалу и побуждающие к нравственному совершенствованию. Образцы эти были необходимы, так как в одиночестве человек не может стать человеческим. В учении Конфуция показана социальная природа нравственности: добродетельность человека проявляется в соотношении его с другими людьми.

Социальная сущность профессионализма Конфуция-учителя заключается в том, что он не может жить в одиночестве, но постигает смысл как со-мыслие, для которого в большей степени важен момент межличностного общения, нежели индивидуального самовыражения. Сущность социального единства людей состоит в постижении единой меры родства и отчуждённости между людьми. Для Конфуция был важен путь к другому, его интересовала открытость души миру, способность вслушиваться в извечно «другое» и сопереживать ему.

Конфуций первым воплотил особый социальный тип личности, «который стал классическим среди учёных старого Китая, а в Европе остался практически неизвестным – тип консервативного нонконформиста, выделяющегося из толпы, как ни странно, лишь безукоризненным соблюдением обычая» [4, с. 153]. При всей своей вовлечённости в мирскую социальную жизнь самым важным было умение сохранять свободу, независимость духа. Исследователи отмечают, что Конфуций был самым гостеприимным учителем во всей Поднебесной, его дом был открыт для всех, кто хотел учиться, постигать смысл жизни вместе с учителем, который учил жить в согласии со всеми, оставаясь самим собой. Почти не проходило дня, чтобы в ворота дома Конфуция не постучался гость, пришедший за наставлением. Учитель принимал каждого, каждому старался помочь. Эта помощь носила несомненно социальный характер. В результате Конфуцием бала создана социальная общность людей, духовное братство, живущее по нравственным законам, принимающее в свою среду всех, кто разделял эти законы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конфуций Уроки мудрости: Сочинения. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, Харьков: Изд-во «Фолио», 2002. – 958с.
2. Беседы и суждения Конфуция. – СПб.: ООО «Издательство “Кристалл”», 1999. – 1120с.
3. *Переломов, Л.С.* Конфуций : «Лунь юй»./Л.С.Переломов. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1998. – 588с.
4. *Малявин, В.В.* Конфуций. – М.: Мол. гвардия, 2001. – 357с.

УЧЕНИЕ О 'ДУШЕ' В ДРЕВНЕМ КИТАЕ: ОПЫТ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ

Данная статья представляет собой попытку теоретической реконструкции представлений о 'душе' в древнем Китае. Несмотря на отсутствие в китайской культуре традиционной для западноевропейской мысли оппозиции «душа - тело», в трудах китайских философов содержится немало положений, которые находятся в контексте проблематики современной психологии.

Исследование представлений о 'душе' в древнем Китае, несомненно, не только заполнит лакуны, образовавшиеся в рамках истории психологии, незаслуженно исключавшей древнекитайский этап в развитии психологии из сферы своих научных интересов, но и поможет выяснить истинную сущность человека, специфику его духовного развития, его психики и механизмов ее функционирования.

Ключевые слова: душа, тело, пневма, божественный дух, жизненная энергия, психика, психология, даосизм, конфуцианство.

This article is devoted to theoretical reconstruction of representations of 'soul' in ancient China. In spite of the lack in Chinese culture of the traditional for Western thought opposition "soul - body", the works of Chinese philosophers contain many positions in the context of modern psychology.

A study of representations of 'soul' in ancient China is undoubtedly not only fill the lacunas formed within the history of psychology, undeservedly ruled out an ancient Chinese stage in the development of psychology from the scope of their research interests, but also helps to find out the true nature of man, the specifics of his spiritual development, his psyche and the mechanisms of its functioning.

Keywords: soul, body, pneuma, divine spirit, vital energy, psyche, psychology, Taoism, Confucianism.

Представления о душе существовали уже в древнейшие времена. Они возникли в мифологии, архаических верованиях, народных сказаниях и легендах. Душа рассматривалась как некое сверхъестественное начало, которое, попадая в тело человека, оживляет, одухотворяет его, а отсутствие души приводит либо к состоянию сна, либо (если душа навсегда покидает тело) – к смерти. В древнем мире были выработаны особые правила, система запретов и норм, которые должны были удерживать душу и не дать ей покинуть тело. Постепенно донаучные представления о душе приводят к попытке осмысления ее функций, предназначения, что стало началом формирования научной системы знаний о психической природе человека.

Слово 'психология' в переводе с древнегреческого буквально означает «наука о душе» ('psyche' – душа, 'logos' – понятие, учение). На протяжении столетий психологию считали наукой о душе, сознании, психике, поведении. В настоящее время предметом психологии являются факты, механизмы и закономерности психической жизни. Но парадокс заключается в том, что изучаемая этой наукой

реальность – дух, душа – стала предметом познания задолго до оформления психологии как науки. Традиционно эта реальность рассматривалась преимущественно в контексте религиозных и философских рефлексий. Став самостоятельной научной дисциплиной, изучающей психику и психические явления, психология не отказалась от своего традиционного наименования.

По словам известного ученого-психолога Л.С. Выготского, «мы понимаем исторически, что психология как наука должна была начаться с идеи души. Мы также мало видим в этом просто невежество и ошибку, как не считаем рабство результатом плохого характера. Мы знаем, что наука как путь к истине непременно включает в себя в качестве необходимых моментов заблуждения, ошибки, предрасудки. Существенно для науки не то, что они есть, а то, что, будучи ошибками, они все же ведут к правде, что они преодолеваются. Поэтому мы принимаем имя нашей науки со всеми отложившимися в нем следами вековых заблуждений как живое указание на их преодоление, как боевые рубцы от ран, как живое свидетельство истины, возникающей в невероятно сложной борьбе с ложью» [1, с. 426].

Таким образом, учение о душе явилось первой формой знаний, в системе которых начали развиваться психологические представления, т.е. истоки формирования психологии находятся в глубокой древности, а мировой научной мыслью накоплен огромный объем знаний о душе, о сознании, о психике.

Китайская культура – одна из древнейших в мире, – безусловно, заслуживает того, чтобы быть упомянутой в этом контексте. Китайская цивилизация возникла за несколько тысячелетий до нашей эры и, безусловно, внесла огромный вклад в становление и развитие мировой психологии. Многие понятия и постулаты психологической науки появились именно в Китае; например, поиск первоначал, первооснов природных явлений, понимание души как источника движения, приписывание психического всей физической природе.

Однако парадокс заключается в том, что вплоть до настоящего времени в учебниках по истории психологии исторический путь данной науки ведет отсчет со времен греческой античности. Как можно объяснить подобную ситуацию?

Вероятно, причина подобного явления в том, что в китайской культуре традиционно отсутствовало понятие души, сопоставимое с западным понятием, обозначаемым еще со времен античности как ‘psyche’ или ‘anima’.

Действительно, в древнем Китае не сформировалось представление о душе как некоей нематериальной субстанции, отделяющейся от тела после смерти. Это позволило некоторым ученым сделать вывод о том, что в китайской философии (а по своему официальному статусу психология в течение столетий рассматривалась в качестве составной части философии, богословия) в целом нет места для души. Соответственно, не имея определенных воззрений на этот предмет, китайская культура не могла создать ни логику, ни психологию.

Такой искаженный взгляд, в данном случае на зарождение психологических представлений в Китае, коренится «в присущей европейцам склонности рассматривать все не-европейские философские и религиозные доктрины через призму греческой метафизики, подспудно перестраивать их по «греческой модели» и затем хулить построенное. ... такой взгляд является родом «интеллектуальной контрабанды», которую европейские ученые привносят во все не-европейские культуры,

подспудно переделывая их в соответствии со своими ожиданиями и страхами» [2, с. 6].

Специфика китайского осмысления того явления, которое в западной культуре подпадает под понимание ‘души’, состоит в отсутствии строгой субъект-объектной различенности, принципиальной натуралистичности, выделении в этой реальности некоторых разновидностей. В силу этого для европейцев китайские представления о душе могут показаться нечеткими и противоречивыми, но для самих китайцев они были весьма практичными и удобными, поскольку были тесно связаны с традиционным жизненным укладом.

Наиболее близким аналогом понятия души в китайской философии была категория ‘синь’ (букв. – сердце; психическое, субъективное, душа, дух, сознание, желание, настроение, воля), означавшая как орган сознания и вместилище психических возможностей человека, так и субъективное сознание, разум.

Согласно древнекитайским трактатам (например, энциклопедическому трактату Гуанцзы – IV–III вв. до н.э., отражающему ранние формы синтеза конфуцианских, даосских и легистских идей), сердце выполняло в человеческом теле роль «государя». В сердце находился психический центр организма – «сердце сердца» (‘синь чжи синь’), управлявший всеми органами чувств, «отдававший им приказы», что давало объективную силу всеобщим моральным законам Дао.

Древнекитайский философ Сюньцзы (298–238 гг. до н.э.), принадлежавший к конфуцианской школе, также рассматривал сердце в качестве «властелина» тела, управляющего органами чувств человека и отдающего им приказы. Он развивал идею о ‘ци’ и ‘сердце’ как жизненной энергии и проявлении психического начала. Позже оппозиция ‘сердце – сознание – эмоциональная природа человека, его чувства’ станут общепринятыми в традиции конфуцианства.

Интересно, что Сюньцзы, рассматривая ‘сердце’ как основной мыслительный орган, способный выбирать правильный путь, полагал, что ‘сердце’ должно быть пустым, т.е. обладать покоем и отличаться сосредоточенностью, «только при этих непременных условиях можно добиться знания вещей, постигнуть смысл верного пути и прийти в конечном счете к ясности и мудрости» [3, с. 493].

Сюньцзы скептически относился к ранним конфуцианским представлениям о воле Неба, способной определять судьбу людей и положение дел в государстве: «И при Юе, и при Цзе счет времени вели по Солнцу, Луне, звездам, но во времена Юя в Поднебесной был порядок, а во времена Цзе – смута. Отсюда видно, что порядок и смута не зависят от Неба» [4, с. 216].

Таким образом, Сюньцзы настаивал на взаимозависимости естественных процессов и целенаправленной деятельности человека. Причина же обожествления воли Неба в том, что человеческому восприятию недоступны все происходящие в природе процессы. Следовательно, человек в своей деятельности должен руководствоваться своими познавательными способностями, развитие которых зависит от глубины проникновения в сущность явления, от постижения закономерности явлений. Первая ступень в познавательной деятельности, согласно Сюнь-цзы, это чувственное восприятие вещей, а вторая – рациональное размышление, когда разум

помогает естественным чувствам отделить истину от лжи. Таким образом, китайский философ Сюньцзы уже в III в. до н.э. выделяет два этапа познавательной деятельности человека – чувственный и рациональный.

Крупнейший конфуцианский философ эпохи Хань (III в. до н.э. – III в. н.э.) Дун Чжуншу (II в. до н.э.) духовную функцию сердца – ‘синь’ отождествлял с управлением пневмой (‘ци’). Данный термин (‘ци’), этимологически восходя к образу пара (как и ‘psyche’, ‘pneuma’, ‘anima’, ‘spiritus’, отождествляемые с дыханием, воздухом, духом), охватывает в китайской традиции широкое семантическое поле – от индивидуальной души до атмосферы и космического эфира.

В качестве духовного (животворящего) начала ‘ци’ вместе с ‘цзин’ (букв. – семя; дух, духовные силы, эссенция) и ‘шэнь’ (божественный дух) образуют триаду психосоматических сущностей, различающихся степенью материально-духовной утонченности. В этом контексте ‘цзин’ (исходное значение «отборный, очищенный рис»; семя) – обрело два семантических полюса – физическая эссенция (семя) и психическая эссенция (дух).

Согласно даосской традиции, существует внутренняя структура и генеалогия данной триады: «Три пневмы, соединяясь в одно, становятся корнем божественного духа. Одно – семенной дух, второе – божественный дух, третье – пневма. Эти три, соединяясь в одно целое, укореняются в пневме неба, земли и человека. Божественный дух черпает ее из неба, семенной дух – из земли, пневма – из середины и гармонии, и все вместе в соединении образуют единый Путь-дао» [5, с. 115]. По мнению известного ученого А.И. Кобзева, на основе этой триады и формировалось психофизиологическое учение даосской традиции.

Согласно китайским трактатам, ‘цзин’ занимает срединное место в космологической и антропологической иерархии – между «духом» (‘шэнь’) и «пневмой» (‘ци’). В космосе ‘цзин’ формирует Солнце, Луну, звезды, гром, молнию, ветер, дождь, а в человеке – внутренние органы, которые находятся в координации с внешними органами чувств. Можно сказать, что ‘цзин’ порождает начала вещей, которые не только поддерживает жизнь, но и находится в основе духовной активности.

Ученые отмечают, что в современном языке, сформировавшемся за последнее столетие, ‘цзин-шэнь’ стало общепринятым обозначением духа и души (ср. лат. *spiritus, anima*; англ. *spirit, soul*, нем. *Geist, Seele*). Согласно «Хуайнань-цзы» – важнейшему памятнику даосской философской мысли (II в. до н.э.), дух ‘шэнь’ рассматривался как «сокровище сердца», которое испускает божественный дух и просветленность – ‘мин’ (лат. *mens*, англ. *mind* – ум, разум). Пара ‘шэнь – мин’ в китайской традиции приобретает значение – ‘просветленность’, ‘духовный свет’, что со временем стало обозначением психической деятельности в китайской традиции.

После распространения в Китае буддийских верований (IV–VI вв.), сопроваждавшихся в том числе и ведением полемики об уничтожимости или неуничтожимости духа, категория ‘шэнь’ была представлена также в оппозиции к категории ‘син’ – «дух – тело».

В то же время в китайской культуре продолжал сохраняться древнейший смысл понятия ‘шэнь’, под которым подразумевались «небесные духи» (‘тянь шэнь’), противоположные «возвращающимся духам» (‘шэнь гуй’). Пара ‘шэнь гуй’

соотносилась с двумя видами душ – «небесными», ментально-психическими ('хунь') и «земными», обитающими в теле ('по').

Согласно китайской классической концепции, человек наделен двумя видами души – 'хунь' и 'по', соотносимыми со светлым началом *ян* ('хунь') и темным началом *инь* ('по'). Традиционно считалось, что у человека есть три души 'хунь' и семь душ 'по', что, вероятно, было обусловлено древнейшими представлениями о человеке как о сложном психосоматическом организме, отличающимся единством его составляющих.

Комплекс душ 'по' отождествлялся с телесностью, плотью, жизнедеятельностью организма («животные души»), а комплекс душ 'хунь' – с ментальностью («разумные души»), с пневмой ('ци'), трактуемой в качестве жизненной энергии, силы.

В древнем Китае верили, что после смерти человека плотская (низшая, земная) душа ('по') в течение некоторого времени остается с телом в могиле, а позже комплекс этих душ ('по') превращается в демона, призрака ('гуй'), который попадает в подземное царство Желтого источника (хуан цюань), где его призрачное существование могло поддерживаться жертвоприношениями потомков. В противном случае призрак растворялся в земной пневме.

Легкая же душа 'хунь' (высшая, небесная), согласно древним верованиям китайцев, превращается в духа ('шэнь') и некоторое время продолжает существовать после смерти тела. Чем более интенсивной духовной жизнью жил человек, тем дольше сохраняется и его дух, который потом растворяется в небесной пневме.

Согласно древнекитайским представлениям, весь жизненный цикл человека протекает в зависимости от взаимодействия этих душ – если они существуют в гармоничном союзе, то и человек будет преуспевающим, здоровым. Именно тело выступало единственной нитью, связывающей души воедино. Смерть тела приводила к их гибели.

Правда, некоторые китайские мудрецы рассуждали о возможности для умершего человека стать навью (призраком) благодаря тому, что он при помощи душ 'хунь' и 'по' может являться людям.

Согласно, представлениям даосского философа Гэ Хуна (283–343 гг.), человек может достичь физического бессмертия и святости, проявляющейся в сверхъестественных способностях, посредством определенных духовных практик и использования достижений алхимии. В то же время Гэ Хун отрицал вечность души человека, невозможность ее существования как отличной от тела духовной субстанции.

Гэ Хун обнаруживает интерес к особенностям личности человека. Он считал, что «среди живых существ нет ни одного, которое могло бы по духовности превзойти человека. Будучи существом благородной природы, люди, казалось бы, должны быть равны и одинаковы. Но в действительности среди людей бывают мудрые и глупые, порочные и добродетельные, красивые и уродливые, высокие и малорослые, ленивые и деятельные... Все люди не одинаковы точно так же, как не одинаковы Небо и Земля» [6, с. 34].

Это замечание древнего философа относительно разных способностей людей, их качеств, свойств характера, привычек свидетельствует об интересе к личности человека. Знание о личности – это та часть психологического знания, которая более всего отражает интерес к человеку во всей его полноте – сложному человеческому существу и индивидуальности. Изучение личности – в прошлом и в настоящее время – задает один и тот же вопрос: почему мы такие, какие мы есть? Древний китайский философ, как и современные психологи, выделяет существенный момент в психологии личности – люди во многом похожи, но во многом и различаются. Можно сказать, что китайская культура уже в древности обозначила главную проблему психологии личности – обнаружить порядок и осмысленные связи в этом лабиринте и хаосе представлений о человеке, об его индивидуальных различиях и целостности.

Как известно, одно из основных представлений китайской философии – это представление о пятичленной структуре, определяющей основные параметры мироздания. Эта структура включает в себя пять первоэлементов, которые определяют циклическое взаимодействие – взаимопорождение и взаимопреодоление: дерево, огонь, почва, металл, вода. Этот космологический порядок приведен в классическом «Каноне документов» – Шуцзин.

В учении философа Гэ Хуна нашло отражение представление о теле человека как о совокупности различных частей, управляемых божественными духами. Даосский мудрец полагал, что, разделив тело, можно увидеть внутри него три души ‘хунь’ и семь душ ‘по’. Согласно трактату Гэ Хуна «Баопуцзы», название которого происходит от прозвища автора – «Объявший простоту мудрец», эти пять элементов соотносятся с внутренними органами человека (печенью, селезенкой, сердцем, легкими, почками) и посредством духов управляют телом человека. Выступая в качестве универсальной классификационной модели, они соответствуют определенным вкусам: например, дерево (печень) – кислое, огонь (сердце) – горькое, почва (селезенка) – сладкое, металл (легкие) – острое, вода (почки) – соленое.

Подобное представление о возникновении вкусовых ощущений отличается наивностью и натуралистичностью, тем не менее, нельзя не обратить внимания на то, что в IV в. в древнем Китае философы выделяли этапы познания (чувственный и рациональный), рассуждали, говоря современным языком, о модальности ощущений (например, вкусовые ощущения), воспринимали человека как целостную индивидуальность, подчеркивая при этом индивидуальные различия каждой личности. Подобные попытки можно рассматривать как древнейший этап в развитии психологии, поскольку намеченные в древности (в данном контексте в древнем Китае) проблемы, позже окажутся в фокусе психологической науки.

Можно заметить, что в основе древнекитайских представлений о духовной составляющей человека, находятся такие принципы, как натурализм и нумерологизм – учение о множественности душ. Например, в средневековом Китае формируется концепция трех душ, согласно которой одна душа обитает в табличке с именем человека на семейном алтаре, вторая витает в могиле, а третья попадает в ад или на небеса. В даосской традиции возникли представления о наличии в человеке семи или двенадцати душ. Однако в некоторых случаях допускалось, что у чело-

века только одна душа. Так, во время беременности будущая мать и ее родственники должны были заботиться о том, чтобы не причинить вред душе зародыша, что грозило будущему ребенку физическим увечьем.

Принципы натурализма и нумерологизма объясняют, во-первых, такое обилие духов и душевидных сущностей, которые соотносятся с численно оформленными комплексами органов и структурой человеческого тела; а во-вторых, дают некоторое объяснение относительно того, почему в древнем Китае (в отличие, например, от древнего Средиземноморья или Индии) не сформировались представления о той или иной форме духовного бессмертия в загробном мире.

В этом контексте можно вспомнить знаменитое выражение Конфуция: «мы не знаем, что такое жизнь, как можем знать, что такое смерть?» Если в народных верованиях сохранялись представления о существовании душ умерших в посюстороннем, а не в потустороннем, мире, то большинство китайских философов настойчиво отрицали возможность существования души, жизни после смерти. Если бы души умерших могли существовать в посюстороннем мире, то весь мир был бы наполнен душами умерших людей, и с ними можно было бы столкнуться на каждом шагу, – считал философ Ван Чжунжэнь (27 – ок. 97–107 гг.). Безусловно, крайний натурализм китайского мировоззрения существенно повлиял на представления о духовной природе человека.

Для китайской культуры традиционными были рационалистические традиции, в силу которых Ван Чжунжэнь – философ-энциклопедист, отличавшийся радикально натуралистическими и рационально-критическими взглядами, отверг возможность посмертного существования для человека: «Тончайшее вещество жизненной энергии (*цзин ци*) – вот, что дает человеку жизнь. Когда же он умирает, то и тончайшее вещество жизненной энергии исчезает. Тончайшее вещество жизненной энергии действует в токе крови. Умирает человек – останавливается ток крови – исчезает тончайшее вещество жизненной энергии» [7, с. 296].

Согласно его учению, жизнь и психика зарождаются в пневме, обладающей универсальным характером. После смерти человека пневма ‘цзин-ци’ уничтожается (рассеивается и гибнет), а дух ‘цзин-шэнь’ поднимается на небо, т.е. живой человек образуется из «божественно-духовной пневмы» (шэнь ци) и в нее же возвращается подобно тому, как лед концентрируется из воды и в ней же растворяется: «Когда человек умирает, то его жизненный дух (*цзин шэнь*) поднимается ввысь к небу, а его останки возвращаются в землю. Отсюда и название: «земные духи» (*гуй*). /.../ Что касается «небесных духов» (*шэнь*), то они неуловимы и бесформенны.

Полагают, что земные духи и небесные духи являются олицетворением сил инь и ян. Жизненная энергия силы инь противодействует вещам и «возвращает их земле» (*гуй*); поэтому-то и называют «земные духи». Жизненная энергия силы ян благоденствует вещам и дает им жизнь, поэтому и называют: «небесные духи». /.../ И все это ... никогда не прекращается, едва что-то в природе кончается, как начинается снова.

Человек рождается (*шэнь*) благодаря «духовной жизненной энергии» (*шэнь ци*), когда же он умирает, то снова отдает свою духовную жизненную энергию...

Жизненная энергия сотворяет человека точно так же, как вода порождает лед. Вода сгущается, превращаясь в лед, жизненная энергия сгущается, претворяясь в человека. Лед, растаивая, вновь обращается в воду, человек, умирая, вновь превращается в духовную жизненную энергию. Ее называют духовной жизненной энергией подобно тому, как растаявший лед опять именуют водой» [7, с. 296–297].

Использованная философом аналогия между сгущением и рассеянием пневмы (превращением в лед и таянием воды) стала особенно популярной в китайской философской традиции. Будучи убежден, что пневма ‘цзинци’ распространяется по кровотокам, Ван Чжунжэнь утверждал, что психические способности человека коренятся в его кровеносной системе и определяются материальными условиями его существования. Эти взгляды не противоречат современной психологии, полагающей, что особенности психики человека зависят от наследственных факторов и социальных условий.

Таким образом, духовное начало (в силу натуралистичности китайской философии) не рассматривалось в китайской культуре как начало, трансцендентное материальному. Древнему китайскому мировоззрению не был присущ дуализм духа и материи, напротив, духовное и материальное рассматривались как взаимопереходные сущности. В китайской традиции даже само Дао часто рассматривалось не субстанциально, а функционально – как некая мера этого процесса постоянных трансформаций («то *инь*, то *ян*, это и есть Дао»). В этом контексте категория ‘ци’ (жизненная сила, энергия) проявляется как в форме духа (утонченное состояние), так и в форме вещества (грубое состояние).

В этом смысле смерть рассматривалась как иллюзия, поскольку все существующее в мире выглядит как постоянный процесс перетекания модусов единой субстанции. Соответственно, можно говорить о переходе от одного состояния ‘ци’ к другому состоянию ‘ци’. Сущее (“ци”) не меняется, и только глупец может отождествлять свое ‘Я’ с некой определенной модификацией “ци”.

Представления о духе, душе, духовности были тесно связаны с представлениями о бессмертии. Поскольку духовное начало не рассматривалось в качестве иноприродного энергии (‘ци’), то бессмысленно было рассуждать и о бессмертии духа. Однако натуралистическая модель, не предполагавшая существование духа в качестве бессмертной сущности, могла допустить физическое бессмертие (идеал *сяня* – бессмертного святого чудотворца в даосизме). Поэтому, несмотря на натуралистичность и космологичность китайской философии, в ней сформировалась весьма развитая эмпирическая психотехника, под которой можно понимать набор средств и приемов для достижения трансперсональных состояний – просветление, достижение совершенства. Достижение подобных состояний было возможно через систему дыхательных и гимнастических упражнений, сексуальную практику, различные формы созерцания.

Даосизм, утверждавший, что тело человека является микрокосмом, образом и подобием макрокосма – вселенной («человек – это малое Небо и Земля»), ориентировал человека на достижение посредством психотехнических практик гармонии – психосоматического единства. «Одним из важнейших средств на пути к этому состоянию, по мнению известного ученого Е.А. Торчинова, – является так

называемая регуляция пневмы (*син ци*) – то есть комплекс гимнастических и дыхательных упражнений, направленных на достижение полного сознательного контроля над протеканием энергетических потоков в организме. Важнейшим принципом этих упражнений является положение, постоянно повторяемое в средневековых даосских текстах: «Пневма (*ци*) ведется сознанием-волей (*и*)», что означает наличие волевого усилия, как бы ведущего потоки энергии по каналам тела ... в нужном адепту направлении. «Дао дэ цзин» как раз впервые и формулирует этот принцип. Правда, здесь вместо волевого импульса (*и*) речь идет о сердце-сознании (*синь*), но никакого реального значения это лексическое различие не имеет» [8, с. 214].

В контексте китайской духовной культуры энергия ‘ци’ влияет как на физиологические, так и на психические функции; она является источником, из которого человек черпает силы для новых чувств и эмоций. Анализируя свой внутренний мир, человек при помощи «сознания-воли» может негативные эмоции и качества трансформировать в позитивные: «У армии можно отнять главнокомандующего. Но отнять волю нельзя даже у самого простого человека» [9, с. 268]. В этом смысле важное место в китайской культуре занимает практика самосовершенствования.

Конфуций постоянно рассуждал о роли мудрых правителей; подчеркивал значимость самосовершенствования, под которым понимал воспитание, образование, стремление к достижению гармонии в обществе. Известно высказывание Конфуция: «когда в человеке естественность побеждает образованность, то в результате мы имеем дикаря. Когда же образованность побеждает естественность, то в результате мы имеем начетчика... Когда же образованность и естественность дополняют друг друга, человек превращается в совершенного мужа» [9, с. 246].

Учение Конфуция о «благородном муже» – это в сущности древнейшая психологическая теория личности, которая акцентирует внимание на процессуальных аспектах поведения человека и руководствуется такими мотивационными понятиями, как мотивы роста (или самоактуализации), когда человек стремится реализовать свой потенциал даже ценой увеличения напряжения) и когнитивные мотивы. В когнитивных теориях мотивации акцент делается на усилиях человека понять и предугадать события, происходящие в мире: «Учись так, словно ты еще не достиг своей цели. Когда же достигнешь, учись так, словно ты боишься ее потерять» [9, с. 260].

Отдельные высказывания Конфуция свидетельствуют о его глубоких познаниях в области психологии межличностных отношений: «Янь Пичжун был искусен в поддержании межчеловеческих отношений. Он продолжал относиться к вам с почтением даже тогда, эти отношения продолжались долгое время» [9, с. 238].

В традиции древнекитайских представлений о духовной составляющей человека на основании символов, которые в определенном смысле заменяли психологическую терминологию, была произведена классификация знаний о человеке. В фундаменте этих представлений находилась основополагающая категория китайской философии, согласно которой все основные параметры мироздания (пространственно-временные и двигательные-эволюционные) имеют пятичленную структуру. В основе этой модели не столько набор из пяти элементов (почва, огонь,

металл, дерево, вода), сколько идея фундаментального пятеричного ритма. В зависимости от движения энергии, как это понимали древние мудрецы, были выделены и символически описаны особенности характера человека, его темперамент. Например, 'дерево' обозначает зарождение, что можно трактовать как стремление к активности в качестве доминирующей черты характера; 'огонь' – расцвет (максимальная активность); 'земля' – зрелость (равновесие); 'металл' – угасание (стремление к пассивности); 'вода' – смерть (максимальная пассивность). Индивидуальные особенности каждого человека, специфика проявления его личности – в зависимости от преобладания в его характере, темпераменте определенных свойств – могли быть соотнесены с определенной стихией.

Таким образом, значительную роль в формировании психологических представлений в китайской традиции сыграли древнекитайские философские и религиозные школы, наиболее важными из которых были даосизм и конфуцианство.

Безусловно, нельзя говорить о том, что в древнем Китае возникло учение о психике и механизмах ее формирования и регуляции – то, чем занимается современная психология. Психология как наука появилась в XIX столетии, тогда же – в форме научного знания она начинает развиваться и в Китае. Однако предпосылки научного изучения психики, особенностей характера, темперамента человека, специфики межличностных отношений и другие проблемы современной психологической науки были сформулированы и осмыслены в том числе и в контексте древней китайской духовной культуры. Поэтому исключение этого этапа и этой традиции из истории психологии представляется совершенно не обоснованным, а древние китайские учения о духовной составляющей личности человека (пусть даже оценивающиеся как чересчур натуралистичные) заслуживают изучения и объективной научной оценки.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Выготский, Л.С.* Собрание сочинений: в 6 т. Т.1. Вопросы теории и истории психологии // под ред. А.Р. Лурия, М.Г.Ярошевского / Л.С. Выготский. М., 1982. – 488 с.
2. *Боцман, Я.В.* Эгоизм, вывернутый наизнанку // Я.В.Боцман / Буддизм. Четыре благородные истины. М., Харьков, 1999. – 992 с.
3. *Васильев, Л.С.* Философия и антропология Сюнь цзы // Л.С. Васильев / Древний Китай: в 3 т. Т.3 «Период Чжаньго (V—III вв. до н.э.). М., 2006. – 684 с.
4. *Феоктистов, В.Ф.* Философские и общественно-политические взгляды Сюнь-цзы / В.Ф. Феоктистов. М., 1976. – 292 с.
5. *Кобзев, А.И.* Дух, душа и духи / А.И. Кобзев // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / Гл. ред. М.Л.Титаренко. М., 2006-2009. - Т.2, Мифология. Религия. М., 2007. – С. 114-117. – 869 с.
6. *Гэ Хун.* Баопу-цзы / пер. Е.А. Торчинова, СПб., 1999. – 384 с.
7. *Древнекитайская философия. Эпоха Хань / сост. Ян Хиншун // Книга двадцатая. Глава третья. О смерти. М., 1990. – С. 295-307. – 522 с.*
8. *Торчинов, Е.А.* Психотехника в даосизме / Е.А. Торчинов // Религии мира: Опыт запредельного. СПб., 2005. – С. 209-249. – 544 с.

9. *Мартынов, А.С.* Конфуцианство / А.С. Мартынов // «Лунь юй»: в 2 т. Т. 2, СПб., – 384 с.

**СТРАНОВЕДЕНИЕ КИТАЯ –
ПУТЬ К ПОЗНАНИЮ И ВЗАИМОПОНИМАНИЮ**

*Eisenstadt A.L.
Айзенштадт А.Л.
(Gomel, Belarus)*

SOCIOCULTURAL BASES OF THE CHINESE MENTALITY

Chinese mentality was formed under the influence of features of Eastern society, the natural conditions of the country, the cyclical nature of Chinese history, the spiritual heritage of Confucius, Lao Tzu, and other sages. Significant features of Chinese mentality are: traditionalism, collectivism, hard work, respect for superiors, patriotism, practicality, and others. The national character has played a significant role in the success of modern China.

Keywords: mentality, Oriental Society, despotism, Confucianism, Taoism, Jen, Xiao, Li, Tao, Wuwei, stratagem

Китайский менталитет сложился под влиянием особенностей восточного общества, природных условий страны, циклического характера китайской истории, духовного наследия Конфуция, Лаоцзы и других мудрецов. Значимыми чертами китайского менталитета являются традиционность, коллективизм, трудолюбие, уважение к вышестоящим, патриотизм, практичность и др. Национальный характер сыграл значительную роль в успехах современного Китая.

Ключевые слова: менталитет, восточное общество, деспотия, конфуцианство, даосизм, жэнь, сяо, ли, дао, увэй, стратагема.

Majestic and mysterious China, the cryptic « Chinese soul» excites the minds of the best scientists for centuries. This interest has increased immeasurably after an impressive leap that China has made in the twenty–first century, reaching the leading position in the global economy. Most researchers agree that China's success is largely due to the national character of the Chinese people, especially their mentality.

Let us try to analyze, under the influence of what socio–cultural and historical factors has been shaped the mentality of the Chinese people.

To a large extent the Chinese national character was formed under specific conditions of Sino–Confucian civilization as variant of the eastern society. The society of the eastern type, as is known, is characterized by:

- emphasis on tradition;
- the predominance of cyclical development;
- a close relationship between man, nature and society;
- collective, communal forms of living and working conditions;
- predominantly vertical communication in society;
- the dominance of state property;
- oppressive character of the state, which suppresses the society and the individual;
- estate–caste division of society;
- spirituality, idealism as the characteristics of social consciousness;
- religious and ethical ways to regulate individual behavior [1, p. 211].

Chinese civilization, as well as other river civilizations of the East, differed by rigid dependence on natural conditions. A limited number of minerals, frequent natural disasters, the need for the construction of giant irrigation and defensive structures required joint efforts of thousands and even millions of people, increased the importance of discipline, teamwork, conditioned despotic character of the state as the demiurge of social processes.

The researchers note that « managed wang–king and a huge mass of hierarchically organized bureaucracy, Ancient China is an example of a typical oriental despotism» [2, p. 41]. State subjugated society, stood over the man, controlled all social processes, but remained uncontrolled itself. The state relied directly on force and there was virtually no constrained by any formal rules. The state machine was impersonal, most of the decisions were anonymous, from the officials needed only submission.

Despotism of the authorities relied on state property, primarily on the ground. State power was supreme owner of all the land in the first place. Specialists in this context, talk about the phenomenon of « power–property». Belonging to power (position) is mediated gave the right to property, but it was not private property. The concept of private property in general was absent. This could be only a collective right (communities, corporations) for the use of resources [3, p. 71–74].

The most important element of social order in China was the community. Interests of the individual in the community were completely subordinated to the interests of the collective, which defined all aspects of life of its members: from the norms of sexual behavior to the principles of the organization of economic activity. Social roles in the community were rigidly fixed and ritualised. Everyone should know their place (as subsequently wrote Confucius). Since the community was versatile, it was self–contained and tended to autarky, isolation, minimizing external relations.

Social ties in Chinese society were mostly vertical in nature and were closed on power structures. Horizontal, independent of the government, relationships between the communities were virtually absent. The emperor was considered the son of Heaven, his person was sacred. The bureaucracy that managed on its behalf, played a crucial role. Society was extremely hierarchical.

The most important feature of Chinese society was the desire for stability, preservation of public relations, traditionalism. Tradition, proven experience of many generations, were canonized as the highest social value. There was no room for conflict « between fathers and sons». Young people had the greatest respect for elders, whose authority was very great.

The development of Chinese society was cyclical. In Chinese history, there are several stages within the same cycle:

- strengthening of the state, reinforcement of the central government;
- the power crisis, retreat to the centrifugal forces;
- the decline of power, the weakening of the state;
- social catastrophe, collapse, during which a popular uprising or invasion of foreigners led to a complete change of government [4 p. 5–8].

And then a new cycle begins.

In this case, the mass movements and uprisings (« krasnobrovyh», «Yellow Turbans» et al.) were not directed against the system. Their main reason – the arbitrariness

of power, violation of the principles of social justice, recognized social norms. Dream of the rebels – to eliminate violations and regain normal. These movements did not create a new system, they were a sign of failure in the system, which was restored after the crisis with minor changes. It is at the stage of social catastrophe, in conditions of instability, when the state organization had been severely weakened, there were the most active changes. In a stable situation society tended to immutability, the reproduction of an existing, familiar.

And yet in the Chinese civilization we can find the features, atypical for a standard stagnant Eastern society. For example, the cyclical nature of Chinese history dialectically combines elements of conservatism and innovation. Chinese history can be represented in the form of a spring, where each round – it is one cycle, the step from one coil to another – forward movement. Chinese history, for all cycling is not only and not so much movement in a circle, but moving forward.

The dynamism of Chinese society consisted in the fact that, despite the slowness of development, it had a rich spiritual life, highly developed philosophy, art, science, amazing world of discovery. Chinese civilization, as we know, has given the world silk loom, powder, metallurgy, paper, compass and more.

An interesting feature of Chinese society, atypical for the civilizations of the Eastern type, was quite high social mobility, is primarily due to the formation of a class of officials. M. Lowe in his book « China Han Dynasty. Life, religion, culture» writes that since the beginning of the Han period was developed a system of selection of suitable candidates who could serve in public office. According to the verdict 196 year BC. rulers of the provinces and kingdoms were instructed to send suitable candidates to the capital, where they were tested and then assigned to the respective positions of their abilities.

Exams were usually taken by the highest civilian officials, and finally the subjects brought before the emperor, who asked them questions and evaluate the responses. Theoretically, the path to a career of civil servant was opened to any member of society. It is said that about 120 year BC. one later known official bred pigs to save money for training. Thanks to his abilities, he made a brilliant career, becoming the chief adviser of the emperor. There are many cases where people were making significant provisions from the countryside or from provincial cities [5, p. 37].

This meritocratic, if we may say so, approach contributed to the formation of the Chinese worship of knowledge, education, professionalism, encouraged activity and initiative.

In general, the Chinese mentality, as opposed to, say, India, are not peculiar to mysticism and accentuated focus on abstract spiritual problems. Chinese are always more interested in practical questions of life in the real world, the principles of governance, the rules of behavior in society.

Let us compare, for example, Indian and Chinese philosophy. The characteristic features of ancient Indian philosophy: consideration of the world as the One; idealism of philosophical constructs; treatment philosophy into man; orientation to the other–worldly existence; elements of mysticism. Ancient Chinese philosophy, in turn, is characterized by: viewing the world as a struggle of opposites; realism of philosophical constructs; social orientation of philosophy; orientation to life in this earthly world; rationalism [6, p. 17–18].

The first philosophical concepts of Chinese are mythological. At the center of these representations – impersonal, but all-seeing Heaven, which controls the whole course of events in the universe. The sky is omniscient and omnipotent, merciful and just, it is sympathetic and credible, it can rely on, but at the same time it should be afraid of, he needs to follow and obey.

At the heart of the world – five first principles, according to the Chinese – water, fire, wood, metal, earth. Fivefold underlay general classification of the things that binds together the physical world and all aspects of human activity: five benefits (longevity, wealth, health, virtue, natural death), five virtues, the five senses, five colors, five arts, five characters of the person etc. Five-part cosmological model indicated the desire of the Chinese to streamline and rational interpretation of reality.

However, in the world there are two opposing and at the same time collaborating forces – yin and yang. As a basic model of all things, the concept of yin–yang explains the nature of the world in which everything is interconnected, constantly changing, and opposites complement each other (can not be black without white, and vice versa). The purpose of human existence, so is the balance and harmony of opposites. There can be no «final victory», because there is nothing definitive, there is no end as such. The concept of yin–yang testified flexibility dialectical Chinese thinking.

A huge role in the development of the Chinese mentality played great sages – Confucius and Lao-tzu.

Confucianism paid special attention to the relationship between people, society and the state. State is, considered a philosopher, – a big family, where everyone should know their place (Tzu-kung asked the teacher about the government. Kun-tzu said, « The Emperor should be sovereign, dignitary – dignitary, his father – a father, a son – the son of»).

Confucius preached the rule of « golden mean», believed that we need to avoid extremes in behavior and management. Emphasis was placed on education, belief, observance of traditions: « If you lead the people by the laws and maintain order by means of punishment, people will shy away [from punishment], and will not suffer shame. If you lead the people by virtue and using a ritual, the people will know the shame and they will be corrected.

The ideal subject – « noble man» – should, according to Confucius, possess certain moral qualities:

– Jen (« humanity»): «Tzu-kung asked: «Is it possible for life to be guided by one word?». The teacher replied: «This is the word reciprocity. Do not do to others what you yourself do not want to»;

– Xiao («filial piety»): « piety for parents and respect for elders brothers – the basis of humanity ... If during my father's life to follow his own will, and after his death to follow his actions ... then it can be called filial piety» . It is about respect for all elders and superiors: son should honor his father, his wife – her husband, subordinate – superior, subjects – the emperor;

– Li (« execution ceremonies») – observance of traditions. Confucius was based on the worship of ancestors, he thought it necessary to retain ancestral fabric of society, to observe the ancient rituals, ceremonies, traditions, that should be fixed as the norms of social life.

In addition, the « noble man knows only debt, low man knows only benefit; noble man moves upward, the low man goes down, noble man makes demands on themselves, poor people claim against another» [7, p. 636–639, 647, 661, 667, 670].

Over time, Confucianism and state have merged into a single political and administrative ideological system, which now occupies a leading position in the Chinese society.

One of the leading philosophical and religious systems of ancient China was Taoism (founder – Lao Tzu). Every Chinese, being socially Confucian, in the shower, subconsciously, always a little Taoist.

The central concept of Taoism – « Tao» has many meanings. This is the way in which people walk, the law, which they must comply, the fundamental principle of the world. Dao is inconsistent, it is everything and nothing. Tao no one has created, all comes from him and everything in it is returned. «Man is dependent on the earth, the earth from the sky, the sky from the Tao and Tao from himself».

We must confess, thought Lao Tzu, the principle of «Wuwei» – inaction. And it's not preaching passivity, but the doctrine of the « act through non–action». The task of man – to comprehend the Tao, and follow it. Let everything goes according to the Tao, as usual, without any effort, because the natural law wins itself, without human intervention. Excessive activity and vanity, arrogance, violence against nature is doomed to failure. « When a man comes to the not–doing, then there would be nothing that it had not been done».

The principle of «Wuwei» applies to public administration, which, according to Lao Tzu, should not be unduly intrusive and aggressive. « When multiplying laws and orders, grows the number of thieves and robbers». Management should be natural and unobtrusive. «Best ruler, of whom people know only that it exists. Slightly worse than those rulers whom people love and elevate. Even worse are the rulers, whom the people are afraid, and worst of all those rulers whom the people despise» [8, p. 182–184, 188].

That was how the Chinese concept of management formed as an art of softly and gently, but at the same time, appropriate and effective influence on social processes.

Significant influence on the formation of the Chinese national character had treatise «36 stratagems», which is about 2,500 years old. Swiss scientist H. von Zenger identified stratagem (in Chinese « chi») as an unorthodox way to achieve military, civil, political, economic or personal purposes [9, p. 11–12]. Chinese sages came to the conclusion that a person throughout life collides with 36 «standard» situations. Stratagems (plan, trick, cunning) were withdrawn to ensure success in this situations, for example: «Lure the tiger from mountain to the plain», «Hide dagger behind a smile», «Kill the chicken to scare the monkey», «Sitting on the mountain to watch the tigers fight», «Donate plum to rescue peach», «Uproar in the east to attack the west», «Pretending to be insane, maintain sanity» and others.

Stratagem thinking refers to the characteristic features of Chinese civilization, is the achievement of its philosophical and political thought, has become part of the national mentality, and is widely used in various fields: from the mode of life and family to business and diplomacy.

The question raises of the morality of stratagems, their compatibility with the moral principles of Confucianism. It should be borne in mind that «36 stratagems» is primarily

a military treatise. In the Chinese view of the world life – this is war, and war – a model of life. The Chinese attitude to cunning and deception in interpersonal communication is not identically moral relativism and permissiveness. Using tactics stratagem in low and unworthy purposes was condemned by Confucian scholars in ancient China. Moral justification of stratagem politics is that it is based on the principles of indirect actions, non-violence and conflict avoidance, when every effort to resolve any situation peacefully and benefit both parties, even when one of them is a loser.

I would like to draw attention to another factor in the formation of the Chinese mentality – linguistic. It is unlikely that there are people in the world whose language (and first of all – writing) have such a great impact on the national mentality. Not casually referring to the other person, Chinese instead of a «master» says «teacher». Laborious and lengthy study of the thousands of complex hieroglyphs forms such inherent Chinese qualities as patience, perseverance and dedication.

In conclusion, try to describe briefly the most significant features of the Chinese mentality [see details: 10]:

- traditionality. Chinese mentality is based on thousand – year traditions, rituals and rules. Spiritual heritage of Confucius and Lao-tzu for Chinese people do not simply « philosophical monuments», but strict guidance. Modern Chinese philosopher Tszechou Lee writes: «Traditions become a model of our behavior and feelings, come into our flesh and blood» [cit. from: 11, p. 180];

- conservatism arising from traditionalism, craving for peace, dislike of change («May you not live in the times of change», – these words of Confucius widely cited), the cautious attitude to all kinds of innovations;

- plasticity of the national character, paradoxically combined with traditionality. Researchers have noted the huge Chinese genotype adaptation possibilities: assimilating someone culture, the Chinese have thus refreshed, strengthened, maintained unchanged spirit of Chinese culture, adapting to new needs of their society;

- collectivism related to the exceptional role which has always played in the country community and collective work. Overcrowding and constant environment an individual set of their kind have also contributed to the suppression of individualistic traits;

- unconditional respect and obedience of elders and rank (in line with the Confucian principle of « xiao»), discipline, and responsibility;

- love to labour, traditionally inherent in Chinese peasant, leaning, standing knee-deep in water, to every sprout of rice, habit to heavy, hard work, became the basis of China's economic breakthrough in the twenty-first century;

- entrepreneurship, the ability not only to produce but also to sell goods. Trade expansion of China, against which no country in the world can stand, is based on the activities of 10 million small-scale private enterprises, state-supported;

- simplicity, modesty, humility, adaptability. Chinese for centuries content to have, trying to get a minimum of subsistence in a hard struggle for existence.

- «The rice and vegetables for food, water to drink, and head on his shoulders – that's what I need to be happy», – said Confucius;

- patriotism, the belief that the Chinese – the best. The Chinese are generally friendly toward people of other nations, except, perhaps, the Japanese and Americans;

– persistence, patience, serenity, calmness. «Whatever misfortune nor broke out over his house, the Chinese do not lose heart, and continues with the same tenacity his daily work, keeping on his face that strange, mystical expression that resembles the face of the Buddhas, filling the local churches and monasteries» [12, p. 327], – stated in the book «The Life and manners of old China» , written at the beginning of the last century;

– rationalism, pragmatism, practicality. Keywords for Chinese at all times was the word «benefit». They are not very religious, do not soar in empyrean, are alien to the abstract theorizing. Chinese solve specific practical problems, counting down to the smallest details of the most economical way to achieve their goals.

Thus, we can say that Chinese mentality was formed under the influence of features of Eastern society, the natural conditions of the country, the cyclical nature of Chinese history, the spiritual heritage of Confucius, Lao Tzu, and other sages. Significant features of Chinese mentality are: traditionalism, collectivism, hard work, respect for superiors, patriotism, practicality, and others. The national character has played a significant role in the success of modern China.

REFERENCES

1. Социология: учебное пособие / автор-составитель А.Л. Айзенштадт. – Гомель: ГФ УО ФПБ «МИТСО», 2002. – 252 с.
2. Черниловский, З.М. Всеобщая история государства и права / З.М. Черниловский. – М.: Юристъ, 1996. – 576 с.
3. Васильев, Л.С. Эволюция общества. Типы общества и их трансформация / Л.С. Васильев. – М., КДУ, 2011. – 206 с.
4. Непомнин, О.Е. История Китая: эпоха Цин. XVII - начало XX века / О.Е. Непомнин. – М.: Вост. лит., 2005. – 712 с.
5. Лёве, М. Китай династии Хань. Быт, религия, культура / М. Лёве. – М.: Центрполиграф, 2003. – 224 с.
6. История философии: пособие для студентов вузов / авт.-сост. А.Л. Айзенштадт, А.П. Смолина. – Минск: Тесей, 2006. – 176 с.
7. Антология мировой философии: Древний Восток / отв. за вып. Ю.Г. Хацкевич. – Минск: М.: Харвест: АСТ, 2001. – 874 с.
8. Антология мировой философии: в 4 т. Т. 1. Ч. 1. – М.: Мысль, 1969. – 576 с.
9. Зенгер, Х. фон. Стратегемы. О китайском искусстве жить и выживать: в 2 т. Т.1. / Х. фон Зенгер. – М: Эксмо, 2004. – 512 с.
10. Спешнев, Н.А. Китайцы. Особенности национальной психологии / Н.А. Спешнев. – М.: Каро, 2011. – 336 с.
11. Сюй Х. Особенности китайского национального характера (часть 1) / Х. Сюй // Молодой ученый. – 2011. – №3. Т.2. – С. 180–181.
12. Макгован, Д. Жизнь и нравы старого Китая / Д. Макгован, И. Коростовец. – М.: Русич-М, 2003. – 496 с.

ОЦЕНОЧНОСТЬ В БЕЛОРУССКИХ МЕДИА

В работе рассмотрены отдельные аспекты влияния медиа на аудиторию, в частности, лингвистические и экстралингвистические средства воздействия в современном внешнеэкономическом дискурсе белорусских принт-медиа. Трансляция информации сопровождается прямым или завуалированным выражением оценки языковыми средствами и риторическими приемами, которые определяют значимость события для адресатов. Но сама по себе оценка информативно недостаточна и требует последующей интерпретации, автор должен использовать убедительную аргументацию, чтобы склонить читателя к определенному суждению.

Ключевые слова: *стратегическое партнерство, информационно-коммуникационные технологии, дискурсивные практики, картина мира.*

В последнее время сотрудничество Республики Беларусь и Китайской Народной Республики вышло на новый уровень, который стороны определили как всеобъемлющее стратегическое партнерство. Достигнутому характеру отношений сторон соответствуют объективные параметры в дипломатических и экономических сферах и определенный уровень информационно-коммуникационного их сопровождения. Обоснованный исследовательский интерес вызывает вопрос, насколько объем и характер информации о белорусско-китайском экономическом сотрудничестве соответствует его масштабам?

В условиях нарастания темпов и глубины процессов стратегического партнерства между Республикой Беларусь и Китайской Народной Республикой требуется решение актуальной научной задачи, связанной с анализом медийного аспекта стратегического партнерства. А именно выявлением медийных механизмов влияния на него, изучением дискурсивных практик, применяемых для формирования общественного мнения относительно как самого партнерства, так и создания образа Китая.

Актуальность исследования объясняется также недостаточностью разработанности составляющей данной категории: ведь наряду с экономическим и политическими факторами важнейшим для формирования отношений всеобъемлющего стратегического партнерства выступает информационно-коммуникативный фактор. Так, важное место в процессе формирования и артикуляции интересов государств, социальных групп, социализации решений органов государственного управления в сфере стратегического партнерства двух стран заняли медиа, в частности международная экономическая журналистика.

Вместе с тем в настоящий момент реализация коммуникативной субъектности в белорусском медийном пространстве обусловлена рядом факторов. Первый заключается в наличии в сфере политического и государственного управления четкой и обоснованной государственной идеологии (стратегического целеполагания) и, как следствие, своеобразного заказа общества на отражение ценностей внешне-

экономической доминанты отношений стратегического партнерства, их информационно-коммуникативного отражения и сопровождения. Второй фактор – налаживание диалоговых обменов между медиа и обществом, интенсивное внедрение идеологических установок, широкое использование дискурсивных практик (что соответствует механистической и манипулятивной моделям информационной политики).

Ведь современное общество живет в информационном пространстве, средства массовой информации являются наиболее эффективным инструментом формирования, выражения и распространения общественного мнения и стереотипного мышления, оказывающим непосредственное влияние на общественное сознание, конструируя его в соответствии с определенными идеологическими установками. При этом «Информация выступает не только в качестве предпосылки, источника, но и необходимой составной части социального пространства, пронизывая собой все его составные части и элементы. Она <...> фиксирует не столько количественную, сколько качественную сторону социальных процессов...» [1, с. 61].

Л. Чигиринская отметила, что журналистика идеологична как никакая другая отрасль социально-гуманитарного знания. «Представляет ли <...> орган идеологию государства, или интересы класса, социального слоя, группы, она всегда «отражает», «выражает» и как следствие - представляет и защищает» [2].

На современном этапе роль средств массовой информации существенно возросла: от медиатора – посредника между социально-экономической действительностью и когнитивными установками аудитории, до полноправного актора процессов. Соответственно, сформирован канон восприятия мира через СМИ, именно медиа задают стандарты успешности для политика, страны, проекта, контролируют и констатируют их достижение.

Глубокий анализ влияния информации на ход глобальных процессов сделал Филипп Тейлор в своей книге «Глобальные коммуникации, международные отношения и СМИ начиная с 1945». Тейлор доказывает, что стремительное развитие цивилизации, новых технологий массовых коммуникаций имеет кардинальное влияние на развитие международных отношений в современном мире: «Начиная с XX-го века СМИ реально влияют на развитие новой мировой истории» [3, с. 24]. Тейлор подробно анализирует влияние СМИ на развитие международных событий и утверждает, что в наши дни СМИ «сами стали субъектом конфликта, а не сторонним наблюдателем» [3, с. 65].

Медиа влияют на аудиторию, опираясь на базовые человеческие ценности, трансляция которых позволяет включить человека в познание чрезвычайно сложной картины мира, которая постоянно и динамично меняется. Следует отметить высокую результативность воздействия медиа на массовую аудиторию. В последнее время преобладают подходы, в соответствии с которыми медиа рассматриваются и осмысливаются как один из наиболее эффективных инструментов влияния, средство создания и трансляции в массовую аудиторию социальных стереотипов, мировоззренческих установок, на базе которых у человека формируется заданная картина мира.

Таким образом, сущность, содержание и формы процессов использования информационно-коммуникационных технологий в процессах стратегического

партнерства позволяет говорить о принципиально новой геостратегической, геоинформационной, геоэкономической ситуации, когда для медиа возникают абсолютно новые возможности воздействовать на процессы как через их участников непосредственно, так и опосредованно, создавая благоприятный фон протекания, облегчая понимание обществом хода и перспектив.

Теоретической основой интерпретации дискурсивных практик как средств формирования картины мира адресата стали труды таких зарубежных ученых, как М. Маклюэн, Э. Тоффлер, Л. Филипс и М. Йоргансен.

Значимым является исследование выявленных дискурсивных практик в свете изучения способов формирования общественного сознания, воздействия (влияния) на него и формирования картины мира.

Одним из основных методов исследования дискурсивных практик является критический дискурс-анализ, методологию которого во многом определили исследования Н. Фэркло.

Данный метод исследования относится к качественным. Предпочтение качественных методов исследований перед количественными продиктовано новизной изучаемого феномена, а также необходимостью установления связи с социальным контекстом. Л. Филипс и М. Йоргансен отмечают, что дискурсивные исследования позволяют «управлять социальными последствиями, то есть прогнозировать развитие дискурса и созданного в нем поля значений» [4, с. 35].

Но, при применении качественных методов «традиционно возникает вопрос об их субъективности, зачастую – неопределенности, об известной степени интерпретационной свободы, грозящей перерасти в исследовательский хаос» [5, с. 146].

Однако, полагает А. Тетерин, можно выделить некоторые регулятивные координаты, которые предопределены подходами Н. Фэркло и которые должны обязательно изучаться. В первую очередь, это дискурсивная практика текста, представленная изучением процессов его продуцирования и восприятия. Далее следует анализ текстов по формальным их особенностям, в соответствии с которыми дискурсы и жанры реализуются лингвистически. И, наконец, это тот социальный контекст, в который вписано данное коммуникативное событие, та социальная практика, которой оно предопределено. Так что дискурсивная практика может считаться «посредником между текстом и социальной практикой» [5, с. 147].

Выделенные нами дискурсивные практики коррелируют с базовыми дискурсивными характеристиками медиатекстов – это их тематика, цитируемые эксперты, а также стереотипы, характерные для развертывания тем в рамках проблематики стратегического партнерства, и метафоры, используемые для создания экспрессивной составляющей журналистских текстов.

Механизм этого влияния работает через формирование общественного мнения. Значительная часть наших знаний о мире не получена из собственного жизненного опыта, а привнесена извне, это опыт, мнения, жизненные установки родителей, педагогов, или же те, которые даны нам в готовом виде через медиа, в школе, через культурный код и искусство. Таким образом, люди, которые живут на одной территории, относятся к одному сообществу, получают и инсталлируют одинаковые или похожие образы, и это позволяет им общаться, понимая друг друга. Можно предположить, что все осмысление динамично изменяющейся действительности

идет через образы, которые уже есть у человека, и те, которые поступают ему в режиме реального времени. Но они должны согласовываться с имеющимися, в противном случае не будут восприняты, произойдет их отторжение. Т.е. процесс мышления во многом не столько индивидуальный, личностный, сколько заданный системой, в рамках, заранее очерченных, в поле значений, смыслов, стереотипов. Они вызывают эмоции, которые личность направляет на то, что устраивает или не устраивает ее в картине мира.

У каждого человека есть личное сознательное и подсознательное, собственные эмоции, чувства, отношения. Но есть еще и коллективное бессознательное, о котором говорил Карл-Густав Юнг [6].

Оно подразумевает набор одинаковых стереотипов мышления у разных людей, включенных в одну систему. Не отрицая важность апелляции к культурному коду индивидуума, следует подчеркнуть значимость учета в работе журналиста общего культурного кода всего населения страны. Его, в том числе, в значительной мере формирует журналистика.

Человек восприимчив к информации как на рациональном, так и на ценностном уровне, на чем собственно и основывается информационно-психологическое влияние медиа, так как под его воздействием может меняться смысловой знак события. Медиа формирует образы, которые включают мир эмоций, который порой блокирует рациональные соображения.

Образ – это символ, который имеет оценку и эмоциональную составляющую. В белорусских принт-медиа не редко усиление позитивной характеристики партнера, и даже завышение знака позитива до сакрализации: «великий Китай», «всесторонне стратегическое партнерство».

Информационная составляющая сотрудничества идет впереди, так как результаты ее граждане ощущают в режиме реального времени. В то время как экономическая, научно-техническая или социальная составляющая выходит на первый план только потом, через определенное время, когда граждане увидят и ощутят реальные плоды проектов стратегического сотрудничества. Именно такую картину мы видим в ситуации с реализацией КБИП.

Порождение определенного отношения является целью пишущего, сообщающего о том или ином событии. Рассмотрим это на примере публикаций в белорусских печатных и электронных медиа о закладке первого камня на строительстве Китайско-Белорусского индустриального парка (КБИП). Необходимо сделать оговорку, что очень мало людей разбираются в данной теме, многие не понимают, для чего создается КБИП, слабо представляют его роль и значимость для белорусской экономики. Поэтому одной из главных задач медиа и журналистов является, наряду с информированием о событии, определение и артикуляция ориентиров развития стратегического партнерства, рамок их осуществления.

Для белорусского общественного сознания значимо из чьих уст прозвучала оценка, т.е. оно психологически ориентировано на лидеров мнений, адекватно, хотя и субъективно ее дающих. Оценки становятся ярлыками, авторскими установками на отношение к стране, процессу, явлению, личности, в связи с которыми они выражены. На торжествах по случаю открытия памятного камня в честь начала стро-

ительства КБИП «Великий камень» выступили руководители правительства Беларуси – премьер-министр Михаил Мясникович и заместитель премьер-министра Анатолий Тозик, Чрезвычайный и Полномочный Посол КНР Цуй Цимин.

По словам вице-преьера Анатолия Тозика, индустриальный парк представляет собой *«...огромный проект, который, в свою очередь, может состоять из десятков проектов. Здесь будут работать компании, здесь будет огромный жилой комплекс, социальная сфера. В большой перспективе вы увидите здесь огромный город, наверное, 160–200 тысяч человек населения. Это 90 кв. км – огромная площадь»* [7].

Анатолий Тозик отметил, что *«Совместно с китайскими партнерами мы создаем условия для прихода сюда компаний с суперсовременными технологиями из разных стран. <...>. Парк создается под технологии завтрашнего дня»* [7].

Заместитель руководителя белорусского правительства выразил надежду, что в КБИП *«...будет формироваться новая экономика Беларуси»*. Он подчеркнул, что *«...парк размещается в супервыгодном месте с точки зрения логистики: в непосредственной близости от международного аэропорта, железнодорожных путей, транснациональной автомобильной магистрали Берлин-Москва»* [8].

В представлении проекта КБИП заместителем премьер-министра Анатолием Тозиком, упор сделан на то обстоятельство, что это «огромный» проект, будет «огромный» жилой комплекс, парк размещен в «супервыгодном» месте, займет «огромную» площадь. Сюда придут компании «из разных стран» с «суперсовременными технологиями» «завтрашнего дня». Здесь будет формироваться «новая экономика Беларуси». Этот ряд прилагательных позволяет создать для аудитории картину большого и современного парка не используя ни одной цифры для подтверждения данного тезиса.

Картину дополняет премьер-министр Михаил Мясникович, который в частности сказал: *«Мы даем старт самому буйному практичному проекту, які Беларусь рэалізуе з кітайскімі партнёрамі. У ім атрымаюць развіццё самыя перадавыя кірункі навукі і прамысловасці, высокаінтэлектуальныя вытворчасці створаць канкурэнтаздольную на сусветным рынку прадукцыю. Тут будуць генерыраваць самыя перадавыя веды, і тысячы нашых грамадзян змогуць набыць прафесійныя навыкі на аб'ектах парка. <...> Аб'ём інвестыцый у праекты з удзелам кітайскага боку ацэньваецца ў 15 млрд. долараў...»* [9].

Премьер-министр Михаил Мясникович уверен: *«Здесь получат свое развитие самые передовые направления науки и промышленности. Высокоинтеллектуальные производства произведут конкурентоспособные на мировых рынках товары. В индустриальном парке будут генерироваться самые новые знания и тысячи наших граждан приобретут высокие профессиональные навыки»*. Ведь *«...по планам в Смолевичском районе появится современный экогород, где смогут работать 120 тыс. сотрудников, проживать – до 200 тыс. человек»* [10].

Михаил Мясникович отметил, что *«Это очень комплексный проект. Во-первых, это новые технологии, это новые товары и совершенно другие кадры. Это новый технологический уклад, новые профессии. Если мы говорим об экономике знаний, то это и есть ее наглядный пример»* [11].

Премьер-министр Михаил Мясникович назвал данный проект «*историческим*» и заверил, что «*здесь будут генерироваться самые новые знания и тысячи наших специалистов приобретут высококлассные профессиональные навыки...*» [12].

Таким образом, премьер-министр страны также делает упор на качественные характеристики проекта («*старт самому буйному праекту*», «*самыя перадавыя кірункі навукі і прамысловасці*», «*генерыраваць самыя перадавыя веды*», «*высокаінтэлектуальныя вытворчасці створаць канкурэнтаздольную на сусветным рынку прадукцыю*») вместе с тем он озвучивает и объем инвестиций –15 млрд. долларов.

На этом аспекте всестороннего стратегического партнерства, взаимодействия двух стран на перспективу акцентировал внимание Президент Беларуси Александр Лукашенко, который потребовал «*...вывести сотрудиничество на новый уровень с акцентом на инвестиции в современные высокотехнологичные проекты*» [13].

Чрезвычайный и Полномочный Посол КНР Цуй Цимин в ответном слове оценивая потенциал будущего парка, употребил поэтическое сравнение, назвав его «ослепительной жемчужиной в новом «Шелковом пути» [12].

Таким образом, оценки как самого КБТП, так и тех потенциальных проектов, которые в нем будут реализовываться, выражены прилагательными в превосходной степени, они несут позитивный эмоциональный заряд. Читатели получают при знакомстве с медиатестами-отчетами с открытия памятного камня позитивные эмоции, которые трансформируются в позитивное отношение к стране, с которой развиваются процессы стратегического партнерства.

Даже название КБИП «Великий камень» создает образ надежного и стабильного, большого и значимого проекта.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Проскурин, С.А.* Геополитическое измерение глобального информационного пространства // *Геополитика: Учебник / Под общ. ред. В. А. Михайлова; Отв. ред. Л. О. Терновая, С. В. Фокин.* – М.: Изд-во РАГС, 2007. – С 59–71.
2. *Чигринская, Л.Ф.* Основы журналистики. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. Тех. ун-та, 2001. – 15с.
3. *Philip M. Taylor.* Global Communications, International Affairs and the Media Since 1945. New York and London: Routledge, 1997. x + 202 pp.
4. *Йоргенсен, Марианне В.* Дискурс-анализ. Теория и метод / В. Марианне Йоргенсен, Дж. Луиза Филлипс, Пер. с англ.–2-е изд.–Харьков: «Гуманитарный центр», 2008. – 352 с.
5. *Тетерин, А.Е.* Применение качественных методов в политологическом исследовании (на примере критического дискурс-анализа Н. Фэркло) / А.Е. Тетерин // *Полис: Политический дискурс*, 2011, №5. – С.145-150.
6. *Юнг, К.Г.* Архетип и символ. – М., 1991. С. 182
7. Строительство первой очереди Китайско-белорусского технопарка планируется завершить через пять лет [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://realt.onliner.by/2014/06/20/technopark-5/>. – Дата доступа: 20.06 2014 г.

8. Первое производство в Китайско-белорусском индустриальном парке появится в 2015 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.belta.by/ru/all_news/economics/Pervoe-proizvodstvo-v-Kitajsko-beloruskom-industrialnom-parke-pojavitsja-v-2015-godu_i_672814.html. – Дата доступа : 19.06.2014 г.
9. Лазоўская, Т. Справа на мільярды. Першая вытворчасць у Кітайска – беларускім індустрыяльным парку з’явіцца ў наступным годзе./ Т.Лазоўская // газета «Звязда», 20 чэрвеня 2014 г. № 114 (27724) С.1-2.
10. Друк, М. Проекты обретают форму/ М. Друк// газета «Рэспубліка», 20 чэрвеня 2014 г. – № 112 (6017). – С. 2.
11. Лойко, О. Под Минском начали строительство Китайско-белорусского индустриального парка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.gazetaby.com/cont/art.php?sn_nid=76818. – Дата доступа 19.06.2014.
12. Пономарев, В. Этот парк не для отдыха. Для дела / В. Пономарев // газета «Советская Белоруссия», 20 июня 2014 г. № 115 (24496) С.2.
13. Лукашенко заявляет о необходимости увеличения прямого инвестирования во взаимодействии с Китаем [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.belta.by/ru/all_news/president/Lukashenko-zajavljaet-o-neobxodimosti-uvlichenija-prjamoego-investirovanija-vo-vzaimodejstvii-s-Kitaem_i_672908.html. – Дата доступа : 20.06.2014.

Воронович И.Н.
(Минск, Республика Беларусь)

ОБРАЗОВАНИЕ В КИТАЕ КАК ПРОСТРАНСТВО САМОАКТУАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ

В статье рассматриваются основные особенности традиционного образования и их соотношение с современными тенденциями. Автор делает акцент на самоактуализации личности как условия успешного образования, выработке своего типа мировоззрения, реализации сформированных социокультурных знаний.

Ключевые слова: китайская культура, образование, самоактуализация личности, традиция и инновация.

The article considers the main features of traditional education and their interrelation with the current trends. The author places an emphasis on the self-actualization as a condition for the successful of education, the development of its type of worldview, the implementation of socio-cultural knowledge generated.

Keywords: Chinese culture, education, self-actualization, tradition and innovation.

Учитель сказал: «В 15 лет я почувствовал желание учиться; в 30 лет я уже установился; в 40 лет у меня не было сомнений; в 50 лет

*я знал волю Неба; в 60 лет мой слух был
открыт для немедленного восприятия истины;
а в 70 лет я следовал влечениям своего сердца,
не переходя должной меры»
(«Луньюй». Глава 2. Кто управляет).*

Китайская культура представляет собой устойчивую традицию жизнедеятельности индивида, позволяющую переносить образцы социального поведения от поколения к поколению. Культурные нормы, художественные идеалы, философские установки обуславливают ценностно-мировоззренческий потенциал личности. Содержание культурного процесса, по сути, направлено на самоактуализацию человека, а также на определенные достижения в рамках рассматриваемой культуры.

В последней огромное значение отводится человеку, его внутреннему миру, самореализации и самоактуализации. Профессор Юй Дань отмечает, что образование начинается в тот момент, когда наступает «процесс превращения человека первозданного, человека природы в человека общественного, человека, связанного нормами и правилами социума» [1, с. 218–219]. Через любовь к культуре предков, признания себя как носителя данной культуры, усердную учебу человек способен достичь уровня самоактуализации. В данном аспекте, образование рассматривается как неотъемлемая составляющая становления человека, то, что перестраивает его систему ценностей, способствует смене более эффективной модели поведения, необходимой современному обществу.

Специфика китайской культуры с древнейших времен чрезвычайно рациональна. Примером подражания выступают не выдуманные мифологические герои, а легендарные мудрецы Яо, Шунь, Юй, Хуанди, Шэньнун. Акцент делался на этических положительных качествах (справедливость, мудрость, добродетель, стремление к социальной гармонии), которые должен развивать каждый уважающий себя человек, через внутренние усилия и старания. Так, «этически детерминированный рационализм, обрамленный десакрализированным ритуалом, уже с древности стал основой китайского образа жизни. Не религия как таковая, но прежде всего ритуализованная этика сформировала облик китайской традиционной культуры» [2, с. 274]. Появившиеся затем философские учения (конфуцианство, легизм, моизм, даосизм, буддизм) обогатили своими идеями культуру, а также были трансформированы на рационалистический уровень. В целом, можно говорить о синкретизме как особенности восприятия духовной культуры. Последняя легла в основу образовательной системы Китая.

Закон об обязательном образовании в Китае официально был подписан в 1986 г. Однако, наибольший интерес и энтузиазм данный закон вызвал своими поправками, которые вступили в силу в 2006 г. Акцент делался на том, что при получении обязательного девятилетнего образования плата за обучение не взимается, и предоставляется право на получение пособия для школьных расходов. Данная тенденция свидетельствует о возрастающей значимости образования не только на социальном уровне, но и на государственном.

Приоритет знаний как возможный «инструмент» самоактуализации личности имплицитно заложен в характере китайской культуры. В этой связи в Китае осуществляется обязательное бесплатное школьное обучение, а образовательные программы контролируются государством. Образование начинается с шести лет и с жесткой конкуренции. Занятия не ограничиваются стенами школы, зачастую родители оплачивают дополнительные занятия с репетиторами, что позволяет улучшать свои результаты. Так, уже маленькие дети «знают число «пи», могут совершать операции с простыми числами и считать до ста, многие могут прочесть стихи, написанные тысячелетия назад и т.д.» [1, с. 220]. Отмечаются высокие нагрузки, что в последствии воспитывает трудолюбие и желание победить, быть лучшим и первым. С самых малых лет китайского ребенка нацеливают на победу. Каждый может и должен стать победителем, а для этого, необходимо трудиться. Поэтому уже в детстве понятие свободного времени весьма расплывчато. А формулой овладения знаний выступают зачастую учения Конфуция, раскрывающиеся в двух условных методах: «я растворяюсь в шести канонах» (заучивание канонов до старости, до тех пор когда начинается их осознание и понимание) и «шесть канонов растворяются во мне» (с помощью основных идей древних книг раскрывается внутренний потенциал и достигается уровень согласия с душой).

В школах также отмечаются очень жесткие и строгие правила и условия. После седьмого класса ученики сдают экзамены, которые определяют их дальнейшую судьбу – продолжится ли обучение в Вузах или нет. Считается, что китайское образование было первопроходцем в осуществлении единого государственного экзамена. Последний сдается одновременно во всех регионах Китая, а выпускники с лучшими результатами поступают в университеты.

В современном Китае не обходится без внедрения инноваций в систему образования. В этой связи особое внимание уделяется реформам института образования и применению инновационных компонентов. Однако, стоит отметить, что сохраняется опора на национальную традицию. Вопрос инновационного образования актуален в Китае, поскольку есть необходимость накопления собственного научно-технического потенциала. Дабы занять определенную нишу в системе инновационных государств глобализирующегося мира.

Свидетельством инновационного потенциала китайской культуры служат те достижения (появление бумаги, книгопечатание в технике литографии, в технике ксилографии, подвижный шрифт и др.), которые ознаменовали собой прогресс в области культуры и образования, и были успешно заимствованы другими цивилизациями.

Традиционное образование в Китае характеризуется прежде всего тем, что осуществлялась передача знания от учителя к ученику, безоговорочное доверие к письменным источникам. И вообще текст и слово воспринимались как канон, необходимый для реализации внутреннего потенциала. Так, зачастую в школах базовым способом обучения являлось заучивание текстов наизусть. Последнее получило ироническое название «тянь я» или «начинять утку». Данный способ свидетельствует еще раз о том, что китайское образование во многом было направлено на самообразование. «Заучивание наизусть» исторических, литературных текстов

как проявление истинной веры в достоверность печатного слова, с одной стороны. С другой – формирование лояльных характеристик индивида служащего.

Исследователи подчеркивают факт того, что акцент на специальные и технические знания не делался специально. Поскольку профессионализм мог отвлекать в последствии от управления государством посредством символических жестов [3, с. 81].

На протяжении многих столетий устои образовательной системы в Китае долгое время оставались незыблемыми. Общество ориентировало личность на восприятие и выполнение идеализированных норм, и, в целом служение государству. Как упоминалось выше, с детства воспитание было достаточно строгим, отмечаются физические воздействия и запреты, а вот разговоры и философские беседы не приветствовались. Особую ценность приобрело молчание, которое выражалось в символической коммуникации или безмолвном «единении сердец». Позже подобные характеристики известный американский антрополог Э. Холл обозначит как высококонтекстную культуру, в которой многое определено не языковым контекстом, а именно иерархией, статусом, внешним видом. Вся необходимая информация уже заложена в сознании людей.

Другим весомым фактором, влияющим на самоактуализацию личности, является ориентация традиционного китайского образования на сдачу экзаменов (существовала на протяжении 1300 лет). Конкурсный характер отбора чиновников на основе экзаменов воспитывал в каждой отдельной личности дух состязательности. Ориентировал человека раскрыть данные природой задатки и проявить себя как более сильного, лучшего и перспективного.

Классическое китайское образование характеризуется еще и тем, что в образовательной программе отсутствовали технические и научные дисциплины. Акцент делался на гуманитарный блок образования. Пожалуй, данный факт является концептуальной характеристикой традиционного образования Китая, в фокусе которого «были обширные знания гуманитарных наук для подготовки специалиста, обладающего навыками и талантами во всех областях («тун цай»))» [4]. Система современного образования Китая позволяет человеку сделать осознанный выбор в пользу определенной профессии и сделать акцент на ее усвоение.

Китайская система образования за период существования в рамках КНР укрепила свои позиции и стала одной из крупнейших в мире. Особое внимание уделяется ликвидации неграмотности бедняков, в том числе, было гарантировано право на получение образования женской части населения (поскольку около 90% женщин в древнем Китае были неграмотны).

Наличие образования, как и во многих других государствах, позволяет выстроить карьерный успех и занять более высокий уровень в иерархической структуре государства. Каждая современная семья заботится об образовании своего чада. Однако, строгая система экзаменационных испытаний вносит свою лепту – образовательную дифференциацию населения. Экзамены обязательны после курса начального образования – 6 лет, среднего – 3 года, высшего среднего – 3 года. По итогам происходит распределение учащихся в учебные заведения следующего уровня. Обучение в высших учебных заведениях осуществляется только на платной основе. Однако, есть исключения для талантливой молодежи из бедных семей.

Зачастую родители на протяжении всей жизни копят деньги для образования своего ребенка.

Особенностью современного образования является практико-ориентированная модель, а именно попытка реализации своих научных изысканий в коммерческой деятельности. Еще с древних времен отмечалась ориентация личности на реализацию приобретенных знаний на пользу общества и иметь прикладное значение. Так, Конфуций отмечал, когда «человек прочтет «Шицзин» целиком, а дадут ему какое-нибудь правительственное дело, то он не понимает его: пошлют его в чужое государство, он не в состоянии один справиться с ним. Хотя он и много знает, но какая от этого польза?» [5, с. 125].

В современном Китае с особым вниманием относятся к традициям и опыту западных стран в области образования. Не обошли стороной концепцию «исследовательского университета» или «элитного университета», которая интегрирует современные методики образования и научные исследования, апробируя результаты на практике преподавания.

Китайская система образования включает в себя две ступени: бакалавриат и магистратуру. На сегодняшний день функционирует рынок труда для выпускников бакалавров. Правительство проводит политику улучшения качества высшего образования до мировых стандартов. Так, осуществляется программа под названием «Проект №1 XXI века», охватывающая деятельность таких вузов как Пекинский университет (Пекин), университет Цинхуа (Пекин), Фуданьский университет в Шанхае, Чжэцзянский (Ханчжоу) и Нанкинский университеты (Нанкин) и другие. В том числе, проводятся мероприятия, направленные на поднятие престижа академической деятельности молодежи. Не менее актуально образование за границей, оплачиваемое зачастую грантами различных фондов или за счет поддержки китайской диаспоры за рубежом, или за счет родителей.

Особое внимание уделяется созданию благоприятных условий для возвращения в Китай дипломированных специалистов, получивших образование за рубежом. При содействии правительства организовывается централизованная схема трудоустройства, переезд на новое место жительства, стартовая помощь при создании собственных предприятий, получения капитала для самореализации себя как научного исследователя в специально созданных технопарках.

Видится необходимым отметить момент того, как важно подходить к учебе избирательно и планомерно. Поскольку в век глобализации отмечается переизбыток ненужной информации. Как нельзя лучше подходит мысль Конфуция о том, что «превысить меру все равно, что не доделать». Возможно, идея фундаментальных знаний в конкретной области находит свое воплощение в некоторых тенденциях современного образования, направленного на подготовку узко профилирующих специалистов. Тем не менее, в основном «современное университетское образование уделяет внимание широте охвата, что касается глубины, то тут есть над чем поработать» [1, с. 221].

Таким образом, испокон веков Китай славился культом учености. Последнее представляется как традиция, воспитывающая стремление и желание иметь ученую степень самому или детям. Зачастую амбиции родителей оказывают огромное влияние на получение образования их детьми.

В целом, факт перспективного развития Китая в различных регистрах современной действительности очевиден. А образование является несомненным достоинством, открывающим новые возможности для китайского населения. Высокий государственный пост доступен лишь при соответствующем уровне образованности.

Современная система образования в Китае в значительной степени находится под влиянием европейской и американской культур. Поскольку будущее мировой цивилизации не представляется без активного участия Китая. Последний следует тактике «открытой культуры», подразумевая заимствования достижений других культур.

Важным остается момент устранения несовпадений в культурных традициях Запада и Востока. В том числе, в отношении личности, ее самореализации и самоактуализации. Приоритетным направлением в рассмотрении человека остаются антропологические концепции даосизма, буддизма, конфуцианства. В то же время со времен «культурной революции» популярными отмечаются представления европейских и русских мыслителей: Аристотель, М. Монтень, Ж.-Ж. Руссо, Ф. Вольтер, И. Кант, И. Фихте, Ф.М. Достоевский, Н. Бердяев, Ж.-П. Сартр, А. Камю, К. Ясперс и др.

Особое значение имеют концепции советского образования, которые повлияли на модернизацию китайского образования, отразившись в трудах Мао Цзэдуна. Современный этап модернизации образования опирается на «знаниевую» парадигму, на формирование человека-ученого, человека-инженера и человека-экономиста. Происходит синтез духовных ценностей конфуцианства, социализма, прагматизма, реализующийся на практике высшего образования. Устойчивая социальная система позволяет придерживаться идеи гармонии, мирного сосуществования личности в окружающей действительности, где ключевым понятием является «мир между человеком и небом» (даосизм), «мир внутри человека» (буддизм), «мир между людьми» (конфуцианство).

ЛИТЕРАТУРА

1. Юй, Дань. Конфуций : От сердца к сердцу. Уроки «Луньюя» / Юй Дань ; пер. с кит. В.И. Кузнецова. – М.: АСТ : Астрель, 2010. – 252, [4] с.
2. Васильев, Л.С. История религий Востока / Л.С. Васильев. – М.: Книжный дом «Университет», 1998. – 432 с.
3. Малявин, В.В. Сумерки Дао. Культура Китая на пороге Нового времени / В.В. Малявин. – М. : Дизайн. Информация. Картография : Астрель : АСТ, 2003. – 436 с.
4. Букатая, М.В. Традиционное и инновационное образование в культуре Китая / М.В. Букатая [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:U2AOUKFo8iUJ:www.sibran.ru/upload/iblock/926/926b688241be96f06847b55bfebdb5b4.pdf+&cd=3&hl=ru&ct=clnk&gl=by>. – Дата доступа : 5.11. 2014.
5. Конфуций. Афоризмы мудрости ; под ред. В.П. Бутромеева, В.В. Бутромеева, Н.В. Бутромеевой. – М. : Белый город, 2007. – 448 с.

Лохманенко П.Л.
(Минск, Республика Беларусь)

О РОЛИ МАСС-МЕДИА В КОММУНИКАЦИИ БЕЛОРУССКИХ И КИТАЙСКИХ ГОРОДОВ В ФОРМАТЕ ПАРТНЕРСТВА

Статья посвящена проблематике активизации роли СМИ в развитии двусторонних отношений между Беларусью и Китаем, путях и методах повышения информационного интереса к формату городов-побратимов как важному фактору реализации Совместной декларации о стратегическом партнерстве двух государств. Статья будет интересна специалистам в сфере международных отношений, общественных связей, представителям СМИ, работникам администраций местных органов власти.

Ключевые слова: Беларусь, Китайская Народная Республика, международные отношения, коммуникативные уровни потребления информации, информационное сотрудничество, города-побратимы.

This article is dedicated to the role of mass media in the development of bilateral relations between Belarus and China. It describes the ways and methods to improve information interest to twin-towns as important factor in implementing Joint Declaration on Strategic Partnership between the two countries. The article will be interesting to experts of international relations and public relations, media representatives, administration of local government.

Keywords: Belarus, China, international relations, communication levels of consumption of information, information cooperation, the twin-cities.

Развитие двусторонних отношений с Китаем – приоритетное направление внешней политики Республики Беларусь. Стороны регулярно обмениваются визитами на высшем и высоком уровнях, осуществляется активный межпарламентский диалог, динамично развиваются межведомственные контакты. Параллельно идет процесс развития отношений и городов-побратимов. Однако при внимательном рассмотрении всего комплекса белорусско-китайских отношений мы заметим, что уровень культурных, гуманитарных и межличностных связей существенно уступает уровню политического и торгово-экономического диалога и взаимодействия двух стран. Этот разрыв стал еще более очевидным после начала создания под Минском Китайско-белорусского индустриального парка. Практически все белорусские СМИ откликнулись на эту важную новость, подчеркивали при этом грандиозность и масштабы данного проекта, писали о том, что подобных ему аналогов пока нет на территории Восточной Европы. Приводились впечатляющие цифры предполагаемых инвестиций в экономику Беларуси, назывался круг транснациональных китайских, европейских и американских фирм и компаний, проявивших интерес к участию в деятельности парка. На фоне реальных двухсторонних достижений в сфере экономики и заманчивых перспектив дальнейшего развития дело-

вого сотрудничества Беларуси и Китая незаслуженно оказались в тени города-побратимы, их возможности в налаживании связей во всех сферах, в том числе и контактов между обычными людьми.

Возникает закономерный вопрос: как в целом повысить информационный интерес к самому формату городов-побратимов? Периодически в СМИ Беларуси появляются сообщения о встречах представителей белорусских и китайских городов, становлении новых так называемых побратимских пар. Но все же международный потенциал городов-побратимов двух стран используется едва ли наполовину. А он весьма значительный. В этой связи обращение представителей СМИ к истории и богатому международному опыту движения породненных городов вообще и белорусского, в частности, соотнесение его с днем сегодняшним, имело бы положительный эффект для укрепления коммуникации белорусских и китайских городов. Познавательные и глубокие публикации на эту тему в белорусских и китайских СМИ позволили бы значительно оживить интерес общественности двух стран к деятельности городов-побратимов. Тем более, что есть важный информационный повод для публикаций на данную тему: 70 лет назад в 1944 году жители городов Ковентри (Великобритания) и Сталинграда (СССР), руководствуясь лозунгом «Лучше маленькая помощь, чем большая беда», решили установить отношения в совершенно новом для Европы формате побратимских связей. Эти два города были почти полностью разрушены в ходе Второй мировой войны.

Их почин нашел поддержку в мире. В 1957 году во Франции на специальном учредительном конгрессе была создана Всемирная федерация породненных городов (World Federation of United Cities). Ее целью провозгласили всемерное содействие в налаживании дружеских связей между городами разных стран независимо от различий общественно-политических систем. А 1963 году было решено ежегодно отмечать Всемирный день породненных городов в каждое последнее воскресенье апреля. Штаб-квартира федерации размещается в Париже, сегодня в ее состав входят 3,5 тысяч больших и малых городов из 160 стран мира. Движение породненных городов стало глобальным явлением. Напомним, породненные города или города-побратимы – это города, между которыми установлены постоянные (без определения срока действия) дружественные связи для сотрудничества и взаимопомощи в интересах укрепления доверия взаимопонимания и дружбы между народами, расширения участия граждан в деятельности органов местного самоуправления.

Именно понимание и осознание с их стороны необходимости усиления роли человеческого фактора в отношениях граждан двух стран, превнесение в них гуманитарной и культурной составляющей позволит в полной мере реализовать цели и задачи, поставленные в Совместной декларации Китайской Народной Республики и Республики Беларусь об установлении всестороннего стратегического партнерства. Аналитик медийного обеспечения сотрудничества Беларуси и КНР М.А. Вальковский пишет: «Стратегическое партнерство подразумевает ряд условий. В первую очередь, это близость или совпадение взглядов стран на глобальные проблемы международной и региональной политики, подходов по их решению» [1].

Такая близость между Беларусью и КНР существует. В Совместной декларации не случайно отмечается, что стороны будут «расширять и углублять межрегиональное сотрудничество» двух стран. А это и связи между городами, партнерство которых является важным фактором активизации двустороннего сотрудничества во всех сферах, в том числе и по линии народной дипломатии. В документе также указывается на необходимость уделять развитию межрегиональных контактов большое внимание, создавать благоприятные условия для эффективного взаимовыгодного взаимодействия его участников, для укрепления действующих и установления новых связей между побратимскими регионами и городами двух стран, развивая торгово-экономическое, научно-техническое и гуманитарное сотрудничество. Высказана в декларации и готовность в дальнейшем предпринимать эффективные меры по содействию и упрощению взаимных поездок граждан, создавая благоприятные условия для углубления сотрудничества и обменов между Китаем и Беларусью в различных областях [2]. Одним из важнейших направлений, на наш взгляд, могло бы стать всемерное содействие в активизации двусторонних связей в формате городов-побратимов, что положительно повлияет и на экономическое взаимодействие.

Можно привести достаточно примеров плодотворного сотрудничества городов-побратимов на благо своих стран и регионов, нашедших освещение в СМИ. Не без участия городов-побратимов Беларусь и Китай помогают друг другу в экстренных ситуациях, вызванных стихийными бедствиями и техногенными катастрофами. В июне 2010 года белорусской стороной китайским друзьям был передан чек на миллион долларов США для ликвидации последствий землетрясения в провинции Цинхай. В свою очередь КНР регулярно предоставляет Беларуси безвозмездную техническую помощь на осуществление социально значимых проектов. Например, строительство больницы в Минской области и студенческого общежития. Это все темы для публикаций, теле и радио передач.

Важной составляющей коммуникации белорусских и китайских городов является координация их взаимодействия. В 1995 году под патронажем Белорусского общества дружбы и культурной связи с зарубежными странами была создана Белорусская общественная организация «Породненные города» (БООПГ). Она является коллективным членом Международной ассоциации «Породненные города» (Москва) и членом Евроазиатского регионального отделения Всемирной организации «Объединенные Города и Местные Власти». Во многом благодаря плодотворной деятельности БООПГ сегодня у городов Беларуси более 300 побратимов в разных странах мира. Так у Минска есть побратимы во всех частях света. Основными целями побратимства стали взаимопомощь и взаимная поддержка в решении муниципальных проблем, обмен опытом самоуправления, совершенствование системы коммунального хозяйства, развитие народной дипломатии.

Необходимо иметь в виду, что в международных отношениях городов в последнее десятилетие прослеживается определенный прагматизм при выборе побратима или, как сейчас все чаще говорят, города-партнера. Если раньше белорусские и зарубежные города довольно быстро соглашались на подписание соглашения об установлении побратимских связей: главное, начать дружить, а остальное придет потом. Теперь подход избирательный. В администрациях городов интересуются,

чем конкретно потенциальный партнер может быть полезен для жителей региона. Основными целями побратимства становятся обмен опытом в решении муниципальных проблем, совершенствование системы коммунального хозяйства, развитие деловых связей. В БООПГ есть банк данных белорусских городов, желающих завязать побратимские связи, содержится информация о возможностях этих городов, их пожеланиях к потенциальному побратиму. На современном этапе задачи таких административно-территориальных пар несколько видоизменились, они направлены, в первую очередь, на развитие экономических отношений между областными и районными центрами двух стран, на активизацию туристических потоков, поиск инвестиций для развития субъектов местной экономики и другие вопросы, связанные уже не с политикой, а хозяйственной сферой. При этом многие китайские города по всем позициям являются для белорусских городов потенциальными партнерами. Например, Гомель. Его относительно недавно посетила делегация китайского города-побратима Хуань. В ходе визита гости неоднократно заявляли о намерениях развивать более тесное сотрудничество в экономике, строительстве, образовании, обучать китайских студентов в расположенном в Гомеле Белорусском государственном университете транспорта. В свою очередь жители Гомеля интересовались опытом работы свободной экономической зоны Хуань, развитием ее инфраструктуры.

В этой связи следует отметить, что стратегические партнеры Беларуси из России озабочены снижением уровня побратимских отношений с КНР. Их настораживает, что Китай сегодня имеет намного больше двусторонних связей на уровне регионов с Японией, Канадой, США и другими странами Запада, чем с российскими городами. «Русско-Азиатский Союз промышленников и предпринимателей» (РАСПИ) считает, что необходимо срочно возрождать полноценные побратимские российско-китайские отношения, что позволит восполнить досадный пробел. РАСПИ предлагает своим партнерам содействие в налаживании интеграции по профильным экономическим линиям» [3]. Автор этих строк президент Русско-Азиатского Союза промышленников и предпринимателей В.В. Монкевич.

Повысить интерес масс-медиа к самому формату городов-побратимов, который нуждается в новом прочтении и в обновлении, позволит реализация в полном объеме Соглашения о сотрудничестве в области информации и печати между Министерством информации Республики Беларусь и Пресс-канцелярией Государственного Совета Китайской Народной Республики. В документе говорится: «Стороны будут проводить регулярный обмен информацией, в том числе касающейся вопросов политической, экономической и культурной жизни обеих стран, через информационные агентства, печатные издания, средства телевидения и другие средства массовой информации. Стороны будут оказывать содействие в распространении и демонстрации информационных материалов о национальных праздниках Республики Беларусь и Китайской Народной Республики через СМИ своих стран [4].

Разумеется, о национальных праздниках сказано не случайно. Ведь чаще всего побратимы налаживают между собой культурные связи, студенческий обмен, поездки школьников, мероприятия, посвященные национальным традициям. Так в

лицее Белгосуниверситета с большим успехом проходит Праздник фонарей. Молодым минчанам посчастливилось ощутить атмосферу одного из главных китайских праздников, знаменующего окончание Нового года по лунному календарю и провозглашающего начало Весны, а вместе с ним начало новой жизни. В честь праздника в лицее БГУ состоялся большой концерт, подготовленный китайскими и белорусскими студентами, учениками школ и гимназий, изучающими китайский язык. Вместе с китайскими студентами они исполняли традиционные песни и танцы, показывали театрализованные сценки на китайском языке, а также показали свои навыки в традиционном боевом искусстве ушу. В Белорусском национальном техническом университете активно работает китайский культурно-образовательный центр «Шанхай-2007». В структуре технопарка «Политехник» функционирует белорусско-китайский центр по сотрудничеству с пятью провинциями Китая. При его содействии проведены научно-практические конференции, семинары, Дни науки, образовательные выставки китайских университетов и другие мероприятия.

Белорусско-китайское региональное сотрудничество и побратимские связи находят отражение на сайте посольства КНР в Беларуси. «Одним из важных факторов развития двусторонних отношений между Республикой Беларусь и Китайской Народной Республикой во всех сферах деятельности является региональное сотрудничество и побратимские связи. На сегодня подписан ряд соглашений, установлены побратимские связи между городами Республики Беларусь и Китайской Народной Республики» [5]. Из опубликованного на сайте посольства списка городов видно, что белорусская столица и все областные центры имеют побратимов в Китае. У Минска три китайских побратима: Пекин, Чанчунь, Шэньчжэнь. Среди областных центров Беларуси у Витебска побратимы Харбин, Цзинань. У Могилева – Лоян и Чжэнчжоу. Все чаще побратимские связи устанавливаются между средними по населению в масштабах каждой страны городами. Например, Барановичи и Чиби, Борисов и Бэньси, Бобруйск и Шаосин. Новая тенденция: соглашения об установлении побратимских отношений подписываются между территориально-административными районами городов. Например, Московский район Минска и район Лаошань города Циндао, Заводской район Минска и район Цзиньчжоу города Далянь.

Белорусские масс-медиа вносят свой вклад в процесс дальнейшего перевода взаимодействия городов Беларуси и КНР в русло прагматичного и эффективного партнерства. Уже налажено сотрудничество между отдельными СМИ Беларуси и КНР, цель которого привлечь внимание общественности к движению породненных городов. Сегодня стоит задача усилить эту работу. В этой связи есть смысл изложить некоторые предложения о роли медиа в активизации коммуникации белорусских и китайских городов.

Необходимо приобщать к освещению данной темы представителей ассоциаций, профессиональных объединений журналистов и союзов Беларуси и Китая. Это позволило бы придать планомерный характер освещению отношений городов, сделать акцент на реализации конкретных взаимно выгодных проектов.

Для этого шире использовать возможности так называемых «новых медиа», которые стремительно завоевывают все новых потребителей своих информацион-

ных продуктов. Бурное развитие электронных дневников и социальных сетей открывает дополнительные ресурсы для активизации коммуникации белорусских и китайских городов в формате партнерства.

В эпоху интернета, как главного фактора распространения информации, активней использовать медиаграмотность населения двух стран, которая становится отличительной чертой белорусов и китайцев. Ставка должна делаться на медиа будущего, ибо они станут катализатором публичной международной коммуникации, позволят существенно продвинуть вперед развитие отношений городов Беларуси и Китая, находить им партнеров для успешного сотрудничества.

Активней использовать пока недостаточно задействованные возможности электронного книгоиздания, ибо рынок этой продукции стремительно растет.

Для привлечения внимания масс-медиа к совместным проектам городов-побратимов их администрациям желательно быть более креативными в работе со СМИ, проводить встречи с журналистами в интересной форме и творческой атмосфере.

Но без непосредственного и заинтересованного участия в этом процессе руководителей СМИ и глав администраций белорусских и китайских городов, представителей общественных организаций, деятелей науки и культуры, молодежных активистов рассчитывать на результат не приходится.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вальковский, М.А.* Китайско-белорусский индустриальный парк: медийный фактор / М.А. Вальковский // Международная журналистика–2014: диалог культур и взаимодействие медиа разных стран : материалы 3 Междунар. науч.-практ. конф, 20 февр. 2014 г., Минск. – Минск, 2014. – С. 35–45.
2. Совместная декларация Китайской Народной Республики и Республики Беларусь об установлении всестороннего стратегического партнерства [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа : [http:// russian.news.cn/china/2013-07/16/c132546879.htm](http://russian.news.cn/china/2013-07/16/c132546879.htm). – доступа : 07.11.2014.
3. *Монкевич, В.В.* Города побратимы – важный инструмент российско-китайской интеграции / В.В. Монкевич // china.org.cn [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа : http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2013-08/02/content_29605658.htm/. – Дата доступа : 11.11. 2014.
4. Соглашение о сотрудничестве в области информации и печати между Министерством информации Республики Беларусь и Пресс-канцелярией Государственного Совета Китайской Народной Республики, 2005 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://arc.pravoby.info/megdoc/part0/megd0075.htm> – Дата доступа: 16.11.2014.
5. Официальный сайт Посольства КНР в Республике Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://by.china-embassy.org/rus/>. – Дата доступа : 06.11.2014.

О НЕОБХОДИМОСТИ ИЗМЕНЕНИЙ В ПРАВОВОМ СТАТУСЕ ВСЕКИ- ТАЙСКОГО СОБРАНИЯ НАРОДНЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ¹

В данной статье автор исследует проблемные вопросы функционирования ВСНП и делает предложения, направленные на усиление системы собраний народных представителей в КНР.

Ключевые слова: депутат; Китай; политическая система.

In this article, the author examines the problematic issues of the functioning of the NPC and makes proposals to strengthen the system of people's congresses in China.

Keywords: deputy; China; political system

В соответствии с действующей Конституцией КНР система собраний народных представителей является основой политико-государственного устройства современного Китая. Органы государственного управления, органы осуществляющие правосудие, органы государственного контроля и надзора учреждаются собраниями народных представителей, перед ними несут ответственность, и находятся под их контролем. Данная система зародилась в период Второй гражданской революционной войны в Китае (1927–1937 гг.) под влиянием системы Советов, сложившейся к тому времени в СССР, когда в ноябре 1931 г. на территории контролируемой временным правительством Китайской Советской Республики было созвано первое представительное собрание данного типа на территории современного Китая. С принятием формально первой Конституции КНР в 1954 году данная система была позитивно закреплена и гарантирована в основном законе КНР того времени.

Любая система имеет время зарождения, период развития и требует постоянного совершенствования для своего существования. Система собраний народных представителей в КНР не является исключением из данного правила. В течение более 50 лет данная уникальная система положительно зарекомендовала себя. Но все же вследствие требований углубленного развития принципов социалистической демократии, необходимости совершенствования государственного строительства на основе принципов правового государства и в условиях все возрастающей политической активности граждан КНР данная система, полагаю, нуждается в усилении

¹Перевод с китайского языка осуществлен Артемьевым С.Ю., преподавателем кафедры конституционного права Белорусского государственного университета, аспирантом Гуманитарного факультета Даляньского политехнического университета, Далянь, Китай. Также он является соавтором отдельных положений данной статьи.

Информация об авторе: Liu Yigong (刘艺工) (род. в 1962 году) - доктор права, профессор Школы государственного управления и правоповедения Гуманитарного факультета Даляньского политехнического университета, Далянь, Китай. Основные научные интересы: теория и история права, сравнительное право. Член народной политической консультативной конференции провинции Ганьсу. Электронный адрес: yigliu@dlut.edu.cn

и совершенствовании. Считаю, что следующие предложения могут способствовать обеспечению более высокого качества законодательной работы:

1. Необходимость увеличения периода сессионной работы собраний народных представителей. В соответствии со статистическими данными Межпарламентского союза, полученными на основе анализа данных представленных 48 государствами мира, количество рабочих дней в течение одной сессии варьируется от 25 до 125 дней. Количество сессионных дней Всекитайского собрания народных представителей же в среднем равно 10 дням. Самая короткая сессия ВСНП длилась 5 дней, самая продолжительная длилась 26 дней. Очевидно, с точки зрения продолжительности сессионной формы работы высшего законодательного органа, Китай принадлежит к группе стран с наиболее коротким периодом работы [1].

2. Необходимость сокращения числа народных представителей с целью повышения эффективности работы. Среднее количество членов законодательных собраний в абсолютном большинстве стран мира не превышает триста человек. Из шестнадцати стран, в которых количество членов национальных законодательных органов превышает пятьсот человек, тринадцать принадлежат к числу стран с бикамеральным устройством органа коллегиальной представительной власти [2]. Число членов ВСНП составляет около трех тысяч человек. Если принять во внимание функционирующую в КНР оригинальную систему «двух собраний», то число людей, принимающих участие в законодательном процессе фактически увеличивается до шести тысяч. Данные цифры, полагаю, негативно сказываются на качестве дискуссии и обсуждения законопроектов (вплоть до их частого фактического отсутствия в ходе заседания ВСНП) [3].

3. Необходимость перехода к деятельности депутатов ВСНП на профессиональной основе. Законодательная деятельность является во многом рутинной работой, требующей концентрации и определенного уровня постоянно поддерживаемых знаний и навыков, что нельзя обеспечить, если депутат не занимается депутатской деятельностью на постоянной основе. Полагаю, данный переход может способствовать увеличению среди депутатов числа лиц, имеющих юридическое образование (в настоящее время только 11 депутатов ВСНП обладают высшим юридическим образованием) [4]. С данным вопросом очень тесно связан один весьма проблемный вопрос практического становления системы собраний народных представителей: усиливающая тенденция увеличения количества партийного и государственного руководства в составе ВСНП [5]. Учитывая контрольные функции ВСНП и в целях избегания конфликта интересов, по мнению ряда конституционалистов, необходимо вести юридический запрет в отношении возможности совмещения ряда должностей и членства в ВСНП [6].

4. Необходимость перехода к прямым выборам депутатов всех уровней. Поскольку ВСНП в соответствии со своим статусом является важнейшим элементом механизма, призванного обеспечить народную демократию, то логичной и насущной видится необходимость постепенного перехода к прямым выборам депутатов ВСНП. Справедливости ради нужно отметить, что принятая накануне образования КНР «Общая программа Китайской народной политической консультативной конференции» в статье 12 прямо указывала: «Собрания народных представителей каждого уровня формируется на основании прямых выборов». Однако в настоящее

время механизм прямых выборов используется в КНР лишь при проведении сельских выборов и выборов уездного уровня; формирование же собраний народных представителей на уровне города, автономного района, провинции, а также самого ВСНП происходит по результатам косвенных многоступенчатых выборов. Данная практика формирования представительных органов в КНР находится в противоречии с мировой практикой использования механизма прямых выборов при формировании национальных парламентов и местных представительных органов, а также не способствует становлению полноценной демократии. Справедливым представляется мнение Ну Jianfeng выраженное в журнале «Вестник партийной школы Чженьчжоуского горкома Коммунистической партии» о том, что «последствием многоуровневых косвенных выборов является нередкое для КНР «омертвление» связи избирателя и депутата, что выражается в том, что депутат не понимает воли избирателя, не знает условий его жизни, а контроль деятельности депутата со стороны избирателя также превращается в пустой звук» [7].

В настоящее время подавляющее большинство национальных legislатур в государствах мира формируются с помощью прямых выборов. В китайской провинции Тайвань члены законодательного собрания избираются также на основании прямых выборов. Необходимо отметить, что постоянный комитет ВСНП в декабре 2007 года принял решение «О политическом развитии Гонконга». В соответствии с этим решением к 2017 году глава исполнительной власти в Гонконге должен избираться напрямую народом, а к 2020 году должны состояться первые всеобщие прямые выборы в Законодательное собрание [8]. Представляется вполне реалистичным прогноз, сформированный на основании гипотезы о связи уровня демократии и уровня благосостояния в стране, в соответствии с которым в случае дальнейшего экономического роста материковый Китай в недалеком будущем перейдет ко всеобщим прямым выборам в ВСНП.

Кроме этого, представляется, что право избирателя быть информированным о деятельности депутатов, право на участие в управлении делами государства, право избирать, право осуществлять контроль над деятельностью депутатов, а в особенности, закрепленное в избирательном законодательстве, право граждан КНР и депутатов совместно выдвигать кандидатов требуют дополнительных гарантий и во многом остаются нереализованными и, как результат, состязательность выборов остается во многом всего лишь формальностью [9]. Полагаю, способом преодоления указанных явлений политической жизни современного Китая может стать закрепление права самовыдвижения кандидата в депутаты собрания народных представителей более высокого уровня в уведомительном регистрационном порядке. Для того чтобы улучшить транспарентность избирательного процесса необходимо разрешить кандидату в депутаты проводить информационно-разъяснительную работу о своих взглядах, выступать с речами, отвечать на запросы избирателей. Реализация указанных выше предложений приведет к становлению более зрелой демократии в КНР, поскольку избиратели смогут более осознанно принимать решение во время голосования. Также создание дополнительных юридических гарантий в этой сфере будет способствовать поощрению политической и электоральной активности многонационального народа Китая, поскольку предоставит больше юридических возможностей гражданам, которые заинтересованы в реализации своего

права на обсуждение вопросов государственного значения и реализации своего права на участие в управлении государством [10].

5. Необходимость установить обязанность депутатов ВСНП в установленные дни регулярно проводить прием граждан. Статья 76 Конституции КНР устанавливает, что «Депутаты Всекитайского собрания народных представителей должны поддерживать тесную связь с избравшими их организациями и с народом, прислушиваться и выражать мнения и требования народа, и упорно работать, служа им». Таким образом, не будет преувеличением утверждать, что роль ВСНП быть «мостом» в отношениях между государством и гражданином, между народом КНР и государством. С целью усиления связи между депутатом и избирателем, для более надлежащего исполнения «священных обязанностей» народного представителя и совершенствования механизма контроля над ВСНП со стороны избирателя, очень важным видится создание системы регулярного проведения приема граждан. В качестве материальной гарантии необходимо предоставить отдельное помещение для проведения приема граждан в каждом округе, а также сделать широко известными контактные данные депутатов ВСНП [11].

Целесообразно было бы внести изменения в законодательные акты, устанавливающие конституционно-правовой статус депутатов ВСНП, и обязать их не реже одного раза в месяц в установленный срок встречаться с избирателями, принимать от них устные и письменные обращения, и направлять запросы в соответствующие государственные органы, а также отслеживать, чтобы компетентные органы в установленный срок рассмотрели вопросы поставленные избирателем.

В соответствии с Конституцией КНР депутаты уполномочены направлять вопросы правительству и осуществлять контроль за его деятельностью. Соответственно, пассивное участие в сессионном заседании без внесения предложений, без выступлений не соответствует должному ответственному поведению депутата. В тоже время, характерной особенностью функционирования органов народного представительства в КНР является наличие политического феномена, когда некоторые депутаты публично выражали радость, в связи с тем, что они никогда не голосовали против представленных на голосование проектов решений.

Фактически, подобное поведение свидетельствует, что конституционно закрепленные принципы представительной демократии не находят своей полной реализации, поскольку речь, в данном случае, явно идет не о том, что народ осуществляет государственную власть посредством деятельности своих представителей. Наоборот, подобная патерналистская практика работы китайского высшего законодательного и представительного органа способствует подчинению гражданина государственной власти, что также свидетельствует о незрелости современного гражданского сознания. Только депутат, постоянно реализующий принадлежащие полномочия, осуществляющий активный контроль над работой органов государственного аппарата, может обеспечить должное функционирование органов осуществляющих государственное управление, не допуская злоупотреблений властью и коррупции.

6. Необходимость совершенствования механизма подотчетности депутата избирателям. Депутат, избранный народом, является носителем народного доверия

и должен на максимально возможном уровне отстаивать народные интересы. Поэтому, представляется необходимым совершенствовать механизм ответственности депутата. Полагаю, что повышению уровня ответственности способствовала бы процедура ежегодного отчета депутата перед избирателями. В этом отчете депутату следует указывать сведения о проделанной работе, рассмотренных вопросах, решенных обращениях [11; 12].

7. Необходимо преодолеть фактически сложившуюся систему, когда многие депутаты ВСНП получают «пожизненный» мандат. Данный феномен пожизненного представительства сам по себе губителен для реализации принципов демократического правового государства. Необходимо установить ограничения на количество возможных для гражданина КНР депутатских каденций. Подобный опыт положительного государственного и партийного строительства у КНР имеется. Уже относительно давно установлены серьезные ограничения на возможность многократного переизбрания (переназначения) при замещении большинства ключевых должностей. Применение данного принципа при формировании ВСНП только усилит развитие демократии в Китае.

8. Необходимость увеличения публичности и транспарентности в работе ВСНП. Поскольку ВСНП избирается на основании многоступенчатых выборов народом КНР, то оно должно находиться под постоянным контролем электората. Вследствие конституционно гарантированного принципа «народ является источником государственной власти», деятельность ВСНП должна быть максимально открытой и публичной. В связи с этим гражданам КНР должна быть обеспечена возможность присутствовать на заседаниях ВСНП и его органов. Подобная практика широко распространена за рубежом, в самом же Китае принцип публичности наиболее широко применяется в деятельности органов осуществляющих правосудие. Было бы полезным привнести данный принцип и в работу собраний народных представителей всех уровней. Также будет способствовать улучшению транспарентности в деятельности ВСНП, если информация о его работе, особенностях законодательного процесса, бюджетного процесса, биографии депутатов, их контактные данные будут находиться в режиме постоянной доступности для граждан [13].

Полагаю, реализация данных предложений только усилит систему собраний народных представителей, которая является основой политической системы Китая и будет способствовать претворению в жизнь конституционно гарантированных принципов демократического и правового государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. ǐ, l. Jiānchí hé wánshàn quán'guó réndàde huì qī zhìdù / ǐ lín // Běijīng liánhé dàxué xuébào. – 2005. – № 3. – P. 5-11.
2. Zou, P. Jiānchí hé wánshàn quán'guó réndàde huì qī zhìdù / Píngxué Zou // réndà yánjiū. – 2009. – № 4.
3. Cai, D. Réndà dàibiǎo rénshù yǔ yì shì xiàolù xiāngguān // [Electronic resource]. – Mode of access: http://news.ifeng.com/mainland/special/2010lianghui/pinglun/201003/0309_9418_1568987.shtml. – Date of access : 20.04.2012.

4. Shíyī jiè quán'guó rén dà dàibiǎo zhōngde zhí yè lùshī dàibiǎo míngdān // [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.jxsf.gov.cn/2008/3/4/rhamqgkqdahi.shtml>. – Date of access : 20.04.2012.
5. Zhōu, T. Gǎigé hé wánshàn rénmin dàibiǎo dàhuì zhìdù / Tiānyǒn Zhōu, Sūn Lí, Cai Chūnhóng // Mínhǔ yǔ kēxué. – 2007. – № 4. – P. 9–14.
6. Cai, D. Rénmin dàibiǎo dàhuì zhìdù gǎigé yǔ xiànzhèng fāzhǎn / Cai Dìngjiàn // [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.chinainnovations.org/Item.aspx?id=28111>. – Date of access : 20.04.2012.
7. Hú, J. Guānyú wánshàn rénmin dàibiǎo dàhuì zhìdù de sīkǎo / Jiàn fēng Hú // Zhōnggòng zhēngzhōu shìwěi dǎng jiào xuébào. – 2006. – № 2. – P. 137–139.
8. Céng, Y. Réndà chángwěi huì juédìng wèi Xiānggǎng zhèngzhì fāzhǎn màichū zuì zhòngyào yībù / Yinquán Céng // [Electronic resource]. – Mode of access : <http://web.jlnu.edu.cn/ggw/html/guonashizheng/qingxiang-ganghuigui/2008/0111/1664.html>. – Date of access : 20.04.2012.
9. Zhōu, T. Gǎigé hé wánshàn rénmin dàibiǎo dàhuì zhìdù / Tiānyǒn Zhōu, Sūn Lí, Cai Chūnhóng // Mínhǔ yǔ kēxué. – 2007. – № 4. – P. 9–14.
10. Lǐ, Q. Wánshàn rénmin dàibiǎo dàhuì zhìdù de tàntǎo / Qìngshēn Lǐ // Húběi guǎngbō diànshì dàxué xuébào. – 2012. – № 1. – P. 62–63.
11. Yóu, N. Guānyú jiànli rén dà dàibiǎo dìngqī jiēdài rénmin qúnzhòng láifǎng zhìdù de jiànyì / Níkāng Yóu // [Electronic resource]. – Mode of access : <http://dumu.fyfc.cn/art/594259.htm>. – Date of access : 20.04.2012.
12. Wáng, L. Ràng rén dà chéngwéi gōngmín yì zhèng de zhōngxīn / Lípíng Wáng // [Electronic resource]. – Mode of access : <http://wlp2026.fyfc.cn/art/1050800.htm>. – Date of access : 20.04.2012.
13. Ài, Z. Guówài yìhuì cùjìn gōngmín cānyù de jǐ zhòng tújìng / Z. Ài // Réndà yánjiū. – 2004. – № 9. – P. 46–46.

Лю Игун
(Далянь, КНР)

ОТ ВЕРХОВЕНСТВА МОРАЛИ К ВЕРХОВЕНСТВУ ПРАВА: ОПЫТ КИТАЯ В СТАНОВЛЕНИИ ПРИНЦИПА ВЕРХОВЕНСТВА ПРАВА¹

Китай обладает богатой правовой культурой. Исторически китайская правовая система служила образцовой моделью для стран дальневосточной цивилизации и является органичной важной частью мировой культуры. В настоящей

¹Перевод с китайского языка осуществлен Артемьевым С.Ю., преподавателем кафедры конституционного права Белорусского государственного университета, аспирантом Гуманитарного факультета Даляньского политехнического университета, Далянь, Китай. Некоторые положения данной статьи написаны совместно с Артемьевым С.Ю.

Информация об авторе: Liu Yigong (刘艺工) (род. в 1962 году) - доктор права, профессор Школы государственного управления и правоповедения Гуманитарного факультета Даляньского политехнического университета, Далянь, Китай. Основные научные интересы: теория и история

статье сначала исследуются два подхода, характерные для Древнего Китая: верховенство морали (*dezhi*) и верховенство закона (*fazhi*), а затем приведен обзор теории и практики верховенства права в Китае современной эпохи.

Ключевые слова: верховенство морали; верховенство права; политическая культура

*Abstract: China has a rich legal culture. Historically, the Chinese legal system served as a role model for the countries of the Far Eastern civilization and is an important part of the world culture. In this paper, two typical approaches in Ancient China: rule of morality (*dezhi*) and the rule of law (*fazhi*) are initially examined and then an overview of the theory and practice of the rule of law in China in the modern time is provided.*

Keywords: rule of morality; the rule of law; political culture

1. Верховенство морали и верховенство права в Древнем Китае.

1.1. Учение о верховенстве морали в Древнем Китае.

Закон и мораль взаимно дополняют друг друга и нельзя допускать пренебрежительного отношения к одному или ко второму. Мэнцзы утверждает: «*tú shàn bú zú yǐ wéi zhèng, tú fǎ bú néng yǐ zì háng*», что означает, что только являться высоко нравственным человеком недостаточно, чтобы справиться с государственными делами, а указы и распоряжения сами собой не исполняются. Человек, обладающий доброй волей, совсем не обязательно может быть руководителем государства, а с другой стороны, несмотря на то, что качество действующего законодательства очень важно, но, вместе с тем, более важной представляется практика его применения, эффективность законов. В рамках взаимоотношений права и морали древние китайские мыслители особенно подчеркивали важность морального образования.

Одним из руководящих принципов правотворческой деятельности эпохи династии Чжоу является фраза «*ming de shen fa*» (будь известен добродетелью, и с осторожностью применяй уголовный закон), истоки которой можно проследить к эпохе Западной Чжоу. *Ming de* означает призыв быть высоко нравственным человека, уважать мораль, обращать особое внимание на моральное просвещение. Следование этому призыву является гарантией отсутствия злоупотребления при использовании уголовных наказаний. *Shen fa* означает призыв отказаться от необоснованных, несправедливых наказаний, произвола и самоуправства.

Первым делом правитель должен показывать деятельный пример простому народу уровнем своей нравственности, он должен уважать Небо и защищать народ. Правитель должен стремиться поднять уровень своей нравственности к уровню нравственности неба [1, с. 16–17]. *Shen fa* означает, что в отношении преступления необходимо производить тщательное расследование, проводить необходимую дифференциацию, не допускать злоупотреблений. Используя современную терминологию, можно сказать, что данная фраза обозначает призыв повышать уровень нравственного сознания общества и необходимость соблюдать *nulla poena sine lege*.

права, сравнительное право. Член народной политической консультативной конференции провинции Ганьсу. Электронный адрес: yigliu@dlut.edu.cn

Идея *ming de shen fa* позже была развита представителями конфуцианской мысли до положений, которые гласили, что «нравственность имеет приоритет перед наказанием» и «приличие (*li*) имеет приоритет перед наказанием». Для представителей конфуцианской правовой мысли *li* является ключевым понятием. Представители конфуцианства указывали, что только если нравственное образование не достигло нужного эффекта есть необходимость применять уголовное наказание, «если уходит приличие, то приходит наказание» [2]. С точки зрения конфуцианства *li* (приличие, этикет) обозначает норму для поступков человека, которые можно назвать нравственными. С точки зрения конфуцианских установлений каждый человек должен культивировать нравственность исходя из *li* и ограничивать себя исходя из принципов этики. В период эпохи китайского феодализма, длившегося более двух тысяч лет *li* и *xing* (уголовное наказание) являлись ключевыми положениями феодального права и были использованы для установления и легитимизации феодального политического устройства общества.

В современном Китае происходит модернизация правовой системы и, думается, что нужно обращать внимание на гармонизацию духовной культуры и гарантированность верховенства права. Для китайского общества важна как культивация нравственного сознания людей и чувства ответственности перед обществом, так и повышение уровня правосознания.

1.2. Идея верховенства закона в Древнем Китае.

Верховенство права (закона) является одним из ключевых идей современной юриспруденции. Но, тем не менее, уже в весьма древние времена и на Западе, и в Китае появились схожие концепции. В Древней Греции Аристотель является выразителем данного воззрения, когда утверждает, что правление закона более предпочтительно, чем правление человека. В Китае в период Воющих царств представители легистского направления выдвинули идею «управления государством с помощью закона».

Li Kui является представителем данного направления мысли. Составленный им в пятом веке до нашей эры «*Fajing*» является первым письменным кодифицированным источником права, оказавшим серьезнейшее влияние на развитие феодального права в Китае. Представители легистского направления находились в оппозиции к конфуцианской школе. Они не разделяли точки зрения конфуцианства о верховенстве морали, критиковали наследственные привилегии аристократии и монополизацию ею экономической и политической власти. С их точки зрения конфуцианские положения о верховенстве морали безнадежно устарели и необходимо управлять государством с помощью закона и, изменяя закон, делать государство более сильным. С точки зрения легистов стремление к личной выгоде является неотъемлемой частью природы человека. И, соответственно, конфуцианские положения о необходимости повышения нравственности в обществе, которая способна быть ограничителем и критерием человеческих поступков, рассматривались ими как нечто фантастическое. И, соответственно, поскольку не представляется возможным регулировать поведение человека с помощью норм нравственности, то единственным возможным способом остается применение закона [3].

С точки зрения легистов, главной пользой закона является его способность разрешить споры, в том числе определить принадлежность права собственности на

вещь. Легисты критиковали привилегии аристократии, придерживаясь позиции, что при выборе наказания нет необходимости руководствоваться социальным статусом [4]. Легисты были сторонниками правового просвещения, доступности и понятности законов простому человеку. Они подчеркивали важность знаний законов чиновниками, недопустимость превратного толкования ими закона в корыстных интересах. Занимаемая ими позиция, что уголовное наказание должно применяться без избирательности в зависимости от статуса человека, находилась в ясном противоречии с конфуцианскими руководящим установками об особом отношении к родственникам и особом почитании вышестоящих. Такой подход вместе с их критикой юридических привилегий аристократии, позволяет говорить, что речь шла о защите идеи равенства перед законом.

Легистское направление мысли является одной из философских школ циньского Китая. Представители этой школы разработали интересные идеи о происхождении права, его сущности, значении, о соотношении права и экономики, права и политической власти, права и морали, обычаев, права и окружающей среды. Тезис легистов о необходимости управлять государством на основании закона стал важной идеологической основой централизации государства в период Циньской династии. После того как в последующий исторический период династии Хань конфуцианство получило статус единственной государственной идеологии, легистская школа стала подвергаться дискриминации, но не исчезла. Династии, которые пришли на смену Ханьской династии часто использовали в управлении государством наработки легистской школы, что привело к некоторому слиянию легистского и конфуцианского направлений, и появлению феномена “легистское по сути, конфуцианское по форме”.

Стоит понимать, что идея верховенства закона, которую обосновывали легисты, очень сильно отличается от буржуазно-демократической концепции верховенства права. Легистское “верховенство закона” являлось идейным обоснованием жестко авторитарной политической системы.

2. Построение правового государства после начала реформы по открытию Китая.

Старая китайская стратегия управления государством с помощью закона являлась полностью инструменталистской концепцией и отличается серьезно от современного понимания верховенства права. В начале прошлого столетия *Liang Qichao* ввел в оборот китайской юриспруденции западную идею верховенства права. Ему принадлежит следующая фраза: «Концепция верховенства права является сегодня единственной спасительной концепцией».

Начиная с реформы ста дней 1898 года и попыток реформ в 1901 году в конце Цинской эпохи и вплоть до второй половины двадцатого столетия китайское общество упорно, но безрезультатно, вследствие ряда объективных социальных условий, пыталось обнаружить путь к реализации верховенства права.

После 1949 года, идея верховенства права первоначально получила некоторое развитие, но потом, вследствие искусственно раздутой классовой борьбы, приведшей к борьбе с правыми уклонистами и трагической культурной революции, потеряла актуальность.

Конституция КНР 1978 года подчеркнула важность построения социалистической демократии и необходимость усиления социалистической правовой системы.

Действующая Конституция КНР 1982 года стала очень добротным планом развития Китая: гарантии народной демократии были дополнительно усилены, правовая система получила необходимую гармонизацию, полномочия ВСНП были расширены, были введены временные ограничения для занятия руководящих должностей, была подчеркнута важность всех существующих политических партий, а также обязанность вооруженных сил соблюдать Конституцию и законы.

В 1997 года Пленум Компартии КНР закрепил идею «руководства государством на основании права» в качестве ключевой. В 1999 году в Конституцию 1982 года были внесены изменения и появилась новая редакция ст. 5 «Китайская Народная Республика управляется согласно закону и строит социалистическое правовое государство». В 2002 году в пленарном докладе Компартии КНР была подчеркнута важность развития социалистической демократии, построения социалистической демократической культуры, формирования общества со средним достатком. В 2004 году в Конституцию были внесены изменения о том, что «государство уважает и защищает права человека». В 2012 году в докладе к восемнадцатому съезду Компартии было указано: «Построение верховенства права в Китае требует продолжения комплексной реализации идей управления государством на основании закона, осуществления политической деятельности на основании закона, осуществление государственного управления на основании закона; необходимо продолжать работу по построению правового государства, правового правительства, общества верховенства права. Необходимо углубить судебную реформу, ускорить построение справедливой высокоэффективной авторитетной социалистической судебной системы для того чтобы защитить права и интересы народа, для того чтобы народными массами могла чувствоваться справедливость в каждом судебном деле».

Заключение

Обладая древней уникальной богатой правовой культурой, в настоящее время Китай находится в процессе построения и реализации концепции верховенства права и модернизации. Насущным остается вопрос сохранения позитивного правового национального опыта и, вместе с тем, есть необходимость использования передовых мировых достижений в этой сфере.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Jiǎng, C. Zhōngguó fǎlǜ shìèr jiǎng / C. Jiang. – Chòngqìng : Zhòngqìng chūbǎnshè, 2008. – 281 с.*
2. *Shǐjì tài shǐ gōngzì xù // [Electronic resource]. – Mode of access: http://so.gushiwen.org/view_72259.aspx. – Date of access : 20.04.2014.*
3. *Hòuhànshū Chén Chǒng chuán // [Electronic resource]. – Mode of access: <http://yuedu.baidu.com/ebook/01e166349b6648d7c1c74684?fr=aladdin>. – Date of access : 20.04.2014.*
4. *Liang, Q. Zhōngguó fǎlǐ xué fādá shǐlùn / Q. Liang. – Běijīng : Shāngwù yìnshū*

Лю Игун
(Далянь, КНР)

МЕХАНИЗМ АЛЬТЕРНАТИВНОГО РАЗРЕШЕНИЯ ГРАЖДАНСКИХ СПОРОВ В КНР¹

Механизм альтернативного разрешения гражданских споров имеет важное значение для урегулирования конфликтов и поддержания стабильности в обществе. В настоящей статье, начинающейся с рассмотрения понятия гражданского спора, приводится анализ и исследование причин, порождающих гражданские споры, методов их урегулирования, описываются существующие проблемы в функционировании данного механизма в КНР.

Ключевые слова: *альтернативность; гражданский спор; механизм урегулирования.*

Abstract: The mechanism of alternative resolution of civil disputes is essential for the resolution of conflicts and to maintain social stability. In this paper, the author discusses the concept of civil dispute, makes an analysis and study of the causes generating civil disputes and methods of solving them, describes the existing problems in the functioning of this mechanism in the PRC.

Keywords: *alternative; civil dispute; settlement mechanism*

Термин «гражданский спор» (китайский термин «*minjian jiufen*») является калькой от английского («*civil dispute*») обозначает разногласия между гражданами, затрагивающие личные и имущественные права и интересы, а также иные встречающиеся в повседневной жизни споры. В понятие гражданский спор обычно включают общие гражданско-правовые споры и споры, связанные с незначительными уголовными посягательствами. К категории обычных гражданских споров относятся противоречия и споры, связанные с правами и обязанностями, возникающими из брачно-семейных отношений, отношений между соседями, отношениями наследования, алиментарными отношениями, отношениями по поводу опеки, жилищными отношениями, отношениями проживания, обязательственными отношениями, компенсационными отношениями, производственными и иными отноше-

¹Перевод с китайского языка осуществлен Артемьевым С.Ю., преподавателем кафедры конституционного права Белорусского государственного университета, аспирантом Гуманитарного факультета Даляньского политехнического университета, Далянь, Китай.

Информация об авторе: Liu Yigong (刘艺工) (род. в 1962 году) - доктор права, профессор Школы государственного управления и правоповедения Гуманитарного факультета Даляньского политехнического университета, Далянь, Китай. Основные научные интересы: теория и история права, сравнительное право. Член народной политической консультативной конференции провинции Ганьсу. Электронный адрес: yigliu@dlut.edu.cn

ями. К категории споров, связанных с незначительными уголовными посягательствами, относятся разногласия, возникающие вследствие произошедшей драки, мелких хищений и подобных им по степени незначительности иных случаев причинения вреда или ущерба.

Начиная с 80-х годов XX столетия в результате проводимой политики открытия Китая в китайском обществе произошли значительные изменения, сопровождавшиеся исключительно быстрым развитием экономики, увеличением общей мощи государства. Уровень жизни населения также серьезно повысился.

Но вследствие влияния целого ряда факторов, таких как очень большое население Китая, значительность его территории, разнообразие природных условий, различия в уровне экономического развития, культурные отличия, в процессе трансформации общественных отношений выявились многочисленные общественные противоречия и социальные проблемы. Среди последних можно отметить проблему дисбаланса общественно-экономического развития, проблему перенаселения, проблему общественной безопасности, проблему трудоустройства, несовершенство медицинских гарантий, высокие цены на недвижимость, проблему принудительного сноса, неразвитость правовых институтов, проблему пищевой безопасности, экологические проблемы, проблему образования, проблему морального упадка и прочие подобные проблемы. Следствием существования подобных социальных проблем стал быстрый рост количества гражданских конфликтов.

В настоящее время с точки зрения субъектного состава гражданского спора характерно расширение от простого отношения по типу гражданин-гражданин, к более сложным отношениям по типу гражданин и хозяйствующий субъект, гражданин и органы государственного управления низового звена. Что же касается содержания, то в этом вопросе просматривается эволюция от гражданских споров между членами семьи или соседями, или споров, связанных с простыми посягательствами на права, или наследственных споров или споров по поводу обязательств в сторону увеличения количества споров, связанных с инвестициями, трудовых споров между работником и нанимателем, споров, связанных с вопросами безопасности, споров, возникающих вследствие шумового загрязнения, споров, связанных с управлением имуществом, споров связанных со сносом зданий и принудительным отселением, различных споров на селе и целого ряда иных. В целом, данному типу споров и конфликтов присущ сравнительно неантогонистический (неконфронтационный) характер [1].

Исторически китайскому обществу всегда был присущ обычай, в соответствии с которым урегулированием гражданских споров часто занимались старейшины (обычно авторитетные мужчины 60–70 лет) и чиновники волостного уровня. Также в разрешении конфликтов, возникавших в среде простого народа, нередко в качестве медиаторов выступали друзья и родственники заинтересованных сторон, их ближайшие соседи.

Для исторического периода последовавшего после падения династии Сун (XIII век) характерно использование в качестве медиаторов конфликтов в основном начальников бао и старейшин кланов.

Становление народного посредничества в качестве института имеет свои истоки в период Второй гражданской революционной войны в Китае.

В принятых в 1931 году Правилах о временной организации местного управления Китайской советской республики, указывалось, что сельские советы обладают полномочиями разрешать все типы споров, за исключением связанных с уголовным преступлением, а также предусматривалась возможность создания арбитражного комитета, в компетенцию которого входило разрешение конфликтов среди населения.

В период антияпонского сопротивления в некоторых регионах местными антияпонскими демократическими правительствами были установлены временные правила для осуществления территориальной медиации.

В настоящее время, посредническая (медиаторская, согласительная) деятельность в Китае постоянно совершенствуется, делается более зрелой, становится неотъемлемой формой по урегулированию частных споров между гражданами. В этой связи можно отметить, что плюралистический характер системы по разрешению споров и конфликтов является не только результатом развития общества, но также является предпосылкой реализации принципа правления права [2].

2. Правовая основа деятельности по разрешению гражданских конфликтов.

После основания КНР основной объем деятельности по разрешению гражданских споров осуществлялся городскими комитетами. В 1954 году Госсовет КНР опубликовал Правила о временной организации комитетов народного посредничества, закрепивших, что комитеты народного посредничества являются организацией по урегулированию конфликтов в массах, в задачу которых входит урегулирование гражданских споров и незначительных уголовных дел.

В 1991 году в Китае вступил в силу Гражданский процессуальный закон, в первой главе которого «Основные принципы» была упомянута посредническая деятельность.

Стоит упомянуть тот факт, что органы безопасности и органы, осуществляющие правосудие, также обладают компетенцией по урегулированию конфликтов, но данного рода медиация (посредничество) является дополнительной по отношению к основным направлениям деятельности этих органов. Опубликованный в 1987 году в качестве правового эксперимента «Закон об организации комитета сельских жителей» в очередной раз отнес посредническую деятельность к одному из основных направлений.

Деятельность по урегулированию гражданских споров требует от лиц, осуществляющих посредничество, строгое уважение принципов добровольности заинтересованных сторон, понимание отличия правильного и неправильного, реалистичный подход в отношении просвещения сторон, руководство принципом общей пользы, добиваться примирения сторон и дружеского разрешения конфликта.

Изданные 19 апреля 1990 года Министерством юстиции «Методы урегулирования гражданских споров» устанавливают: «Юридический помощник (*sifa zhuliyuan*) является сотрудником правительства первичного уровня по судебным-административным вопросам, специально ответственным за деятельность по урегулированию гражданских споров». «При урегулировании гражданских споров необходимо на основании фактов в соответствии с законом, актами законодательства, уставами и политикой в качестве стержня, при применении закона относиться к заинтересованным сторонам на основании принципа равенства перед законом».

«Народное правительство первичного уровня при урегулировании гражданских конфликтов, может обязать ответственную сторону понести гражданскую ответственность способами, предусмотренными ч 1 ст. 134 «Общих принципов гражданского права КНР», но не имеет права налагать личные или имущественные наказания». «Народное правительство при урегулировании гражданских споров не должно ограничивать возможностей заинтересованных сторон использовать право на обращение в суд».

28 августа 2010 года на XVI сессии Постоянного комитета ВСНП XI созыва был принят Закон КНР «О Народном посредничестве в КНР», который вступил в силу 1 января 2011 года. Он полностью воплотил в себе опыт посреднической деятельности, накопленный за годы становления нового Китая. Данный закон позволил качественно улучшить правовой институт народного посредничества в КНР благодаря целому ряду правовых новелл и правовых гарантий. Также стоит отметить, что для упорядочивания данного правового института была использована правовая форма закона, закрепившая сущность народной медиации, ее задачи и принципы, формы организации народного посредничества, отбор кандидатов в медиаторы и процедуру народного посредничества. Все это позволило повысить эффективность посреднической деятельности, позволило поставить ее на путь дальнейшей юридикации.

3. Организация и методы урегулирования гражданского спора.

3.1. Организация.

3.1.1. Комитет народного посредничества (*renmin tiaojie weiyuanhui*). Комитет народного посредничества представляет собой основную организационно-правовую форму организации народного посредничества, который в соответствии с законом может быть установлен в структуре домового комитета, сельского комитета, предприятия или организации. Конституция 1982 года устанавливает, что в задачи домовых комитетов, сельских комитетов входит организация общественно-полезных дел, урегулирование споров между гражданами, проведение общественной работы, разрешение споров среди населения, оказание помощи в поддержании общественного порядка, а также доведение до сведения народных правительств мнения и требования масс и внесение предложений.

3.1.2. Совместный посреднический комитет. Данный тип комитета представляет собой объединение двух и более комитетов.

3.1.3. Специализированный посреднический комитет. Он создается для осуществления посредничества в рамках того или иного коллектива.

3.1.4. Центры посредничества в конфликтах в общине (*shequ maodun tiaojie zhongxin*). Они создаются на уровне улицы, волости, городка и представляют собой общественной коллективную организацию для осуществления посредничества во всех гражданских конфликтах, которые встречаются на соответствующей территории.

3.1.5. Органы МВД и суды базового уровня. Статья 18 Закона КНР «О народном посредничестве» гласит, что органы МВД и суды базового уровня, когда представляется возможным, разрешают конфликты с помощью методов народного посредничества, а также до принятия дела могут уведомить заинтересованные стороны о возможности обратиться в народные посреднические комитеты.

3.1.6. Учреждения арбитража.

3.2. Принципы и методы.

Закон о посредничестве устанавливает, что комитеты народного посредничества должны руководствоваться следующими принципами: осуществлять посредничество на основе принципов добровольности заинтересованных сторон, их равенства; не нарушать закон, законодательные акты и государственную политику; уважать права заинтересованных сторон; не допускать того чтобы в случае посредничества стороны ограничивались в возможности использовать методы арбитража, административные и судебные способы для защиты своих прав.

Если выбранным способом урегулирования гражданских споров является посредничество (медиация), то оно, в основном, может осуществляться в КНР в одной из следующих форм, а именно, либо имеет место народное посредничество, либо административное посредничество, либо судебное посредничество. Если посредническая деятельность оказалась безрезультатной, то все равно имеется возможность разрешить конфликт и спор путем обращения к арбитражному, административному или судебному способу.

4. Актуальные проблемы института посредничества и способы их разрешения.

Несмотря на то, что законодательство КНР о народном посредничестве сравнительно ново, но все же установленная законом компетенция посреднических комитетов представляется неоправданно узкой. Также, несмотря на то что последние несколько лет механизм соприкосновения института народного посредничества и судебного процесса с точки зрения права уже не представляет собой серьезную проблему, все же следует признать неясность детального разграничения подведомственности споров гражданским механизмам (посредничество либо арбитраж) или судам. А существующие технические и функциональные сходства являются препятствиями для того, чтобы механизм альтернативного разрешения споров развернулся в полную силу.

Кроме того, представляется, что проблема недостаточного профессионализма при осуществлении посредничества является довольно серьезной. Более того, зачастую речь идет о низком уровне личностных характеристик лиц, занимающихся посредничеством.

Предложения по совершенствованию механизма разрешения гражданских споров в КНР:

Во-первых, следует обратить внимание на выработку механизма координации между различными посредническими учреждениями. Это необходимо потому, что множественность интересов общества и аксиологический плюрализм приводят к увеличению субъектов общественных конфликтов. Вследствие появления новых форм и усложнения содержания конфликтов мы можем наблюдать, что простые механизмы урегулирования уже не способны удовлетворять потребности реальности китайского общества и не в состоянии эффективно разрешать общественные конфликты.

После 1925 года, когда в США был принят Закон «О федеральном арбитраже», механизм альтернативного разрешения споров получил официальную пра-

вовую форму, что и было воспринято судебной системой. Данное явление рассматривается как начало становления альтернативного механизма системы разрешения споров в США. Принятие же в 1998 году Закона «Об альтернативном разрешении споров» стало первым в мире примером принятия нормативного правового акта, специально посвященного этому вопросу. Это демонстрирует как, например, в США серьезно относятся к механизму альтернативного разрешения споров.

Если посмотреть на эту проблему с практической точки зрения в КНР, то представляется необходимым провести рациональное разделение труда и улучшить механизм взаимодействия между различными элементами механизма посредничества: судебное посредничество, арбитражное посредничество, народное посредничество, профессиональное посредничество. Улучшение механизма посредничества видится в качестве важной ступени для совершенствования системы альтернативного разрешения споров в КНР.

Во-вторых, в КНР есть необходимость последовательнее использовать принцип специализации при формировании посреднических комитетов. Это будет способствовать более быстрому и эффективному разрешению споров. Можно рассмотреть возможность применения института народного посредничества в рамках определенных профессий или локальностей. Например, актуально создание посреднических комитетов по здоровым условиям труда, комитета по рассмотрению медицинских споров.

Одновременно, для того чтобы лучше решать общественные проблемы, необходимо создавать условия для постоянного совершенствования профессионального уровня лиц, занимающихся посредничеством.

В-третьих, представляется необходимо улучшить работу с обращениями граждан. В настоящее время китайскому обществу присуще сравнительно большое количество жалоб на решения государственных органов. Эффективное разрешение подобного рода жалоб является важным направлением воплощения практики функционирования механизма альтернативного разрешения гражданских споров. В Китае актуальным является вопрос улучшения работы по рассмотрению обращений граждан. Существует необходимость создания многовариативной коммуникативной платформы, для того чтобы направить в «правовое русло» как выражение прав и законных интересов граждан, так и разрешение по их поводу. Одновременно есть потребность в усовершенствовании механизма обжалования принятых решений для того чтобы защитить интересы граждан. Деблокирование каналов выражения неудовлетворенности гражданами принятыми решениями позволит более эффективно предотвращать и разрешать общественные конфликты в Китае [1].

ЛИТЕРАТУРА

1. Wáng, Q. Shèhuì máodùn jiūfēn duōyuánhuà jiějué jī zhìde gòujiàn yǔ wánshàn / Q. Wáng // Rénmín lùntán. – 2013. – № 13.
2. Mínjiān jiūfēn tiàojiě 360 bǎikē // [Electronic resource]. – Mode of access: <http://baike.so.com/doc/5890221.html>. – Date of access : 20.04.2014.

**ГУМАНИТАРНО-УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ
ДРЕВНЕГО КИТАЯ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ
(на примере трактата «Тайгун лю тао»)**

Военно-политическое наследие Древнего Китая доносит до нас традиции активного использования гуманитарно-управленческих технологий. Современное общество, как бы оно не именовалось (индустриальным, постиндустриальным или информационным), сталкивается с проблемой (кризисом) управления. Активно применяются различные «политтехнологии», PR-технологии, «экспресс-технологии». Выведенные стратегами, политиками и военачальниками Древнего Китая модели «непрямых действий», совмещенные с новым технологическим уровнем развития должны активно использоваться для решения социально-политических проблем человечества.

Ключевые слова: *гуманитарно-управленческие технологии, алгоритм «цветной» революции, трактат «Лю Тао», «экспресс-революция».*

The military-political heritage of Ancient China informs to us to tradition of active use of humanitarian-administrative technologies. The modern society, as though it was not called (industrial, postindustrial or information), faces a problem (crisis) of management. Various "political technologies", PR-technologies, "express technologies" are actively applied. Deduced by strategists, politicians and military leaders of Ancient China of model of "indirect actions», combined with a new technological level of development should be used actively for the decision of sociopolitical problems of mankind.

Keywords: *humanitarian-administrative technologies, algorithm of "colour" revolution, the treatise "Liu Tao", "express revolution".*

Современное общество, как бы оно не именовалось (индустриальным, постиндустриальным, информационным и т.д.), сталкивается с проблемой управления во все более быстро меняющемся мире. Из этого происходят и проблемы применения различных «политтехнологий», PR-технологий, «экспресс-технологий» и тому подобное, приводящее многие страны в состояние все более усугубляющегося кризиса. И здесь обнаруживается, что дело здесь даже не в «изобретении» всякого рода «новых» политтехнологий, а в их современном применении – совмещении их с новым технологическим уровнем развития человечества [1, с. 360].

В древнем и средневековом Китае существовал трактат, входивший в *Уцзин* «Военное семикнижие», чтение которого разрешалось только лицам из правящей династии, для всех прочих это приравнивалось к государственной измене, попытке захвата власти и каралось соответствующим образом. Этот трактат назывался «Тайгун Лю Тао» или «Шесть секретных учений Тайгуна», авторство приписывалось Тайгун Вану (он же Люй Шан, он же Цзян Цзя) – ближайшему советнику

основателей древнего китайского царства Чжоу Вэньвана и его сына Увана. В китайской исторической традиции считалось, что именно с помощью Тайгун Вана чжоусцы свергли «прогневшую династию» Шан-Инь и уничтожили некогда могучее государство: «...последующие поколения, говоря о военных действиях и скрытой мощи дома Чжоу, почитали Тайгуна как главного составителя этих планов» [2, с. 40]. Он стал основателем правящего дома царства Ци. Умер Тай-гун Ван согласно «Бамбуковым анналам» в 999 г. до н.э. (шестой год правления Канвана) [3, с. 92, 113, 152, 219]. Китайская традиция относит трактат «Лю Тао» к XII–XI вв. до н. э., Ральф Д. Соьер – к III в. до н.э., а известный российский и советский китаист Н.И. Конрад – ко времени не позднее III–IV вв. н. э.

В Китае этот трактат стал «настойной книгой» для всех тех, кто хотел повторить путь Увана, то есть создать свою династию. Считается, что практически все создатели династий и вожди народных восстаний были знакомы с этим трактатом. В крайнем случае, это были их ближайшие советники. Это Чжан Лян и Фань Куан, ближайшие помощники Лю Бана, основателя династии Хань (III–II вв. до н.э.), знаменитый вождь народного восстания, потрясшего все основы могущественной династии Тан – Хуан Чао, Го Вэй, основатель династии Поздняя Чжоу в эпоху Пяти Царств (IX–X вв.) [4] Не каждый член правящей династии имел «допуск» к этой информации, а хранение списка трактата дома означало смертный приговор по обвинению в «государственной измене» [5, с. 35] В японском «Сказание о Есицунэ» отмечается, что победитель дома Тайра Минамото-но Есицунэ перед началом своей военной карьеры изучил этот трактат: «Ни в Китае, ни в нашей земле не знал неудачи никто из тех, кому она попадала в руки» [6, с. 44–60].

Сам трактат состоит из шести частей, из которых последние четыре представляют интерес в основном для историков военного искусства – тао дракона, тао тигра, тао леопарда, тао собаки, так как в них описываются правила ведения военных действий и устройство армии. В нашем случае особый интерес представляют две первые части: гражданское и военное тао. Правильное претворение в жизнь этих частей давали возможность перевести действия по смене политического режима в фазу боевых действий [7, с. 56–140].

Прежде чем начинать враждебные действия необходимо в первую очередь привести в порядок внутренние дела своего владения при помощи «Гражданского наступления» – как часть «Военного секретного учения». Это является необходимым условием для дальнейших действий. И только затем начинать подготовку к войне, пользуясь непосредственно военными методами. В этом «учении» практически абсолютно ничего нет о ведении войны. Точнее, речь идет о тайной идеологической войне, политических подрывных операциях, разлагающих и разрушающих государственную систему и само общество врага. Важно было не просто повысить свою популярность, а разрушить популярность враждебного правителя, которого собираются свергать.

В сокращенном варианте эти пункты следующие: «Первое, будь в согласии с теми, кому он [правитель – С.К.] благоволит, чтобы приспособиться к его желаниям. Со временем он станет высокомерным и обязательно совершит что-нибудь порочное... Второе... если люди имеют две различные наклонности, их преданность разрушается. Когда в окружении более нет преданных министров, государственные

алтари неизбежно окажутся в опасности... Третье, тайно подкупай его помощников, сближаясь с ними. Хотя телом они будут при дворе, их мысли будут отделяться от двора... Четвертое, потворствуй ему в его распушенности и потакай музыкой, дабы ослабить его волю... Пятое, обращайся с его чиновниками очень великодушно, но уменьши дары [их правителю] Задерживай его посланцев, не слушай их. Когда, наконец, он пришлет других людей, будь с ними искренен, простодушен и доверителен... Если обращаться [с прежними преданными чиновниками] великодушно, против его государства можно будет плести заговоры... Шестое, сговаривайся с его любимыми министрами, но для виду держи его менее любимых чиновников на расстоянии. Талантливые люди будут под внешним влиянием... Седьмое, если хочешь... приобрести его помощников, преданных людей и любимцев, необходимо тайно показать им выгоду, которую они приобретут, если пойдут на сговор. Сделай так, чтобы они пренебрегали своими обязанностями... Восьмое, богато одари его и замыслий вместе с ним. Если замыслы будут успешными и он получит выгоду, то благодаря этому он поверит тебе... Если кто-то управляет государством, но при этом сам управляем, его государство непременно потерпит поражение... Девятое... Преувеличивай его достоинства, будь первым, кто с возносит его, смиренно провозглашая его смиренномудрым. Тогда в его государстве будут великие потери!.. Десятое... Принимай его взгляды и откликайся на его действия... Когда узнаешь все немедленно приberi к рукам [его власть]... Одиннадцатое, прегради ему доступ к Дао тайными средствами... Тайно проявляй уважение... и постепенно подноси дорогие подарки, дабы собрать вокруг себя выдающихся людей... Двенадцатое... поддерживай его беспутных чиновников, чтобы смутить его. Преподноси красивых женщин и услаждай музыкой, чтобы одурманить его. Посылай ему огромных собак и красивых лошадей, чтобы утомить его... позволяй ему показывать большую власть, чтобы его самонадеянность возросла еще больше. Затем посмотри на знаки Неба и сплывай всю поднебесную» [7, с. 79–80].

Когда все цели «гражданского наступления» будут достигнуты (правитель, элита, народ будут оторваны друг от друга и разобщены), то можно переходить к «горячей фазе» и «сплывать против него всю Поднебесную»: «Когда эти двенадцать правил используются сполна, они становятся боевым оружием» [7, с. 78–81]. Мыслители древнего Китая особо подчеркивали важность поэтапного дестабилизирующего воздействия на страну-противника с *обязательным последовательным* включением всех 12-ти этапов: 1) приспособленчество, 2) потакание желаниям, 3) переманивание на свою сторону, 4) подкуп, 5) развращение деньгами и женщинами, 6) заговоры, 7) любимчики, 8) сговоры, 9) втягивание в подрывную деятельность, 10) лесть, 11) марионеточные чиновники/министры, 12) шантаж [5, с. 40]. В случае успешного применения «гражданского наступления» можно было спокойно переходить к военной фазе, когда оболваненный, дезориентированный, обозленный на свою разложившуюся элиту народ страны-противника встретит захватчиков как своих «освободителей».

Все эти задачи решаются дипломатическими методами, разведывательной деятельностью и т.д. Подробно работа разведывательных служб в Древнем Китае была подробно расписана в самом известном военном трактате – «Искусство войны» Суньцзы, 13-я глава [8, с. 68–70, 324–344]. Согласно систематизированным

Суныцзы типы шпионов Тайгун Ван (Люй Шан) относится к «местным шпионам» или к «внутренним шпионам» [8, с. 68–69, 343–344]. «Только просвещенные государи и мудрые полководцы умеют делать своими шпионами людей высокого ума и этим способом непременно совершают великие дела» [8, с. 344].

Мы видим здесь четкий алгоритм «цветной» экспресс-революции – последовательность из упомянутых выше 12 шагов. Речь идет именно о *строго последовательном* выполнении. Модель «экспресс-революции» в современных «пособиях» прекрасно коррелируют с разработками стратегов Древнего Китая: 1) объединение оппозиции вокруг ключевой фигуры; 2) вербовку офицеров-силовиков и чиновников средней руки; 3) формирование «партии-голема» для участия в массовых акциях гражданского неповиновения; 4) проведение после пересчета голосов массового митинга, перетекающего в переворот [9, с. 62]. Единственное, сейчас далеко не всегда и не везде требуется ввод войск – местное население прекрасно справляется само...

Если мы сравним эти теоретические выкладки с методиками, к примеру, современных «цветных» революций, то обнаружим их поразительное сходство. Нужно отметить, что там, где сохранилась сильная государственная власть, поддерживаемая широкими слоями населения, и стабильная экономика подобные действия не удаются. Там же где экономическая и политическая ситуации кризисны или нестабильны им, как правило, сопутствовал успех. Причем во всех случаях четко просматривается влияние извне. Политическим элитам (особенно это касается стран, не входящим в перечень стран т.н. «золотого миллиарда», «постмодернистского континента Европа») необходимо учитывать этот опыт, чтобы не допустить трагических последствий для своих стран.

Эти древнекитайские гуманитарно-управленческие технологии, совмещенные с современными информационными технологиями, действительно превращаются в «оружие массового поражения» [9, 10]. Как вышедшая в 2006 г. красочная стратегическая компьютерная игра «A Force More Powerful», основанная на событиях в Югославии, позволяющая игроку почувствовать себя организатором такой «экспресс-революции» и обучающая азам подрывных «экспресс-технологий», являющаяся частью учебного комплекса, включающего в себя еще и обучающий фильм на DVD, и печатное пособие – книга [9, с. 70–72, 88, 91]. Подготовка современных специалистов должна учитывать и эти, казалось бы, чисто «социогуманитарные» проблемы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кашляк, С.Г. Управленческие социо-гуманитарные технологии древности в информационном обществе и система технического образования / С.Г. Кашляк // Международная научно-техническая конференция, приуроченная к 50-летию МРТИ-БГУИР (Минск, 18-19 марта 2014 г.) : Материалы конф. В 2 ч. Ч. 2 / редкол. : А.Н. Осипов [и др.]. – Минск : БГУИР, 2014. С. 360-361.
2. Сыма, Цянь. Исторические записки («Ши цзи»). Т. 4 / Цянь Сыма / пер. с китайск., предисл. и комментарии Р.В. Вяткина. – М. : «Наука», 1987. – 365 с.

3. Бамбуковые анналы: древний текст (Гу бэнь чжу шу цзи нянь) / изд. текста, пер. с кит., вступ. ст., коммент. и прилож. М.Ю. Ульянова при участии Д.В. Деопика и А.И. Таркиной. – М. : Вост. Лит., 2005. – 311 с.
4. Китайские пинхуа / пер., предисл. и комм. А.К. Павловская. – СПб. : Северо-Запад Пресс, 2003. – 494 с.
5. Глазунов, О.Н. Китайская разведка / О.Н. Глазунов. – М. : Алгоритм, 2008. – 256 с.
6. Сказание о Есицунэ / пер. со старояпонского А.Н. Стругацкого. – СПб. : Евразия, 2000. – 320 с.
7. Шесть секретных учений Тай-гуна // У-цзин. Семь военных канонов Древнего Китая. СПб. : Евразия, 2001. С. 56-140.
8. Сунь-цзы, У-цзы. Трактаты о военном искусстве / Сунь-цзы, У-цзы / пер. с кит., предисл. и коммент. Н.И. Конрада. – М. : ООО «Издательство АСТ»; СПб. : Terra Fantastica, 2002. – 558 с.
9. Оранжевые сети: от Белграда до Бишкека / отв. ред. Н.А. Нарочницкая; [ред. и сост. Е.А. Бондарева]. СПб. : Алетейя 2008. – 194 с.
10. Шарп, Д. От диктатуры к демократии. Концептуальные основы освобождения [Электронный ресурс] / Д. Шарп. – Институт им. А. Эйнштейна (США), 2003 http://www.aeinstein.org/wp-content/uploads/2013/10/FDTD_Russian.pdf. – Date of access : 17.11.2014.

Фей Яньин, Цао Гуанью
(Далянь, КНР)

О ЦЕННОСТИ СМЕРТНОЙ КАЗНИ¹

В статье рассматривается проблема применения смертной казни в Китае и иных странах. Авторы ставят вопрос о моральной обоснованности смертной казни и ее полезности.

Ключевые слова: *смертная казнь; мораль; право.*

The article deals with the problem of the death penalty in China and other countries. The authors raise the question of the moral validity of the death penalty and its usefulness.

Keywords: *death penalty; morality; right.*

¹Перевод с китайского языка осуществлен Артемьевым С.Ю., преподавателем кафедры конституционного права Белорусского государственного университета, аспирантом Гуманитарного факультета Даляньского политехнического университета, Далянь, Китай.

Информация об авторе: Fei Yanying (费艳颖) - доктор права, профессор Школы государственного управления и правопедения Гуманитарного факультета Даляньского политехнического университета, Далянь, Китай. Основные научные интересы: гражданское право, право и общественное развитие. Электронный адрес: feiyanying@126.com. Cao Guangyu (曹广宇) аспирант Гуманитарного факультета Даляньского политехнического университета, Далянь, Китай.

В соответствии со статистическими данными в настоящее время более двух третей всех государств мира формально-юридически или фактически упразднили смертную казнь. Среди их числа количество стран, упразднивших смертную казнь за все виды преступлений, достигает 92, а количество стран, упразднивших смертную казнь за обычные преступления, достигает 10. Количество стран, фактически упразднивших смертную казнь, достигает 36. В последнем случае под фактическим упразднением смертной казни подразумевается то, что за последние 10 лет в этих странах не приводилось в исполнение более одного смертного приговора. Это означает, что число стран, отказавшихся от смертной казни достигает 138, в то время как число стран, которые по-прежнему приводят в исполнение смертные приговоры, достигает только 59. В 2014 году большинство стран, которые не отказались от применения смертной казни главным образом располагаются на территории Ближнего Востока, Северной Африки и Азиатского региона. Из числа великих держав в настоящее время только Китай, США, Япония и Индия применяют смертную казнь. Но необходимо отметить, что последние три страны применяют ее сравнительно не часто и только за тяжкие преступления, связанные с лишением жизни. Смертная казнь приводится в исполнение, главным образом, посредством расстрела, через повешение, обезглавливание, посредством электричества, побивание камнями, введения инъекции или с помощью ядовитого газа.

В настоящее время в США в отношении ряда определенных преступлений (в основном это убийства первой степени) сохраняется в качестве возможной санкции смертная казнь, и по состоянию на 2011 год 34 штата сохраняли смертную казнь. В тоже время процедура приведения смертной казни в исполнение исключительно сложная. Более того, чтобы минимизировать возможность казни невинного и защитить права приговоренного к смертной казни, США несут очень крупные финансовые затраты. Существует информация, что для того чтобы прокурор добился приведения смертной казни в исполнение сумма, которую необходимо потратить для этого, превышает полмиллиона долларов. Начиная с 2005 года под давлением правозащитных организаций в США наблюдается тенденция снижения количества случаев приведения в исполнение смертных приговоров. В 2006 году США находились на шестом месте в мире по этому показателю, пропустив вперед Китай, Иран, Пакистан, Ирак и Судан. Количество смертных казней в Японии также очень невелико, более того, она предусматривается только за убийства с отягчающими обстоятельствами. Тут надо отметить, что в Японии под влиянием буддизма в эпоху Хейан смертная казнь была отменена на более чем трехвековой период, но позже, чтобы справиться с хаосом наступившего смутного времени, смертная казнь была вновь реинституционализована. Применение смертной казни в Индии также является ограниченным и присутствует тенденция уменьшения количества случаев приведения смертной казни в исполнение.

В настоящее время количество преступлений, за совершение которых предусмотрена смертная казнь уголовным законом в Китае, равно 55, и смертная казнь по ряду внутренних причин не может быть отменена. Абсолютное большинство стран региона Северной Африки и Ближнего Востока находятся в оппозиции к идее

отмены смертной казни, более того, зачастую происходит увеличение числа смертных казней. Политика данных стран в отношении смертной казни находится под тесным влиянием религии, доминирующей в этом регионе. Строго следующая тринадцативековому Корану Саудовская Аравия в нюансах исполнения смертной казни демонстрирует примитивные родоплеменные обычаи.

Страны, которые ранее всех отменили смертную казнь, в основном относятся к группе экономически развитых стран. Вследствие того, что культура и экономика данных стран достигли определенного уровня, то фактор социального неравенства не настолько значим, как в развивающихся странах и соответственно отмена смертной казни не может сказаться на общественной стабильности и развитии этих стран. И, соответственно, в неразвитых экономически или в социальном отношении странах существует большое количество проблемных моментов, и, как результат, «слепая» отмена смертной казни неизбежно приведет к негативному влиянию на стабильность в обществе и его прогресс. Разрушить легко, а вот построить очень непросто, и поэтому развивающиеся страны должны быть предельно осторожны, когда речь идет об отмене смертной казни.

2. Анализ моральной ценности смертной казни.

Вот уже как более чем два с половиной века, начиная с идеи Беккариа об отмене смертной казни, этот вопрос получает серьезное внимание с позиций морали и права. Авторами данной статьи анализируется моральность смертной казни с точки зрения утилитарности и справедливости воздаяния.

Первым делом необходимо рассмотреть вопрос в части того, есть ли необходимость смертной казни с точки зрения воздаяния (наказания). Английскому теоретику права Харту принадлежит классическое определение воздаяния. Он полагает, что воздаяние должно отвечать на три следующих вопроса: под какими условиями и в отношении какого человека применяется наказание? Насколько серьезно должно быть применяемое наказание? Почему применяемое наказание легитимно? Среди этих трех вопросов смертной казни касается в наибольшей степени второй, то есть определение того, насколько серьезным должно быть наказание. Этот вопрос имеет прямую связь с третьим вопросом о легитимности наказания, потому что наказание данного рода лишает человека права на жизнь и, соответственно, является самым суровым [1]. Именно вследствие этого мы можем задаться вопросом, действительно ли есть необходимость в смертной казни?

Сторонники воздаяния традиционно отвечают утвердительно на этот вопрос. Подходя к воззрению на эту проблему с точки зрения связки преступление-наказание, они указывают, что смертная казнь является обязательным реалистичным методом и поэтому является справедливой. По мнению Локка, право на жизнь является естественным правом и, соответственно, не может быть отобрано, не может быть передано, невозможно от него отказаться, но только можно утратить, поскольку условием невозможности лишения жизни одного человека является то, что он не отнимает жизнь другого человека. В случае же если ты лишил жизни другого человека, то тем самым утратил право на свою жизнь. Локк оправдывал легитимность смертной казни через соотносимость убийства и ценности смертной казни как лишения права на жизнь. Кант полагает, что связь между преступлением и наказанием должна быть на основании принципа равенства наказания причиненному

вреда: ты должен утратить то, что утратил из-за тебя другой человек. Ты украл вещь одного человека и тем самым ты украл свою вещь; если ты убил одного человека, то это означает, что ты убил самого себя. Соответственно, он полагал, что смертная казнь за убийство другого человека должна существовать. Гегель также является еще одним сторонником воздаяния. Несмотря на то, что в целом он не соглашается со взглядами Канта о необходимости уравнивания вреда наказанием, но в отношении случаев посягательств на жизнь он делает исключение, поскольку ценность жизнь является непревзойденной и не существует вещи, которую можно было бы обменять на жизнь. Ценность жизни одного человека равна ценности жизни другого человека. Поэтому он полагал, что смертная казнь за лишение жизни другого человека является легитимным явлением. Очевидно, что три вышеупомянутых мыслителя следующим образом рассматривали смертную казнь с точки зрения ее необходимости как справедливого воздаяния: смертная казнь является потому легитимной, поскольку в результате ее отнимается право, равное тому, которое отнял убийца. Можно ли говорить, что теория воздаяния неизбежно требует того, чтобы права, нарушенные преступлением, были соотносимы с лишением прав как результат наказания? Полагаем, что это не так. Во-первых, рассмотрим вопрос с точки зрения необходимости равенства вреда. Представляется, что ни с точки зрения логики ни с точки зрения практической реализации невозможно действовать в рамках модели “наказание-поражение в правах” настолько, насколько преступник нарушил эти права. История уголовного права показывает, что подобный подход является наследием примитивных обществ и в современном обществе не должен рассматриваться как оправдание существования смертной казни. Если допустить оправдание принципом талиона в современном обществе, то тогда можно говорить и возможности реставрации телесных наказаний, например, кастрации. Во-вторых, рассматривая этот вопрос с практического угла зрения мы можем утверждать, что не все убийцы заслуживают смертной казни. На практике, например, в США или в Японии, смертная казнь обладает во многом символическим смыслом, ибо абсолютное большинство лиц, совершивших убийство не подвергаются смертной казни. С точки зрения авторов, если признавать, что смертная казнь для убийц является легитимной, и в то же время легитимным признается неприменение смертной казни к убийцам, то налицо определенный парадокс. Фактически смертная казнь не является неотъемлемым способом осуществления справедливого воздаяния. Не отрицаем того факта, что она может рассматриваться в качестве такого способа, но тем не менее даже если ее не существует, тем не менее можно осуществить справедливое воздаяние. Теперь можно задаться вопросом того, а с утилитарной точки зрения является ли существование смертной казни оправданным или нет? Исходя из установок теории утилитаризма, смертная казнь обладает эффектом устрашения. Беккариа и Бентам, как раз исходя из позиции того, что смертная казнь не обладает большей степенью устрашения по сравнению с пожизненным лишением свободы, выступали за отмену смертной казни.

Представители оппозиционной точки зрения в рамках утилитарного направления все же считают, что устрашающий эффект смертной казни больше, чем эффект пожизненного заключения. Свое доказательство подобной точки зрения они строят на основании простого силлогизма: устрашающий эффект смертной казни

формируется на основании страха людей перед страданиями, связанными со смертной казнью, и, соответственно, чем серьезнее наказание, тем больший страх у рационального человека оно вызывает, отсюда и устрашающий эффект смертной казни. Смертная казнь является самым суровым наказанием и, соответственно, эффект устрашения, порождаемый ею, более сильный. В данном выводе, полагаем, существуют две проблемы. Первая связана с тем, что строгость наказания не обязательно является единственным элементом, определяющим эффективность наказания. Например, человек совершил кражу десяти юаней, за что, предположим, полагается смертная казнь. В данной ситуации необходима только абсолютная уверенность субъекта, совершившего кражу, в полной безнаказанности, и, соответственно, в данном случае даже возможная смертная казнь не будет иметь никакого устрашающего воздействия. Во-вторых, даже если мы признаем, что строгость наказания является единственным определяющим фактором, то все равно можем ли мы утверждать, что если увеличивать строгость наказания, то вместе с этим увеличивается от этого позитивный эффект? Зачастую строгость наказания увеличивает желание преступника избежать его, например, избавиться от возможного свидетеля, таким образом, можно говорить о негативных последствиях излишней строгости наказания. Например, если строгость наказания предотвратила совершение убийства нескольких лиц в одном случае, но в другом случае спровоцировало его, то общий превентивный эффект такого наказания стремится к нулю.

В вышеприведенном тексте содержится анализ вопроса о необходимости института смертной казни с точки зрения утилитарных подходов и морально-этических воззрений. Вывод в этой части является следующим: с точки зрения справедливости воздаяния не существует неперменной потребности в смертной казни, как и с точки зрения утилитаристского мировоззрения. Поэтому поскольку две данных точки зрения не способны доказать легитимность смертной казни и по сути не нуждаются в неперменности ее существования, то можно утверждать, что смертная казнь не обладает моральной ценностью.

3. Ценность института смертной казни в Китае.

Несмотря на то, что смертная казнь не обладает моральной ценностью, то почему же она до сих пор не отменена в Китае?

Во-первых, с точки зрения гуманизма, можно утверждать, что причиной того, что множество стран запада отказались от смертной казни, заключается в том, что их исторические традиции пропитаны духом гуманизма. Но в Китае представители академического мира еще не выражают столь высокой степени интереса к проблематике человеческой жизни [2]. Кроме того, китайское общество представляет собой модель общества, ведомого народной волей, а не волей ученых, а воля народа как раз и состоит в признании абсолютной справедливости подхода что убийца должен «заплатить» за убийство своей жизнью.

Во-вторых, рассматривая данную проблему с точки зрения анализа убеждений, можно увидеть, что попытки отказа от смертной казни были и в истории Китая и за рубежом. В последние сто лет существования Римского государства смертная казнь фактически не применялась, хотя юридически упразднена не была. В истории Китая тоже есть подобный период: танский император Сюаньцзун проводил политику минимального применения смертной казни, и число казней не превышало 15

случаев в год. Особенного внимания заслуживает исторический опыт Японии, которая полностью упразднила смертную казнь в 724 году и не применяла ее в течение 347 лет. Таким образом, можно понять, что в древности тоже были попытки отказаться от смертной казни по причинам религиозных воззрений. Например, причиной неприменения смертной казни в поздней Римской империи стало влияние христианства, которое относится к жизни как к священному дару Бога. В случае Китая и Японии в восьмом веке буддизм, крайне отрицательно относящийся к смертоубийству, имел статус государственной религии. Позже критическое отношение к смертной казни на Западе было воспринято просветителями и стало важным элементом теории общественного договора. Например, Беккариа доказывал, что существование смертной казни является нарушением общественного договора, поскольку, когда граждане образуют государство, они не наделяли его правом забирать их жизни, и, соответственно, государство не обладает правом лишать человека жизни [3]. В настоящее время мысль о священности жизни эволюционировала в теорию прав человека, по которой гарантированность прав человека, прежде всего, нуждается в невозможности отнятия жизни человека, которая рассматривается в качестве самого базового его права. Преступник является человеком, и, соответственно, обладает неотъемлемыми основными правами. Независимо от того каким образом раскрывается понятие основных прав человека, право на жизнь всегда присутствует в предлагаемом перечне. Справедливо можно утверждать, что если бы не сформировалось в свое время воззрение о священности человеческой жизни (жизнь как дар Бога), то не было бы последующих дискуссий об отмене смертной казни.

В-третьих, если рассматривать китайскую традицию, то уважение к жизни человека и смертная казнь не рассматривались как исключаящие друг друга начала. Государство лишает жизни не невинного человека, а человека, который не ценит жизнь другого человека. Поскольку человеческая жизнь уникальна и безвозвратна, то она обладает предельной ценностью, и, соответственно, государство обладает правомочием предпринять все меры для защиты человеческой жизни, включая такую экстремальную меру как смертная казнь. Государство, приводя в исполнение смертную казнь, посылает обществу четкий сигнал, что жизнь человека находится под безусловной защитой и к ней нужно относиться с максимально глубоким уважением. Также существование смертной казни воплощает в себе, в некотором смысле, уважение к автономной воле убийцы, поскольку он, осознавая характер санкции за свои деяния, все равно лишает жизни другого человека и тем самым демонстрирует готовность нести всю полноту ответственности [4].

Можно утверждать, что в обозримом будущем отмена смертной казни в Китае затруднительна, и, соответственно, развитие института смертной казни в Китае может развиваться по пути все более и более осторожного ее применения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Qiū, X. Xíngfǎde xìng / X. Qiū // Zhèngzhì yǔ fǎlù. – 2002. – № 2.
2. Xiè, W. Liánhé guó sī xíngjià zhí xuǎnzé yǔ zhōngguó sǐ xíng zhèngcè chūlù / Xiè, W // Guójiā jiǎncháguān xuéyuàn xuébào. – 2007. – № 2.

3. Zhū, B. Xíngfǎ yǔ Shēngmìng: Shēngmìngquándè xíngfǎ bǎohù yánjiū/ В. Zhū. – Běijīng : Shìjiè túshū chūbǎngōngsī, 2013.
4. Gān, S. Rénquán lúnlǐ xué/ S. Gān. – Běijīng : Zhōngguó fāzhǎn chūbǎnshè, 2009.

Фей Яньин, Ли Цзя
(Далянь, КНР)

О ЗНАЧЕНИИ СОГЛАШЕНИЯ ОБ ИМУЩЕСТВЕ И НОТАРИАЛЬНОГО УДОСТОВЕРЕНИЯ ДЛЯ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ ИМУЩЕСТВЕННЫХ СПОРОВ МЕЖДУ СУПРУГАМИ.¹

Авторами анализируется состояние института брака в Китае. Они подчеркивают значение соглашения об имуществе и нотариального удостоверения для предотвращения имущественных споров между супругами.

Ключевые слова: *собственность супругов; соглашение об имуществе; институт нотариата.*

The authors analyze the state of marriage in China. They emphasize the importance of the agreement on the property and notarization to prevent property disputes between spouses.

Keywords: *marital property; agreement on the property; public notary.*

Как следствие поступательного развития модели социалистической рыночной экономики в образе мышления и жизненном укладе жителей Китая произошли серьезнейшие трансформации, связанные с качественно новым отношением людей к такой социальной ценности, как брак, а также с новым отношением к институту собственности. Вследствие вышесказанного, а также благодаря увеличению собственности и количества типов объектов, находящихся в совместной собственности супругов для данного рода имущественных отношений характерна ярко выраженная тенденция усложнения, что приводит к феномену устаревания и недостаточной эффективности соответствующего законодательства, которое не успевает за динамикой общественных отношений. Вследствие этого, Верховный Народный Суд КНР в 2011 году принял Разъяснение «О некоторых вопросах применения Закона КНР «О браке и семье» (3)» (далее по тексту – Разъяснение). Принятие данного правового акта можно рассматривать в качестве прогрессивного явления, по-

¹Перевод с китайского языка осуществлен Артемьевым С.Ю., преподавателем кафедры конституционного права Белорусского государственного университета, аспирантом Гуманитарного факультета Даляньского политехнического университета, Далянь, Китай.

Информация об авторе: Fei Yanying (费艳颖) - доктор права, профессор Школы государственного управления и правоведения Гуманитарного факультета Даляньского политехнического университета, Далянь, Китай. Основные научные интересы: гражданское право, право и общественное развитие. Электронный адрес: feiyanying@126.com. Li Jia (李佳) магистрант Гуманитарного факультета Даляньского политехнического университета, Далянь, Китай.

сколькx следствием этого стали большая степень точности нормативных предписаний в вопросах регулирования имущества супругов, большее соответствие данных предписаний потребностям сегодняшнего общества. Данное Разъяснение не только способствует успешному разрешению некоторых спорных вопросов брачно-семейного законодательства, но в целом усиливает вектор усовершенствования соответствующего отраслевого законодательства, делая его более созвучным «мелодиям современности».

Это Разъяснение быстро стало актуальной темой для академической дискуссии, а также в среде практикующих юристов, поскольку в отношении вопроса раздела совместной собственности супругов оно превзошло все возможные ожидания. Изложение материала в настоящей статье построено следующим образом: в качестве отправной точки дискуссии кратко описывается суть классического дела о разделе имущества. Затем после приведения оценки и анализа данного дела авторы переходят к рассмотрению проблематики соглашения об имуществе и предлагают видение того, каков практический потенциал соглашения об имуществе в отношении решения проблем, связанных с разделом имущества бывшими супругами. В заключительной части статьи приводится мнение авторов о том, что использование института нотариата для удостоверения соглашения об имуществе только усилит практический позитивный эффект данного типа соглашений.

1. Пример классического дела.

Гражданин Чжан до заключения брака приобрел жилое помещение стоимостью два миллиона юаней под условием необходимости совершения первоначального платежа в шестьсот тысяч юаней и получил ипотечный кредит для покупки квартиры, равный одному миллиону четыреста тысяч юаней. После заключения брака с гражданкой Ли выплата ипотечного кредита осуществлялась супругами совместно. Уже после погашения кредита, гражданин Чжан осознал, что сохранение семьи не является возможным и обратился в народный суд с иском о разводе и признании вышеупомянутой квартиры его личной собственностью, которая не входит в перечень имущества, совместно нажитого супругами в период брака и, таким образом, не подлежит разделу. К тому времени рыночная стоимость этого объекта недвижимости составляла четыре миллиона юаней.

После проведения слушания по делу народный суд указал, что в соответствии со статьей 10 Разъяснения: «Если один из супругов до заключения брака заключил договор о купле-продаже недвижимости и под собственное имя совершил первоначальный платеж и взял кредит в банке, а после заключения брака использует совместное имущество для выплаты по кредиту, а объект недвижимости зарегистрирован на лицо, осуществившее первоначальный платеж, то в случае развода статус подобного объекта недвижимости должен быть определен на основании соглашения между двумя сторонами, а если согласие между сторонами не может быть достигнуто, то народный суд может принять решение о регистрации права собственности за одной из сторон и в случае если еще не погашен кредит то признать выплаты по нему обязательством той стороны. Суммы, совместно уплаченные в погашение кредита после заключения брака, а также соответствующие произошедшие улучшения объекта недвижимости во время развода сторона, в пользу которой

было принято решение о регистрации права собственности, должна компенсировать второй стороне на основании принципа, установленного ч. 1 ст. 39 «Закона о браке и семье КНР» [1]. Решение о разделе вышеупомянутого объекта недвижимости должно произойти на основании двустороннего соглашения между гражданином Чжаном и гражданкой Ли, а в случае не достижения соглашения должно быть принято решение о признании права собственности за гражданином Чжаном и одновременно о сумме компенсации, которую он должен выплатить гражданке Ли. Сумма компенсации является следующей: во время развода рыночная стоимость квартиры равнялась четырем миллионам юаней, таким образом, стоимость объекта повысилась на два миллиона, соответственно ценность выплаченного кредита в период нахождения двух сторон в браке в один миллион четыреста тысяч юаней тоже увеличивается до двух миллионов восьмисот тысяч юаней, и, соответственно, гражданин Чжан должен уплатить гражданке Ли компенсацию в размере одного миллиона четырехсот тысяч юаней.

2. Превентивное значение соглашения об имуществе в отношении имущественных споров между супругами.

Вопрос принадлежности недвижимости приобретенной до брака является в последние годы предметом жарких дискуссий, и вышеупомянутый пример является классическим. Данные споры имеют объективный социальный фон: после начала политики открытия в Китае множество людей покинуло знакомые родные места в надежде найти свою птицу счастья, а в чужих краях получить место под солнцем весьма нелегко. Каждый человек борется за свое собственное «уютное гнездо». Несмотря на то, что количество объектов коммерческой и жилой недвижимости увеличилось очень серьезно, но, как результат отражения отношений спрос-предложение, цена недвижимости неизменно высока. Также следует учитывать инфляционный фактор: цены на недвижимость растут очень быстро, что делает недвижимость очень серьезной гарантией сохранности денег. Все это стало главными социальными и экономическими причинами того, что вопрос определения принадлежности недвижимого имущества приобрел настолько актуальный характер.

В ст. 10 Разъяснения Верховного Народного Суда КНР установлен четкий алгоритм действий по осуществлению раздела совместной собственности супругов: сначала проводятся соответствующие переговоры, в случае если переговоры оказались безрезультатными, то должно быть вынесено судебное решение о том, кто является собственником недвижимого имущества и определен вопрос компенсационных выплат.

В специальной литературе встречается точка зрения, что данное Разъяснение, если рассматривать его с точки зрения гарантированности и защиты прав двух участников брачных отношений, не является справедливым, поскольку оно игнорирует присущее современному китайскому обществу явление ярко выраженной гендерной дискриминации, и, таким образом, данное Разъяснение не способно защитить права слабого пола [2]. По мнению авторов настоящей публикации, данное воззрение на Разъяснение Верховного Народного Суда КНР является заблуждением, поскольку основывается на ошибочном понимании концептуального подхода, выраженного в положениях Разъяснения. Здесь необходимо помнить, что

брак, по сути являясь типом межлических отношений, представляет собой гражданское отношение между двумя субъектами, базирующееся на принципе равенства. Нельзя отрицать того факта, что и собственность, и увеличение ее стоимости являются важной материальной гарантией существования семьи, тем не менее, представляется, что нельзя определять статус супругов в брачных отношениях в зависимости от уровня их материального благополучия, равно как недопустимо, чтобы имущественные отношения порождали межлические отношения. Помимо уточнения понимания существующих правовых предписаний и предотвращения конфликтов, в круг задач этого Разъяснения Верховного Народного Суда входит охрана имущества супругов, приобретенного до вступления в брак. Данное Разъяснение совсем не ставит своей специальной задачей гарантированность поступательного осуществления каких-либо ценностей (например, защиту интересов женщин). Более правильно говорить, что данного рода судебное разъяснение является примером того, что собственность и права двух субъектов гражданского права были гарантированы исходя из принципов равноправия и на одинаковых условиях, и, соответственно, некорректно говорить о том, что вопрос защиты прав женщин был проигнорирован.

Более того можно привести примеры того, что в настоящее время родители часто не желают, чтобы их дочь подвергалась хоть какой-либо дискриминации со стороны семьи будущего мужа и тратят свои собственные сбережения для того чтобы приобрести недвижимость для своей дочери. Таким образом, можно сказать, что анализируемое Разъяснение также защищает имущественные права женщин. Несмотря на то что, если исходить из наблюдения реалий современного китайского общества, количество данного рода примеров составляет относительно небольшой процент, но тем не менее подобные случаи демонстрируют, что Разъяснению последовательно присущи такие сущностные характеристики как равенство и многоаспектность.

Встречаются иные критические в отношении данного Разъяснения точки зрения. Например, указывается, что не имеющая собственных доходов домохозяйка не сможет подтвердить факт совместной выплаты по кредиту. Также существует точка зрения, что кредит не может считаться совместно выплаченным с точки зрения формальной логики в ситуации, если семья существовала за счет доходов жены, а кредит погашался за счет доходов мужа. Авторы не разделяют обе точки зрения. Одновременно считаем, что ошибочность второй указанной точки зрения еще более очевидна и является результатом не профессионального правосознания, а обыденного (простонародного) правосознания. Утверждаем это не для того чтобы оскорбить людей, а с целью показать насколько требования закона расходятся с воззрениями традиционными для китайского общества. Поскольку с точки зрения Закона КНР «О браке и семье» заработная плата, независимо от каких-либо иных обстоятельств, всегда относится к категории совместной собственности супругов, и соответственно не существует никакого «бремени сбора доказательств» для домохозяйки.

Причины того, что возникают подобные точки зрения, являются институциональными, в том смысле, что порождены дефектом правовых институтов. Также

очевидно, что если две стороны заключали бы соглашение об имуществе приобретенном до брака, то подобные споры не могли бы возникнуть. Соответственно имеется необходимость того, чтобы заключение вышеназванных соглашений стало своего рода тенденцией, а для этого в свою очередь необходима соответствующая институциональная поддержка.

Например, как было показано в предыдущем случае, если бы гражданин Чжан и гражданка Ли подписали бы соглашение об имуществе до заключения брака или во время брака заключили бы соглашение об имуществе супругов и осознали мудрость фраз «обсуждать денежные вопросы не означает отсутствие чувств» или «как раз ради чувств и обсуждается вопрос денег», то подобная личная трагедия не могла бы иметь место.

Обозначенные выше два типа соглашений, несмотря на что являются соглашениями, установленными Законом «О браке и семье», все равно не могут избавиться от своей имущественной сущности, их обязательная сила по отношению к сторонам соглашения (супругам) такая же, как и у остальных договоров. Но если же данного типа сделкам придать нотариальную форму, то степень обязательности данного рода сделок станет более высокой. А это приведет к тому, что обе стороны будут относиться к исполнению данного типа соглашений с больше серьезностью, что в принципе минимизирует возможность судебных разбирательств.

3. Превентивное значение нотариального удостоверения в отношении возникновения споров об имуществе между супругами.

Традиционным взглядом на институт брака в Китае является восприятие его как исключительно частного дела. Поэтому на подобной почве все предложения, которые касаются нотариального удостоверения в брачных отношениях, не имеют какой-либо прочной основы. Более того это своего рода социальное табу: даже в тех случаях если налицо существует явная необходимость прибегнуть к данной возможности, все равно она очень редко будет использована. Действительно, брак нуждается в любви для того чтобы продолжаться, но любовь не может решить все возникающие проблемы и вопросы, тем более те вопросы, которые должен решать разум. Необходимо на рациональном основании проводить комплексный анализ, чтобы предотвратить возможный спор. Собственно говоря, нотариальное удостоверение как раз и является воплощением рационального начала.

Первым делом необходимо отметить, что нотариальное удостоверение способно на корню пресечь «денежные браки». «Предпочитаю рыдать в БМВ, нежели чем смеяться на велосипеде», - эта фраза, брошенная в телеэфире одной китайской знаменитостью, и получившая свою долю критики среди пользователей интернета, тем не менее, отразила современное состояние института брака в КНР. Идеология поклонения золотому тельцу, браки ради денег, все это не только находится в противоречии с идеальным браком, сформированным тысячелетним опытом китайской цивилизации, но также явно не способствует строительству китайской социалистической духовной культуры и впоследствии может деформировать мировоззрение нового поколения.

Во-вторых, нотариальное удостоверение может иметь превентивный к возникновению конфликтов потенциал и уменьшить количество споров в судах.

В современном мире, где происходит постоянное увеличение объектов брачного имущества, экономические споры уже стали одним из главнейших типов разногласий между супругами. Обращения в суд стали повсеместными. Для того чтобы избежать ненужных споров, выбор нотариальной формы может четко прояснить все имущественные и обязательственные права сторон и уменьшить количество случаев обращения в суд.

Считаем верным прогноз о том, что нотариальная система эволюционирует от вспомогательной по отношению к системе органов осуществляющих правосудие в важный элемент помогающий избежать имущественные споры между супругами [3].

Что же касается того каким образом встроить нотариат в эту область, то по мнению авторов, во время регистрации брака должностное лицо министерства гражданских дел должно провести инструктирование лиц, намеривающихся вступить в брак, чтобы предоставить им возможность получить минимально необходимые знания о нотариальном удостоверении. Соответственно позже они могут самостоятельно выбрать прибегать или нет к нотариальному удостоверению.

Кроме этого, необходимо либо в Закон КНР «О браке и семье» внести соответствующие изменения, либо в судебных разъяснениях четко указать правовое место нотариального удостоверения. Это предложение выглядит очень актуальным исходя из потребностей практики.

В 2010 году «Шидай шанбао» провело исследование на тему нотариального удостоверение добрачного имущества супругов. Группа респондентов включала пятьдесят пар только вступивших в брак, пятьдесят уже находящихся в браке, семьдесят пар и сто двенадцать человек отобранных рандомным способом. 72% опрошенных засвидетельствовали поддержку нотариальной регистрации добрачного имущества, что, по их мнению, указывает на экономическую самостоятельность, 21% высказался против, поскольку постановка данной проблемы поставит под вопрос существование брака, 7% респондентов выказали безразличие к данному вопросу. Другими словами, около 80% людей спокойно восприняли идею нотариального удостоверения добрачного имущества.

Функция права состоит в упорядочении общественных отношений, в том числе погашать социальные конфликты с помощью установления адекватных процедур. Авторам видится, что указанный ими институциональный пробел в праве нуждается в исправлении, поскольку недопустимо пренебрежительное отношение к имущественным правам граждан, которые вследствие этого пробела не всегда находят необходимую защиту и охрану.

4. Заключение

Полагаем, что только посредством объективного анализа социальных предпосылок появления Разъяснения Верховного Народного Суда КНР 2011 года «О некоторых вопросах применения Закона КНР «О браке и семье» (3)» можно понять сущность институтов соглашения об имуществе супругов, приобретенном до заключения брака. Считаем также, что нотариальное удостоверение данного типа соглашений будет способствовать рационализации и стабильности такого важного изобретения человеческой цивилизации как брак.

ЛИТЕРАТУРА

1. Wàn, M. Shilùn yīfāng hūnqián ànjiēdàikuǎn、 hūnhòu gòngtóng háidàide fāngwū suǒyǒuquán guīshǔ / M. Wàn // Fǎzhì bólǎn. – 2013. – № 1.
2. Zhōu, Y. Xīnshídài hūnyīn zhōngde fūqī gòngtóng cáichǎn — xīn hūnyīnfǎ sīfǎ jiěshì sānxiǎn zhe biànhuà zhī wǒ jiàn / Y. Zhōu // Ānhuī jǐngguānzhí yèxuéyuàn xuébào. – 2011. – № 5. – P. 72 – 74.
3. Lǚ, Y. Hūnyīnfǎ xīn jiěshì zhōng guānyú fūqī fāngchǎn wèntíde lǐjiě / Y. Lǚ // Huázhāng. – 2012. – № 24.
4. Yuán, Y. Fūqī cáichǎn zhìdù pínxī / Y. Yuán // Fǎzhì yǔ shèhuì. – 2012. – № 21.

**БЕЛАРУСЬ – КИТАЙ:
ТОЧКИ СОПРИКОСНОВЕНИЯ**

ПРОБЛЕМА «СТИЛЯ» В КОНТЕКСТЕ ВОСТОЧНОЙ И ЗАПАДНОЙ КУЛЬТУР

В статье отражены различные способы интерпретации проблемы «стиля» в контексте разнообразия культур и эпох, а также ее места и роли в современном мире.

Ключевые слова: *стиль, ориентализм, шинуазри, ризомность, гибридность.*

The article outlines different ways of interpreting the problem "style" in the context of cultural and historical diversity, the place and role of this problem in the modern world.

Keywords: *style, orientalism, chinoiserie, rizomness, hybridity.*

Период великих географических открытий, связанный с восточными странами был основан на модели восприятия Востока как мифа или сказки, а затем приобрел статус географической и культурной реальности. Восток стал чуть ближе, но также замечательно экзотичен, странен, и интерес к нему в странах Восточной Европы стал еще одной из культурных мод. Фарфоровые статуэтки, текстиль, ширмы и веера, платья, китайские дворцы и сады – Запад довольно долго театрализовал восточный мир как воплощение роскоши. Но в современном мире таинственный и причудливый мир Востока, в его внешних формах, атрибутах и аксессуарах, заменен другими интересными свойствами. В восемнадцатом веке в Европу проникли не формы, а идеи Востока: религиозная, философская, художественная. Это был первый шаг на пути к уничтожению великого мифа о европоцентристском мире. И только во второй половине XX века в постмодернистской философии был четко указан приоритет множественности и полилога эквивалентных культур. Европейская культура перестала осознавать себя как центр ядра и осью, вокруг которой вращаются другие культурные миры. Культуры становятся «ризоматическими», следуя терминологии Ж. Делеза и Ф. Гваттари.

Европейцами влияние восточной культуры на Запад объясняется тягой к архаическим обществам; традиционным, мистическим мировоззрениям и духовности. Последнее было связано с догматическим образцом системы передачи знаний. Около второй половины 80-х годов прошлого века, особенно в плане отступления от марксистских догм историографии, мир вернулся к более полной и глубже осознанной роли этнической, расовой или культурной истории народов, каждой в отдельности и всех вместе. Тем не менее, влияние на европейскую культуру китайского и японского искусства в контексте культурологи, недостаточно исследованы. Несмотря на то, что в решении данной проблемы принимали участие такие исследователи как Р. Якобсон, А. Лосев, Р. Барт, М. Шапиро, говорить о концепции единого стиля, показывая образцы «восточного влияния», восточного заимствования невозможно.

Концепция стиля в природе свидетельствует о существовании концепции устойчивого дизайна в менталитете любого типа. Не только художественное творчество, но и все другие виды деятельности человека имеют особое желание создать выразительные и связанные с ними структуры. В самом общем виде стиль дает представление о единстве всех способов чувства, мышления, поведения, творчества, восприятия мировой культуры.

Понятие «Восток» появилось впервые в Европе еще в античную эпоху. Именно древние греки мысленно разделили человечество на «Запад» и «Восток», причем «Запад» ассоциировался с полисом, демократией, свободой личности, а «Восток» – с Персидской империей, жестоким подавлением человека, деспотизмом. Граница между Востоком и Западом была подвижна, менялось также осознание существа их противопоставления. В средние века оно осмыслялось как противостояние христианского (прежде всего католического) и нехристианского мира. Нередко к «Востоку» относили также Восточную Европу, ареал православия [1, с. 77.].

Большинство ученых считают, что цивилизация древних культур Востока – старейшая из известных цивилизаций. Во многом, рассуждая о культуре древних цивилизаций, мы оцениваем письменные источники, оставленные нам, прежде всего, шумерские. Но не менее важным, нежели поставка материалов из археологии, филологии, а также данных из других источников, является само исследование Восточной культуры в целом, и особенно древнего Востока. «В развитии культуры, часто пальмовая ветвь принадлежал шумерам. В шумерско-вавилонской культуре мы находим все характеристики черты старой восточной культуры в целом» [2, с. 310].

На Востоке не было никакого понимания культур, которые отличаются от европейской или вообще отличаются. Даже понятие «культура» на Западе и на Востоке несут разные смыслы. Европейское понимание культуры происходит от термина «взрачивание», изменения, продукта трансформации естественного в продукт человеческой природы. Греческое слово «Пайдейя» также означает «преобразование». Но китайское слово (символ) «вэнь», аналогичное понятию «культура», восходит к иероглифу-символу «красный»; «оформленный с мужчиной». Таким образом, основной смысл термина – украшение, цвет, элегантность. «Вэнь» противостоит «чжи» – чему-то равнодушному, эстетически грубому, нерафинированному, бездуховному [2, с. 525].

Так, если в целом культура Запада вмещает в себя и материальные, и духовные продукты человеческой деятельности, культура Востока включает только те продукты, которые делают мир и человека «украшенными», «сложными», внутренне «красиво» задрапированными, считается, что в восточном типе цивилизации преобладают традиции, а на западе – инновации.

Обратим внимание, что в традиционной повседневности Восточной культуры был и остается в значительной степени доминирующим ее религиозный и мифологический характер.

Европейский Прогресс науки и техники, появление «человека эпохи Возрождения», возможность великих географических открытий пятнадцатого-шестнадцатого веков, инициирующих колониальную экспансию, все это случилось довольно

поздно. Первые иберийской страны – Португалия, Испания, за ней следуют Нидерланды, Англия, Франция, – время контактов между Европой, с одной стороны, и с Северной Африкой, Азией – с другой стороны. Период социально-экономического развития в Европе, XVI–XVII вв., органически связаны с разложением феодализма, именно в этот период вводится, активно пропагандируется вроде бы новое, а на самом деле хорошо забытое понятие с семантическим содержанием «Восток». Разница цивилизаций более четко осознается как противостояние развития и отсталости.

Время встречи европейской цивилизации с Китаем весьма позднее и удивителен миф о «культурной отсталости» Востока, особенно Китая, очень богатой страны еще с древности. До пятнадцатого века, до развития культуры в Европе, там был свой прогресс и свой «ренессанс». Например, порох был изобретен в Китае в девятом в. до н.э., механические часы – в восьмом до н.э. (то есть, на шесть веков раньше, чем в Европе). Бумага была изобретена в 105 году нашей эры (это около 1000 лет до ее использования в Европе), таблицы для печати текста – в IX-м веке, (т.е., на 600 лет раньше, чем в Европе). Еще в Древнем Китае, приблизительно в 600-х годах впервые была использована примитивная, по сегодняшним представлениям, печатная форма из дерева, с помощью которой на ткань или бумагу наносили текст и рисунок. Такая типография или, если точнее, ксилография, конечно же, имеет очень малое сходство с современными сверхмощными и сложнейшими аппаратами, но на тот момент это стало настоящим изобретением и прорывом в печатном деле.

Примерно в то же время в Китае была отпечатана одна из первых книг, которая сохранилась до сих пор. Это священное буддийское писание, изготовленное по методу ксилографии. Еще несколько буддийских текстов были найдены при раскопках в различных корейских и китайских провинциях и хранятся в музеях Японии. Европа впервые тоже стала использовать печатные станки для нанесения изображений на ткани, но значительно позже Китая, где-то в начале 1300-х годов. В основном это были различные наряды священнослужителей и тематики преобладали религиозные. Позже, когда широкое распространение получила бумага, на ней стали печатать тексты и изображения святых. Начиная с 1500-х годов, такая полиграфия стала завоевывать все больше популярности. Первый фарфоровый завод в Китае был еще в 1369. Производство фарфора осуществлялось на основе высокой степени разделения труда. Китай – родина шелка, компаса. Китайцы изобрели руль, гвозди, системы каналов, арочных сводов, когда Европа этого еще не знала.

В средние века «стиль» был главным принципом разделения мира художественного процесса. Он есть принцип первых исследованных стилистически разработанных алгоритмов, найденных в восемнадцатом веке. Таким образом, концепция универсального художественного процесса И. Винкельмана появилась в виде чередующихся «правильных» и «неправильных» стилей. Кроме того, как отмечалось Винкельманом, истинный принцип стиля: стилистическое часто движется в направлении развития отрицания, одна эпоха художественно выступает как отказ от другой. В основании стилей лежат: верность пропорций, благородная простота, спокойное величие и плавная гармоничность контуров. Там, где счастливо совпа-

дают милость небес, благотворное воздействие политической свободы и национального характера, например, у греков времен Фидия и Праксителя, там и есть истинный стиль. Искусство и культура других народов позволяют только ярче блеснуть этой истине [4, с. 38].

Понятие «стиль», можно сказать, что это – набор приемов, способов интерпретации мира, которому присущ традиционализм в мировоззрении, неразделенность окружающей природы, мифологии и религии.

Первое, что мы должны осознавать, китайская культура является одной из старейших. Пять тысяч лет, начиная с самых ранних периодов младенчества до новых смыслов, новых форм, видов и жанров искусства и литературы, многие из которых в конечном итоге сошли со сцены или изменены до неузнаваемости, открыв путь для развития нового явления. Отличительной особенностью китайской культуры является то, что ни один смысл, ни один стиливый прием из значимых образцов ее культурной жизни не остались незамеченными. Все они, полностью измененные или модифицированные в любую другую форму, как цепь сложных компонентов, сплелись в нечто единое, навечно спаянное.

Период развития феодализма в Китае, в зените всех областей китайской культуры, это период средневековья. VII–XIII век – время правления двух династий: Тан (618–907) и Сун (960–1279), время утверждения высших достижений искусства, поэзии и живописи. Периоды Тан и Сун были блестящими этапами культуры процветания. Картина является исторической датой апогея китайского искусства. Это понимается во всем мире, с его идеологическими представлениями о прекрасном, китайская живопись как гимн чести и величия природы. Для китайской культуры несвойственен жанр портрета, китайские художники не пытались прописать подробности внешних черт человека, а пытались отразить его дух. Китайская картина – взаимосвязь изобразительности, наглядности и поэзии. Для китайской живописи не редкость, что ландшафт, зрелищность экспозиции дополняются иероглифической надписью, объясняющей суть картины.

Китайская живопись неоднозначна. Поэты и художники во время правления различных династий, когда страну разоряли жестокие правители, писали стихи и картины, в которых традиционные темы и формы положено было скрывать, используя подтексты. Аллегория, графический символ и поэтическое толкование мира с незапамятных времен, – во плоти и крови китайской действительности. Мост через озеро, пещера в скалах, беседка в парке, – не просто пейзажи, а аллегорические метафоры повествования повседневности.

Китайский пейзаж всегда фантастический. Художники никогда не смотрят на самом деле, суммируя замечания, впечатления о природе в целом. Часто присутствует изображение гор и вод: место древней традиции, связанной с религиозным и философским пониманием природы, в которой взаимодействие этих двух сил – активный «ян» и пассивный «инь». Рядом с небом и горами (активная сила) – мягкая и глубокая вода (женский пассивный элемент). В старину, когда эти идеи родились, горы и воды воспринимались в качестве обожествленных правителей человеческой жизни. Вода давала урожайность данной культуре или приводила к ужасным наводнениям, от воды зависело счастье или печаль людей. Окутаны тайной,

туманом и вечные горы, являющиеся местом нисшествия света, солнца. Их вершины коснутся неба. Пиршество красок и форм, тонкие модуляции тона – все говорит об интенсивности сокровенной, глубинной жизни, открывающейся в осиянности бодрствующего духа.

В китайской архитектуре было больше правил и давних традиций, чем в живописи. Основные из них создают особый, в отличие от других стран, торжественный, но весьма декоративный стиль, который отражает философию веселого, хитрого духа, характеризующего доминантно специфичность всего искусства Китая. Китайский архитектор был как поэт и мыслитель, отличающийся глубоким чувством возвышенного характера, умением ощутить пейзажность в камне.

Литературная и художественная стилистика китайского искусства органично связаны. Поэзия отличается лиризмом, стихотворения по форме лаконичны, постоянны в темах. Живописность китайской поэзии и поэзия живописи – неразрывный синтез, они выросли на почвах, образовавшихся в древних даосских учениях.

Мы открыли Китай для себя по-настоящему относительно недавно, это было только в конце девятнадцатого века. Но в течение долгого времени истинное лицо великой китайской культуры, вызывая чувство глубокого уважения, оставалось не восполненным. Старые китайские мастера в течение многих веков были недоступным для восприятия Западом, в то время как в самом Китае тщательно поддерживались эти ценности, ценности, которые создавались с помощью тяжелой работы своих людей.

Восток оказал огромное влияние на моду и искусство восемнадцатого века и модерна, контрастность европейской моды органично укоренена в цивилизованности древних культурных традиций. Ван Гог, например, в восточной графике искал методы хранения и передачи дополнительной выразительными средствами живописи. Он писал, что пытается посмотреть на мир «глазами Востока» и понять, как «чувствовать». Ему был нужен восточный глаз, смотрящий на мир, чтобы осознать, как все есть на самом деле, чтобы уйти от односторонности, эгоцентричности своего видения. Смотреть «глазами всего», глазами мира, найти способ преодолеть отчуждение и экзотичность культурной позиции, стараясь сделать окружающий мир немного чужим, но понятным, наглядным. Позже, в первой половине XX века, один из теоретиков европейского театра А. Арто, попытался создать язык тотема и жеста, обращенный ко всем пяти чувствам. Он предложил театр, полностью подчиненный диктатуре речи и текста, реализации только очевидного смысла. Арто были важны недоартикулированность, обновление языка театра за счет девербализированной эмоциональности напряжения, недосказанности мимики, жеста, пустого пространства, которые характерны для восточного театра и отражают восточный менталитет. Как более широкое распространение культуры Китая, в XX веке становится характерным отказ от оппозиции научно / ненаучно, реальное / вымышленное, рациональное / иррациональное / интуитивное. Здесь ощутим даже не принцип дополненности, неопределенности, а давление восточного мистицизма. И в конце XX века некоторые критики говорят о создании литературы, для которой нет границы между Востоком и Западом, как обе большие культуры больше не экзотичны для писателей, они естественны и симбиотичны, гибричны (Г. Чхартишвили).

О влиянии Востока на русское искусство простому обывателю известно очень мало. Эта тема не очень хорошо изучается в школах. Однако в российском декоративном искусстве четко прослеживается влияние восточных образцов (например, таких, как «восточная арабеска»). Не были редкостью в аристократической жизни и восточные украшения из метала, они часто упоминаются в завещаниях (одежда, дорогие металлические ремни, оружие, посуда).

Известно создание мастерами произведений смешанного, «гибридного» характера. Возможно, к ним относится такое церковное нововведение конца XIV в., как серебряные панагии. Это довольно большие (обычно 10–15 см в диаметре) круглые сосуды-медальоны. Орнамент панагий конца XIV–XV вв. отчетливо ориентален. Словом, «ориентализм» в Западной Европе обозначали идеологию, общественное движение и ряд общественных организаций, защищавших азиатские языки и культурные ценности от натиска утилитаризма, евангелизма и английского языка [5, с. 55]. Периметр «панагии Никона» украшен поясом раскрывшихся цветов на взаимно пересекающихся стеблях.

Это широко распространенный в арабской орнаментике символический мотив «вечного повторения», постоянного чередования смерти и возрождения. Он использован в круге памятников, связанных с Никоном, еще раз – в резьбе собора Троицкого монастыря. Гравированный узор центра панагии имеет близкие аналогии в Западной Персии. Важно, что эти орнаменты не были традиционны для русского искусства до конца XIV в. Ранние их образцы не всегда имеют столь явно ориентальную орнаментику. Часто это гравированный вариант виноградной лозы или скань спирального рисунка. Зато позже спирально-растительные сплетения будут устойчиво повторяться. Они войдут в орнаментальное искусство XVI–XVII вв. и придадут ему явный ориентальный привкус.

Конец четырнадцатого – первая половина пятнадцатого веков, а также шестнадцатый и семнадцатый века – период активного использования восточных мотивов. Российские мастера смело изменяли «восточные продукты», создавая гибриды. Соответственно изменение и формы аккультурации. Если в начале пятнадцатого века речь может идти о попытке разработки вариантов культурных образцов на российской почве близких к исламским орнаментам, в шестнадцатом веке уже полностью сформирован свой собственный Московский стиль более широкого декоративного использования восточных проектов, декоративные возможности сознательно расширяются, становятся более восточными, чем ремесленный стиль Западной и Центральной Европы.

Таким образом, влияние Востока на «стиль» русского искусства на протяжении веков очевиден. Тем не менее, границы и степень этого влияния, особенно со стороны Китая, до сих пор до конца не изучены, и есть большой интерес у исследователей, как в историографии, искусствоведении, так и культурологии.

Европа также не избежала восточных влияний. В семнадцатом и восемнадцатом веках начался настоящий бум на использование мотивов и стилистических приемов китайского искусства. Все поле декоративно-прикладного и изобразительного искусства, испытывающее подобное влияние, называется шинуазри (французский *Chinoiserie*). Шинуазри также постепенно стал стилевым направлением, полу-

чившем своё развитие как ветвь стиля рококо, своеобразного европейско-китайского экзотизма. Для шинуазри характерно использование китайских мотивов искусства, техники китайской живописи, специфики китайской ландшафтной среды, имитации китайского лака.

В романтическую эпоху, конец XVIII–XIX века и вторую половину девятнадцатого века, модны были дворцы в стиле «поднебесной». Подобным образом были украшены интерьеры, парки, павильоны и беседки. В XVII веке в Европе появились специальные комнаты – кабинеты для хранения произведений «китайского» искусства. Оформленные в «китайском вкусе», они оказались необходимой принадлежностью европейских дворцов и домов. В России безусловный интерес с точки зрения рассматриваемой темы представляют интерьеры Екатерининского дворца в Царском Селе, Дворца Петра III в Ораниенбауме, Большого дворца в Петергофе, в которых имеются Китайские кабинеты или комнаты, оформленные в китайском стиле [6, с. 214].

В восемнадцатом веке увлечение китайским стилем французского двора привело к его распространению по всей Европе. В России увлечение китайским стилем воплотилось в создании Китайского Дворца в Ораниенбауме. Китайский дворец создавался в 1762–1768 годах под руководством архитектора Антонио Ринальди. В 1762 году британский архитектор Уильям Чэмберс возвёл ради развлечения публики грациозную 50-метровую Большую пагоду в Королевском ботаническом саду близ Лондона. В Англии существовала мода на соломенные шляпы, похожие на конусообразный китайский головной убор. В употребление вошли также неудобные крохотные туфельки – мюли, имитирующие китайскую обувь [7, с. 111].

Ярчайшим воплощением стиля шинуазри в драматургии являются пьесы: Карло Гоцци «Турандот» и Вольтера – «Китайский сирота». В начале XVIII века на европейские языки переводится древнейший китайский трактат – «Книга Перемен».

Ширмы в качестве экспортных товаров были вывезены из Китая в Европу в XVII–XVIII вв. В 1902 году вышел перевод с немецкого языка статьи А. Брюнинга, в котором подробно рассказывалось о появлении восточного искусства в Европе. И здесь вместо термина «шинуазри» автор использовал формулировку «псевдо-китайский вкус», либо «комната, убранная в китайском вкусе».

Интерес к понятию «китайщина» появился только в начале XX века. Впервые свое внимание к «шинуазри» как художественному явлению обратил А.Н. Бенуа. В «Художественных сокровищах России» в 1901 году вышли две статьи «Китайский дворец в Ораниенбауме» А.И. Успенского и А.Н. Бенуа.

«Шинуазри наоборот» – это явление началось с приходом португальских торговцев в Гуанчжоу в 1517 году. Исторический фон сложившейся моды на Китай и китайское искусство тесно связаны с деятельностью Голландской Ост-Индской компании. Многие китайские изделия из фарфора с расписной эмалью специально изготавливались для экспорта в Европу. Тем не менее, техника росписи по китайской эмали заимствована из Франции, лиможские мастерские в семнадцатом и восемнадцатом веках были одним из «мостов», соединяющих европейское и китайское национальное искусство.

Европейские поэты-символисты обратили внимание на искусство Дальнего Востока в целом. Они увидели способность китайской живописи «зачаровывать предметы», уйти от реальности в «мечты реальности». Качество китайской живописи, китайской поэзии, художественной ответственности китайских мастеров серьезно повлияло на символизм европейской, а также русской романтической традиции «серебряного века».

Природа изображения объекта китайцами, даже не пейзаж в европейском смысле этого слова, а тонко измененное состояние природы (импрессионизм), опыт живого восприятия, вот что так будоражило европейцев. Классическое искусство Китая стало подлинным воплощением бодрствующего, вечно деятельного духа, растекающегося по необъятному телу жизни и наполняющего каждую его клеточку. В конце концов, это искусство стало даже более точным и глубоким свидетельством духовного опыта, чем официальные религии. Но в картине настоящего мастера, по китайским представлениям, обязательно должен быть секрет. Не потому, что живописец должен намеренно что-то скрывать от зрителя. Просто его произведение требует не любования внешними предметами, а усилия внутреннего прозрения. Как говорили в Китае, подлинная картина (или, если угодно, подлинное в картине) – вне картины [8, с. 215].

Безусловно, влияние шинуазри, «китайщины» вышеперечисленным не исчерпывается. Их черты нашли свое отражение в организации парков, современного дизайна интерьеров, дизайна мебели: все жанры современного искусства захвачены сегодня этим особым китайским видением мирового пространства. Экзотический мир китайского Востока стала неотъемлемой частью европейского эстетического вкуса.

Подводя итоги стилового воздействия китайской культуры на мировую, надлежит отметить следующее.

Во-первых, основой западной культуры является логоцентричное письмо, алфавит: набор знаков-букв, которые отражают звуки. Для восточной культуры важно сохранение значения. Иероглифика есть неотъемлемая часть ветвления самой восточной культуры, построение слова происходит путем постижения смысла по виду визуального образа, знаки служат для записи лексического значения речевых единиц. Здесь символ, метафора даются графически и характеризуются формой идентичности иероглифического символа.

Во-вторых, в западной культуре язык играет роль СМИ, транслятора перевода значений. В восточной культуре язык – не просто передача информации, символов, он дает вам ощущение и понимание себя как такового. Китайских иероглифистов интересовали даже не столько созерцаемые «объекты» и не субъект, их созерцающий, сколько сам процесс выявления пространства, напоминающий развертывание живописного свитка, это «мысль» о вещах, сводящая воедино форму и содержание.

В-третьих, западная культура, наука стремятся трансформировать природу. «Опыт» – метод современной науки, слово образовывалось от понятия «пытка». Человек пробует, ищет раскрытия через насилие. В восточной культуре, науке человек и природа тождественны. Для культуры Востока «понять» – привыкнуть к

этому миру. Таким образом культурный мир становился как можно ближе к естественному. Пример – «Сады камней». Они характеризуются полным единением с природой, а также и искусство составления букетов, икебана.

В-четвертых, западная культура характеризуется антропоцентризмом, Восток – природоцентризмом. Человек и природа рассматриваются не как противостоящие друг другу субъект и объект, а как «целостная структура», в которой тело и дух, соматическое и психическое находятся в гармоническом единстве. Согласно Конфуцию, человек обязан постоянно углублять свои познания о природе, знать не только повадки зверей и птиц, но и закономерности роста деревьев и трав.

В-пятых, универсальная этицированность, т.е., не просто превалирование этической проблематики, но и последовательное рассмотрение всех основных философских тем с точки зрения морали, стремление к созданию целостного мировоззрения в виде своеобразной «моральной метафизики».

Какова бы ни была ступень человеческого прогресса, один только идеал любви поможет прокладывать свой путь в океане жизни. Именно потеря универсального естественного идеала красоты, гармонии приводит сегодня мир к катастрофам в жизни людей и всего человечества вообще. Причина паралича современного прогресса – не что иное, как потеря любви, сострадания, великодушия. Пришло время, когда у человека нет трепета к традиции, стилистике предков, но он не создал и своей традиции, своего стиля. Человек, особенно современный должен знать, что существует некий идеал, что к этому идеалу, сознательно или бессознательно стремится все человечество. Он должен ощущать, что он ответственен за все, что делает, не только перед своими ближними, но и перед кем-то высшим, и что смерть – это только мост, по которому душа переходит из одной сферы в другую. Духовный идеал – естественная склонность каждой души, и нужно только этот идеал искать.

Добро, любовь, красота – вне ценностей, вне всяких концепций, это живой опыт. Когда мы здесь, теперь, сейчас, с нами «бытийствует» священное. Но наш ум никогда не находится в настоящем мгновении, мы постоянно колеблемся, мечемся, ищем моды и стили. Настоящий момент настолько глубок, широк, что мы его и не чувствуем. Но именно тот момент, который приводит наш ум в настоящее, в созерцание живого опыта присутствия того или иного стиля той или иной культуры есть подлинное знание, именно там и прибывает божественное.

ЛИТЕРАТУРА

1. Роулэнд, Б. Искусство Запада и Востока / Б. Роулэнд. – М. : Изд-во иностранной литературы, 1958. – 143 с.
2. Дугин, А. Философия традиционализма / А. Дугин. – М. : Арктогея-Центр, 2002. – 624 с.
3. Духовная культура Китая : энциклопедия : в 5 т. / гл. ред. М.Л. Титаренко ; Ин-т Дальнего Востока. – М. : Вост. лит., 2006. – Т. 1 : Философия. – 727 с.
4. Лосев, А.Ф. Проблема художественного стиля / А.Ф. Лосев ; сост. и автор предисл. А.А. Тахо-Годи. – Киев : КОЛЛЕГИУМ, 1994. – 277 с.

5. Макиннес, Н. «Ориентализм»: эволюция понятия / Н. Макиннес // Интеллектуальный форум. – 2002. – № 9. – С. 40-62.
6. Забелин, Е.М. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетии / Е.М. Забелин. – Т. 1. – М. : АСТ, 1990. – 626 с.
7. Мудрость китайского быта: Успех. Здоровье. Радость / сост., пер., вступ. ст. и коммент. В.В. Малявина. – М. : АСТ, 2003. – 464 с.
8. Ломанов, А.В. Христианство и китайская культура / А.В. Ломанов. – М. : Вост. лит., 2002. – 446 с.

*Гурко А. Викт.
(Минск, Республика Беларусь)*

О ЗАКОНОМЕРНОСТЯХ РАСПРОСТРАНЕНИЯ В БЕЛАРУСИ КИТАЙСКИХ ПСИХОФИЗИЧЕСКИХ И ДУХОВНЫХ ПРАКТИК В 1980-Х –2014 ГГ.¹

В статье рассматриваются основные этапы и закономерности распространения в Беларуси китайских психофизических и духовных практик. Представлен ряд направлений, развивающихся в республике, а также центры, организаторы, информационные ресурсы способствующие популяризации этих систем.

The article discusses basic steps and patterns of distribution in Belarus Chinese psychophysical and spiritual practices. A number of directions, developing in the Republic, as well as the centres organizers, information resources, promoting development of these systems.

Вследствие возросшей интенсивности миграций, развития коммуникационных технологий началось интенсивное взаимодействие различных этнокультурных традиций, в частности, европейских и китайских. С 1980-х годов на территории Беларуси стало появляться все больше элементов китайской традиции, что является следствием межкультурного диалога и распространения китайской культуры. Распространение получили китайская гимнастика, боевые искусства, традиционная китайская медицина, мантические практики и развитие теорий стратегического планирования с использованием «Книги перемен», китайский календарь и астрология, искусство композиции фэншуй, чайная церемония и др. практики, связанные с китайскими этнокультурными традициями.

Целью данной работы является определение основных закономерностей распространения в Беларуси китайских психофизических и духовных практик в 1980-х–2014 гг. Задачи: установить основные направления китайских психофизических

¹ Данная публикация является результатом научно-исследовательской работы по проекту БРФФИ-РА Г14РА-010 «Китайские традиции в современной культуре Беларуси и Румынии: влияния и заимствования».

и духовных практик, существующие в Беларуси в настоящее время, определить этапы и динамику их распространения.

Данная проблема является практически неисследованной и рассматривается впервые. Для ее рассмотрения использованы следующие группы источников. 1. Научная литература о китайской духовной и физической культуре [1, 2, 3, 4, 11]. 2. Научно-популярные издания [5, 6, 7]. Религиозные издания [12]. 3. Материалы Интернета [8, 9, 10, 14, 15, 16, 17, 18, 19]. Используются также полевые материалы автора.

Ушу – это общее название для всех боевых искусств, существующих в Китае. Другие названия – Кунфу, или Гунфу (на официальном китайском) – буквально «работа над собой/тренировка», также означает результат упорных тренировок, в Гонконге применяется для обозначения ушу. Название «кунфу» пришло через вторичный перевод американских переводов гонконгских боевиков. Гошу – буквально «искусство страны/национальное искусство», в настоящее время употребляется на Тайване. Цюаньфа (буквально «кулачные методы») или Цюаньшу (буквально «кулачное искусство») – один из разделов ушу, иногда это слово используется как синоним всего ушу.

Ушу насчитывает сотни стилей. Существуют различные подходы к их классификации. В частности, существует современный подход деления всех направлений на спортивные, соответствующие общим классификационным, соревновательным, квалификационным требованиям и традиционные, развивающиеся в рамках определённых традиций и школ.

Распространение в Беларуси ушу, начавшееся в 1980-х гг, сопровождалось пробуждением интереса и к китайской традиционной культуре. Официальный запрет на занятия каратэ в начале 1980-х годов способствовал тому, что поклонники этого японского боевого искусства переключили свое внимание на китайское ушу. Поскольку ряд стилей китайских боевых систем по своим внешним формам отличался от агрессивных форм каратэ (а также получивших известность в то время муай-тай и кикбоксинга), группы были немногочисленными, а сами практики требовали значительных усилий для освоения, при этом преследований в отношении белорусских ушуистов не отмечалось.

Следует отметить, что запрет на занятия каратэ в СССР был вызван не только случаями использования боевых искусств в преступных целях, но и стремлением прекратить распространение дзен-буддизма, медитативные техники которого содержались практически во всех англоязычных книгах по каратэ, распространявшихся полулегально среди советских поклонников этого вида.

Ушу, развивавшееся в социалистическом Китае, в отличие от каратэ, не рассматривалось в качестве транслятора религиозных традиций. В то же время отдельные психологические и оздоровительные аспекты традиционных ушу и цигун, являющиеся принадлежностью религиозных школ, исследовались в научных учреждениях СССР. И это не противоречило марксистско-ленинской философии, утверждающей, что настоящим коммунистом можно стать, лишь обогатив себя всеми знаниями, которые выработало человечество. Так, в русле проводившихся исследований в АН СССР в 1980–1990 гг. были выполнены исследования психологических аспектов буддизма, даосизма, связанных в том числе с ушу и цигун [1, 2,

3, 4, 11]. Еще ранее были опубликованы работы профессора Красносельского, популяризовавшие гимнастику тайцзи [7]. В 1972 году в серии «Философское наследие» был опубликован подготовленный институтом философии АН СССР двухтомник, содержащий памятники даосской литературы, основополагающие для понимания китайских психофизических и духовных практик.

Указанные работы, опубликовавшиеся в СССР и бывшие доступными для широкого читателя, впоследствии стали первыми источниками для белорусских любителей ушу и цигун, искавших в этих искусствах не только боевые и оздоровительные техники, но и пути духовной реализации. Поэтому неудивительно, что первые советские стажеры, прибывшие в Пекинскую академию ушу, по рассказам очевидцев, удивляли китайских специалистов глубокими знаниями китайских религиозных традиций и философских основ ушу. Для преподавателей академии, воспитанных в светском духе, эти знания представлялись достаточно эксклюзивными.

С середины 1980-х годов вследствие развития отношений СССР и КНР в Москву, Ленинград, Минск прибывали филологи-стажеры из КНР. Некоторые из них, по просьбам любителей восточных гимнастических систем преподавали тайцзицюань. В частности, в Минске стажер из Пекина переводчик У Сюшань в 1985–1986 гг. обучил 4–5 энтузиастов традиционной форме тайцзицюань стиля Ян.

В 1989 году в Минск по частному приглашению группы энтузиастов приехал преподаватель ушу из Шанхая. Это был Ян Мин, представлявший китайскую ассоциацию ушу «Янцзы цзян». В течение девяти месяцев Ян Мин обучал последователей традиционному уданскому направлению тайцзицюань и багуачжан. Он подготовил известного минского инструктора Александра Колубовича, который в свою очередь передал полученные знания другим белорусским последователям [8].

В конце 1980-х годов Госкомспорт СССР направил на обучение в Пекинскую академию ушу группу специалистов, которые по возвращении стали у истоков организации отдела ушу и цигун Центра нетрадиционных методов оздоровления Госкомспорта СССР. За три года в структуре Центра нетрадиционных методов оздоровления отдел ушу и цигун организовал и провел несколько десятков семинаров в Крыму, на Кавказе, в Киргизии, Подмосковье. На многих семинарах присутствовали мастера из Китая. В 1990 году, с участием Центра, состоялся Первый всесоюзный семинар-практикум по «внутренним» стилям ушу, которые проходили в Дагестанской АССР. Затем семинары приобрели регулярный характер. Практически из всех республик бывшего Союза, в том числе и из Беларуси (из Минска, Бреста, Орши, Лиды, Гродно и др. белорусских городов) приезжали постигать тайны традиционных китайских школ психофизического развития люди разных профессий и возрастов. Всего прошло обучение на семинарах более чем четыре тысячи человек. В их числе – десятки последователей из Беларуси. Среди изучаемых дисциплин – тайцзицюань спортивного и традиционного направлений (стили Ян, У, Чэнь), багуачжан (Лян и Чэн), синьцюань, тунбэйцюань, спортивные формы чаньцюань и наньцюань, а также несколько направлений цигун [5].

С распадом СССР и исчезновением Госкомспорта СССР, в 1992 году усилиями специалистов Центра нетрадиционных методов оздоровления в Москве был создан самостоятельный Центр изучения традиционного ушу и цигун «С а н ь х э»,

который продолжил проведение семинаров.

В 1994 году в Беларуси появились последователи Международной федерации Шаолинских боевых искусств, которую создал известный российский популяризатор ушу, доктор исторических наук Алексей Александрович Маслов. Являясь монахом в миру Шаолинского монастыря, для получения и дальнейшей передачи духовной традиции, А.А. Маслов постоянно поддерживает связи с Шаолинем. В качестве белорусского представителя федерации выступил А. Колубович, оставшийся к тому времени без учителя (Ян Мин уехал в Китай, где впоследствии умер). Колубович изучил у А.А. Маслова традиционный стиль синьциуань.

В 2006 г. шаолинский монах Ши Дэцзянь, который курирует российское отделение Международной федерации Шаолинских боевых искусств, в Москве посвятил белорусского последователя А. Колубовича в традицию школы. При посвящении он получил имя Синкэ. Син – стандартное имя 32-го поколения шаолинских учеников (что-то вроде фамилии). Дословно оно обозначает «действие» или «следовать». «Кэ» – личное имя. Оно значит «урок», «занятие». То есть, в целом имя указывает на способность овладевать знаниями [8].

Для развития традиционных направлений ушу в Беларуси вторая половина 1990-х – начало 2000-х годов ознаменовано увеличением интенсивности контактов с носителями традиции. Белорусские энтузиасты посещали многочисленные семинары мастеров ушу не только в России, Украине, Польше, но и непосредственно в Китае. Так, при поддержке посольства КНР инструкторы Белорусской государственной академии физической культуры (БГАФК) Б. Лошаков и Е. Скорняков прошли подготовку в Хэнаньском университете, Пекинском университете физической культуры, где освоили методику преподавания ушу, установили контакты с мастерами. По итогам их стажировок, в начале 2000-х гг. Минск неоднократно посещал с целью консультирования и проведения семинаров по тайцзицюань китайский эксперт, создатель нового стиля тайцзицюань Жуи – Сяо Вэйцзя (Виктор Сяо). В 2010-х годах Сяо Вэйцзя регулярно организывает семинары, в том числе и для белорусских последователей, в России и в Китае. В апреле 2011 года группа из 26 учеников из России, Беларуси и Молдавии приехала в Китай на очередной семинар Виктора Сяо, где для них была организована торжественная традиционная китайская церемония по приёму в личные ученики Виктора Сяо, так называемая «байши» [10]. В настоящее время школа тайцзицюань Виктора Сяо представлена в Минске, Могилёве, Бресте.

В 2012–2013 годах семинары по багуачжан в Минске проводил всемирно известный мастер Ди Гоюн. До этого его семинары в странах СНГ и в Китае уже посетили энтузиасты из Беларуси.

Развитие спортивного направления ушу в Беларуси связано с деятельностью общественного объединения «Белорусская федерация ушу» (БФУ). Это объединение было образовано в 1988 г., как «Белорусская федерация ушу и вьетнамских национальных видов единоборств». В 1995 г. силами инструкторов Академии физической культуры, прошедших обучение в Китае, была образована «Белорусская республиканская федерация ушу» (с 1998 г. «Белорусская федерация ушу»). Перерегистрирована в Министерстве Юстиции Республики Беларусь в 2003 г. Признана Национальным Олимпийским комитетом РБ 28.11.1996 г. Член международной

(IWUF) и Европейской (EWUF) федераций ушу с 1997 г. Среди целей и задач федерации – развитие ушу на территории Республики Беларусь, проведение соревнований внутри страны, участие в официальных международных соревнованиях и других мероприятиях, проведение оздоровительных занятий посредством различных методик ушу [9]. Чемпионаты и первенства по ушу федерация регулярно проводит совместно с Посольством Китайской Народной Республики в Беларуси. В 2001 году благодаря поддержке Посольства Китая в Беларуси в БГАФК был открыт центр китайской культуры «Евро-Азия». На церемонии открытия присутствовала Чрезвычайный и Полномочный Посол КНР в Беларуси госпожа У Сяоцю.

Определенные результаты деятельности федерации отразились на выступлениях белорусских спортсменов на международной арене. Так, на прошедшем в Москве в 2004 году 10 чемпионате Европы сборная Республики Беларусь заняла 8-е место в неофициальном общекомандном зачете из 27 стран-участниц и 2-е место в зачете раздела Саньшоу (свободный поединок). На прошедшем в г. Санкт-Петербурге с 30 апреля по 2 мая 2005 года X Международном фестивале боевых искусств сборная Белорусской федерации ушу в составе 14 спортсменов завоевала 12 золотых, 3 серебряных, 6 бронзовых медалей. На прошедшем в г. Катания, Италия, с 4 по 6 ноября 2005 года 2-м молодежном чемпионате Европы по ушу, 7 спортсменов молодежной сборной Республики Беларусь завоевали 2 серебряные и 5 бронзовых медалей. На прошедшем в Варшаве с 4-го по 7-е октября 2007 г. 3-м молодежном чемпионате Европы по ушу удачно выступила молодежная сборная Республики Беларусь, взяв 10 медалей [9].

В целом, оценивая количество занимающихся ушу в Беларуси, можно говорить о нескольких тысячах человек. Помимо ушу распространение в Беларуси получили различные направления цигун. Цигун – это обобщающее современное название китайских практик саморегуляции человека. Буквально переводится как «работа с энергией». При этом Ци понимается как жизненная энергия, которая рассматривается в качестве основы существования человеческого организма. Истоки цигун восходят к различным древним китайским системам саморегуляции; в настоящее время существует множество современных систем цигун. В основе методологии цигун лежит китайская натурфилософия и базовые принципы традиционной китайской медицины. Обычно направления цигун классифицируют следующим образом: медицинский цигун (используется для профилактических и лечебных целей), воинский, или боевой (для повышения возможностей занимающихся боевыми искусствами), религиозный (как путь духовной реализации).

Более, или менее систематизированную информацию о цигун жители Беларуси получали в 1991–2004 гг. благодаря издававшемуся в этот период российско-китайскому журналу «Цигун и спорт» (переименованному позже в «Цигун и жизнь»). Также в этот период белорусские энтузиасты проходили подготовку по цигун на семинарах, организованных Центром нетрадиционных методов оздоровления Госкомспорт СССР, преобразованным в дальнейшем в Центр изучения традиционного ушу и цигун «С а н ь х э». В рамках семинаров последователи цигун из Беларуси изучали такие направления, как Инь-Ян цигуны, Лаоцзытайшанчжэньгун, тайцзицигуны разных направлений, цигун-ходьбу, различные даоини, цигун

для зрения, цигун для нормализации веса и т.д. Известно, что сертификаты, разрешающие преподавание цигун в Центре нетрадиционных методов оздоровления и Центре изучения традиционного ушу и цигун «С а н ь х э» после сдачи соответствующих экзаменов выдавались только людям, имеющим медицинское образование. Помимо указанных выше семинаров энтузиасты посещали и другие семинары за пределами республики.

Наиболее организованным и распространенным видом цигун в Беларуси в настоящее время является Чжун Юань Цигун, который преподается в странах СНГ с 1991 года. Распространение Чжун Юань Цигун на постсоветском пространстве связано с именем мастера Сюй Минтана, который является президентом ассоциации Чжун Юань Цигун, профессором Пекинского института исследований особых способностей человека при АН Китая, членом Всемирного академического общества медицинского цигун, заместителем генерального секретаря Шэньчжэньского центра цивилизаций Востока. В 1991 году Сюй Минтан начал регулярно проводить учебные семинары сначала в Уральском регионе, после этого на Украине (с центром в г. Киеве), а затем в Санкт-Петербурге, Москве и других городах СНГ. Начиная с 1998 года, мастер организует ежегодные поездки в монастырь Шаолинь.

В Беларуси семинары и занятия по Чжун Юань Цигун проводят в настоящее время три аттестованных инструктора: Латыш Юрий Владимирович, преподает с 2007 г., Бильдюкевич Ирина Сергеевна, преподает с 2012 года, Пиловец Александр Сергеевич преподает с 2014 года. В среднем, каждый из инструкторов проводит до 12 обучающих семинаров в год. Наиболее подготовленный, Ю.В. Латыш, провёл 87 семинаров.

О себе на сайте клуба Ю.В. Латыш сообщает следующее: «С конца 90-х годов занимался исследовательской деятельностью в Национальной академии наук Беларуси. С 2004 года приступил к изучению и практике цигун и смежных дисциплин, а также способов и возможностей использования их в целях оздоровления и развития человека. Получал знания и инициации от многих мастеров различных традиций, среди которых Сю Минтан, Шентан Сю, Ван Липин, Альберт Игнатенко, Ли Дзиен Син ... Проходил стажировку и обучение по годичной образовательной программе по имидж-терапии Пекинского научно-исследовательского института 'Кундавелл', Китай. Проходил обучение в Шаолине, личный ученик мастера Сю Минтана. Инструктор 3-й ступени ЧЮЦ. Инструктор Фэншуй Школы форм...» [13].

В настоящее время в белорусских средствах массовой информации появляются сообщения о практике бесплатного преподавания цигун в городских парках, т.е. речь идет о перенятии китайского опыта массового оздоровления посредством гимнастических упражнений. Так, по сообщению Столичного телевидения «...в столичном парке Горького вот уже третий год достойно поддерживают тенденцию экологического отдыха и оздоровления. Уроки физкультуры здесь решили проводить по восточному образцу. Путь к хорошему самочувствию начинался с кунфу, но минчанам больше пришлась по душе гимнастика Цигун. Такая полезная философия уже более 7 тысяч лет помогает найти путь к гармонии. ... С мая 2012 года мастера-энтузиасты восточных дел начали приобщать минчан к целебной жемчужине китайской культуры. Найти точку равновесия и открыть для себя философию Цигун возможно в Минске вплоть до конца сентября (и абсолютно бесплатно).

Еще один такой оздоровительный сюрприз ожидает активных минчан и в столичном парке Челюскинцев...» [14].

В целом, можно предположить, что цигун практикуют в Беларуси от нескольких десятков до нескольких сотен человек.

Даосские и буддийские психофизические системы можно отнести по классификации направлений цигун к религиозному направлению. Однако последователи этих систем и практик утверждают, что цигун соотносится с их системами как частное с общим. Утверждается, что при помощи цигун можно решать какие-то отдельные задачи, в то время как их системы гораздо шире и направлены на духовную реализацию личности в целом. Это находит отражение, например, на Интернет-сайтах представителей указанных систем. Так, информационный ресурс уже упомянутого выше Виктора Сяо разбит на две самостоятельные части: Жуи тайцзицюань, где представлены техники тайцзицюань и тайцзицигун и вторая часть: Даосские практики [10]. Сайт белорусского филиала Центра «Дао Дэ» также отдельно представляет: «Даосские практики и добротный цигун в Минске» [13].

В Беларуси даосские психофизические системы представлены, главным образом, двумя направлениями. Одно из них связано с личностью 18-го патриарха даосской школы Драконовых врат Полноты Истинности Ван Липина. На постсоветском пространстве его представляют ученики – Виктор Сяо и его супруга Цинь Лиин. Ученики и последователи из Беларуси имеют возможность обучения как на семинарах Виктора Сяо и Цинь Лиин в России, так и поездок на ретриты под руководством Ван Липина в Китае [10].

Другое направление связано с Даосским Центром «Дао Дэ», который был основан в Санкт-Петербурге в 1993 году российским китаистом Д.А. Артемьевым. По информации на сайте этого центра, «... за более чем 25 лет изучения китайской традиции, как в письменных источниках, так и путём поиска учителей и мастеров-носителей традиции в самом Китае, нам удалось установить контакт с более чем 200 мастерами цигун, алхимии, боевых искусств, среди них: Учитель Единого Ян, патриарх традиционной даосской Школы УЛюпай, Мастер Чжу Минсянь, патриарх открытой даосской Школы Ма Даньяна – Юйсяньпай, Мастер Ян Фаньшэн, патриарх Школы синьциюань Чэ Ичжая, Мастер Хун Бао – один из 3 лучших врачей древнекитайской медицины в самом Китае, мастер фэншуй, хиромантии и физиогномики, Мастер Хао Чжэн – патриарх Школы тайцзицюань У Хао, Мастер Хэ – наследник Школы ицюань стиля Чжао Даосиня, Мастер Пан Хэмин – создатель и глава школы цигун Чжинэнгун, и многие другие! Таким образом, за эти годы нам посчастливилось изучить и получить разрешение на преподавание самых лучших систем и методов в России и СНГ, а также за их пределами. Впервые в России у нас Вы можете (при должном упорстве!) стать личным учеником в официальных российских филиалах даосских Школ Юйсяньпай и УЛюпай и Школ боевых искусств – тайцзицюань У Хао и Ян, синьциюань Чэ Ичжая, ицюань Чжао Даосиня, нэйгун багуачжан. Мы ежегодно организуем поездки в Китай к курирующим нас Мастерам и их семинары в России. Центр «Дао Дэ» сегодня – это объединение более чем 1000 энтузиастов, исследователей и занимающихся из России, Украины, Беларуси, Казахстана, Канады, США. Традиционные знания и эффективные методики оздоровления и развития преподают более 50 аттестованных инструкторов Центра

«Дао Дэ» в более чем 30 филиалах по России и СНГ, в том числе в 4-х главных филиалах – в Москве, Санкт-Петербурге, Киеве и Ростове-на-Дону» [17]. В Беларуси семинары Даосского Центра «Дао Дэ» проводятся с 2011 года, филиал в Минске, где проводятся постоянные занятия, создан в 2013 году.

В целом, количество практикующих даосские психофизические системы не превышает в Беларуси двух-трех десятков человек.

Помимо даосских психофизических систем в Беларуси представлены и буддийские направления, главным образом, буддийские практики и техники, связанные с чань-буддизмом, психофизические техники которого органично включены в боевые искусства (ушу) шаолиньского направления.

Таким образом, в распространении китайских психофизических и духовных практик в Беларуси в 1980-х–2014 гг. можно определить следующие закономерности.

В период 1980-х – первом десятилетии 2000-х гг. из китайских психофизических и духовных практик в Беларуси получили наибольшее распространение ушу, цигун, даосские и буддийские психофизические системы.

Распространение китайских психофизических и духовных практик еще в период существования СССР было обусловлено общим интересом граждан к вопросам саморазвития и восточным психофизическим системам. С середины 1980-х годов вследствие развития отношений СССР и КНР в Беларуси появились первые последователи китайского ушу и цигун. С 1989 года в СССР началась планомерная подготовка специалистов-инструкторов этих направлений, что связано с деятельностью Центра нетрадиционных методов оздоровления при Госкомспорте СССР, трансформировавшемся позднее в Центр изучения традиционного ушу и цигун «Саньхэ». С распадом СССР в 1991 году процесс развития ушу и цигун несколько замедлился и возобновился в полной мере лишь с конца 1990-х–начала 2000-х гг. Возобновление и развитие этого процесса в Беларуси в значительной степени связано с учебно-методической и организационной поддержкой китайских мастеров, а также с деятельностью ряда белорусских общественных организаций как, например, Белорусской федерации ушу, центром китайской культуры «Евро-Азия» и др. В 2000-е гг. на развитие китайских психофизических и духовных практик в Беларуси большое влияние оказывают Интернет-сайты школ и клубов, организовывающих различные семинары, в том числе и с участием китайских мастеров. С 2010-х гг., главным образом, благодаря семинарам, организованным через Интернет, в Беларуси появились отдельные последователи психофизических практик религиозных направлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абаев, Н.В.* Чань-буддизм и у-шу/ Н.В.Абаев// Народы Азии и Африки. – 1981. – № 3. – С. 63–74
2. *Абаев, Н.В.* О некоторых философско-психологических аспектах чаньских военно-прикладных искусств/ Н.В.Абаев // Общество и государство в Китае. – М.: Наука, 1981. – № 2. – С. 213–217

3. *Абаев, Н.В.* Даосские истоки китайских у-шу/ Н.В.Абаев // Дао и даосизм в Китае– М.: Наука, 1982. – С. 244 – 257
4. *Абаев, Н.В.* Чань-буддизм и культура психической деятельности в средневековом Китае. / Н.В.Абаев – Новосибирск : Наука, 1983. – 273 с.
5. *Балашев, Н.Н.* «Саньхэ» прописан в Москве/ Н.Н.Балашев// «Цигун и спорт» – 1992. – № 5. – с.7, 62.
6. *Богачихин, М.М.* Гуманология: человек может всё/ Составление и комментарии М.М.Богачихина. – М. :Ганга. 2008. – 320 с.
7. *Красносельский, Г.И.* Китайская гигиеническая гимнастика тай-дзи (элементы упражнений) / Г.И.Красносельский. – Киев: Государственное медицинское издательство. – 1960. – 20 с.
8. *Костенко, Дарья.* Кунфу, ушу и много других страшных слов, или как закаляется «железная рубашка» // Экспресс-новости. Спорт | 29/02/2008 | [электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.expressnews.by/3135.html>
9. Официальный сайт Белорусской федерации УШУ [электронный ресурс]. – режим доступа: <http://wushu-belarus.at.tut.by/>
10. Ритуал_поклонения_личных_учеников_Мастеру_Виктору_Сяо_30_апреля_2011_года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://t.tjq.ru/>
11. Психологические аспекты буддизма/ сб. под редакцией Н.В.Абаева, Л.Г.Янгутова – Новосибирск : Наука. – 1986. – 160 с.
12. *Лю, Гуань Юй.* Даоская йога. Алхимия и бессмертие/ Лю Гуань Юй. – СПб.:ОРИС. – 1993 – 368 с.
13. Цигун в Минске [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.daoway.by>
14. Гимнастика цигун в минском парке Горького. Бесплатно. Новости Беларуси. Минск и минчане. Здоровье [электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ctv.by>
15. Живые китайские традиции [электронный ресурс]. – режим доступа:<http://www.tjq.ru/>), где представлены объявления и отчеты о даосских семинарах в России и Китае.
16. Центр «ДаоДэ» [электронный ресурс]. – режим доступа: <http://daode.by/>
17. Даосский Центр "ДаоДэ"[электронный ресурс]. – режим доступа: <http://daode.ru/o-nas/o-centre>.

Гурко А. Вл.
(Минск, Республика Беларусь)

К ВОПРОСУ О ВОСПРИЯТИИ ЭЛЕМЕНТОВ КИТАЙСКОГО НОВОГО ГОДА В СОВРЕМЕННОМ БЕЛОРУССКОМ ОБЩЕСТВЕ

Закономерности формирования и эволюции китайских традиций в контексте духовной культуры белорусского этноса в 1980-х – первом десятилетии 2000-х гг. гг. связаны, прежде всего, с использованием элементов празднования Нового

года по китайскому календарю, который является одним из наиболее ярких этнических символов китайской культуры в белорусском обществе.

Ключевые слова: этническая культура, белорусская культура, китайская культура, китайские традиции, этнокультурное взаимодействие, праздничные традиции, ритуал, символ.

Conformities to law of forming and evolution of Chinese traditions in the context of spiritual culture of the Belarussian ethnos in 1980 - the first decade 2000th constrained, foremost, with the use of elements of celebration of New Year on the Chinese calendar that is one of the most bright ethnic symbols of the Chinese culture in Belarussian society.

В Центре исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси выполняется совместный белорусско-румынский проект «Китайские традиции в современной культуре Беларуси и Румынии: влияния и заимствования» по договору с БРФФИ Г14РА-010 от 23 мая 2014 г., целью которого является исследование китайских традиций в контексте культуры белорусского и румынского этносов, изучение закономерностей их формирования и особенностей их эволюции. Перед исследователями было поставлено несколько задач, одна из которых – выявить тенденции влияния китайских традиций на развитие праздничной культуры Беларуси.

За последние десятилетия на территории Беларуси происходит этнокультурное взаимодействие с элементами китайской культуры, в том числе и праздничной. Так, одним из наиболее ярких этнических символов китайской культуры в белорусском обществе с конца 1980-х гг. до настоящего времени является использование элементов празднования Нового года по китайскому календарю. Именно китайские новогодние праздничные традиции в духовной культуре белорусского общества и станут предметом рассмотрения в данной публикации. Ранее исследование этой проблемы не проводилось.

В современной культуре китайцев традиционные календарные праздники по мнению одного из наиболее известных российских китаеведов В.В. Малявина являются одним из важнейших факторов, определяющих этническое самосознание. Так, по данным социологических опросов китайцы в современном Сингапуре считают свои традиционные календарные праздники третьим по важности после пищи и языка отличительным признаком китайской культуры. Причем Новый год занимает особое место в цикле календарных праздников китайцев, так как это поистине “универсальный праздник, в котором отображались все важнейшие формы традиционной обрядности”. Новому году предшествует “время приобретения новогодних предметов”, а также принесение благодарственных жертв “предкам и Небу” – постной пищи, бумажной одежды и жертвенных денег. Очищение от поветрий старого года символизировали обряды проводов “демона бедности”, экзорцистские обряды, проводимые ряжеными [1, с. 19]

В настоящее время китайские традиции встречи Нового года варьируются в зависимости от региональных особенностей и провинций Китая, в которых прожи-

вают носители традиций, однако основные элементы праздника сохраняются в первоначальном виде. Так, по сведениям Ван Тао, аспиранта кафедры русской и зарубежной литературы, преподавателя китайского языка в ГрГУ, Новый год (Чунь цзе, праздник Весны), ассоциируется с основными атрибутами – хлопушками и пельменями. Это первый день нового года по лунному календарю, он приходится на один из дней с третьей декады января по вторую декаду февраля по григорианскому календарю. Празднование Нового года в Китае продолжается от 3 до 15 дней. У каждого из дней с 23 до 30 последнего месяца года по лунному календарю своя домашняя задача. 23 число называется «подготовительным праздником», в этот вечер торжественно провожают божество домашнего очага к Верховному владыке небес – Нефритовому императору. Проводы бога домашнего очага на небо сопровождаются треском хлопушек. 24 число – чистят и убирают. 25 число – готовят соевый сыр. 26 число – режут свинью. 27 число – режут кур. 28 число – наклеивают красные вырезки из бумаги на окна, вешают новогодние картинки, пишут парные изречения с новогодними пожеланиями. 29 число – готовят брусочки из клейкого риса на пару. 30 число (последний день уходящего года по лунному календарю) – лепят пельмени. Первые пять дней нового года полагается обходить дома родственников и близких с поздравлениями и пожеланиями всех благ [2].

Ван Тао дает следующее описание основных праздничных обрядов и ритуалов и их трактовку: *«Раньше с помощью хлопушек отгоняли злых духов. Но скорее всего под треск хлопушек встречают с неба бога домашнего очага. По народному верованию, бог очага отправляется к Верховному владыке небес – Нефритовому императору, чтобы доложить о том, какие добрые и плохие дела совершила за прошедший год та или иная семья. Пельмени мы едим сразу же после 12 часов в новогоднюю ночь. Готовить праздничные блюда женщины начинают за несколько дней до Нового года, мужчины присоединяются к ним в последний день, когда начинают лепить пельмени... Готовить четыре главных мясных блюда – из курицы, утки, рыбы, свинины. И остальные блюда по вкусу... В дни праздника Весны устраиваются традиционные массовые представления на храмовых ярмарках: танцы львов, пляски драконов, шествия на ходулях, хороводы «сухопутных лодок». Последнее – это такой танец, когда на поясах люди прикрепляют специальное приспособление, похожее на лодку. Многие в последнее время пользуются новогодними каникулами, чтобы съездить на юг, к морю... Для украшения домов используются бумажные фонари, разнообразные по форме и цвету. Такие фонарики с зажженной свечой внутри ставятся на подоконники. Декоративные фонари из бумаги развешиваются в каждом доме. Часто в Новый год на дверях и стенах домов можно видеть изображение рыбы – желание материального благополучия и достатка. Обычно рисовали двух рыб, расположенных симметрично, или толстого малыша, державшего в руках большого карпа. Повсюду расклеиваются листки красной бумаги в форме ромба, на которых был каллиграфически написан иероглиф «фу» – счастье. В Китае на традиционный Новый год зима уже приближается к концу. Важнейший символ праздника Весны – красный цвет – цвет солнца, цвет радости» [2]*

Одним из наиболее ярких этнических символов китайской культуры в белорусском обществе является празднование Нового года по китайскому календарю. Проследим краткую историю отражения элементов китайских традиций празднования Нового года в белорусских средствах массовой информации в конце 1980–2000-х гг. Начиная со второй половины 1980-х гг. в белорусском обществе пробуждается интерес к китайской традиционной культуре, связанный с распространением ушу и цигуна. Появляются чаньские и даосские практики, связанные с боевыми искусствами, теософские объединения, которые также пропагандируют элементы китайской духовной культуры. Эти материалы в основном публикуются в самиздате.

В 1990–2000-х гг. появляется группа источников в СМИ – это сведения о традиционной китайской культуре из уст представителей китайской и белорусской интеллектуальной элиты (Лю, Сяньпин. Традиционный Китай. Беседа с писателем Лю Сяньпином (записал В. Ремизов) // Я+Я. – 1991. – № 8. – С. 6; Ма, Канмэй, Петушкова, Е.В. Человек и творчество в философской мысли Китая // Вестник белорусского университета. Серия 3. Гісторыя, філасофія, эканоміка, права. – 1991. – № 3. – С. 28–30; Зданович, Л. Чего не желаешь себе, не желай другим : О философии Конфуция / Тайна души. – 2002. – 8–15 января. (№ 2); Плескачевская, И. Загадочная китайская душа / К 110-летию со дня рождения китайского лидера Мао Дзэдуна / Советская Белоруссия. – 2003. – 27 декабря. – С. 5; Когорова, О. Такой народ будет жить! О культуре Китая // Чистый мир. – 2006. – Декабрь (№ 12); Невидомая, Н. Китайское чудо (социологический очерк) // Народная газета. – 2004. 16 снежня; Мякчило, С. Дорога длиной в тысячу ли: О встрече специалиста Института философии Академии социальных наук Китая Ма Иньмао с учеными Института философии НАН Беларуси / Веды. – 2008. – 20 кастрычніка (№ 48)).

Ранее недоступная и столь экзотичная для белорусов культура становится более близкой благодаря возможности шоп-туров и туристических поездок, открытых в начале 1990-х гг. и получивших довольно значительное распространение в 2000-х гг. В результате появляется ряд публикаций, которые знакомят читателя с китайской культурой (Воінаў, М.М. Кітай: далёкі і блізкі. Нататкі / Гомельская праўда. – 1991. – 27, 29 лістапада; Плыткевич, Н. Планета Китай : путеводитель по Китаю / Туризм и отдых. – 2002. 19 декабря – (№ 50). – С. 5; Плыткевич, Н. Город – музей. Путевые заметки: Китай / Туризм и отдых. – 2003. – 30 января (№ 4). – С. 8–9). В этих публикациях дается достаточно подробная информация об особенностях традиционного уклада и образа жизни китайцев в прошлом и настоящем, а также акцентируется внимание на праздничных традициях, которые стали одним из значимых этнических символов этой пятитысячелетней культуры.

С начала 1990-х гг. в республиканских газетах наряду с описаниями белорусских традиционных праздников и обрядов все чаще появляются статьи, в которых подробно освещаются традиции празднования Нового года в разных странах, в том числе и в Китае. (Дзед Мароз крочыць па планеце: (Расказы прадстаўнікоў розных краін аб народных звычаях) // Настаўніцкая газета. – 1990. – 29 снежня; Ильина, Н. Новый год по-японски // Вечерний Минск. – 1998. – 31 декабря. – С. 3; Плескачевская, И. Рождество и Новый год: традиции и истории из разных стран // Туризм и

отдых. – 1998. – 24 декабря (№ 50). – С.1, 4; Ларина, Т. Новый год по-тайски // Белорусская газета. – 1999. – 13 декабря (№ 49). – С. 22).

Подобная информация появилась и в интернете. Так, на сайте СТВ дается подробная информация о встрече Нового года 31 января 2014 года у китайцев и вьетнамцев в Беларуси: *«Китайцы, вьетнамцы и все, кто празднует приход «синей лошади» по восточному календарю, полны впечатлений. Ведь 31 января, с четверга на пятницу, наступил новый год по лунному исчислению. Чжан Янь просит называть ее на белорусский манер Яной. Девушка приехала в Минск 10 лет назад. После учебы в университете в Беларуси осталась. Здесь же нашла свою половинку. Теперь вместе с мужем работают в одной компании. Китайская корпорация занимается строительством дорог. Супруги вместе с коллегами арендуют частный дом. Новый год отмечают большой компанией. Одно из любимых новогодних лакомств – пельмени. Чжан Янь: Это называется или соединение, или зацепление Старого и Нового года. Такое же произношение, как и пельмени. По минскому времени восточный Новый год начался в 00.38 31 января. Нон-стоп в эфире центрального телевидения Поднебесной – праздничные концерты. Внимание сотен миллионов китайцев приковано к телешоу «Чуньвань». Это «Голубой огонек» по-китайски. В китайских семьях есть очень интересная традиция: самые заветные желания пишут на листках бумаги, а затем вывешивают на входную дверь. К примеру, этот иероглиф обозначает «счастье», но вывешивается он в перевернутом виде, потому что выражение «перевернутое счастье» созвучно со словосочетанием «счастье пришло». Такие импровизированные открытки всегда делают вручную. Ведь каждый год – новые желания. Иероглифы рисуют исключительно на красной бумаге. Этот цвет символизирует счастье и отгоняет злых духов. Лэй Лю: Счастья, удачи, всего в нашем доме. Сначала – в нашей стране, потом – в нашей корпорации, семье» [3].*

С начала 1990-х гг. и до настоящего времени в белорусской прессе появляются публикации новогодних прогнозов на основе традиционного восточного лунного календаря, а также предсказания российского астролога Павла Глобы и его супруги Тамары Глобы (Онуприенко, С. Гороскоп и мы // Салон. – 1991. – № 11. – С. 7 – 8; Глоба, Т. Гадание по звездам : Беседа с астрологом Т. Глоба // Я+Я. – 1991. – № 6. – С. 28 – 30; Лагутина, И. Год Черного Петуха (Прогноз астролога) // Советская Белоруссия. – 1992. – 31 декабря; Черкасова, В.И. И все же тигр – это большая кошка (Об астрологическом прогнозе для Беларуси на 1998 год) // Белорусская деловая газета. – 1997. – 29 декабря (№ 88). – С. 1; Глоба, П. Картины судьбы на звездном пути : [Беседа с астрологом П. Глобой / Записала Е.Конышева] // Рэспубліка. – 2001. – 7 снежня. – С. 3.).

Так, даются следующие прогнозы, например на 2012 год – год Черного водяного Дракона: “Как и любой год Дракона обещает – богатство, здоровье и долголетие. Считается превосходным временем для браков и рождения детей. Это также время большого энтузиазма и энергии, оптимизма и уверенности. 2012 год не несет в себе серьезных катастроф или большой разрушительной силы, но все новые начинания будут очень непростыми. Те, кто преодолеет трудности на начальном этапе, будут по праву вознаграждены” [4].

Встречая Год Змеи (2013), астрологи рекомендовали следующее: “Мудрая Змея ненавидит пустые фантазии, зато с уважением относится к людям, которые знают, чего хотят и как этого добиться. Поэтому, загадывая желание на 2013 год, постарайтесь, чтобы оно больше походило не на розовую мечту, а на конкретный проект” [5].

Можно выделить отдельную группу публикаций, в которых даются подробные рекомендации об одежде, цветовых предпочтениях на год, особенностях украшения интерьера дома, праздничной трапезы для встречи Нового года по восточному календарю (Все, что вы хотели знать про Год Змеи // Отдых и путешествия. – 2000. – Декабрь (№ 25); Ло, Т. Год змеи встречайте в облегающем наряде (Беседа с астрологом Т.Ло) / Записала Л.Олина // Гомельские ведомости. – 2000. – 28 декабря (№ 101). – С. 6; Год Черной Овцы).

Так, Новый 2012 – год черного водяного Дракона по восточному календарю рекомендуется встречать “позитивно и активно, в шумном застолье семейного круга. Что надеть? Одежду в черно-желтой, ярко-зеленой или красной палитре. В любом наряде должен присутствовать черный цвет, хотя бы пояс. Заворожить дракона можно золотом или драгоценными камнями. Праздничный стол. Важна разнообразная сытная и, главное, свежая еда. В качестве обязательных блюд рекомендуется что-нибудь из тыквы и рыбы. Дракону также понравится эффектный горящий коктейль, поскольку огонь – его главный атрибут. Украшения для дома. Вода является стихией нового года. Ее символом могут быть красивые ракушки, морские звезды, изображения рыб и подводного мира” [4].

Для встречи Нового года Змеи – 2013 были даны следующие рекомендации: “Еда: мясо, мясо – всегда! Основой стола должны быть блюда из мяса или птицы. Помните, Змея отнюдь не безобидное травоядное. Она – хищник и питается в первую очередь мясом! Вот почему при встрече 2013 года, как и прошлого, мясо должно быть главным блюдом на праздничном столе. Так, если хотите на все сто процентов попасть в точку, приготовьте Змее столь любимого ею кролика. Птицей Змея тоже любит полакомиться. В тему будут и любые блюда из рыбы и морепродуктов. Ведь водяные змеи питаются и рыбой, и моллюсками, и крабами с креветками... Одежда: черное и обтягивающее... Особенно Змее понравятся жемчуг и серебро. Украшение дома: побольше живых цветов. Украшая дом к Новому году, не забывайте, что основной цвет года Змеи – черный, а вспомогательными являются все цвета и оттенки воды. Порадуйте ее тропической орхидеей, декоративным апельсиновым деревцем или поставьте в вазу веточку сосны – символ долголетия на Востоке. Украсив дом к встрече Нового года изображениями змеи, вы найдете в ней могущественного покровителя” [5].

Сам ритуал встречи Нового года по восточному календарю в Беларуси обогащается совершенно новыми, нетрадиционными для населения Беларуси элементами. В частности, в интернете сообщается о том, что “минчане и гости белорусской столицы активно посещают китайские рестораны накануне нового года по китайскому календарю” [6]. Туристические компании приглашают посетить Китай на Новый год [7]. В прессе, интернете, на радио и телевидении накануне нового года по восточному календарю появляется информация об этом событии. Так, команда Deaf_Minsk_Belarus на своем сайте активно напоминает, что

“Новый Год Желтого Быка по китайскому календарю наступит только 26 января 2009 года! А значит у нас у всех будет отличный повод встретить Новый Год еще раз!” [8].

Символы восточного Нового года из 12-летнего животного цикла активно используются в бизнесе, торговле, сфере потребления и обслуживания Беларуси. Так, в интернете предлагаются заказы из конфет с логотипом по восточному календарю с упаковкой из текстиля. В рекламе сообщается, что большим спросом пользуются наборы с новогодним логотипом – символом наступающего нового года: “Следующий 2015-й год по восточному календарю будет годом очень безобидного, осторожного, самостоятельного и привязанного к дому животного – Деревянной Козы или Овцы” [9].

Один из наиболее известных новогодних китайских символов – декоративные фонарики из бумаги красного цвета, которые символизируют наступающую весну, также предлагаются белорусскому потребителю со следующей рекламой: “Китайские фонарики “Бриллиант”. Отличный сюрприз для детей к Новому году. ... Фонарик высотой 120 сантиметров, при этом в нем встроена специальная горелка. Из-за своего увеличенного объема фонарь запускается с земли чуть дольше, что доставляет больше эмоций, при этом сложностей с запуском нет” [10].

Праздничная новогодняя символика используется и Национальным банком Республики Беларусь, который выпустил в обращение памятные монеты серии “Кітайскі каляндар”: Год Змеи, Год Лошади, Год Овцы. Все памятные монеты этой серии имеют форму круга, с лицевой и оборотной сторон – выступающий кант по окружности. Боковая поверхность монеты с насечкой. Аверс: вверху – рельефное изображение Государственного герба Республики Беларусь, по кругу надпись: РЭСПУБЛІКА БЕЛАРУСЬ; в центре – композиция, состоящая из элементов часового механизма, Солнца и Луны, в центре часового механизма расположена вставка из фианита; справа – год чеканки; слева – проба сплава; внизу – номинал 20 РУБЛЁЎ. Во внутреннем круге расположены числа, обозначающие годы с 2013 по 2024, по количеству лет одного цикла китайского лунного календаря.

Так, на памятной монете “Год Авецкі” золотом выделены элементы часового механизма и Год Овечки (2015). Реверс: в центре по кругу – изображение пяти овечек в окружении звезд, месяца и облаков, внутри круга из художественных элементов – позолоченный китайский иероглиф, обозначающий овечку; внизу надпись: ГОД АВЕЧКІ [11].

Памятная монета «Год Змяі» введена в обращение 27 декабря 2012 г. Реверс: в центре монеты – изображение змеи, свернутой в спираль, расположенное в окружении звезд и орнамента, внутри спирали – позолоченный китайский иероглиф, обозначающий змею; внизу надпись: ГОД ЗМЯІ [12].

Памятная монета «Год Каня» введена в обращение 7 октября 2013 г. Реверс: в центре монеты – изображение двух лошадей в окружении звезд и орнамента, внутри расположен позолоченный китайский иероглиф, обозначающий лошадь; внизу надпись: ГОД КАНЯ [13].

О том, насколько распространены традиции встречи Нового года по восточному календарю среди населения Беларуси, можно судить не только по

данным этнографических исследований (например, опросов, которые в настоящее время проводятся участниками проекта среди экспертов в группах по восточным единоборствам, ушу и цигун), но и опросов, проводимых журналистами на ТУТ-бу, а также комментариям пользователей интернета.

Так, импровизированный новогодний опрос был проведен журналистами из издания «Медицинский вестник» среди медицинских работников в 2013 году. Им был задан вопрос: везет ли Вам в год Змеи? *«Медики вспоминают, чем для них памятны предыдущие «змеиные» года. Говорят, что у людей, родившихся в «змеиный» год, полные 12 месяцев процветания. А у других хуже? Мы решили узнать, так ли это».*

Ответы респондентов были очень интересными и разнообразными. Так, Тереса Красовская, старшая медсестра оперблока 6-й ГКБ Минска сообщила: *«Да как-то ничем особенным эти годы не отличались. Мне покровительствовали другие знаки. В 18 лет в 1983-м (год Свиньи), поступила в Минское медучилище № 2 (ныне — БГМК), в 1985-м (год Быка) — направили в родильное отделение 6-й ГКБ, в 1991-м (год Козы) — вышла замуж, а в 1992-м (год Обезьяны) — на свет появилась дочь. От наступившего 2013-го жду благополучия и мира для всех людей. Хочется, чтобы не досаждали никакие болезни».* Руслан Якубцевич, заведующий отделением гемодиализа с экстракорпоральными методами детоксикации Гродненской ОКБ: *«Удача — уже то, что родился в год благородной и мудрой Змеи, а не легкомысленной, беспечной Козы (в мужском варианте — Козла), априори неприятной Крысы или неряшливой Свиньи!.. 2001-й принес настоящую фортуна: после окончания медуниверситета сразу попал в областную клинику. Там, трудясь в отделении анестезиологии и реанимации, начал писать кандидатскую диссертацию по методам очищения крови у больных сепсисом. Теперь по этой же теме заканчиваю докторскую. Очень надеюсь, что в наступающем году завершу сей труд. Жениться тоже помогла мудрая Змея: с нынешней супругой Ольгой встречались несколько лет, а окончательное решение приняли в 2001-м».*

Станислав Соболевский, врач-хирург высшей категории приемного отделения Солигорской ЦРБ: *«В моей родной деревне Бобровники (Воложинский район) после войны никто не знал о существовании Восточного гороскопа. Это теперь все читают, но мало кто верит. В природе змея — коварное существо. С нею лучше не встречаться. Тем не менее и в «змеиный» год надеюсь на лучшее...».* Надежда Станкевич, врач-рентгенолог РНПЦ оториноларингологии: *«Говорят, во что веришь, то и работает. Гороскопы читаю, и кое в чем с ними соглашаюсь. Есть у меня характерная для рожденных в «змеиный» год интуиция, умение видеть на перспективу, нет стремления к сиюминутной выгоде... Однако большого значения прогнозам по восточному календарю не придаю. Наверное, поэтому Змея мне показывает свои и хорошие, и плохие стороны...».*

Василий Кондубов, заведующий хирургическим отделением Россонской ЦРБ: *«Не очень-то верю гороскопам... Везет тем, кто трудится не покладая рук. Удача хирурга в каждодневном труде... Всего за годы работы сделал около 10 тыс. вмешательств».* Александр Макаревич, главврач Браславской ЦРБ: *«Диплом врача я получил в «змеиный» год, и последующие 24, пролетевшие кометой, для меня особенные — тружусь, учусь у других и думаю, что в этой специальности*

надо прожить много жизней, чтобы постигнуть, что такое человек и как его лечить» [14].

Можно сделать вывод, что многие респонденты – медики (которые, кстати, принадлежат к одной из наиболее далекой от мистики и профессионально грамотной части населения) хорошо осведомлены не только о том, какому животному из восточной мифологии посвящен Новый год, но и о качествах, которыми он обладает и о прогнозах на грядущий год. Тем не менее, далеко не все опрошенные верят в эти прогнозы, и воспринимают их скорее как экзотику.

Значительную роль в популяризации китайского духовного наследия и культуры с начала 2000-х гг. имеет деятельность Института Конфуция в Минске (год открытия – 2007). Там же есть описания празднования Нового года по восточному календарю китайскими и белорусскими студентами и преподавателями. Так, Республиканский институт китаеведения имени Конфуция БГУ 20 февраля 2013 г. организовал концерт, посвященный традиционному китайскому Празднику Фонарей, который состоялся в 17.00 в актовом зале Лицея БГУ (ул. Ульяновская, 8). В рамках концерта состоялось награждение лауреатов конкурса рисунков «Волшебный Китай». Всем участникам праздника было адресовано поздравление с Новым годом и пожелание: “Пусть год будет таким же ярким и красочным! С Весной Вас, друзья!” [15].

Таким образом, закономерности формирования и эволюции китайских традиций в контексте духовной культуры белорусского этноса в 1980-х – первом десятилетии 2000-х гг. связаны, прежде всего, с использованием элементов празднования Нового года по китайскому календарю, который является одним из наиболее ярких этнических символов китайской культуры в белорусском обществе.

За последние десятилетия белорусская культура обогатилась некоторыми элементами китайских новогодних праздничных традиций, которые растиражированы средствами массовой информации в многочисленных публикациях в республиканских газетах, на радио и телевидении, интернете. В этих публикациях даны рекомендации об одежде, цветовых предпочтениях, особенностях украшения интерьера дома, праздничной трапезе для встречи Нового года по восточному календарю, а также новогодние прогнозы на основе традиционного восточного лунного календаря. Все эти знания стали широко доступными современным жителям Беларуси. Белорусам наиболее известны китайские символы Нового года – разнообразные животные восточного календарного 12-летнего цикла, которые считаются покровителями дома и семьи и широко представлены в торговле и сфере обслуживания, художественном и изобразительном искусстве.

Неотъемлемой частью современного новогоднего ритуала, который также имеет китайское происхождение, являются фонарики, петарды, разрывы хлопушек в новогоднюю ночь, которые должны выполнять функции оберега. Новыми и не столь распространенными элементами празднования китайского Нового года белорусами являются праздничные трапезы в китайских ресторанах накануне Нового года по восточному календарю, а также посещение Китая на Новый год белорусскими туристами.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Малявин, В.В.* Китайцы. Новый год и его место в годовом цикле / В.В.Малявин // Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Годовой цикл. – М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1989. – 360 с.
2. Наступил китайский Новый год [Электронный ресурс] / Гродненская правда. – Режим доступа: <http://www.tamby.info/katalog/gazeta-grodnnews.htm>. – Дата доступа: 17.02.10.
3. Как представители Востока празднуют Новый год в Беларуси? // Новости Беларуси: Картина мира на телеканале РТР-Беларусь [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.ctv.by/vostochnyy-novyy-god>. – Дата доступа: 01.02.2014.
4. Как встречают год Дракона [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.belta.by/ru/infographica/i_1117.html – Дата доступа: 29.12.2011.
5. Сайт авторов: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: 1001goroskop.ru. <http://www.kp.by/daily/25997.3/2925087/>
6. Facebook Like / Автор: [interfax.by](http://www.interfax.by) | : [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.interfax.by/news/belarus/1019508>. – Дата доступа: 07.02.2005.
7. Приглашение посетить Китай / 2014 Чайна комфорт тревел [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://chinacomfort.by/dostoyaniya-kitaya/holidays/260-1402.html>.
8. Поздравление с Новым годом / команда Deaf_Minsk_Belarus [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://deaf-minsk.at.ua/news/> – Дата доступа: 2008.12.30.
9. Новогодние подарки Новогодняя упаковка > Подарки 2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://podarkinovogodnie.by/upakovka-iz-tekstilya/upakovka-baran-semen-podarok>.
10. Китайские фонарики / padarynak.by/ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://padarynak.by/image/data/MAGAZINE/test.jpg> – Дата доступа: 03.01.2013.
11. Памятная монета "Год Авечкі" ("Год Овцы") [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nrb.by/CoinsBanknotes/CommCoin.asp?id=315>
12. Памятная монета "Год Змяі" [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nrb.by/Coinsbanknotes/CommCoin.asp?id=252>.
13. Памятная монета "Год Каня" [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nrb.by/Coinsbanknotes/CommCoin.asp?id=283>.
14. Везет ли Вам в год Змеи? // Медицинский вестник. – № 1 (1096), 3. – Январь 2013 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://medvestnik.by/ru/issues/a_8775.html.
15. Праздник фонарей 2014 (news) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://rci.bsu.by/onetext.aspx?new_id=102 <http://deaf-minsk.at.ua/news/> – Дата доступа: 2014-01-27.

БЕЛАРУСКІЯ І КІТАЙСКІЯ ПРЫКМЕТЫ І ПАВЕР'І

В статье подчеркивается важность изучения народных примет и поверьев для понимания специфики этнических культур. Рассматриваются белорусские и китайские приметы и поверья от древности до наших дней.

Ключевые слова: *белорусские народные приметы, китайские народные приметы, народные поверья, народная культура.*

The article emphasizes the importance of studying folk signs and beliefs for understanding the specifics of ethnic cultures. The study examines the Belarusian and Chinese signs and beliefs from antiquity to the present day.

Keywords: *Belarusian folk signs, Chinese folk signs, folk beliefs, folk culture.*

Народныя прыкметы і павер'і запаўнялі амаль кожны момант жыцця продкаў, іх гаспадарчую дзейнасць, сямейны побыт, унутраныя перажыванні, адносіны з іншымі людзьмі, назіранні за навакольным асяроддзем, імкненне прадказаць будучыню, асвятліць невядомыя з'явы, растлумачыць жыццёвыя выпадкі і здарэнні. Многія прыкметы і павер'і дайшлі да нашых дзён. І сёння яны не толькі захоўваюцца ў памяці старых людзей, але і выкарыстоўваюцца ў паўсядзённым жыцці сучаснікаў.

Многія даследчыкі акцэнтавалі ўвагу на тым, што, каб зразумець спецыфіку культуры таго ці іншага народа, неабходна вывучаць яго вераванні і, у прыватнасці, прыкметы і павер'і.

І ў беларусаў, і ў кітайцаў існуе шмат прыкмет і павер'яў, прысвечаных гаспадарчай дзейнасці, пасеву зерня і збору ўраджая, прадказанню надвор'я, паўсядзённым клопатам і турботам, прыкмет, звязаных з важнымі падзеямі ў жыцці кожнай сям'і (нарадженне дзяцей, уступленне ў шлюб, пахаванне нябожчыка), з прадказаннямі поспеху ці няўдачы, з рознымі змяненнямі ў жыцці кожнага чалавека.

Вясковыя гаспадары гавораць, што нельга нарыхтоўваць на доўгае захаванне мяса і сала ў час поўні, бо яно хутка сапсуецца. Хлеб, выпечаны ў той час, калі квітнеюць злакі на корані, будзе плеснець. Такія прыкметы заснаваны на рэальных фактах. Бо, сапраўды, поўня мае ўплыў на некаторыя прадукты харчавання, якія лёгка псуюцца. Плесня на хлебе тлумачыцца асаблівым размнажэннем у гэты перыяд лета пад уплывам стану атмасферы плесневых грыбкоў. Ведаюць, што ў час цвіцення хлеба хутка псуецца віно, у гэты ж час нельга выбельваць палатно, а плямы на бялізне адмываюцца хутчэй.

Цікавае назіранне з жыццёва-практычнага вопыту сялян: калі пачынае красаваць збажына знізу, то будзе збожжа каштаваць танна, калі ж зверху – дорага. Іншымі словамі, здаровы колас пачынае красаваць звычайна знізу, тады трэба разлічваць на добры ўраджай і, адпаведна, танны хлеб.

Жыхары вёсак адзначаюць: калі ластаўкі пачынаюць лятаць нізка, то хутка

будзе дождж. І, сапраўды, ластаўкі апускаюцца нізка за дробнымі насякомымі, якія перад дажджом таксама апускаюцца ўніз, бо ў гэты час верхнія слаі атмасферы густа насычаны вільгаццю.

Сабакі пачынаюць есці траву – таксама да дажджу, бо перад дажджом трава становіцца для іх самай карыснай у плане насычэння спецыфічнымі мікраэлементамі.

Ёсць прыкметы па самых розных з'явах. Напрыклад, калі ў першую навальніцу грывіць гром – гэта да навальнічнага лета. Кола навокал месяца – да ветру. Зорка з хвостом (камета) прадказвае якую-небудзь важную падзею. Калі вакол сонца з'яўляюцца кругі – гэта прадказвае няшчасце. Дождж на другі дзень вяселля прадказвае шчаслівы і пладавіты шлюб.

І беларусы, і кітайцы лічаць добрай прыкметай убачыць адначасова і дождж, і сонца. Гэта прадказвае чалавеку поспех у любой справе. А калі на небе яшчэ з'яўляецца вясёлка, тады любыя мары павінны здзяйсняцца. І для кітайцаў, і для беларусаў лічыцца вельмі хараша глядзець на вясёлку. Людзі вераць, што, стоячы пад вясёлкай, можна загадваць любыя жаданні – на шчаслівы шлюб, на ўзаемнае каханне, на атрыманне багацця і г.д. – і ўсе яны абавязкова збудуцца.

У кітайцаў «прадказаннем добрага ўраджаю лічылася яснае надвор'е ў дзень Пачатку вясны, навальніца ў дзень Усходаў, якія каласуюць, дождж у дзень летняга сонцастаяння і асенняга раўнадзенства, не вельмі вялікую спякоту ў сезон Малой гарачыні і г.д.» [1, с. 20–21].

У час пачатку вясны кітайцы лічылі абавязковым прагульвацца па свежай веснавой траве, каб людзі маглі пераняць жыватворныя сілы абуджанай прыроды. Сяляне Янцзы ўвесну меркавалі пра будучы ўраджай па жабінаму кваканню: «Калі (на свята Цінмін) жабы пачнуць квакаць да паўдня, добры ўраджай будзе на палях, якія знаходзяцца высока, а калі пасля – тады на тых, якія знаходзяцца нізка» [2, с. 34].

На поўначы Кітая другі дзень другога месяца лічыўся Святам абуджэння дракона. Па павер'ях у гэты дзень таксама сяляне ўсяго Кітая меркавалі пра тое, ці будзе год засушлівым або дажджлівым, ураджайным, ці галодным. Добрай прыкметай у гэты дзень лічыўся дождж [2, с. 36].

Сяляне Цэнтральнага і Паўднёвага Кітая меркавалі пра будучы ўраджай па надвор'і ў першы дзень лета: дождж у гэты дзень прадказваў добры ўраджай, а яснае надвор'е – засуху [2, с. 48].

У дзень зімовага сонцастаяння кітайцы таксама меркавалі пра будучы ўраджай. На поўначы Кітая добрай прыкметай лічылася, калі ў гэты дзень будзе многа снегу, а на Поўдні – яснае надвор'е [2, с. 96].

Беларусы таксама імкнуліся прадказаць, якім будзе будучы ўраджай згодна з надвор'ем у сакральныя святочныя дні. Напрыклад, верылі, што «калі першы дзень Каляд выдаецца пагодлівы, ясны, то будзе неўраджайны год, а калі пахмурлівы і снег ідзе – ураджайны. Калі ж у калядны вечар і ноччу на небе шмат зорак – летам будзе шмат грыбоў, ці калі ў другой палавіне дня ў першы дзень Каляд пасыплецца град, то гарох дасць вялікі ўмалот, калі снег – будучы добра раіцца пчолы» [3, с. 72].

На веснавое свята Дабравешчання сяляне таксама пільна сачылі за надвор'ем.

«Калі на Дабравешчанне дождж – значыць, будзе ўраджай на жыта. Калі ж надвор’е ўмеранае, можна чакаць сярэдняга ўраджаю» [4, с. 203].

Існавалі таксама некаторыя прыкметы па раслінах, якія тычыліся як прадказанняў надвор’я, будучага ўраджаю, так і становішча людзей, іх лёсу. Напрыклад, у беларускіх вёсках і сёння лічаць, што калі на дубах шмат жалудоў, гэта прадказвае халодную зіму і добры ўраджай на наступны год. Рана расквітнеўшая вольха прадвяшчае мокрае лета, ураджай арэхаў – да ўраджаю хлеба на будучы год. Ураджай рабіны – да цяжкага году. Добрай прыкметай і нават неабходнасцю для сялян было ўпрыгожваць свае хаты зелянінай на Духаў дзень, Св. Тройцу, Сёмуху. У гэты дзень дзяўчаты ішлі на луг, завівалі вянкi, варажылі на вянках. Вельмі важным было, каб маладыя дзяўчаты ў гэты дзень плялі вянкi і ўпрыгожвалі сябе зелянінай і веснавымі кветкамі. Гэта павінна было садзейнічаць добраму здароўю, доўгай маладосці, будучаму шчасліваму лёсу.

У Кітаі жанчыны і дзяўчаты ўвесну збіралі кветкі стрэлак і варажылі на іх пра будучыню, пускаючы іх на ваду (як нашы дзяўчаты вянкi). Калі кветкі стрэлак збіраліся парамі, то гэта лічылася добраай прыкметай.

У Кітаі добраай прыкметай лічыцца ўвесну дарыць насенне гарбуза сябрам і сваякам, гэта павінна было садзейнічаць нараджэнню ў іх сем’ях здаровых сыноў.

І беларусы, і кітайцы лічаць палын раслінай, якая адганяе злыя сілы. Вялікае значэнне надавалася палыну ў Кітаі ў час летніх свят і абрадаў. «Вядома, што паўтара тысячагоддзя таму жыхары Цэнтральнага Кітая ў 5-ты дзень 5-га месяца яшчэ да пеўняў накіроўваліся збіраць палын. З яго выраблялі фігурку чалавека і вывешвалі на браму свайго дома. Здаўна таксама кітайцы вывешвалі на брамах і шаўковую фігурку тыгра, аздобленую лісцем палыну. Усюды ў Кітаі жанчыны і дзеці насілі палын на сабе ў якасці абярэга» [2, с. 55].

Аер у кітайцаў быў раслінай, якая першай ажывала пасля зімовага сну і з’яўлялася вестуном жыцця ўвогуле, раслінай, якая дае даўгалецце. Аер, як і палын, з’яўляецца раслінай-абярэгам ад зла, ад хвароб, ад нячыстай сілы, а ў паўднёвых рэгіёнах Кітая такой раслінай таксама з’яўляецца фігавае дрэва. У беларусаў (як і ў іншых усходніх славян) вестуном вясны і новага жыцця з’яўляецца вярба. «Абрадавая дзея Вербніцы, якая святкавалася за тыдзень да Вялікадня, была скіравана на тое, каб магічным спосабам перадаць чалавеку, яго жывому атачэнню сакральныя ўласцівасці адроджанай прыроды, сімвалічна ўвасобленай у галінцы вярбы» [5, с. 236].

У час веснавых свят кітайцы ўпрыгожвалі свае дамы галінкамі івы. Іва ў кітайскай народнай культуры – гэта дрэва, якое звязвае свет продкаў і свет жывых людзей. «Іва з’яўляецца дрэвам жыццёстойкім і даўгалетнім, яна распускаецца з першымі промямі сонца і таму з’яўляецца ў Кітаі сімвалам бессмяротнасці і жыццёвай сілы. Жыхары Усходняга Кітая, асабліва жанчыны і дзеці, упляталі ў валасы галінкі івы, бо, згодна старажытнаму павер’ю, той, хто гэта зробіць, будзе румяны тварам і не састарэе» [2, с. 46].

У дзень веснавых свят дзверы дамоў упрыгожвалі галінкамі і іншых дрэў, якія сімвалізавалі доўгае жыццё, напрыклад, сасны або фігавага дрэва.

Аднак у поглядах на даўгалецце ў беларусаў і кітайцаў існуюць і

супрацьлеглыя павер'і. Нашы продкі верылі, што ні ў якім выпадку нельга прыносіць ці перасаджваць расліны з могілак у сад, агарод ці двор жывых людзей. А ў Кітаі «фуцьзянцы прыносілі, напрыклад, у дзень веснавога свята Цінмін з сямейных могілак галінку сасны і вешалі яе на дзверы дома» [2, с. 46].

У час летніх абрадаў кітайцы ўпрыгожвалі сямейны алтар і дзверы дамоў галінкамі шчаслівых дрэў – персіка і слівы, – якія адганяюць злыя сілы. У час асенніх абрадаў значная роля адводзілася хрызэнтэмам і кізілу. Лічылі, што гэтыя расліны маюць здольнасць адганяць напасці і працягваць жыццё.

Цікава, што і беларусы, і кітайцы вельмі моцна вераць у прыкметы нават і ў наш час. Прычым, і старыя, і маладыя, і людзі сярэдняга ўзросту.

Многія прыкметы і павер'і захаваліся ад старажытнасці да нашых дзён. Напрыклад, прыкметы, звязаныя з кітайскай ружай (гібіскус). Вераць, што калі гібіскус квітнее не з красавіка па кастрычнік, а не ў свой час, то гэта прадказвае смерць каго-небудзь са сваякоў. А калі кітайская ружа пачынае раптам чахнуць, то гэта значыць, што нехта з сям'і хварэе, нават без знешніх прыкмет. Па павер'ях, таямнічая кветка адлюстроўвае сямейны дабрабыт і здароўе сям'і. Гібіскус дапамагае жанчыне захаваць прываблівасць, выклікае каханне, але разам з тым можа выклікаць і рэўнасць, і разлад у сям'і.

І беларусам, і кітайцам вядомы прыкметы па птушках і жывёлах. Беларусы, напрыклад, вераць, што калі па вёсцы лётае зязюля – гэта да пажару. Пажар і іншыя няшчасці прадказвае курыца, калі яна запяе пеўнем. Добра, калі бусел саўе ў каго-небудзь на хаце гняздо – гэты чалавек будзе шчаслівы і багаты, але калі бусел наадварот разбурае сваё гняздо, то гаспадарам той хаты ён прадказвае бяду. Калі гусі пачынаюць падымаць лапы і хаваць пад крыло дзюбы – да марозу, калі птушкі пачынаюць вышчывацца – да цяпла і сонейка. Лічылі, што калі коні іржуць – да добрых навін; сустрэць на дарозе свінню – не будзе поспеху ў справах; калі з'яўляецца шмат мышэй – да неўраджаю; кошка мыецца ці заграбае лапамі – чакаць гасцей, бегавы па хаце – да сваркі; выцце сабакі прадказвае гора. Калі без прычыны сабака падскоквае высока ўверх – да пажару.

Кітайцы вераць, што разам з жабамі ў дом уваходзіць удача, шчасце і поспех. І ў беларусаў, і ў кітайцаў карова лічылася добрым сімвалам працвітання і дастатку. Кітайцы лічаць вельмі добрай прыкметай сустрэць раптоўна карову. Праўда, па павер'ях нашых продкаў убачыць карову ўва сне – да хваробы. І беларусы, і кітайцы вераць, што з'яўленне ў доме сабакі – гэта вельмі добрая прыкмета. Нельга крыўдзіць і праганяць сабак. Калі кітаец атрымлівае ў падарунак сабаку, то ён лічыць гэта станоўчым знакам. Гэта азначае, што ў чалавека з'явіцца добрыя сябры, які дапамогуць яму ў вырашэнні любых праблем. І кітайцы, і беларусы вераць, што божая кароўка – вястушка гасцей у доме, а калі ў дом залятаюць матылькі – гэта да добрых навін. Кітайцы лічаць, што нельга забіваць матылька, нельга рабіць яму ніякай шкоды, бо гэта прыцягвае няшчасці. І ў нас, і ў Кітаі добрай прыкметай лічыцца з'яўленне ў хаце кажаноў. Гэта азначае, што ў доме вельмі добрая энергетыка і вядзе да ўдачы. У Кітаі кажаны – гэта ўвогуле сімвал невычарпальнага багацця.

Для абодвух народаў птушыны памёт, які ўпаў на чалавека, – адзнака багацця і ўдачы. Каб стаць шчаслівым, трэба будаваць кармушкі, карміць птушак і яны

абавязкова аддзячаць. Але не ўсе птушкі з'яўляюцца вестунамі добра. Чуць ухканне савы ў Кітаі лічыцца дрэннай прыкметай. І па нашых, і па кітайскіх уяўленнях вароны прадказваюць няшчасці, а стракатанне сарок – да добрых навін. У Кітаі сарока ўвогуле – гэта сімвал задавальнення, а выявы сарок – сімвал добрых пажаданняў.

Жораў і для беларусаў, і для кітайцаў – добры сімвал. Сустрэча з ім – да добра. У кітайцаў – гэта сімвал бязвіннасці і даўгалецця. Яго выявы часта прысутнічаюць у розных відах кітайскага мастацтва. Папулярна выява жорава, які стаіць пад сасной. Яна таксама сімвалізуе даўгалецце.

І для кітайцаў, і для беларусаў наяўнасць кошкі ў доме – гэта вельмі добра. Кошка з'яўляецца захавальніцай дома і яго дабрабыту. Кошка звязвае свет рэальны і ірэальны, свет жывых і памерлых. Калі ў хаце ёсць кошка (ці кот) чалавек можа быць спакойны за сябе і за сваіх дзяцей: ніякія злыя сілы ў доме не з'явіцца.

Рыбы ва ўяўленнях беларусаў і кітайцаў сімвалізуюць пладавітасць. У Кітаі маладым на вяселле дораць нефрытавую рыбу, жадаючы ім мець многа дзяцей. Па павер'ях нашых продкаў, калі жанчына бачыць у сне жывую рыбу, гэта прадказвае, што яна ў хуткім часе зацяжарыць.

І ў беларусаў, і ў кітайцаў конь з'яўляецца вельмі добрым сімвалам. У кітайцаў конь сімвалізуе ўпартасць, рахманасць, розум. У беларусаў таксама розум, працалюбства, надзейнасць, дабрабыт. (Але цікава, што ўбачыць каня ў сне – гэта значыць, трэба асцерагацца нейкага ворага). І беларусы, і кітайцы вераць, што калі чалавек знойдзе падкову, то гэта значыць, што яго чакае ўдача. Знойдзеную падкову нельга выкідаць, а трэба пакінуць у сваім доме.

Свяшчэннай жывёлай у кітайцаў лічыцца чарапах. Той, хто хоча жыць вельмі добра і быць здаровым, трымае ў сваім доме чарапах.

Тыгр у Кітаі – гэта сімвал мужнасці, ваеннай доблесці, яго выявы здольныя адагнаць злыя сілы ад чалавека і ад яго жылля.

У кожнага кітайца павінна быць у доме хаця б адна фігурка дракона. Дракон – галоўны кітайскі сімвал, які ўвасабляе развіццё, росквіт, дабрабыт, удачу, шчасце. Над уваходам у свой дом кітайцы часта размяшчаюць выяву фенікса. Гэты сімвал сонечнага цяпла, лічыцца, што ён прыцягвае ўдачу.

Існавалі і існуюць прыкметы па неадусаўлёных прадметах. Напрыклад, і беларусы, і кітайцы вераць, што нельга дарыць нож, іголку, шпількі і іншыя вострыя прадметы, інакш будзе сварка. Беларусы вераць, што дзверы скрыпяць – да непрыемнасцей у доме. Калі штосьці падае з рук (лыжка, відэлец, нож), а таксама іскрынка з печы – да гасця. Вельмі дрэннай прыкметай лічыцца разбіць люстэрка. Нельга вітацца і цалавацца праз парог – будзе сварка. Нельга месці ў адной хаце рознымі венікамі, інакш разыдзецца ўсё багацце.

З венікам у кітайцаў таксама звязаны пэўныя прыкметы. Так, яго можна выкарыстоўваць толькі дзеля ўборкі, а не з іншымі мэтамі. Як і беларусы, кітайцы лічаць, што вельмі дрэннай прыкметай з'яўляецца біць каго-небудзь венікам (гэта тычыцца і людзей, і жывёл). Біццё венікам – гэта як шматгадовы праклён, асабліва, калі венік дакранаецца да галавы чалавека.

Кітайцы вераць, што нельга стрыгчы пазногці на нагах, бо гэта прывядзе гасцей з іншасвету (трэба выконваць пэўныя перасцярогі). Усе састрыжаныя

пазногці трэба спаліць, каб іх ніхто не выкарыстаў у рытуалах праклёну. Нашы бабулі ў вёсках таксама вучаць нас спальваць, тапіць у вадзе або закопваць састрыжаныя пазногці і паліць валасы, знятыя з грэбня.

У Кітаі лічаць, што ўдачу прыцягвае звычайная марская соль. Трэба напоўніць які-небудзь посуд чорнага або цёмна-сіняга колеру і паставіць у сухое месца на кухні. Калі чалавек носіць у гаманцы некалькі крупінак марской солі – гэта прываблівае багацце.

У беларусаў рассыпаная соль (любая) прадказвае сварку. А дапамагае вылечыць хваробы, зняць сурокі, захаваць у хаце дабрабыт і здароўе так званая «чацвярговая соль» (соль, асвечаная ў царкве ў Чысты чацвер перад Вялікаднем, якую захоўваюць у хаце ўвесь год).

Цікава, што вопратка, выпадкова надзетая навыварат, у нас прадказвае непрыемнасці, а ў кітайцаў лічыцца знакам удачы, добрых вестак і прыбытку.

І для беларусаў, і для кітайцаў чырвоны колер лічыцца колерам радасці, свята, прыгажосці, урачыстасці. Чырвоны арнамент на мужчынскім і жаночым адзенні, чырвоная стужка, абвязаная вакол таліі нявесты, адганяюць злыя сілы. У Кітаі ў святочным адзенні пераважаў чырвоны колер, строй старажытнай кітайскай нявесты таксама чырвоны, падарункі кітайцы загортваюць у чырвоную паперу і г.д.

Кітайцы вераць, што калі чалавек раптам знайшоў на вуліцы грошы, то гэта для яго добрая прыкмета. Грошы трэба ўзяць і захоўваць у сваім доме, каб прывабліваць багацце. Па беларускіх уяўленнях, наадварот, лічыцца лепш не падымаць на дарозе ні грошы, ні каштоўнасці, каб «не падняць разам з імі на сябе чужую бяду». А калі ўжо чалавек гэта ўзяў, тады трэба адразу ахвяраваць іх на царкву або на жабракоў, або проста аддаць іншым людзям (якія маюць у гэтым вялікую патрэбу) з добрымі пажаданнямі.

І беларусы, і кітайцы вераць, што калі падае зорка з неба, трэба загадаць жаданне і яно абавязкова збудзецца, калі яно справядлівае і не нясе шкоды іншым людзям.

Шмат прыкмет і павер'яў звязана з сямейна-абрадавым цыклам. Гэта натуральна, таму што сямейныя абрады адлюстроўвалі самыя важныя, пераломныя моманты чалавечага жыцця.

У розныя часы была распаўсюджана ідэя пра існаванне вешчых і прарочых сноў, якія змяшчаюць ў сабе прадказанні лёсу чалавека, яго родзічаў і сваякоў, прадказанні якіх-небудзь падзей. Нашы продкі таксама спрабавалі прадказаць па ўбачаных снах хаця б самыя важныя падзеі ў сваім жыцці. Нараджэнне чалавека ў снах заўсёды аказваецца пэўным чынам звязаным з вадой

Да шлюбу сніцца мост і пераход праз яго з будучым супругам, каравай, ручнікі, пярсцёнак Хлопцу да шлюбу сніцца конь і запрэжкі.

Шмат забабонаў і забаронаў, прыкмет і абмежаванняў было звязана перш за ўсё з паводзінамі цяжарнай жанчыны.

Цяжарная жанчына не павінна была доўга глядзець у люстэрка або ваду, інакш дзіця магло нарадзіцца касавокім або з бяльмом на вачах. Нельга было красці, карыстацца чужымі рэчамі, бо тады дзіця будзе злодзеям. Асабліва нельга было апранацца без дазволу ў чужы строй, бо дзіця можа памерці ненароджаным. Нельга было наступаць на хамут, дугу, аглоблі (і на іншыя падобныя рэчы), каб

дзіця не нарадзілася гарбуном. У апошнія месяцы перад родамі было лепш не карыстацца калаўротам, бо ён лічыўся прыналежнасцю калдуноў і ведзьмаў.

Цяжарнай жанчыне наогул лепш было нічога не рабіць пры людзях. Але калі ўсё ж такі трэба было працаваць не адной, тады цяжарная жанчына павінна была пакласці ў абутак хмель, каб адвесці ад сябе сурокі.

У кітайцаў таксама існуе шмат прыкмет, звязаных з цяжарнымі жанчынамі і нованароджанымі. «Кітайцы лічаць, што калі цяжарная жанчына часта гладзіць свой живот, тады дзіця можа нарадзіцца збалаваным, калі ў час цяжарнасці жанчына любіць есці кіслае, то гэта гаворыць пра тое, што народзіцца хлопчык, калі вострае – то дзяўчынка; цяжарная не павінна трымаць на руках чужое малое дзіця, бо гэта можа выклікаць у дзіцяці праблемы са страўнікам. У старажытныя часы кітайцы верылі, што наяўнасць вялікай колькасці дзяцей увасабляе дабрабыт і шчасце сям'і. Кітайцы вераць, што калі хлопчык народзіцца з вялікімі мочкамі вушэй – гэта сімвал блаславеннасці. Калі вушы хлопчыка тапырацца, тады ён будзе падуладны сваёй жонцы. Кітайцы лічаць, што калі нованароджаны будзе з пухлымі вушамі і ўвагнутым пупком, тады ён абавязкова будзе паспяховым і шчаслівым у будучыні. Першы прадмет, да якога пацягнецца нованароджаны, лічыцца вельмі важным у кітайцаў, таму што ён тычыцца сапраўднага прызначэння дзіцяці. У кітайскіх вёсках у гонар нараджэння дзіцяці (калі яму спаўняецца 100 дзён), прынята было дарыць 100 яек» [6, с. 5].

Дарэчы, у беларусаў яйкі таксама лічыліся добрым падарункам на радзіны. У беларускіх вёсках прынята было дарыць «рэшата яек».

Народныя веды, назапашаныя ў пакаленнях, якія перадаваліся нашчадкам праз прыкметы, павер'і і г.д. дапамагалі правільна арыентавацца ў з'явах прыроды, заўважаць яе знакі, падказкі. На такіх уяўленнях будаваліся народная этыка, эстэтыка, філасофія, закладваліся асновы этнічнай свядомасці і псіхалогіі.

ЛІТАРАТУРА

1. *Brendon J., Mitrophanow I.* The New Year Moon. – Shanghai, 1927.
2. Календарныя обычаі і обряды народаў Восточнай Азіі: Годовой цикл / под ред. Р.Ш. Джарылгасиновой, М.В. Крюкова. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1989. – 360 с.
3. *Гурскі, А.І.* Калядны цыкл (абрады і звычаі) / А.І. Гурскі // Каляндарна-абрадавая паэзія: Беларускі фальклор: Віды, жанры, паэтыка. Кн. 1. – Мінск: Беларуская навука, 2001.
4. *Ліс, А.С.* Вялікдзень. Валачобныя песні / А.С. Ліс // Каляндарна-абрадавая паэзія: Беларускі фальклор: Віды, жанры, паэтыка. Кн. 1. – Мінск: Беларуская навука, 2001.
5. *Ліс, А.С.* Магічная семантыка абраду «Гуканне вясны». Песні-вяснянкі / А.С. Ліс // Каляндарна-абрадавая паэзія: Беларускі фальклор: Віды, жанры, паэтыка. Кн. 1. – Мінск: Беларуская навука, 2001.
6. *Антонова, Ю.А.* Китайские бытовые приметы как носитель лингвокультурологической информации (Уральский государственный педуниверситет) / Ю. А. Антонова // Как знать (база публикаций) [Электронный

ресурс]. – Режим доступа: <http://kak.znate.ru/docs/index-28377.html>. – Дата доступа: 01.10. 2014.

Коваль В.И.
(Гомель, Республика Беларусь)

ЧЕРНАЯ КОШКА КОНФУЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В статье рассматривается один из наиболее популярных афоризмов Конфуция с точки зрения особенностей его функционирования в современных русскоязычных художественных, публицистических и научных текстах. Описываются структурно-семантические трансформации афоризма, приводятся различные трактовки его семантики, встречающиеся в интернет-материалах.

Ключевые слова: *черная кошка, темная комната, структурные трансформации, функционирование.*

One of the most popular Confucius idioms in terms of the functional features in the modern Russian artistic, journalistic and scientific texts is analyzed in the article. The structural and semantic transformation of the idiom, various interpretations of its semantics in the Internet materials are described.

Keywords: *black cat, dark room, the structural transformations, function.*

Один из наиболее известных афоризмов Конфуция – **Трудно найти черную кошку в темной комнате, особенно если ее там нет** – упоминается в книге «Лунь Юй» («Беседы и суждения»), составленной последователями Учителя. Это древнее высказывание, обладающее оригинальностью и притягательностью образов, продолжает активно функционировать, видоизменяться и развиваться в современной культуре, о чем свидетельствует обращение не только к реально существующим текстам, но и к различным интернет-источникам.

Прежде всего, носители русского языка предлагают различные трактовки смысла данного афоризма, пытаясь тем самым понять замысел великого мыслителя. Имеющиеся в нашем распоряжении формулировки, незначительно отличаясь между собой, обнаруживают очевидное сходство в выражении целостной семантики, связанной с напрасной, бессмысленной деятельностью: «не имеет смысла искать в жизни то, чего нет и что вообще не реально»; «создавать проблему на пустом месте, заниматься заведомо бесполезным и бессмысленным делом»; «делать что-то нереальное, заниматься ерундой»; «заниматься тем, что заведомо обречено на неуспех»; «стремиться к чему-то, чего не существует»; «искать ответ на безответный вопрос» [1].

Заслуживает особого внимания точка зрения, согласно которой при осмыслении рассматриваемого афоризма следует различать два аспекта: буквальный (утилитарно-бытовой) и иносказательный (обобщенно-философский). В дословном понимании, по мнению анонимного автора, данное высказывание «в корне неверно»:

чтобы в этом убедиться, «достаточно лишь зайти в комнату, где живет этот мистический зверь, споткнуться о сброшенную с полки стопку бумаг и оглядеться в поисках двух зеленых фонарей». С учетом же аллегоричности как неотъемлемой черты восточной афористики содержание афоризма *Трудно найти черную кошку в темной комнате, особенно если ее там нет* оказывается связанным с одним из основных вопросов философии – вопросом о познаваемости окружающей человека действительности: «Но сто́ит осознать глубину иносказательного мастерства Учителя Куна, говорившего вовсе не о проблемах поиска мелких домашних хищников, и его высказывание предстанет в другом виде – как тезис о принципиальной непознаваемости многих общечеловеческих вопросов, о том, что ответа на них попросту не существует» [2].

Как известно, образ черной кошки в русском (и шире – европейском) культурном сознании не лишен налета мистичности и более того – демоничности из-за устойчивых традиционных представлений о черной кошке как одной из ипостасей ведьмы и как воплощении зла в целом. Выразительный пример реализации подобной ассоциативной связи находим в одном из эпизодов романа братьев Вайнеров «Эра милосердия»: подозреваемый в совершении преступления Иван Сергеевич Груздев, ведущий полемику с оперативником Владимиром Шараповым, очень уместно употребляет рассматриваемый афоризм, а его собеседник Шарапов не только конкретизирует содержание высказывания, но и сразу же вспоминает о банде «Черная кошка»: *Он тяжело, судорожно как-то вздохнул, добавил: «Был такой китайский мудрец Конфуций, так вот он говорил: «Очень трудно поймать в темной комнате черную кошку. Особенно, если там ее нет...» Поймать в темной комнате кошку – это значит доказать, что он убил Ларису. А кошки в комнате вовсе нет... М-да, это он лихо завернул, красиво, надо будет Глебу рассказать, он такие выражения любит. К слову вспомнилась мне «Черная кошка», и от этого я почему-то почувствовал себя неуверенно, тоскливо мне стало как-то.*

Прозвище *Черная кошка* (англ. *Black Cat*) получила персонаж серии американских комиксов компании Marvel Comics – супергероиня, бывшая воровка, напарница Человека-паука. Этот окруженный ореолом воровской романтики образ был создан писателем М. Вульфманом и художником К. Поллардом в конце 70-х годов прошлого века [3].

С другой стороны, черная кошка неизбежно ассоциируется с таинственностью, загадочностью и непредсказуемостью женского поведения. Так, автор зарисовки «Черная кошка в темной комнате», живущая в ожидании собственной востребованности, общественного признания, представляет себя воплощением находящейся в темной комнате (т.е. в сложных жизненных условиях) неуловимой черной кошки, которая хочет, чтобы ее нашли окружающие: *Здравствуйте, позвольте представиться: я – черная кошка. Я сижу в огромной темной комнате, полной мебели и различных лазеек. <...> Послушайте, люди, найдите меня – черную кошку, в этой большой и темной комнате, но имейте в виду, я очень хорошо спрячусь и не буду сидеть в одном месте. <...> Вот я скользнула под кровать и затаилась. В следующую минуту я юркнула под шкаф. Ищите, люди, ищите. Я знаю, вы сможете меня найти* [4].

Автор стихотворения, имеющее то же название – «Черная кошка в темной комнате», – также ассоциирует себя и свое поведение с черной кошкой – гордым, независимым, самодостаточным животным: *Не ищи. Чёрной кошкой скользну за окно. / Я – в ночи. И в душе моей – тоже темно. / Бесплезно включать в тёмной комнате свет. / Чёрной кошки – меня – здесь давно уже нет...* [5].

Отталкиваясь от афоризма великого Конфуция, Д. Мамедли рассуждает о тщетности поисков молодыми людьми иллюзорного счастья. В частности, он советует девушкам, верящим в красивую сказку о принце на белом коне, не искать черную кошку, то есть не тратить время впустую, а внимательно посмотреть по сторонам: «*Может, вашим принцем является соседский мальчик из третьего подъезда, который не отрывает влюбленных глаз от окна, откуда вы выглядываете*» [6].

Афоризм Конфуция используется А. Бабицким при рассмотрении сложной научной и философской проблемы поиска центра Вселенной. Рассуждая о том, что центр – это понятие пространственное, ученый акцентирует внимание на том, что само понятие «Вселенная» как пространственная категория является трудно определяемым. В итоге он приходит к выводу о том, что «центр какого-либо пространства без пространства невозможен» [7].

По данным Национального корпуса русского языка (см.: [www/ruscorpora.ru](http://www.ruscorpora.ru)), рассматриваемый афоризм регулярно используется (как в исходной, так и в видоизмененной формах) в художественных и публицистических текстах. Трансформации его компонентного состава могут быть минимальными, оставляющими почти не измененной всю конструкцию (таких употреблений, однако, относительно немного): *Не было у них никаких ссор, все нормально, не надо искать черную кошку в темной комнате, особенно если ее там нет!* (И. Брыкина. Кобзон обиделся за Пьеху // Комсомольская правда, 2007.08.06); *Трудно поймать черную кошку в темной комнате, говорил мудрец Конфуций, особенно если ее там нет* (Казуистика по-русски: порнография или литература // РИА Новости, 2005.06.14); *Для отвлечения от этой леденящей реальности нам предлагают хорошо знакомую игру по поиску черной кошки в темной комнате, тем более когда ее там нет* (Л. Сальникова. Черная кошка в темной комнате // «Огонек», № 7, 1991, 1991); *Ну не ищите вы черную кошку в темной комнате – там ее нет!* (А. Левит. Уверен, у нас все получится! // Советский спорт, 2009.06.30).

В некоторых случаях фиксируется значительно бóльшая степень трансформированности афоризма, обусловленная его соотнесенностью с более широким контекстом: *Не нашел, в чем не было ничего удивительного: вспомните о поиске черной кошки в темной комнате, особенно когда кошки там нет* (Я. Дамский. Крамник наносит ответный удар // Комсомольская правда, 2006.10.10); *Для него все персонажи тех времен – темные лошадки, что могут соперничать с черными кошками, которых нет в темной комнате* (Д. Симонова. Сорванная слива); *В этом случае задача становилась слишком трудной, почти как поиск черной кошки в черной комнате без всякой уверенности, что она там есть* (О. Максименко. Зеркальная материя – начало пути // «Наука и жизнь», 2007).

В большинстве же употреблений конфуцианского афоризма отмечается использование лишь первой его части, которая оказывается вполне достаточной для выражения целостного, уже закрепленного в сознании людей значения: *Здесь не*

стоит ударяться в политику и искать черную кошку в темной комнате, мотивируя позицию МОК противостоянием с техническими видами спорта (И. Зеленицын Сочи: Олимпиада или «Формула»? // Советский спорт, 2010.11.27); Все гораздо проще, чем вам показалось, поэтому нечего искать черных кошек в темной комнате (Прогноз астролога Павла Глобы // Труд-7, 2010.01.14); Хотелось бы подчеркнуть, что налоговые органы «не ловят черную кошку в темной комнате» (Объемы задекларированных доходов выросли более чем в три раза // РБК Daily, 2007.12.03); Может, не стоит искать черную кошку в темной комнате, а просто пора признать, что мы имеем тех арбитров, которых наш футбол заслуживает? (В. Ведерников. Судьи хороши, когда незаметны // Труд-7, 2005.05.04); Вообще все усилия обнаружить в этом «арестантском деле» какие-либо доказательства участия Кобзона в досрочном освобождении Япончика напоминают известную операцию по поиску черной кошки в темной комнате (А. Кучерена. Бал беззакония).

Наблюдающаяся в некоторых контекстах замена одного из ключевых компонентов – *кошка* – словом *кот* также нисколько не препятствует восприятию афоризма как целостной конструкции, основывающейся на двух исходных образах – «черная кошка» и «темная комната». Мотив поиска в темной комнате черного кота оказывается, таким образом, равнозначным мотиву, представленному в «исходном» обороте: *Ночью искать свой штаб – что черного кота в темной комнате (П. Летувет. Бестолковая должность); Мы же, хитроумничая и пытаюсь отыскать черного кота в темной комнате, надеялись, что политические активисты поймут наши намеки (А. Яковлев. Омут памяти); По мнению специалистов, шансы минимальны и все больше напоминают попытку найти черного кота в темной комнате (А. Журин. Трудно найти «черный ящик» в Черном море // Труд-7, 2001.10.11).*

Высокая степень включенности рассматриваемого афоризма в русскоязычное культурное пространство допускает и более «радикальные замены», касающиеся каждого из ключевых словосочетаний – *черная кошка* и *темная комната*: «производящее» высказывание – ***Трудно найти черную кошку в темной комнате, особенно если ее там нет*** – не перестает при этом оставаться понятным и узнаваемым. Сравн.: *Так что, лишнее это, господа хорошие – черную кошку в «рубиновой» комнате искать... (Такой чемпион нам не нужен! // Советский спорт, 2008.10.07); Сама именинница, несмотря на светлый праздник, нарядилась как «кавказская вдова», и найти «черную Айдан» в темной комнате было практически невозможно (Б. Рынска. Прикрыли торжество чадрой // Известия, 2007.12.24).*

Следствием индивидуально-авторской трансформации древнего афоризма может быть даже реализация совершенно иного, противоположного значения («сложно не видеть очевидное»), что опять-таки не отдаляет новообразование от прецедентного высказывания: *Но вот в чем дело: трудно не заметить черную кошку в идеально освещенной комнате (Ж. Сергеева. Свои дома сидят // Труд-7, 2008.11.14).*

Во всемирной Сети можно встретить большое количество оборотов, представляющих собой различные внеконтекстные (как правило, шуточно-ироничные) трансформации афоризма, принадлежащего Конфуцию. Так, интернет-материал «Переиначивая Конфуция» представляет собой подборку около 40 подобных

трансформаций. Среди них прежде всего можно выделить высказывания, включающие в свой состав словосочетания *черная кошка* и *темная комната* и актуализирующие ненужность/важность поисков, обнаружения чего-либо: *Трудно найти черную кошку в темной комнате, если нет ни черной кошки, ни темной комнаты; Трудно найти черную кошку в темной комнате, особенно, если не очень нужно; Если хочешь найти черную кошку в темной комнате, ты ее найдешь, даже если ее там нет.* Следующая группа трансформантов представлена конструкциями-демотиваторами, в которых кошка предстает как домашнее животное с присущими ей особенностями поведения и пристрастиями, а также – как потенциальная жертва собаки: *Очень трудно искать черную кошку в темной комнате, особенно если она кусается и царапается! Не трудно искать черную кошку в темной комнате, особенно, когда при тебе валерьянка; Трудно искать черную кошку в темной комнате, особенно если там ротвейлер.*

Юмористический эффект при обыгрывании исходного афоризма достигается и в результате замены «объекта поиска» другими предметами, которые потенциально могут находиться в темной комнате: *Трудно в темной комнате найти черные носки, если они не пахнут; Очень трудно найти в темной комнате выключатель, особенно если он в коридоре!*

Целый ряд трансформированных оборотов создается их авторами с сохранением второй, уточняющей части высказывания, имеющей обобщенный вид «особенно если чего-либо где-либо нет»; при этом первая часть афоризма наполняется самым разным содержанием: *Трудно найти пульт от телевизора в неприбранной комнате, особенно если его там нет; Трудно найти черную зарплату в черной экономике, особенно когда экономики-то и нет; Трудно найти время на отпуск, особенно когда его нет; Трудно сойти с ума, особенно если его нет; Трудно остановить утечку мозгов, особенно если их нет [8].*

Поскольку рассматриваемый афоризм построен по определенной логической схеме, основанной на интриге, а одним из ключевых слов в нем является слово *поиск*, ассоциирующееся с научным поиском, это выражение не может не стимулировать появления в среде интернет-пользователей псевдонаучных методик решения не решаемой, на первый взгляд, проблемы. Так, материалы, помещенные в «Абсурдопедии» – интернет-ресурсе, пародирующем энциклопедию «Википедия», включают более 70 наукообразных описаний «методов поиска черной кошки в темной комнате». Сравн.: Диалектический метод: *Тезис: «Кошки в комнате нет». Анти-тезис: «Кошка в комнате есть». Синтез: «Истина в том, что кошка либо есть, либо её нет»;* Метод активации: *Облучаем комнату с находящейся в ней кошкой медленными нейтронами. Внутри кошки будет наведена радиоактивность, и её станет видно;* Метод «Зов инстинкта»: *Ждём весну. Берём заранее пойманного кота-самца. Подвешивая кота за хвост, извлекаем из него боевой клич около входа в комнату. Ждём срабатывания у кошки полового инстинкта. Ловим подопытную;* Метод верификации: *Если оно мурлычет, как кошка, мяукает, как кошка, царапается, как кошка, и пускает искры, как кошка – это кошка [9].*

Таким образом, приведенный материал свидетельствует о значительном продуцирующем потенциале одного из наиболее известных конфуцианских афоризмов, основательно «укоренившегося» в русскоязычном культурном пространстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кошка Конфуция. Форум [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.aphorisme.ru/comments/7597/?q=967&a=7597> – Дата доступа: 15.11.2014.
2. В день кота. Философия с улыбкой [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dedusenko.at.ua/blog/2011-03-01-23> – Дата доступа: 15.11.2014.
3. Чёрная кошка (Marvel Comics) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/Marvel_Comics – Дата доступа: 15.11.2014.
4. *Игнатъева, И.* Черная кошка в темной комнате / И. Игнатъева [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://samlib.ru/i/ignatxewa_i_e – Дата доступа: 16.11.2014.
5. *Костополу, Т.* Черная кошка в темной комнате / Т. Костополу [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.stihi.ru/2010/03/01/8773>– Дата доступа: 16.11.2014.
6. *Мамедли, Д.* Блог о Болгарии / Д. Мамедли [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bulgariatoday.ru/blogs/bolqarskayamechta/259.php>
7. *Бабицкий А.* Центр Вселенной: попытки найти чёрную кошку в тёмной комнате [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.chuchotezvous.ru/universe-evolution/229.html> – Дата доступа: 13.11.2014.
8. Переиначивая Конфуция [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.sem40.ru/other/24360/index_text.shtml – Дата доступа: 14.11.2014.
9. Как правильно искать чёрную кошку в тёмной комнате [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://absurdopedia.wikia.com/wiki> – Дата доступа: 14.11.2014.

Прокофьева Ю.С.

(Минск, Республика Беларусь)

ЗАКОНОМЕРНОСТИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ КИТАЙСКОГО ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОГО ИСКУССТВА И ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОМЫСЛОВ В 1980 – 2014 ГГ.

На основании анализа летописей белорусских печатных и электронных изданий, музейных коллекций, полевых материалов в статье раскрыты закономерности распространения в Республике Беларусь китайского декоративно-прикладного искусства и художественных промыслов в 1980–2014 гг.

Ключевые слова: китайское декоративно-прикладное искусство, китайские художественные промыслы, закономерности распространения, китайские традиции.

Based on the analysis of the chronicle of Belarusian printed and electronic publications, museum collections, field materials in the article reveals the patterns of distribution in the Republic of Belarus of Chinese decorative arts and crafts in the 1980–2014.

Keywords: *Chinese arts, Chinese crafts, patterns of distribution, the Chinese tradition.*

Китайское декоративно-прикладное искусство и художественные промыслы очень самобытны и имеют особую историческую и художественную ценность. Они утилитарны и при этом эстетичны, сочетают в себе научные знания и высокие ремесленные навыки. На протяжении тысячелетия они передавались из поколения в поколение, и все последующие мастера неуклонно продолжали поиски и развивали навыки протонародных умельцев до профессионального уровня и создания новых изобразительных средств. На современном этапе прослеживается преемственность традиций в китайском обществе, которая служит залогом динамического развития одной из древнейших мировых цивилизаций.

Актуальность исследования влияний и заимствований китайских традиций в современной культуре Беларуси обусловлена рядом обстоятельств этнокультурного и общенаучного плана. Работа отвечает запросу времени в связи с расширяющимися культурными контактами Китая и Республики Беларусь, растущим интересом к глубинным корням культуры обеих стран и малой изученностью их взаимного влияния в художественной сфере. Проводятся обмены визитами между молодежными организациями, союзами женщин, фондами мира. Регулярно осуществляется обмен делегациями представителей СМИ.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что в распространении китайского декоративно-прикладного искусства и художественных промыслов в Беларуси в 1980 – 2014 гг. можно выделить ряд закономерностей:

1) *Распространение книг и периодических изданий о китайском декоративно-прикладном искусстве и художественных промыслах. Использование возможностей телевидения, радио и сети Интернет.* Выявлено, что распространение культуры начинается с признания культурной инновации в *МИКРОСРЕДЕ*. В дальнейшем с помощью средств массовой информации эта инновация «попадает» в *МАКРОСРЕДУ*, в условия конкуренции различных культурных изобретений, идей, предложений. Став достоянием культуры масс, данная инновация обретает черты устойчивого *КУЛЬТУРНОГО ОБРАЗЦА*, который транслируется через механизмы социализации личности. При распространении китайского искусства в белорусском обществе важным является коммуникативное сохранение и передача информации, составляющей достижения культуры. В этой связи активно используются устные, письменные, аудиовизуальные и электронные типы передач.

В изучаемый период появилось большое количество русскоязычных альбомов, журналов, учебников, научно-популярных и художественных книг, посвященных китайскому декоративно-прикладному искусству и народным промыслам (Чжан Далэй [1], Виноградова Н.А. [2], Васильев Л.С. [3], Малявина В.В. [4], Кузьменко Л. [5], Кравцова М.Е. [6], и др.). Следует отметить и широкое распространение оригинальной литературы на китайском языке (библиотека Республиканского

института китаеведения имени Конфуция Белорусского государственного университета в г. Минске, а также в его филиалах в Гродно и Гомеле, Национальная библиотека Беларуси).

Печатные и электронные средства массовой информации обладают огромными возможностями в формировании представлений о том или ином событии, факте, явлении и т.д., в том числе о китайской художественной культуре. В качестве основных показателей актуальности исследования в печатных изданиях рассматривается число публикаций и занимаемая площадь информационных сообщений. На страницах белорусских СМИ наиболее часто обсуждается тема экономического развития КНР. Тема китайской культуры нередко отходит на второй план. Между тем белорусов интересует сотрудничество и взаимоотношения между Китаем и Беларусью, осмысленные не только на официально-экономическом, но и на бытовом уровне. Проведенный анализ показал, что национальный колорит, присущий художественной культуре Китая, нашел отражение в белорусских СМИ и позволил существенно дополнить образ страны, который формируется в сознании белорусского читателя. Более полный и системный подход к вопросу медийного обеспечения белорусско-китайского взаимодействия был намечен в Соглашении о сотрудничестве в области информации и печати (2005 г.) между Министерством информации Республики Беларусь и Пресс-канцелярией Государственного Совета Китайской Народной Республики, в котором стороны договорились «проводить регулярный обмен информацией, в том числе касающейся вопросов политической, экономической и культурной жизни обеих стран, через информационные агентства, печатные издания, средства телевидения и другие средства массовой информации» [7]. Содержится в данном документе также договоренность всемерно содействовать обмену информационными, в том числе новостными, материалами, бюллетенями и печатной продукцией.

2) *Музейное экспонирование произведений китайского декоративно-прикладного искусства и художественных промыслов.* Установлено, что лидирующую позицию в данном виде распространения китайского декоративно-прикладного искусства занимает Национальный художественный музей Беларуси. Китайское искусство там представлено с конца 1950-х годов. Китайская Народная Республика приняла участие в послевоенном восстановлении белорусских музейных фондов, прислав в Минск коллекцию из произведений декоративно-прикладного искусства (около 400 единиц). Поступления в китайское собрание музея продолжались и в 1960-х, в том числе за счёт музейных приобретений у частных коллекционеров [8].

В 2010 г. в Национальном художественном музее Беларуси экспонировалась выставка из коллекции художественного музея в Пекине. В 2011 г. выставлялись «Керамика и фарфор Китая» из собрания музея. В 2013 г. в рамках выставки традиционного китайского искусства «Весна души» была проведена акция «Китайское искусство и Чайная церемония».

Наконец, в 2014 г. было подписано соглашение о сотрудничестве между Национальным художественным музеем Беларуси и Государственным музеем императорского дворца Гугун в Пекине, согласно которому в будущем планируется ряд совместных культурных проектов. Так, уже в 2015 году, в рамках проведения

в городе дней культуры Китая, в г. Минск приедет экспозиция из Императорского музея Гугун [9].

В Национальном музее истории и культуры также экспонируется китайское декоративно-прикладное искусство. Так в 1999 г. была открыта выставка китайской вышивки и вееров [10]. В 2007–2008 г. выставлялись произведения традиционной китайской вышивки шелковой нитью на шелковом полотне «Сучжоу» [11].

В 2011 г. в Национальном историческом музее Республики Беларусь экспонировалась выставка «Современное китайское искусство волокна». Авторы работ – известные художники, учителя и студенты из 18 ведущих китайских художественных вузов, которые своими произведениями отразили разные стороны меняющегося мира и свое понимание китайской истории, культуры и экологического сознания [12].

Первый визит представителей Центрального института каллиграфии и живописи Китая в Беларусь состоялся в 2012 году. В рамках визита было открытие выставки «Китайские художники в Минске» [13], приуроченной к 20-летию установления дипломатических отношений между двумя странами. Во время встреч с представителями министерства культуры Беларуси, деятелей культуры и искусства, исполнительной власти Минска и Могилева были достигнуты договоренности об участии китайских художников в ряде международных культурных мероприятий. Например, заместитель председателя Могилевского облисполкома Валерий Малашко пригласил китайских художников принять участие в международных пленэрах по живописи «Образ Родины в изобразительном искусстве» и по керамике «Артжыжалъ». В свою очередь китайские художники посетили Могилевский областной художественный музей имени П.В. Масленикова, ознакомились с его постоянно действующей экспозицией и выставочными проектами, а также провели для учащихся школ и колледжей искусств города Могилева мастер-класс по каллиграфии.

Следует отметить, что китайское декоративно-прикладное искусство и художественные промыслы широко экспонируются и в регионах. Так, например, активно сотрудничает с Посольством Китайской Народной Республики Гомельский дворцово-парковый ансамбль. Организуются совместные выставочные проекты. История этого партнёрства берет своё начало с организации выставки китайского искусства в 1997 году. Так было положено начало ряда разнообразных проектов: выставка китайской традиционной живописи (1998), «Китайский национальный костюм» (2000), «Китайское искусство на белорусской земле» (2001), «Персонажи пекинской оперы» (2006), «От надписи на черепаших панцирях до компьютера» (история китайского иероглифа) и «Современный дизайн Китая» (2007) [14].

Китайские вазы экспонируются в музее «Спасённые художественные ценности» (филиал Брестского областного краеведческого музея) в Бресте [15].

В 1998 году была организована выставка декоративно-прикладного искусства Китая в Музее Белорусского Полесья (г. Пинск) [16].

В 2014 г. в Октябрьском районном Центре истории и культуры (Гомельская область) открылась выставка «Прекрасный Китай», организованная посольством КНР в республике Беларусь, при личном участии посла Ся Гуанюаня и китайским культурным центром обмена с зарубежными странами [16]. В экспозицию вошли

национальные костюмы этнических меньшинств Китая, а также произведения декоративно-прикладного творчества, фотографии, отражающие природу Китая и его достопримечательности. На выставке были представлены китайские красные фонарики, изделия из бронзы, произведения традиционного народного декоративно-прикладного творчества «Цзяньчжи» (вырезание по бумаге).

3) *Популяризация китайского искусства через обучение декоративно-прикладному искусству и художественным промыслам.* На современном этапе одной из форм распространения китайского искусства выступает организация и проведение различных мастер-классов и тренингов. Обучение проводят как частные центры, так и государственные структуры (Республиканский институт китаеведения имени Конфуция Белорусского государственного университета). Мастер-классы помогают без подготовки, опыта и специального образования в короткий срок освоить основные художественные приемы, приобрести наиболее важные технические навыки и практический опыт создания готовых изделий. В 2013 г. РИКК БГУ организовывал мастер-класс по китайскому искусству вырезания фигур из бумаги «Цзяньчжи». Зародившись в Китае «цзяньчжи» со временем стала распространяться по всему миру, а с середины 19 века становится популярной и в Беларуси. Доступная форма такого художественного творчества способствовала быстрому распространению этого вида искусства и на современном этапе. В настоящее время вытинанка широко применяется в школе и внешкольных учреждениях образования и культуры для детского творчества. Популярна как техника графического искусства для оформления книг, плакатов, открыток, календарей.

Отдельные аспекты китайского художественного творчества введены в учебные программы художественных и культурологических дисциплин ряда вузов страны, например, Белорусской академии искусств, Белорусского государственного университета культуры и искусств, Белорусского государственного педагогического университета имени М. Танка.

4) *Распространение китайской сувенирной продукции.* Торговый обмен между народами также выступает одной из частных форм распространения китайской культуры. Именно развитие белорусско-китайской торговли и наполнение белорусского рынка китайскими товарами стимулировали зарождение и рост интереса к китайскому искусству, что, в свою очередь, органично переплелось с эстетическими представлениями, формировавшимися в РБ на современном этапе под воздействием идей, пришедших из Западной Европы.

Произведения китайского декоративно-прикладного искусства пользуются большой популярностью среди белорусов для украшения интерьера (фарфоровые вазы, лакированные шкатулки, сцены из «китайской жизни» на ширмах и панелях). По словам информантов, предметы декора, созданные в восточном стиле, как действительно привезенные из Поднебесной, так и выполненные на Западе на «китайский манер», выступают как своего рода реквизит, некоторый театрализованный антураж, создающий ощущение восточной экзотики. Говоря об изделиях декоративно-прикладного искусства в «китайском стиле» и их включении в интерьер, можно отметить определенный набор наиболее часто использованных китайских мотивов и символов (растительные, животные орнаменты, изображения иероглифов).

5) *Интерпретация китайских техник белорусскими художниками и ремесленниками.* Следует отметить, что в области декоративно-прикладного искусства и быта белорусов увлечение Китаем оказалось особенно плодотворным. Заимствуются как художественные техники, типичные модели, так характерные формы, сюжеты и орнамент. В прикладном варианте эта мода выражается в создании изделий декоративно-прикладного искусства на китайский манер. Особенно ярко это явление отразилось в орнаментах и оформлении плафонов, паркетов и фарфора, который в большом количестве встречается в украшении в китайском стиле интерьеров (современный «шинуазри»).

Последнее десятилетие отмечено значительно возросшим вниманием отечественных художников и искусствоведов к китайским техникам. Это следствие не столько популярности и даже моды китайской культуры в Беларуси, сколько закономерный результат динамичного увеличения удельного веса всего объема рассматриваемого явления, в контексте других феноменов современного искусства. О чем свидетельствует не только многообразие зарубежных, но и активно формирующихся в последние годы, отечественных мастерских и студий в Минске и других городах. Как показывают полевые исследования, популярностью среди белорусских рукодельниц и ремесленниц пользуются наборы для вышивки из Китая с китайскими традиционными мотивами.

В ходе проведенного анализа установлено, что на современном этапе китайское декоративно-прикладное искусство и художественные промыслы характеризуются разнообразием форм и содержания. Это коллективное творчество, развивающееся на основе художественных традиций и аутентичных технологий. Согласно современным стратегиям культурного развития Республики Беларусь, ценностно-ориентированное китайское народное искусство и художественные промыслы в своем духовно-эстетическом содержании играют очень важную роль. Ценность китайского народного искусства определяется его ориентацией на традиции и преемственность. Символичность, позитивная ориентированность и гармоничность, воплощенные в китайском народном искусстве, определяют его востребованность и актуальность в современном белорусском технократическом обществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Чжан, Далэй.* Изобразительное искусство Китая конца XIX – XX столетий: национальное культурное наследие и влияние европейских традиций / Чжан Далэй. – Минск : Энциклопедикс, 2007. – 156 с.
2. *Виноградова, Н. А.* Китайская пейзажная живопись / Н. А. Виноградова. – М.: Искусство, 1972. – 256 с.
3. *Роль традиций в истории и культуре Китая :* [Сборник статей / АН СССР. Ин-т востоковедения; Ред. коллегия: Л. С. Васильев (отв. ред.) и др.]. – М. : Наука, 1972. – 376 с.
4. *Китайское искусство : принципы. Школы. Мастера /* составление, перевод с китайского, вступительная статья и комментарии В.В.Малявина. – Москва : Астрель : АСТ, 2004. – 429, [1] с. – (Китайская классика : новые переводы, новый взгляд).

5. Искусство Китая : [Краткий науч-попул. очерк-путеводитель по постоян. экспозиции музея] / Гос. музей искусства народов Востока; [Л. И. Кузьменко, В. Л. Сычев]. – М. : ВРИБ «Союзрекламкультура», 1990. – 46, [1] с.
6. *Кравцова, М.Е.* История культуры Китая / М. Е. Кравцова. – СПб.: Лань, 1999. – 416 с.
7. Соглашение о сотрудничестве в области информации и печати между Министерством информации Республики Беларусь и Пресс-канцелярией Государственного Совета Китайской Народной Республики [Электронный ресурс]. – 2005. – Режим доступа: <http://www.pravo.levonevsky.org/bazaby/mdogov/megd0047.html>. – Дата доступа: 09.07.2014
8. Искусство стран Востока XVI – XX вв. Национальный художественный музей Республики Беларусь / Коллекции. [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа: // <http://artmuseum.by/ru/koll/vostisk.html>. – Дата доступа: 01.08.2014.
9. Национальный художественный музей Беларуси подписал соглашение о сотрудничестве с Государственным музеем императорского дворца Гугун в Пекине. – [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: <http://www.ctv.by/nacionalnyu-hudozhestvennyu-muzeu-belarusi-podpisal-soglashenie-o-sotrudnichestve-gosudarstvennum>. – Дата доступа: 19.08.2014.
10. *Марадудина, Н.* Подари на счастье веер / Н. Марадудина // Вечерний Минск. – № 245 от 4 октября 1999 г. – С. 3.
11. Национальный музей истории и культуры представит вышивку шелком по шелку // Belarus today [Электронный ресурс]. – 2008. – Режим доступа: <http://belarustoday.info/?pid=55187.html>. – Дата доступа: 21.07.2014.
12. Текстильный пейзаж // Рэспубліка [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: <http://respublika.sb.by/vystavki/article/tekstilnyu-peyzazh.html>. – Дата доступа: 11.08.2014.
13. *Кулягин, С.* Китайские художники намерены вернуться в Беларусь рисовать зимние пейзажи / С. Кулягин. – [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: http://www.belta.by/ru/all_news/culture/Kitajskie-xudozhniki-namereny-vernutsja-v-Belarus-risovat-zimnie-pejzazhi_i_586645.html. – Дата доступа: 01.08.2014.
14. Важнейшие события в дипломатических отношениях Республики Беларусь и Китайской Народной Республики // Гомельский дворцово-парковый ансамбль. – [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: <http://www.palacegomel.by/index.php?newsid=914>. – Дата доступа: 22.09.2014.
15. Брестский музей «Спасённые художественные ценности» — филиал Брестского областного краеведческого музея. – [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: <http://values.brest.museum.by>. – Дата доступа: 22.09.2014.
16. Декоративно-прикладное искусство Китая [Изоматериал] : [Выставка в Пинске]: [Плакат] / Посольство КНР в РБ; Бел. союз молодежи; Музей бел. Полесья. – Пинск : Б.и., 1998. – 1 л.
17. *Старинович, Е.* В музее в Октябрьском открылась выставка китайского искусства / Е. Старинович // Чырвоны кастрычнік. Акцябрская раённая газета. – [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: <http://www.ch-smi.by/2014/07/v-muzeev-oktyabrskom-otkrylas-vystavka-kitajskogo-iskusstva.html>. – Дата доступа: 22.09.2014.

Сакума С.Л.
(Минск, Республика Беларусь)

АДАПТАЦИЯ УЧЕБНЫХ МИГРАНТОВ ИЗ КИТАЯ В БЕЛАРУСИ

В статье затрагиваются вопросы социальной адаптации китайских учебных мигрантов в Беларуси. Автор использует материалы опросов, проведенных на базе Белорусского государственного университета культуры и искусств, Гомельского государственного университета им. Ф.Скорины в 2011-2012 гг. В статье выделяются основные проблемы адаптации китайских студентов, приводятся примеры адаптационных мер в некоторых вузах Республики Беларусь, даются рекомендации, чтобы сделать адаптацию более эффективной.

This article deals with the social adaptation of Chinese study migrants in Belarus. The study is based on the materials of the questioning held in Belarusian State University of Culture and Arts and F. Skaryna Gomel State University in 2011-2012. The author defines the main problems of social adaptation of Chinese students, shows examples of measures supporting adaptation in some universities and gives recommendation for effective adaptation.

Учебная миграция – это не только мощный экономический ресурс, но и средство для распространения знаний о культуре Республики Беларусь, создания положительного имиджа нашей страны за границей. Кроме своего прямого эффекта учебная миграция служит в качестве дополнительного демографического ресурса: в условиях общего старения населения Республика Беларусь может получить молодых, образованных, адаптированных за период обучения граждан. Следует также учитывать тот факт, что в ближайшем будущем система образования Республики Беларусь ввиду снижения рождаемости будет испытывать недостаток абитуриентов при сохранении количества преподавателей.

Данная статья основана на материалах опроса китайских студентов, проведенного в Белорусском государственном университете культуры и искусств и Гомельском государственном университете им. Ф.Скорины в 2011–2012 гг. Всего было опрошено 86 студентов из КНР.

Согласно данным Департамента по гражданству и миграции МВД Республики Беларусь, в 2009 г. в Беларуси обучалось 1679 китайских студентов. Мировые тенденции свидетельствуют, что количество студентов из региона Восточной и Юго-Восточной Азии будет увеличиваться. В России наблюдаются схожие процессы: «По данным наших исследований, в составе иностранных граждан, прибывших на учебу в Россию, растет доля выходцев из Китая. Так, если в 1994 г. среди иностранных студентов (без учета стран СНГ и Балтии) было 6,2% граждан Китая, то в 2001 г. их доля составила не менее 10%» [1]. По состоянию на 2009 г. в Беларуси проходили обучение 4170 человек из Азиатского региона. Это составляет 55,3% от общего числа иностранных студентов, или 59,4% от общего числа платно

обучающихся иностранцев. Китайские студенты составляют 41,8% от общего числа студентов из Азии или 23,1% от всего количества иностранных студентов в Республике Беларусь [1]. Согласно Концепции развития экспорта образовательных услуг предполагалось к концу 2010 г. увеличить экспорт образовательных услуг в 1,6 раза по отношению к показателям 2005 г. [82]. Затем была принята Государственная программа развития высшего образования, согласно которой объем экспортных услуг планируют увеличить в три раза [2]. В связи с ростом числа иностранных студентов в Республике Беларусь, в частности, студентов из региона Восточной и Юго-Восточной Азии, целесообразно определить закономерности учебной адаптации выходцев из Восточной и Юго-Восточной Азии в Беларуси.

Большинство студентов из Восточной и Юго-Восточной Азии проходит обучение в Минске, а также в областных городах (наибольшее число в Витебске и Гомеле). Расселение связано с наличием в населенном пункте крупного образовательного центра – университета. Несмотря на значительную концентрацию китайских студентов в Минске (82% всех китайских студентов), китайским посольством предпринимаются меры по распределению студентов по другим городам. Согласно опросам, среди китайских студентов бытует мнение о том, что чем западнее находится регион, тем выше уровень развития культуры [3, л. 846]. В будущем следует ожидать увеличение иностранных студентов не только в Минске, но также и в других областных городах.

Как правило, выбор страны обучения, города, вуза и специальности – это сочетание нескольких факторов. Наиболее важными факторами являются рекомендации знакомых, преподавателей, которые ранее обучались или стажировались в Беларуси. Такой ответ дали около половины респондентов (47,3% ответов китайских студентов). В связи с этим следует отметить продолжительные образовательные связи между Беларусью, с одной стороны, и Китаем и Вьетнамом, с другой стороны, которые сложились еще при существовании СССР, когда многие специалисты из Китая проходили обучение в учебных заведениях БССР.

На втором месте по важности для китайских студентов выступает желание учиться в другой стране (17,5 % ответов).

Важной причиной выбора белорусского вуза является безопасность страны (14,9% ответов китайцев). Все респонденты отмечали, что выбор между Россией и Беларусью делался в пользу последней по причине того, что в России в последнее время растут ксенофобские настроения и активизируется деятельность националистических организаций, в том числе скинхедов.

Немаловажным фактором выбора Беларуси в качестве страны для обучения для китайских студентов (11,4% ответов) является также стоимость белорусского образования. Китайские респонденты отмечали относительно низкую стоимость белорусского образования при более низких, чем в Китае, ценах на продукты питания [3, л. 1–306]. Следует отметить, что возможность отправить своих детей для обучения за границу в Китае имеет только относительно обеспеченный класс: чиновники, бизнесмены, государственные менеджеры, преподаватели вузов. При этом наиболее обеспеченные выбирают в качестве страны обучения такие страны как США, Южная Корея, страны Западной Европы. Менее обеспеченные, а также те, чьей целью является изучение русского языка, выбирают между странами СНГ.

Таким образом, если для иностранных студентов в России среди наиболее возможных альтернатив обучения в России чаще всего выступают такие страны как США, Германия, Китай, Великобритания, Франция, Канада [4, с. 296], то студенты из региона Восточной и Юго-Восточной Азии, которые приезжают в Беларусь, чаще всего выбирают из возможности обучения в России, Беларуси или Украине. Эти три страны обладают примерно одинаковыми параметрами предоставления образовательных услуг: стоимость, географическое расположение, традиции образования, материальная база, основной язык обучения. К причинам выбора Беларуси относятся большая безопасность страны (в Беларуси, по мнению, респондентов, межнациональная обстановка более спокойная), стоимость обучения (относительно ниже, чем в России и Украине).

Прежде чем поступить на первый курс, как правило, иностранные студенты должны пройти обучение на факультете довузовского обучения (ФДО). Такие факультеты существуют во всех крупных вузах, осуществляющих подготовку иностранных специалистов. При обучении на ФДО основной упор делается на изучении русского языка (до 20 часов русского языка в неделю). В рамках курса русского языка проводят занятия, которые должны способствовать адаптации иностранных студентов, в том числе предоставить знания о традициях, культуре местных жителей, об ориентации в пространстве города [3, л. 897]. В Белорусско-Российском университете (г. Могилев) в перечень занятий на ФДО введен специальный курс по социокультурной адаптации [3, л. 897]. Данный курс является разработкой методистов международного отдела университета. Ими ведется научная и практическая работа по созданию комфортной среды для обучения иностранных студентов [5, 6].

Следующий блок вопросов касался проблем первичной социокультурной адаптации. Для нас было важно установить, какой срок необходим для адаптации выходцев из Восточной и Юго-Восточной Азии, с какими проблемами они сталкиваются на первом этапе, кто помогает им преодолевать сложности.

По мнению респондентов, срок, необходимый для адаптации, распределился следующим образом: адаптация не нужна (13,9% респондентов), до 1 месяца (22%), до 3 месяцев (18,6%), до полугода (11,6%), до 1 года (15,1%), до 2-х лет (2,3%), до 3-х лет (2,3%), еще не адаптировались (4,6%), не дали ответа (8,1%). Как показывает беседа с экспертами международных отделов вузов, первичная адаптация приходится как раз на первые три месяца. В пределах 1 года студенты усваивают русский язык в мере, необходимой для успешной адаптации.

На первом месте среди трудностей, с которыми респонденты столкнулись на первом этапе, как и предполагалось, является плохое знание русского языка (75,6% всех респондентов) и вытекающие из этого сложности: плохая коммуникация с преподавателем, с одногруппниками, с соседями по общежитию, работниками магазинов и т.д. По словам преподавателей вузов, выходцы из Восточной и Юго-Восточной Азии более медленно осваивают русский язык по сравнению с выходцами из стран СНГ, в том числе из Средней Азии. Для освоения русского языка в пределах, необходимых для осуществления полноценной коммуникации, выходцам из Восточной и Юго-Восточной Азии требуется в среднем от 1 года до 1,5 лет [3, л. 1–306].

На втором месте стоит приспособление к местной кухне (41,8% всех респондентов). Респонденты отмечают сильные отличия своей кухни от белорусской, а также недостаток необходимых для приготовления компонентов. Респонденты высказывают мнение о низком качестве риса и зеленого чая, которые продаются в Беларуси. Исходя из опроса, большинство респондентов стремится сохранить свои кулинарные паттерны. Необходимые компоненты, прежде всего, соусы и приправы (то, что не имеет большого веса), выходцы из Восточной и Юго-Восточной Азии привозят с собой. В Минске появились магазины, специализирующиеся на продаже китайских продуктов. Вместе с тем следует отметить, что многие переходят на американизированные образцы питания, так называемый «фастфуд», элементы, свойственные для питания во всем мире. Часть опрошенных проходит адаптацию к белорусской кухне, посещая белорусские учреждения общепита, в том числе студенческие столовые. При этом большинство респондентов сами не готовят белорусские блюда.

Далее указываются проблемы, связанные с непониманием преподавателя на занятиях (38,3%) плохим отношением со стороны местных жителей (26,7%), с учебной и расписанием занятий (24,4%). Наибольшие затруднения вызывает русский язык и литература, а также обязательный на всех подготовительных отделениях курс по истории Беларуси. У китайских студентов Белорусского государственного университета культуры и искусств наибольшие сложности возникают с непрофильными предметами: психологией, педагогикой, основами права. По нашему мнению, курс по истории Беларуси следует перенести на более поздний курс обучения, так как на первом году изучения русского языка студент зачастую оказывается не в состоянии понять особенности белорусской истории, а значит, значение этого курса теряется [3, л. 1–306].

Далее следуют бытовые проблемы (23,2%). Большинство респондентов проживает в студенческом общежитии (90%). Как правило, администрация вуза стремится обеспечить всех иностранных студентов общежитием. По информации БГУ, вуз гарантирует заселение двух третей иностранных студентов.

74,4% респондентов на первом этапе адаптации получают поддержку со стороны китайских студентов, которые приехали раньше. Исходя из полевых материалов, некоторые китайские студенты, которые обучаются в течение 3-х и более лет в Беларуси, осуществляют платную помощь по адаптации. Помощь заключается в ознакомлении с университетом, органами по регистрации, основными торговыми центрами. За такие услуги они получают до 2 тысяч долларов [3, л. 306]. 34,8% получают помощь со стороны преподавателей, 32,5% – со стороны белорусских студентов, 4,6% со стороны посольства.

Большинство китайских студентов в Беларуси обучается за счет средств родителей. Некоторые имеют подработку, чаще всего в сфере мелкого бизнеса в качестве розничных торговцев, курьеров с неполным рабочим днем [3, л. 1–306].

Как уже отмечалось выше, одной из причин выбора Беларуси в качестве страны обучения является ее безопасность. Этот факт подтверждается самими респондентами, более половины опрошенных не сталкивалась с проявлениями агрессии в Беларуси (67,4%). Вместе с тем 32,5% опрошенных заявило, что сталкивалось

с негативным отношением со стороны местных жителей. При этом негативное отношение проявлялось в словесной форме для 21,6%, в плохих отношениях с соседями, коллегами (17,8%) и для 57,1% в негативном опыте общения с местными жителями в нетрезвом виде. Как отмечали респонденты, отдельные представители местного общества не в состоянии отличить корейцев от китайцев и т.д., и с этим связаны возникающие недопонимания [3, л. 1–306]. С агрессией в физической форме опрошенные респонденты не сталкивались.

Большинство респондентов характеризует состояние межнациональных отношений в Беларуси как нормальное, спокойное (54,6% от всего числа опрошенных). 31,3% опрошенных отмечают, что в целом нормальные, но временами отношения ухудшаются. Только 1,1% респондентов охарактеризовали межнациональные отношения в Беларуси как напряженные. При этом 5,8% респондентов затруднились дать ответ на этот вопрос, и 6,9% не ответили на этот вопрос.

Следует отметить, что большинство респондентов не замыкается в кругу своих соотечественников. Одинаково интенсивно общаются со своими земляками, так и с белорусскими студентами 19,7% опрошенных, общаются как с китайскими студентами, так и с белорусскими, но с китайскими больше – 56,9%, общаются исключительно со своими земляками лишь 9,3%. 6,9% больше общаются с белорусскими студентами. Во многом этому способствует образовательная политика многих вузов: она заключается в том, чтобы организовать смешанное расселение в общежитиях иностранных и белорусских студентов, а также обучение в смешанных группах. В Минске по причине большого присутствия китайских студентов иногда не удается организовать обучение в смешанных группах.

Среди предложений по улучшению условий проживания на территории Беларуси представители китайских студентов отмечают в основном предложения экономического характера (24,4%), связанные с увеличением экономических связей между Беларусью и странами Восточной и Юго-Восточной Азии, в том числе с целью увеличения ассортимента привычных для них товаров. На втором месте (16,2%) предложения по изменению бытовой сферы, условий проживания в общежитии, на третьем месте – желание изменения личных качеств принимающего общества (китайские студенты желают видеть представителей принимающего общества более трудолюбивыми, склонными к прогрессу, к трезвому образу жизни). Следует отметить, что 31,3% респондентов не высказали никаких идей по поводу изменения условий, 2,3% респондентов высказались за то, что ничего не нужно менять [3, л. 1–306].

Для изучения миграционного потенциала иностранных студентов необходимо выяснить их миграционные намерения. Желание остаться жить в Беларуси высказало 17,4% респондентов. Чаще всего такое желание определяется экологическим фактором (33,3%), условиями жизни (20%), также среди причин следует отметить личные причины, в частности, вступление в брак с гражданами Беларуси (13,3%). Большинство респондентов (69,7%) не высказало желания остаться в Беларуси на постоянное местожительство, так как в Китае семья, работа, родина (51,6%), так как не может привыкнуть к другому образу жизни (16,27%), так как не устраивают условия жизни (8,3%), 15% респондентов не указало причину. Как по-

казало полевое этнографическое исследование, в Беларуси на постоянное или временное проживание остается небольшое количество человек из числа китайских студентов (по нашим данным, 10 человек). Среди причин, по которым они остались, – трудоустройство (чаще всего на трудоустройство влияет этнический фактор: работа в качестве преподавателя китайского языка, переводчика, работа в качестве повара в ресторане китайской кухни), работа в китайской компании, вступление в брак с гражданами Беларуси. Часто наблюдается сочетание двух причин одновременно [3, л. 1–306].

Можно выделить две стратегии поведения иностранных студентов относительно процесса адаптации: те, кто не собирается оставаться на постоянное или временное проживание в Беларуси и планирует вернуться на родину и трудоустроиться с белорусским дипломом. Следовательно, их адаптация происходит пассивно, они стремятся сохранить образ жизни, который они вели на родине. Почти вся коммуникативная деятельность происходит среди студентов-земляков. Другая, противоположная по направленности линия поведения – это те студенты, которые собираются остаться на постоянное или временное проживание в Беларуси. Для них период обучения является возможностью «мягкой», относительно долговременной адаптации. Во время обучения они имеют возможность изучения русского языка, интенсивного общения с местными жителями и вхождения в коммуникативное поле путем изучения традиций, образа жизни и культуры местных жителей, знакомства с рынком труда и возможностью трудоустройства, выбора партнера из числа местных жителей для создания семьи смешанного типа.

В Беларуси отсутствует единая адаптационная программа в отношении иностранных студентов. Каждый вуз по-своему решает адаптационные проблемы. Так, например, в Белорусско-Российском университете г. Могилева специальный адаптационный курс входит в учебный план. Он предполагает ознакомление с городом, учебным расписанием, коллективом преподавателей, а также с основными разговорными ситуациями. Этот курс является разработкой методистов международного отдела. В Гродненском государственном университете им. Я. Купалы адаптационный курс является частью курса по русскому языку. Учащимся предлагается составить фотоэкскурсию по Гродно с подробным рассказом о достопримечательностях города, также на занятиях разыгрывают основные коммуникативные ситуации [3, л. 1–306].

Как правило, студенты, имеющие законченное школьное образование, прежде чем поступить на 1 курс, обучаются 1 год на подготовительном отделении вуза. Если студент поступает в белорусский вуз после того, как отучился несколько курсов на родине, то ему необходимо пройти процедуры нострификации. Республика Беларусь подписала Соглашение о взаимном признании документов об образовании с Китайской Народной Республикой [7]. Вместе с тем, данные Соглашения не оговаривают всех случаев применения признания: так в Китае существует ряд специальностей, аналогов которых не существует в системе белорусского образования, например, традиционная китайская медицина. Существование данных Соглашений позволяет выпускникам белорусских вузов подтверждать свой диплом в Китае.

Среди китайских студентов действует китайский студенческий союз. Его отделения имеются в Гомеле, Витебске, Бресте, Минске. Его основной задачей является осуществление коммуникации между посольством и студентами, между студентами и администрацией вузов, между китайскими студентами [3, л. 253].

Таким образом, из всех факторов, влияющих на адаптацию учебных мигрантов, русский язык является самым важным и определяющим, поэтому адаптация студентов из Китая занимает более длительный период по сравнению со студентами из стран СНГ. Большую роль в социокультурной адаптации китайских студентов играет союз китайских студентов, помощь преподавателей, международные отделы вузов. Как правило, на первом этапе они осуществляют помощь в регистрации, поиске жилья, ориентации в городском пространстве.

В некоторых вузах (Российско-Белорусский университет, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы) ведется целенаправленная работа по включению элементов социокультурной адаптации в учебный курс на отделениях довузовской подготовки. Но в целом в Беларуси отсутствует единая программа адаптации китайских студентов.

Проведенное исследование позволяет прийти к выводу о том, что для привлечения студентов из Китая необходимо и актуально не только повышение качества образования и престижа белорусского диплома, но и разработка мер по эффективной адаптации, создание дружественной атмосферы, «понятного» пространства и комфортных условий для проживания.

Для обеспечения эффективной адаптации целесообразно:

1. разработать дружественное и «понятное» пространство для студентов из Китая, создать проспекты-руководства, путеводители по университету, в университетском пространстве создать указатели на многоязыковой основе;
2. расширить сферы коммуникативного общения между студентами из Китая и остальными студентами путем проведения культурных мероприятий, в том числе мероприятий-презентаций (представление своих традиций и культуры);
3. улучшить быт и условия проживания в общежитиях белорусских вузов;
4. создать студенческие столовые с элементами китайской и др. кухни (данный вопрос необходимо проработать в сотрудничестве с посольством КНР);
5. создать возможности и условия для организации подработки студентов из Китая;
6. организовать систему грантов для наиболее способных студентов из Китая с перспективой возможного трудоустройства после окончания вуза в Беларуси.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иностранцы студенты вузов Беларуси // Информационно-аналитический ресурс о системе высшего образования [Электронный ресурс]. – 26 февраля 2009. – Режим доступа : <http://edubelarus.info/index.php?newsid=100>. – Дата доступа : 27.09.2011.
2. Государственная программа развития высшего образования: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 1 июля 2011 г., № 893 // Национальный правовой портал [Электронный ресурс]. – Минск, 2011. – Режим доступа :

<http://pravo.by/main.aspx?guid=3871&p0=V19003094&p2={NRPA}>. – Дата доступа : 23.06.2011.

3. Архив Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы НАНБ. – Фонд 6. – Оп. 14. – Д. 150. – Материалы полевых исследований Сакума С.Л. по теме этносоциальная адаптация вьетнамцев, китайцев, корейцев и японцев в Беларуси в 1980–2011 гг.

4. Трансграничные миграции и принимающее общество: механизмы и практики взаимной адаптации // Науч. ред. проф. В.И. Дятлов. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2009. – 396 с.

5. Адаптация иностранных студентов к обучению в Республике Беларусь / Государственное учреждение высшего образования «Белорусско-Российский университет», Международный отдел. – Могилев : Белорусско-Российский университет, 2011. – 48 с.

6. Педагогическая поддержка иностранных студентов на этапе предвузовской подготовки / Государственное учреждение высшего образования «Белорусско-Российский университет», Международный отдел. – Могилев : Белорусско-Российский университет, 2009. – 28 с.

7. Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Китайской Народной Республики о взаимном признании документов об образовании от 27 сентября 2007 г. [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011. – Режим доступа : <http://www.pravo.by>. – Дата доступа : 25.07.2011.

Шамякина С.В.

(Минск, Республика Беларусь)

КУЛЬТ ПРЕДКОВ В КИТАЙСКОЙ И СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРАХ

Проводится сопоставление мифологических представлений и обрядности, связанных с культом предков, в китайской и славянской культурах. Выводится типология проявлений данного типа верований, выделяются общие черты в культурах рассматриваемых народов.

Ключевые слова: *культ предков, китайская культура, славянская культура, мифология, обряд, род, семья, предок, душа, дух, иной мир.*

A comparison of mythological concepts and rituals associated with the cult of ancestors, in Chinese and Slavic cultures. Derived typology of manifestations of this type of belief, there are some common features in the cultures of the peoples under consideration.

Keywords: *ancestor worship, Chinese culture, Slavic culture, mythology, ritual, gender, family, ancestor, soul, spirit, another world.*

Кульτ предков – комплекс верований и обрядов, связанных с почитанием душ умерших родственников – является одной из важнейших составных частей как китайской, так и славянской духовной культуры. Данный тип мифологических представлений сформировался в глубокой древности, связан с такими архаическими верованиями как анимизм, тотемизм, магия, шаманизм. Кульτ предков прослеживается в культуре многих народов, но далеко не у всех он занимает центральное место в религиозной жизни. Даже если подобное наблюдалось ранее, то к настоящему времени многими нациями такие традиции почти утрачены. В то же время в китайской культуре именно кульτ предков является важнейшей частью мифологических верований и в современном Китае именно он, по сути, является главным проявлением религиозной жизни у большей части населения. У славянских народов подобные представления и обрядность явно сформировались ещё в дохристианскую эпоху. Несмотря на борьбу христианской церкви с языческими верованиями, кульτ предков сохранился в славянской культуре до наших дней. У многих славянских народов он продолжает играть большую роль в духовной культуре, значительная часть населения регулярно исполняет соответствующие обряды и ритуалы. Подобная стабильность в народном сознании и стойкая традиционность свидетельствуют о том, что и у славян кульτ предков также занимал одно из важнейших (если не самое важное) мест в мифологически-религиозной системе – и для многих людей продолжает занимать до сих пор.

Таким образом, и у китайцев, и у славян кульτ предков играет важную роль. Закономерно возникает вопрос: существуют ли в верованиях и обрядовой культуре этих народов общие черты, связанные с почитанием духов предков? При детальном рассмотрении оказывается, что таких общих черт множество – хотя, разумеется, есть и отличия. Эти явления можно объединить в несколько групп, которые мы и рассмотрим ниже.

1. *Представления о душе, духах и загробном существовании.* И в китайской, и в славянской культурах, предки – это умершие близкие родственники, которые при жизни отличались нравственным поведением и были похоронены в соответствии с правильными традициями и обрядами. При этих условиях умерший обретает достойное место и как бы новую жизнь в загробном мире и становится светлым духом, который доброжелательно настроен к своим живым родственникам и может им помогать. В китайской традиции такие духи назывались «шэнь», в славянской – «святые деды», «праведные душечки» и т.д. Именно таким духам воздавались почести. Если же человек при жизни совершил много серьёзных грехов и/или не был погребён должным образом – он может после смерти превратиться в злого духа и вредить живым. В Китае подобные духи обозначались словами «гуй» или «гуа по» («потерянная душа»). В славянской культуре неправедные или неправильно похороненные люди после смерти могли превратиться в ходячих мертвецов, упырей, вампиров и т.п. нечистую силу, которую известный этнограф Д. Зеленин определил общим термином «заложенные покойники» [1].

Одна из причин превращения умершего в злого духа – неуважение к нему и забвение о нём со стороны живых родственников. Если живые не помнят о мёртвых, те постепенно и сами утрачивают память о себе, теряют свою личность – и в

результате могут начать вредить даже собственной семье. Как отмечает китаевед А. Маслов: «Гуй – дух, который утратил свою индивидуальность, не имеет имени, и поэтому ему невозможно совершать поклонения. Это – воплощённое начало инь, вредоносное не столько по своим функциям, сколько по своей сути... Если родственники по каким-то причинам забудут или не смогут поклоняться своему предку, его дух обратится в гуй или гуа по – «одинокую душу» или «покинутую душу», которая теперь будет пугать людей» [2]. Такие представления особенно хорошо разработаны в Китае, но и у славян они тоже заметны. Соответственно, главная обязанность живых по отношению к умершим – это помнить о них и выказывать им почтение при помощи специальных обрядов и ритуалов.

При этом для общения с душами своих предков человеку не требуется посредничество «профессионалов» – шаманов, священников и т.д. И в китайской, и в славянской культурах ритуалы культа предков каждый человек может выполнять самостоятельно. И там, и там существует представление, что особое почтение нужно выказывать предкам до 3-4 поколения. Потомки должны помнить их имена, знать об их жизни и личностных качествах и т.д. Более далёкие предки переходят в разряд мифических первопредков. При этом в Китае в число таких первопредков людьми часто включаются не только реальные родственники, но и знаменитые люди древности (например, Конфуций, Лаоцзы и др.) или божества (бог домашнего очага Цайшэнь, бодхисатва Гуаньинь и др.). Первопредком всего китайского народа считается верховное божество, бог Неба Жёлтый император Хуанди. Российский исследователь М. Ермаков пишет об этом: «Почитание совершеннумудрых правителей-прародителей всегда было в Китае частью культа предков, но ближайшие десятилетия обещают стать свидетелями единоличного культа Жёлтого владыки» [3].

У древних славян, видимо, тоже существовало представление о божественном первопредке. Им был бог солнца Дажьбог, внуками которого в «Слове о полку Игореве» названы русские князья. Также есть гипотеза о том, что важнейшую роль в духовной жизни древних славян играло почитание бога Рода, который, в частности, являлся покровителем именно рода как всей протяжённости поколений определённой семьи. Следовательно, образ бога Рода непосредственно связан с культом предков. Во многих регионах Беларуси, России и у других славянских народов также сохранилось представление, что домовый является духом далёкого предка семьи, в доме которой он живёт. Такое понимание данного образа родственно, на наш взгляд, китайским представлениям о мифических первопредках. Также с ними соотносятся взгляды славян на давно умерших членов рода, чьи имена забыты, которые наделяются статусом мифических родоначальников семьи.

В Китае до настоящего времени распространены верования о многочленности души. После смерти тела душа человека распадается на несколько фрагментов, имеющих разную сущность и разную дальнейшую судьбу. Часть фрагментов души, называемая «душами по» и связанная с тёмным началом инь, остаётся рядом с телом умершего в месте захоронения. Этим обстоятельством объясняется традиция посещения могил живыми родственниками и обряд «кормления духов» на могилах. Другая часть души, называемая «души хунь» и являющаяся воплощением светлого начала ян, уходит в загробный мир (в небесный и в подземный). Именно эти души

в дальнейшем становятся добрыми духами предков-шэнь или даже бессмертными небесными небожителями, а также могут уйти на реинкарнацию. Третья часть душ остаётся в доме умершего и помещается в особой табличке с его именем, стоящей на Алтаре предков.

Существовали ли подобные представления о многочастной душе у славян в языческие времена? Точно это неизвестно, но мы считаем, что да. Во-первых, сохранились сведения касательно веры в загробный мир, куда попадают после смерти души умерших: подземный мир Навь и небесный Ирий. Но, с другой стороны, до наших времён дошла сходная с китайской традиция посещения могил и «кормления» душ предков. Подобный ритуал имеет явный сакральный смысл в первую очередь, как сказано выше, при наличии представлений о некоей части души, оставшейся в могиле.

Общим местом мифологий практически всех народов мира являются представления о наличии потусторонних миров, куда после смерти уходят души умерших. В развитых мифологиях таких миров обычно как минимум два – небесный и подземный. В славянской культуре, как уже было сказано выше, эти миры, по-видимому, назывались Ирий и Навь (эти слова сохранились во многих фольклорных текстах, письменных источниках, устойчивых выражениях в языке и т.д.). В китайской мифологии развитая модель мира, по мнению ряда исследователей, сформировалась под влиянием буддизма. Соответственно, и здесь также есть представления о небесном мире и подземной преисподней, называемой «Юду», «Диуй» и т.д.

Для буддизма также характерно наличие веры в реинкарнацию – переселение душ, обретение ими жизни в новом теле. Зачастую это тело животного или даже растение. Подобные верования широко распространены в Китае. Исследователь китайской мифологии В. Сидихменов отмечал: «Человек, оказывается, мог после смерти превратиться в растение или животное» [4, с. 92]. Однако, буддизм сформировался на основе древних индийских мифологически-религиозных воззрений, с которыми славянская мифология имеет генетические связи. И у славян описанные выше представления также встречаются очень часто, причём вера в них не ослабевает в народе до сих пор. Как пишет Е. Левкиевская: «У славян широко распространены поверья о воплощении душ предков в птиц, насекомых, животных... дерево, растение или камень» [5, с. 250].

2. *Культ предков и семья.* И в китайской, и в древней славянской культуре человек воспринимался как часть рода, семьи. Родственные отношения, включение в определённый род являлись определяющими факторами человеческой жизни, а также оказывали влияние на судьбу человеческой души после смерти.

В Китае под влиянием учения Конфуция и его последователей принцип «сыновней почтительности» приобрёл статус важнейшей социальной доктрины. В соответствии с ней, вся общественная иерархия строится на почитании родителей (в более широком смысле, младшими – старших). М. Ермаков отмечает по этому поводу: «...Культ предков приобретает всеобъемлющее социальное значение: добродетельный сын – от простолюдина до императора – посвящает свою жизнь служению родителям при их жизни и после смерти. Устойчивость такой вертикали является залогом должного устройства и социального порядка в государстве, объединяющем отдельные семьи в единую огромную семью» [3].

Относительно места культа предков в славянской культуре исследовательница Е. Левкиевская пишет: «Комплекс поверий и обрядов, связанных с почитанием предков, пронизывает все слои традиционной культуры... и занимает ключевое место в славянских мифологических представлениях... Мифологической основой почитания предков является представление о постоянной связи, существующей между живыми и умершими членами рода» [5, с. 249].

Не только живые люди являются членами семьи и должны чтить родственные связи. И по славянским, и по китайским верованиям, для души умершего человека также крайне важно оставаться членом рода и сохранять связь со своими родственниками – как живыми, так и другими умершими. Именно при этих условиях душа после смерти сохраняет свою личность и находит покой в ином мире. Память живых потомков обеспечивает для души сохранение её собственной памяти. Не случайно в самих названиях предков в славянской культуре («деды» и «бабы», «святые родители» и др.) подчёркивается их принадлежность к роду. В противном же случае душа утрачивает свою индивидуальность и теряет прижизненную сущность, превращаясь в нечистую силу. Самое страшное для души умершего в китайской традиции – утратить принадлежность к роду, связь с семьёй, в результате чего душа становится «сиротливой душой», вредоносным и печальным духом. Потому главная цель поминальных обрядов – обеспечение постоянной связи между живыми и умершими членами семьи, сохранение памяти о предках.

Если живые чтят усопших, те могут помогать своей семье. И у славян, и у китайцев существуют верования, что предки могут, к примеру, давать советы или предсказывать будущее, являясь родственникам во сне. Они могут излечивать болезни, дарить удачу в делах и т.п. Однако, и живые родственники также помогают умершим – в первую очередь, путём правильного исполнения погребальных обрядов, облегчают их путь на тот свет и обретение там новой жизни. Таким образом, связь между душами предков и живыми потомками двусторонняя, помощь обоюдная.

3. *Обрядность, связанная с культом предков.* Обряды и ритуалы культа предков явственно делятся на две части – погребальные и поминальные. Первые связаны непосредственно с похоронами только что умершего человека, вторые – с дальнейшим поминовением его души в течение многих лет. Общие черты в китайской и славянской культурах наблюдаются в обеих частях обрядности.

Так, главная цель погребальных обрядов и в Китае, и у славян – облегчение пути души умершего в загробный мир и обеспечение превращения его в «чистого» духа-предка, а не в ходячего мертвеца или одинокого духа-гуй. Обряды направлены как на помощь умершим, так и на защиту живых.

Например, для того, чтобы очистить умершего от грехов и земной «грязи» и в китайской, и в славянской культурах принято проводить омовение тела умершего. Чтобы защитить душу от нечистой силы и осветить ей дорогу в иной мир, на похоронах нужно зажигать много свечей, огня и т.п. В Китае это имеет дополнительный смысл: со светом связано позитивное начало ян, и цель ритуалов – сохранить это начало в душе умершего и, в то же время, удалить из неё тёмное начало инь.

Покойный, согласно мифологическим представлениям, отправляется на новую жизнь в ином мире. Поэтому его нужно обеспечить всем необходимым для

этой новой жизни. Тело умершего переодевают в специальную новую одежду, в гроб кладутся самые необходимые человеку вещи (например, ложка, расчёска и т.п.) или любимые вещи покойного.

Для облегчения перехода души в загробный мир, гроб следует располагать в определённом месте в доме. В китайской культуре это место рядом с алтарём предков в западной части дома (согласно китайской мифологии, на западе находится рай богини Сиванму или Будды Амитофу). В славянской традиционной культуре – красный угол, символически связанный с небесным миром.

Пища, которую готовят на поминки, предназначена не столько для живых, сколько для души умершего – она как будто бы сможет питаться нематериальным аналогом данной пищи. Это нужно для подкрепления сил души.

Душу также нужно защищать от посягательств злых духов. С этим связан, например, славянский обычай ночного бдения над телом усопшего. В Китае на тело или в гроб помещают специальные защитные амулеты, чаще всего сделанные из нефрита. У славян после христианизации тем же целям служит нательный крестик.

Однако и живым также нужна защита – в том числе и от души самого только что умершего родственника. И по китайским, и по славянским представлениям, душа первые дни после смерти находится рядом со своим телом и потому может негативно влиять на живых или даже утянуть кого-то из них за собой в мир мёртвых. Потому в Китае и для живых людей на похоронах также часто полагаются специальные охранные амулеты. У славян с такими верованиями связан, например, обычай завешивать зеркала в доме, где находится гроб с телом – считается, что, если этого не сделать, душу умершего может кто-то увидеть в зеркале, и она заберёт его с собой. Также и у китайцев, и у славян существует запрет на использование живыми всех предметов, связанных с погребальными ритуалами. Эти предметы или хоронятся вместе с телом, или сжигаются, или просто оставляются на кладбище. Смысл этого: защита живых от негативного влияния эманаций смерти.

Китайские и славянские поминальные обряды также имеют много общего. Во-первых, душа только что умершего человека проходит определённые стадии разрыва с земной жизнью и перехода в иной мир. Эти стадии принято отмечать поминальными обрядами. Такие верования существуют и у китайцев, и у славян, различаются только даты. По славянским представлениям, поминать душу следует на 3, 9, 40 день после смерти, полгода и год. В Китае эти даты кратны семи: 7 день, 14 и т.д. – на 49 день (7х7) душа целиком переходит в иной мир.

Во-вторых, в обеих культурах существуют специальные праздники поминовения усопших. В Китае главные из них – весенний праздник Цинмин (или «праздник уборки могил»), летний День всех душ, осенний Чуньюэ. У разных славянских народов праздники поминовения могут называться Радуница, Дзяды, Задушный день, родительская суббота и т.д. Такие праздники отмечаются несколько раз в году.

И в Китае, и у славян на эти праздники принято посещать могилы умерших. Могилы нужно привести в порядок и провести обряд «кормления душ предков». Для этого на кладбище приносится специальная ритуальная пища, которую люди либо съедают сами (а душа умершего питается её нематериальной частью), либо оставляют на могиле.

Поминальная трапеза может проводиться и дома. Так, у восточных славян на осенние Деды (Дмитриевская родительская суббота) в большинстве регионов принято символически приглашать души предков домой, а не навещать их на кладбище. При этом организуется стол с определённым набором блюд и считается, что души предков будут участвовать в трапезе незримо, вместе с живыми либо сядут за стол после них, ночью. Традиционные блюда на поминальном столе у славян – блины, коливо, кисель, мёд и другие.

В Китае важнейшей частью поминальной обрядности является домашний алтарь предков. По традиции он должен быть в каждом доме и располагаться на западе. На алтаре помещаются таблички с душами умерших предков, в которые, согласно поверьям, перемещается после смерти часть души человека. С помощью алтаря осуществляется контакт между живыми и мёртвыми членами рода. Именно с помощью алтаря также происходит домашнее «кормление духов предков», которое в некоторых районах Китая проводится не только по праздникам, но и вообще каждый день. Для обряда еду и напитки помещают на алтарь, при этом сервируя на нём стол согласно принятым традициям. Самые частые блюда: мясо, фрукты, сладости, рис, чай, вино. На алтаре также обязательно должны находиться свечи и благовония.

В славянской культуре также существуют представления об особой связи определённых частей дома с душами предков. Эти части всегда имеют символику порога, границы между чем-то и чем-то материальным – и соответственно границы между миром живых и миром мёртвых. Это углы дома (в первую очередь красный угол), печь (т.к. труба связывает дом с внешним миром и небом), подпол (как символический аналог подземного мира), порог и окна. Ритуальную еду для душ предков часто оставляли именно в этих местах. С данными частями дома также связан образ домового – он или живёт в них, или показывается людям. Или там нужно оставлять дары для него. Напомним, что образ домового также связан с представлениями о духах предков.

Культ предков в китайской и славянской культурах занимает важнейшее место и играет значительную роль в духовной жизни людей. При этом славянские и китайские мифологические представления, обряды и ритуалы, связанные с почитанием душ умерших родственников, имеют много общего. Вероятно, это объясняется архетипичностью мифологии, т.к. предположение о взаимном влиянии древней китайской и славянской культур представляется достаточно спорным. Совпадения наблюдаются как в представлениях о сущности души и её посмертном существовании, так и в верованиях об особой связи между членами семьи не только при жизни, но и после смерти, а также в обрядах и ритуалах, связанных с погребением усопших и поминовением их душ. В традиционной китайской и славянской культурах семья, род имеют первостепенное значение для человека – и подобные представления отразились в сходстве верований и обычаев.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Зеленин, Д.К.* Избранные труды. Очерки русской мифологии : умершие неестественною смертью и русалки / Д.К. Зеленин / вступ. ст. Н.И. Толстого ; подготовка текста, коммент., указат. Е.Е. Левкиевской. – М. : Издательство «Индрик», 1995. – 432 с. – (Традиционная духовная культура славян / Из истории изучения).
2. *Маслов, А.* Культ предков в китайской культуре [Электронный ресурс] / А. Маслов. – Режим доступа : http://www.maslov.msk.ru/land_of_dead.htm. – Дата доступа : 12.04.2012.
3. *Ермаков, М.* Культ предков в Китае : прошлое – настоящее – будущее [Электронный ресурс] / М. Ермаков // Китайский синдром. – Режим доступа : http://www.dvgu.ru/struct/institute/orient/HTML/hongmay/religion/kult_predkov.htm. – Дата доступа : 15.04.2012.
4. *Сидихменов, В.Я.* Китай : страницы прошлого / В.Я. Сидихменов. – Смоленск : Русич, 2000. – 464 с., илл. – (Популярная историческая библиотека).
5. *Левкиевская, Е.Е.* Предки / Е.Е. Левкиевская // Славянские древности: этнолингвистический словарь в 5-ти томах / под общей ред. Н.И. Толстого. – М. : Международные отношения, 2009. – Т. 4 : П (Переправа через воду) – С (Сито). – 656 с. – (Институт славяноведения РАН).

СОДЕРЖАНИЕ

КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	3
<i>Акушевич И.А., Семёнова С.М.</i> Интерактивность в процессе преподавания русского языка как иностранного	4
<i>Букатая А.М.</i> Китайское национальное самосознание в новое время и китайская литература зарубежья	7
<i>Ван Тао</i> Лексическая система выражения пристрастных отношений в русском и китайском языках (сопоставительный анализ в целях лингводидактики).....	16
<i>Вариченко Г.В.</i> Диалог китайской и белорусской культур в обучении русскому языку	23
<i>Гобова Е.В.</i> «Мирный подъем Китая» в китаеязычной прессе: эволюция образа	27
<i>Головня А.И., Ян Сяоянь</i> Гендерный стереотип концепта «женщина» в китайской наивной картине мира.....	30
<i>Игнатович Т.В., Ян Тяньлин</i> Филологический анализ текста на занятии РКИ.....	39
<i>Ли Чжицзе</i> Исследование методики обучения письму с использованием мультимедийных технологий студентов, изучающих китайский язык в Республике Беларусь.....	45
<i>Михайлова Е.В.</i> Музыкальная терминология в переводах произведений китайских поэтов на русский язык.....	49
<i>Молоткова Ю.В.</i> Комплекс упражнений для обучения китайскому иероглифическому письму студентов языкового вуза.....	55
<i>Надумович А.Н.</i> Соматическая лексика в русской и китайской фразеологии	64
<i>Филимонова М.С.</i> Когнитивно-коммуникативный подход к обучению студентов чтению на китайском языке на начальном этапе	67
<i>Чуешкова М.А.</i> Специфика китайской и русской национальных культур: понятие «лица»	77
ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА КНР: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ	86
<i>Байчоров А.М.</i> Противодействие Пекина политике Запада по сдерживанию КНР	87
<i>Бригадина О.В.</i> Институционализация русскоязычной диаспоры в северо-восточных провинциях Китая (1920-е годы).....	93
<i>Данилович М.В.</i> Китайско-казахстанское торгово-экономическое взаимодействие в 2001–2013 гг.	99
<i>Жарко С.Б.</i> Обзор источников о монгольском нашествии в Китай и на Русь в XIII в.	107
<i>Залесский Б.Л.</i> Всестороннее стратегическое партнерство: региональный аспект	113

<i>Лексютина Я.В.</i> Изменение внешнеполитического поведения Китая в начале XXI в.	123
<i>Литвиновский И.А.</i> СССР — Китай: завершение переговоров о нормализации отношений (1924 г.).....	129

ЭКОНОМИКА КНР В XXI ВЕКЕ И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ 137

<i>Давыденко Е.Л.</i> Экспорт Китая в сфере информационно-коммуникационных технологий.....	138
<i>Западнюк Е.А.</i> Государство в макроэкономическом регулировании экономики страны: опыт Китая	148
<i>Климович Л.А., Макарчик Д.С.</i> Государственная политика стимулирования высокотехнологичного производства Гонконга	155
<i>Лю Сюэсун</i> Проблемы экономической интеграции для Китая.....	163
<i>Нестерова А.А.</i> Особенности развития рынка труда в КНР	169
<i>Поплыко В.И.</i> Экспорт китайского капитала в страны ЕЭП.....	178
<i>Сорвилов Б.В.</i> Технологический вектор развития народного хозяйства и его роль в экономической и политической интеграции Китая.....	186

КИТАЙСКАЯ КУЛЬТУРА: НАЦИОНАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ 192

<i>Кухто Л.К.</i> Морально-этические принципы и семейный этикет в китайской культуре	193
<i>Ли Эрюн</i> Вокальная традиция «народных песен»: исполнительские техники и жанровая специфика в Китае	197
<i>Ли Эрюн, Чэнь Хун</i> Историческое развитие вокальной педагогики в Китае	201
<i>Сялицкі А.Л.</i> Духоўны змест традыцыйнага мастацкага пейзажу Кітая.....	204
<i>吴雅玲 (У Ялин)</i> “西北风”歌曲的衬腔特点 (Особенности мелодики композиции «Северо-западный ветер»).....	209
<i>Шамякина Т.И.</i> Метафизическая составляющая в культуре Древнего Китая	214
<i>Шульга Д.П.</i> Искусство кочевников Северного Китая раннего железного века в контексте основных черт скифо-сибирского звериного стиля.....	219

ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ КИТАЕВЕДЕНИЯ 226

<i>Баранова А.С.</i> Китайские философы о культуре постижения радостей жизни	227
<i>Воробьева С.В.</i> Специфика когнитивного стиля мышления в Китае.....	236
<i>Ермолич С.Я.</i> Школа Конфуция: социально-педагогический аспект	245
<i>Шубаро О.В.</i> Учение о ‘душе’ в Древнем Китае: опыт теоретической реконструкции	254

СТРАНОВЕДЕНИЕ КИТАЯ – ПУТЬ К ПОЗНАНИЮ И ВЗАИМОПОНИМАНИЮ	265
<i>Eisenstadt A.L. (Айзенштадт А.Л.) Sociocultural bases of the Chinese mentality (Проблемы идентичности Китая: история и современность)</i>	266
<i>Вальковский М.А. Оценочность в белорусских медиа</i>	273
<i>Воронович И.Н. Образование в Китае как пространство самоактуализации личности</i>	279
<i>Лохманенко П.Л. О роли масс-медиа в коммуникации белорусских и китайских городов в формате партнерства</i>	285
<i>Лю Игун О необходимости изменений в правовом статусе Всекитайского Собрания Народных Представителей</i>	291
<i>Лю Игун От верховенства морали к верховенству права: опыт Китая в становлении принципа верховенства права</i>	296
<i>Лю Игун Механизм альтернативного разрешения гражданских споров в КНР</i> ...	301
<i>Капляк С.Г. Гуманитарно-управленческие технологии Древнего Китая в информационном обществе (на примере трактата «Тайгун лю тао»)</i>	307
<i>Фей Яньин, Цао Гуанью О ценности смертной казни</i>	311
<i>Фей Яньин, Ли Цзя О значении соглашения об имуществе и нотариального удостоверения для предотвращения имущественных споров между супругами.</i>	317
БЕЛАРУСЬ – КИТАЙ: ТОЧКИ СОПРИКОСНОВЕНИЯ	324
<i>Валейтёнок В.В., Мацевич М.Я. Проблема «стиля» в контексте Восточной и Западной культур</i>	325
<i>Гурко А. Викт. О закономерностях распространения в Беларуси китайских психофизических и духовных практик в 1980-х –2014 гг.</i>	334
<i>Гурко А. Вл. К вопросу о восприятии элементов китайского Нового года в современном белорусском обществе</i>	342
<i>Казакова І.В. Беларускія і кітайскія прыкметы і павер’і</i>	352
<i>Коваль В.И. Черная кошка конфуция в современном культурно-языковом пространстве</i>	359
<i>Прокофьева Ю.С. Закономерности распространения в Республике Беларусь китайского декоративно-прикладного искусства и художественных промыслов в 1980 – 2014 гг.</i>	364
<i>Сакума С.Л. Адаптация учебных мигрантов из Китая в Беларуси</i>	371
<i>Шамякина С.В. Культ предков в китайской и славянской культурах</i>	378
СОДЕРЖАНИЕ	386

Научное издание

ПУТИ ПОДНЕБЕСНОЙ

Сборник научных трудов
Выпуск V
В двух частях
Часть 1

В авторской редакции

Компьютерная верстка *Т.А. Фомичева*
Дизайн обложки *А.А. Мультиан*

Подписано в печать 05.11.2015. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Ризография.
Усл. печ. л. 9,99. Уч.-изд. л. 7,51. Тираж 100 экз. Заказ 27.

Издатель и полиграфическое исполнение
государственное учреждение образования
«Республиканский институт высшей школы».
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изделий
№ 1/174 от 12.02.2014.

ул. Московская, 15, 220007, г. Минск